БОИ У ХАЛХИН-ГОЛА

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ
КРАСНОЙ АРМИИ

БОИ у ХАЛХИН-ГОЛА

ВОЕНИЗДАТ 1940

Для служебного пользования. Экз. № 8399

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ
КРАСНОЙ АРМИИ

БОИ у ХАЛХИН-ГОЛА

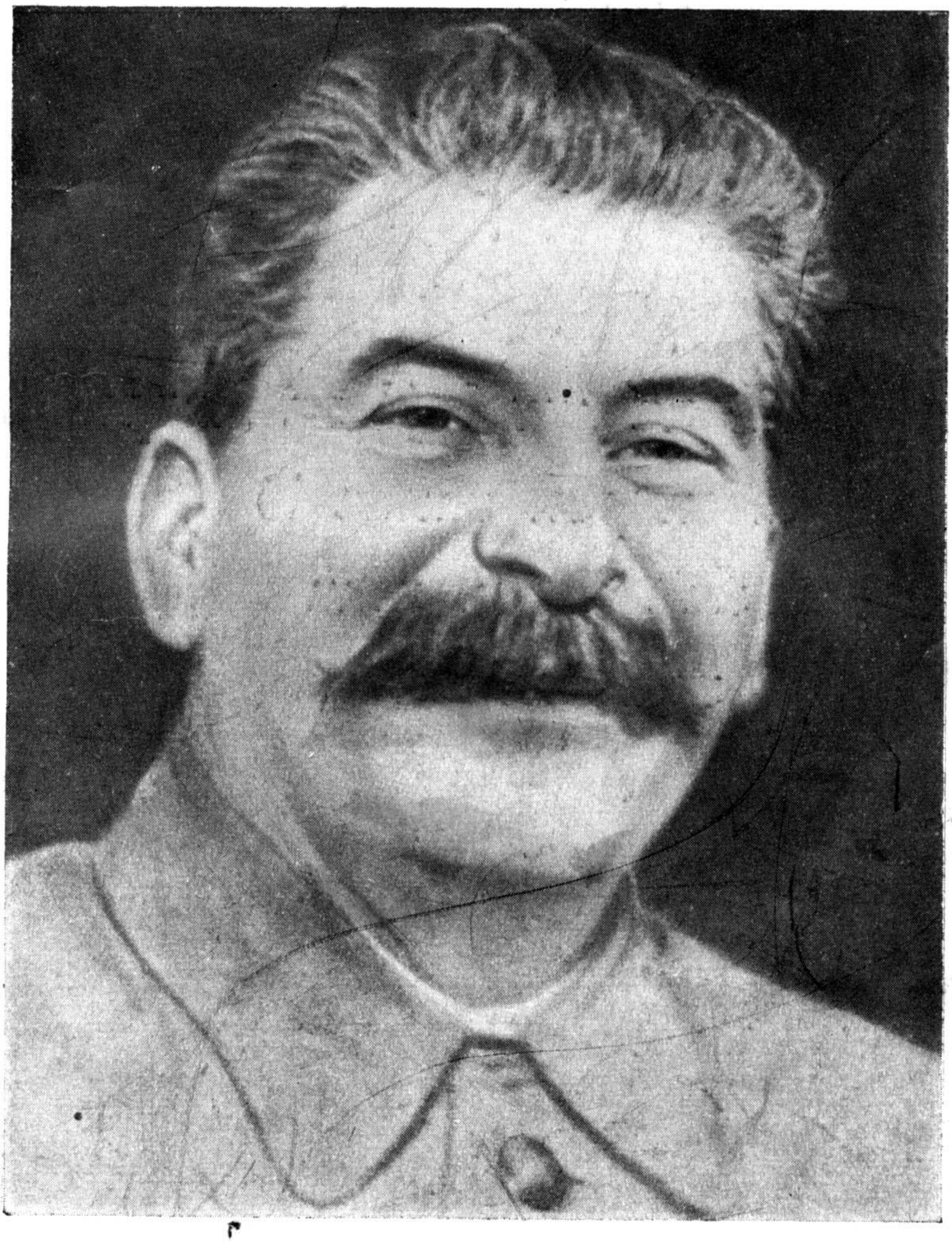
ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
РАБОТА
В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ

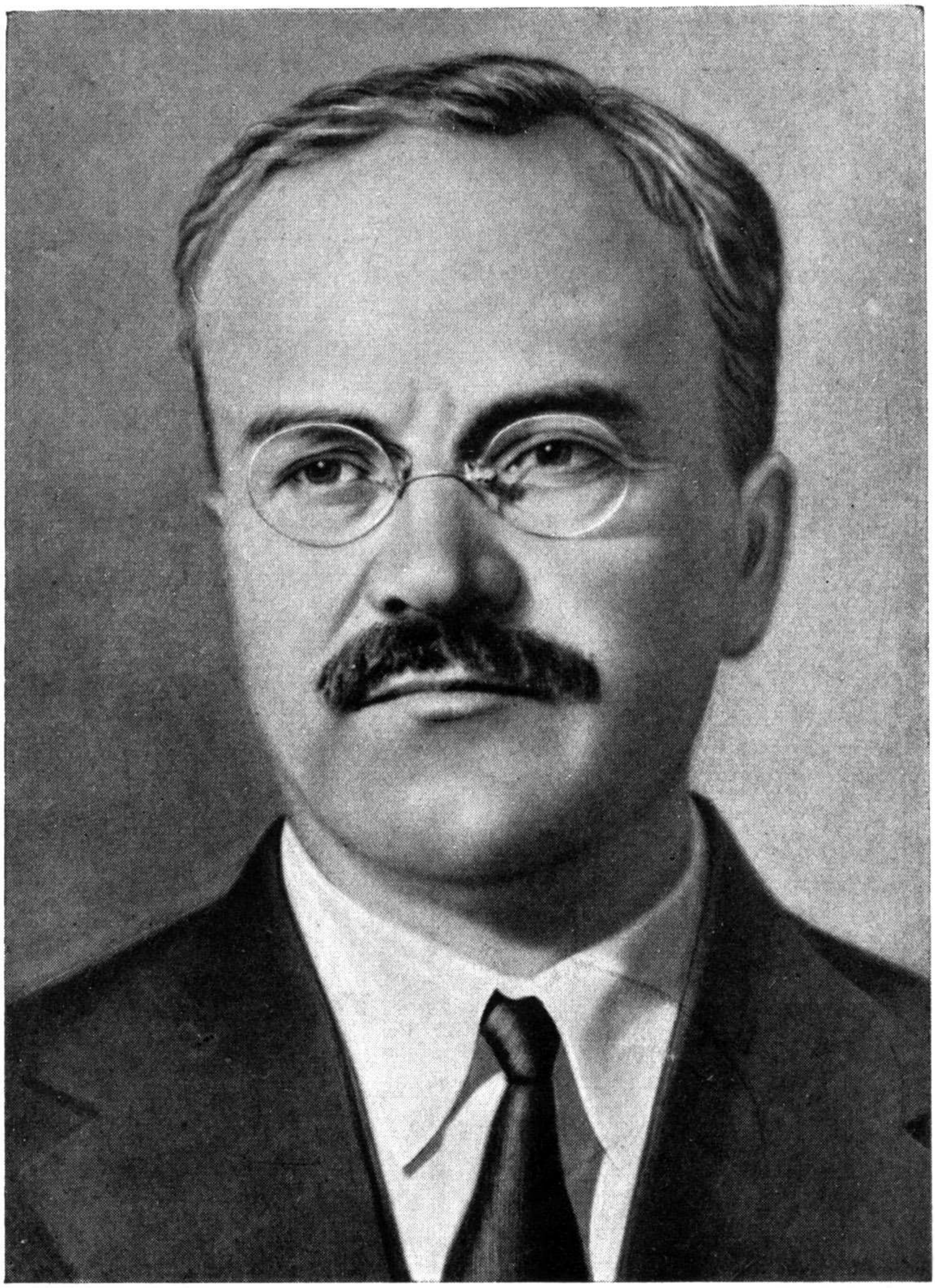
1922
Инв. №

КНИГА НАПИСАНА
УЧАСТНИКАМИ
БОЕВ

Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны Союза ССР
Москва · 1940

„Вперед, за Родину, за Сталина!“
С этим лозунгом
шли мы в бой
и побеждали



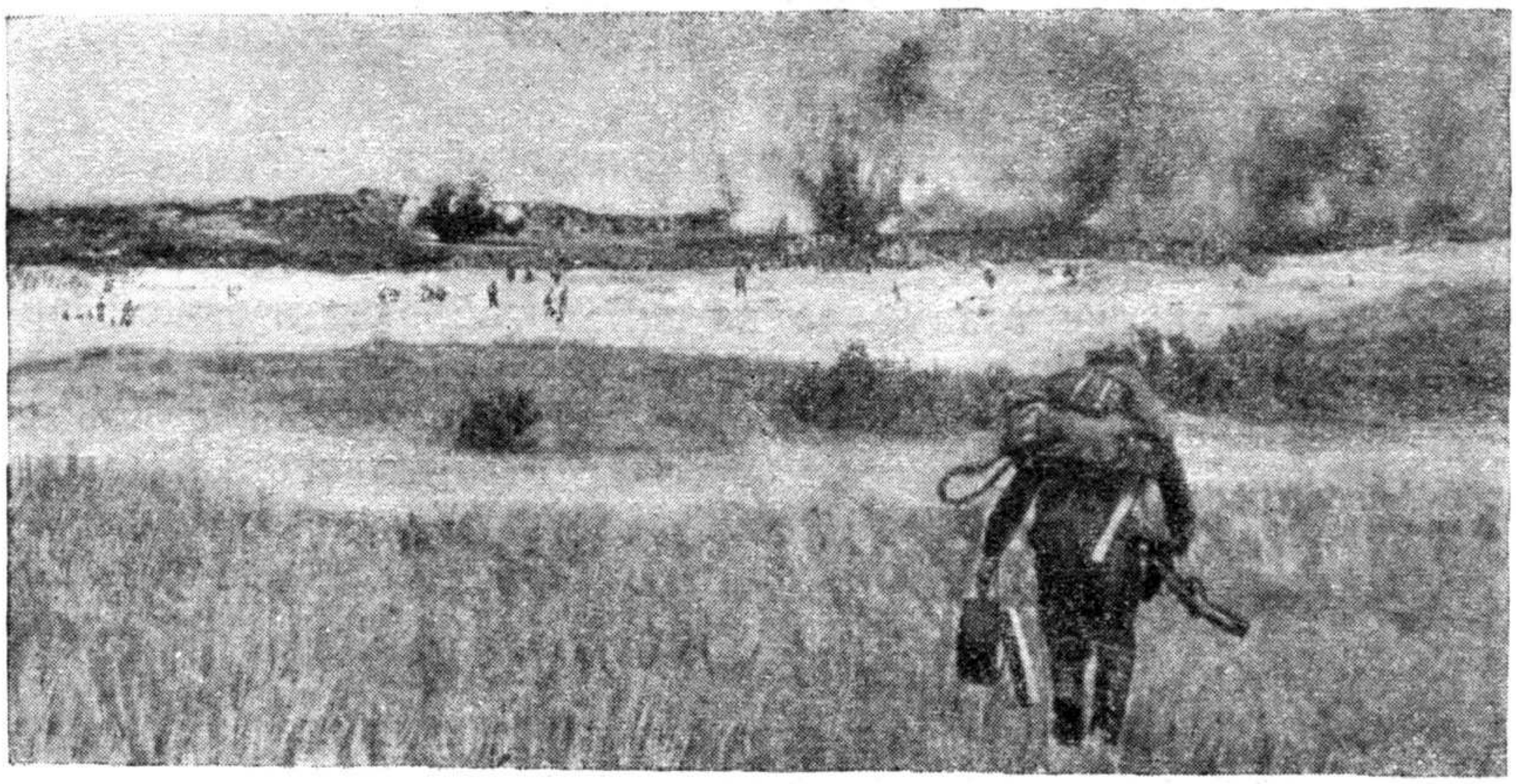


ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Бои у Халхин-Гола» создавалась по заданию Главного управления Политической пропаганды Красной Армии. Ее писали красноармейцы, командиры, политработники, писатели и журналисты — непосредственные участники боевых действий. Многие статьи были написаны в разгар боев.

Книга не ставит перед собой задачи обобщить опыт военных операций. Она показывает лишь опыт партийно-политической работы в боях, рассказывает о мужестве и героизме воинов Красной Армии.

Материал для книги собрал и отредактировал бригадный комиссар Д. Ортенберг. В литературной обработке принимали участие писатели и журналисты: В. Ставский, Л. Славин, Б. Лапин, З. Хацревин, В. Вишневский, В. Шкловский, Е. Петров, А. Эрлих, М. Розенфельд, З. Хирен, М. Вистинецкий, А. Шуэр и Ф. Матросов. Снимки выполнены фотокорреспондентами М. Бернштейном и В. Теминым.



★

Герой Советского Союза генерал армии Г. ЖУКОВ

ЧТО ПРОИЗОШЛО У РЕКИ ХАЛХИН-ГОЛ

С мая по сентябрь 1939 года, в продолжение четырех месяцев, в районе реки Халхин-Гол происходили ожесточенные бои между советско-монгольскими войсками и войсками японо-манчжур. Война закончилась блестящей победой советского оружия. Красная Армия отстояла честь и достоинство социалистического государства, защитила безопасность границ нашей Родины на Востоке.

На песчаных барханах восточнее Халхин-Гола были полностью уничтожены две отборные японские дивизии, считавшиеся лучшими дивизиями императорской армии. Враг был изгнан с территории дружественной нам Монгольской Народной Республики, он получил сокрушительный удар. Никогда за всю свою историю японская армия, непобедимостью которой так кичились ее хвастливые генералы, не знала такого поражения, как на Халхин-Голе.

Советские войска вернулись с поля боя победителями. Маршал Советского Союза товарищ Ворошилов в своем приказе от 7 ноября 1939 года сказал:

«Подлинной славой покрыли себя бойцы и командиры — участники боев в районе реки Халхин-Гол. За доблесть и геройство, за блестящее выполнение боевых приказов, войска, участвовавшие в боях в районе реки Халхин-Гол, заслужили всенародную, великую благодарность».

Бои у Халхин-Гола не явились плодом какого-либо пограничного недоразумения. Причины японской провокации были совершенно ясны.

Что нужно было японцам на монгольской земле?

Об этом представители японской военной клики писали откровенно. В секретном докладе начальника японской особой миссии в Бейпине Мацумура на имя штаба квантунской армии мы читаем:

«Основываясь на точке зрения империи и ее большой континентальной политике, после захвата Манчжурии необходимо продолжать захват Монголии. Монголия является важным военным плацдармом, и в отношении Монголии наша империя прилагает все усилия к тому, чтобы последовательно ее захватить».

Генерал Араки высказывался еще более откровенно:

«Япония,— писал он,— не желает допустить существование такой двусмысленной территории, какой является Монголия, непосредственно граничащая со сферами влияния Японии — Манчжурией и Китаем. Монголия должна быть, во всяком случае, территорией, принадлежащей нам».

Один из прожженных японских империалистов Хадеказе доказывал:

«По единодушному мнению военных экспертов, наступление Японии на СССР через Внешнюю Монголию будет успешней, чем через Манчжурию».

Японская военщина зарилась на Монгольскую Народную Республику, чтобы, захватив ее, подойти к нашим забайкальским границам и угрожать советской земле от Байкала до Владивостока, а в случае войны с СССР перерезать Великий Сибирский путь.

Японцы задолго до военных действий готовили свою авантюру. Не случайно они выбрали район реки Халхин-Гол.

Они стремились создать такой театр войны, который поставил бы наши войска в исключительно тяжелое положение. Наша ближайшая железнодорожная станция была отдалена от Халхин-Гола на 750 километров (кругооборот 1 500 километров). Это действительно создавало огромные трудности в подвозе огнеприпасов, горючего, вооружения, снаряжения и средств питания. Даже дрова и те надо было доставлять не ближе, чем за 500 километров.

Восточный район Монгольской Народной Республики — степной район, с большим количеством солончаков и соленых озер. Пресную воду здесь достать очень трудно. Местность абсолютно безлесная и малонаселенная.

Река Халхин-Гол — сложная водная преграда, особенно в районе боевых действий. Ширина ее от 50 до 130 метров, глубина — до двух, а местами и до трех метров. Бродов мало,

течение реки очень быстрое. Дно — галечное. Долина реки — широкая и во многих местах заболочена. Спуски к долине от горы Хамар-Даба до горы Баин-Цаган очень крутые, а местами совершенно недоступны для машин. Восточная долина Халхин-Гола хорошо просматривается с высот как правого, так и левого берега. В 2—3 километрах восточнее Халхин-Гола тянется гряда тактически очень выгодных высот. Здесь много песчаных высот и котловин, затруднявших применение танков, броневиков и автомашин.

Наш фронт разрезала речка Хайластин-Гол — приток реки Халхин-Гол. Ее долина идет перпендикулярно фронту, изгибы и неровности этой долины использовались японцами как укрытие для своих войск и, особенно, для расположения тылов. Река Халхин-Гол и прилегающие к ней высоты являлись крайне выгодными тактическими рубежами, а обладание рядом командных высот давало японцам возможность создать здесь сильный оборонительный рубеж. По плану японского генштаба, через район Номун-Хан-Бурд-Обо должна была быть проложена железная дорога Халунь — Аршан — Ганьчжур, обеспечивающая питание войск, действующих против Монгольской Народной Республики и Забайкалья.

Японцы, выбирая эти места для своей провокации, безусловно рассчитывали на то, что Красная Армия будет оторвана от своих тылов и не сумеет развернуть здесь своей могучей техники.

По всем данным японские разведчики провели тщательную рекогносцировку и даже издали неплохие топографические карты района реки Халхин-Гол. По этим картам японцы предварительно провели несколько больших и малых военных игр, тщательно прорепетировали на картах захват данной местности и на всякий случай ее оборону.

Японцы, будучи крепко побиты у озера Хасан, видимо, надеялись в более благоприятной для себя обстановке свести счеты с Красной Армией.

Провокационные налеты в этом районе японо-манчжуры предприняли с начала 1939 года. В январе они неоднократно обстреливали дозоры 7-й пограничной заставы Монгольской Народной Республики. В феврале японцы группами до взвода несколько раз переходили границу, проникая в глубь монгольской территории. В начале мая противник стал действовать более вызывающе. Нападения на пограничные наряды производились силами до эскадрона. Одновременно японцы начали производить групповые полеты над территорией Монгольской Народной Республики с целью разведки. 11 мая японская авиация штурмовала пограничную заставу № 7 в районе горы Хамар-Даба, расположенную в 20 километрах от государственной границы. 14 мая японский отряд в составе эскадрона кон-

ницы, полуроты пехоты, при содействии группы самолетов, нарушил границу и занял безымянную высоту в 3 километрах северо-восточнее устья Хайластин-Гола. Одновременно был занят баргутским кавалерийским полком район Номун-Хан-Бурд-Обо.

Выполняя договор Советского правительства с Монгольской Народной Республикой о взаимной помощи и указания главы правительства товарища Молотова о том, что Советский Союз будет защищать монгольские границы так же, как и свои собственные, командование отдало приказ о переброске частей Красной Армии в район реки Халхин-Гол.

Японская же военщина не унималась, она продолжала свои провокации, а затем перешла и к более широким действиям.

21 мая командующий 23-й японской пехотной дивизией генерал Камацубара отдал приказ:

«1. Положение противника (идет ссылка на карту).

2. Дивизия должна уничтожить войска Внешней Монголии в районе Номанхана (т. е. Халхин-Гола).

3. Командир 64-го пехотного полка объединяет и командует всеми отрядами, образуя сводный отряд Ягамата.

Этот сводный отряд немедленно на автотранспорте перебрасывается в район Номанхана для выполнения задач по уничтожению войск Внешней Монголии.

...Я нахожусь в Хайларе.

Командир 23 дивизии
генерал-лейтенант Камацубара».

К исходу дня 27 мая в район Номун-Хан-Бурд-Обо японцы подтянули часть 64-го пехотного полка, разведывательный отряд дивизии, моторизованную роту капитана Ковано, 8-й баргутский кавалерийский полк и часть 1-го и 7-го кавалерийских полков. Всего японцы стянули сюда свыше 1 500 штыков, 1 000 сабель, до 75 станковых и ручных пулеметов, 12 орудий, 6—8 бронемашин и до 40 боевых самолетов.

И вот, в 5 часов утра 28 мая японцы перешли в наступление. Японская авиация начала бомбить нашу оборону, переправу и тыл. Особую активность противник развивал на левом фланге, где разведывательным отрядом подполковника Адзумо и моторизованным отрядом капитана Ковано пытался отрезать наши части от реки Халхин-Гол, окружить и уничтожить их.

Обстановка для наших частей была тяжелой. Японцам удалось уже глубоко охватить слева нашу оборону. Создалась угроза переправе. Людских сил и техники у нас тогда было в несколько раз меньше, чем у японцев. Кровопролитные бои продолжались два дня. Японцы проявляли исключительную активность.

Наши бойцы, командиры и политработники геройски сдерживали напор японских частей и неоднократно переходили в контратаку. С именем Сталина на устах шли они в бой, отважно сражаясь с японскими захватчиками.

Пехоты было у нас очень мало, пришлось бросить в бой саперную роту 11-й танковой бригады. Саперы сражались с изумительным упорством и храбростью. По пять-шесть раз ходили они в контратаки. Так же геройски дрался бронедивизион монгольской кавдивизии, до шести раз ходивший в атаку.

В этих боях японцам не удалось достигнуть успехов. Отряды подполковника Адзумо и капитана Ковано были почти полностью уничтожены нашим артиллерийским и пулеметным огнем. Японцы потеряли более 400 человек убитыми. Оставив на поле боя убитых, раненых и много вооружения, японские войска отступили на свою территорию в район Деп-Ден-Сумэ.

В июне наряду со столкновениями наземных войск имели место воздушные бои. 22 июня 95 советских самолетов вступили в бой со 120 японскими самолетами. В результате был сбит 31 японский самолет. 24 июня наши героические летчики сбили 25 неприятельских самолетов, потеряв лишь два истребителя. 26 июня около 60 японских истребителей появились у озера Буир-Нур. В районе Монголрыба завязался воздушный бой, в котором приняли участие 50 советских самолетов. Бой продолжался около двух часов, носил упорный характер и окончился разгромом японской авиации, которая покинула поле боя, преследуемая нашими истребителями до района Ганьчжур. В этом бою было уничтожено 25 японских самолетов. Мы потеряли три самолета.

Воздушные бои не прекращались. Каждый день наши летчики наносили все более сокрушительные удары японской авиации. Не прекращались также и столкновения пехотных частей.

Японцы готовились к новому наступлению. Они стали подтягивать в район событий крупные соединения. Новое наступление они назначили на 3 июля.

К исходу дня 30 июня в районе Джин-Джин-Сумэ и озера Яньху вышла в полном составе усиленная артиллерией за счет других частей квантунской армии 23-я пехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта Камацубара, 26-й пехотный полк и часть 28-го пехотного полка 7-й пехотной дивизии, 3-й и 4-й танковые полки, хинганская дивизия и части баргутской конницы. Кроме того, сюда были подтянуты 1-й отдельный артиллерийский полк, 7-й тяжелый артиллерийский полк, мелкокалиберная скорострельная и горная артиллерия, до двух дивизионов зенитной артиллерии. Здесь же японцы сосредоточили не в малом количестве авиацию. Самолеты со-

бирались со всех концов, часть их прибыла с китайского фронта, часть из Японии, и, кроме того, в операциях приняли участие почти все самолеты квантунской армии.

Всего японцы к началу этих боев собрали 20 000 штыков, 4 700 сабель, 170 полевых орудий, 98 противотанковых орудий, 136 танков и броневых машин, 164 станковых пулемета и более 250 самолетов.

План наступления японцев состоял в том, чтобы сковать наши части с фронта, обойти левый фланг нашей обороны, скрытно переправиться с главными силами через реку Халхин-Гол и, овладев господствующей высотой Баин-Цаган, ударить в тыл наших обороняющихся частей, чтобы отрезать и уничтожить их.

Генерал Камацубара в своем приказе от 30 июня, захваченном впоследствии нами, так и писал: «Дивизии главными силами переправиться через реку Халхин-Гол, захватить войска противника и уничтожить их». Камацубара был настолько уверен в своей победе, что хвастливо уведомил в этом же приказе, что движется с основными силами на гору Баин-Цаган, где будет находиться после ее взятия.

Несколько слов о горе Баин-Цаган, где нашими войсками было учинено японцам историческое побоище.

Гора Баин-Цаган расположена в изгибе по левому берегу и охватывается с востока и севера рекой Халхин-Гол. Восточные и северные скаты этой высоты крутые, с обрывами. Западные и южные скаты скрадываются ровной горной степью. Здесь Баин-Цаган не выделяется как гора, а сливается с окружающей ее местностью. С горы Баин-Цаган открывается прекрасный обзор во все стороны на 20—25 километров, и только на запад обзор ограничен до 3—4 километров.

Наши части, сделав необходимые выводы из майских боев, организовали прочную оборону по важнейшему рубежу в 5—6 километрах восточнее реки Халхин-Гол. Правый фланг обороны наших войск проходил через тряду песчаных высот и своим охранением упирался в реку Халхин-Гол. Левый фланг проходил по высоте Ремизова, пересекая северные скаты ее, и тянулся до реки Халхин-Гол, что в 3—4 километрах южнее горы Баин-Цаган. Гора Баин-Цаган и близлежащий район Развалин прикрывались подразделениями монгольской кавалерийской дивизии.

В 100—120 километрах от района действий после длительных переходов приводили себя в порядок мото-мехчасти, в том числе 11-я танковая бригада, которой командовал комбриг Яковлев, и 24-й мотострелковый полк полковника Федюнинского.

Этих сил было далеко не достаточно для разгрома врага. Командованием было принято решение — до конца сосредото-

Общий вид реки Халхин-Гол

чения всех войск, намеченных по плану, советско-монгольскими частями вести активную оборону, подготовив на случай наступления противника сильный контрудар из глубины.

Активные действия японской авиации в период 22—27 июня насторожили нас. По всем данным было видно, что японцы думают в ближайшее время повторить майское наступление, но в значительно более крупном масштабе. В целях предосторожности ударная группа наших войск в ночь с 1 на 2 июля была переброшена в район озер, что 25—30 километров западнее горы Хамар-Даба.

Между 5 и 8 часами вечера 2 июля японские части, при поддержке 40—50 танков, просочившись между подразделениями, прикрывавшими границы Монгольской Народной Республики, пытались окружить их. Встретив упорное сопротивление и потеряв до десяти танков, подбитых нашей артиллерией, японские части замедлили свои действия.

Всю ночь со 2 на 3 июля японцы вели активную разведку переднего края и системы укреплений. Одновременно шумом танков, пулеметным и артиллерийским огнем они пытались замаскировать шум от передвижения своей главной группировки, торопившейся за ночь переправиться через реку и обосноваться на горе Баин-Цаган, чтобы с рассвета начать наступление в тыл нашей обороны.

В 2 часа 3 июля части нашей ударной группы были подняты по тревоге и получили задачу выступить к реке Халхин-Гол, сосредоточиться к 10 часам 3 июля в районе горы Баин-Цаган и быть готовыми нанести врагу контрудар. Ориентировочно направление указывалось через гору Баин-Цаган во фланг и тыл группировке японцев. В 7 часов 3 июля нам было ясно, что противник, ведя наступление при поддержке 80—100 танков с фронта, переправил главные силы через реку и сосредоточивает свою группировку на горе Баин-Цаган.

Малочисленные монгольские кавалерийские части были оттеснены японцами. В 10 часов к району Баин-Цаган начали подходить головные части ударной группировки наших войск. Первой к району Баин-Цаган подошла 11-я танковая бригада, за нею подходил 24-й мотострелковый полк.

Положение было напряженное. Нашим частям, находившимся восточнее реки Халхин-Гол, угрожала реальная опасность быть отрезанными от своих войск. Поэтому командование приняло решение немедленно атаковать японскую группировку, развернув с хода всю танковую бригаду и мотострелковый полк. Ожидать полного сосредоточения ударной группы было рискованно.

Наша идея и наш план боя были просты: танковой бригаде ударом с севера, 24-му полку ударом с северо-запада и с запада, бронебригаде Лесового (она подходила несколько позже других) ударом с юга — окружить и уничтожить главную группировку противника, переправлявшегося на западный берег реки Халхин-Гол.

Перед атакой был дан короткий шквал артиллерийского огня. Развернувшаяся танковая бригада с ревом полутора сотен моторов стремительно ринулась на японцев. Танки были встречены сильным артиллерийским и противотанковым огнем.

Но никакая сила не могла остановить наших бесстрашных танкистов, с именем великого Сталина ринувшихся в атаку. При поддержке артиллерийского огня они прорвали противотанковую оборону и, ворвавшись в центр главной вражеской группировки, давили гусеницами, беспощадно косили огнем врага, пытавшегося остановить победоносное движение танковой бригады. Развернувшаяся с юга бронебригада крепко ударила по тылам японцев. Стрелки и пулеметчики 24-го полка своим героизмом не уступали танкистам.

Контрудар, нанесенный нами, явился полной неожиданностью для противника. Враг вынужден был перейти от наступления к обороне. Инициатива перешла в наши руки. Теперь наши части пошли в наступление на разгром врага, занявшего гору Баин-Цаган.

Целый день 3 июля шли бои. В 19 часов командование наших войск организовало одновременную атаку, охватив противника с трех сторон. Атака продолжалась и ночью. 4 июля с самого утра японцы пытались перейти в контратаку, стремясь переправить через реку новые силы. Японские самолеты налетали большими группами, считая, что бомбежкой им удастся парализовать действия советских войск. Но советские летчики достойно встретили вражескую авиацию.

Вечером была организована третья общая атака. Бои не прекращались всю ночь, и только 5 июля к 3 часам утра сопротивление японцев было окончательно сломлено, и они толпами,

преследуемые нашими танками и артиллерийским огнем, обратились в бегство. В панике бежали они к переправе, от страха кидались в воду, многие тонули. В перепуге японцы взорвали свой понтонный мост, бросив на произвол судьбы много солдат, оружия и имущества. Остатки вражеских полчищ были уничтожены в рукопашной схватке.

Трупы японцев, убитые лошади, японские машины, оружие устилали гору Баин-Цаган. Японская военщина искала здесь славы, но нашла смерть.

Японцы потеряли в этих боях тысячи солдат и офицеров. Огромное количество снаряжения, боевого имущества досталось советским войскам. Наши летчики сбили 45 японских самолетов.

А генерал Камацубара, который в своем первом приказе обещал следовать вместе со своими войсками и быть на горе Баин-Цаган, теперь оказался в противоположном районе — у озера Иринган. Отсюда он отдал приказ за № 116, в котором предлагал: «Одной машине (самолету) быть в постоянной готовности в районе озера Иринган».

Баин-цаганская операция закончилась разгромом главной группировки японцев. Эта битва является образцовой операцией активной обороны наших войск и впоследствии справедливо была названа Баин-цаганским побоищем. После Баин-Цагана японцы не решались больше переправляться через реку Халхин-Гол.

В течение июля они напрягали все силы, стремясь сбить нашу оборону с выгодных позиций и отбросить наши войска на западный берег реки Халхин-Гол. В ночь на 7 июля японцы провели ряд внезапных ночных атак; особенно они были яростны в районе высоты Ремизова. Ночные атаки повторялись до 11 июля включительно. Существенных успехов противнику не удалось добиться.

Днем усиленно действовала японская авиация. Ежедневно по 8—10 раз японцы бомбардировали переправы, огневые позиции и командные пункты. С 11 по 13 июля японцы провели наступление всеми своими силами, атакуя главным образом войска, расположенные на высоте Ремизова, и захватили ее.

Наши части героически отражали попытки японцев овладеть оборонительным рубежом. В этот период из числа наших прекрасных бойцов и командиров выросли, закалились и прославили себя воспитанники партии Ленина — Сталина, герои, замечательные командиры Яковлев, Ремизов, Федюнинский, Зайюльев, Ермаков, Абрамов, Михайлов, Анохин, Пономарев и другие.

С 13 по 23 июля в действиях войск наступило некоторое затишье. Японцы усиленно готовились к новому наступ-

Инв. № 19 2

Условные обозначения

Государственная граница

Масштаб

4 0 4 8км

Развалины

Халхин-Гол

выс. Палец

г. Баин-Цаган

Номун-Хан-Бурд-Обо

выс. Ремизова

Хайластин-Гол

Сопка Песчаная

Большие пески

выс. Зеленая

Хулат-Улийн-Обо

г. Хамар-Даба

Халхин-Гол

Эрис-Улийн-Обо

Зак. 873/3а

Схема района боев у р. Халхин-Гол

лению, которое было назначено на 23 июля. Об этом наступлении нам заранее было известно, и мы готовились во всеоружии встретить провокаторов.

С самого раннего утра 23 июля японцы открыли сильный артиллерийский огонь, взяв под обстрел главным образом наши артиллерийские позиции и передний край обороны. В 9 часов японцы на южном участке перешли в атаку, пытаясь сбить наши части в районе Песчаные сопки и прорваться к переправам. На северном участке до 10 часов продолжалась огневая подготовка японцев. Отсутствие одновременной атаки на всем фронте дало возможность нашему командованию сосредоточить на южном участке всю мощь артиллерийского огня. Атака противника была здесь отбита. В 10 ч. 30 м. японцы начали атаку на левом фланге. К этому времени наша артиллерия освободилась на правом фланге и перенесла весь свой огонь по атакующим боевым порядкам пехоты противника.

С тыла все время шли для подкрепления эшелоны машин с японской пехотой, но наши летчики встречали их за 20—30 километров от передовой линии, штурмовали их, не давая противнику возможности развернуть все свои силы для наступления. Японцы несколько раз пытались то на южном, то на северном фланге атаковать наши войска, но каждый раз терпели поражение.

25 июля, в 6 часов, японцы прекратили свое наступление. Неся большие потери от своих бесплодных атак, враг приступил к подготовке упорной обороны в районе высот Палец, Ремизова, Песчаная, Большие пески, Зеленая, готовясь к зимним действиям.

Нашим войскам приходилось вести бой в крайне тяжелых условиях. Некоторые части несколько месяцев не выходили из боя. Особенно чувствовался недостаток пехоты, ее было так мало, что между отдельными частями образовались разрывы в 1—2 километра, где стояли лишь небольшие заслоны. Чтобы сдержать натиск врага, не раз приходилось перебрасывать людей с одного фланга на другой.

Особенно ожесточенной была в эти дни воздушная война. В результате воздушных боев за 23 июля японская авиация потеряла 15 истребителей, 2 бомбардировщика, 2 разведчика и 1 аэростат, корректировавший огонь японской артиллерии. Мы потеряли 5 самолетов. Воздушные бои происходили также 24 и 25 июля. Столкновения, начинавшиеся встречами небольших групп истребителей, как правило, разрастались в крупные воздушные сражения. В результате воздушных схваток за 24 июля японцы потеряли 34 истребителя и 2 бомбардировщика. За 25 июля было сбито 19 японских самолетов. 29 июля было сбито 32 японских самолета, 4 августа — 10 самолетов.

Герой Советского Союза генерал армии Г. Жуков

Не секрет, что японцы стянули сюда с китайского фронта своих лучших летчиков. И все же победа оставалась за нашей авиацией. Японские летчики, завидев советские самолеты, все чаще и чаще бросались в бегство, не принимая боя.

Командование советско-монгольских войск готовилось к генеральному наступлению. Идея этой операции заключалась в окружении и полном уничтожении всех частей японской армии, находившихся в районе боевых действий.

Наше Советское правительство, наша партия ничего не жалели для того, чтобы обеспечить эту операцию. Нам прислали новые пехотные части, которые мы поставили в резерв, доставили первоклассную технику — танки, артиллерию, авиацию. В огромном количестве подвозились боеприпасы, горючее, продукты и др. Именно благодаря этой помощи, заботе нам удалось преодолеть огромные трудности, связанные с отдаленностью фронта от железной дороги.

Командование армейской группы приняло ряд мер для сохранения полной тайны готовящегося наступления. Нужно было, чтобы у японцев создалось впечатление, что наши войска не собираются наступать, а готовятся к обороне, к зиме. Каждый день с командного пункта шли в тыл телеграфные запросы о проволоке и кольях для оборонительных сооружений. По радио передавались ложные распоряжения и запросы о зимнем обмундировании, причем все эти распоряжения были написаны кодом, который имелся у японцев. А чтобы создать у врага полную иллюзию реальности всей этой подготовки, мы до последних дней строили проволочные заграждения.

На фронт прибыла мощная звуковещательная станция. Она прекрасно имитировала забивку кольев, работая, по меньшей мере, за сотню саперов. Выпускались листовки, содержание которых посвящалось задачам обороны. Противника приучали к шуму танков. За 10—12 дней до наступления вдоль фронта беспрерывно курсировало несколько взводов танков со снятыми глушителями. Вначале японцы забеспокоились. По утрам они даже открывали артиллерийский огонь, а затем стали равнодушны к шуму танков, очевидно решив, что «у большевиков нет дисциплины». Этот «шум» впоследствии принес нам большую пользу. 19 августа, накануне нашего наступления, японцы так и не разгадали, что к исходным рубежам сосредоточились две наши танковые бригады.

Готовясь к генеральному наступлению, мы уделяли большое внимание изучению противника. Здесь большую пользу принесли бои с ограниченной целью, проведенные нами 1 и 7 августа, и активные действия 6-й и 8-й кавалерийских дивизий на флангах обороны противника. Воздушная разведка, фотографирование, ночные поиски, неоднократный захват «языка» — все это уточняло данные о противнике. Мы проводили беспрерывную командирскую рекогносцировку. Все это также тщательно маскировалось. Командный состав был в красноармейском обмундировании, танкисты — в общевойсковой

форме. С начала операции мы довольно хорошо знали оборону и группировку противника.

О готовящемся генеральном наступлении знал узкий круг людей. Командиры соединений были введены в курс дела лишь за 3—4 дня до операции, а всему личному составу объявили о наступлении только вечером и ночью с 19 на 20 августа.

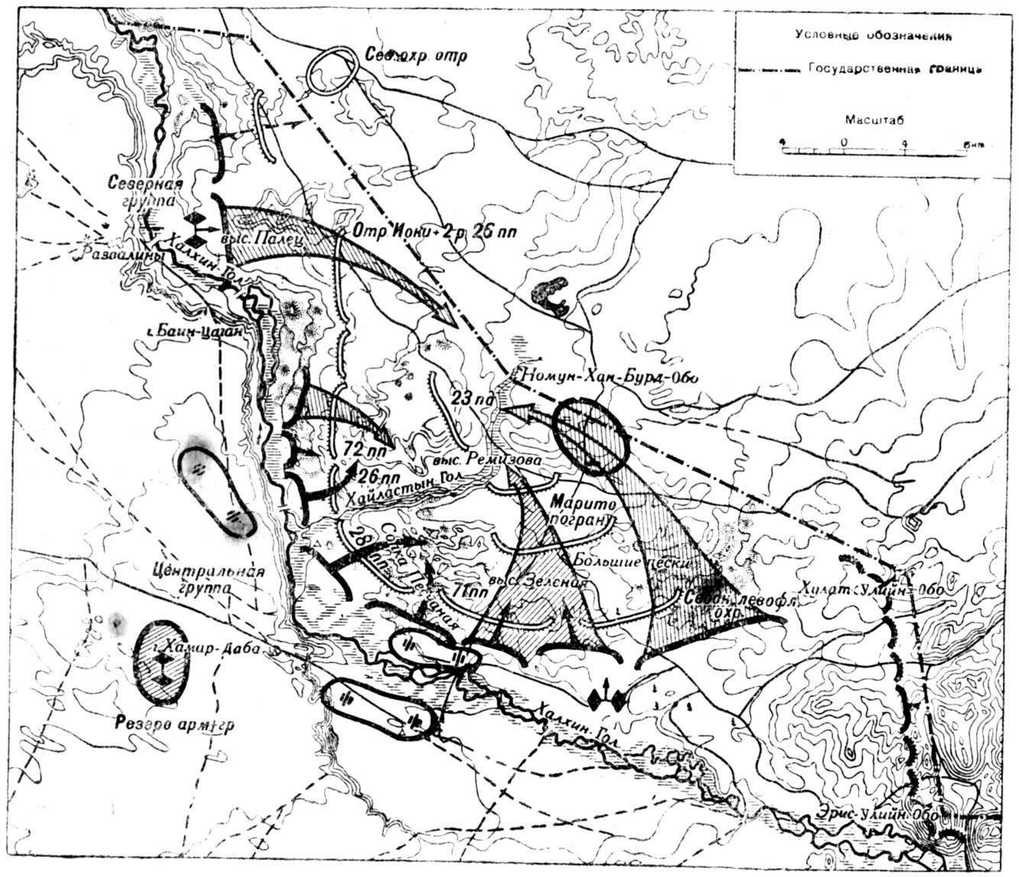


Схема решения командующего 1-й армейской группой

Была развернута огромная работа по политической подготовке людей к наступлению. Особый размах она приняла в начале августа. Настроение войск было прекрасное. Красноармейцы, командиры и политработники рвались в бой. Очень часто можно было слышать недовольство бойцов по поводу того, что мы так долго позволяем японским захватчикам сидеть на земле монгольского народа.

Замысел командования был прост: он сводился к тому, чтобы ударами фланговых групп разгромить фланги противника, сомкнуть кольцо в районе Номун-Хан-Бурд-Обо и полностью уничтожить врага. На центральную группу возлагалась задача

сковать своим ударом и огнем маневренность противника, не давая ему перебрасывать свои силы, и, как только будет завершено окружение, вместе с фланговыми группами, уничтожить врага.

К началу нашего генерального наступления японцы сформировали 6-ю армию под командованием генерала Огису Риппей. В районе боевых действий японцы имели две дивизии, артиллерию квантунской армии, 3-й и 4-й танковые полки, до 250—300 самолетов, смешанную бригаду Манчжоу-Го, до трех кавалерийских полков баргут. Правда, последних оставалось мало, так как основная масса их разбежалась, не желая больше воевать за интересы японских империалистов. Наиболее сильно японцы укрепили высоты Песчаная, Зеленая, Ремизова и Палец. Здесь было много ходов сообщения, блиндажей, траншей.

С утра 20 августа началось генеральное наступление наших войск.

В 5 ч. 45 м. несколько сот бомбардировщиков в сопровождении истребителей появились над позициями японцев. Это был замечательный класс бомбардировки. Бомбы ложились по переднему краю, ближним резервам и артиллерийским позициям врага. Артиллерия своим огнем подавила зенитки противника, чем оказала большую помощь нашей авиации. В это утро ни один наш самолет не был тронут противовоздушной обороной врага.

В тылу противника вспыхнули пожары. Вслед за авиацией снова заговорила наша советская артиллерия. Сотни орудий, полевых и тяжелых, обрушили свои смертоносные килограммы на японцев. За 15 минут до начала атаки был сделан повторный налет нашей авиации на огневые позиции японцев. Затем после короткого шквала огня всей нашей артиллерии, ровно в назначенный час, доблестная пехота и героические танкисты с именем Сталина на устах, с лозунгами: «За Родину!», «За коммунистическую партию!» — бросились в атаку.

Могучее «ура» пронеслось по всему фронту на протяжении 70 километров, наводя панику и ужас на врага. Удар был внезапный. Японцы до того растерялись, что в течение полутора часов не смогли сделать ни одного ответного артиллерийского выстрела. Несмотря на упорное сопротивление японской пехоты, части нашей южной группы к концу дня 21 августа вышли в район юго-западнее Номун-Хан-Бурд-Обо, загнули правый фланг, отрезав пути отхода японцам. На левом фланге наши части, продвинувшись вперед, встретили упорное сопротивление японцев у высоты Палец. Эта высота превращена была противником в укрепленный бастион. После трехдневных ожесточенных боев высота Палец была взята,

а к исходу дня 22 августа наши фланговые группы сомкнулись и отрезали путь отступления японским частям.

С 24 по 30 августа шла траншейная борьба, упорная борьба за каждый бархан. Это была целая эпопея. Возле каждой высоты наши войска встречали бешеное сопротивление. Генерал Камацубара обманывал окруженные части, предлагал им по радио и через голубиную почту держаться, обещая поддержку. Японцы, введенные в заблуждение своим командованием,

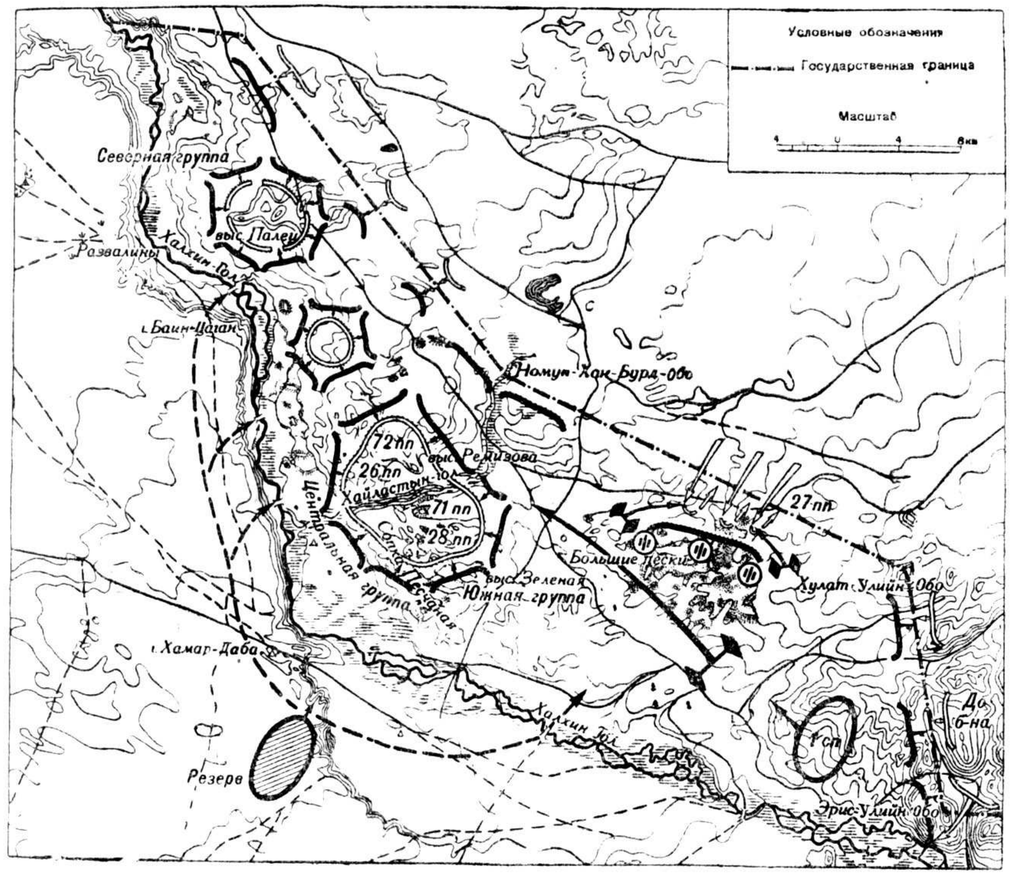
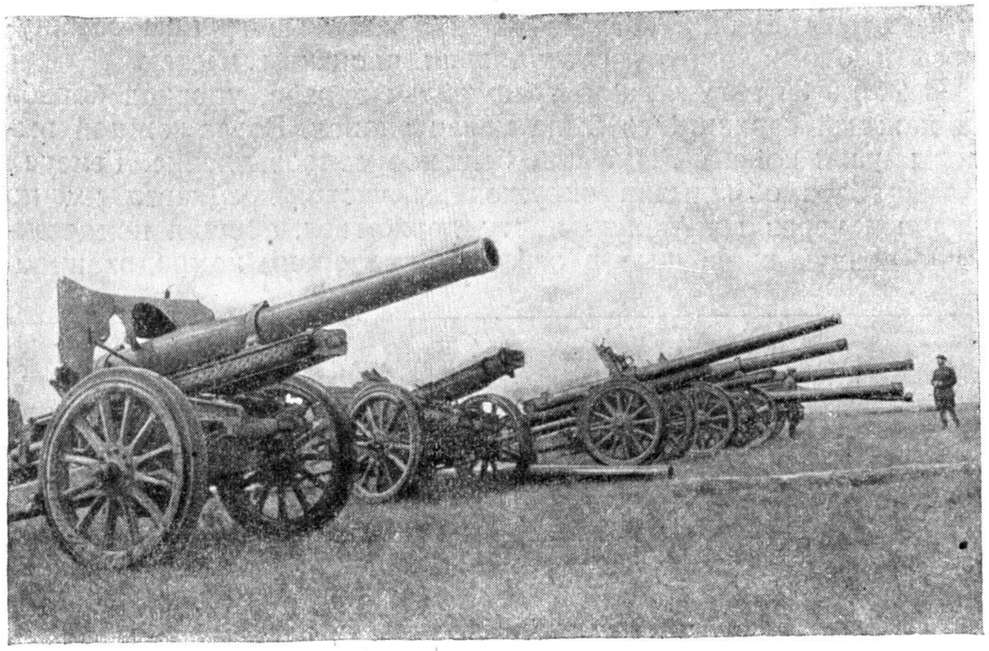


Схема действий частей 1-й армейской группы

упорно отбивались. Каждую высоту приходилось брать приступом. Наша тяжелая артиллерия уже не имела возможности вести огонь, так как железное кольцо наших войск все более и более замыкалось, возникала опасность попадания в своих. Артиллеристы под огнем неприятеля выкатывали вперед пушки на открытые позиции и били по траншеям врага прямой наводкой, а затем пехотинцы со штыками и гранатами шли в атаку, врываясь в траншеи.

Замечательно действовала наша авиация. Она беспрерывно патрулировала в воздухе, не давая японским самолетам бом-



Трофейные тяжелые орудия

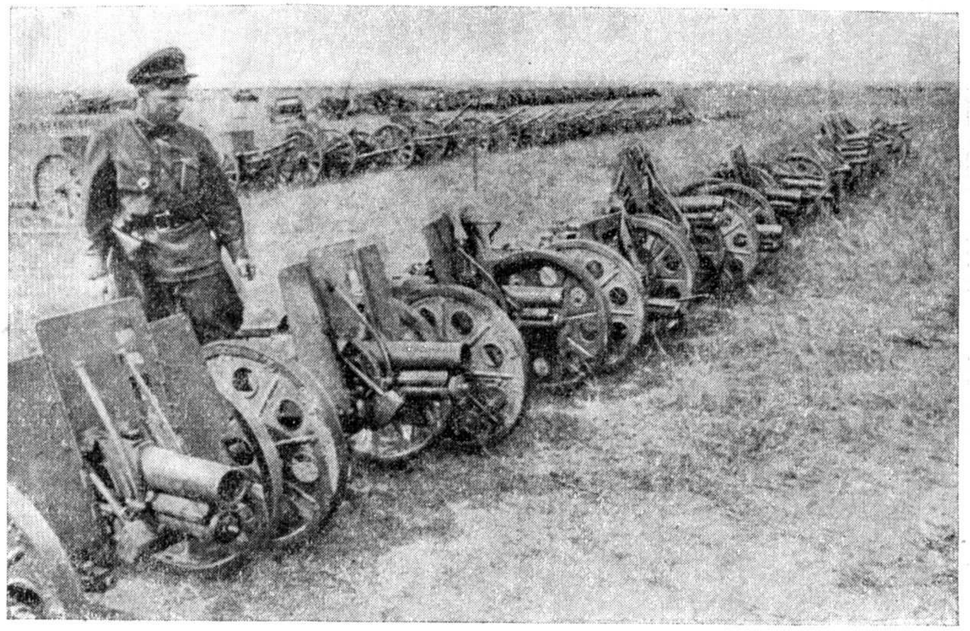
бить и штурмовать наши войска. Наши летчики делали по 6—8 вылетов в день. Они разгоняли резервы противника и штурмовали его окруженные части. Японские истребители терпели поражение за поражением. С 20 по 30 августа советской авиацией сбито 204 японских самолета.

Так высота за высотой становились нашими. К 30 августа в руках японцев оставался последний очаг сопротивления — сопка Ремизова. На этой сопке находился когда-то командный пункт командира полка Ремизова, геройски погибшего в бою. Потом ее захватили японцы. И вот сейчас к этой сопке собрались остатки войск императорской армии. Японская артиллерия почти вся к этому времени была выведена из строя. Поэтому японцы вели главным образом минометный и пулеметный огонь. Наши части, охваченные величайшим воодушевлением, все сужали и сужали кольцо. 30 августа на сопке Ремизова заалели красные знамена.

Августовское наступление было блестяще закончено. В барханах и долинах Халхин-Гола была разгромлена и уничтожена 6-я японская армия.

В результате боев с мая по сентябрь японцы, по самым скромным подсчетам, потеряли 55 000 солдат и офицеров, из них убитыми не менее 25 000.

За последнюю операцию нами взяты огромные трофеи: пушек всех систем 175, из них более 30 тяжелых орудий, 115 станковых пулеметов, 225 ручных пулеметов, 12 000 винтовок,



Трофейные малокалиберные орудия

около 2 000 000 винтовочных патронов и масса другого имущества.

За время боев японцы потеряли 660 самолетов. Потери же советской авиации составили 143 самолета.

Мы получили прямой и ясный приказ: ни в коем случае не переходить границы. Наши войска, очистив землю Монгольской Народной Республики от японцев, стали у границы, создавая неприступную оборону.

Августовское наступление было поучительной операцией по окружению и уничтожению врага. Японцы, разбитые на Халхин-Голе, поймут, надо полагать, что Монголия не «двусмысленная территория», и что любая попытка напасть на МНР и угрожать границам Советского Союза кончится для врага полным крахом.

Наша победа на Халхин-Голе — это победа двух сталинских пятилеток, оснастивших нашу Красную Армию могучей, самой передовой военной техникой. Нет такого грозного оружия, которого советская промышленность не могла бы дать Красной Армии. Эта техника проверена в бою. В умелых руках преданных, мужественных сынов Родины — воинов Красной Армии, наша техника показала свои изумительные качества.

Победа на Халхин-Голе есть победа сталинской политики защиты безопасности границ Советского Союза.

★

★

Дивизионный комиссар П. ГОРОХОВ

ПОЛИТОТДЕЛ АРМЕЙСКОЙ ГРУППЫ В АВГУСТОВСКОМ НАСТУПЛЕНИИ

С мая, то разгораясь, то затихая, шла упорная, жестокая борьба с японцами. Уничтожая живую силу врага, изматывая его, наши войска мужественно, геройски отражали все попытки японцев прорваться к реке Халхин-Гол.

То был период нашей обороны. В то же время наша армия внешне незаметно готовилась к наступлению. Работники политотдела побывали уже в боях. Они накопили богатый опыт. Он помог организованно подготовиться к наступлению, устранить прежние недостатки.

Настоящая глубокая перестройка всей политической работы началась с 8 августа — после приезда на фронт начальника Политического управления Красной Армии армейского комиссара 1 ранга тов. Мехлиса. Это были дни, когда каждый из нас на практике проходил замечательный университет.

В прошлом политический отдел корпуса, как и политотделы частей, был слабо связан с командованием и, особенно, со штабами.

Начальники политотделов редко информировали командование о состоянии частей, о дисциплине, о поведении бойцов и командиров в бою. Но и некоторые штабы не особенно беспокоились, чтобы связаться с политорганами. До назначения меня начальником политотдела армейской группы я находился в 36-й стрелковой дивизии. Оторванность политорганов от оперативной работы штаба соединения бросалась резко в глаза. Естественно, что политотдел не мог своевременно развернуть работу вокруг боевых приказов.

Как пример недостаточной связи политотдела с командованием можно привести план политотдела корпуса на июль. План был составлен на целый месяц и вне всякой увязки с боевой работой командования. В июле, 3—5 числа, произошло знаменитое Баин-цаганское побоище. Если же судить по плану, то на горе Баин-Цаган все было спокойно. Не были отражены в плане мероприятия политического отдела по боевому приказу командования о готовящемся 23 июля наступлении японцев. Об этом наступлении японцев заранее было известно. Политотдел проводил большую работу в частях, но в июльском плане фронтовая обстановка была отражена лишь в том виде, как она сложилась на 1 июля.

Тов. Мехлис указал на этот серьезный пробел нашей работы и дал мне специальное указание ежедневно информировать Военный Совет о политико-моральном состоянии частей, о крупных событиях и чрезвычайных происшествиях и, вместе с тем, знакомиться с мероприятиями командования и штаба. Такой же порядок был установлен во всех соединениях. С этого времени буквально ежедневно как в период подготовки августовского наступления, так и в дни наступления я своевременно узнавал о всех боевых приказах и мероприятиях командования и подробно информировал Военный Совет и штаб армейской группы о состоянии частей.

Выше я писал, как выглядели планы работы политотдела корпуса и большинства соединений. Больше того, некоторые работники считали, что планы в боевой обстановке вообще нереальны и являются напрасной затеей. Но с того дня, когда наш политотдел крепко связался с Военным Советом и штабом, когда нам стало известно каждое мероприятие, намечавшееся командованием, мы особенно почувствовали необходимость составления плана работы политотдела по обеспечению боевых приказов.

Руководство армейской группы вместе со штабом вело большую работу по подготовке генерального наступления. Был составлен исключительный по простоте, ясности и смелости план окружения и полного уничтожения врага на территории Монгольской Народной Республики, в районе реки Халхин-Гол, где окопались японские захватчики.

На основе плана командования политотдел по указанию и с участием тов. Мехлиса разработал свой план. План был рассмотрен Военным Советом армейской группы, а также генерал-полковником тов. Штерном и армейским комиссаром 2 ранга тов. Бирюковым. Прежде всего надо было сохранить в секрете день наступления — 20 августа. О нем знали я и мой заместитель тов. Мельников. В интересах сохранения военной тайны мы составили два плана. Один — для широкого пользования до 18 августа. В этом плане хотя и говорилось об упорной обороне, но все мероприятия направляли работу политорганов на подготовку войск к решительному разгрому врага, воспитывали стойкого бойца, смело идущего в рукопашный бой, умеющего действовать штыком и гранатой, вселяли уверенность в нашу силу и технику, разжигали ярую ненависть к врагу. Второй план был составлен по 20 августа и являлся абсолютно секретным. Им пользовались я и тов. Мельников.

ПЛАН ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСТУПЛЕНИЯ

20 августа 1939 года

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

1. Добиться еще большего укрепления воинской дисциплины и авторитета командира, знания и умелого применения воинских уставов и боевой техники, бережного отношения к ней.

2. Глубоко разъяснить международную обстановку и политический смысл военных действий на границе Монгольской Народной Республики, политику Советского правительства и партии по защите Социалистической Родины.

3. Непрерывно продолжать разъяснение всех пунктов военной присяги, закона Советского правительства о каре за измену Родине. Особенно обратить внимание на разъяснение того положения, что карается не только сам изменник Родины, но и вся его семья и родные.

4. Вести разъяснительную работу о японских зверствах в отношении красноармейцев, командиров и политработников. Поднять ярость бойцов, командиров против японской военщины. Создать боевой порыв для решительного и окончательного разгрома врага.

5. Охватить партийно-политическим влиянием и организовать детальное изучение личного состава прибывающего пополнения. Разъяснить ему боевую обстановку и задачу, героические действия бойцов, командиров и политработников, добиться боевой сколоченности и сплоченности всего личного состава.

6. Укрепить еще больше связь военкомов, политработников и командиров с бойцами путем посещения полков, батальонов, рот и проведения

задушевных бесед. Подготовить весь личный состав к решительным действиям по окончательному разгрому японских провокаторов. Мобилизовать весь командный состав и политработников, чтобы они, стоя во главе частей и подразделений, не щадя сил и самой жизни, добились полного выполнения боевого приказа командования, помня, что за выполнение боевого приказа командир и военком отвечают головой.

7. Усилить партийно-политическую работу и добиться наведения большевистского порядка в тылах. Обеспечить бесперебойное снабжение боеприпасами, питанием, водой, своевременную эвакуацию раненых, отправку пленных и трофейного имущества.

8. Еще шире развернуть политическую работу среди войск противника. Организовать систематический выпуск и разбрасывание листовок и газет на японском и баргутском языках и добиться разложения японо-баргутской армии.

ЧТО ПРОДЕЛАТЬ

I. По кадрам

До	18. VIII	Укомплектовать политотдел армейской группы по штатам и редакции газет на японском и китайском языках	*Смелов, Горохов*
„	17. VIII	Полностью ликвидировать некомплект политсостава в соединениях и частях	Нач. политотделов и военкомы частей *Смелов, Мельников*
„	18. VIII	Полностью укомплектовать партийный аппарат — секретарей парткомиссий и партийных бюро . . .	Нач. политотделов *Помогайло*
„	18. VIII	Укомплектовать парткомиссию армейской группы	*Горохов, Помогайло*
„	17. VIII	Полностью укомплектовать комсомольские органы	Нач. политотделов *Детинов*
„	19. VIII	Закончить выдачу партийных документов всем вновь принятым в партию	*Заковоротный*
К	19. VIII	Закончить выдачу комсомольских документов вновь принятым в ряды ВЛКСМ	*Блесткин*
„	19. VIII	Разобрать заявления о приеме в ВКП(б) и ВЛКСМ	Нач. политотделов *Помогайло*
„	17. VIII	Подтянуть резервы политсостава к 2-му эшелону и подготовить их к докладам и беседам о международном положении и задачах разгрома японских провокаторов войны	*Смелов*
	14. VIII	Назначить тов. Цебенко комиссаром правофланговой группы. В его распоряжение послать тт. Бархатова, Бахто, Мамаева, Дунаева и Петракова	

II. Организационная работа

12. VIII.	Совещание начполитотделов частей и работников политотдела группы о задачах партийно-политической работы	Армейский комиссар 1 ранга тов. *Мехлис, Горохов*
14. VIII.	Совещание помначполитотделов по комсомольской работе „О передовой роли комсомольца в бою по разгрому японцев“	*Мехлис, Горохов*
16. VIII.	Совещание военкомов тылов и военкомов госпиталей об эвакуации раненых, питании действующих частей, доставке боеприпасов и пр. .	*Мазин, Мельников*
17. VIII.	Инструктивный доклад для политруков резерва и стажеров „О политическом значении военных действий в МНР и задачах по разгрому врага“	*Горовой*
17. VIII.	Указания редакторам бригадных и дивизионных газет и редакторам „Героической Красноармейской“ и „Сталинского сокола“	*Горохов, Соркин*
18. VIII.	Оперативно-политическое совещание группы Цебенко	*Мехлис*
18. VIII.	Оперативно-политическое совещание группы Мельникова и Суслова . .	*Никишев, Горохов*
18. VIII.	Работа в подразделениях военкомов частей группы Слесарева	*Слесарев, Ершов, Еременок*
18. VIII.	Оперативно-политическое совещание военкомов ВВС	*Чернышев, Веров, Ехимчук*
19. VIII	Во всех частях провести митинги. Митинги проводить при полном соблюдении маскировки, по ротам, где имеется возможность—по батальонам или группам	Военкомы частей и представители политотдела группы
15. VIII	Дать указания об организации пропагандистской работы	*Горохов*

III. Пропагандистская работа

До 16. VIII	1. Провести инструктаж политруков и агитаторов по тематике, указанной тов. Мехлисом	Нач. политотделов и военкомы частей

2. Провести беседы с бойцами на темы:

а) Долг воина РККА — выполнение военной присяги.

б) Строжайшее соблюдение военной тайны, борьба с болтливостью и распущенностью.

в) Выполнение боевого приказа — священный долг воина РККА.

г) О героизме, отваге, мужестве бойца РККА. (Герои Хасана покрыли себя неувядаемой славой. Правительство щедро отметило участников боев. О значке для всех участников хасановских боев. Бойцы Халхин-Гола должны нанести японцам двойной хасановский удар и уничтожить врага.)

д) О японских зверствах в отношении пленных бойцов, командиров и военкомов.

е) Закон против изменников Родины и кара членов семьи и родных.

ж) Сдача в плен — измена Родине со всеми вытекающими отсюда последствиями.

з) Взаимная выручка в бою.

и) Ни одного отстающего от подразделения.

к) Японцы боятся штыковой атаки.

С младшим комсоставом и замполитруками провести беседу:

Задачи подлинно большевистского руководства в бою подчиненными.

С комсоставом и политсоставом в полках, батальонах провести беседы:

„Никогда, ни при каких обстоятельствах живым не сдаваться в плен“.

Задание редакторам бригадных и дивизионных газет, „Героической Красноармейской“ и „Сталинскому соколу“ осветить в печати:

а) Японцы боятся штыковой атаки.
б) О героическом действии наших частей.
в) О разложении войск противника и тыла.
г) О японских зверствах.
д) О работе среди войск противника.

17. VIII	Задание тов. Ортенбергу — подготовить к вечеру 18 августа газету, посвященную наступлению	*Горохов*
18. VIII	Отпечатать листовки к красноармейцам: а) Политическое обращение командования и политотдела корпуса: „За что воюем“.	*Горохов*
	б) Памятка бойца: „Как надо бить врага“ (19 августа вечером раздать листовки в части)	Штаб, политотдел
16. VIII	в) Памятка бойцу в обороне . . .	Штаб, политотдел
18. VIII	Имитация передвижения танков	*Поляков, Ушаков*

IV. Работа среди войск противника

18. VIII	Передача по радио обращения пленного японца к японским солдатам	*Соркин, Бурцев,*
20. VIII	То же — к баргутам	*Ушаков*
18. VIII	Разбрасывание самолетами, авиабомбами и с передовой линии листовок, написанных тов. Мехлисом	*Соркин, Бурцев*
21. VIII		

Все, что было намечено этим планом, нам удалось почти полностью выполнить, несмотря на очень сжатые сроки.

С чего мы начали подготовку к наступлению?

В соединениях не всюду были заменены выбывшие из строя политработники, хотя мы располагали значительными резерва-

ми политработников. Политическое управление Красной Армии щедро посылало нам людей. Кроме того, за три с лишним месяца войны выросли новые замечательные кадры. Это были почти готовые руководители. Они ждали своего выдвижения, и было бы преступно держать такой золотой фонд под спудом.

В течение нескольких дней все «трудности» с кадрами политработников были разрешены. Вместе с начальником отдела кадров Смеловым я занялся кадрами дивизий и бригад. Мой заместитель тов. Мельников — остальной группой политработников. Секретарь партийной комиссии армейской группы тов. Помогайло поехал в соединения и вместе с начальниками политотделов подобрал, взамен выбывших из строя, секретарей и членов парткомиссий, секретарей и членов партийных и комсомольских бюро. Там, где, по условиям боевой обстановки, нельзя было созывать партийные и комсомольские собрания, политотделы, посоветовавшись с партийным активом, сами подбирали состав парторганов, а затем утверждали специальным приказом по соединению.

В некоторых частях по месяцу и более не было заместителей политруков. Это — непростительная ошибка. Кадров много. В боях, как нигде, люди быстро закаляются и быстро растут. Из числа обстрелянных комсомольцев, показавших себя в бою героями, можно было подобрать в каждой роте не только по одному, но и по 4 и по 5 заместителей политруков. В период подготовки к наступлению и этот недостаток был устранен. Мы подобрали на каждого политрука по два заместителя. Один — постоянный, другой — резервный.

Таким образом, все наши подразделения, части и соединения шли в наступление, имея полный состав политических работников, партийных и комсомольских органов. При политотделе армейской группы мы имели присланный нам Политуправлением Красной Армии резерв более трехсот политработников.

Новые кадры сразу же включились в активную политическую работу. Огромное доверие, оказанное им, подняло людей, окрылило их, и это неизмеримо увеличило наши силы.

Самые лучшие, героические бойцы и командиры всей душой стремились в партию и комсомол. Перед боями и во время боев поступали сотни и тысячи заявлений о приеме в партию и комсомол. Но наши партийные и комсомольские организации далеко не всегда справлялись с разбором этих заявлений.

Дело здесь не только в технических и организационных трудностях (подобрать рекомендации, заполнить бланки, созвать собрания, достать фото и т. п.). Многие наши товарищи просто недооценивали одного важнейшего обстоятельства. Они порой рассуждали так: человек подал заявление — это глав-

Группа бойцов-артиллеристов, вступивших в дни боев у Халхин-Гола в ряды ВКП(б). Политрук тов. Михайлин поздравляет красноармейца тов. Чеканцева с принятием в кандидаты партии

ное, а оформить успеем после боев. Например, в 149-м стрелковом полку поступило 97 заявлений о приеме в ряды партии, а «успели» рассмотреть всего лишь шесть заявлений. В 36-й дивизии в первых числах августа было подано 195 заявлений в партию, но рассмотрено, и то лишь в низовых парторганизациях, 44 заявления. Такое же положение примерно было и в других частях, а также и в комсомольских организациях.

Тов. Мехлис разъяснил, как важно без задержки и до конца оформить прием в партию и в комсомол. Когда человек знает, что его заявление рассмотрено и партийным бюро, и партсобранием и, наконец, партийной комиссией, он тогда по-настоящему чувствует свою ответственность как коммунист или комсомолец, приобретает большую уверенность, активнее включается в партийную жизнь. Наконец, он идет в бой и поэтому законно стремится во весь голос сказать самому себе и товарищам: я иду в бой коммунистом!

Как обстояло дело с выдачей партийных и комсомольских документов, показывает такой факт. В политотделе армейской группы не оказалось ни одного бланка партийных и комсомольских документов. Тов. Мехлис напомнил нам, что вручение партийных документов всегда было одним из важнейших актов в жизни коммуниста и партийной организации. Особое значение этот акт приобретает в боевой обстановке. Нужно помнить, что принятые в партию будут считать себя комму-

нистами, как только получат партийный билет на руки. Тов. Мехлис затребовал из Москвы специальным самолетом чистые бланки партийных документов и предложил выдавать партийные и комсомольские билеты непосредственно на передовых позициях.

И результаты этого мы сразу же увидели. Стоило посмотреть на молодых коммунистов, которым вручали в окопах партийные документы. Их лица сияли радостью и счастьем. Они волновались. Их слова, которые шли от самого сердца, были полны беспредельной любви к Родине, большевистской партии, любимому Сталину. Они брали на себя обязательства с удесятеренной силой громить и уничтожать врага.

Герой-пулеметчик Доля, получив кандидатскую карточку, взволнованный вернулся в свой взвод. Переползая из окопа в окоп, он показывал ее боевым товарищам, делился с ними своими мыслями и чувствами. Говорил об обязательствах, которые он берет на себя как кандидат партии. Это было лучшей агитацией за нашу партию, за дело Ленина — Сталина, за победоносное наступление, за разгром и уничтожение японцев.

Понятно, что в плане подготовки к наступлению важнейшими задачами были поставлены разбор до 19 августа всех заявлений о приеме в партию и комсомол и выдача партийных и комсомольских документов. За период подготовки к наступлению в партию были приняты 1 138 человек и в комсомол — 1 280 человек.

К началу наступления наша партийная организация значительно выросла. А это значит, что выросло число пропагандистов и агитаторов, увеличилось число бойцов, горевших желанием быть в атаках впереди, считавших это не только своим воинским, но и партийным долгом. Выросло число полнокровных ротных партийных организаций. Все это увеличило наши силы для работы с массами во время подготовки к наступлению и в дни наступления.

Военный Совет назначил наступление на 20 августа. Мы, естественно, не могли объявить срок начала наступления бойцам, но это нисколько не мешало и не могло мешать подготовке войск именно к этому дню.

12 августа в небольшой палатке у горы Хамар-Даба собрались все начальники политотделов, военкомы отдельных частей, редакторы газет. На земляных скамейках разместилось до 80 политработников, пришедших с поля боя, прямо из окопов.

При тусклом свете двух свечей открылось совещание с участием тов. Мехлиса. На этом совещании разобрали все предстоящие задачи. Хотя самое слово «наступление» на совещании и не упоминалось, но все, о чем говорил тов. Мехлис, было направлено на решение одной центральной задачи — подготовить политорганы, партийные и комсомольские организации, командиров, бойцов и части к решающему генеральному бою.

14 августа было проведено комсомольское совещание. На этом совещании тов. Мехлис поставил основные задачи перед комсомольцами. Среди них хочу подчеркнуть одну, по-моему — первостепенную, которая в дальнейшем сыграла огромную роль в жизни, в борьбе и победах комсомольцев — участников боев у Халхин-Гола.

Тов. Мехлис говорил:

— Нужно немедленно укомплектовать руководящие комсомольские органы: бюро, президиумы, подобрать комсомольских организаторов и группоргов. В каждой воинской части из числа этих товарищей должна быть создана авангардная группа, которая будет лучшим помощником командования, партийной организации во время наступления и, особенно, в рукопашных боях. Они должны будут личным примером в самые трудные минуты, по приказу командира, подымать людей в атаку и вести их за собой.

На другой день после совещания начальников политотделов и военкомов в частях закипела горячая работа. Все работники политотделов поехали в части помогать военкомам полков, секретарям партийных и комсомольских организаций.

Я поехал в 36-ю дивизию. Там провели совещание военкомов частей. Собрали начальствующий состав, только что прибывший на фронт, рассказали о Баин-цаганском побоище, о силе и мощи наших частей, о героизме бойцов и командиров в бою и наших задачах по разгрому врага. Все совещания с руководящим составом частей, политруками, заместителями политруков, руководителями партийных и комсомольских организаций были проведены быстро. Мы торопились, так как главная работа была еще впереди — с бойцами на фронте, в окопах, в тылу и в частях, которые недавно подошли, стояли в резерве и готовились к бою.

В наш план вошли намеченные тов. Мехлисом темы бесед с бойцами и докладов по самым животрепещущим вопросам. Эти беседы и доклады должны были подготовить бойцов морально-политически к наступлению, воодушевить их на новые подвиги во славу Родины, партии Ленина — Сталина.

Тов. Мехлис напомнил нам о целом ряде важнейших вопросов пропаганды, которые порой забывались политработниками. Это относится в первую очередь к пропаганде военной присяги. Тов. Мехлис говорил:

— О присяге никогда нельзя забывать. Не думайте, что если вы провели одну или две беседы о присяге, то люди уже

все усвоили. О присяге нужно неустанно напоминать и разъяснять ее всюду и везде, на всех собраниях, совещаниях, беседах, в газетах, в листовках, боевых листках, в период боя, когда бойцы идут в караул, в разведку, в атаку. Военная присяга — один из лучших методов воспитания масс. Это сильнейшее оружие нашей борьбы и побед.

Тов. Мехлис напомнил нам о пропаганде закона правительства от 1934 года о каре за измену Родине. В связи с подготовкой генерального наступления исключительно важно было рассказать бойцу и командиру об этом законе.

Наши части уже четвертый месяц находились в боях. Мы имели в неограниченном количестве яркие факты, для того чтобы каждую беседу сделать живой и убедительной. Блестящая победа наших войск на Баин-Цагане была наиболее благодарным материалом, для того чтобы воспитывать массовый героизм, веру в силу нашего оружия, стойкость и самоотверженность в бою.

Во всех частях отдельно с бойцами и отдельно с командирами и политработниками были проведены беседы на тему: «Боец, командир и политический работник Красной Армии никогда живыми в плен не сдаются». Твердым голосом мы сказали, что тот, кто сдался или попал в плен, тот предатель. Он губит себя, свою семью, имя его будет проклято семьей, детьми, народом.

Мы имели немало волнующих примеров того, как бойцы, командиры и политработники умирали, но не сдавались в плен.

Эти примеры мы сделали достоянием всех и особенно командиров и политработников. И уже в период августовских боев не было ни одного случая попадания в плен. Такая же работа была проведена вокруг лозунга «Без приказа командира — ни шагу назад».

Для того чтобы вооружить наших политработников материалом о зверствах японцев, мы в период подготовки к наступлению разослали политотделам и военкомам частей специальную директиву, в которой описали факты издевательства японцев над нашими бойцами, попавшими к ним в плен.

Эта директива помогла нашим политработникам провести беседы по темам, намеченным планом политотдела. Такими материалами мы снабжали политруков и по остальным вопросам. Впоследствии мы стали выпускать специальные печатные памятки в помощь агитатору, которые законно заняли большое место во всей пропагандистской и агитационной работе политотдела.

Исключительную роль в подготовке войск к наступлению сыграла наша печать. «Героическая Красноармейская» была самой авторитетной и любимой газетой бойцов, командиров

Командующий 1-й армейской группой Герой Советского Союза генерал армии Г. Жуков и член Военного Совета дивизионный комиссар М. Никишев

и политработников. Она изо дня в день неустанно популяризировала, в соответствии с планом Военного Совета и политотдела, подвиги наших пехотинцев, артиллеристов, танкистов, летчиков и бойцов всех других родов войск. Разъясняла задачи, обобщала боевой опыт, учила любить Родину и гневно ненавидеть врага. И не случайно части ждали газету с нетерпением. Ее требовали, обижались, когда мало дают. И когда «Героическая Красноармейская» приходила на фронт, на нее буквально набрасывались, зачитывали до дыр.

Газета была любимой потому, что она говорила о сокровенных думах и желаниях наших героев-бойцов, командиров и политработников. Она ставила самые насущные задачи. Она всегда шла в ногу с мероприятиями Военного Совета и политотдела, крепко держала связь с массой и руководством, подхватывала своевременно все острые, боевые вопросы.

Большую помощь нам оказали писатели Вл. Ставский, Л. Славин, Б. Лапин, З. Хацревин, К. Симонов и др. Мне вспоминается широкоплечая фигура тов. Ставского, который

носился по фронту, пренебрегая опасностью, и вместе с бойцами, командирами и политработниками помогал готовить августовское наступление. Тов. Ставский был не только писателем, но и внештатным пропагандистом и инструктором нашего политотдела. Очерки тов. Ставского о героях Халхин-Гола производили исключительное впечатление на наших бойцов.

В газете, так же как и во всей работе политотдела, хотя и не упоминалось слово «наступление», но каждая строчка дышала подготовкой к нему. Авиационная газета «Сталинский сокол», дивизионные и бригадные газеты также провели немалую работу вокруг задач, поставленных частям.

В бою мы с особой силой почувствовали огромное значение печатной пропаганды. В боевой обстановке, на передовых позициях, когда собираться большими группами почти невозможно, для политработников возникают серьезные трудности. Как всем и сразу рассказать о том или ином важном факте или событии? Одному и даже пятерым не обойти полк и за день! Газета, а также листовки помогали нам сразу говорить со всеми бойцами фронта.

Формы массовой работы применялись самые различные. В частях, находившихся в резерве, созывали бойцов по ротам, батальонам и полкам. Здесь часто происходили собрания, доклады и митинги.

В частях, которые располагались за рекой Халхин-Гол и где из-за бомбежки и артиллерийского обстрела только изредка можно собираться и то небольшими группами, основной формой были групповые и индивидуальные беседы, чаще всего вечером или ночью. В дни подготовки к наступлению все политработники нашей группы, соединений и частей все время были с бойцами и вели там большую политическую работу.

Чем ближе к знаменательному дню 20 августа, тем сильнее накалялась атмосфера.

Вспоминаю случай во время вечерней беседы в одной из частей, находившейся за рекой, в обороне. Я рассказывал о наших силах, задачах и о зверствах врага. Боец-пехотинец с винтовкой в руках, горя нетерпением, крикнул: «Мы уже полностью готовы! Надо наступать! Я отомщу за кровь наших замученных товарищей!»

Бойцы частей, стоявших в резерве, писали командованию и в политотдел письма, в которых просили послать их на фронт на помощь или на смену товарищей, дерущихся с врагом. 18 августа по оперативным группам, созданным на флангах и в центре, были проведены совещания военкомов и начальников политотделов о последних подготовительных работах к наступлению.

Большая работа была развернута по пропаганде среди войск противника. Если до этого листовки к солдатам противника распространялись только самолетом, то сейчас их забрасывали руками в окопы. О работе среди войск противника, о разложении хинганских войск и их тыла мы широко информировали все наши войска, и это производило огромное впечатление на бойцов, еще больше вселяло уверенность в победе.

Мероприятия каждого политического работника, командира, партийных и комсомольских организаций, словно ручейки, вливались в одну полноводную реку, поднимали боевой дух. Можно смело сказать, что к 20 августа все наши звенья, все бойцы были в полной готовности ринуться на врага. Это являлось лучшим доказательством, что наш план подготовки к наступлению успешно выполнялся.

Настало 19 августа, канун генерального наступления. Все работники политического отдела армейской группы к этому времени уже знали, что завтра наступление, и выехали в части для проведения митингов. Я поехал в одну из дивизий.

Хотя подготовка к наступлению началась раньше, но у политорганов, как и у командиров, в этот день было особенно много работы. После митингов, во всех частях, в соответствии с указанием Военного Совета и нашим планом мы начали проверку готовности. Проверялись знание обстановки и боевой задачи, исправность оружия, наличие боеприпасов, снаряжение, противогазы, индивидуальные пакеты. Проверялось усвоение сигналов для опознавания своих частей, что в условиях боя на окружение имело огромное значение. В этот день особое внимание было уделено бытовым вопросам — питанию, воде и т. д.

На следующий день предстоял жаркий и напряженный бой, и надо было обеспечить бойцам полный отдых. После проверки приказали людям спать. Но спалось немногим. Вместе с командирами и политработниками бодрствовали и многие бойцы. Велись задушевные товарищеские беседы.

Мы с особым вниманием следили, чтобы никуда не могли просочиться разные паникерские слушки, которые сеют в такие дни неустойчивые элементы и провокаторы. Наш опыт говорил, что в бою самую большую опасность представляет паника. Мы и направили все силы на предупреждение ее.

Вечером, когда я находился в дивизии, по телефону передали: «Центральная переправа взорвана». Это было как снег на голову. С рассветом — наступление, и — нет переправы. Немедленно проверили. Оказалось, что переправа цела и невредима. Только в одном месте вода шла через понтон. Дело пустяковое. Это было и в прошлом и никакой существенной роли не играло. И вот какой-то случайный человек, не разобравшись, передал, что мост взорван. Я сейчас же позвонил

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи красноармейцы!

Настал час, когда по указу нашего Рабоче-Крестьянского Правительства, по воле партии и великого СТАЛИНА под непосредственным руководством испытанного в боях командования корпуса Герои Халхин-Гола **должны нанести и нанесут сокрушающий двойной хасановский удар японским провокаторам войны.**

Товарищи! На границе Монгольской Народной Республики мы защищаем свою советскую землю от Байкала до Владивостока и выполняем договор дружбы с монгольским народом.

Разгром японских самураев на Халхин-Голе—это борьба за мирный труд рабочих и крестьян СССР, борьба за мир для трудящихся всего мира.

Бойцы! Наша Родина и командование сделали все необходимое для полного разгрома и уничтожения врага. Выполним наш священный долг—воинскую присягу. За Родину, за Партию, за СТАЛИНА—стальной лавиной ринемся вперед на окончательное уничтожение взбесившихся японских самураев.

Отомстим за кровь зверски замученных японской фашистской сволочью наших товарищей.

Вперед, славные герои летчики, танкисты и доблестные пехотинцы. Могучим и дружным ударом всех родов войск, ворошиловскими залпами меткой артиллерии, всесокрушающим ударом героической пехоты, авиации, танков сотрем с лица земли одуревшую самурайскую нечисть.

Умножим славу советского оружия, покажем отвагу, мужество и доблесть бойцов РККА.

В дни Хасановских боев герои дальневосточники покрыли неувядаемой славой себя и нашу Родину. Имена комиссара ПОЖАРСКОГО, ЛЕВЧЕНКО, ГОЛЬЯНОВА, МОШЛЯКА, БАМБУРОВА, БАРИНОВА не умрут в веках. Никогда не поблекнет слава, никогда не забудет Родина героев Халхин Гола, устроивших пьяной японской военщине Баин-Цаганское побоище.

Товарищи! Помножим Хасан на Баин-Цаган и покажем, что такое советская арифметика.

Вперед за Родину и только вперед! Победа за нами. Вперед за счастье нашего великого стосемидесяти миллионного народа!

Вперед за Рабоче-Крестьянское Правительство.

Вперед за нашего родного и великого СТАЛИНА!

Вперед на разгром и окончательное уничтожение подлых японских провокатовов войны.

КОМАНДОВАНИЕ КОРПУСА.
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ КОРПУСА.

Одна из листовок, выпущенных командованием и политическим отделом корпуса

военкомам соединений и частей и снова их предупредил о необходимости вести самую решительную и жестокую борьбу со всякими «слухами».

Был в этот день и такой случай. Прибежал человек на артиллерийские позиции 127-го стрелкового полка и заявил собравшимся бойцам, что в подразделении, мол, все разбежались. «Был страшный бой, японцев видимо-невидимо. Я еле спасся бегством». Здесь сразу раскусили, что это — провокатор. Его задержали. Проверили. Так и оказалось. Я собрал весь свой резерв и бросил его в части. Нужно было лично рассказать всем командирам и военкомам об этом случае, поднять их бдительность против провокационных выступлений. Быстрое реагирование на подобные факты, большая массовая работа принесли результаты: во время августовских боев не было серьезных случаев паники.

Как мы расставили силы ко дню наступления?

Большинство политических и партийных работников полков, батальонов и рот были с бойцами в окопах и вместе со своим подразделением и частью шли в наступление. В полках находилось большинство работников политотделов соединений, а также политотдела армейской группы. Всех работников политотделов, шедших в бой, мы обязали взять с собой винтовки и гранаты.

Что касается аппарата политотдела армейской группы, то здесь мы так распределили свои силы. С вечера и ночью все работники политотдела были в частях. Мой заместитель тов. Цебенко был послан на весь период боев на решающее направление. К нему мы прикомандировали работника политотдела тов. Бархатова и еще четырех политработников из резерва. Начальника отдела руководящих парторганов тов. Заковоротного мы послали для работы в тыловые части.

Одним из больших недостатков в работе политотдела в период прошлых боев было то, что все работники политотдела уходили в полки, батальоны, роты. Там они руководили боем, проявляя на каждом шагу доблесть и отвагу. В политотделе же никого не оставалось, и он по сути прекращал свое существование. Мы же решили иначе. Ночью 20 августа из частей возвратились я, начальник отдела пропаганды и начальники ряда других отделов. Мы лично убедились, что в частях все подготовлено. Люди полностью на своих местах. Сидеть там нет надобности. Наоборот, наша обязанность была находиться сейчас в политотделе, подытожить все виденное и принять необходимые меры, чтобы подтянуть последние «хвосты».

Нужно было еще раз просмотреть свои резервы, проверить систему связи с соединениями и полками. Вышел специальный номер газеты «Героическая Красноармейская», посвященный наступлению. Вышла листовка политотдела, тоже посвя-

щенная генеральному штурму. Все это нужно было, сохраняя военную тайну, доставить в части и организовать дело так, чтобы на рассвете, после зачтения боевого приказа, газеты и листовки были розданы и обсуждены. Словом, дела оказалось много. Целую ночь кипела работа. Шли последние приготовления.

Вставало солнечное утро 20 августа. Над лощиной горы Хамар-Даба и над рекой Халхин-Гол стлался утренний туман. В 5 ч. 45 м. утра загудело монгольское лазурное небо, закрытое тучей советских самолетов. Содрогнулась земля. Началась подготовка атаки. На голову врага обрушилась могучая сила залпов нашей славной артиллерии и авиации.

Ровно в 9 часов, как было указано в приказе Военного Совета, с возгласами: «За Родину!», «За Сталина!» стальной лавиной ринулась вперед на врага наша героическая пехота, неся на своих штыках ужас и смерть японским провокаторам войны. Загудели моторами и понеслись вперед наши мощные танки, бронеавтомобили, расчищая путь своей пехоте. Ярким пламенем полыхали в каждой роте, в каждом взводе красные флаги. Все стремились первыми выполнить боевой приказ командования, свой священный долг перед Родиной, воинскую присягу.

Это был самый ответственный и самый трудный период в работе политотдела. Нужно было в любую минуту, в любой час знать о положении на фронте, на его отдельных участках и в тылу, чтобы во-время притти на помощь нашим частям. Нужно было сразу же узнать имена героев первого дня генерального наступления, чтобы их подвиги сделать знаменем всего фронта. Нужно было знать настроения бойцов, поведение командиров и военкомов в бою, немедленно проинформировать всех бойцов фронта о первых успехах, о действиях соединений, дать им ясную перспективу дальнейшей борьбы. Нужно было, наконец, нанести новый идеологический удар врагу — рассказать японским солдатам, что они окружены и что единственный выход для них — сложить оружие и сдаться.

Выше я уже говорил, что мы составили два плана. Один для частей, другой — секретный. В дни августовского наступления специального плана на длительный срок мы не составляли. С вечера я намечал все, что нужно сделать на следующий день. Больше чем на один день планировать свою работу нам тогда не удавалось. И вряд ли это нужно было. Основные задачи ясны были из общего плана. Обстановка же менялась каждый день, менялись и наши мероприятия.

Как никогда, в эти дни у нас была крепка связь со штабом. На командном пункте, возле оперативного дежурного и начальника штаба, работал специально выделенный политическим

На снимке справа налево: **дивизионный** комиссар П. Горохов, капитан Р. Медведев и полковой комиссар В. Сычов

отделом батальонный комиссар Веденеев. Каждые полчаса, каждый час, как только он узнавал о действиях частей, об успехах, героизме, а также трудностях, он немедленно докладывал мне. К 10 часам утра стали прибывать нарочные с первыми сведениями от военкомов и начальников политотделов и от работников политотдела группы. Тов. Бархатов сообщил об успехе Южной группы, о героизме полка, которым командовал Гурьев. Начальник политотдела мото-бронебригады тов. Суслов заехал в политотдел и рассказал о героическом поведении в бою стрелково-пулеметного батальона капитана Литвинова.

У нас накопилось уже немало ярких фактов героизма и побед, и мы сразу же выпустили листовку для наших бойцов, а также для солдат противника.

Вечером вместе с тов. Мехлисом и редактором газеты тов. Ортенбергом спланировали номер газеты «Героическая Красноармейская», посвященный итогам первого дня наступления. Тов. Мехлис сказал, что надо каждый день выпускать листовку о действиях наших войск. Необходимо через 2—3 дня издавать памятку агитатора о героях Халхин-Гола.

Несмотря на все трудности с полиграфической базой, нам удалось осуществить это важнейшее мероприятие. До насту-

пления мы выпустили всего лишь три листовки. С 20 же августа стали выпускать листовки каждый день.

К концу дня 20 августа мы выпустили две листовки.

В первой политотдел сообщал: «Горячее желание всех советских патриотов осуществилось... В едином боевом порыве наши части ринулись в бой... Войска по всему фронту значительно продвинулись вперед. Захвачен штаб японского кавалерийского полка, орудия и пленные солдаты...» Далее в листовке рассказывалось о героических действиях наших летчиков, танкистов, артиллеристов и наших героев-летчиков. «В воздушном бою, — говорилось в листовке, — летчик тов. Гринев до тех пор преследовал японского стервятника, пока не вогнал его в землю. С такой же настойчивостью добьем всех подлых хищников!»

Политотдел поздравлял в листовке бойцов, командиров и политработников с первой победой.

В этот же день на правом фланге особенно отличился полк Гурьева, впервые вступивший в бой. Японцы пытались перейти в контратаку и захватить высоту. Полк тов. Гурьева нанес противнику решительный удар. Две роты японцев были в этом бою полностью уничтожены. Высота прочно осталась в наших руках.

Листовка политотдела рассказывала о боевых успехах бойцов Гурьева и поздравляла бойцов, командиров и политработников с боевым крещением, с первым успехом. Листовка призывала бойцов: «Вперед! На полное уничтожение врага! За нашу социалистическую Родину! За Сталина!»

К концу дня 21 августа политотдел выпустил листовку, в которой сообщалось: «В результате упорных боев 20 и 21 августа наши части выбили японцев из насиженных мест, взяли их в кольцо. Враг окружен. Он должен быть окончательно уничтожен. Остатки японцев мечутся в панике. Нашими частями захвачено 16 японских пушек, много пленных, военного снаряжения и имущества. Сбито 8 японских самолетов. Наши бойцы всех родов войск, беспредельно преданные делу Ленина — Сталина, героически, мужественно и умело громят ненавистного врага».

В конце листовка призывала к окончательному разгрому и уничтожению врага.

22 августа политотдел снова выпустил листовку, в которой сообщалось о наших победах и о панике в стане врагов. Листовка призывала: «Полностью уничтожим бешеных собак, не дадим ни одному японскому гаду уйти живым на свою территорию».

24 августа выпустили памятку в помощь агитатору: «Героизм и мужество воинов Красной Армии». В памятке говорилось о частях, подразделениях и героях Халхин-Гола, отли-

ТОВАРИЩИ БОЙЦЫ!

1. Наше наступление есть решительный вид боя на полное и беспощадное уничтожение наглых японских захватчиков.

2. Самым сильным наступательным качеством бойца РККА является—неудержимое стремление вперед, чтобы гранатой и штыком завершить полный разгром врага.

3. Чтобы дойти до врага вплотную и закончить бой гранатой и штыком до полной победы, надо беспрекословно выполнять главные требования наших боевых уставов:

а) не ходи в наступление кучей, а в правильных боевых порядках, расчлененно, боец от бойца по фронту на 3—5 метров;

б) не веди огонь по противнику издалека, напрасно растрачивая патроны. Бить врага огнем только наверняка, с дистанции, когда цель ясно видима. **НИ ОДИН ПОГАНЫЙ САМУРАЙ НЕ СТОИТ БОЛЬШЕ ОДНОЙ КРАСНОАРМЕЙСКОЙ ПУЛИ.**
Для этого наблюдай за полем боя, замечай появляющиеся цели и спокойно их расстреливай без промаха;

в) умело применяйся к местности, широко используя лопату. На открытой местности переползай от закрытия к закрытию, не теряя наблюдения за противником;

г) двигайся вперед, держась ближе к разрывам своих снарядов (200 метров). В этот момент противник прижимается к земле и не может вести прицельного огня;

д) при появлении нашей авиации немедленно выкладывай опознавательные полотнища с установленными сигналами;

е) в наступлении не отрывайся от танков, а двигайся вплотную за ними. Помни, что главный враг танков — противотанковая пушка. Смотри в оба! и бери под меткий огонь противотанковые орудия противника. Этим ты поможешь танкам, а танки помогут тебе ворваться в окопы противника и уничтожить ненавистного врага;

ж) перед броском в атаку дозаряди винтовку пятью патронами, поставь курок на предохранитель, приготовь к бою ручные гранаты;

з) смело бросайся в штыки, помня, что ни одна армия в мире не может устоять против нашего штыкового удара. Японская сволочь боится нашего штыка, как чорт ладана;

и) бегущего противника стремительно преследуй огнем и быстрым движением вперед до полного его разгрома;

к) захваченные японские окопы быстро приспосабливай к бою в сторону противника;

л) помогай в бою товарищу огнем, штыком и лопатой.

4. Час настал! Приказ командования краток: **Вперед товарищи! Смерть провокаторам войны! За Родину! За Сталина! За братский монгольский народ!!!**

КОМАНДОВАНИЕ КОРПУСА
ПОЛИТОТДЕЛ КОРПУСА

Обращение командования и политотдела корпуса к бойцам

чившихся в первые дни августовского наступления. В тот же день политотдел выпустил листовку, в которой сообщалась обстановка на фронте, успехи наших частей.

Политотделу стало известно, что иногда командиры и политработники, пренебрегая опасностью, несут напрасные жертвы. Одновременно с этим мы имели факты чудесных подвигов бойцов, когда они, рискуя своей жизнью, спасали жизнь командира и политработника. Мы сразу же выпустили листовку под названием: «Сохранение жизни командира и комиссара — священный долг бойца РККА».

Все эти листовки, которые часто носили характер обращений к бойцам и войскам, встречались с огромным интересом и энтузиазмом. Политотдел получал десятки писем, резолюций, где в ответ на эти листовки, призывы командования и политотдела бойцы и командиры давали клятву разгромить и уничтожить японцев.

Огромное количество листовок было выпущено для солдат противника. Большую помощь нам оказал звуковещательный отряд, передачу которого наши бойцы называли «политчасом для японцев».

Обстановка на фронте быстро менялась. К 24 августа японцы были полностью окружены. Шли упорные бои за песчаные барханы, высоты, сопки, которые враг превратил в сильно укрепленные бастионы, надеясь отсидеться в них до подхода подкрепления. Некоторые наши части заняли оборону на границах. Артиллерия перешла на открытые позиции и стреляла прямой наводкой. Настал самый напряженный период, когда вся борьба была перенесена в траншеи. В соответствии с обстановкой и приказами Военного Совета политический аппарат менял формы своей работы.

Кроме выпуска листовок, основное внимание политотдела было обращено на помощь частям во время штурма высот, особенно там, где бывали заминки.

22 августа мой заместитель тов. Мельников поехал готовить батальон мотострелковой бригады, подразделения которой залегли и медленно продвигались вперед. В дивизию, где слабо обстояло дело с бытовым обслуживанием, на второй день боя была послана группа политработников для организации доставки воды, горячей пищи бойцам и вывозки раненых.

В ночь с 24 на 25 августа мы послали группу политработников из нашего резерва во главе с преданным сыном партии тов. Шосталь для подготовки штурма ремизовских высот. Наши товарищи весь вечер проводили беседы с бойцами. Вместе с работниками политического отдела 36-й дивизии они разъясняли бойцам, что готовится решительный штурм высоты Ремизова. Они рассказали бойцам, что наши войска на правом

фланге полностью окружили японцев и добивают его последние остатки, что в хинганских войсках разложение, а в тылу противника паника. Рассказали, как при наступлении должно быть построено взаимодействие стрелков и пулеметчиков, пехоты с артиллерией и танками, какие сигналы установлены для опознавания своих.

Подготовленная атака окончилась блестяще. Задача дня была выполнена. В этом бою смертью героя погиб тов. Шосталь. Умирая, он говорил товарищу: «Мне не страшно умирать за Родину, за родного Сталина. И если я умру, то ты, друг, Павлик, продолжай с еще большей ненавистью уничтожать японских гадов. Им пришел конец. Не победить 170-миллионного Советского народа никогда и никому».

Неоценимую помощь нам оказали работники резерва, присланные Политическим управлением Красной Армии. Они обеспечили нам живую связь и оперативное руководство частями, проявляя себя геройски в бою. Этими кадрами я занимался лично. Я их собирал ежедневно и информировал об обстановке, посылал в соединения и части для помощи в проведении той или иной операции, для ликвидации заминки. Я их посылал для того, чтобы быстро, наиболее точно и обстоятельно проинформировать руководителей соединений и частей об обстановке и довести до них задачу. Работники резерва хорошо информировали нас о положении на отдельных участках фронта. Они, наконец, посылались нами на руководящие посты взамен выбывших из строя политработников.

За все время наступления мы ни разу не собирали начальников политотделов и военкомов. Хорошо это или плохо? Я считаю, что не было нужды отрывать всех их сразу от частей. Но с каждым из них мы были связаны. Они приезжали к нам, когда позволяла обстановка. Мы бывали в частях и на месте разрешали все вопросы, беседовали по телефону, устанавливали связь через работников резерва.

...С каждым днем все у́же и у́же сжималось кольцо окружения.

Наши части в упорных боях, соревнуясь в доблести и геройстве, брали сопку за сопкой. 30 августа пал последний оплот обороны врага — сопка Ремизова. На ней водрузил красное знамя младший комвзвод Кирин.

Наш политический аппарат в этих боях с честью выдержал экзамен на отличное выполнение задания партии и правительства. Эти бои обогатили нас замечательным опытом для мирной учебы и для будущих боев.

★

★

Лейтенант К. КРАПИВИН

ГЕРОИЧЕСКИЕ ДНИ

В ОБОРОНЕ

С утра 23 июля японцы открыли артиллерийский огонь. Они неуверенно бросали снаряды по переднему краю нашей обороны, нащупывая огневые точки.

Мы расположились на скатах песчаных барханов, хорошо окопались, не несли потерь.

В восемь утра заговорили японские ручные и станковые пулеметы. Вражеская пехота небольшими группами стала накапливаться в стыке между нашим правым флангом и левым флангом соседа. Мы знали, что противник, скопив значительные силы, собирается вести наступление, но были уверены, что он будет отбит.

Был жаркий солнечный день. Бойцы спокойно перебрасывались шутками, курили, еще раз проверяли свое оружие, готовили гранаты.

Наша артиллерия начала расстреливать обнаруженные батареи противника и уничтожать его пехоту, скопившуюся для атаки в глубокой лощине.

Артиллерист лейтенант Фетисов из приданной соседу батареи Кособрюхова стрелял точно. До нас нередко доносились стоны и визг с японской стороны.

А когда японцы, вырвавшись из лощины, попытались продвинуться вперед, их встретил дружный огонь наших станковых пулеметов. Видно было, как недобитые японские солдаты бежали назад.

На этом закончилась утренняя атака. Стало заметно, что задуманное японцами наступление проваливается с самого начала.

В 12 часов повели беспорядочную стрельбу все японские огневые средства. Это напоминало взбесившегося зверя, который уже не соображает, откуда ему наносят удары, а с пеной на губах вгрызается во что попало и, причинив себе боль, еще больше свирепеет.

Наши артиллеристы, хладнокровные критики, тщетно пытались определить «стиль» японской стрельбы.

— Ого! Начали стрелять по площадям.

— Что ты? Для этого у них нехватит ни сил, ни снарядов. Они бьют по рубежам.

— А по-моему, бьют как попало, лишь бы стрелять.

— А вот мы будем стрелять не по рубежам и не по площадям, а по японским батареям,— рассудительно резюмировал командир.

Наша артиллерия открыла ураганный огонь. Задрожал воздух от непрерывных выстрелов и разрывов. В промежутках был слышен ружейный и пулеметный огонь. Он казался слабым-слабым по сравнению с сокрушительным гулом артиллерий!

Мы сидели в окопах и ожидали нового приступа. Вот в воздухе появились два японских разведчика. Они быстро прошмыгнули вдоль переднего края нашей обороны, а через 10—15 минут показались японские бомбовозы.

— Крокодилы летят! — прокричал кто-то.

Встреченные огнем зенитной артиллерии, эти «крокодилы» поспешно развернулись, сбросили бомбы в стороне от нас и скрылись.

В воздухе стоял едкий дым от взрывов. Он светлосерыми тучами слоился над землей и был похож на утренний туман. Солнце палило беспощадно. Хотелось пить, но вода осталась только для пулеметов.

Я сидел в окопе рядом с командиром пулеметной роты лейтенантом Беляковым. Он вздохнул и произнес с оттенком горькой усмешки:

— Хорошо живется станковым пулеметам! Они у меня всегда вычищены, доотказа залиты водой. А сам я хочу пить, и воды для меня нет.

Минометы ведут огонь по противнику. На снимке: наводчик С. Кутковский и второй номер И. Щербаков

Лицо Белякова, обветренное, обросшее черной бородкой, заметно осунулось, но ласковые глаза его смеются попрежнему. Он невысок ростом, худощав, всегда удивительно спокоен. Это один из лучших командиров, любимец бойцов. Я часто завидовал ему, учился у него, как надо вести себя во время боя.

Наш разговор прерывает японская батарея. Несколько снарядов упало неподалеку от нас. Порвана телефонная связь с соседней ротой и с командным пунктом. Чтобы устранить разрыв линии, надо перебежать лощину, которая бешено обстреливается пулеметным огнем. Первый связист не пробежал и тридцати метров, как был тяжело ранен. Санитары, рискуя жизнью, кинулись спасать товарища, доставили его в окоп, перевязали. Но ведь связь-то все-таки нужно восстановить.

— Товарищ Галкин, исправьте линию,— приказал командир взвода связи.

Взяв изоляционную ленту и провод, Галкин окинул всех взглядом, словно прощаясь на всякий случай, и выскочил из окопа. Все знали Галкина как лучшего, храбрейшего связиста, но задача была исключительно трудна, и бойцы боялись потерять товарища.

— Галкин, ты больше ползком! — кричали ему вдогонку.

— Нет, ты лучше обойди вон за теми кустами,— прокричали некоторые бойцы свои советы.

Галкин, пригнувшись, стремительно побежал в лощину. Тотчас же усиленно заработали японские пулеметы, и снова в лощине разорвалось несколько снарядов.

— Упал, — сказал один из бойцов с тоской и тревогой.

— Он залег,— успокаивающе, но неуверенно произнес другой.

Томительно тянулись минуты. Всех мучила тревожная мысль: убит, ранен или залег? Видели, что Галкин неподвижно лежит в траве, а вокруг взрывают землю японские пули. Но вот пыль осела. Японцы перенесли огонь.

— Побежал! Побежал! — закричали бойцы и, возбужденные, стали выпрыгивать из окопов.

— Куда вы? По окопам! — остановил их командир.

Галкин пробежал метров двадцать и опять залег под японскими пулями, заставляя всех волноваться за его судьбу.

Так повторялось несколько раз, но связь все же была восстановлена. Вот Галкин возвращается. Он перепрыгнул последний бугорок. Вслед за ним люто рванули песок пулеметные очереди, но боец уже вне опасности. Он устал. Старается отдышаться, широко открыв рот. Потом улыбается, стирает рукавом пот и пыль с лица, встряхивает головой и говорит своим обычным голосом:

— Жарко.

Командир отделения подал Галкину флягу с водой, оставленную про запас. Он сам мучительно хотел пить, но воду приберег. Галкин вопросительно посмотрел на командира, и тот небрежно сказал:

— Пей, пей! Это у меня была лишняя фляжка!..

Бой продолжается. Наша артиллерия попрежнему ведет меткий огонь. Отдельные группы японской пехоты залегли в песках и, несмотря на отчаянные крики офицеров, дальше не двигаются. Вырвавшиеся вперед кучки японцев расстреливает наш пулеметный огонь.

Уже очевидно, что никакой атаки опять не получилось, но японцы, словно по инерции, продолжают стрелять. Наверно их генералы решили дотянуть до темноты. Все-таки не так стыдно будет перед своими солдатами...

В сумерки наступило затишье. Пришла наша кухня. Мы пообедали и, главное, вдоволь напились воды. Расположились на старых рубежах для ночной обороны, зная, что и ночь будет проведена в бою. Перед каждым бойцом на бруствере окопа лежат три-четыре гранаты, да по две на руках.

Враг не заставил себя ждать. Из-за песчаной сопки вскоре взвилась ракета.

— Видели ракету, товарищи? Это значит, что японцы заправились спиртом и сейчас пойдут в атаку. Приготовиться!..

Ночь была тихая, темная. Кое-где между облаками виднелись крупные звезды. Где-то вдалеке проворчал наш станковый пулемет и разорвалось несколько ручных гранат. И опять напряженная тишина. Слышно лишь, как время от времени телефонист осторожно проверяет линию условными позывными.

— Скорее бы уж лезли, черти! — не выдерживает кто-то.

— Да ты прислушайся получше, они уже лезут,— отвечает второй голос из темноты.

И действительно, справа стало слышно, как брякают котелки подползающих японцев. Вдоль линии фронта пролетело над нашими головами несколько трассирующих пуль. В небе вспыхнула яркая ракета. Она повисла в воздухе.

— Смотри, как долго горит и не падает.

— Она с парашютом.

Снова взлетело в воздух несколько красных, синих и зеленых ракет. Еще и еще. Они извивались, как змеи. Каждая оставляла после себя тонкий огненный след и, взорвавшись, рассыпалась сотнями мелких цветных вспышек. С обоих флангов и прямо на нас полетели трассирующие пули. Все небо покрылось стремительно мчащимися, вспыхивающими и гаснущими огнями.

— Красивое зрелище!.. И, главное, бесплатно! — переговаривались бойцы.

Наконец, заговорили ручные и станковые пулеметы японцев. Теперь к огням, которые мчались в различных направлениях, рассекая небо, присоединилось журчание пуль.

Послышался пьяный галдеж японских солдат. Котелки брякали уже совсем близко. Было дано приказание: не стрелять. Подпустим противника как можно ближе, забросаем ручными гранатами, расстреляем в упор из пулеметов.

Откуда-то из тыла тоже стали лететь светящиеся пули. Вся ночная атака была построена так, чтобы с помощью «световых эффектов» создать видимость окружения и посеять среди нас панику.

Некоторые бойцы недоуменно спрашивали:

— Товарищ командир! А кто же это сзади стреляет?

— Это стреляет давно спрятанный японский снайпер,— объяснил командир.— Он нас не видит, вылезть боится и стреляет, куда попало. Видите, как пули летят! Вот станет светло, мы его поймаем, а сейчас все внимание вперед!

Японцы подползли совсем близко. Пьяный галдеж обратился в нечто, напоминающее зверинец. Каких только «звуковых эффектов» здесь не было: и свист, и шипение, и визг, и даже что-то, напоминающее собачий лай. На этом разнообразном звуковом фоне возникал время от времени крик, противный, нудный, хриплый:

— Уо-го! Банзай! Банзай! Уо-го!..

Но вдруг сотнями маленьких злых молний озарилось небо, и звонкие раскаты потрясли воздух. Это наши бойцы ручными гранатами и пулеметным огнем стали успокаивать не в меру разбушевавшихся японцев. На миг наступила тишина. Потом отовсюду послышались неистовые крики и стоны. Пулеметы продолжали работать. Наша гаубичная батарея положила десятка два снарядов, разнесла японскую свору в клочья. Враги, оставшиеся в живых, бежали уже без всяких воинственных кликов. Котелки и тапочки были предусмотрительно брошены...

Наступал рассвет. Приближался восход солнца.

НАЧАЛО ШТУРМА

Накануне нам стало известно, что наступление начнется 20 августа. Это не было неожиданностью. Уже давно все бойцы и командиры строили различные варианты разгрома японцев и терпеливо ждали приказа наступать.

19 августа началась подготовительная работа. Тщательно, детально был изучен приказ, прочитали листовки политотдела, провели беседы о международной обстановке, проверили оружие, боеприпасы, питание.

О туалете напоминать не пришлось. Все были настолько проникнуты торжественностью дня, что мобилизовали все имеющиеся средства. Один оказался мастером по правке бритв, другой — парикмахером, третий прекрасно готовил помазки и мыльный раствор, а четвертый просто успокаивал клиента, когда тот не выдерживал окопного бритья и начинал брыкаться.

Вечером пришла кухня. Поужинали, запаслись водой. Ночь прошла спокойно, но все были в боевой готовности, зная ехидный характер врага.

Наступал рассвет великого дня.

Небо побледнело, стали исчезать звезды. Зарумянились небольшие тучки, собравшиеся на востоке. Командир подразделения тов. Шевелев беспокойно поглядывал на часы. Уже давно должна была появиться кухня с завтраком, но ее не было. Командир несколько раз справлялся по телефону и получал один и тот же ответ: «кухня выехала».

— Значит, засела где-то в пути,— озабоченно произнес он.

— Приготовить полотнища! — передали из штаба части.

Сейчас начнется. Все переглянулись, улыбнувшись друг другу. Белые полотнища мы выстилали на переднем крае обороны, чтобы летчики видели расположение наших частей.

Из-за песчаных барханов показалось солнце. Реденький белый туман подымался над землей. В небе появились три разведчика-истребителя. Японские зенитки открыли по ним бешеную стрельбу. Развернувшись, разведчики пролетели вдоль линии фронта и повернули назад.

— Ну, держись, японец!

— Да! Сейчас наши бомбардировщики повезут туда шоколад!

— Летят! Смотри, смотри сколько! — закричал связист и поднялся, чтобы выйти из окопа.

— Прекратите крик и садитесь в окоп! — с нарочитой суровостью приказал младший комвзвод Ветошкин. Сам он зачарованно смотрел в небо.

Воздух наполнился нарастающим гулом. В строгом строю торжественно плыли над нами бомбардировщики, направляясь в сторону врага. Это зрелище было настолько впечатляющим, что кое-кто выбросил изо рта недокуренную папиросу, как-будто папироса могла помешать этому грандиозному воздушному наступлению.

Японские зенитки открыли стрельбу. Черными тучками дыма зарябил воздух возле самолетов. Справа, слева, сверху, внизу. Но ни один не нарушил строя. С железной неотвратимостью плыли они вперед и вперед.

Дрогнула и заколебалась земля. Перед нами стали вырастать и расплываться столбы огня, земли и металла. Они ста-

За обедом

новились все гуще и, наконец, слились в сплошную темно-серую массу...

— Товарищ командир! А ведь кухня уже пришла,— заявил младший лейтенант Зуев.

Все, будто очнувшись, оглянулись на кухню, а потом друг на друга. Засмеялись. И снова стали смотреть туда, где гремели разрывы авиационных бомб.

— Вот это видно, что наши!

— Да, красиво.

— А «крокодила» ни одного нет. Попрятались!

Бойцы были горды за себя, за свой народ, за свою могучую технику.

Не успели скрыться из виду последние самолеты, как воздух снова наполнился гулом моторов. Шла вторая волна. Японские зенитки уже не стреляли. Из-за Халхин-Гола шла третья волна. Кто-то пытался считать, но потом безнадежно махнул рукой и неожиданно заключил:

— В общем много!

Вслед за бомбардировщиками пронеслись штурмовые самолеты. Пчелиным роем гудели они над японскими окопами, и трудно было проследить за их действиями. Они то падали на землю со стремительностью ястреба, то быстро поднимались вверх. Летел самолет над самой землей, и казалось, что вот-вот зацепится он за песчаные бугры, а он вдруг почти отвесно взмывал в воздух. Спаренные пулеметы непрерывно

поливали японские окопы густыми очередями. Наконец, все самолеты набрали высоту, построились и улетели.

Дым и пыль еще не успели осесть на японском логовище, как заговорили сотни наших орудий различных калибров. С шипением проносились снаряды пушек, спокойным шелестом вторили им снаряды гаубиц. Тонны раскаленного металла вгрызались в землю, с визгом и громом рвали ее на куски, оставляя глубокие воронки...

Мы в это время заканчивали завтрак.

Начальник тыла младший лейтенант Жоголев пытался объяснить причины опоздания кухни, но командир подразделения не дослушал его.

— Ладно. Знаю, что по-пустому не сидел. Главное сделано, бойцы поели во-время.

Жоголев облегченно вздохнул.

— Я чуть было с ума не сошел от обиды,— продолжал он.— Неужели, думаю, в такой момент оставлю бойцов голодными? А машина села, проклятая, в грязь по самый дифер. Толкал, толкал я ее — не двигается ни взад, ни вперед. Вижу невдалеке артиллеристы везут снаряды. Я к ним. «Товарищи,— говорю,— не оставьте бойцов голодными, помогите вытащить кухню». Остановились они, посмотрели. «Что ж, давай, только ведь и мы торопимся, и тоже пищу везем, только для японцев». Зацепили буксиром и вытащили...

— А почему вы раньше не выехали?

— Это-то «раньше» нас и погубило. Поторопились, выехали затемно, а дороги не видно. Вот и засели...

Полтора часа длился ураганный огонь нашей артиллерии. А потом взвились в воздух зеленые ракеты, и наши командиры сказали:

— Товарищи, настал решительный час! Смерть подлым провокаторам войны! За Родину! За Сталина — вперед!

— Вперед! Смерть японским гадам!

— За Родину!

— За Сталина!

И мы пошли в наступление. Так начался штурм.

АТАКА

В начале боев сопка была зеленой и кустистой. Почти на самом гребне ее были чуть заметны следы японских оборонительных работ. Южный ее скат, обращенный к нам, оставался на первый взгляд неукрепленным. Пулеметчики и снайперы противника были тщательно замаскированы, они, как змеи, забились в норы, прикрывшись небольшими кустами и травой.

После 20 августа сопка совершенно перестала походить на «Зеленую». Это уже был пепельносерый, продолговатый холм, с прибитой землей и сожженной растительностью, пятнистый и корявый...

Японцы огня не вели. Забившись глубоко в блиндажи с мощными перекрытиями, они отсиживались, спасаясь от артиллерийского огня, и следили за каждым нашим шагом. Наше подразделение, развернувшись, продвигалось к сопке, охватывало ее с флангов. Артиллерия прекратила стрельбу.

Когда противник заметил продвижение нашей пехоты, он открыл бешеный огонь. Сопка вдруг ожила. Ее «гарнизон» отбивался всеми средствами: минами, снарядами, пулеметами. Звонко, с оглушающим сухим треском рвались мины, разбрасывая песок. Со свистом и противным жужжанием полетели в нашу сторону пулеметные очереди.

Роты залегли за песчаными буграми. Было приказано не продвигаться дальше, чтобы не иметь бесцельных потерь, а окопаться на достигнутых рубежах. За работу взялись приданные нам артиллерийский дивизион и противотанковая батарея. Пушки выкатывались на открытые позиции и прямой наводкой били по обнаруженным огневым точкам, а гаубицы громили обратные скаты.

Японцы снова замолчали. Около двух часов непрерывным шквалом огня поливалась сопка «Зеленая». Вырывались вместе с землей и сгорали последние остатки растительности. Темносерыми тучами дыма заполнялись лощины. Далеко в японском тылу что-то горело в нескольких местах. Нещадно палило солнце, хотелось пить.

Взвились зеленые ракеты. Артиллерия умолкла. Мы стали опять продвигаться вперед. Но будто из-под земли вырастали новые огневые точки врага. Снова заработали его ручные и станковые пулеметы, а затем стала отплевываться минометная батарея. Одна наша рота, действовавшая на правом фланге, продвинулась и заняла выгодный рубеж, напоминавший земляной вал перед крепостью. Теперь сопка была на расстоянии 70—100 метров от наших рот. Обе стороны разделяла глубокая лощинка, которую японцы простреливали фланговым огнем. Поступил приказ, запрещающий продвижение вперед. Артиллерия снова принялась разрушать сопку. Бой длился до вечера.

Когда стало темно, к нам пришла кухня. Выставили дозоры и полевые караулы. Чаю и воды было вдоволь. Все хвалили повара за вкусный обед.

Ночью наша артиллерия время от времени стреляла по сопке, сковывая врага. Бойцы немного отдохнули.

Наступил рассвет, и снова на штурм. После двухчасового артиллерийского огня продвинулась на левом фланге рота

Малашкевича. Около двухсот японцев, не выдержав натиска с левого фланга, выбежали за сопку в лощину и беспомощно заметались. Наши станковые пулеметы расстреливали их в упор. Командир гаубичной батареи стал бить по лощине осколочными снарядами. Группа противника была уничтожена. Наши роты накапливались для атаки.

Теперь снаряды нашей артиллерии рвались совсем близко впереди нас. От порохового дыма душил кашель. Слышно было, как свистят осколки. Впрочем, уши каждого бойца уже привыкли к этому хаосу звуков. Люди даже перестали замечать его, а объяснялись друг с другом знаками.

Враг все еще сопротивлялся. Надо было переставить пулеметы на новый рубеж, чтобы обеспечить нашей пехоте, приготовившейся к атаке, поддержку огнем.

Во время переброски пулеметов я почувствовал, как что-то меня толкнуло в плечо. Защемило. Что-то влажное и теплое стало расползаться по всей руке. Я заметил на рубахе две дырочки. С рукава по кисти руки бежала кровь. Рука все-таки двигалась. Я понял, что ранен пулей навылет, и кость цела. Писарь Дьяков перевязал мне рану.

В это время роты пошли в атаку.

— Вперед, вперед! Ура-а-а!

— За Родину! За Сталина!

Могучее красноармейское «ура» прокатилось по лощине. Густая трескотня ружейных и пулеметных очередей заполнила воздух. Несколько храбрых бойцов, прорвавшись на сопку, забросало траншеи и окопы противника ручными гранатами. С обратных скатов по ним застрочили японские пулеметы. Японцы выбрасывали гранаты из своих нор и разбрызгивали какое-то воспламеняющееся вещество. На одном бойце загорелась одежда.

Штыками и гранатами было уничтожено много японцев и разрушены некоторые пулеметные гнезда. Но сопка еще не была взята. Бой длился до вечера.

В этой атаке в третий раз был ранен командир роты старший лейтенант Лунегов. Когда санитары отвели его в безопасное место и сделали перевязку, он недовольно махнул рукой и сказал:

— Не везет мне в бою, чорт бы его взял...

Моя рука распухла к вечеру, стало больно двигать ею. Военврач 3 ранга Немцев, человек заботливый и внимательный, пользующийся большим уважением бойцов, все время не отходил от передовой линии. Он предложил мне горячей каши с мясом, а после ужина пожал мне руку и сказал:

— Поезжайте, отдохните немного. Рана хоть и не слишком опасна, но может осложниться. Да и что это за командир с одной рукой? Ни стрелять, ни гранату бросать...

Уже за Халхин-Голом, поднимаясь в гору, я видел вспышки выстрелов и взрывов. Ночное небо прорезали ракеты. Я мысленно прощался с друзьями — до скорого свидания, товарищи!..

Находясь в госпитале, я каждый день, как и все остальные раненые, с нетерпением ждал последних известий с фронта. Скорее хотелось знать, что делается под сопкой Зеленой.

Наконец, пришли газеты, где сообщалось, что сопки Зеленая и Песчаная взяты, что идет последний штурм сопки Ремизова. Враг окружен и почти полностью уничтожен. Появились раненые, участвовавшие в окончательном разгроме японцев.

В нашей «команде выздоравливающих» начались дни торжества и веселья. Даже давно заброшенная гитара без струн — и та приняла посильное участие в общем концерте, с успехом заменив бубен.

Комиссар Крупенко провел митинг, посвященный разгрому японских захватчиков. Все выступавшие жалели, что не смогли участвовать в последних боях. Их лица сияли радостью за победу товарищей. Каждый гордился, что в этой победе была и его доля.

★

★

Батальонный комиссар И. АСТАПЕНКО

БАИН-ЦАГАНСКОЕ ПОБОИЩЕ

Навсегда останется в памяти эта зеленая гора, с огромного лба которой видна степь на десятки километров. Навсегда останутся в памяти крутые стометровые обрывы горы, а внизу — красивая долина реки Халхин-Гол в зеленых курчавых кустах. Здесь, на вершине и на скатах горы, 3 июля произошло упорное и кровопролитное сражение. Здесь, на горе Баин-Цаган, японцы узнали всю мощь советских танков.

Как известно, японцы решили переправиться через Халхин-Гол, захватить гору Баин-Цаган, укрепиться на ней и затем полностью отрезать, окружить и уничтожить наши войска, находившиеся на правом берегу реки.

Этот план генерала Камацубара «по окружению и уничтожению» оказался бы вполне реальным, если бы японцы имели перед собой слабую, неорганизованную армию.

Генерал Камацубара не учел, с кем имеет дело. Армия, воспитанная партией Ленина — Сталина, оснащенная первоклассной техникой, оказалась способной вести бой с превосходящими силами противника и разбить его.

События развивались так. Чтобы обмануть нашу бдительность, японцы вечером 2 июля повели наступление на нашу оборону в центральном участке. Они бросили сюда танки.

Хлестал проливной дождь. Для большего эффекта японцы пустили свои танки с зажженными фарами, но «психическая атака» им не удалась. Наши части стойко сдерживали натиск врага.

В то же самое время на нашем левом фланге под прикрытием ночи японцы навели мост через реку Халхин-Гол и начали переправляться на гору Баин-Цаган. Там занимали оборону незначительные отряды Монгольской народно-революционной армии. Под давлением явно превосходящих сил противника монгольская кавалерия отошла влево. Японцы быстро переправлялись через реку и двигались в разрыве между нашими и монгольскими частями.

К утру 3 июля на гору Баин-Цаган успели выйти два японских полка — 71-й и 72-й. Вместе с пехотой переправилась многочисленная артиллерия и множество пулеметов, в том числе и крупнокалиберные.

Заняв гору Баин-Цаган, японцы стали здесь лихорадочно готовить оборону: рыли окопы, устанавливали противотанковые пушки, пулеметы.

Одновременно частью своих сил они начали наступать вдоль берега Халхин-Гола к нашей переправе, чтобы отрезать наши части от тыла.

Генералу Камацубара уже казалось, что осуществление его планов не встретит никаких серьезных препятствий. Огромная лавина отборной японской пехоты двигалась беспрепятственно.

Камацубара имел в районе горы Баин-Цаган два пехотных полка, полк конницы, 17 батарей противотанковых орудий, 10 батарей 75-миллиметровых орудий, батарею гаубиц и др.

Итак, около 150 орудий было поставлено в полукруглых окопах. Орудия могли поворачиваться на 180 градусов.

Здесь были приготовлены «мешки» — система, при которой среднее орудие стреляет по наступающему танку, два боковых молчат. А когда танк подходит ближе, боковые орудия расстреливают его с флангов.

Тут же разместились гнезда крупнокалиберных пулеметов. В одиночных круглых окопах японцы посадили «смертников» — солдат, выделенных для нападения на танки, с гранатами и бутылками бензина, со вставленными в горлышки зажженными фитилями.

Нависла серьезная опасность. Наше командование, почувствовав эту опасность, отдало приказ 11-й танковой бригаде, 7-й бронебригаде и 24-му мотострелковому полку двинуться в район Баин-Цагана.

Наша танковая бригада уже совершила 700-километровый переход от зимних квартир к району действий. Это был небывалый в истории танковых частей марш. Овраги, пески, кочки, солончаки — все преодолевали на своем пути танкисты, мастерски владея первоклассной техникой.

Танки приближались к исходным позициям. Стали слышны выстрелы японской артиллерии.

24-й полк задержался в пути. Из вражеского тыла, с той стороны реки, продолжалось движение пехоты, конницы, артиллерии японцев. Какое принять решение? Ждать подхода пехоты, хотя бы один час было бы непоправимой ошибкой. И командование войск и командир бригады комбриг Михаил Яковлев приняли решение: атаковать японцев одними танками.

У развалин старинной крепости развертывает он свои танковые части и двигает в бой.

Вперед была выслана разведка в составе танкового взвода лейтенанта Кудряшева. Старший лейтенант Агибалов получил приказ спуститься с восемью танками вниз к реке по одной из извилин горы, разведать силы японцев, перерезать им путь отступления.

Два его танка влетели в азарте в болото и там застряли. Но остальные задачу выполнили. Они обнаружили, что на противоположном берегу, готовясь к переправе, скопилось свыше 200 японских машин. Медлить нельзя было. И комбриг Яковлев двинул свои батальоны в бой. Могучей была стремительная атака танков.

Ворвавшись первым в расположение противника, взвод Кудряшева ведет неравный бой с врагом. Пушки и пулеметы советских танков уничтожают скопления японской пехоты.

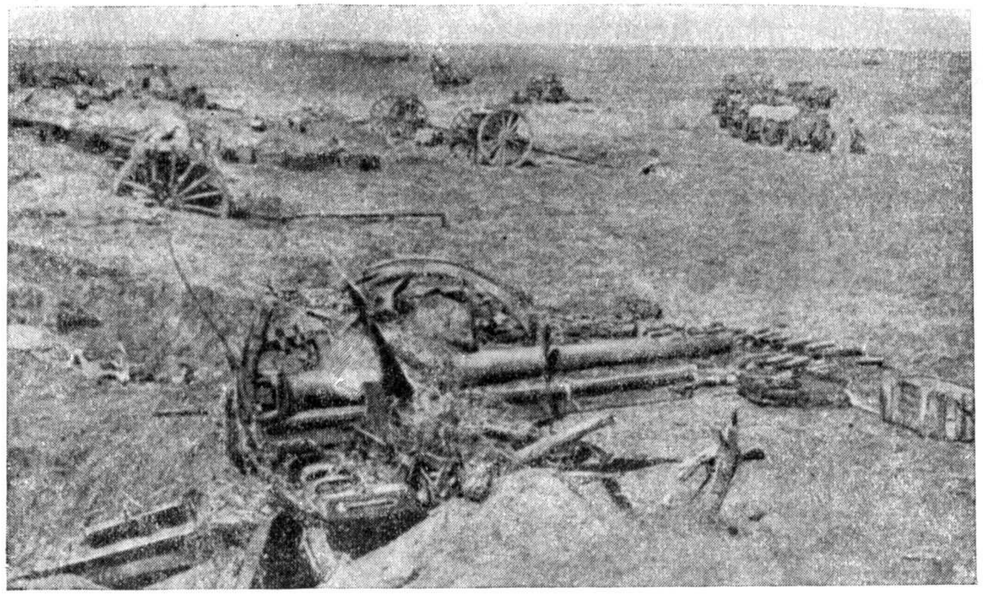
Двинулся вперед и батальон майора Михайлова. Вот Михайлов уже сигналит флажком — танки разворачиваются в боевую линию. Широким фронтом, растянувшись на километр, двигается на противника грозная колонна.

Михайлов ударил слева, остальные батальоны с центра и справа. Противник был атакован с трех сторон. Наши танкисты уничтожали противника огнем пушек и пулеметов, давили своими гусеницами его противотанковые пушки, пулеметы, прислугу.

Навстречу хлестало море огня японских пушек и пулеметов. Вот подбит и загорелся один, другой, пятый наш танк.

Гул орудий, рев танков, черный дым и огонь покрыли всю холмистую равнину...

Грозная лавина боевых машин все глубже и глубже врезалась в уже дрогнувшие ряды противника. Вот показалась река Халхин-Гол, ее зеленая долина, переправа противника. Можно свободно наблюдать скопление японской пехоты, кавалерии и артиллерии.



Японские пушки, раздавленные нашими танками

Японцы не ожидали такого концентрированного удара. Раньше всех дрогнула и в панике кинулась к реке Халхин-Гол баргутская конница.

Но сопротивление врага все еще сильно. Из строя выбывают то один, то другой наш танк.

Вот что-то с оглушающим звуком стукнуло по моему танку. Машина сразу вспыхнула. Убит водитель. Еле успели мы снять пулемет, установили его вблизи и стали бить по окопам врага.

Еще дальше врезаются в глубь японских частей наши танки. На полном ходу несется в атаку на противотанковые батареи противника боевая машина старшего лейтенанта Соловьева. Танк вползает на пушку и гусеницами уничтожает ее, вдавливая в землю. По его машине сосредоточивается артиллерийский огонь со всех сторон. На помощь Соловьеву спешит танк тов. Шмагина.

Ранены механики-водители Таранец, Шевчук, Айманбетов, башенный стрелок Ткачев, механик-водитель Максимушкин. Но они продолжают вести машины в атаку.

Старший лейтенант Кукин так стремительно мчался со своей ротой, что прошел всю глубину расположения японских частей до самой реки и стал основательно «хозяйничать» в тылу японцев. Паника в рядах неприятеля еще больше росла.

К вечеру подошел пехотный полк Федюнинского. Танки вышли из района боя на отдых только в 2 часа ночи.

На второй день наши танки, поддержанные пехотой, снова

пошли в атаку. Деморализованный противник не выдержал и обратился в бегство. Началось подлинное побоище японцев.

Вся гора и все ее склоны были усеяны трупами японцев. С отчаянным воем бежали солдаты. Офицеры срывали с себя погоны. Поле боя застлано дымом, огнем. Страшная стальная лавина двигается вперед. Вот один из танков расстреливает японскую трехтонку, битком набитую японскими солдатами. Другой танк давит своими гусеницами противотанковую батарею. Расчет бросает оружие и бежит в страхе. Пулеметная очередь из танка догоняет его, танки наваливаются на японцев и давят их. Умолкают одна за другой противотанковые пушки. Гусеницы танков сравнивают их с землей.

Танки двигаются вперед, они врываются в гущу солдат. Вопли. Черный дым.

Многие японские солдаты сложили свои головы на этой зеленой монгольской горе. Не одна тысяча трупов осталась на месте боя.

Так кончилось сражение при Баин-Цагане. 11-я танковая бригада имени Михаила Яковлева покрыла себя неувядаемой славой. Танкисты-яковлевцы не только ликвидировали угрозу окружения советско-монгольских войск, но и сами нанесли губительный удар японским захватчикам.

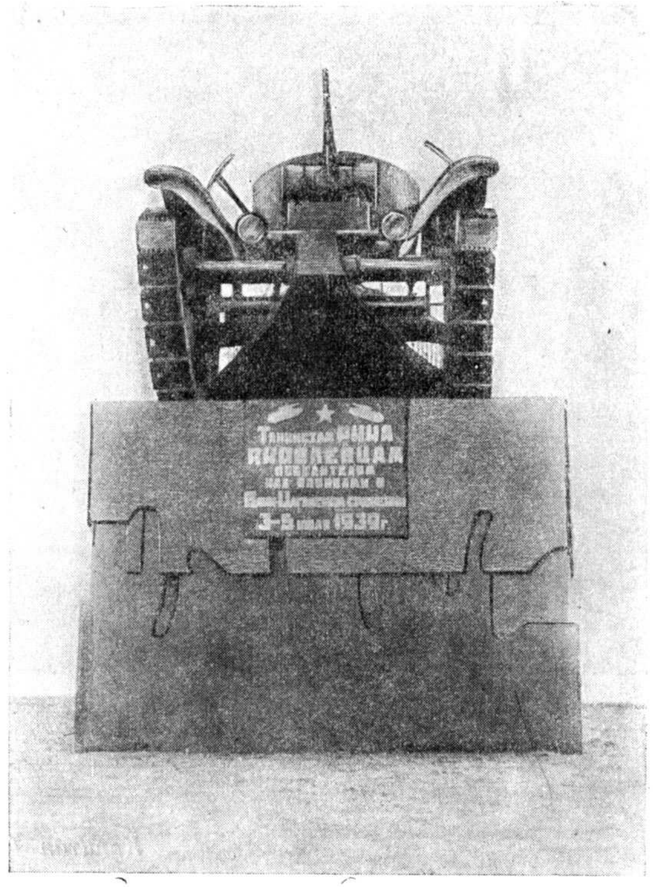
Баин-цаганское побоище — страшный и памятный урок для японских захватчиков!

* * *

Прошло несколько дней после Баин-цаганских боев, и наша бригада снова получила боевую задачу. Отряд японцев, численностью в 150 штыков, ночью пробрался, сбив наше охранение, почти к самому берегу Халхин-Гола. Они засели в глубокой песчаной котловине. У крутых, почти отвесных стен котловины они установили станковые и ручные пулеметы, а также противотанковые пушки, привезенные ими на ослах. Из этой котловины японцы обстреливали переправу и били по флангам и тылу наших пехотных частей, пытаясь посеять среди них панику.

Командование наших войск послало пехотинцев выбить из котловины и уничтожить японскую банду. Пехотинцам были приданы танки. Но первые атаки не увенчались успехом. Японцы серьезно укрепились, а наши пехотинцы, — это были новые, недавно прибывшие на фронт бойцы,— не имели опыта рукопашного боя.

Тогда комбриг Яковлев на своем танке сам приезжает сюда и возглавляет штурм. Вот танки пошли вперед. Японцы открыли бешеный огонь. Оглянулся Яковлев и увидел, что наша пехота залегла. Он тогда выскочил из танка, крикнул:



Памятник, сооруженный на Баин-Цагане в честь орденоносной танковой бригады имени М. Яковлева

«За Родину!», «За Сталина!» и с гранатой в руках повел пехоту в атаку.

Бойцы под бешеным огнем неприятеля устремились за героем-танкистом.

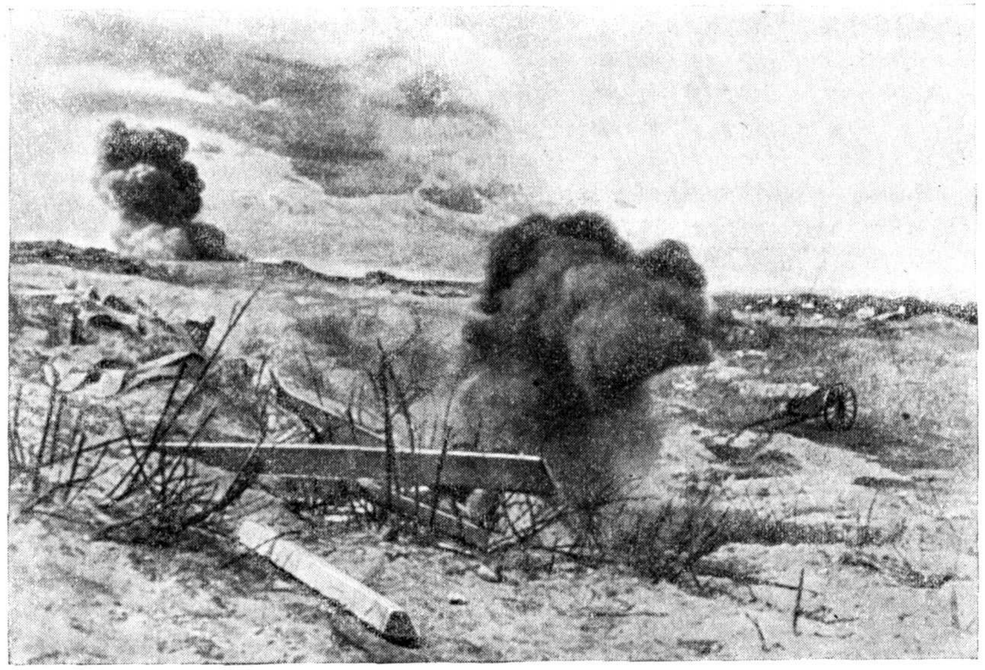
Началась рукопашная схватка. В котловину, преодолев высокий гребень, ворвались танки и довершили разгром банды. Ни один японец не вернулся к своим. Все они были уничтожены.

Своего комбрига товарищи нашли после боя. У него было семь ран, две смертельные.

Так погиб героический командир, имя которого Советское правительство присвоило нашей бригаде.

Кровью облились наши сердца, когда мы узнали о гибели любимого командира. Над его могилой мы поклялись отомстить подлому врагу за смерть героя. И в новых боях танкисты-яковлевцы сражались с честью, нанося врагу один удар за другим.

★



★

Капитан Б. СИДОРОВ

ХАЛХИН-ГОЛЬСКИЙ РАЗГРОМ

1

После Баин-цаганского побоища 3—5 июля японцы, отброшенные на восточный берег реки Халхин-Гол, осели на наиболее выгодном тактическом рубеже по линии командующих высот в 4—5 километрах от берега реки.

Две их попытки снова пробиться к берегу Халхин-Гола 11—13 июля и 23—25 июля успеха не имели. Японцы понесли большие потери и немедленно приступили к оборонительным работам на занятых позициях.

Надо отдать врагу справедливость. С 26 июля по 20 августа японцы «потрудились» немало. Они вспахали вдоль и поперек 420 кв. километров земли Монгольской Народной Республики, с очень выгодным для них топографическим рельефом — построили окопы, ходы сообщения, много блиндажей с перекрытиями от тяжелых снарядов и авиабомб. На основных высотах, обладание которыми давало господство над всей

окружающей местностью, японцы создали прочные узлы сопротивления. Такими бастионами были ставшие теперь историческими высоты: Ремизова, Зеленая, Песчаная, Двугорбая, Палец и т. д. Здесь были мощные укрепленные районы, а на высоте Палец был построен целый подземный городок с гаражами, конюшнями, с ходами сообщения, по которым свободно проходили, не обнаруживая себя, тяжелые грузовые машины, танки, бронеавтомобили.

В своих укреплениях японцы сосредоточили большой запас боеприпасов, продовольствия, обмундирования, медицинского имущества и в глубине своих укрытий вырыли колодцы для обеспечения гарнизонов водой.

Силы и средства противника были значительны: 23-я пехотная дивизия, 7-я пехотная дивизия, два танковых полка и ряд отдельных пехотных, кавалерийских и инженерных частей, не считая баргутской конницы и смешанной бригады войск Манчжоу-Го.

Эти силы были подкреплены значительным количеством артиллерии, начиная от скорострельных противотанковых пушек, до 155-миллиметровых орудий тяжелой крепостной артиллерии, привезенной на Халхин-Гол из Порт-Артура.

Имея столь значительные силы в обороне на исключительно выгодном тактическом рубеже, японцы чувствовали себя на захваченной территории Монгольской Народной Республики по-домашнему, рассчитывая на полную безнаказанность.

К этому у них были некоторые основания. Место конфликта, после уроков Хасана, было выбрано со знанием дела. Например, с японской стороны к месту конфликта подходят две железные дороги с конечными станциями Хайлар на севере и Халунь-Аршан на юге. С нашей стороны ближайшая железнодорожная станция отстоит на 750 километров от района боевых действий. Столь явное оперативное преимущество японцев, видимо, сильно подогревало их активность.

2

Подготовка августовского наступления с нашей стороны была очень сложной. Надо было в условиях удаленности войск от железной дороги подвезти необходимое количество сил и материальных средств, сосредоточить их в районе военных действий, наконец, вывести эти силы и средства в исходное положение для наступления. И все это нужно было делать в условиях, когда противник с командующих высот просматривал наше расположение на 30—40 километров в глубину.

Надо сказать, что командование, штабы и политорганы наших войск справились со своими задачами.

Одно из трофейных орудий крепостной артиллерии, привезенной японцами на Халхин-Гол из Порт-Артура

Настроение наших войск было прекрасным. Среди бойцов, командиров и политработников господствовало желание: скорее бы в решительный бой.

Подразделения и целые части присылали в политотдел письма с просьбой покончить с зарвавшимися врагами. Так, бойцы части Грухина, стоявшей в резерве, писали: «Когда же нас пошлют громить врага? В нашей груди клокочет ненависть к врагу. Нужно окончательно добить японцев. Мы не можем спокойно смотреть на то, что японцы до сих пор обстреливают наши позиции... Просим командование соединения о скорейшей посылке нас на передовые позиции».

К 19 августа вся подготовительная работа была закончена. Неудержимое стремление наших бойцов вперед было ярко выражено в заключительных строках боевого приказа: «Час настал! Приказ командования краток: Вперед, товарищи! Смерть провокаторам войны! За Родину! За Сталина!»

3

Рано утром 20 августа несколько сот советско-монгольских самолетов разных типов появилось над позициями японцев, возвестив начало решительного наступления наших войск.

Удачно организованное взаимодействие авиации с артиллерией помогло во-время придушить зенитную артиллерию японцев и нанести серьезный урон их живой силе. Ярко вспыхнувшие пожары в ближайшем тылу противника показали точность работы и высокое искусство летного состава нашей авиации. Начало было отличным.

Вслед за авиацией на позиции японцев обрушилась наша славная артиллерия.

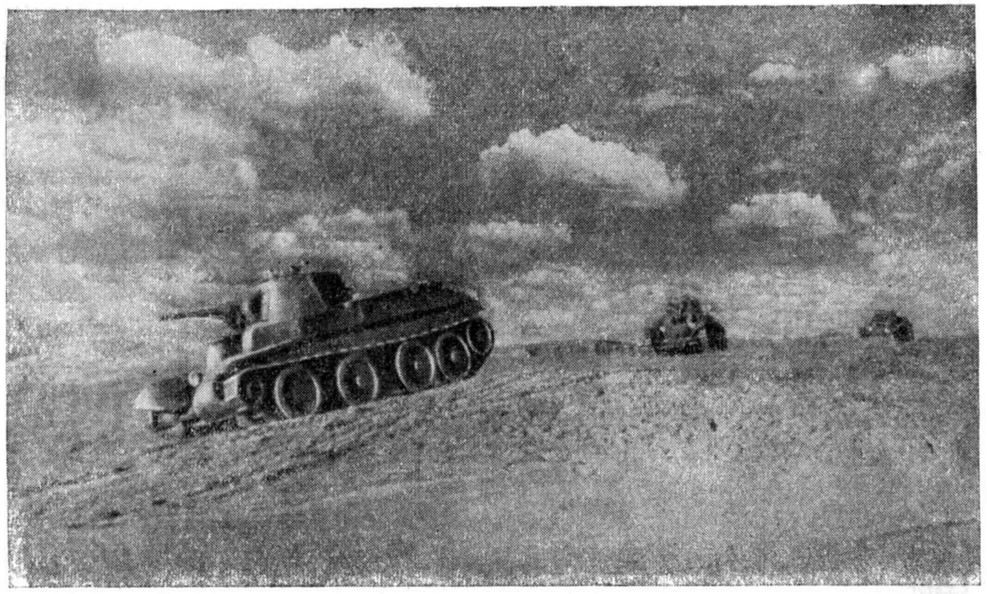
Это был высокий класс стрельбы, где мощность соревновалась с точностью, где централизованное управление сотнями орудий совмещалось с лихой смелостью отдельных батарей, двигавшихся бок-о-бок с пехотой, облегчавших пехоте сближение с врагом, бивших врага прямой наводкой.

За 15 минут до атаки был сделан повторный налет авиации на районы огневых позиций неприятеля. После мощного огневого удара всей артиллерии по переднему краю оборонительной полосы японцев, точно в назначенный час, наша героическая пехота, наши лихие танкисты, монгольские цирики пошли в атаку.

— За Родину! За Сталина! — прозвучало от фланга до фланга на протяжении более чем в 70 километров. И могучее «ура» прокатилось через все, даже самые высокие сопки, ворвалось в самые глубокие блиндажи противника, вселяя в сердца захватчиков трепет и страх.

Настал час расплаты. Японский фельдфебель Канэмару так записал впечатления в своем дневнике: «Бомбардировщики противника в 6 часов утра начали бомбежку. Артиллерия открыла ураганный огонь по нашим позициям. С девяти часов самолеты противника повторили бомбардировку наших позиций... В 9.30 пехота противника начала атаку, пулеметы противника открыли сильный огонь. Мы были в большой опасности и страшно напугались, настроение заметно ухудшилось. Когда всех убили, меня назначили командиром роты,— это меня страшно волновало, и я всю ночь не спал».

Не появлявшееся много дней подряд солнце золотыми лучами вдруг осветило поле боя. Незабываемая картина встала перед глазами участников сражения. Вот герои-саперы восстанавливают размытые дождями дороги, помогая потокам танков проследовать в нужные им районы. Вот группа танков, не ожидая починки моста, ныряет в воды Халхин-Гола и через несколько томительно долгих секунд выскакивает на другом берегу. Блестя на солнце мокрой броней, спешат танки к песчаным барханам. Вот длинные, как на ходулях, но в то же время стройные и грациозные, вступают на понтонный мост зенитки, догоняя идущую впереди пехоту и танки. Вот появились первые колонны груженных доверху «зисов» и «газов». Это боевой тыл начал нормальное питание фронта.



Танки пошли в бой

Вот санитарные машины с ходу подлетают к боевым порядкам пехоты; санитары быстро и бережно подхватывают раненых.

Сердце радостно бьется, и в голове с отчетливой ясностью проносится: все в порядке, товарищи, все на своих местах.

4

Уже 21 августа части Южной группы своим правым флангом вышли к государственной границе юго-западнее Номун-Хан-Бурд-Обо, отрезая противнику пути отхода на восток. 20 августа Северная группа прорывает сильную полосу прикрытия и 21 августа выходит на укрепленный район японцев вблизи высоты Палец. Одновременно с этим Центральная группа своими атаками приковывает серьезное внимание неприятеля.

22 и 23 августа наши войска успешно продолжали наступление на японцев, все более и более сжимая кольцо окружения. Под напором советско-монгольских войск японцы панически отступают. На правом фланге противник, поспешно отходя, бросал оружие и боеприпасы. Из этого района он стремился перейти реку Хайластин-Гол, чтобы избежать поголовного уничтожения. Однако наши войска, преследуя противника, не дали ему перейти реку и в значительной части уничтожили его.

На левом фланге, в 16 километрах северо-восточнее горы Баин-Цаган, монголо-советские войска окружили свыше батальона противника и атаковали его укрепления.

Наша авиация продолжала беспрерывно бомбить и штурмовать позиции противника и его резервы. Истребители и бомбардировщики рассеяли кавалерийский полк и загнали группу танков в болото.

Паника и растерянность в японских войсках, зажатых в железное кольцо, нарастали все больше и больше. Нами был перехвачен голубь с донесением, из которого видно, что отрезанные от своих тылов японцы не могут пополнить свои боеприпасы.

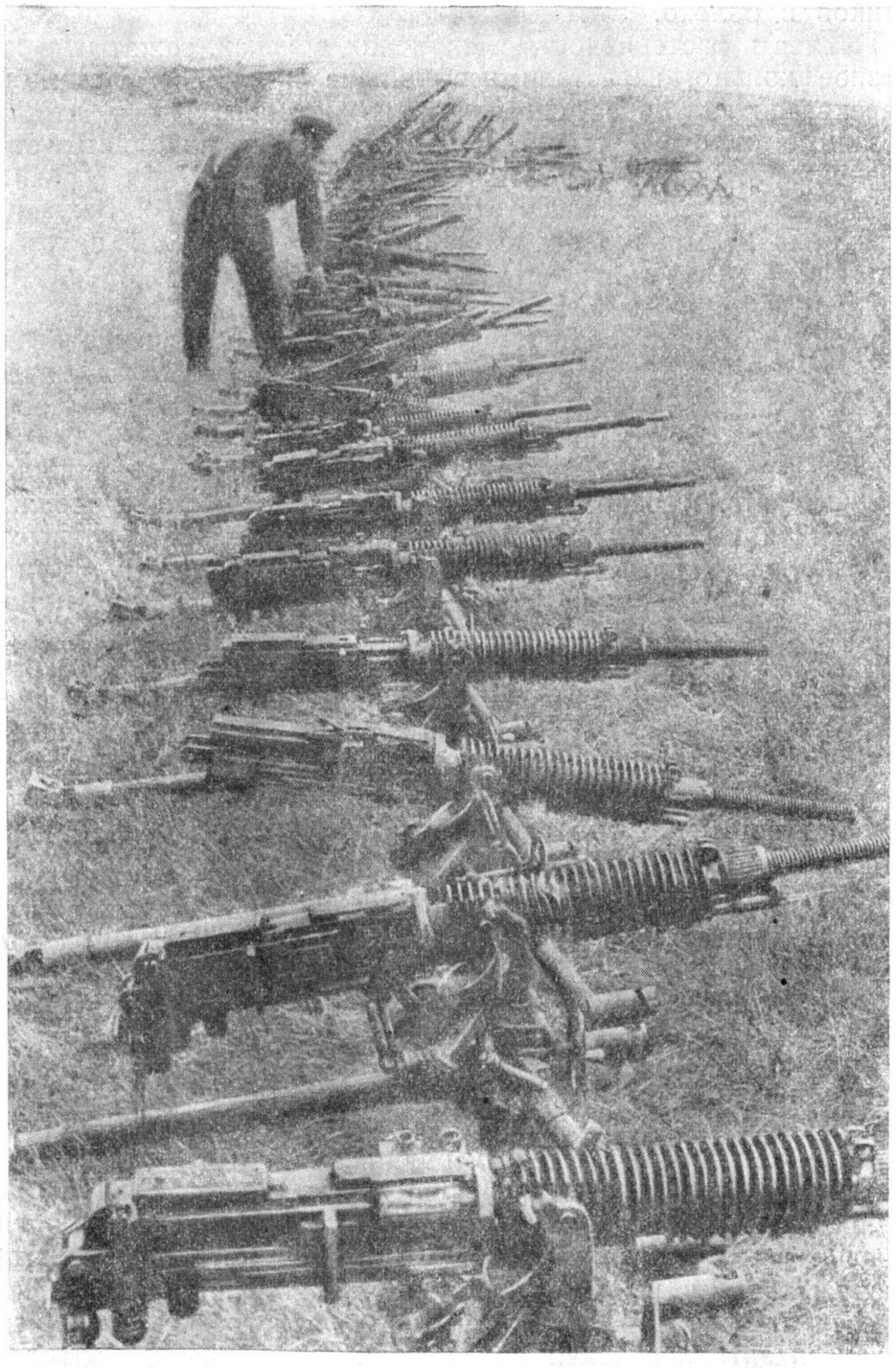
Японцы сопротивлялись упорно, но бестолково. Захваченный нами 23 августа боевой приказ командира 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Камацубара от 20 августа так подводит итоги первого дня боя: «Противник наступает равномерно по всему фронту, а главный удар наносит на северном участке на высоту Фуи (Палец)». Камацубара приказывает стянуть свои резервы в центр района, к высоте Песчаная, в 2 километрах юго-восточнее высоты Ремизова.

Горе-завоеватель генерал Камацубара ничего не понял.

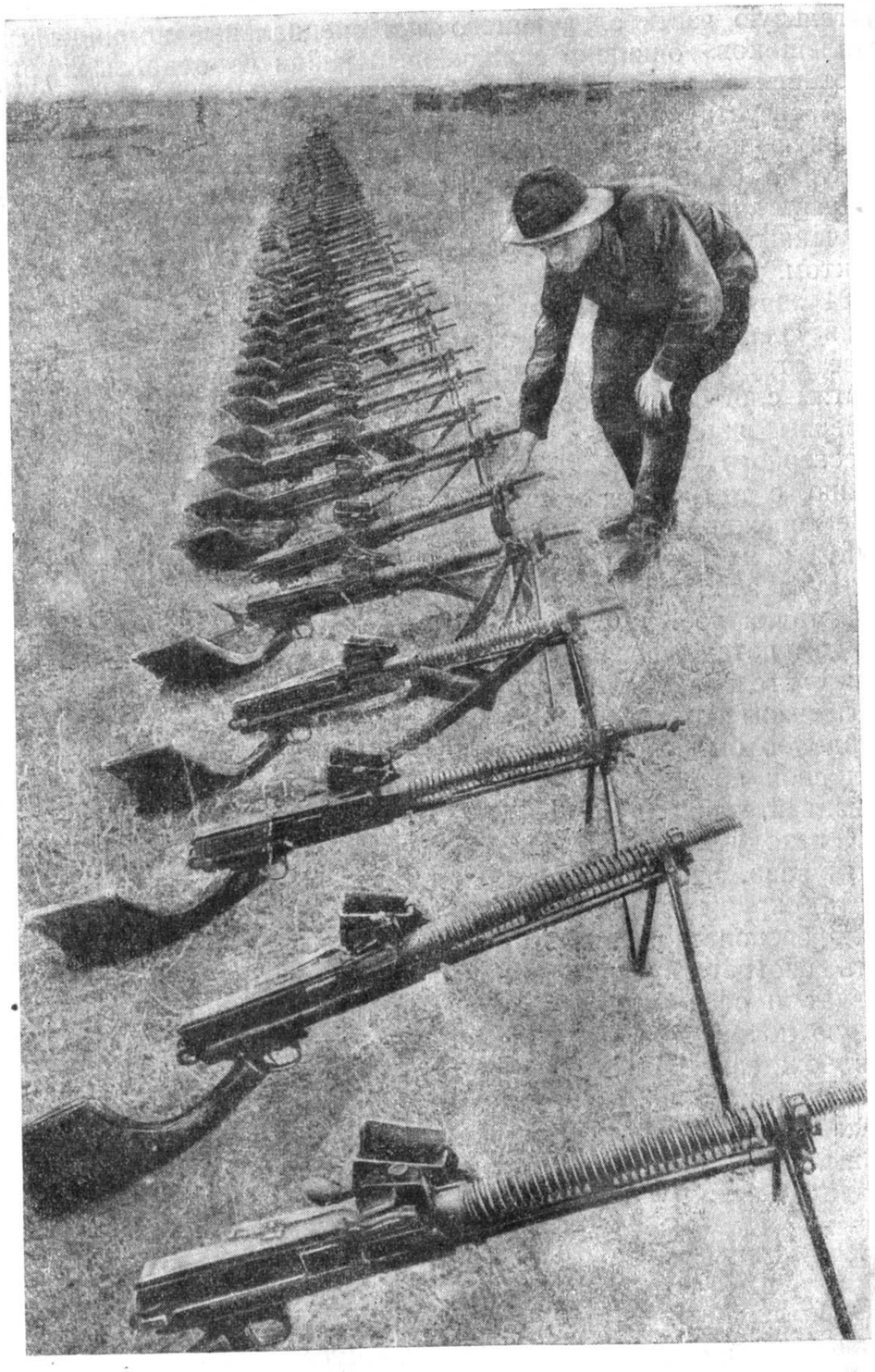
23 августа, к исходу дня, опираясь на наиболее укрепленный район высоты Палец, японцы хотели провести перегруппировку сил и нанести контрудар по нашему левому флангу. Но было уже поздно. К вечеру высота была взята нашими войсками.

В захвате этой высоты исключительную роль сыграла артиллерия. Противник залез в глубокие блиндажи и траншеи. Его бронемашины и танки были хорошо укрыты в траншеях от настильного огня. До 200 лошадей японского разведывательного отряда также были укрыты в глубоких котлованах. Вся местность впереди была точно пристреляна огнем орудий, пулеметов и винтовок: без мощной артиллерийской подготовки, открытым штурмом брать высоту было бы безумием. Но артиллерийскую подготовку было также трудно осуществить. Наши части, окружив со всех сторон высоту, сблизились с противником на расстояние от 600 до 100 метров.

Вот тут-то наши артиллеристы и показали себя. Тяжелые батареи подтянулись к пехоте на 1,5—2,5 километра. Командиры дивизионов и батарей со средствами связи ползком продвинулись непосредственно к пехоте. Началась пристрелка каждого отдельного орудия. Каждый выстрел корректировался с десятка наблюдательных пунктов. При малейшей ошибке снаряды могли поражать своих. Там, где снаряды неизбежно ложились в 100—150 метрах от пехоты, она зарылась в узкие глубокие щели, полностью обеспечившие ее от осколков. Четыре часа шла пристрелка, после чего началась артиллерийская подготовка. Точная работа артиллерии в течение двух с половиной часов сделала свое дело. До 80 процентов огневых средств противника было уничтожено вместе с их личным составом.



Трофейное оружие



Трофейное оружие

В 19 часов пехота бросилась в атаку и штыком и гранатой завершила дело. К 21.30 высота была взята. Всю ночь и значительную часть следующего дня специальные команды «чистильщиков» очищали захваченный район от отдельных групп противника, засевших в особо прочных блиндажах.

24 августа крылья Южной и Северной групп вошли в зрительную и огневую связь у Номун-Хан-Бурд-Обо. Как трогательно было послание северян к южанам с предложением заправить их боевые машины горючим из японских бочек, захваченных в районе Номун-Хан-Бурд-Обо! Окружение стало фактом.

24 августа знаменательно еще и другим фактом. Это был день «решительного контрудара» Камацубары. В своем приказе от 23 августа японский командующий поставил своим частям следующие боевые задачи: «Сосредоточить все свои резервы в районе к югу от озера Махолей, оттянуть туда с северного участка 26-й пехотный полк и 7-ю пехотную дивизию, с тем чтобы мощным контрударом нанести уничтожающее поражение правому флангу русских на песчаных буграх, выйти к их южным переправам, отрезав противнику пути отхода на западный берег реки Халхин-Гол».

С точки зрения оперативной, этот приказ был горячечным бредом потерявшего голову генерала. В этом Камацубара незамедлительно убедился в тот же день. Яростные его атаки на песчаные бугры в 10 километрах юго-западнее Номун-Хан-Бурд-Обо были не только отбиты, но в этих атаках он потерял свои последние резервы, наголову разгромленные нашей авиацией, танками и пехотой.

К исходу 24 августа даже для Камацубары должно было быть ясно, что главные его силы, вся богатая материальная часть окружены и выхода нет. Дальнейшее сопротивление было бесполезно. Вместо того чтобы сознаться в этом и сделать соответствующие выводы, он обманывает окруженных солдат и офицеров, предлагая им по радио и через голубиную почту держаться стойко, в полной надежде на скорое освобождение. Вместе с тем в Токио летят хвастливые донесения от 26 и 27 августа, что две дивизии монголо-советских войск полностью окружены и вот-вот будут уничтожены. Камацубара обманывал себя, своих подчиненных и свое правительство.

5

С 24 по 30 августа шла упорная траншейная борьба. Веря в хвастливые радиозаверения Камацубары о быстром разгроме «окруженных» монголо-советских войск, японские солдаты дрались с отчаянной стойкостью.

Первыми дрогнули, еще в начале наступления, подневольные манчжурские части. Большими группами, во главе с офицерами, с оружием в руках, они стали переходить на нашу сторону. Но японцы продолжали сопротивляться.

В наших рядах царил небывалый энтузиазм. Партийные и комсомольские организации получали ежедневно десятки и сотни заявлений о приеме в партию и комсомол.

Не было и не могло быть уже той силы, которая сумела бы разорвать сомкнувшиеся боевые ряды Северной и Южной «клещевин». По меткому выражению одного из наших артиллеристов, клещи сомкнулись намертво.

К юго-востоку от сопки Ремизова, в 2 километрах от нее, находится большой, глубокий котлован, со всех сторон окруженный грядою высот, над которыми, как монумент, возвышается огромная высота Песчаная, где недавно Камацубара собирал свои резервы. Здесь скопились все, кто уцелел от разгрома. Сюда стекались все, кто надеялся еще на «непобедимость» императорской японской армии, на чудо спасения. Здесь были сливки японских частей — офицеры, унтер-офицеры и редко-редко солдаты 2-го разряда. Этот узел, бастион, перерезанный во всех направлениях ходами сообщения, облегчал японцам маневрирование огнем и живой силой. Разрозненные атаки наших частей, пытавшихся с хода ворваться в это логовище, успеха не имели.

Но вот к 13 часам на ходу, под визг и свист японских пуль, собрались командиры частей и батальонов в удобном песчаном бархане. Был выработан единый план атаки. В 16 часов взвились три красные, а за ними три зеленые ракеты. Пехота, танки и бронемашины двинулись вперед. До глубокой ночи шел упорный, кровопролитный бой за каждую яму, за каждый бархан.

В час ночи в бешеной ярости японцы сделали последнюю отчаянную попытку вырваться из окружения. С бешеным визгом «банзай» несколько сотен японцев бросились в контратаку в юго-восточном направлении по лощине к реке Хайластин-Гол. Мощным, заранее подготовленным огневым шквалом большая часть этой группы неприятеля была уничтожена.

Герои-пехотинцы вместе с танкистами и артиллеристами в едином могучем порыве овладевали укрепленным узлом высот, носящих название Ремизовских.

Это был бесподобный, блестящий штурм. Японцы бешено сопротивлялись, переходили в яростные контратаки, но бесполезно. Десятки красных знамен в руках наступавших бойцов стали кольцом вокруг центральной сопки. Вот тронулся 2-й батальон федюнинцев, горячей волной прокатилось по рядам

могучее «ура», и не успели еще соседи глазом моргнуть, как федюнинцы уже водрузили красное знамя на северо-восточной вершине сопки Ремизова. Мощный узел сопротивления с прочными укреплениями, испещренный вдоль и поперек окопами и ходами сообщения, — пал.

Итоги операции: две отборные дивизии японской императорской армии уничтожены. Японцам понадобится немало сил и средств, чтобы их восстановить. На западном берегу Халхин-Гола выстроены, как на параде, многочисленные трофеи, захваченные нашими войсками.

Это, так сказать, физические, реально осязаемые результаты халхин-гольского разгрома. Но ведь это далеко не все. Ведь есть же на свете такие «любопытные» люди, которые обязательно займутся анализом халхин-гольских событий. И получается явно нехорошо для инициаторов этого «инцидента». Что получается:

1. Заранее готовились? Готовились.
2. Место для инцидента выбирали? Выбирали.
3. Хорошее место выбрали? Безусловно, хорошее. Ни один самый придирчивый генерал не придерется.
4. В буржуазной прессе всего мира о «величайших победах» «непобедимой» императорской армии на Халхин-Голе трубили? Трубили.
5. О тысячах советско-монгольских самолетов, ежедневно сбиваемых «дикими орлами», писали? Писали.
6. О немедленной сдаче монголо-советских войск на милость «великодушных победителей» воззвания в сотнях тысяч экземпляров писали? Писали.

А что из этого получилось? Получился полный крах японской генеральской авантюры.

★

★

Красноармеец П. БЫКОВ

В ТРАНШЕЯХ ВРАГА

В траншею я прыгнул первым. Сразу же увидел перед собой машину, накрытую палаткой. Мы с красноармейцем Белобородовым стали по ней стрелять. Оттуда выскочил японец в тапочках. Он бросился бежать. Я выстрелил, и японец упал. Решили посмотреть, не остался ли еще кто-нибудь в машине. Подошли, откинули палатку, заглянули в середину. Никого там не было. Валялись раскрытые чемоданы с бумагами и картами...

Мы находились в тех самых траншеях, которые японцы считали неприступными. Несколько дней наша артиллерия прокладывала нам сюда дорогу. Все вокруг содрогалось и дымилось от беспрерывной артиллерийской канонады. Участь врага, по существу, была решена. Но японские солдаты и офицеры продолжали упорно сопротивляться. Они пустили в ход все уцелевшие средства. Напрасно только старались.

Высота, где вырыты были японские траншеи, носила название Палец. Японцы устроили здесь прочную систему искусственных укреплений. Для укрытия от авиации и артиллерийских снарядов противник соорудил блиндажи с тяжелыми навесами из бревен и специальных бетонированных плит. Накатники блиндажей были покрыты бетонными плитами, толщиной в 20—25 сантиметров. Имелись гаражи, подземные конюшни. Для орудий, пулеметов, минометов были устроены специальные площадки, соединенные множеством ходов сообщения.

Японцы, видимо, собирались зимовать в этих укреплениях. Мы нашли здесь склады огнеприпасов, оружия, продовольствия, фуража, обмундирования. Склады были набиты меховой одеждой, печками, углем, дровами, набрюшниками, утепленными перчатками с маленькими батарейками. А ведь дело-то происходило в августе!

Застигнутые врасплох, японцы бешено метались по траншеям и ходам сообщения. Ориентироваться в этом укрепленном узле нам было нелегко. Девять рядов траншей. Каждая имеет десятки блиндажей с несколькими ходами и выходами. Множество темных закоулков, перекрестков, запутанных лабиринтов. На каждом шагу встречались новые и новые, наглухо закупоренные казематы.

Мы решили не пропускать ни одного блиндажа. В первом никого не оказалось. Заходим во второй. Валяются папиросы, несколько бутылок вина и ни одной живой души. Вдруг красноармеец Буртовский стал к чему-то внимательно прислушиваться.

Когда мы подошли к следующему подземному каземату, возле него уже стоял политрук Серегин. Он велел подкатить пулемет. Толкая впереди себя пулемет, я пополз по-пластунски. Через смотровое оконце щита заметил трех японцев. Сейчас же в мою сторону последовали выстрелы. Первая пуля ударилась о щит и отскочила. Вторая ушла в землю.

Я перезарядил пулемет и пустил очередь. Японцы попадали, но появились новые. Оставив у пулемета Белобородова, я подполз поближе к двери блиндажа. Оказалось, что там, внутри, вырыты ниши, в которых и прятались японцы. Как только я бросил первую гранату, враги побежали к выходу и стали стрелять оттуда. Политрук Серегин стоял у другого края блиндажа, имевшего форму копыта. Он забрасывал убегавших японцев гранатами.

Однако выкурить врагов из этих лисьих нор было не так-то легко, и мы решили подвезти сюда броневичок, чтобы расстрелять блиндаж из пушки. Быстро вырыли дорогу для машины. Броневичок подошел. Заместитель политрука Тимченко подполз к смотровой щели и объяснил командиру, куда вести огонь. Мы же установили на соседнем бруствере пулемет и приготовились расстреливать японцев, если они будут выбегать наверх.

Обе пушки стали бить по блиндажу. Японцы заметались. Сперва показались их головы, потом плечи. Они карабкались наверх, а тут как раз и ждали их пулеметчики. Пораженные пулями, враги один за другим падали вниз.

Потом мы стали разбирать крышу блиндажа. Японцы пытались в свое время забетонировать ее, но, повидимому, не успели. Теперь можно было руками раскидывать остатки тя-

желых перекрытий. Стены этого блиндажа были сбиты из толстых бревен. В проходах всюду штабелями стояли мешки с песком. Все ходы сообщения имели зигзагообразную форму.

Когда мы разобрали верх блиндажа, нашим глазам представилась такая картина: некоторые японцы завернулись в одеяла, другие в рогожу, в брезент. Так их и застигла гибель. На земле валялись в беспорядке ночные фонари, записные книжки, печати, полевой телефон, сундук с деньгами. Мы спустились вниз и насчитали здесь 16 трупов японских офицеров. Это был офицерский блиндаж.

Траншейная борьба велась в полумраке, среди узких коридорчиков и всяких закоулков. Вокруг беспрерывная стрельба, разрывы гранат. Мы разбились на небольшие группы. Чтобы не налететь на своих, выработали условные знаки. Например, над бруствером показывалась винтовка прикладом вверх. Это означало, что в траншее находятся свои.

Враг упорствовал на каждом шагу. Даже те японцы, которые растеряли оружие в траншейных схватках, все-таки пытались сопротивляться. Часто нам попадались офицеры, защищавшиеся лопатами. Некоторые в отчаянии хватали пригоршни земли, чтобы засыпать нам глаза. В отдельных блиндажах и траншеях разгорались горячие сражения.

На красноармейца Ефима Корчанова напало несколько японцев. Он встретился с ними в узком коридоре траншеи. В руках у Корчанова были две гранаты. Он бросил их во врагов. В это время к нему сзади подкрался японец и ударил своей винтовкой по винтовке Корчанова. Но не так-то легко выбить винтовку из рук нашего бойца! Корчанов быстро обернулся и заколол врага штыком.

Подобных стычек было немало. Красноармейцы Нестеров, Суханов и Савельев были встречены вражеским огнем у одного из перекрестков траншеи. Бойцы ответили гранатами. Двенадцать японцев были уничтожены до единого. Но вскоре опять появились японские солдаты, а у наших бойцов гранат уже не было. Суханов и Нестеров стали отстреливаться, а Савельев побежал за гранатами. Вскоре он принес их, и остатки врагов тоже нашли свою гибель. Только что окончилось это столкновение, как из другого коридорчика выскочили еще два японца и открыли огонь. Опять завязалась перестрелка.

Так пришлось отвоевывать каждую пядь траншей.

Подходим к одной двери, раскрыли ее, а рядом еще одна. Красноармеец Нестеров говорит:

— Товарищ Савельев, вы зайдите с одной стороны, а я — с другой.

Спустились вниз. В полумраке заметили сидящего на полу японца. Попробовали штыком — не шевелится. Но кто-то из бойцов шепнул:

— Он дышит!

Выстрелили вверх, и японец очнулся. Он бросился к стене, где висела сабля, но его на половине дороги остановила пуля Савельева. Такие мнимые «покойники» попадались то и дело. Нередко японские офицеры старались спрятаться между трупами своих солдат.

Начинало смеркаться, продолжать траншейную борьбу ночью не было смысла. Японцы хорошо знали здесь все ходы и выходы, а нам устройство траншей было незнакомо. Мы выставили пулеметы по флангам, распределили секреты и прекратили стрельбу. Всю ночь вели усиленную разведку и взяли в плен нескольких японцев. Наперекор всем ожиданиям, враги забились ночью по углам и носа не высунули.

На рассвете возобновились схватки в траншеях. Снова начали смело спускаться в блиндажи наши бойцы, готовые в любую минуту к рукопашному бою с врагом. Все просили, чтобы именно их отправили на расчистку блиндажей. Приказ командования был выполнен с честью. Ни один японец не ушел из траншей.

★

Герой Советского Союза майор Н. ЗАЙЮЛЬЕВ

ВЗЯТИЕ ВЫСОТ ЗЕЛЕНАЯ И ПЕСЧАНАЯ

В жаркие июльские дни мы перешли на новые позиции. Японцы были оттеснены от реки и бежали в песчаные манханы.

На широком зеленом лугу повсюду валялись трупы японских солдат и офицеров.

С командного наблюдательного пункта нашего полка может показаться, что равнина до сопок совершенно гладкая, ровная, а сопки не опасны и доступны. Только две высоты — в дальнейшем их назвали «Зеленая» и «Песчаная» — стояли грозными препятствиями. На этих высотах расположились главные огневые позиции противника. У подступов к ним развернулся наш полк.

Вместе с комиссаром Пильником я часами стоял на наблюдательном пункте, оглядывая местность в бинокль.

Эти скрытые травой и камышом высоты таили для нас неизвестные опасности. Мне почему-то казалось, что именно здесь японцы готовят удар.

Я поделился своей мыслью с комиссаром.

— Конечно, — сказал он. — Враг отсюда начнет бешеное

нападение. Он, безусловно, многое подготовил для борьбы с нами...

Разведка вскоре подтвердила наши предположения.

Высокая трава, речной камыш, чахлые кусты ивняка, черемухи и крушины покрывали склоны крутых манханов. Каждый манхан представлял собой естественно замаскированное укрепление.

У противника было огромное преимущество перед нами. Все наши позиции легко просматривались — нас можно было обстреливать в любом направлении. Мы же видели перед собой только низкую гряду сопок, на вершине которых то там, то здесь вспыхивали дымки выстрелов.

Полк наш стоял на этом месте около месяца. Японцы почти ежедневно пытались вести наступление — и всякий раз безуспешно. По ночам они бросали в атаку большие группы солдат. Подпустив к себе врага поближе, мы забрасывали его гранатами и уничтожали штыковым ударом.

Постепенно позиции продвигались к подножию сопок Зеленой и Песчаной. Не ведя по существу наступления, мы накапливали силы и опыт. С каждым днем все ближе подтягивались к высотам, выматывали силы противника. Легко можно было заметить, что японская пехота от неудачных попыток наступать истощается, устает. Атаки становились менее решительными и менее упорными. Реже раздавался крик «банзай» из вражеских окопов.

У нас же сколоченность подразделений увеличивалась с каждым днем, росли и закалялись боевые кадры.

Кипела ненависть к врагу, росло неудержимое стремление ринуться в бой и разгромить противника.

В течение десяти дней на фронте шли дожди. Они прекратились только 18 августа. Бойцы сидели в сырых окопах и блиндажах и с нетерпением ожидали решительного, генерального наступления.

Разговоры были такие:

— Наверно, недолго будем терпеть их нахальство. Как, товарищ командир?

— Эх, когда придет приказ «Идите и громите!» — кажется, сердце выскочит от радости...

В заявлениях красноармейцев и командиров, поданных в эти дни в партийную организацию, с особой силой выражена глубокая преданность Родине, партии, великому Сталину.

«В эти боевые дни, под гул снарядов и свист пуль, прошу принять меня в коммунистическую партию».

Так заканчивались многие заявления...

Перед генеральным наступлением мы занимали оборону уже под самыми высотами Зеленой и Песчаной, в нижней части склонов.

Я раньше сказал, что противник находился на исключительно выгодном в тактическом отношении рубеже и господствовал над всеми нашими позициями. Но этого мало. Каждый подступ к высотам был у японцев минирован и защищен артиллерией и минометами.

Из материалов разведки боем и скудных показаний пленных мы узнали, что враг сосредоточил на высотах огромные силы и огневые средства. Укрепленный район был выбран очень удачно. Обстроились японцы не без знания новейшей техники.

Они соорудили длинные ряды основательно укрепленных траншей, убежищ и укрытий, соединенных между собой ходами сообщения. Это был настоящий форт с мощными огневыми средствами, сделанный из прочных материалов и способный сильно сопротивляться.

На высотах они оборудовали прочные блиндажи для жилья, оружейные, пошивочные, сапожные мастерские. Перекрытия блиндажей свободно выдерживали огонь наших тяжелых снарядов.

В сопки врыты щели — длиной до двенадцати, шириной больше двух метров. В длинных коридорах установлены столбы толщиной в двадцать сантиметров. Стены коридоров обложены брусьями. Потолок сделан из накатника, устланного котельным железом и цементно-бетонными кирпичами. Сверху уложены в шесть рядов мешки с песком, засыпанные двухметровым слоем земли. Все это укрепление имеет выходную дверь и тщательно замаскировано. В каждом узле сопротивления было по нескольку таких убежищ.

Словом, японцы устраивались надолго, уверенные в успехе затеянной ими авантюры. Зеленая и Песчаная были связаны между собой цепью осыпающихся котлованов. К тылам шли глубокие окопы и телефонные провода.

Японцы готовились зимовать на монгольской земле. Они собрали в интендантских складах запасы зимней суконной одежды, отороченные волчьим мехом тулупы, жаровни с углем. Впоследствии все это снаряжение было захвачено у них.

Два укрепленных бастиона — Песчаная и Зеленая — стояли перед полком. Следовало решить задачу, как овладеть ими.

Очевидно было одно: взять обе высоты одновременно с фронта нельзя. Кроме потерь в личном составе, ничего этим не добьешься. Удар во фланг и в тыл неприятеля также должен встретить сильное сопротивление. Засевший в манханах противник будет обстреливать нас с выгодных позиций.

И вот 20 августа наш полк должен был двинуться для выполнения своей боевой задачи...

Герой Советского Союза старший лейтенант А. Кукин ставит боевую задачу танкистам. Слева направо: командиры танков И. Лопатков, М. Москалев и механик-водитель С. Обоймов

Детально изучив оборону врага, мы пришли к заключению, что необходимо прорываться между высотами и брать сначала сопку Зеленую. Захват ее даст нам возможность выйти в тыл врага, к высоте Песчаной. Кроме того, ворвавшись внутрь оборонительной полосы, мы сможем расстроить всю систему обороны противника на участке к югу от речки Хайластин-Гол.

Приказ командования все наши красноармейцы, командиры и политработники встретили с радостью. Проходя по окопам, я слышал голоса:

— Дождались, товарищ командир! Наконец-то...

— Ну, сейчас японцам крышка!..

Везде проходили собрания, совещания, тихие ночные митинги. Вечером политруки читали боевые листовки, рассказывавшие об очередных наших задачах.

19 августа...

Кончается день. Солнце скрывается за холмами. Командиры батальонов, вызванные мною на один из боевых рубежей («Сопка с седловиной»), явились минута в минуту, с военной аккуратностью. Я выбрал именно эту сопку, так как с ее вершины видны почти все участки, на которых мы решили развернуть полк для осуществления боевой задачи. Здесь можно было, так сказать, наглядно говорить о завтрашнем бое.

Приказ мой был краток. Я бегло сформулировал план операции и особо подчеркнул, что выполнение его связано с большими трудностями.

План был такой: для окружения высоты два батальона врываются в полосу обороны противника и разбивают ее, приняв на себя удар с трех сторон.

Чтобы выполнить эту операцию, требуются огромная выдержка, упорство, умелая организация сил и полное взаимодействие огневых средств.

По решительным, сосредоточенным лицам командиров я понял, что мои боевые товарищи готовы к выполнению любых заданий.

Я следующим образом ставил перед ними задачи:

— Итак, товарищи, внимание!.. Первому стрелковому батальону (командир товарищ Матюшенко), взяв четыре танка, взвод полковой батареи и два взвода противотанковых орудий, выйти с правого фланга в тыл противника на юго-восточном скате высоты Зеленой. Нужно прервать связь противника с песчаными манханами, откуда ведется огневое прикрытие Зеленой. Ворвавшись в полосу обороны, организуйте тщательное прикрытие правого фланга своего батальона.

...Третьему батальону (командир товарищ Коробков) взять батарею противотанковых орудий, взвод полковой батареи, два миномета и выйти на северо-западный скат высоты Зеленой. Вы должны отрезать врага от высоты Песчаной. Одновременно продолжайте одним подразделением сковывать японцев на высоте Песчаной. Понятно?

...Второй батальон (командир товарищ Броновец) — со взводом противотанковых орудий, взводом полковой батареи и четырьмя минометами — будет сковывать противника на высоте Зеленой. Он поможет первому и третьему батальонам выполнить боевые задачи по окружению высоты.

...Завершив окружение, все батальоны по особому сигналу одновременно пойдут в атаку и полностью уничтожат стоящего перед ними врага. При этом первый и второй батальоны выйдут к реке Хайластин-Гол и отрежут противника на высоте Песчаной, а третий батальон, окружив высоту с запада и северо-запада, будет добивать его штыком и гранатой. Вот наша задача. В заключение уточним сигналы и еще ряд деталей...

Командиры батальонов по очереди повторили приказ, добавляя, что «задача ясна и будет выполнена».

Стояла тогда темная ночь, степная, осенняя. Холодный ветер мел песок на барханах. Нужно было расходиться. Крепко пожав друг другу руки, командиры скрылись в темноте. Каждый направился в свой батальон.

Ночь прошла на нашем участке фронта относительно «спо-

койно». В батальонах шла кропотливая подготовка к завтрашней атаке. Японцы, привыкшие к тому, что мы «стоим в длительной обороне», не подозревали о наших планах и намерениях.

На рассвете, в точно установленный час, в воздух взвились условные ракеты. Одновременно на обеих высотах задрожала земля. Артиллеристы с ураганной силой начали огневую подготовку.

Высоты впереди нас покрылись столбами дыма и песка. Наши батальоны под прикрытием артиллерии выдвинулись на исходные рубежи.

В это время советские бомбардировщики начали сбрасывать бомбы в японское расположение. На передовых позициях врага поднялись столбы черного дыма. Затем наши батареи по сигналу перенесли огонь в глубь оборонительной полосы противника.

Я с нетерпением глядел на часы, ожидая решительной минуты. И вот она наступила. Отдан приказ. Батальоны пошли в наступление.

По всей линии в одну и ту же секунду пронесся крик: «Ура! За Родину! За Сталина!» Цепи выбежали из окопов и кинулись вверх по склонам холма, укрываясь за каждым песчаным выступом.

Японцы, не ожидавшие резкого натиска, сначала несколько растерялись. Но, придя в себя, они обрушили на нас огонь артиллерии и минометов. Винтовочные и пулеметные залпы слышны были непрерывно. Бойцы, атаковавшие сопку, припали к земле, продолжая ползти вперед. От наших исходных позиций отделились санитары; по-пластунски двигаясь к полю боя, они подхватывали раненых и уносили их в окопы.

Первый огневой удар принял на себя батальон товарища Броновца. В бой с ним были вовлечены основные силы японцев, занимавших высоту.

В это время батальоны Матюшенко и Коробкова, воспользовавшись замешательством японских офицеров, не разгадавших нашей тактики, стремительным ударом врезались на плечах врага в передний край японской обороны, сбили боевое охранение и продвинулись примерно на километр.

Всю ночь и весь день противник безуспешно пытался восстановить прежнее положение на участках первого и третьего батальонов. Однако Матюшенко и Коробков прочно закрепились здесь.

Одновременно второй батальон продолжал сковывать противника и отвлекал его внимание от флангов.

Затем новым броском первый и третий батальоны пробились в глубину обороны противника. Они натолкнулись здесь на цепь укрепленных манханов, изрытых траншеями. Противник

с двух сторон бил жестоким огнем. Все же, благодаря помощи танков, батальоны ворвались в оборонительную полосу без больших потерь.

Высота Зеленая!.. Название это явно устарело. После того как наша артиллерия обстреляла эту высоту, она из зеленой превратилась в пепельную.

Японцы закопались в траншеях и блиндажах, не принимая штыкового боя. Из глубины укрытий они отбивались минометами, пулеметами и гранатами. У наших батальонов почти не было возможности вести артиллерийский и пулеметный огонь. Они задевали бы свои подразделения, уже ворвавшиеся во вражеские траншеи.

Позади сопки бушевало пламя — огромное море огня, окруженное черным дымом. Там работали наши огнеметы. По ту сторону сопки также стояли танки. Их пушки били по склонам. А между танками двигалась пехота. Все выше и выше взбиралась она к котлованам, где скопились отступавшие японцы.

Борьба была суровая. Японцы бились за каждый окоп, за каждый блиндаж, отстреливаясь из пулеметов и минометов. Наши бойцы беспощадно забрасывали их гранатами и кидались в окопы со штыками наперевес. Сближение с противником происходило так стремительно, что японцы кидали в наших бойцов винтовки штыками вперед, швыряли банки с горючим, а гранаты их нередко не успевали взорваться; бойцы подхватывали их и направляли обратно в неприятельскую траншею.

Как далеко ни прятались японцы в бетонные норы своих укрытий, как злобно ни огрызались они излюбленными своими минометами, — высота Зеленая метр за метром переходила в наши руки.

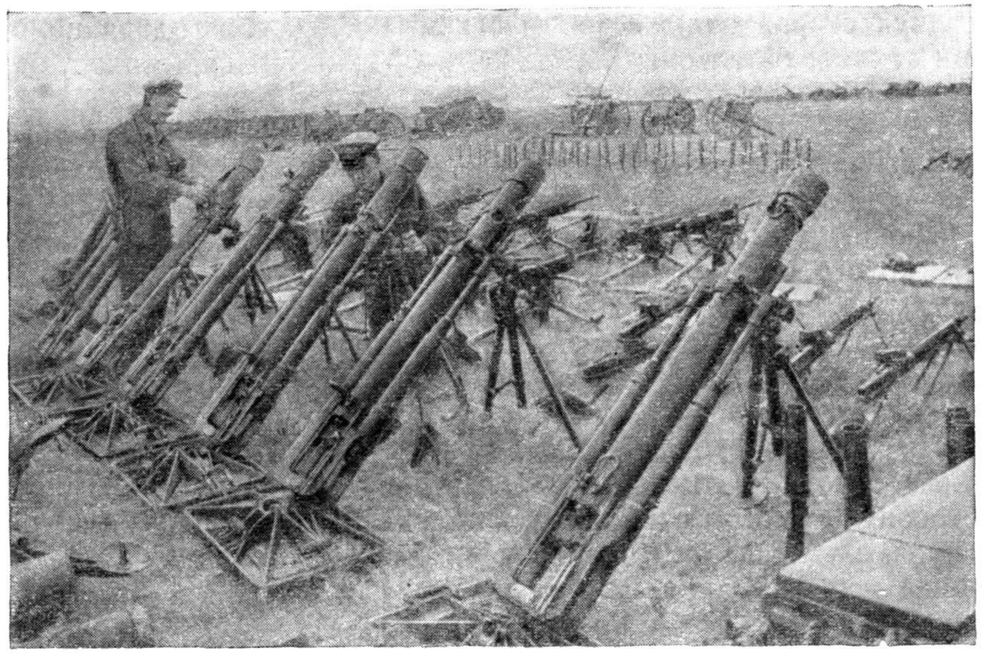
24 августа, во второй половине дня, воспользовавшись ожесточенным боем внутри оборонительной полосы, наш второй батальон занял с фронта переднюю линию траншей и водрузил красный флаг на высоте Зеленой. Сейчас же из темных кустов, заслонявших розовые вечерние облака, вырвался шквал огня.

Обозленные тем, что мы водрузили на высоте свой флаг, японцы открыли огонь из всех оставшихся у них пулеметов, минометов, винтовок.

Однако вскоре и на соседнем склоне взвился красный флаг. Водрузил его первый батальон. Затем поставил флаг и третий батальон.

Заключительные дни штурма выдвинули особенно много героев.

Политрук Цуканов с бойцами ворвался под пулеметным



Трофейные минометы

огнем в траншею и забросал неприятеля гранатами. Пулеметчики Чернов и Желтиков, окруженные японцами со всех сторон, вплотную расстреливали неприятеля. Политруки Есипов и Мартынов, руководя бойцами, с бесстрашной ловкостью захватывали траншею за траншеей. Храбрый боец Дьяков, находясь в оборонительной полосе врага, организовал засыпку блиндажей мешками с песком, запирая окопавшихся там японцев.

Незаметные прежде бойцы показывали чудеса отваги.

Утром 25 августа высота Зеленая была окончательно очищена от врагов. Мы захватили здесь много имущества, массу штабных бумаг, карт, дислокаций, важных оперативных документов.

Итак, наш полк выполнил с честью первую боевую задачу и уже в ночь на 25 августа взялся за выполнение второй.

От сопки Песчаной нас отделяло теперь не более 800 метров — густой камыш, осыпи, мелкий кустарник. К ней можно было пробраться по узкой лощине — ползком и пригибаясь. Воспользовавшись темнотой, бойцы стали штыком и гранатой пробивать себе путь к высоте Песчаной. Окружение ее произошло по намеченному плану.

На рассвете с криком «ура!» батальоны кинулись в новый бой. Японцы сосредоточили все свои силы и предприняли контратаку. Наши пулеметчики рассеяли их. Остатки атакующих были взяты на штыки.

Лишенные связи с тылом и помощи, японцы сопротивлялись еще упорнее, чем на Зеленой. Бой продолжался весь день. Но к вечеру 25 августа и на Песчаной высоко развевались красные победные знамена...

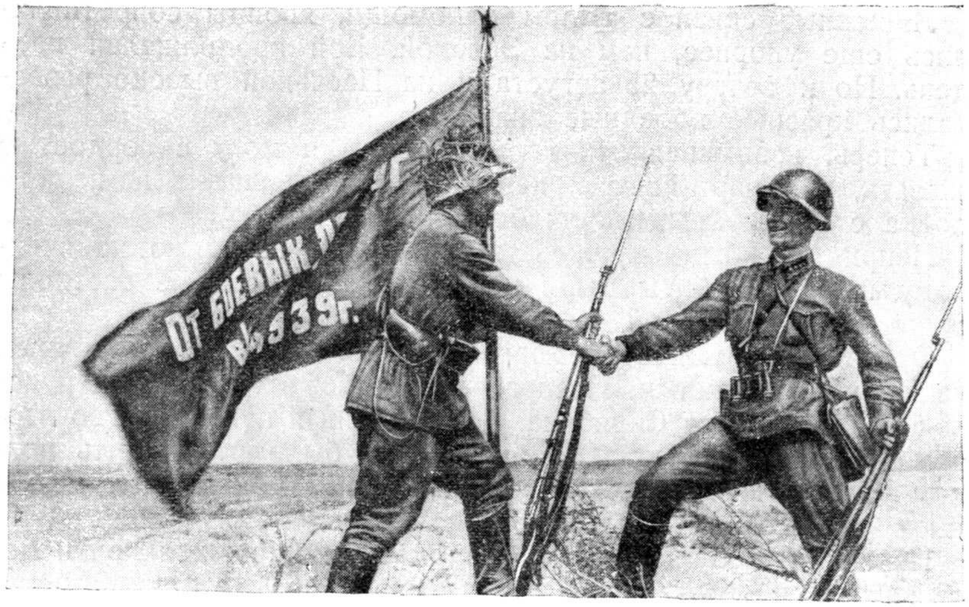
Теперь, вспоминая эти горячие часы, я могу с гордостью сказать, что партийные и непартийные большевики нашего полка с честью выполнили боевую задачу.

Неприятель был окружен и уничтожен точно по намеченному плану. Разбиты были последние укрепленные бастионы врага на монгольской территории.

Отлично работал штаб, возглавляемый молодым энергичным капитаном Першиным. Прекрасно действовала связь под руководством капитана Скрябина. Все эти дни я находился во втором батальоне. Отсюда удобнее всего было руководить полком. Отлучался я лишь в критические моменты на том или ином участке.

На высотах Зеленой и Песчаной был уничтожен почти целый японский полк. Захвачены четыре штаба, 13 орудий, больше двух десятков пулеметов, 13 минометов, 19 гранатометов, тысячи снарядов, патронов и масса снаряжения. Мы захватили также оружейную мастерскую, санитарную часть и другие службы полка.

В этой военной операции, как в зеркале, отразились беспримерное мужество и отвага нашей родной Красной Армии. Век буду помнить эти штурмовые дни! Никогда не забыть мне моих боевых товарищей!



★

Вл. СТАВСКИЙ

ШТУРМ СОПКИ РЕМИЗОВА

I

На фоне густой и недвижной, словно выкованной, синевы неба очень ясно видны зубчатые гребни ремизовских высот. Скаты и отроги изрыты воронками артиллерийских снарядов и авиационных бомб, пропороты траншеями и ходами сообщения.

Сереет вздыбленный песок. На самой макушке сопки видна купа чахлых деревьев. Давно ли они раскидисто зеленели, манили в свою прохладу!..

Там был командный пункт командира полка товарища Ремизова.

Между ремизовскими высотами и вот этими песчаными буграми, словно травяная река, лежит ровная долина. Каждый метр на этой долине простреливается оттуда, с ремизовских высот, из вражеских окопов и траншей, из последнего японского бастиона.

Наша артиллерия ожесточенно бьет из-за бугров по японским позициям. Снаряды рвутся там, в траншеях и окопах

врага. На горизонте возникают причудливые взлеты огня, сизо-белые султаны дыма. Но японцы все еще отвечают, еще бьют оставшиеся японские пушки и минометы.

На севере, за дальними буграми, тоже идет бой, ухают орудия, строчат пулеметы. Смрадный дым пожарища стелется, извиваясь и клубясь.

Командир 24-го стрелкового полка майор Беляков, заменивший раненого полковника Федюнинского, разглядывает в бинокль ремизовские высоты, седловинки между ними, скаты, отроги.

Худое и смуглое лицо Белякова невозмутимо. Внешне он кажется малоподвижным. Светлосерые глаза его быстры. Они схватывают сразу все — и большое и малое. Ничто не ускользает от этого спокойного и глубокого взгляда.

Батальоны лежат у подошвы высот, за складками. Сегодня высоты должны быть взяты. Но как их взять малой кровью?..

Рядом с Беляковым, пригнувшись над аппаратами, работают связисты. Начальник штаба капитан Полунин говорит с подразделениями. Командный пункт расположен на гребне песчаного котлована. Скаты котлована опоясаны глубокими траншеями и ходами. Тут и там видны черные норы, массивные козырьки блиндажей.

Всюду валяются японские винтовки, штыки, гранаты, ящики с патронами и пулеметные ленты.

Ветер шуршит, гонит по песку клочья бумаги, листы из книжек, испещренные столбиками японских иероглифов.

Здесь, в котлованах, тоже был узел обороны японцев. Этот бастион был взят штурмом вчера. Уже увезли отсюда пять грузовиков с японским оружием, а его еще возить да возить...

Дальше, за котлованом, в долине, поросшей густым, жирным камышом, стоят танки и бензиновые цистерны. Идет заправка. Быстро и ловко действуют экипажи в синих комбинезонах и черных шлемах.

Лица танкистов, их одежда — все прокоптилось пороховой гарью и дымом. Они уже дважды за этот день были в атаке.

Внизу, на дне котлована, комиссар полка Щелчков разговаривает с красноармейцем Смирновым. Смирнов только сегодня вернулся из лазарета. 8 июля, в тот день, когда был убит Ремизов, этот боец был ранен в бедро. Совсем юный, нескладный на вид, в большой, не по росту, шинели, Смирнов с жаром говорит комиссару:

— До чего же я боялся опоздать, товарищ комиссар! От командного пункта до переправы бегом бежал. Как же, думаю, я домой вернусь, если в победе участвовать не буду. И вот не опоздал. Прошусь в свой батальон.

Комиссар Щелчков крепко жмет руку Смирнову. Тот уходит. Комиссар глядит ему вслед. Синие, как это небо, глаза комиссара блестят. Они влажны от волнения. На смуглом лице его пылает ровный и сильный румянец. Плотный, широкоплечий, он легко и проворно поднимается по траншеям к командиру полка.

— Как в батальонах? — спрашивает Щелчков.

— Лежат, головы поднять нельзя. Просто удивительно, на что рассчитывают эти японцы. С той стороны высот вплотную подошел 149-й полк и Н-ская бригада. Левее нас — 601-й полк и яковлевцы. Видно же ведь, простым глазом видно, что деваться некуда. А все-таки сопротивляются. Наверно рассчитывают, что генерал Камацубара им на выручку придет!

— А вот сейчас танки заправятся, мы их подожмем.

Щелчков поднимается на бруствер, разглядывает в бинокль позиции врага.

Над складками, за которыми лежат батальоны, взрываются вражьи мины. Японские пули воют и свищут над землей. Над бруствером вздымается песок.

Совсем близко от комиссара Щелчкова легла длинная очередь пуль из японского пулемета.

— Смотри в стереотрубу, — строго говорит майор Беляков и становится рядом с комиссаром.

Майор показывает рукой:

— Вон те отроги, а за ними седловинка, — видишь? Забрать отроги, в седловинке той накопиться — половина дела. А оттуда уже их штурмовать.

— Точно. Мы с тобой и думаем одинаково!

Беляков вызывает командира приданного ему танкового батальона. Майор Воронков в короткой кожаной куртке появляется снизу, словно из-под земли.

— По вашему приказанию явился, — звучно говорит он приятным баском.

Лицо его сурово — резкие черты, крутой подбородок, упрямая складка между бровями. А в светлых глазах веселые огоньки.

Беляков ставит Воронкову боевую задачу. Они еще раз разглядывают местность.

И снова, совсем близко от них, вражеские пули вздымают песок.

— Понятно, товарищ командир полка. Будет сделано! — чеканит Воронков. Обернувшись к комиссару, он говорит тихо и просто: — Мы вчера у танков собрание провели, приняли в партию пять человек. Механика-водителя Пыркова приняли, ну, того самого, у которого танк был подбит, заго-

релся, командира убило, а он вывел машину за укрытие и потушил пламя. Руки и лицо обжег, а в тыл не ушел. И сейчас на танке!..

Воронков сбегает в котлован, мчится к танкам. От грозных машин к нему проворно собираются экипажи.

В стороне от командного пункта с противным зудящим гулом летят японские бомбовозы. Беляков и Щелчков озабоченно поглядывают на них. Бомбят японцы плохо, почти всегда мимо цели, но каждый такой налет, конечно, мешает руководить боем.

Майор Беляков вызывает к телефону командиров батальонов, знакомит каждого с обстановкой, ставит задачи.

Комиссар Щелчков говорит с комиссарами батальонов. В голосе его ощущаются непреклонная воля и спокойная уверенность.

— Ну, что же танки? — вслух думает Беляков.

Из долины слышен рев заведенных моторов. И вот, с грохотом и скрежетом, вздымая пыль, наши танки огибают холмы и устремляются по широкой травянистой долине к отрогам ремизовских высот. Они раскачиваются над ямками и воронками от снарядов. Они идут широким фронтом. Командир батальона Воронков, возвышаясь над открытым люком башни, словно литая из металла скульптура, флажком командует: «Делай, что я!»

Рядом с его танком рвется японский снаряд. Воронков закрывает люк своей башни. Из жерла его пушки вырываются кинжалы огня, и на всех танках командиры захлопывают люки, открывают огонь.

На командном пункте полка вдруг появляется комиссар дивизии Лебедев. Стремительный и резкий, он забрасывает вопросами Белякова и Щелчкова, выскакивает на вершину гребня. Карие глаза его становятся совсем круглыми от внутреннего жара.

— Танки атакуют, а наши пушки могут им помешать. Или они будут молчать?

Беляков посылает начальника штаба к артиллеристам, стоящим с орудиями на обратном скате.

Артиллеристы быстро прицепляют орудия к танкеткам. Вот уже мчатся танкетки, и сзади на прицепе подпрыгивают пушки.

А танки дошли уже до последних складок перед отрогами высот. Они ведут огонь из пушек и пулеметов. По склонам и по отрогам высот, словно волны, ходят непрерывные всплески пламени, кипят разрывы, мечутся тревожные космы дыма.

На складках, где лежат батальоны, вдруг вспыхивают огнем красные флажки.

Отличившийся в боях ручной пулеметчик И. Бутковский

Вот уже и пушки отцеплены от танкеток. Артиллеристы выкатили их на позиции. Звонкие голоса пушек присоединяются к огневому хору танкового оружия.

Майор Воронков на своей грозной машине подскакивает к седловине. Беляков, все так же невозмутимо говорит по телефону командиру батальона, чтобы тот поднимал своих бойцов и вел их вслед за танками.

Комиссар Щелчков, не отрываясь, смотрит в бинокль. Полные и добродушные губы его сурово сжаты. И вдруг сердце его вздрагивает от радости.

Из передней линии японских окопов, что на склоне, ведущем в седловинку, словно выброшенный пружиной, выскакивает японец и бежит, пригнувшись, в глубину. За ним выскакивает другой, третий. Щелчков ясно видит их ошалелые фигурки, их безумные и частые прыжки. А из окопов все выскакивают и выскакивают японские солдаты. Танки и пушки переносят огонь сюда, на скат и в седловинку. Японцы падают. Вот один, будто в лохмотья, разлетелся от снаряда. Четко видно, как по самому гребню высоты бегут три японца. И вдруг там встает облако дыма. Когда дым рассеивается, на гребне уже никого нет. Над ним безмятежно сияет кованое степное небо.

Комиссар Щелчков стискивает бинокль. Пальцы побелели от напряжения. Он видит, как над складками поднялись наши бойцы. Их грозные ряды стремительным броском проскочили переднюю линию японских окопов. Вон они уже и в седловинке, залегают на отрогах высот.

Первая часть задачи выполнена.

II

Догорает холодный закат. В долине за котлованом заправляются горючим и боевыми комплектами танки.

Комиссар Щелчков возвращается на командный пункт. Он только что отправил в батальоны походные кухни с горячей пищей. Майор Беляков, пригнувшись над телефонным аппаратом, поднимает голову навстречу комиссару. Лицо его очень серьезно.

— Из дивизии приказ: в 22 часа атаковать ремизовские высоты. Я думаю, мы с тобой по батальонам пойдем. Я во второй. Ему придется наносить главный удар.

— Ну, а я в третий пойду,— спокойно говорит комиссар.— Вот увидишь, первыми будем на высотах.

Беляков сдержанно улыбается. И раздумье охватывает на мгновение обоих.

Через шесть дней исполнится ровно два месяца непрерывных боев. Сколько было невероятно трудных моментов, когда враг, во много раз превышающий численностью, враг упорный и жестокий наваливался, обстреливал, забрасывал подразделения полка десятками тысяч снарядов, осыпал бойцов тысячами авиационных бомб. Полк с честью и доблестью служил Родине, нерушимо спаянный боевой дружбой.

Настают долгожданные минуты...

Быстры степные сумерки. Сизая туча закрыла закат солнца. На востоке уже показался чистый диск луны. Беляков и Щелчков крепко жмут друг другу руки, порывисто обнимаются и идут каждый в свой батальон.

Генерал-полковник тов. Штерн и армейский комиссар 2 ранга тов. Бирюков на командном пункте

Бойцы третьего батальона кончали ужинать у ложбины. Над головами была вечерняя мгла. Огненно-красными шмелями мелькали трассирующие пули японцев. Резко взрывались, вспарывая тьму, японские мины. Отрывисто и сухо стучали винтовочные выстрелы.

Комиссар побеседовал с командиром батальона Акиловым, с командирами рот и политруками. Все говорили сдержанно и приподнято.

Щелчков вслушивался, вглядывался, и в глубине души у него нарастало светлое, радостное чувство.

Командиры и политработники торопливо разошлись по своим подразделениям. Вокруг Щелчкова на траве расположилась группа красноармейцев.

— Значит, сегодня кончаем с японцами, товарищ комиссар? — спросил Щелчкова красноармеец.

— Может за нас кто-либо кончит, — сказал Щелчков. — Вы же знаете, товарищи, что японцы окружены. На этих высотах последнее их логовище. Кругом отовсюду — наши части. Они тоже рвутся к сопке. Еще не известно, кто скорей захватит высоту...

— Ну, это известно. Чтобы кто-нибудь раньше нас подоспел? Да никогда! — задорно проговорил красноармеец, яростно пыхнув папиросой, озарившей его молодое, упрямое лицо.

Все рассмеялись...

Сизая туча постепенно закрыла все небо.

Ветер шумел в траве, срывал с бугров песок и швырял его в долину.

— Монгольский дождик начинается, — сказал кто-то.

Сквозь тучу пробивался свет луны. Фигуры бойцов, отроги сопок, былинки — все стало неясным, приобрело причудливые очертания. Командир полка Беляков был во втором батальоне. Бесстрашные и неутомимые связисты уже подали ему сюда связь.

Командир батальона Коровяк провожает разведку. Это шесть отважных добровольцев: лейтенант Люпаев и с ним бойцы — Привалов, двое Снитковых, Мирхайдаров, а шестой — Василий Смирнов, тот самый, который только утром вернулся из лазарета.

Двинулась и пропала в призрачной тьме шестерка храбрецов.

Командир полка все так же неспеша и вразумительно поговорил по телефону с другими батальонами и выпрямился:

— Пора!

Зелено-фосфористые стрелки на циферблате сошлись над цифрой 10.

Вглядываясь в тьму, Беляков угадывал, что в подразделениях командиры и политработники еще раз проверяют бойцов, их боевую готовность, отдают последние распоряжения. Эти десять минут, оставшиеся до срока, кажутся Белякову нескончаемо долгими. Наконец, слух его уловил шорох и шум движения.

Батальон двинулся вперед.

Комиссар батальона Тихон Буряк шел в передней цепи. На правом фланге, рядом с ним, плечом к плечу, шел младший комвзвод Василий Кирин. Комиссар передал ему красный флаг:

— Смотри, от меня не отходи. Мы с тобой знамя на самой сопке поставим.

Кирин молча пожал руку своему комиссару. Вчера только он прибыл в батальон. Был в первом своем бою, был в атаке и сейчас вот такая честь!

Комиссар Буряк, сжимая винтовку, шагал впереди, пристально, до боли в глазах, всматриваясь в темноту. Он чувствовал и понимал волнение Кирина. Сам он стал комиссаром батальона всего пять дней назад, а прибыл в полк только к началу наступления.

По ту сторону ремизовских высот то утихала, то вспыхивала и снова разгоралась стрельба. Здесь было тихо, но Буряку казалось, что ночь полна шума и грохота от дыхания бойцов, от их шагов, от стука их сердец.

Где-то впереди, недалеко беззвучно двигалась разведка. Буряк поднимался по скату вверх.

Он вышел к кусту и, когда начал обходить его справа, увидел на земле человека. Сквозь узкие прорехи туч просвечивала луна.

Буряк ясно увидел, что на земле японец. Он нагнулся, чтобы проверить, не убитый ли. Японец выбросил руку с пистолетом. Штык Буряка молниеносно пригвоздил его к земле. Дикий вопль прорезал ночь. И тут же с вражеских траншей загремели выстрелы, рядом стали рваться гранаты.

— За Родину, за Сталина, вперед! — звонко прокричал Буряк и метнул, припав на колено, одну за другой свои гранаты в траншеи.

Красный огонь разрывов вспарывал тьму. Было хорошо видно, как выскакивали из траншей японцы и падали. И уже прыгали со штыками наперевес бойцы в траншеи по всей вершине сопки. Откуда-то снизу, из мрака хлынули снопы красных трассирующих пуль.

— Ложись!

— Окопайсь!

Батальон залег и быстро окопался.

Буряк, лежа, тихо позвал командира Кирина.

— Да, я здесь, товарищ комиссар, — отозвался Кирин.

— А флаг?

— Вот он.

И комиссар Буряк разглядел недалеко от себя древко и полотнище флага и силуэт бойца возле него. Разведчик Василий Смирнов молча стоял около флага, водруженного на вершине сопки. Никто не видел, как блестели слезы на его глазах... Как спешил он из лазарета сюда! Как боялся опоздать! И вот не опоздал. Стоит на высоте Ремизова, рядом с победным флагом!

— Кто там стоит? Ложись! — строго говорит комиссар Буряк.

Василий Смирнов опускается на землю, и сердце его замирает от счастья...

На высотах слева тоже гремят гранаты, стучат выстрелы винтовок и плещется победное «ура».

Это третий батальон. Он вышел и занял свой рубеж. Когда батальон подошел к японским окопам, навстречу полетели гранаты. Кто-то из бойцов дрогнул и подался было назад. Комиссар Щелчков грозно крикнул:

— Куда? Паршивых японцев испугались? Вперед, товарищи, за мной!

— За Родину! Все, как один! — подхватил командир батальона Акилов.

Батальон ринулся в окопы. Никто из японцев не успел

уйти. Наши бойцы безошибочно различали их по блеску широких штыков, по беловатым в темноте курткам.

И первый батальон столь же быстро, штыковым ударом раздавив врага, занял свой рубеж.

Комиссар Щелчков разыскал в темноте командира полка Белякова. Тот обосновался в глубокой яме. Телефонисты успели, поражая даже испытанных героев своим бесстрашием и мужеством, подтянуть сюда, на этот новый командный пункт, провода. И Беляков уже говорит с командирами батальонов:

— Шестая, ты меня слышишь?

— Слышу, — отвечает шестая. — Это командир Акилов.

— Я нахожусь в двойке — знаете?

— Нет.

— Смотрите зеленую ракету.

Беляков приказывает пустить вверх зеленую ракету. Бахает выстрел, и ракета, шипя, озаряет дрожащим, призрачным светом окрестность.

— Видали ракету? Хорошо. Теперь давайте вы ракету. Покажите, где вы находитесь.

Командир полка устанавливает расположение своих батальонов и передвигает их. Батальоны окапываются. Раненые уже отправлены в тыл. Беляков добивается связи с дивизией.

— Где враг? Что он затевает еще?

Перед рассветом командиру и комиссару полка доносят, что из глубоких барханов слышен шум движения.

Комиссар батальона Тихон Буряк тоже слышит это движение. Он приказывает командиру пулеметной роты кубанскому казаку Григорию Доле подтянуть свои станковые пулеметы.

Командир полка отдает приказ, и артиллеристы на руках подтягивают вперед по отрогам и скатам свои пушки.

— Идут! Идут!

Бойцы и командиры увидали в предрассветных сумерках, как по узкой ложбине между двумя сопками приближались японцы. Они двигались густой, сплошной массой и вдруг неистово, отвратительно завопили:

— Банзай, банзай!

Огненный ливень обрушился на врага. Осатанелые японцы падали, корчились.

Группа японцев бросилась на батальон комиссара Буряка, швыряя гранаты. Одна граната упала в траншею рядом с комиссаром. Он успел выпрыгнуть. Осколками ранило его в руки, ноги и в шею.

— Нет, не взять вам большевистской крепости! — крикнул Григорий Доля. Его пулеметы смели японцев.

Когда командир батальона Коровяк прибежал со своего левого фланга сюда, на правый, врага уже не было. Красноармейцы перевязывали своего комиссара.

Сопка взята!

— Меня немножко ранили, пощипали, — сказал командиру Буряк.

— Отправить в санчасть?

— Ну, нет, ни за что!

— Так приляг, отдохни!

Коровяк бережно накрыл шинелью прикурнувшего на дне окопа комиссара и умчался к себе на левый фланг.

Комиссар закрыл глаза, чтобы хоть немного вздремнуть. Но какой же тут сон? Откуда ему взяться? Он подозвал младшего комвзвода Кирина и приказал ему тщательно наблюдать из блиндажа, особенно за той стороной, откуда только что показывались японцы.

Пулеметчику Доле он приказал направить все пулеметы на ту ложбину. Тот озорно и хитро усмехнулся:

— Где Доля, там ясно и точно. Пулеметы уже стоят!

— Надо по траншеям разведку выслать! — вслух подумал Буряк.

Сразу нашлись добровольцы. Они сейчас же скрылись в траншеях...

Приближалось утро. Небо на востоке становилось зеленым. За высотами Ремизова, в долине реки Хайластин-Гол, били пушки, рвались мины, стучали пулеметы. Над высотами журчали снаряды.

Комиссар Щелчков сказал командиру Белякову:

— Как бы свои своих не зацепили. Не наши ли пушки с той стороны хватают?

Тут он заметил, что по гребню за лощинкой перебегают, пригибаясь, люди.

А если это к японцам подошла выручка? Сегодня ведь одиннадцатый день наступления пошел! Надо немедленно установить!

Комиссар Щелчков с двумя красноармейцами пошел в разведку. Сначала по склону, а потом и по вершине гребня, навстречу тем людям. В сумерках раздался окрик:

— Эй, кто вы такие?

Щелчкова обожгла радость: «Это наши!»

— А вы кто? — крикнул красноармеец.

— Не слышите? Свои!

— Идите к нам, если так.

— А вы сами идите к нам! — звали оттуда.

И вдруг на всю сопку, на все высоты звонко и радостно прокричал красноармеец:

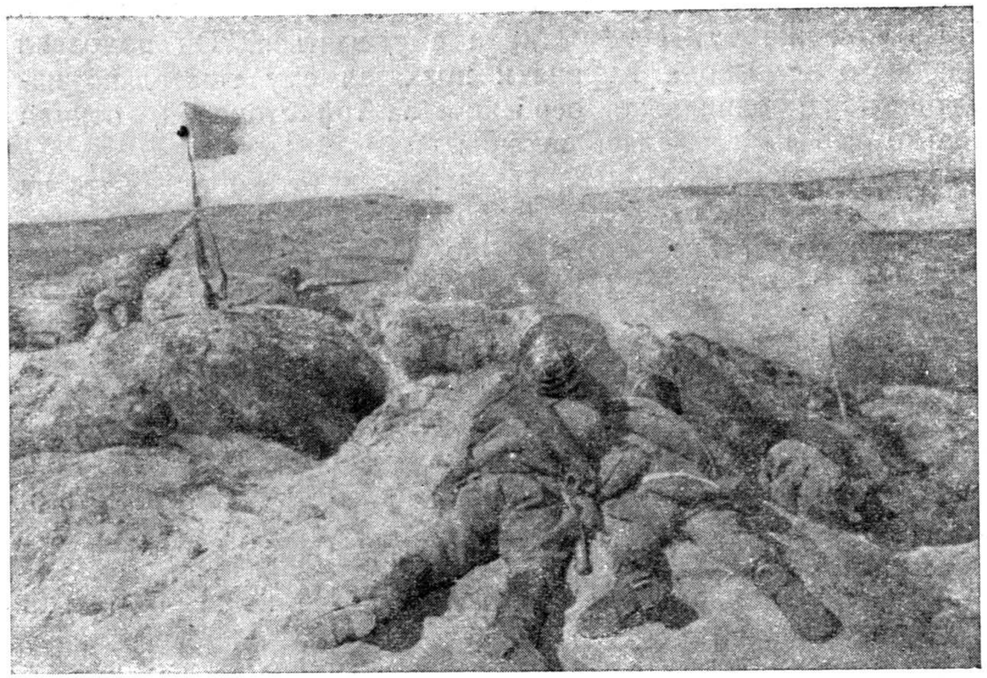
— Да здравствует товарищ Сталин!

— Ура! Ура! Ура! — загремело с той и с другой стороны и с дальних сопок.

Свежее утро развертывало знамена над высотами. Все яснее был виден флаг, трепетавший под ветром над сопкой Ремизова. Левее, тоже на высоте, алел флаг, водруженный стрелками и пулеметчиками орденоносной части имени Яковлева. И на дальней сопке виднелись флаги.

Над горизонтом показалось солнце, и алые флаги вспыхнули пламенем большой победы.

★



★

Н. КРУЖКОВ

МАЙОР РЕМИЗОВ

За рекой Халхин-Гол среди песчаных барханов, поросших мелким кустарником, выделяется своими массивными очертаниями высота, названная именем одного из замечательных героев Халхин-Гола — майора Ивана Михайловича Ремизова.

Ремизовский полк — полк, покрывший себя славой в упорных, ожесточенных боях с японцами! С нежностью и любовью говорят однополчане о своем командире, павшем смертью героя на барханах Халхин-Гола. Неприятельская шрапнель прервала его жизнь, но память об этом скромном и чистом человеке, об этом замечательном командире Красной Армии и коммунисте никогда не умрет в сердцах тех, кто его знал, кто вместе с ним сражался, кто вместе с ним громил врага.

Долгое время после боев на высоте Ремизова алел колеблемый степным ветром флаг, водруженный однополчанами майора. Это памятник Ремизову, памятник скромный и чистый, как был скромен и чист человек, именем которого названа высота.

* * *

Когда японцы перешли границу, полк Ремизова получил задание выбить наглого врага. День и ночь на грузовиках ехал полк к границе. Настроение у бойцов и командиров было приподнятое, как всегда бывает перед боем. Монгольская степь раскрывала перед ними свои широкие просторы. Сверкали яркие, низкие звезды. Встречавшиеся на пути монгольские кочевья тепло, дружелюбно, радостно провожали полк. По степи уже разнесся слух, что враг перешел границу. Красная Армия шла сражаться с японцами. Гремели орудия, лязгали гусеницы танков, мерный шум автомобильных моторов нарушал извечную тишину степи.

Река Халхин-Гол, спрятавшаяся в низинке, несла свои быстрые воды к озеру Буир-Нур, поблескивая серебром струй в окаймлении зеленых берегов, пахнущих пряными степными травами. К реке Халхин-Гол двигались войска.

Майор Ремизов вел полк. Он был спокоен, как всегда, как на параде, как на маневрах. Ни один мускул на его лице не выдавал внутреннего волнения. Спокойным, уверенным шагом он обходил на бивуаках роты, спрашивал, как кормили, как настроение, привезли ли почту. От всей его фигуры веяло твердостью, решительностью, убежденностью в победе.

Свое волнение и свои тревоги Ремизов прятал глубоко внутрь. Никто из окружающих не мог прочесть в глазах командира волновавшие его чувства. А волноваться было из-за чего. Полк впервые шел в бой. Как покажут себя бойцы и командиры? Не растеряются ли? Справятся ли?

Ремизов собирал командиров и комиссаров, разъяснял поставленную боевую задачу, беседовал с бойцами, внимательно всматривался в лица. Но нет — народ хороший в полку, неплохо обучен, свое дело знает, такой народ не подведет!..

Майор Ремизов вместе с комиссаром Кабановым совещался с коммунистами, комсомольцами, беспартийными бойцами, беседовал со всеми вместе и с каждым в отдельности, старался проникнуть в душу каждого, вселяя бодрость, веселье...

Бойцы провожали его ласковыми взглядами:

— Наш командир, — говорили они, — наш молодец. С таким не пропадешь.

* * *

28 мая пять рот Ремизовского полка форсировали Халхин-Гол и пошли в наступление на японцев. Высоты, занятые противником, господствовали над долиной реки. Изрытые окопами и блиндажами, они представляли собой серьезную преграду. Но напор Ремизовского полка был столь силен, реши-

Герой Советского Союза майор И. Ремизов

мость и смелость бойцов и командиров были столь безграничны, что враг не выдержал натиска и покатился назад, устилая песчаные склоны халхин-гольских барханов трупами, брошенным оружием и снаряжением.

Ремизов всегда находился в самых решающих пунктах боя. Его машина, на которой он стремительно носился по всей линии сражения, была своеобразным вестником победы.

— Где тяжело, там ищи майора — всегда найдешь, — говорили бойцы.

И действительно, во время самых ожесточенных схваток, когда враг давил на наши позиции, пользуясь превосходством своих сил, когда тревога проникала в сердца бойцов, тогда

появлялся спокойный, медлительный в движениях, внешне совершенно невозмутимый Ремизов, быстро схватывал обстановку, давал краткие, всегда четкие распоряжения, и чаша весов боя неизменно склонялась в нашу пользу.

От подразделений, находившихся в непосредственном соприкосновении с противником, Ремизов ехал к кухням, пробовал щи, кашу, давал нагоняй поварам, если видел неряшливость и беспорядок; отсюда направлялся к раненым, беседовал с ними — лично перевязывал тех, кто был перевязан плохо, всюду внося с собой спокойствие, уверенность, ясность.

Когда он спал, когда ел, — это оставалось тайной для окружавших. Нередко комиссар Кабанов гонялся за майором с котелком супа в руках, заставляя, требуя, чтобы командир поел, наконец, по-человечески.

— Сейчас, погоди немножко, вот еще раз съезжу, моментально вернусь...

И немедленно исчезал. Шофер вез его туда, где особенно ожесточенно гремела стрельба и где, по мнению Ремизова, требовалось его личное присутствие.

Для выяснения сил противника Ремизов вскоре после занятия линии границы предпринял разведку боем, поиск в сторону японского лагеря. Разведка увенчалась полным успехом. Неприятель был рассеян и проворно бежал, покинув городок, оставив в руках наших войск планы, карты, документы. Конница, пытавшаяся атаковать Ремизова, была опрокинута и отступила.

Поиском лично руководил Ремизов, тщательно подготовив всю операцию.

2 июля началось наступление японцев. Стояла глухая черная ночь. Гроза гремела на небе, чудовищная июльская гроза, когда раскаты грома перекрывали орудийные залпы и треск винтовок и пулеметов, когда казалось, что над головами происходит второе сражение, еще более ожесточенное, чем на земле.

Несколько десятков японских танков, после жестокой артиллерийской подготовки, пошли в атаку. В целях психического воздействия японцы пустили их с горящими фарами. Батальон, защищавший высоту, названную впоследствии высотой Ремизова, после упорного боя отошел на один километр. Майор Ремизов умело выводил батальон из окружения, в котором он очутился. Это был волнующий, критический момент сражения. Силы противника превосходили наши в несколько раз. Однако необычайная стойкость наших бойцов и командиров создала непреодолимую преграду для японцев. Все их усилия разбивались о железную стену ремизовских батальонов.

В дозоре

... Японцы растекались по соседним высотам, охватывая фланги Ремизовского полка.

Командир и бойцы с тревогой посматривали на Ремизова. Что скажет майор? Ведь, полк может оказаться в ловушке, если только японцам удастся сомкнуть кольцо.

Но Ремизов был совершенно спокоен.

— Бояться нечего, — говорил он, — если страшно — пойте песни. Когда мне страшно, я всегда пою песни.

На предложение штаба корпуса прислать подкрепления Ремизов ответил отказом:

— У нас сил достаточно...

Спокойствие командира зиждилось на ясном и трезвом понимании складывающейся обстановки. Бойцы держались крепко. Ремизов знал своих людей, знал им цену, видел их стойкость, их сплоченность, выкованную в предшествующих боях. К тому же в бой вступала мото-механизированная бригада. У Баин-Цагана уже гремели ее орудия.

Вскоре, действительно, картина резко изменилась. Обходившие части противника начали отступать, отступление это переходило в бегство. «Славная полковушка», как называл Ремизов свою полковую артиллерию, открыла огонь по расстроенному противнику.

Советские танки нанесли полное поражение японцам на высотах Баин-Цаган. Ремизовский полк был освобожден от охватывавшего его полукольца и двинулся вперед.

* * *

Майор Ремизов был человек огромной личной храбрости. Много раз попадал он в весьма затруднительные положения и каждый раз с успехом выходил из них. Однажды он нечаянно заехал на территорию, занятую японцами. Завидев добычу, которая, казалось, сама шла в руки, японцы бросились к машине. Ремизов повернул назад, сбил с ног особо усердного унтера, забежавшего вперед, открыл стрельбу и благополучно вернулся во-свояси. Неоднократно Ремизов лично ходил в разведки и поиски.

На этой почве у него происходили неоднократные столкновения с комиссаром.

— Вы себя не бережете, Иван Михайлович,— справедливо возмущался комиссар.

— Я полк берегу, — отвечал майор, — и потом я привык и, право, со мной ничего не случится, напрасно вы беспокоитесь... Не беспокойтесь, я скоро вернусь.

И исчезал на добрые три-четыре часа. Он объезжал части, лично знакомился с обстановкой, подбадривал и вдохновлял людей и возвращался довольный, радостный.

Это был воин по призванию, с холодным умом, твердым расчетом, ясностью мышления и большим чистым сердцем, командир — отец-командир, друг и товарищ.

* * *

7 июля японцы вновь перешли в наступление. Ремизовский полк принял на себя тяжесть удара превосходящих сил противника. Стойко и мужественно отражали ремизовцы врага, нанося ему жестокие потери.

8 июля Иван Михайлович Ремизов был убит шрапнелью в тот момент, когда он в разгар боя говорил по телефону с командованием армейской группы, убит при исполнении служебных обязанностей — пал смертью воина. Много раз Иван Михайлович Ремизов, боевой командир — большевик, ветеран гражданской войны, смотрел бесстрашно смерти в глаза, отводя ее, казалось бы, неотвратимые удары. Она настигла его, наконец, в песчаных барханах Халхин-Гола.

Командиры, политработники и бойцы стали у изголовья павшего героя. Они отерли кровь с его лица, они не плакали, нет — хотя острая боль сдавливала сердце, они поклялись над его прахом бить нещадно, разить и уничтожать врага и тем отомстить за смерть любимого командира.

И они сдержали свое слово. В августовском наступлении, закончившемся полным разгромом и уничтожением врага, Ремизовский полк показал себя блестяще. Традиции, привитые в полку Иваном Михайловичем Ремизовым, свято оберегались его соратниками и друзьями — комиссаром Кабановым, капитаном Рывшем, отсекром Петровым, новым командиром полка майором Прокофьевым и другими славными однополчанами.

И когда полк в стремительном наступлении, разбив врага, занял высоту, господствующую над долиной Халхин-Гола, то назвал ее высотой Ремизова — именем славного героя.

Высота эта была завалена трупами японцев.

Полк достойно отомстил за смерть своего любимого командира.

* * *

В глухой монгольской стороне, недалеко от серебряноструйного Халхин-Гола, находится могила Ивана Михайловича Ремизова, посмертно награжденного Правительством высоким званием Героя Советского Союза.

...Над могилой этой шумят неугомонные степные ветры, и гордые орлы простирают над ней свои крылья.

★

★

Старший политрук П. КРАВЧЕНКО

ПАРТИЙНАЯ РАБОТА СРЕДИ ЛЕТЧИКОВ

Стояла ясная монгольская весна. Необозримым зеленым простором раскинулась бескрайняя степь. В чистом голубом небе шумели моторы. Самолеты взмывали в воздух. Летчики совершенствовались в высшем пилотаже, в точности стрельбы. От зари и до зари шла обычная учеба.

Ночью пришла тревожная весть: отряд японских солдат нарушил границу дружественной Советскому Союзу Монгольской Народной Республики. Японские захватчики, видимо, затевали новую провокацию.

На рассвете мы поднялись по тревоге и вылетели в район реки Халхин-Гол. Через четыре дня наша часть уже приняла участие в первых боях с японскими истребителями.

Никогда еще не приходилось мне работать секретарем партийной организации авиационной части в боевых условиях. Не было опыта, а обстановка требовала быстрой перестройки всей партийной работы. Ее следовало направить на обеспечение полной боевой готовности всего личного состава и материальной части. Надо было еще выше поднять авангардную роль коммунистов в бою.

Опыт партийно-политической работы на Хасане явился для нас путеводной нитью. Перестройка пошла быстрыми темпами.

В первую очередь перед партийной организацией стала задача разъяснения каждому летчику, технику, мотористу, оружейнику международной обстановки. Весь личный состав должен был проникнуться мыслью о необходимости защищать границы Монгольской Народной Республики так же решительно, как границы нашей социалистической Родины.

Требовалось по-настоящему мобилизовать людей на выполнение почетной задачи, поставленной перед советскими войсками партией и правительством, и в кратчайший срок разгромить японских провокаторов.

В мирных условиях мы привыкли решать большие вопросы на общих собраниях партийной организации или всей части. Здесь, в боевой обстановке, мы были лишены этой возможности.

Монгольская степь совершенно открыта. На протяжении десятков километров не встретишь ни единого кустика, ни единого деревца. Местность проглядывается на громадном расстоянии. Это потребовало рассредоточения подразделений части на значительной площади, в радиусе примерно от 8 до 12 километров.

Но не только рассредоточенность подразделений не давала нам возможности собирать коммунистов в одном месте. Напряженность боевой обстановки и необходимость в любую минуту быть готовыми к уходу в воздух заставляли летчиков, техников и мотористов неотлучно находиться у самолетов. И если летный состав с наступлением темноты съезжался в одно место, то технический состав дежурил у машин круглые сутки. Днем техники готовили самолеты к бою, а когда над степью опускалась короткая монгольская ночь, они, не зажигая огней, производили текущий ремонт моторов и вооружения.

Это обстоятельство заставило нас отказаться от привычных форм работы.

Остро стал вопрос о необходимости создания первичных партийных организаций в подразделениях. Кстати, в нашу партийную организацию влилась большая группа коммунистов — летчиков и техников из других частей. Партийное бюро составило план оформления низовых парторганизаций. Был выявлен партийный актив. Затем состоялись выборы парторгов на основе тайного голосования. Собрания проходили у машин после окончания боевой работы. Началась партийная жизнь по-новому.

В дальнейшем, когда по каким-либо причинам парторг выбывал из подразделения, выборы по указанию начальника Политического управления Красной Армии тов. Мехлиса проводились открытым голосованием. Это указание было продиктовано условиями боевой работы. Мы не имели возможности отводить на выборное собрание 2—3 часа, что является минимумом при закрытом тайном голосовании. Открытое же голосование значительно сокращало этот срок. Проводя выборные собрания открытым голосованием, мы в то же время не нарушали принципа обсуждения кандидатур и не ущемляли прав членов партии.

Боевая полнокровная жизнь кипела в низовых партийных организациях. Напряженность боевой обстановки с еще большей остротой поставила вопросы работы с каждым товарищем. Постановка партийной и политической информации стала важнейшей задачей парторганизации. Ведь, когда к самолету подходил кто-либо из политработников, ему задавали один и тот же вопрос:

— Что на фронте? Как действуют наши наземные войска? Каковы международные новости?

Необходимо было держать каждого коммуниста, каждого летчика, техника и моториста в курсе всех событий дня. Систематическая информация о действиях советских войск, о мужестве и героизме славных пехотинцев, артиллеристов и танкистов, беспощадно уничтожавших заклятого врага, вдохновляла весь личный состав летных частей. Между землей и небом протянулись нити теснейшей связи. Летчики, слыша об успехах наземных войск, еще лучше и самоотверженнее выполняли боевые задачи в воздухе.

Как решить в новых, боевых условиях задачу полного охвата партийным влиянием каждого летчика, техника, моториста? Сама жизнь подсказала нам решение. Партийному организатору эскадрильи невозможно в боевой обстановке вести работу среди 35—40 коммунистов, тем более что площадка, занимаемая эскадрильей, имела полтора-два километра в радиусе. Для повышения оперативности в партийной работе и самого широкого охвата масс мы создали партгруппы в каждом звене. Если в звене было не менее трех членов партии, избирался группорг. Там где насчитывалось менее трех членов партии, группорг выделялся, и его утверждало партийное бюро.

Комиссар эскадрильи и партийный организатор проводили партийно-политическую работу вместе с группоргами звеньев. Центр партийно-политической работы был перенесен в звено и экипаж. Пульс партийной жизни забился сильнее. Ни один человек с этих пор не оставался вне партийного влияния.

Задача партийных групп и всей партийной организации в целом состояла в том, чтобы каждое звено и подразделение всегда находилось в полной боевой готовности, чтобы весь

личный состав в любую минуту мог выполнить свой священный долг перед Родиной, как подобает воину Красной Армии.

Благодаря настойчивости и активности наша партийная организация добилась немалых успехов. Наша истребительная часть стала боевым, крепко спаянным большевистским коллективом. В боях за Родину славные сталинские соколы прославились многими подвигами.

* * *

Партийные группы в звеньях откликались на самые жгучие вопросы дня.

Ежедневная политинформация стала насущной потребностью. Материалами служили бюллетени ТАСС, которые мы принимали по радио из Хабаровска, Читы или Иркутска, газеты «Героическая Красноармейская» и «Сталинский сокол». Проводили политинформации главным образом группорги звеньев тт. Герасимов, Голубь, Киреев, Банников и другие. Время выбиралось в зависимости от обстановки. Нередки были случаи, когда агитатору приходилось прерывать беседу на полуслове, так как с командного пункта взвивалась ракета и летчики спешили к своим самолетам. Беседа продолжалась после возвращения из боя.

Политинформация, как правило, включала в себя краткое сообщение о положении на фронте и действиях соседних авиационных частей.

Большое внимание уделялось доведению до каждого летчика результатов воздушных боев, проведенных нашей частью. Часто бывало, что в воздушных боях одновременно с обеих сторон участвовало от 150 до 200 самолетов. Бои продолжались по два-три часа, носили ожесточенный характер и были исключительно напряженными, особенно истребительных частей. Нередко часть совершала в день по 6—7 вылетов с боевым заданием.

Политический аппарат нашей части и партийная организация упорно и повседневно доводили опыт и наблюдения лучших летчиков до всего летного состава. Наши храбрейшие и опытнейшие летчики Трубаченко, Шабашев, Голуба, Мурмылов и другие проводили в звеньях беседы по тактике борьбы с японскими истребителями. Хитрые приемы врага очень быстро были разгаданы, и уже начиная с июньских боев японская авиация терпела поражения одно значительнее другого.

В промежутках между боями днем под плоскостями самолетов, вечерами в палатках и юртах низовые агитаторы вели беседы с личным составом экипажей и звеньев о прошедшем боевом дне. На этих беседах вскрывались и предупреждались ошибки и недочеты в боевой работе.

В период боевых действий выросли новые кадры партийных работников. Тов. Банников — техник звена — был переведен из кандидатов в члены партии. В сложных боевых условиях он работал группоргом звена. Он добился в звене крепкой воинской дисциплины. Материальная часть всегда работала безотказно.

Тов. Банников показал себя отличным организатором и агитатором. Все люди звена всегда были в курсе международных событий.

Но были у нас и такие группорги, которые сначала очень плохо работали с людьми, не воспитывали их в духе крепкой воинской дисциплины, не повышали свой идейно-политический уровень и слабо были связаны с массами. Сейчас, мол, трудно и некогда заниматься партийной работой — так рассуждали они. Пришлось членам бюро доказать им необходимость усиления партийной работы. Отставшим группоргам тт. Попову и Коротко своевременно была оказана помощь в практической работе. Вскоре они исправили свои ошибки и стали работать с необходимой активностью.

В боях люди растут быстро. Ярко проявляются прекрасные воинские качества партийных и непартийных большевиков. В первые же этапы боев в нашей части выделились замечательные люди, первоклассные мастера, бесстрашные сталинские соколы. Достаточно назвать имена Калачева, Балашева, Рахова, Чистякова, Скобарихина, Трубаченко и Якименко, которых теперь знает вся страна. Правительство высоко оценило их подвиги, присвоив им звание Героя Советского Союза. Дважды Героем Советского Союза стал командир нашей части Г. П. Кравченко.

Технический состав всю душу вкладывал в свою кропотливую работу. Люди не спали ночами, меняли моторы, пробитые в боях, устраняли неисправности и в кратчайшие сроки вводили самолеты снова в строй. Самой высокой оценкой работы наших техников, мотористов и оружейников является тот факт, что мы не имели ни единого случая отказа материальной части в бою по вине технического состава. Летчики всегда давали самые лестные отзывы о своих техниках и мотористах.

Как на земле, так и в воздухе в авангарде всегда были коммунисты. Своей самоотверженностью и героизмом они увлекали за собой всю массу.

С первых же дней боев в нашей части чувствовался небывалый политический подъем. Он выразился в десятках заявлений о приеме в партию, которые были поданы в нашу партийную организацию. Беспартийные, видя замечательный боевой пример коммунистов, проникались еще большей любовью

и верою в партию. Самым горячим их желанием стало вступление в ее ряды.

Летчик Акимов писал в своем заявлении:

«Прошу партийную организацию принять меня в кандидаты нашей славной партии большевиков. До этого времени я был беспартийным большевиком, шел вместе с партией, выполнял все поставленные ею задачи. Сейчас я хочу вступить в партию, стать в ее железные ряды и в боях бить японских «ассов» большевистской беспощадной рукой».

В период боевых действий мы приняли в партию 55 лучших людей нашей части.

* * *

Партийное собрание — это лучшая школа большевистского воспитания коммунистов. Несмотря на трудность проведения партийных собраний в боевой обстановке, бюро систематически организовывало партийные собрания в эскадрильях. Собрания, при помощи членов бюро, подготавливались с особой тщательностью. Повестка дня всегда учитывала запросы самих коммунистов. Поэтому партийные собрания проходили с большой активностью и на высоком идейно-политическом уровне.

В низовых партийных организациях мы ставили на обсуждение следующие вопросы: о решениях майского пленума ЦК ВКП(б); об итогах воздушных боев и авангардной роли коммунистов в боях; о работе материальной части; о политико-моральном состоянии подразделений; прием в партию и другие. На собрании обычно разбирался один вопрос. Это делалось для того, чтобы не загромождать повестку дня и не затягивать собрание на продолжительное время.

Однажды у нас произошел такой случай: подразделение вылетело для выполнения боевого задания и вернулось, не найдя в воздухе противника, в то время как другие подразделения нашли противника и с честью выполнили боевое задание. Этот случай подвергся обсуждению на партийном собрании подразделения. Товарищам было указано, что противника следовало обнаружить во что бы то ни стало и уничтожить его в воздухе или на земле. Одного партийного собрания было достаточно, чтобы подобные факты больше не повторились.

Случай, который мы описали, благодаря агитаторам стал широко известен во всей части и послужил предупреждением для других.

Боевые действия не позволяли нам проводить собрания первичной партийной организации. Вместо общих партийных собраний мы провели в районе боев два делегатских собрания.

На первом состоялись довыборы партийного бюро, на втором был сделан отчет бюро «О работе партийной организации в боевых условиях».

Сначала мы практиковали выборы на делегатское собрание — по одному делегату от трех членов партии, а затем, когда обстановка не позволила произвести выборы, делегаты были выделены комиссаром и партийными организаторами из числа партийного актива.

Делегатское партийное собрание, на котором состоялся отчет бюро, сыграло громадную роль в мобилизации коммунистов к готовившемуся решительному наступлению советско-монгольских войск против японских захватчиков.

Коммунисты резко критиковали партийное бюро за недостаточную работу с отдельными товарищами, не проявлявшими активности в бою. Собрание указало на необходимость более решительной борьбы с недисциплинированностью и неорганизованностью, выразившимися в нескольких случаях пьянства и поломок самолетов вне боя.

Партийные собрания всегда происходили у самолетов к концу дня, когда мы могли быть гарантированы, что враг не заявится к нам в «гости». Однако на всякий случай у места собрания дежурили автомашины, чтобы в момент тревоги быстро доставить коммунистов к самолетам.

А подготовка к решительному сражению все усиливалась. В начале августа мы провели совещание партийного актива. Были подведены итоги последних воздушных боев и намечены очередные задачи, состоявшие в том, чтобы мобилизовать весь личный состав к решающему удару по врагу, к окончательному разгрому японских войск.

После совещания все его участники были посланы в подразделения для работы среди летчиков, техников и мотористов. Лучшие агитаторы и пропагандисты тт. Каретников, Бурык, Банников, Шучалин, Пьянков, Киреев и другие отправились в экипажи и звенья, неся с собой призыв к еще большей организованности, самоотверженности и героизму в предстоящих боях.

С молодыми летчиками беседовали испытанные во многих боях герои-летчики Скобарихин, Чистяков, Трубаченко.

Когда 19 августа, в 18 часов, стало известно о приказе командования войскам перейти к решительному наступлению по всему фронту, мы снова созвали партийный актив, на котором выступил Герой Советского Союза Г. П. Кравченко. Он объяснил задачу летчиков-истребителей: штурмовыми действиями подавить зенитную артиллерию противника и обеспечить бесперебойную работу бомбардировщикам.

Тут же были распределены силы партийного актива. Все разошлись по эскадрильям.

В это время пришли газеты. Их быстро расхватали. Каждая строка звала в бой:

«Вперед, на полный разгром и уничтожение японских захватчиков! За Родину, за любимого Сталина!»

Я пошел в эскадрилью тов. Шебашева. Стал обходить самолеты, выясняя их готовность к вылету. Отовсюду слышался один и тот же ответ:

— Самолет готов к бою!

Начало светать. От озер и болот поднялся густой туман. Вскоре белесая пелена покрыла всю площадку. В десяти метрах нельзя было различить контуров машин. С минуты на минуту можно было ожидать приказания на вылет, но этот туман... Он не собирался рассеиваться. Земля, обильно вспоенная дождями, дымилась, как кипящий котел.

Сообщение: «Бомбардировщики в воздухе. Легли на курс». Минут через десять они будут над нашей площадкой. Туман сгущается. Тов. Шибаев задумчиво глядит на его вьющиеся клубы.

— Ну как, комиссар,— спрашивает он.

— Летим! — твердым голосом отвечает комиссар.

— Правильно,— одобряет Шибаев и командует: — По самолетам!

Самолеты командира и комиссара первыми отрываются от земли и тотчас же пропадают в непроницаемом тумане. За ними в густую белую мглу уходят один за другим самолеты эскадрильи.

Созвав митинг, я рассказал техническому составу о начавшемся по всему фронту наступлении с задачей — разгромить и уничтожить без остатка войска японских провокаторов.

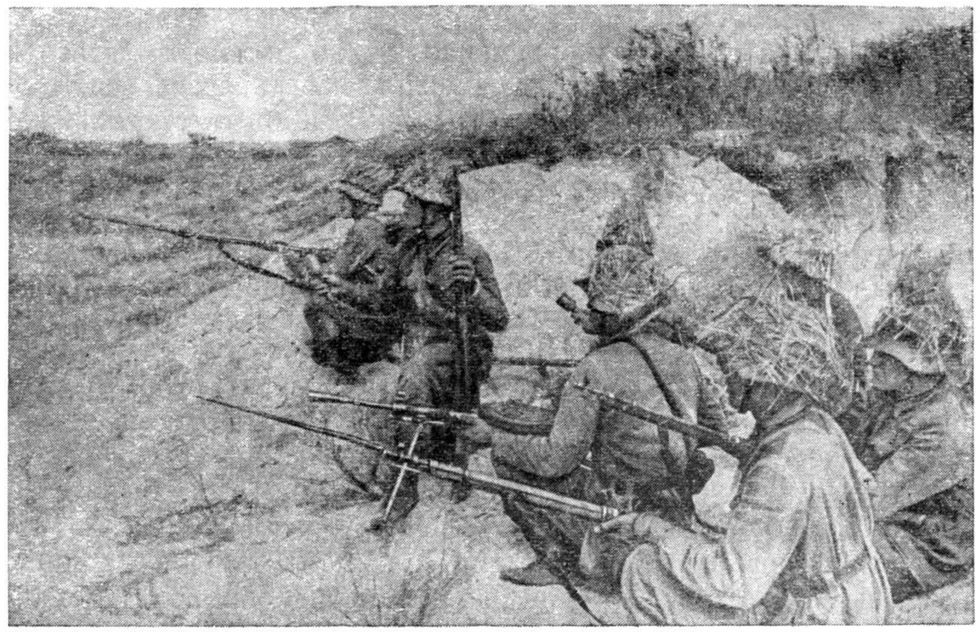
Техники, мотористы и оружейники выступили с заверениями, что они отдадут все силы, чтобы материальная часть работала безотказно. Они сдержали свое слово.

В этот день наша часть совершила пять боевых вылетов.

* * *

Задача была выполнена с честью. В тесном боевом содружестве с наземными войсками сталинские летчики смели с лица земли японские войска у реки Халхин-Гол.

★



★

Младший политрук А. КРАЙКИН

ПОЛИТРУК В БОЮ

Всего лишь за восемь месяцев до событий на Халхин-Голе я окончил Военно-политическое училище имени Энгельса. Сильно чувствовал недостаток военной практики. Но вот мне посчастливилось попасть на фронт.

Боевая обстановка. Сборы. С командиром роты мы продумали и составили план. Необходимо было вплоть до мелочей проверить систему управления, снабжения, боевого питания роты. Нужно было принять приписной состав, расставить людей на места, проверить каждого человека, с каждым поговорить, уяснить для себя склонности и характер каждого бойца.

В самый разгар сборов выбыл командир роты. Пришлось работать с удвоенной энергией до назначения нового командира. Следовало узнать, в чем нуждаются вновь прибывшие бойцы, и помочь им, осветить перед ними международное положение, разрешить все вопросы, которые у них возникали, провести ряд бесед и лекций. Хорошо помогала мне комсомольская организация, в частности ее секретарь тов. Балдин.

Лично и с помощью комсомольцев он организовал лекции, беседы, читки газет. Одновременно нужно было готовиться к предстоящему длительному маршу, пригласить врача, санитарного инструктора, продумать свой опыт и опыт старослужащих бойцов и командиров.

Еще до марша были подобраны беседчики — младшие командиры Старостин и Сумароков, красноармеец Степанов. Они энергично взялись за работу. На каждом привале вытаскивали газеты, проводили читки и беседы. Старые бойцы Минин, Тимофеев делились опытом боев и рассказывали о том, как они гнали барона Унгерна и генерала Семенова с территории Монгольской Народной Республики. Бойцы с восторгом слушали «старичков». Впоследствии, в боях с японцами, практика этих «старичков» очень пригодилась.

Кроме газет, на марше неизменными друзьями были гармошка и бубен. Старшина Овсянников — замечательный гармонист. Он превосходно играл и в пешем строю и на коне. Гармонь, бубен и веселые песни ободряли бойцов в тяжелом пути по монгольским степям и горам. Не было у нас за время марша ни одного выбывшего из строя.

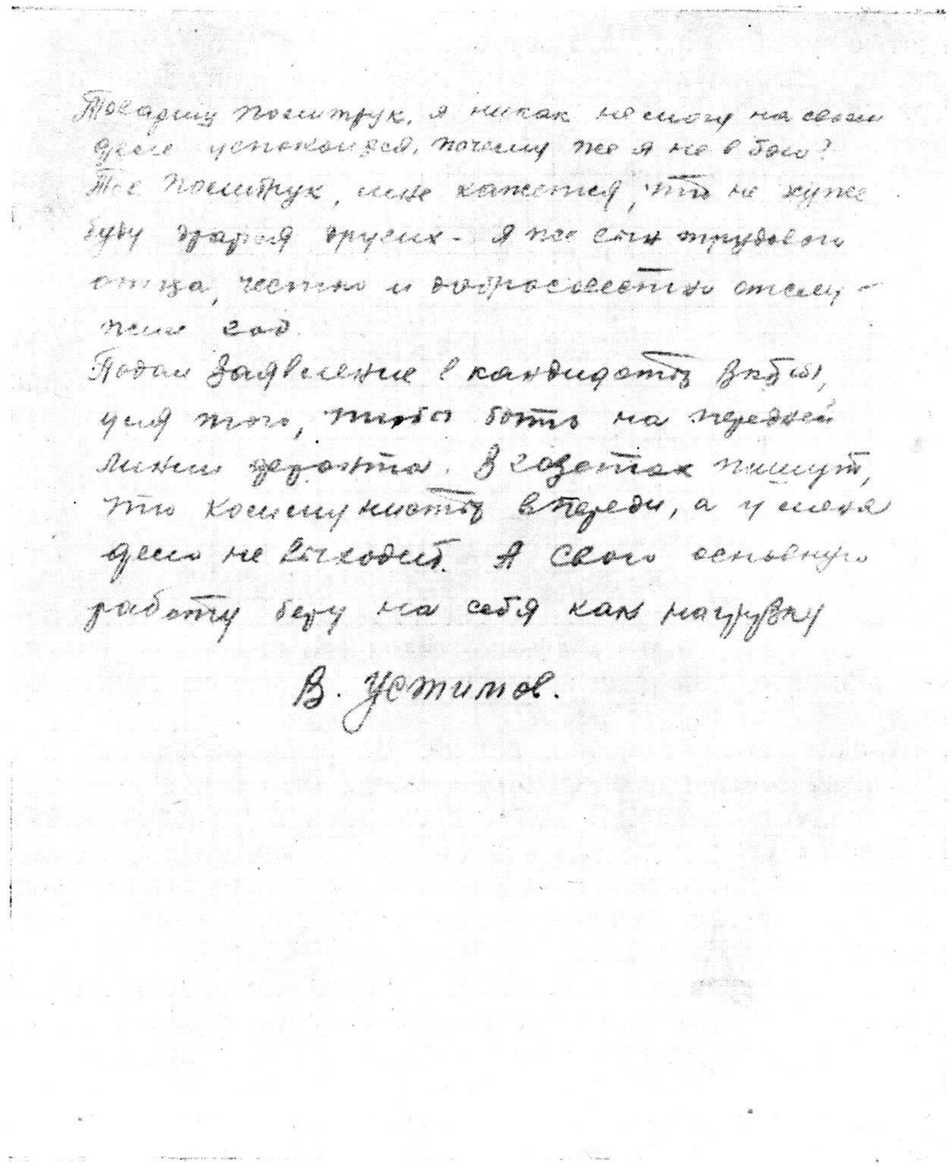
Необычна и нова была работа в автомашинах. Под шум мотора приходилось проводить беседы, писать, несмотря на качку, политдонесения, рапорты. Необходимо было строго следить за самочувствием каждого бойца и предупреждать случаи аварий. О сне не было и речи, особенно ночью, когда машины шли с потушенными фарами.

Хамар-Даба. Здесь тщательно готовились к предстоящему бою с японцами. Уже слышны выстрелы артиллерии, видны разрывы снарядов и бомб. Здесь еще раз с командиром роты тов. Мироненко тщательно проверяем все до мелочей, чтобы не спохватиться после, когда будет уже поздно.

Хорошо помогала нам газета «Героическая Красноармейская». Она рассказывала о коварных приемах врага, о его тактике. Она показывала героизм бойцов Халхин-Гола, давала советы и направляла нашу подготовку к предстоящим боям. Нам, разведчикам, было особенно это дорого, так как в разведке мы первыми сталкивались лицом к лицу с хитрым и коварным противником.

В самом бою выявилось, что политрук должен быть не только политработником и военным специалистом, но и хорошим хозяйственником. Когда рота осталась без старшины, пришлось поработать и за него. Взять хотя бы снабжение водой. В условиях Монголии это — дело первостепенной важности.

Было так. Тылы находились у реки Халхин-Гол, а бойцы целые сутки были без воды. Вступили в бой. Пошли в раз-


Товарищ политрук, я никак не могу на своем деле успокоиться, почему же я не в бою? Тов. политрук, мне кажется, что не хуже буду дрался других. Я же сын трудового отца, честно и добросовестно отслужил год.
Подал заявление в кандидаты ВКП(б), для того, чтобы быть на передней линии фронта. В газетах пишут, что коммунисты впереди, а у меня дело не выходит. А свою основную работу беру на себя как нагрузку
В. Устимов.

Из рапорта красноармейца В. Устимова

ведку. Вторые сутки на исходе. Воды попрежнему нет. Болит сердце за каждого бойца. Чем помочь? Не могут дальше итти Евсеев, Ласточкин. Бойцы изнурены. Бегу, останавливаю проходящий танк, достаю 3—4 кружки этой чудесной влаги. Немного с бензином, но ничего. Досталось каждому не больше чайной ложки. Бегу дальше. О, радость! Машина, старшина Батухтин, вода. Но, увы! Ее мало. На семьдесят девять человек — одна каска. Затыкаю в каске отверстие и несу бойцам. Сперва по одной столовой ложке, потом по другой. Осталась фляга с водой, это для первого взвода, который находится

в двух километрах от нас. С полной флягой бегу туда. Встречают с улыбками. Двое суток без воды, позади десятки километров, жара тридцать градусов, а они еще в состоянии улыбаться. Милые мои! «Сейчас плясать будем», — шутят бойцы. Прикладываю каждому к губам флягу. Одна фляга — на тридцать человек. Еще на дне три-четыре капли, отдаю и это. А сам отошел за куст, пососал тряпочку, которой была обвернута пробка фляги. Стало немного легче.

И через несколько часов пришла вода! Воды сколько угодно. Бойцы напились. Один или двое даже промыли глаза, — умываться как следует еще нельзя, это роскошь. Но скоро наступило и это время. В окопчике устроили «неприкосновенный запас» — врыли банку из-под бензина, которую я выпросил в полковой артиллерии, да три банки из-под боеприпасов. Врыли в землю плащ-палатку. Воды достаточно. Но снабжение все же еще не регулярное. Нужно беречь воду, дорожить каждой каплей. Бойцы пошли в разведку на 7—8 километров в тыл врага. Даю всем по кружке напиться, наполняю фляги. Придут, напою снова. После, когда воды стало сколько угодно, долго мы вспоминали это пережитое время...

— Помните, товарищ политрук, как вы нас из ложки отпаивали, будто малых ребят?

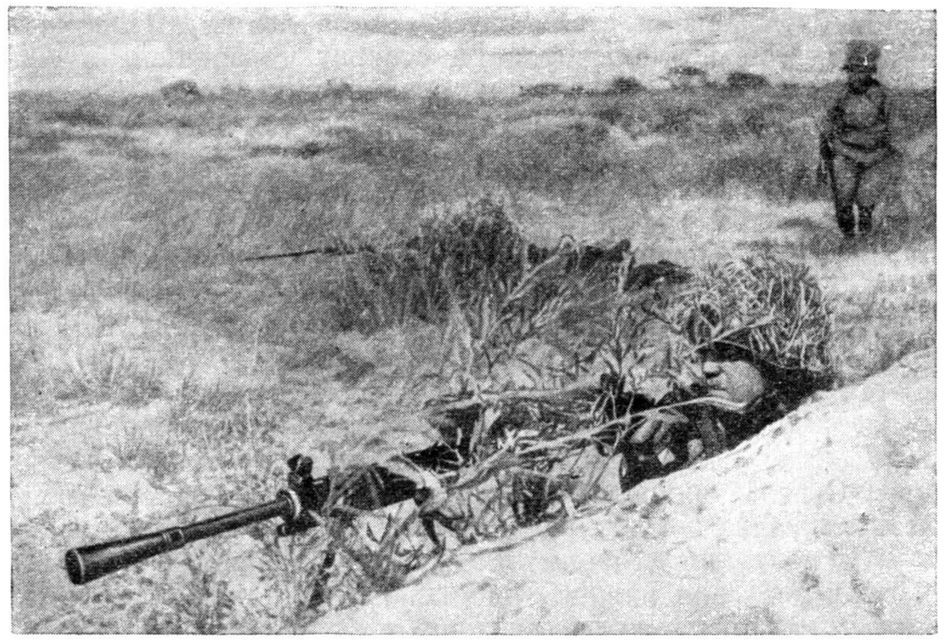
Что говорить, — конечно, помню. Да разве забудешь!..

Военный опыт пригодился мне, когда был ранен командир роты тов. Мироненко. Я ходил с бойцами в разведку, в атаку. Шесть суток находились в обороне, сдерживая превосходящую силу противника. Из окопа в окоп перебегал к каждому бойцу с газетами и новостями. Тут же, в окопах, было принято в комсомол и партию несколько бойцов.

Однажды случилось так. Свистели пули, ложились один за другим снаряды, а я ползу, иногда бегу со связкой газет. Как на грех, надел новое обмундирование, не успел пришить петлицы. Старое было изорвано в бою. И вот бойцы из соседнего подразделения захватили меня «в плен», сочли за чужого. Несмотря на мои уверения и просьбы, увели километра за два. Добрался к своим бойцам уже только с половиной газет, а остальное пришлось раздать по пути.

Так проходили боевые дни и ночи.

★



★

Красноармеец М. ПЕВЗНЕР

В СЕКРЕТЕ

Весь день стояла томительная жара. Степь дышала зноем. Накаленный, пахнущий гарью воздух содрогался от артиллерийской канонады и гула истребителей. Земля дрожала от взрывов. То там, то здесь вздымались столбы песка, пыли и дыма.

Вечер принес прохладу и тревожную тишину.

Двигались молча, уже в темноте. Впереди командир отделения Павел Пономарев, за ним бойцы — Власов и Абросимов. Вот и пологая сопка. Наискось от нее другая — повыше, острым горбом врезается в небо.

Между сопками легла лощина, где должен расположиться секрет.

Остановились у подножья. Прислушались. Тихо. Далеко на горизонте виднелось пламя. Изредка глухо доносился орудийный выстрел, стремительно взлетала ракета, озаряя нестройное очертание сопок.

Впереди, метрах в 300—400, находились японские позиции. В последний раз оглянулись назад — туда, где лежала линия

окопов батальона, и стали спускаться в лощину. Пономарев, не останавливаясь, обернулся в сторону товарищей.

— Не отставай, — шопотом предупредил он Абросимова, который шел последним. И неожиданно сам замедлил шаги, прислушиваясь.

Чуткое ухо Пономарева уловило сначала неясный шорох, потом звяканье, глухой топот ног...

«Японцы!» — пронеслось в сознании.

Прямо на секрет, еще не успевший занять свои позиции, надвигалась темная, колеблющаяся масса.

Пономарев вполголоса отдал приказание:

— Власов, беги, донеси в штаб.

Власов отполз в сторону и исчез в темноте ночи.

— Снимай шинель, заряжай! — приказал командир Абросимову. Светлая шинель выделялась в темноте и могла привлечь внимание врага.

— Стрелять по команде, подпустим ближе!

Пономарев снял шинель, ощупал гранаты на ремне и залег в траву, стиснув в руках винтовку.

Темные фигуры надвигались.

И тут вдруг случилось неожиданное. Испугавшись японцев, Абросимов дико вскрикнул, бросил винтовку и побежал в животном страхе.

В то же мгновенье раздалась японская команда и вслед залп. Нелепо вскинув руками, Абросимов упал.

Пономарев приложил винтовку к плечу и выстрелил. Потом он с силой метнул гранату. Раздался взрыв, сопровождаемый стонами и криками.

Пуля и граната попали в цель. Ошеломленные неожиданным ударом, японцы в смятении побежали в разные стороны.

Пономарев почувствовал острую боль в ноге. Стреляли откуда-то сзади.

«Японцы зашли в тыл» — промелькнуло в сознании. Пономарев остро ощутил всю безвыходность своего положения.

Один против двадцати. Японцы обходили его со всех сторон.

Оправившись от первого удара, противник изменил тактику. Ползком с трех сторон приближались японцы к Пономареву. С визгом и улюлюканьем, с криками «банзай» кинулись они на отважного бойца.

Впереди банды бежало трое. Уже слышно было их учащенное дыхание. Щелкнул затвор. Пономарев спокойно выстрелил. Один японец грохнулся на землю. Винтовка вылетела у него из рук.

Пономарев нажал на спусковой крючок, еще раз — винтовка молчала. «Засорилась», догадался он, и холодок пробежал по телу. А японцы все ближе и ближе. Пономарев поднялся, с винтовкой наперевес бросился на одного из нападавших и с силой ударил его штыком. Японец грохнулся замертво. Другого японца он свалил страшным ударом приклада по переносице.

Противник откатился, но он еще близко, где-то здесь, в кустах, в складках сопки. Пули свистели над головой. Как быть дальше? Пономарев обрадованно вспомнил: у Абросимова винтовка, два подсумка с патронами, две гранаты.

Превозмогая боль, он пополз.

Услышав шорох, японцы открыли частую стрельбу. У Пономарева была еще одна граната. Последняя! Он бросил ее и в ту же минуту почувствовал острую боль в правом боку. Он продолжал ползти и добрался до того места, где лежал труп Абросимова. Гранаты и винтовка валялись рядом с трупом. Пономарев схватил гранаты и одну за другой метнул их в японцев. Потом стал стрелять из винтовки. Но вскоре отказала и винтовка Абросимова — в затвор попал песок.

Корчась от невыносимой боли, оставляя кровавые следы за собой, пополз Пономарев к трупам японцев. Около убитого офицера валялась винтовка. Японский командир лежал скрючившись, мертвой хваткой зажав пистолет в руке. Пономарев вырвал пистолет, подобрал винтовку и коробку патронов. С новым оружием приполз он к своему убежищу и стал торопливо рыть окоп.

Несколько раз пытались подползать враги к отделенному командиру, но откатывались, отброшенные метким огнем Пономарева.

Начало светать.

В туманной дымке рассвета выступили очертания сопок. Перед глазами встала страшная картина боя. Впереди, метрах в семи-восьми, беспорядочно валялись трупы японцев, каски, винтовки, коробки с патронами.

Неподалеку, с выброшенными вперед руками, растянулся мертвый Абросимов. А сзади, уткнувшись лицом в траву, порыжевшую от крови, лежал труп человека в красноармейской форме.

«Власов», решил Пономарев. Теперь он понял, почему не пришла помощь. Японцы закололи Власова, прежде чем тот доставил донесение в штаб.

...На горизонте показался красный диск солнца. Тревожная ночь позади. Пономарев сидел в окопе, держа винтовку на бруствере.

Из-за сопки показались две фигуры.

Пономарев узнал товарищей — связистов.

Один из них остался с ним, другой побежал в штаб.

Пономарева принесли на командный пункт, положили на траву, постелив шинель.

Раненого окружили бойцы. Мертвенно бледный, ослабевший от потери крови, он оглядел товарищей, взволнованно рассказал о ночном бое. Его слушали, затаив дыхание.

— Власов погиб геройски. А другой, Абросимов, позорно струсил... — Гневом и болью звучали слова раненого командира, когда он рассказывал об Абросимове.

Принесли носилки. Санитары уложили на них Пономарева и понесли к санитарной машине, стоявшей в укрытии за бугром.

Здесь, у машины отделенный командир Пономарев расставался с боевыми товарищами.

Каждый подходил к отважному бойцу и молча пожимал ему руку.

Уже после выяснилось, что Пономарев задержал диверсионную банду японских «смертников», которые пытались прорваться через линию нашей обороны и взорвать переправу.

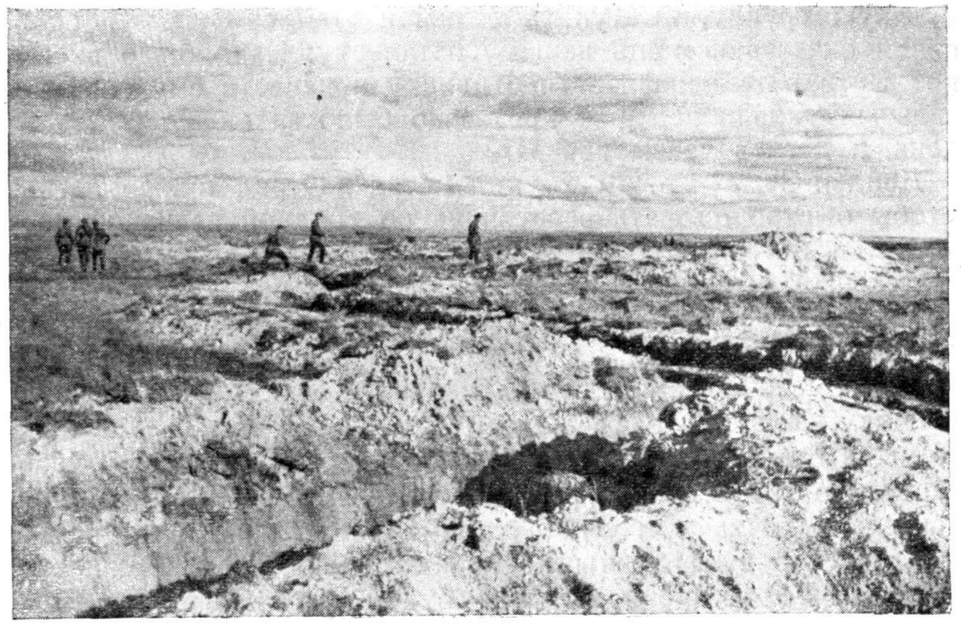
* * *

Прошло около трех месяцев. По проторенной дороге вдоль границы быстро катился автомобиль. Справа и слева высились покрытые скудной растительностью сопки, мелькали кусты, одинокие деревья.

Машина остановилась в котловане. Из нее в новенькой форме, чуть прихрамывая, вышел коренастый, среднего роста человек с светлыми глазами на простом русском лице. Это был Павел Пономарев. Из землянок и блиндажей выбежали боевые товарищи.

Знакомые и незнакомые обступили его, радостно здоровались, поздравляли с высокой заслуженной наградой — званием Героя Советского Союза.

★



★

Майор А. КУЗНЕЦОВ и полковой комиссар В. СЫЧОВ

В ТЫЛУ У ВРАГА

Широко раскинулись песчаные барханы. Вершины невысоких сопок поросли скудной травой и кустарником. В 3—4 километрах, извиваясь между горами, быстро мчится река Халхин-Гол. Кипят ее пенистые волны у широких болотистых берегов. В этих барханах, недалеко от реки, в глубокой котловине, заросшей камышом, расположен наш разведывательный батальон. Ни с воздуха, ни с земли нельзя увидеть ничего подозрительного.

Наверху тщательно замаскировался наблюдатель. Он ежеминутно осматривает в бинокль голубую даль. Никто не ускользнет от внимательного наблюдателя. Каждый кустик, каждый бугорок на десятки километров вокруг ему знакомы, и в них не укрыться врагу.

В холодке, в тени машин, беседуют политруки с бойцами.

* * *

В четыре часа дня из командного пункта получен боевой приказ: немедленно сформировать легкую, подвижную, но

сильную группу, выступить в район Депден-Сумэ и своим огнем оказать помощь нашему батальону. Надо было внезапно выйти в тыл и фланг противнику и нанести ему сокрушительный удар. Операцию приказано было закончить в тот же день, к десяти часам вечера.

Депден-Сумэ — в 20—25 километрах. Отряд нужен легкий, чтобы быстро одолеть расстояние по трудной песчаной местности, и в то же время мощный, способный открыть сокрушительный огонь.

Формируем отряд из броневой роты под командой старшего лейтенанта Кореняко, стрелковой роты Иванова, одной 76-миллиметровой пушки Зелихова и санитарной машины Занина. Командиры разошлись по своим подразделениям. А мы в это время в штабном автобусе внимательно изучаем карту. По эту сторону границы, на территории МНР, она вся искрапана точками, голубенькими кружочками и «птичками». По ту сторону границы карта безмолвна, на ней никаких знаков. По какой местности будем мы двигаться, какие препятствия одолевать? В 16.20 командир роты старший лейтенант тов. Кореняко доложил, что готов к выступлению. За ним докладывают о готовности тт. Занин, Иванов и Зелихов.

Стройной колонной вытянулись грозные броневики. Обнажены от чехлов их огнедышащие дула. Штыки сверкают над головами стрелков. Все бойцы уверены в себе и в своем оружии. Каждый горд сознанием, что он идет в бой, на помощь дорогим товарищам. Остающиеся завидовали уходящим. Последняя минута. Люди прощаются.

— Счастливого пути и победного возвращения!

В момент выступления заместитель политрука броневой роты тов. Саликов крикнул:

— Ровесники Великого Октября, будем, как наши отцы!

Отряд выступил.

* * *

Маршрут, избранный нами по карте, оказался трудным. На карте нанесена была хорошая дорога. В действительности же эта дорога заросла многолетним бурьяном и во многих местах была поражена солончаком. Несколько дней назад прошли большие дожди, превратившие местность в заболоченное поле.

Двигаться было трудно, но ничто не могло остановить или задержать отряд.

Там, где болотистые места сменились сыпучими песками, двигаться стало еще труднее и опаснее. Здесь враг мог создать артиллерийскую пробку. Мы были наготове и высылали за несколько километров вперед разведку.

Наконец, мы провели к назначенному месту все наши броневики и машины с пехотой. Издалека доносилась оружейная и пулеметная стрельба. По артиллерийским вспышкам и по шуму разрывов мы вскоре определили, где находится враг, и вышли ему в тыл с правого фланга, укрываясь за песчаными барханами. Марш длился больше двух часов. До сумерек оставалось немного. Надо было немедленно организовать наступление, чтобы еще засветло рассчитаться с противником и освободить из окружения батальон.

Продвинулись вперед еще немного — перед нами открылся Депден-Сумэ, военный городок. Тут и там маячили одиночные всадники и пехотинцы. Враг сосредоточивал все большие силы, в городке уже находились и артиллерия и кавалерия. Видимо, противник собирался к концу дня завершить разгром нашего батальона.

Отдаем приказ: военфельдшеру тов. Занину немедленно установить связь с батальоном; тов. Зелихову приготовить к бою пушку; тов. Кореняко ведет разведку с барханов, прикрывая своим огнем продвижение стрелковой роты на случай внезапного нападения противника; с правого фланга со своими дозорами движется броневая рота непосредственно на Депден-Сумэ.

Мы условились, что сигналом к всеобщему наступлению будет белая ракета.

С ураганной скоростью двинулись на врага броневики. Загудели их мощные моторы.

И вот сигнал наступления. С дистанции 800—900 метров броневики с полного хода открыли сильный пушечный огонь, обрушивая килограммы металла на головы врага. Пехота на машинах, на больших скоростях, подлетела к противнику, быстро спешилась, заняла удобную позицию и открыла меткий ружейный и пулеметный огонь.

Наступление началось.

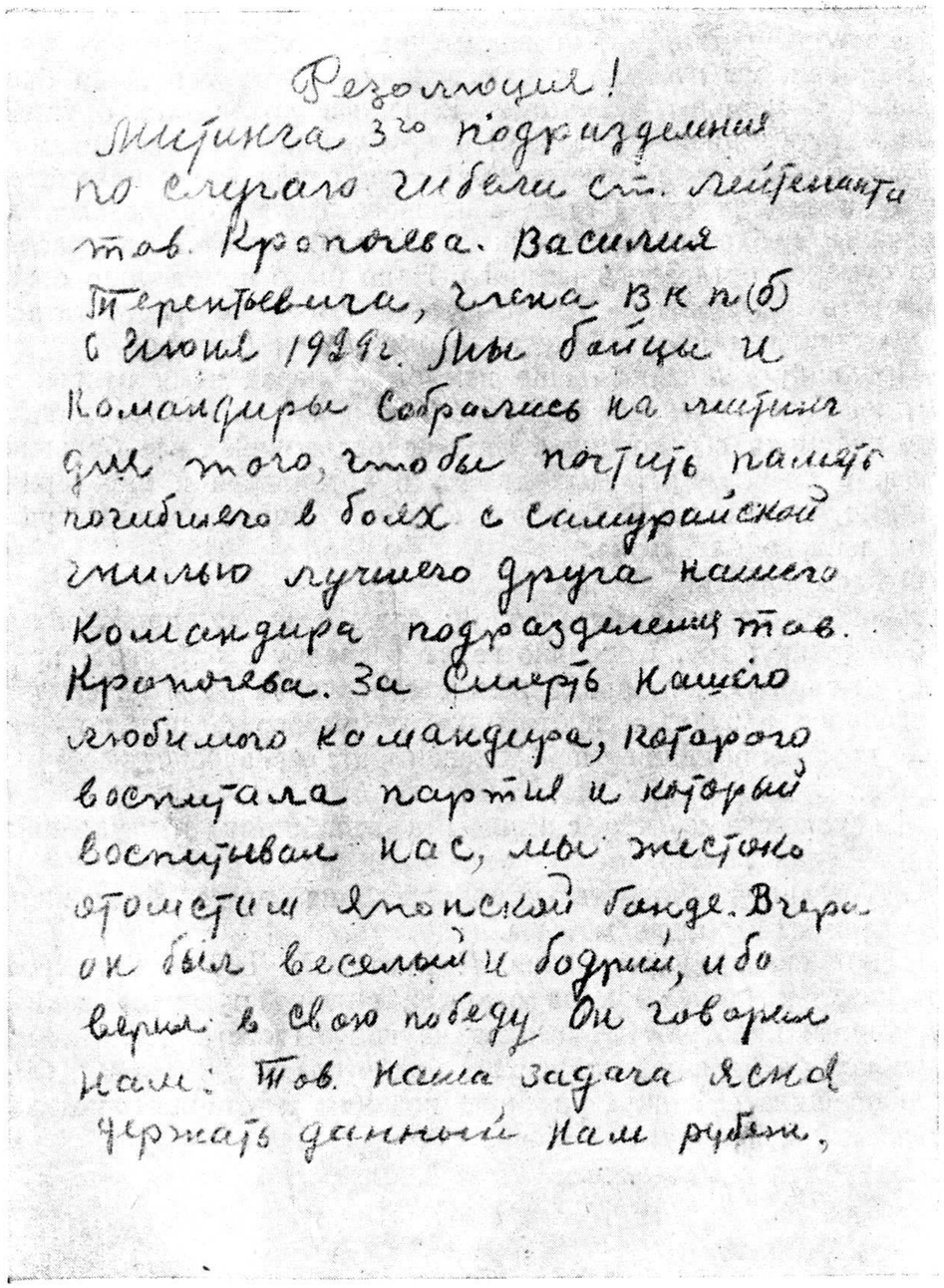
* * *

По полю мчится броневик, ныряя между разрывами снарядов.

— Токарев, нажми, подбавь еще газу!

— Товарищ военфельдшер, не могу больше, итак жму на все жестянки.

Впереди болото. Объезжать его — несколько километров, а приказание срочное.



Резолюция!
Митинга 3го подразделения
по случаю гибели ст. лейтенанта
тов. Кропочева. Василия
Терентьевича, члена ВКП(б)
6 июня 1929г. Мы бойцы и
командиры собрались на митинг
для того, чтобы почтить память
погибшего в боях с самурайской
гнилью лучшего друга нашего
командира подразделения тов.
Кропочева. За смерть нашего
любимого командира, которого
воспитала партия и который
воспитывал нас, мы жестоко
отомстим японской банде. Вчера
он был веселый и бодрый, ибо
верил в свою победу. Он говорил
нам: Тов. наша задача ясна
держать данный нам рубеж,

Резолюция митинга бойцов, посвященного памяти ст. лейтенанта

— Стой! — приказал Занин и выскочил из машины. — Здесь жди, а я перемахну через это озеро.

С полного бега Занин кинулся в воду. Разгребая ее ладонями, он облегчал себе бег. Несколько раз он падал — окунется с головой, вынырнет, отряхнется и снова бежит. Вы-

умереть, но ни шагу назад не
отступить. Его слова глубоко
западали в сердца бойцов и
командиров, которые еще больше
готовы были драться и как честные
сыны нашей соц. родины выполнить
свой долг во главе с боевым
командиром тов. Кропочевым.
Тов. Кропочев ты был для нас
как родной отец. Прощай дорогой
Василий Терентьевич мы твое завещание
выполним и победу над бандой
Самураев доведем до конца
Прощай наш боевой друг
ты, как бестрашный сын будешь
жить в сердцах всего честного
человечества. По поручению
митинга подписали бойцы
Солонинен И Казаков, Фуднев
30/7 39 г.

В. Кропочева, погибшего смертью храбрых в боях у Халхин-Гола

бившись из сил, наглотавшись горькой воды, Занин выскочил на берег и прокричал стоявшему неподалеку красноармейцу: «Командира немедленно!» Спустя минуту связь с командиром была установлена.

— Товарищ майор, — сказал командиру батальона воен-

Знамя, водруженное 30 августа 1939 года на сопке Ремизова

фельдшер Занин, — с тыла действует батальон Кузнецова, явившийся вам на помощь.

Командир обнял боевого друга.

* * *

Жестокий бой повели броневики, наступавшие на город. Японцы открыли сильный огонь из противотанковых пушек, но броневики летели вперед. В панике начал отступать противник, неся огромные потери.

В это время из-за стены кирпичной казармы неожиданно ударила еще одна противотанковая пушка. Снаряд прямой наводкой угодил в броневик тов. Русака, вспыхнула машина.

Едкий дым охватил экипаж.

— Приказываю всем вылезти из машины! — скомандовал Русак.

Выскочили из пламени водитель и пулеметчик. Башенный стрелок открыл люк. Пламя рвалось вверх, обжигая лицо. Запылали гимнастерки на людях. Сорокин за что-то зацепился и никак не мог выбраться из машины. Командир Русак кинулся на помощь красноармейцу, жертвуя своей жизнью. Он приподнял товарища и вытолкнул его из люка. Когда же экипаж был спасен, из верхнего люка показался горящий клубок. Русак горел с ног до головы. Он катался по земле. Санитары сорвали с него горящее обмундирование. Комсомольца Федю Русака и его боевых товарищей отправили в санитарную часть. По дороге Федя говорил врачу:

— Я комсомолец... Говорите только правду... Нет, я и сам знаю — умру! И все же я горд! Жизнь моя отдана за народ, за великую Родину, за любимого Сталина.

Федя Русак умер. Но не умерла и никогда не умрет память о нем в сердцах его друзей и товарищей.

* * *

— По врагу огонь!

— Есть, огонь.

Прогремел залп. От первого выстрела зазвенело в ушах, запахло порохом.

— Товарищ командир, недолет, — печально проговорил наводчик.

— Ничего, Федотов, сейчас достанем. Расстояние две тысячи пятьсот, — сказал Зелихов.

— За Родину, за великого Сталина, огонь!

Снова оглушительный взрыв. Через несколько секунд задымилось здание вражеского штаба. Оттуда выбежали японцы, трусливо разбегаясь в стороны. Их настигали меткие снайперские выстрелы пехотинцев. Зелихов послал еще несколько снарядов, и здание воспламенилось. Огненные языки лизали его со всех сторон. По пушке начала обстрел японская батарея.

— Разгромить казарму! — приказал Зелихов. — Ни одному гаду не дадим уйти!

Один за другим врезаются снаряды в здание. Вверх летят кирпичи. Все сметает пушка Зелихова.

* * *

Черная ночь легла над степями. Батальон возвращается на место. В темноте серебряными отблесками раскинулись озера, притоки реки Халхин-Гол. Повеяло легкой прохладой. Освежались уставшие после ожесточенного боя красноармейцы. И уже на заре, когда легла на траву прозрачная утренняя роса, нас радостно встречали бойцы.

*

★

Красноармеец П. ЕРОШКИН

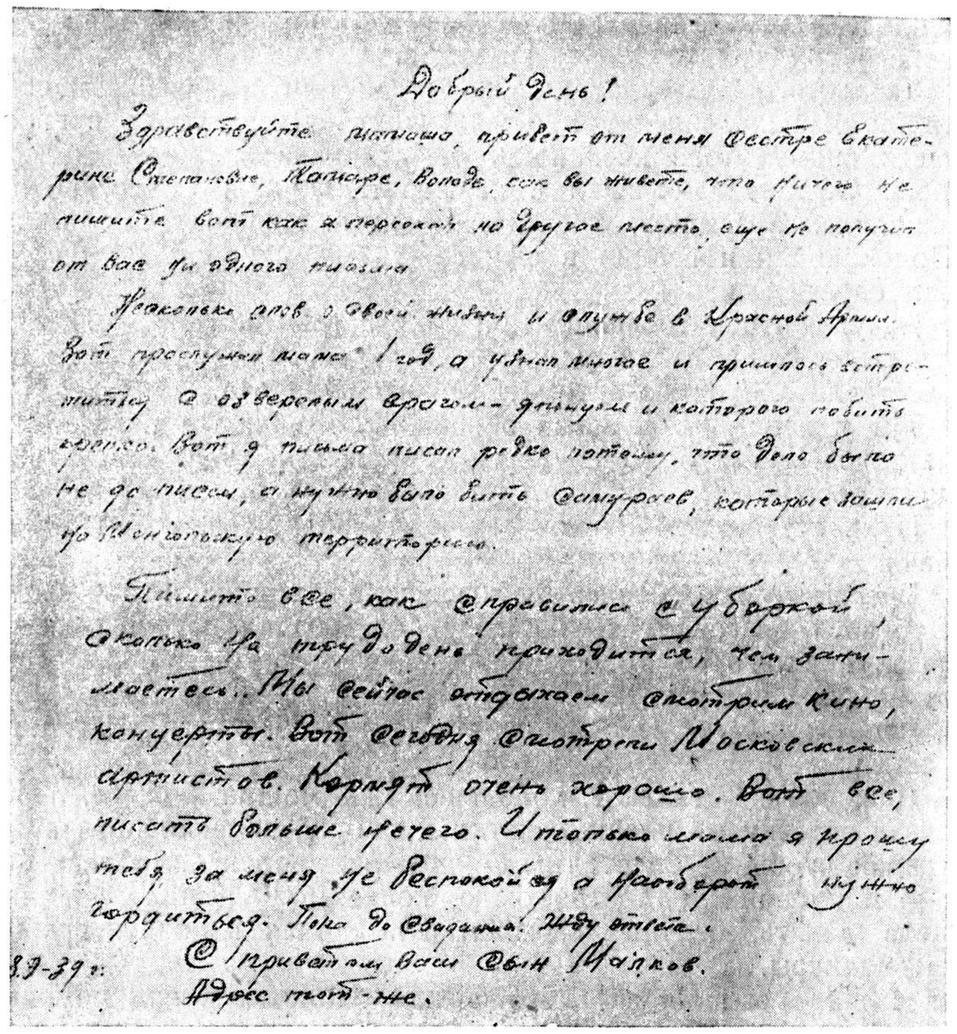
БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

День 29 августа 1939 года навеки останется в моей памяти как самый знаменательный: то был день моего боевого крещения.

Я охранял вместе с своими товарищами штаб. Была ночь. Враг начал нас беспокоить еще с наступлением темноты. Он вел редкий огонь трассирующими пулями и выслал вперед разведку. Мы заметили ползущих солдат, но не стреляли. Маневр врага был ясен: он хотел заставить нас открыть огонь, чтобы с точностью установить наше расположение и выявить систему обороны.

Перед самой зорькой японцы открыли сильный пулеметный и артиллерийский огонь. Пули срезали траву, как косой. От разрывов мин и снарядов снесло бруствер моего окопа.

Японцы силой до батальона повели наступление на расположение пятой роты и штаба. Враг превосходил нас по численности в 4—5 раз. Японцы подвигались к нам ползком и короткими перебежками. Мы уже видели их рожи. Мы поняли их расчет. Они хотели зайти нам в тыл, окружить нас.



Добрый день!

Здравствуйте мамаша, привет от меня сестре Екатерине Степановне, Тамаре, Володе, как вы живете, что ничего не пишите вот как я переехал на другое место, еще не получил от вас ни одного письма.

Несколько слов о своей жизни и службе в Красной Армии. Вот прослужил мама 1 год, а узнал многое и пришлось встретиться с озверелым врагом — японцем и которого побить крепко. Вот я письма писал редко потому, что дело было не до писем, а нужно было бить самураев, которые зашли на Монгольскую территорию.

Пишите все, как справились с уборкой, сколько на трудодень приходится, чем занимаетесь. Мы сейчас отдыхаем смотрим кино, концерты. Вот сегодня смотрели Московских артистов. Кормят очень хорошо. Вот все, писать больше нечего. И только мама я прошу тебя за меня не беспокойся а наоборот нужно гордиться. Пока до свидания. Жду ответа.

С приветом Ваш сын Малков.

Адрес тот-же.

8.9-39 г.

Письмо родным

Мы переглянулись. Небольшая у нас группа, но зато все бравые ребята — бойцы взвода боевого питания во главе с командиром взвода тов. Сахно, да еще писарь батальона тов. Топыркин, да трое связных от рот, помначштаба тов. Гладовский, замполитрука тов. Данилов, инструктор политотдела тов. Жижин и четыре телефониста. Вот и все.

Противник совсем близко. Тов. Сахно скомандовал тогда: «В атаку, ура-а-а!» В ответ хором все крикнули: «За родного Сталина! За Родину!»

Мы поднялись и ринулись в атаку с гранатами на боевом взводе, с винтовками наперевес. Мы ясно видели, что наш решительный бросок ошеломил японских солдат. Один их офицер с тремя звездочками и галунной окантовкой лопотал

в злобе, размахивая руками в нашу сторону, кричал «банзай», но его солдаты топтались на месте.

Казалось, наше «ура» заглушает свист пуль и разрывы снарядов. Я направился прямо к офицеру. Дай, думаю, прежде всего сниму этого неспокойного, приплясывающего молодчика. Офицер выстрелил в нашего командира Сахно, потом нацелился в замполитрука. Несказанный гнев охватил меня. Подскочил я и всадил в офицера штык, прежде чем он успел спустить курок.

Я чуял, что и товарищи мои вокруг работают жарко. Враги не выдержали, стали удирать. Мы догоняли их гранатами, расстреливали их из автоматического пулемета.

Тут я вспомнил о своей основной обязанности подносчика патронов. Надо было поскорее вернуться к машине, груженной боеприпасами.

Пули веером взметывали землю, то провожая, то опережая меня.

Врешь, думаю, бесись не бесись, а патроны я доставлю. Добрался благополучно к месту боя, роздал патроны, перевязал кое-кого из товарищей, раненных легко, и пошел обратно, уже за гранатами.

Что ж делать? Просят ребята гранат, без гранат дела не решить.

Дай, думаю, захвачу побольше, как можно больше. Привязал веревку от плаща-палатки к ящику, замаскировал ящик травой, чтобы не блестел на солнце, и выволок ящик весь целиком к своим. Радостно было, когда мои гранаты пошли дела делать, оглушая взрывом и поднимая в воздух вражеские шкуры.

И тут «ура-а-а!» с левого фланга. Подоспела нам помощь. Это третий батальон зашел противнику с фланга. Враг окончательно растерялся.

Вот тебе и окружение! Хотели окружить нас, — оказывается, сами попались.

От мощного штыкового удара наших бойцов на поле, далеко простиравшемся к верховьям Хайластин-Гола, остались груды японских трупов.

★

Политрук Ф. МЫСЛЯЕВ

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Полк получил приказ о выступлении.

Незадолго до посадки в вагоны комиссар полка тов. Куропаткин собрал политруков, парторгов и секретарей президиумов комсомола.

— По заданию командования, — сказал комиссар, — мы должны совершить сложный и ответственный марш. Надо подготовить к нему личный состав. Наша задача — неустанно разъяснять смысл и значение военной присяги. Напомните, что выполнять присягу — это значит образцово выполнять задания, беречь военное имущество, сохранять военную и государственную тайну...

Едва поезд тронулся, политруки и партийно-комсомольский актив приступили к работе. Под мерный стук колес велись задушевные беседы. Все быстрее мчался поезд вперед, а в вагонах партийные и непартийные большевики разъясняли все величественное значение клятвы воина Советской страны.

...Люди вышли из вагонов и приготовились к походу. Все, казалось, было в порядке, можно было тронуться в путь. Но

замполитрука тов. Кудряшев все же решил заглянуть еще разок в вагон — и правильно поступил: под одной полкой он нашел смятый экземпляр многотиражки.

На первом же привале тов. Кудряшев провел с бойцами роты беседу о военной присяге, о том, что народ и Правительство требуют от воина Красной Армии быть бдительным, свято хранить военную тайну. А потерянным или забытым экземпляром многотиражки могли воспользоваться шпионы.

Прибыв на фронт, мы начали широко пропагандировать военную присягу на основе героических примеров бойцов Халхин-Гола. Эти примеры мы черпали из фронтовой газеты «Героическая Красноармейская». С волнением слушали красноармейцы и командиры рассказ об отважном командире танковой бригады тов. Яковлеве, о мужественном пулеметчике Иване Рыбалке, о командире пушки Зелихове, о героях-летчиках.

...Недалеко от линии фронта, на западном берегу реки Халхин-Гол, принимали военную присягу новые бойцы, прибывшие к нам в дни, когда мы были на марше. Рядом рвались японские снаряды, грозно гудели моторы наших самолетов, вылетавших навстречу японским стервятникам, а в небольшой лощине советские патриоты один за другим торжественно приносили присягу.

Принесение присяги во время боевых действий произвело на всех неизгладимое впечатление. Все рвались в бой.

...16 августа в наш полк прибыл заместитель народного комиссара обороны, армейский комиссар 1 ранга товарищ Мехлис.

Бойцы узнали товарища Мехлиса и окружили его плотным кольцом.

— Понимаете ли вы, зачем сюда приехали? — спросил товарищ Мехлис у красноармейца тов. Маврина.

— Понимаю, товарищ армейский комиссар. Наше Правительство заключило с правительством Монгольской Республики договор о взаимной помощи, и поэтому границы Монголии мы будем защищать, как свои собственные. Здесь, у Халхин-Гола, мы защищаем наши советские рубежи, от Байкала до Владивостока.

— Задачу вы понимаете правильно, а есть ли решимость ее выполнить? — спросил товарищ Мехлис.

— Есть такая решимость, товарищ армейский комиссар. Присягу принимали, что не пощадим своей крови, а если надо, то и самой жизни для полной победы над врагами. А у большевиков дело верное.

— Вы коммунист?

— Нет, я беспартийный... пока беспартийный, — ну, словом, беспартийный большевик.

Армейский комиссар 1 ранга Л. Мехлис среди бойцов Халхин-Гола

— Ну, а у вас каково настроение? — спросил товарищ Мехлис у группы красноармейцев.

— Неважное, — послышалось в ответ.

— В чем дело? Чем же вас обидели?

— А как же, товарищ армейский комиссар, на фронте воюют, а мы стоим на другой стороне реки и только издалека слышим, как другие стреляют. Разве не обидно? — ответил за всех красноармеец тов. Соловаров.

— Ну, если только в этом причина, то дело ваше поправимо, — сказал, улыбаясь, товарищ Мехлис. — По секрету скажу вам, товарищи, что в предстоящих в скором времени делах для вас мы кое-что специально оставили.

Тепло распрощавшись, товарищ Мехлис уехал, пожелав боевого успеха.

Беседа с товарищем Мехлисом окрылила людей. И когда был получен приказ о переходе в генеральное наступление, в полку царило праздничное настроение — предвестник грядущей победы.

* * *

Пятый день шли упорные бои. Окруженные со всех сторон японские захватчики, чувствуя свою неизбежную гибель, яростно сопротивлялись и пытались во что бы то ни стало прорвать кольцо. В одном месте за барханом скопилось примерно

около батальона японцев. Здесь они надеялись совершить прорыв.

Комиссар полка тов. Куропаткин во-время разгадал их намерение и решил энергичным ударом уничтожить противника. Но откуда взять людей? Снять с других участков — это значило ослабить атаку. А ослаблять атаку нельзя, нельзя врагу давать передышку.

И комиссар принял решение: послать бойцов из резерва. Вскоре у подножья бархана собрались дегазационный взвод, разведывательная рота, химический взвод. Большинство из этих людей ни разу еще не ходило в атаку. Им нужен был опытный и волевой руководитель. Комиссар решил лично повести их в бой.

— Ясна вам задача, товарищи? — спросил бойцов тов. Куропаткин.

— Ясна, товарищ комиссар.

— Если задача ясна, — давайте выполним ее по-большевистски, как сказано в военной присяге. Повторим, товарищи, перед боем священные слова красноармейской клятвы.

Много раз слышали и читали бойцы эти слова, но в эту минуту они звучали в устах комиссара и бойцов особенно торжественно и многозначительно.

— За Сталина! За Родину! Вперед, товарищи! — воскликнул комиссар, и красноармейцы лавиной пошли на врага.

Японцы открыли сильный пулеметный и ружейный огонь, бросали гранаты. Тов. Куропаткин шел впереди. Красноармейцы следовали за своим комиссаром.

Японцы кинули в комиссара две гранаты. Одну из них тов. Куропаткин бросил обратно в японский окоп, кинулся к второй, но уже было поздно. Граната разорвалась у него в руках. Обливаясь кровью, он упал на землю, последними его словами были:

— Вперед, товарищи! Помните присягу...

Бойцы помнили! Спустя несколько минут бархан был взят, а скопление японцев уничтожено.

Мы будем вечно хранить в памяти образ несгибаемого большевистского комиссара тов. Куропаткина, учившего нас личным примером честно и самоотверженно выполнять военную присягу, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом.

* * *

Опыт приходит со временем. В первом бою некоторые бойцы, не разобравшись в обстановке, намеревались уйти с передовой линии огня.

Инструктор пропаганды старший политрук тов. Кулаков во время одного из боев увидел, что некоторые новички ушли с переднего края, направляясь к лощине: .

— Вы куда, товарищи красноармейцы? — сказал им тов. Кулаков. — Разве вы не помните присяги? Разве вы не помните, что того, кто нарушит торжественную присягу, постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся?

Одно только напоминание о военной присяге заставило людей встряхнуться и крепко взять себя в руки. Бойцы вернулись на передний край. В следующих боях они уже действовали отважно и бесстрашно.

* * *

Мы использовали для пропаганды присяги каждую свободную минуту.

Во время одной из передышек красноармейцы Позон и Садовенко рассказали об эпизоде из последних боев.

Тягач, пробираясь через бархан, зарылся глубоко в песок. Как ни старались тт. Позон и Садовенко сдвинуть с места машину, им не удавалось этого добиться. Тем временем стемнело, наступила безлунная ночь. Красноармейцы засели в тягаче. Сначала они отстреливались, но вскоре вышли все патроны. Последние два патрона тт. Позон и Садовенко оставили для себя. Живыми они решили в плен не сдаваться.

Японцы, подойдя к тягачу, стреляли в упор, пытались киркой и ломом взломать люк, но безуспешно. Потом они вздумали поджечь тягач, — ничего не вышло. Целую ночь японцы, словно крысы, ползали по тягачу и ничего не могли с ним поделать. На рассвете наши пехотинцы перешли в атаку и выручили обоих храбрых бойцов.

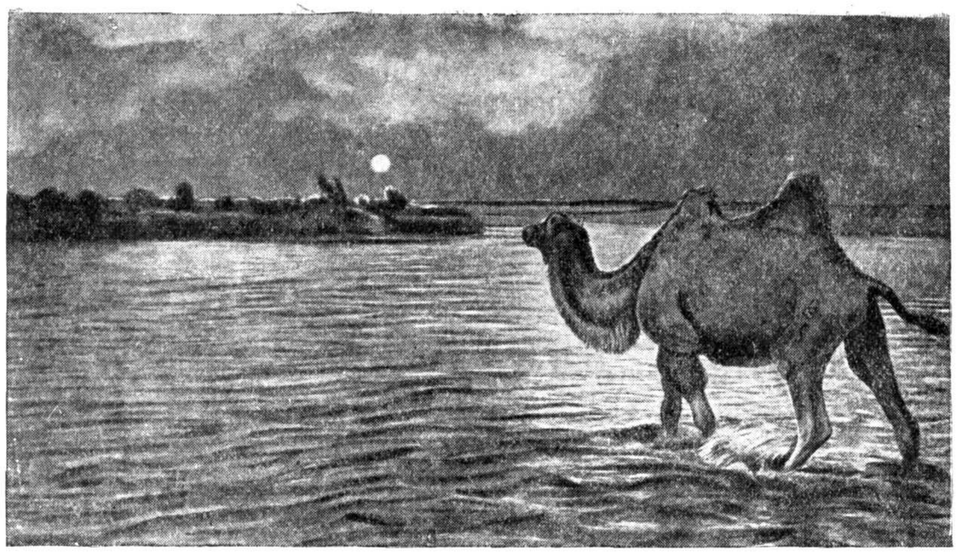
— Мы действовали так уверенно, — закончил свой рассказ тов. Садовенко, — потому что не переставали думать о своем долге перед Родиной, потому что помнили военную присягу. Мы клялись всемерно беречь военное и народное имущество. Могли ли мы ради личной безопасности оставить тягач японцам? Нет! Тягач нам нужен, он государственный, народный, значит надо во что бы то ни стало его отстоять!

Таков облик советских патриотов, самоотверженно выполняющих принятые обязательства перед Родиной.

* * *

В самой сложной обстановке боя политработники нашего полка неустанно пропагандировали и разъясняли значение

и смысл военной присяги воина Красной Армии. У каждого политработника, парторга, комсорга, по примеру комиссара тов. Куропаткина, всегда был с собой текст присяги — замечательного документа сталинской эпохи, воспитывающего в людях стойкость, мужество, бесстрашие в бою, вдохновляющего красноармейцев и командиров на героические подвиги во имя всепобеждающего дела Ленина—Сталина.



К. СИМОНОВ

БАИН-ЦАГАН

Посвящается Герою Советского Союза майору Михайлову

(Рассказ танкиста)

«Даю вам честное слово
Здесь, на шальном ветру,
Я выстроил свои танки
Красивей, чем на смотру
Тот, кто бывал в атаках,
Сразу меня поймет:
Еще притаилась пушка,
Еще молчал пулемет,
Но страшная сила мотора
И гневная сила огня,
Как стальная пружина,
Вперед толкала меня.
Захлопнув верхние люки,
Взяв курс на Баин-Цаган,
Сорок четыре танка
Ринулись в ураган;
Снаряды рыли воронки,
Скрежетала броня.

Мы шли сквозь море металла,
Сквозь океан огня.
Пули летели роем
Со стороны реки,
Но только, сцарапнув краску,
Сплющивались в комки.
Как тут не вспомнить о Родине,
Которая нас вела,
Которая лучшие в мире
Нам машины дала.
Японцы прямой наводкой
Стреляли на сто шагов,
Но танки стальной лавиной
Обрушились на врагов.
Летели на воздух пушки,
Люди, грузовики,
Трупы горой лежали
На берегу реки.
Нате, вам, получайте!
Раз война, так война:
Ни одного японца
Не оставим на семена!
Я шел напролом, я видел,
Как фронт их по швам трещит...
Но в этот момент снарядом
Мне угодило в щит.
Я сразу оглох от грома
И ослеп от огня,
Водитель упал убитый,
Кровью залил меня,
Но он нажал, умирая,
Последним рывком педаль.
Казалось, что даже мертвый
Ведет он машину в даль.
Я принял из мертвых рук его
Горячие рычаги
Броня обжигала жаром,
В упор стреляли враги.
Снарядом разворотило
Нам пушку и пулемет.
Тот, кто бывал в атаках,
Сразу меня поймет:
По нас стреляли из пушки —
А нам осталось молчать.
По нас строчат пулеметы —
Нам нечем им отвечать.

Но я — командир и, значит,
Должен быть впереди,
Вперед! Приказала Родина!
Вперед до конца иди!
Мой танк рванулся, израненный,
Подпрыгивая и ревя,
Встречных и поперечных
Гусеницами давя.
Мы давили их пулеметы,
Их винтовки и их тела,
Сквозь весь японский лагерь
Дорога наша прошла.
На склонах Баин-Цагана
Осталась от их полков
Только гора из трупов,
Винтовок, клинков, штыков.
Я знаю, у нас об этом
Не принято забывать.
— Не раз еще нам придется
За Родину воевать.
Но под свинцовым градом,
Под огневым дождем —
Везде, где велит нам Родина,
Мы напролом пройдем!»

★

Красноармеец Н. ДАМАСКИН

ЗАПИСКИ АРТИЛЛЕРИСТА

В конце мая 1939 года нас призвали на сбор. В Красной Армии я не был десять лет, с 1929 года. «Ну,—думаю,— надо подучиться, а то уже и пушку забыл».

Приехали мы, увидели орудия, — и глазам своим не поверили. Невиданные, совсем иной конструкции пушки стояли на полигоне. Ствол короткий, колеса на резине. Ну, значит, придется заново учиться!

12 июня для меня был великий день. Я принял воинскую присягу, дал клятву на верность своему народу. А вскоре мы получили приказ выехать на восток. В пути изучали доклад товарища Сталина и речь товарища Ворошилова на XVIII съезде партии. Из газеты «На боевом посту» узнали о японской провокации у реки Халхин-Гол. «Эх, — думаем, — направили бы нас туда!» Выгрузились на одной из далеких станций и двинулись дальше пешим маршем. Вскоре стало ясно, что мы идем как раз туда, куда так желали.

Путь был труден. Шли безлюдными степями Монгольской Народной Республики 700 с лишним километров. Шли ночью, а днем отдыхали. Случалось, на дневках не было воды,

и чтобы напоить коней, приходилось ездить за 12 километров. Жара становилась все сильнее. Кони вязли в песках. Мы простились с нашими боевыми друзьями и пересели на машины.

20 июля впервые увидели над собой японские самолеты. Они пытались бомбить нас. Наши «ястребки» быстро заставили их удрать во-свояси.

25 июля на рассвете благополучно переправились через реку Халхин-Гол. Она часто обстреливалась японцами из орудий, особенно утром и вечером. Был дождь, грязь. Мы помогли застрявшим машинам с пушками подняться в гору и потом остановились, ожидая приказа.

Пришел лейтенант Басов и сообщил, что наш третий взвод действует отдельно со вторым батальоном. Батальон уже находился на передовой позиции. Снова двинулись в путь. Едем, как и раньше. Разница лишь в том, что вокруг рвутся снаряды и даже пули свистят. Но я и все мои товарищи чувствуем себя храбро. Главное, хочется поскорее вступить в бой.

Подъехали к сопке, занятой нашей пехотой. Откатили пушки, сгрузили часть снарядов, а машины отвели в надежное укрытие. Энергично занялись оборудованием огневой позиции.

Лейтенант Басов выбрал позицию в кустах, где легче было маскироваться. Едва мы расположились, как вблизи стали падать вражеские снаряды. Один упал в двух метрах от Вшивкова и Долгих, но, к счастью, не разорвался. А японцы, слегка прощупав кусты, тотчас же перенесли огонь влево, не причинив нам никакого вреда.

Окопались. Боевой наш командир тов. Бойченко определил цель, дал указания. Орудие Заякина начало стрелять. Снаряды рвались близко, сразу же за сопкой. Значит японцы находятся не дальше как в полутора километрах. Пристрелка готова.

Вечером враг собирался пойти в атаку. Это заметили с наблюдательного пункта тов. Бойченко и его храбрые разведчики Бушуев и Гилев. Мы открыли огонь. Группировка японцев рассеяна, уничтожен один пулемет.

— Пехота повеселела и аплодирует, — сказал тогда Бойченко.

Пробовали японцы еще раз пойти в атаку, и опять мы их сбили. К вечеру враг открыл сильный артиллерийский огонь. Ведь мы уже достаточно дали о себе знать. Японская артиллерия била подряд полтора часа, осыпая снарядами все кругом. Снаряды рвались рядом с моим окопом, так что осыпалась земля. У Вшивкова побило осколком винтовку, у Микова порвало шинель. Один обессилевший осколок угодил прямо в грудь бойцу Долгих. Толкнул — и только.

Вот один снаряд упал у самого того окопа, где находится пятое орудие. «Ну, — думаю, — побьет кого-нибудь». Тишина. Все молчат, ждут. Разрыва так и не последовало. Многие

вражеские снаряды не рвались, и мы подумали, что это помощь наших братьев — рабочих Японии. Так оно и оказалось. Когда вскрыли некоторые неразорвавшиеся снаряды, то находили в них листовки, а вместо взрывчатого — песок. В листовках было написано: «Чем можем, помогаем».

Все кончилось благополучно: пушки все целы, люди—тоже. Я чувствовал себя во время обстрела отлично. Все время укреплял свой окоп, чаще обычного курил.

Ночью командир Басов решил сменить позицию. Он выбрал место в удобной лощинке. Здесь имелось неплохое укрытие, удобнее было держать запас снарядов. А то на прежней позиции приходилось во время стрельбы таскать снаряды под пулеметным и артиллерийским огнем противника.

На новой позиции мы простояли до 19 августа, т. е. 24 дня. Сделали для себя блиндажи, закрыв их ящиками с песком. А Сережа Ощепков,— тот устроил их даже в три ряда. Били по врагу крепко, мы не дали ему ни одной атаки совершить. Рассеивали японцев огнем еще в те минуты, когда они пробовали только группироваться.

Как только у японцев замечалось оживление, пехота просила: «Дайте огонька им, Бойченко». В любое время дня и ночи мы не отказывали в этой просьбе, и наш взвод пользовался большим авторитетом у пехоты.

Жили ладно и сытно. Воды хватало. Могли даже мыться с головы до пят. Тов. Шашмурин выпускал боевой листок, в котором отражались наши позиционные дела. У всех на уме было одно: когда же, наконец, пойдем в наступление, чтобы до конца разделаться с надоедливым врагом и вышвырнуть его с территории Монгольской Народной Республики? Нам говорили: «Погодите, наступит и час расплаты. А врагов нужно не выгонять, а уничтожить всех до единого».

Ночью 19 августа был дан приказ погрузиться и ехать вперед, на новые позиции. Пришли машины. В самый момент погрузки снарядов, — а нам надо было погрузить четыре машины, — враг открыл минометный и пулеметный огонь. Пули свистели рядом, мины рвались, но медлить было нельзя. Приказ был выполнен под огнем противника.

С рассветом мы расположились на горе и увидали, что долгожданный день общего наступления настал: на левом фланге уже шел горячий бой. Двинулись и мы, опять отдельно от батареи. Переправились через Халхин-Гол на левом фланге, у развалин. После переправы предстоял трудный путь песками. Пришлось двигать машины по доскам.

С 20 по 23 августа мы громили группировку врага. Он крепко устроился. Но наши части и монгольская кавалерия уже окружили его логово и отрезали от тылов. 23 августа

Заместитель политрука тов. Сафронов проводит политинформацию среди бойцов орудийного расчета

несколько наших батарей,— а всего до 60 орудий — в течение сорока минут вели огонь по вражеским блиндажам, после чего там еще прошлись танки и огнеметы. Можно было полагать, что в расположении врага остались одни могилы.

На следующее утро мы двинулись дальше и действительно никого уже не встречали на своем пути. Повсюду были только брошенные окопы, валялись на дороге трупы. Японцы удирали, собираясь в одну кучу и побросав все свои запасы: шубы, одеяла, валенки, продовольствие и даже вино. Враг бежал так поспешно, что его не могла догнать наша разведывательная рота.

К 25 августа японцы сгрудились на сопке Песчаной, на сопке Ремизова, во всех прилегающих к ним ложбинах. Они оказались в крепком кольце, но еще отбивались. У них еще хватало пушек, минометов, пулеметов. Стала чаще появляться и японская авиация.

26 августа наш взвод поработал наславу. Стреляли целый день, только вечером пришлось прекратить огонь — наши двинулись в наступление. Заякин дал 303 выстрела за день, а я— 310. Но вот уже в сумерках тов. Бойченко зовут к телефону.

Говорят, что замечены пушки противника. Бойченко скомандовал: «Приготовиться!» Через десять минут шестому орудию, то-есть моему, приказано было: «Огонь!» В течение каких-нибудь двадцати минут я дал 105 выстрелов. Пушки и зарядные ящики врага были разбиты вдребезги, а расчеты зарылись в песок с разбитыми черепами. Мы сами видели все это 29 августа, когда проходили мимо.

Здорово поработали у нас ящичные. Ведь 718 снарядов — это 120 ящиков. Только успевали подвозить без взрывателей, быстро сгружали, заряжали и подносили к орудию.

27 августа мы снова били врага, уничтожили еще одну пушку. Дальше стрелять с закрытой позиции уже становилось трудно: кругом были свои войска.

29 августа лейтенанты Бойченко и Басов повели нас дальше. Враг сгруппировался на сопке Ремизова. Поехали на сопку Песчаную, что рядом с сопкой Ремизова, и возле нее встали. Мне было приказано катить свое орудие на сопку — метров 60 в гору. Песок неимоверно вязкий, но докатили быстро, потому что нам помогли связисты и расчет пятого орудия.

Логово японцев находилось на виду, в 300—400 метрах. Бойченко уже указывает, куда бить. Навожу. Требуется величайшая точность. Ведь всюду наши: и налево, и направо, и за горой. Если недолет, — в своих угодишь, а перелет — тоже. Ударил я в самый лог, прямо в нору попал. Там раздался крик, японцы побежали. Бойченко кричит:

— Бей скорее!

Бью, как успевают заряжать. Летят вверх ногами японцы; многие из них прямо на виду выскакивают из траншей и бегут. А на сопке пулемет, он их тоже потчует. После каждого выстрела пушка на полметра лезет лафетом в песок — успевай только отскакивать. Сам я ползаю на коленях, высунуть голову нельзя. Враг жарит из пулемета, мешает таскать снаряды с машины на гору, а снаряды носили все разведчики, связисты, расчет пятого орудия. Командир Щукин, правильный Долгих и ящичный Фуканов стоят у правила, вытаскивают после каждого выстрела пушку из песка.

В общем пушка работала хорошо. Вот замолчал и пулемет. Японские пулеметчики убежали.

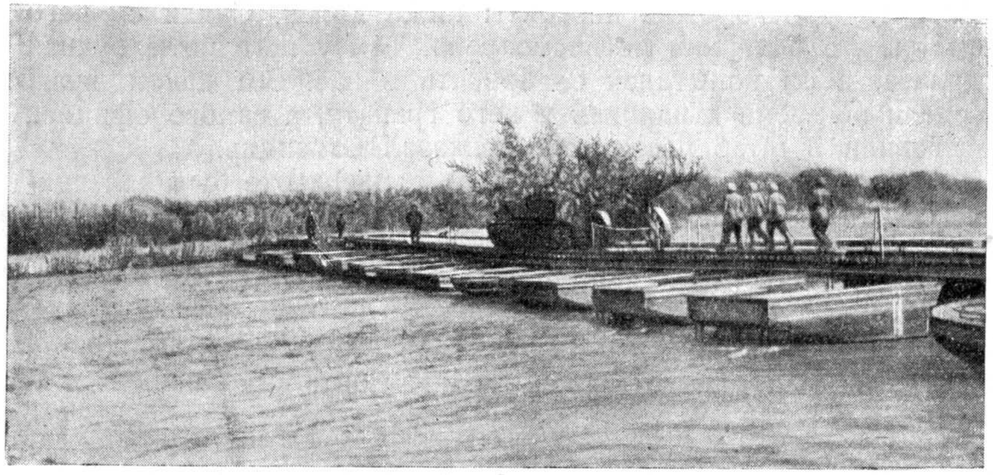
Приказ командира батальона: «Прекратить огонь!» Идут наши в атаку. Снова японцы бегут в свои норы. Опять открыли они огонь из пулемета. Нельзя нам и головы поднять. Эх, жаль! Вижу отлично, куда забежали, но стрелять — нет приказа.

В этот жаркий день не успели прикончить врага, спустились с горы, отошли метров на 200 и заночевали. 30 августа спозаранку снова выступили на прежнюю позицию. Нашли здесь раненого японского офицера. Откуда-то приполз ночью, обе ноги у него были перебиты ниже колен. Сняли с него пистолет, а в карман не посмотрели. Там у него была ручная граната, и он попытался ее бросить в нас. Вот какой враг! Успели во-время вышибить у него гранату, а самого офицера отправили в штаб части, как приказал командир.

30 августа стреляли мало. В этот день пехоте был дан приказ докончить врага. Я выпустил 60 снарядов, уничтожил вражеский пулемет. Вечером пехота со всех сторон сжала японцев и ночью в атаке докололи их остатки штыком, добила гранатами.

Приказ — не выпустить из пределов Монгольской Народной Республики ни одного живого врага — был выполнен.

★



★

Красноармеец Е. ГЕХМАН

ЗАМЕТКИ ПАРТОРГА

Орудие стояло, склонившись на одно колесо. Больно было смотреть на это.

...В пути больше других волновался красноармеец Старичков. Почти на каждой остановке поезда он выбегал из вагона, взбирался на платформу и заботливо ощупывал крепления. Возвращаясь в вагон, он обычно говорил:

— Все в порядке. Ну и стрельнем же мы! Врагу тошно станет.

А тут, почти у самой цели, недалеко от фронта, орудие повреждено. Виновник аварии красноармеец Герасимов стоял бледный, с закушенными губами. Меньше всего он думал о взыскании, которое на него наложат. Ему было до боли обидно, что он подвел товарищей, наложил пятно на батарею.

— А кто знал, что надо было смотреть на хомуты, — оправдываясь, говорил он.

Случай с орудием оживленно обсуждался красноармейцами.

— Двумя орудиями будем только стрелять, а на другие два орудия и рассчитывать нечего, — раздавались голоса.

Дело было вот в чем. Батарея выехала на фронт с четырьмя орудиями. Два орудийных расчета были укомплектованы кадровыми красноармейцами второго года службы, а два других — бойцами приписного состава, из которых многие впервые встретились с такой техникой.

Когда тронулись в длинный путь по степям Монголии, красноармейцу приписного состава тов. Герасимову приказали сидеть на тормозном сидении орудия и разъяснили:

— Когда едете на уклон, тормозите. Следите за валами и клиньями, чтобы не потерять их. И вообще, чтобы все было в порядке...

Герасимов видел, что хомуты сбились набок, а рессоры сгрудились на одной стороне, но не понял значения происшедшего. В результате — авария.

Перед выездом на фронт командованию пришлось сделать некоторую перестановку людей. В орудийные расчеты попали прибористы, разведчики, связисты.

Старым кадровикам казалось, что новички подведут их в бою, помешают показать высший класс стрельбы.

Ясно было, что с такими настроениями нельзя итти в бой. Надо было вдохнуть в каждого чувство непоколебимой веры в свои силы и в силы товарищей.

С этого и начала свою работу низовая партийная организация. На партийном собрании коммунисты, недавно пришедшие в батарею, рассказали о своих трудностях и о том, в какой помощи они нуждаются. «Помогите нам, и первый бой мы встретим в полной готовности», — сказали они.

Собрание посоветовало коммунистам обратить особое внимание на вновь прибывших, оказывать им всемерную помощь, окружить их доверием.

Через два дня четвертый орудийный расчет привел орудие из походного положения в боевое одновременно с другими товарищами.

Это обрадовало весь личный состав батареи. А когда на следующее утро батарея открыла огонь по самолетам противника всеми четырьмя орудиями, почувствовался настоящий праздник.

После стрельбы к новичкам подходили кадровые красноармейцы и весело расспрашивали:

— Ну, как стрелялось? Что, в ушах звенит? Ничего, пройдет. В лагерях, когда мы в первый раз стреляли, у нас тоже гудело в ушах. А стреляли хорошо... Молодцы!

Коммунисты беседовали с каждым бойцом и младшим командиром, разъясняли важность и значение товарищеской взаимопомощи. Наши беседы помогли. Когда красноармеец Ходжаев научился устанавливать трубки на снаряды, это было радостным событием для всего орудийного расчета. Ходжаев гордился тем, что овладел техникой своего дела; его това-

рищи радовались тому, что у них есть еще один квалифицированный установщик трубок.

* * *

Еще по дороге на фронт мы встречали многих красноармейцев, которые радостно приветствовали нас.

— Здорово, зенитчики! — говорили они нам, — сбивайте японцев, а то сволочи надоели. Воздух портят...

В лагерях мы стреляли неплохо, и многим из нас казалось, что после каждого нашего залпа будет валиться японский самолет. Ведь в лагерях почти после каждой стрельбы летчик сбрасывал пробитый конус.

...Безоблачное монгольское утро. Вдали слышен гул мотора... Чьи самолеты? Никто точно сказать не может. Может быть, свои. А может быть, вражеские. Уши еще не привыкли отличать своих от чужих по звуку мотора.

Наконец, показались самолеты, и мы убедились, что это японские. Открываем огонь. Снаряды ложатся кучно, недалеко от самолетов. Японцы быстро ломают строй и летят в одиночку. Мы продолжаем стрельбу по одиночному истребителю. Вдруг японский самолет накренился набок и начал быстро падать вниз.

— Самолет сбит! — воскликнул разведчик-наблюдатель.

Все жадно наблюдали падение врага. Но в двухстах метрах от земли японец вдруг выровнялся и удрал. Видимое падение было всего лишь уловкой коварного врага.

Вскоре противник изучил зону досягаемости нашего огня и изменил тактику. Как только он достигал этой зоны, японцы распыляли свой строй и старались пробираться в наш тыл отдельными звеньями, по разным направлениям.

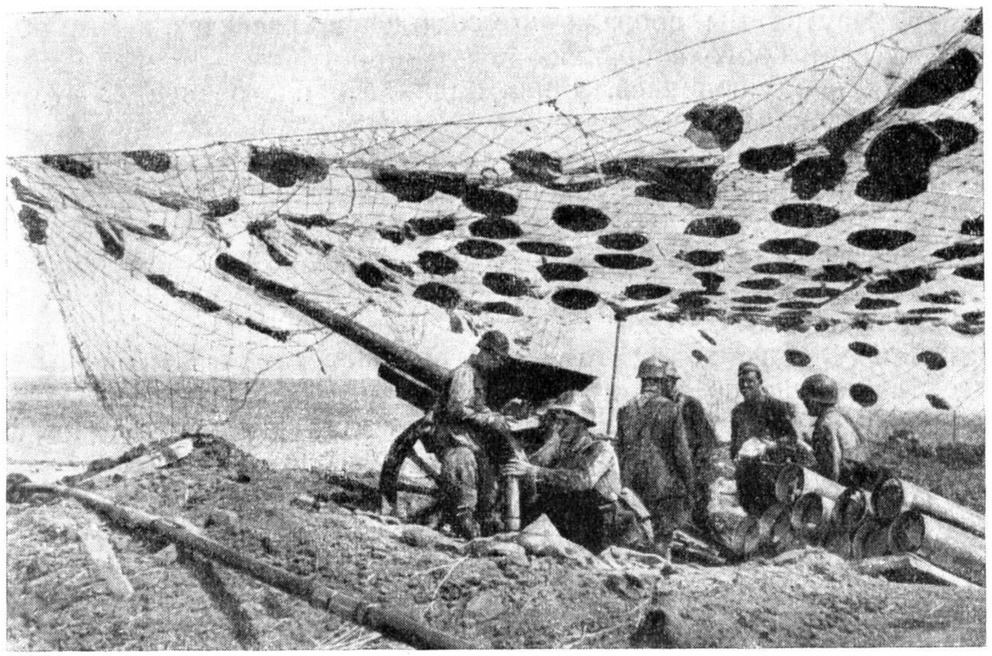
Это для нас было неожиданностью. В лагерях мы привыкли, что самолеты идут точно по курсу, на одной высоте, никуда не сворачивая. А здесь они извиваются, виражируют, пикируют, рассеиваются небольшими группами по всему небосклону...

Вот налетела эскадрилья японцев. Наткнувшись на наш заградительный огонь, они быстро рассыпались в разных направлениях. По какому из самолетов вести огонь? Командир батареи указал на одну цель.

Прибористы начинают измерения. Вдруг разведчик-наблюдатель, заметив, что один из самолетов летит по направлению к огневой позиции, начинает кричать:

— Противник на батарею! Вот он совсем близко...

Прибористы начинают ловить новую цель... В это время командир огневого взвода увидел, что одно звено бомбардировщиков настойчиво пробирается к штабу соединения. Коман-



Орудие на огневой позиции

дир взвода управления на другой стороне тоже заметил группу самолетов, рвущихся вперед.

В итоге прибористы дезориентированы, каждый прибор ведет наблюдения за разными группами самолетов, и батарея открывает огонь с большим опозданием.

Ясно, что при такой постановке дела самолетов не собьешь. Закончив безрезультатную стрельбу, люди нервничали, ругались между собой. Огневики считали, что виноваты прибористы, у которых не получалось совмещения в решительную для стрельбы минуту. Прибористы винили дальномерщиков, которые неправильно и поздно определяют высоту самолета. Дальномерщики, в свою очередь, валили все на разведчиков, которые слишком поздно докладывают о появлении цели, и т. д.

А виноваты были все. Не было сработанности и четкой слаженности в работе батареи, не было четкой и спокойной команды. Зато много было суеты. Приходилось помогать людям разобраться в своих ошибках, вскрыть их причины.

...Когда стемнело, в одном из укрытий собралась низовая партийная организация. Командир батареи член партии т. Брызгалов сообщил собранию о выполнении боевой задачи.

Члены и кандидаты партии дополнили наблюдения командира. Собрание дало каждому почувствовать, что, раз причины ошибок ясны и пути к их устранению изведаны, победа будет обеспечена.

Это настроение коммунистов передалось всему личному со-

ставу. Наутро мы собрали комсомольцев, рассказали им об итогах партийного собрания.

Люди воодушевились, у них поднялось настроение. В этот день мы сбили первый самолет.

Парторганизация батареи не испугалась первых неудач, не ударилась в панику, а спокойно разобралась в ошибках и научила людей исправлять и устранять их.

* * *

В боях люди закаляются и совершенствуются. Этот рост идет не только по линии боевой выучки. Растет политическое самосознание, политический уровень и кругозор.

У нас есть отдельные красноармейцы, которые в мирных условиях со скучным и безразличным видом сидели на политинформациях, редко брали газету в руки.

На фронте эти товарищи стали неузнаваемыми. Газеты прочитывались до последней строчки. На политинформациях бойцы задавали вопросы, показывающие глубокое понимание международного положения и умение красноармейцев увязывать события на фронте со всем, что происходит в мире.

Отсутствие своевременной информации о положении на фронте (иногда были такие случаи), перебои в доставке газет переносились труднее, чем промедление в доставке пищи.

Газеты доставлялись случайно: или комиссар приедет, или поедут за продуктами и захватят с собою газеты. Между тем нетрудно было выделить специальную машину и одного человека, который ежедневно доставлял бы газеты в подразделения.

Чтобы удовлетворить возросший интерес к политической информации, политруки и партработники должны еще в мирных условиях больше работать над собой, больше читать. В боевой обстановке не всегда достанешь нужную литературу.

Наступило 6 августа — годовщина Хасана. Политрук и парторг должны знать подробно о хасановских боях, ибо вопросы задаются самые разнообразные. Бойцы хотят провести параллель между событиями у Хасана и сегодняшним положением на фронте. Это законное желание, и ему надо итти навстречу.

18 августа — День авиации. 6 сентября — Международный юношеский день. По всем этим вопросам надо проводить беседы, причем беседы глубокие, содержательные. И все это приходится проводить... по памяти. Московские газеты о годовщине Хасана мы получили только 21 августа. Хорошо было тому, кто в мирной обстановке засиживался в библиотеке, кто больше читал...

После боя старший политрук П. В. Храпкин дает рекомендации для вступления в ВКП(б) (слева направо): младшему командиру А. Бар, зам. политрука В. Гнездовскому и старшине Д. Агееву

И еще о неиспользованных возможностях: все культурное имущество батареи составляли 1 патефон, 10 пластинок к нему, 2 комплекта шашек и 1 гармошка... Мало!

В свободные минуты (а таких, особенно за время ведения обороны, было немало) бойцы заводят патефон, и в ко-

торый раз раздается голос Утесова: «Раскинулось море широко!!»

В такие минуты с сожалением отмечаешь отсутствие радиоприемника. Неизвестно почему, но радио далеко не в почете у наших политработников, к нему установилось какое-то пренебрежительное отношение.

Между тем радио может сыграть в боевой обстановке большую роль в улучшении политической и культурной работы.

...На 28 августа было назначено открытие IV Внеочередной сессии Верховного Совета СССР. Четыре дня подряд ко мне приходили бойцы, и все спрашивали, не знаю ли я, что происходит на сессии, какие вопросы обсуждаются. С подобным вопросом я обращался к секретарю партбюро, к комиссару дивизиона. Никто ничего определенного не мог ответить. Только 6 сентября мы получили текст докладов товарищей Молотова и Ворошилова.

При наличии радиоприемника мы обо всем узнали бы на четверо суток раньше. Вопрос этот легко разрешить: в каждом ленинском уголке есть радиоприемник, в каждой зенитной части имеется зарядная станция для аккумуляторов.

Некоторые стараются увильнуть от возни с радиоприемником. Возни, говорят, много с ним, хлопот не оберешься.

А все же стоит похлопотать. Труды окупятся стократно.

* * *

В боевой обстановке время для партийно-политической работы приходится выкраивать буквально минутами. Вот, примерно, идет беседа на тему «Войны справедливые и несправедливые». Вдруг с наблюдательного пункта сообщают: «Слышен шум мотора над четырнадцатым!»

Это японцы. Раздается команда: «К бою! Включить ток!» И все мгновенно разбегаются по своим окопам. Через несколько минут батарея открывает огонь. Орудия стреляют метко, дружно.

Японцы убираются во-свояси.

Через некоторое время все снова собрались в условленное место, и беседчик начинает:

— Итак, товарищи, мы остановились с вами...

Этой мобильности в политической работе мы добились не сразу. Приходилось переучиваться, вернее — отучиваться от некоторых дурных привычек, выработавшихся в мирных условиях, — от медлительности, от неповоротливости.

В первые дни по приезде в район боевых действий президиум комсомольской организации не мог закончить свое дважды прерванное заседание. На зимних квартирах секретарь президиума знал, что раз по плану в такие часы должно быть заседание, нужных ему людей никто отвлекать не будет, от наряда в эти дни можно их освободить и т. д. А тут противник, не считаясь с планами комсомольской работы и заседаниями президиума, высылает самолеты звено за звеном.

Вот почему в мирных условиях надо приобретать опыт и навыки проведения партийно-политической работы в любых условиях.

К этому надо приучать не только политработников, не только докладчиков и беседчиков, но и весь личный состав, всех слушателей.

Политический рост людей в условиях боя вызывает у них законное желание еще теснее сблизиться с большевистской партией, желание вступить в ее ряды.

Наибольшее число заявлений мы получили не перед боями, а после боев. Это легко объяснимо. Каждый человек в боях проверял свои личные качества, и заявления о вступлении в партию он подает, доказав свою беспредельную преданность Родине и партии Ленина — Сталина.

Мы столкнулись в этом деле с некоторыми трудностями. В батарее только два члена партии, имеющие по уставу право давать рекомендации в партию. Третью рекомендацию давала комсомольская организация.

Но один из этих членов партии, выдав несколько рекомендаций, заявил:

— Я не могу брать ответственность за всех людей. С меня хватит.

Правильна ли такая позиция? По-моему, нет. В боях люди проходят особую проверку.

В бою за один день человека легче узнать, чем в обычных условиях за долгие месяцы.

А что может быть для большевика почетней, чем отбор в ряды партии лучших людей нашей Родины, закаленных в бою, с оружием в руках доказавших свою непоколебимую верность делу коммунизма?

* * *

Во время боев наша партийная организация численно утроилась, батарея стала в основном комсомольской, — это свидетельствует об авторитете партийной организации, о ее связи с массами.

В дни боев в районе военных событий партийная организация нашей батареи за короткий срок сплотила вокруг себя весь личный состав и была верным помощником командира. Батарея заняла первенство среди зенитной артиллерии фронта.

★

Батальонный комиссар Ш. ГИЗАТУЛИН

ПРИЕМ В ПАРТИЮ НА ФРОНТЕ

В бою проверяются люди. Все моральные силы человека раскрываются под огнем до конца. Любовь к Родине, мужество и твердая воля — вот те качества, которые с особой силой проявились у бойцов, командиров и политработников в боях на реке Халхин-Гол.

Советский человек в открытой схватке с врагом особенно глубоко чувствует, как дороги ему социалистическая Родина, родной народ и партия Ленина — Сталина. И тогда годами зревшие чувства и мысли сливаются в одном горячем желании — быть в рядах большевистской партии.

Нетрудно поэтому понять радость бойцов и командиров, когда им стало известно, что начальник Политического управления Красной Армии тов. Мехлис разрешил коммунистам давать рекомендации людям, отличившимся в бою, даже в том случае, если они знают их менее года. Это еще больше усилило поток заявлений о приеме в партию и комсомол. У нас за короткое время 75 человек подали заявления о приеме в ряды ВКП(б) и 98 — в члены ВЛКСМ.

Красноармеец Корсаков Василий Иванович пишет в заявлении перед боем: «Прошу парторганизацию принять меня в кандидаты партии. Выполняя ответственную задачу, поставленную нашей партией, Советским правительством и всем советским народом, я буду ее выполнять до победного конца, честно, добросовестно и храбро, как подобает коммунисту. И пусть знают презренные враги, что против них борются большевики, которые свое начатое дело доводят до победного конца. Я хочу итти коммунистом в бой на окончательный разгром врагов. Если придется отдать свою жизнь в борьбе за дело партии Ленина — Сталина, то прошу считать меня коммунистом».

Мы не ждали, понятно, когда представится возможность в удобной и спокойной обстановке оформлять документы и проводить партийные собрания. Всякий раз, как поступали к нам заявления, секретари партийных бюро шли на передовую линию, беседовали с товарищами.

Секретарь партбюро товарищ Чехранов с первых же дней сам записывал начерно анкетные данные, а потом, где-нибудь в укрытии, окончательно оформлял документ. Мы тотчас же порекомендовали и другим партийным организациям действовать по методу товарища Чехранова. Это дало возможность правильно оформлять дела вступающих в партию.

Заявления о приеме в ВКП(б), автобиографии и рекомендации на передовой линии мы разрешали писать химическим карандашом. Я считаю, что это вполне допустимо в боевых условиях. Другое дело — окончательное оформление материалов. Тут уже никаких отступлений от существующих правил быть не должно, и секретари партийных организаций обязаны следить, чтобы документы эти писались только чернилами.

На фронте не всегда возможны общие собрания членов партии. Нередко поэтому мы созывали делегатские собрания. Сколько делегатов и кого именно можно вызвать без ущерба для выполнения боевой задачи? Это устанавливали секретари партийных бюро вместе с командиром и комиссаром части.

В решениях делегатских собраний должна быть выражена воля всей партийной организации. Поэтому готовить делегатское собрание нужно еще более тщательно, чем обычные. Большую роль здесь играет партийный актив. Он должен каждого коммуниста познакомить с повесткой дня, с каждым побеседовать, обменяться мнениями, сообща подготовить практические предложения и т. д. Если так пройдет подготовка делегатского собрания, то делегаты будут в своих выступлениях выражать не только свое личное мнение, но и мнение всех коммунистов подразделения.

Политбеседа на артиллерийских позициях в перерыве между боями

На 12 июля в районе командного пункта было назначено делегатское собрание. Но в этот день противник с раннего утра начал артиллерийский и минометный обстрел. Заседать в этом районе пункта оказалось невозможно. Недалеко от командного пункта, за бугорком, было спокойнее. По предложению комиссара, коммунисты по одному перебежали на новое место.

Когда все коммунисты собрались, секретарь партийного бюро тов. Петров под визг пуль и разрывы снарядов открыл собрание.

«На повестке дня один вопрос — разбор заявлений о приеме в ВКП(б)», — говорит он.

Начинается деловая работа, разбирают каждое заявление в отдельности. Всем присутствующим хочется сказать свое мнение о товарище.

Успели разобрать четыре заявления, и вдруг команда: «Отразить атаку противника». На этом собрание временно прерывается.

Были и такие моменты, когда нельзя было собрать даже делегатское собрание. И в таких случаях мы не задерживали разбор заявлений: ведь, товарищи пишут, что они хотят итти в бой коммунистами. В таких случаях принимали в партию путем опроса коммунистов. Практически это делалось так: вот наша часть готовится к наступлению; противник ведет усиленный артиллерийский и пулеметный огонь. В этот момент к секретарю бюро прибегает красноармеец с заявлением. Он пишет: «Прошу принять меня в партию. Хочу итти в бой коммунистом, буду бить врага беспощадно. Звание кандидата партии оправдаю с честью».

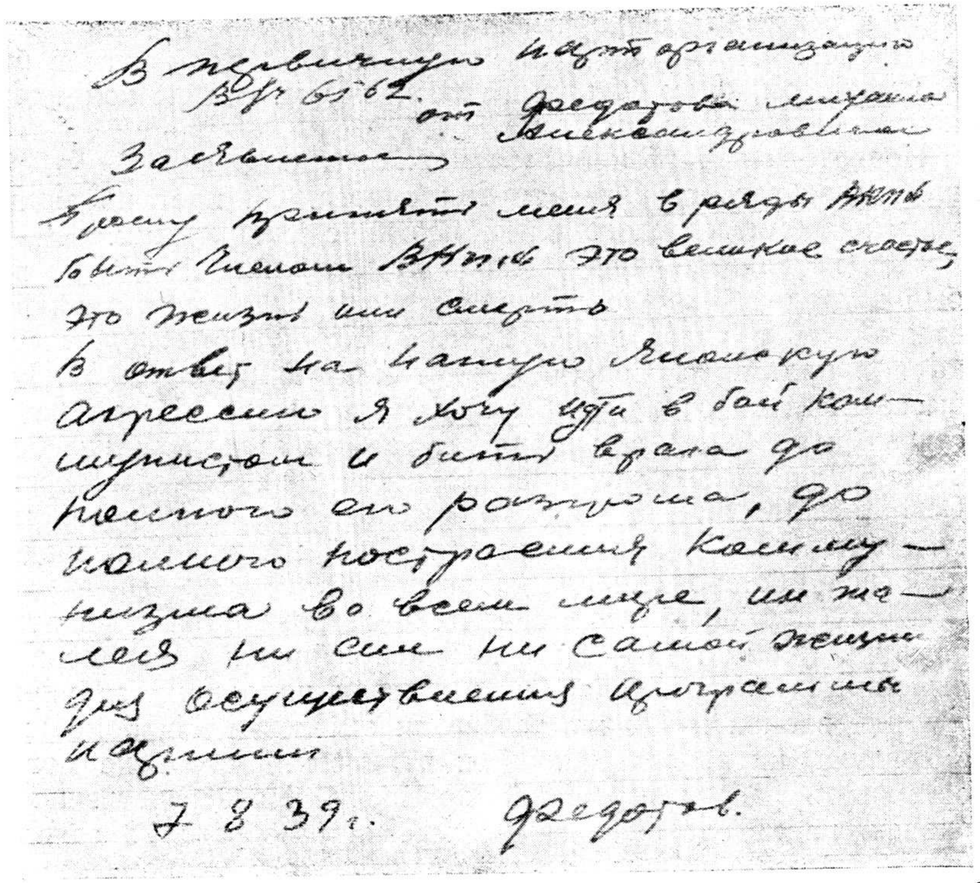
Подготовить собрание невозможно, и секретарь бюро решает разобрать заявление путем опроса. Он идет по экипажам, знакомит каждого члена партии с материалами.

«Да, хороший товарищ, — говорят коммунисты, — он не раз был в атаках и смело громил японцев. Считаем, что он достоин быть в рядах нашей партии». Коммунисты подписываются в протоколе. Секретарь идет к другим товарищам. Все высказываются за то, чтобы принять в партию. Но не успел секретарь сообщить ему результат разбора заявления, как боевая машина стрелой устремилась вперед, на разгром врага. Секретарь бюро, заняв место в своей боевой машине, помчался в бой. Такие эпизоды партийной жизни были нередки в боевой обстановке.

Члены партийной комиссии тоже выезжали на передовые позиции. Чтобы не отрывать красноармейцев и командиров от выполнения боевых задач, их вызывали по одному за укрытие или в окоп и тут же разбирали заявления. Ни бомбежка с воздуха, ни артиллерийский и пулеметный огонь не могли остановить работу партийной комиссии. Непосредственно в окопах, на передовой линии, комиссия разобрала 78 заявлений. Остальные заявления были разобраны в ту пору, когда части находились на отдыхе.

Главные затруднения у нас были с выдачей партийных документов. В мирной обстановке каждый вступающий в партию представляет в политотдел фотографии для партийного билета и для учетной карточки. Но требовать в боевой обстановке, чтобы каждый сам похлопотал об этом, было бы смешно и дико. Пришлось поэтому организовать фотографирование людей. К сожалению, у нас ни в политотделе, ни в парторганизации не оказалось фотоаппаратов. Да и снимать никто не умел. Выручил начальник связи одного из батальонов, товарищ Чугунов, у которого была «лейка» и фотоматериалы. По указанию начальника политотдела, он ходил на передовые линии, прямо в окопе фотографировал товарищей. Проявлял и печатал он в окопе, в районе командного пункта, накрывшись плащом-палаткой.

Неподалеку от передовых линий находился инструктор политотдела по партийному учету. Специально для него была врыта в землю палатка, в которой он по многу часов работал, заполняя партийные документы. Выдача партийных билетов производилась прямо на передовой линии. Для этого начальник политотдела выезжал вместе с инструктором в броневой



В первичную парторганизацию
ВУ 6562
от Федотова Михаила
Александровича

Заявление

Прошу принять меня в ряды ВКП(б)
быть членом ВКП(б) это великое счастье,
это жизнь или смерть
В ответ на нашую японскую
агрессию я хочу идти в бой ком-
мунистом и бить врага до
полного его разгрома, до
полного построения комму-
низма во всем мире, ни жа-
лея ни сил ни самой жизни
для осуществления программы
партии

7 8 39 г. Федотов.

Заявление красноармейца М. Федотова о приеме в члены ВКП(б)

машине на линию огня и здесь вручал товарищам партийные билеты и кандидатские карточки.

Невозможно описать радость товарищей, в огне завоевавших право стать в ряды коммунистической партии и под пулями получивших партийные документы. Любо было им с партийным билетом в грудном кармане итти в бой за большевистское ленинско-сталинское знамя.

Серьезнейшим делом партийной работы в боевой обстановке является хранение партийного хозяйства. В каждом политотделе есть хорошие сейфы. Был он и у нас, но взять его с собой мы, естественно, не могли. Вещь эта хороша для мирной обстановки. Кроме того, совсем нецелесообразно возить все партийное хозяйство в район боевых действий и тем самым подвергать его различным случайностям. Поэтому я считаю необходимым, чтобы, кроме сейфа, в каждом политотделе был небольшой железный ящик для хранения партийного хозяйства в боевой обстановке. Железный ящик, как будто мелочь. Но попробуй без нее обойтись! Уже в мирное время

мы обязаны продумать все мелочи, все детали. Иначе они могут серьезно тормозить партийную работу в боевой обстановке. Надо быть запасливым. Каждому секретарю следует иметь небольшой фанерный ящик размером 25 × 40 сантиметров и вышиной в 6 сантиметров для ручек, карандашей, для бумаги, анкет и дорожной чернильницы. Этот же ящик послужит для секретаря столом, когда он в окопах будет оформлять партийные документы.

В боевых условиях секретарь партийной организации на месте сидеть не будет. Но где именно он должен находиться, на этот счет у нас вначале были разные мнения. Я считаю бесспорным, что секретарь бюро должен заниматься прежде всего партийной работой, руководить коммунистами своей организации, принимать заявления и помогать товарищам оформлять документы и не становиться в положение бойца, когда этого не требует обстановка.

В одной из частей мы имели такой факт. Военком направил секретаря бюро в роту, чтобы помочь политруку. Военком сказал при этом: «В роте будете работать до моего вызова». Секретарь ожидал вызова пять дней, и за это время он, конечно, оторвался от партийной работы в части, не мог конкретно руководить низовыми организациями и собирать заявления о приеме в партию. Практика прикрепления секретарей к отдельным ротам не оправдала себя. Политорганы должны заботиться, чтобы секретарь партбюро был постоянно связан со всеми партийными организациями, не отрывался от них. А когда потребуется, он с винтовкой в руках поведет бойцов в атаку.

Партийные организации в боевой обстановке занимались не только приемом в партию. Они ставили и обсуждали множество политических и практических вопросов. Коммунисты своей упорной работой еще теснее сплотили красноармейцев и командиров вокруг партии Ленина — Сталина. Они были всегда впереди и, воодушевляя бойцов своим личным примером, вели их в бой.

★

★

Политрук М. ГУДКОВ

КОМСОМОЛЬЦЫ В БОЮ

Секретарем комсомольской организации нашей части я был избран в бою. Воспользовавшись первой же «мирной передышкой», когда часть вышла из боя и находилась в резерве, я созвал членов бюро ВЛКСМ, познакомился ближе с ними и тут же раскрепил по низовым комсомольским организациям. Первое, что нужно было сделать,—это учесть комсомольцев. Списка я не имел: мой предшественник был тяжело ранен и срочно отправлен в госпиталь. Впрочем, и список меня мало устраивал. В боевой обстановке нельзя доверяться бумажке, надо, как это ни сложно, установить личную связь со всеми комсоргами, активистами и по возможности рядовыми комсомольцами.

Три дня — 18, 19 и 20 июля — я знакомился с организацией, ее людьми. За это время я поговорил с активом. На фронте актив — это все. Без него ничего не сделаешь, с ним — своротишь горы.

К 20 июля мы подготовили первые в фронтовых условиях собрания ротных комсомольских организаций. Нужно было

поделиться боевым опытом, поговорить о дальнейшей работе. Поэтому на повестке дня всех ротных собраний стоял один вопрос: «Итоги участия комсомола в бою и задача комсомольских организаций».

Собрания прошли с большим подъемом. Они помогли комсомольцам почувствовать свою огромную роль в действиях советских войск, проникнуться чувством величайшей ответственности перед комсомолом, партией, Родиной.

Комсомольцы говорили коротко, сжато, скупо, но необычайно ярко, выразительно.

Все свои лучшие качества, весь арсенал своих духовных сил вкладывал каждый честный комсомолец в выполнение боевой задачи. Поэтому так взволнованно, так трогательно и сильно звучали на собраниях слова комсомольцев, рассказывавших о фронтовых эпизодах.

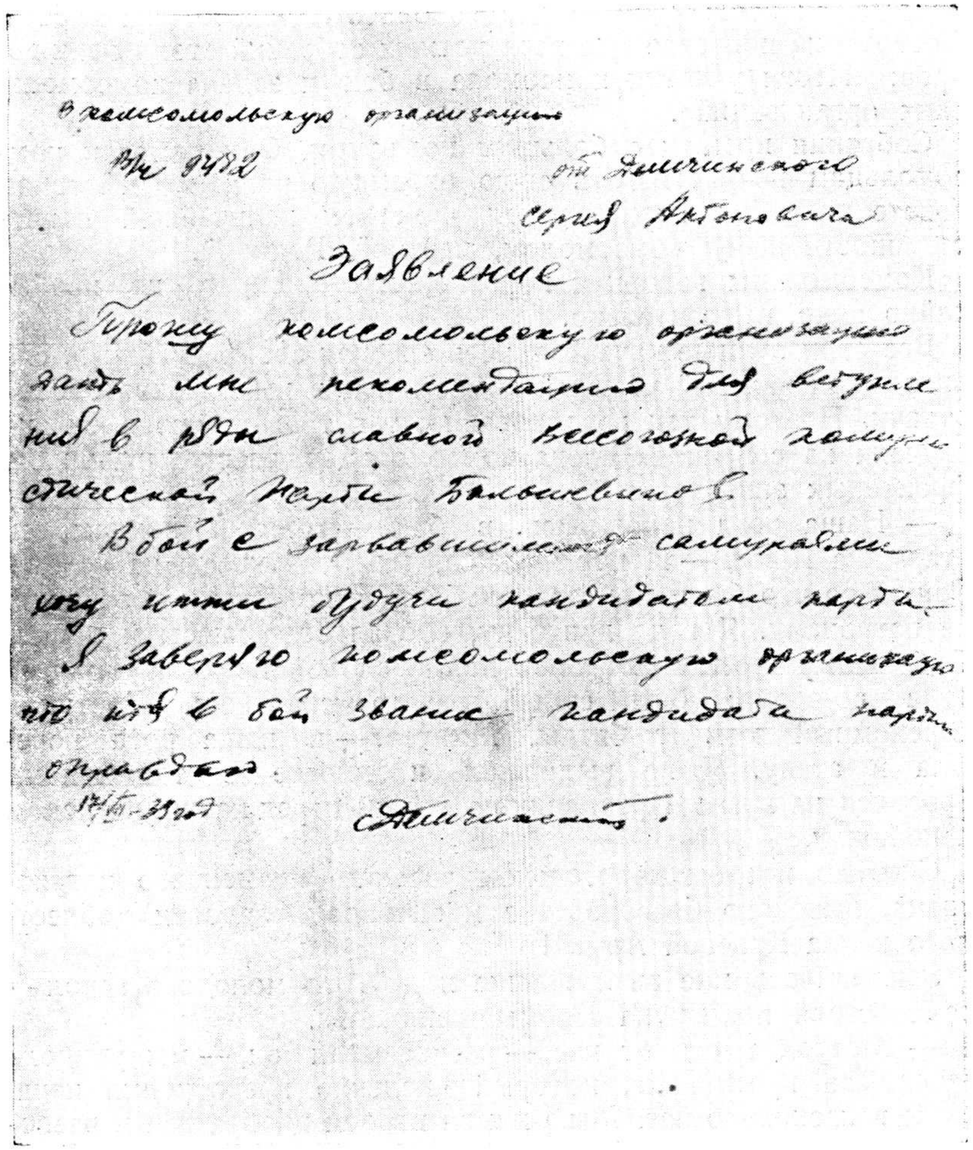
— Наша рота находилась в бою, — говорил комсомолец старшина Швец. — И вот я узнал, что боеприпасы на исходе. Решил во что бы то ни стало добраться до роты и обеспечить ее патронами. Я взял винтовку, собрал боеприпасы и пошел. С большим трудом добрался до передовой позиции. Пришел туда во-время: был самый разгар сражения. Наступил переломный момент битвы. Минута, — и наша рота перешла в атаку. Я не выдержал и вместе с товарищами бросился на врага. Противник не устоял перед нашим натиском и побежал.

Сколько в этом коротеньком рассказе пламенного патриотизма, высокого благородства и законной гордости доблестного воина Красной Армии!

Запомнилось мне выступление и другого молодого героя — заместителя политрука Промышленникова.

— Метрах в ста от нас, — рассказывал он, — мы увидели засевшего противника, который численно превосходил наши силы в несколько раз. Мы решили втроем пробраться в расположение японцев и забросать их гранатами. Поползли, соблюдая величайшую осторожность, чтобы не выдать себя. Метрах в тридцати от врага начали бросать гранаты. У японцев поднялась паника. В это время наша рота перешла в наступление и крепко почистила противника...

Стало уже темно, и мы оказались каким-то образом в тылу у группы японцев. Решили ползком отходить к своей роте, но в это время беспрерывно велся оружейный и пулеметный огонь. Зашли в окоп и вдруг услышали недалеко от нас сдержанный стон. Подойдя ближе, увидели двух тяжело раненых наших товарищей. Мы их перевязали, положили к себе на спину и под огнем эвакуировали. К рассвету добрались в расположение наших частей.



В комсомольскую организацию

В/ч 9472

от Демчинского

Сергея Антоновича

Заявление

Прошу комсомольскую организацию дать мне рекомендацию для вступления в ряды славной всесоюзной коммунистической Партии Большевиков.

В бой с зарвавшимися самураями хочу итти будучи кандидатом партии.

Я заверяю комсомольскую организацию что идя в бой звание кандидата партии оправдаю.

17/VII-39 год

Демчинский

Заявление комсомольца С. Демчинского

Этот безыскусственный рассказ о героизме, мужестве, товарищеской верности лишний раз убедил меня, что с такими комсомольцами можно сделать передовой, образцовой всю организацию. Все дело лишь за нами, руководителями.

Вскоре наша часть получила боевой приказ.

Я срочно созвал членов бюро, рассказал им о приказе. Заседание длилось 12—15 минут. Для разговора времени не было. Все члены бюро немедленно вышли в подразделения, там собрали актив комсомола, рассказали задачу, поручили довести приказ до сознания каждого бойца.

Когда началось выступление, члены бюро находились в подразделениях. Я находился в роте, перед которой была поставлена наиболее ответственная задача.

К утру 21 июля мы заняли рубеж обороны. Нам предстояло повседневно вести разведку, обнаруживая огневые точки противника, изматывая его силы.

Я собрал комсомольцев-активистов роты и рассказал им о цели и значении разведки. Такую же разъяснительную работу проводили все члены бюро в других ротах. Наши активисты переползали из окопа в окоп и рассказывали об ответственной и почетной работе разведчика. К вечеру более десятка комсомольцев изъявило желание ходить в разведку. И вот с ночи 21 июля группа бойцов, во главе с заместителем политрука Промышленниковым и командиром отделения Колесниковым, начала каждую ночь ходить в разведку. И хотя зачастую приходилось вести разведку боем, они всегда приносили все новые и новые ценнейшие сведения о неприятеле.

Целый месяц — по 19 августа — наша часть находилась в обороне. Несмотря на то, что подразделения были чрезвычайно разбросаны, мы не ослабляли ни на один день политическое воспитание.

В окопах с группами по 3—4 человека проводились беседы о японской авантюре на границе Монгольской Народной Республики, о войнах справедливых и несправедливых, по вопросам текущей политики.

Распространенной формой массовой работы были также рассказы лучших бойцов о своем боевом опыте, о выполнении заданий командира, о действиях разведчиков.

Раз в шестидневку у нас проходили ротные комсомольские собрания. На собраниях обычно обсуждались заявления о приеме в члены ВЛКСМ, о рекомендациях в партию. За период боев мы приняли в члены ленинско-сталинского комсомола 23 товарища и 14 рекомендовали в кандидаты ВКП(б). Вновь принятые товарищи — Каребин, Богодухов, Вдовин, Кашлев, Гречаный и другие — в своих заявлениях обещали самоотверженно драться с врагами. И действительно, они на деле оправдали свои заверения, в боях с японцами показали чудеса храбрости и отваги.

Принятый в комсомол тов. Богодухов постоянно был примерным красноармейцем. Скромный, вежливый в обращении, дисциплинированный, он пятнадцать раз ходил в атаку.

Богодухов прекрасно овладел своим ручным пулеметом. Он стрелял из него не только лежа, но и на ходу. Крепко прижимая пулемет к груди, Богодухов подходил к японским траншеям и бил в упор по лежащему в траншее врагу.

Участники боев у Халхин-Гола, вступившие в ряды ВКП(б); слева направо: зам. политрука Т. Сафонов, пом. командира взвода А. Поленов, командир огневого взвода А. Анисимов

Такими героями были все наши товарищи, принятые в комсомол в боевой обстановке.

Честно, на деле, в боях с врагом оправдали свои заявления и товарищи, которым мы дали рекомендации для вступления в ряды ВКП(б).

Подавший заявление в партию тов. Одинцов работал связным у командира роты. Бесстрашный комсомолец, он под ураганным огнем пробирался к взводам и четко передавал приказы командира роты. Четырнадцать раз вместе с бойцами ходил тов. Одинцов в атаку.

Иногда на бюро мы разбирали проступки отдельных комсомольцев. К этим вопросам мы подходили особенно серьезно, без торопливости. Какое-либо взыскание или даже замечание в боевой обстановке воспринималось комсомольцем в десятки раз острее, чем в мирных условиях. Поэтому мы не спешили с выговорами там, где без них можно было обойтись. Низовая комсомольская организация вынесла выговор тов. Маркитану за недисциплинированность. На бюро установили, что тов. Маркитан понял свои ошибки, в бою проявил себя хорошо. Ясно, что бюро не утвердило выговор, а по-товарищески побеседовало с Маркитаном.

Наши части готовились к генеральному штурму. Надо было подвести итоги работы комсомола в обороне, подготовить

Пробитый вражеской пулей комсомольский билет А. Нечаева, погибшего смертью героя в боях у Халхин-Гола

организацию к наступлению. Созвать общее собрание не представлялось возможным, и мы решили провести первое делегатское собрание. Подготовку к нему начали за семь дней. Всем комсомольцам было рассказано, что общее собрание провести нельзя, ибо часть разбросана и находится всего в 400 метрах от противника.

После большой подготовительной работы у бархана, в лощине, мы созвали делегатское комсомольское собрание. Присутствовали на нем 47 человек. Собрание прошло очень интересно и живо. Выступили 16 товарищей.

Делегатское собрание вынесло два важных решения.

Еще раз проверить все оружие у себя и у товарищей.

Создать актив в каждом отделении, взводе, роте, который первым поднялся бы в атаку и увлек бы за собой всех бойцов.

Особенно интересным и важным было последнее решение. Делегаты вернулись в роты и с энтузиазмом принялись за работу. Они разбились по отделениям и, переползая из окопа в окоп, рассказали всем комсомольцам о решении делегатского собрания.

Члены бюро находились в ротах и помогали комсомольским организаторам сколачивать боевой актив.

19 августа мы уже имели в каждом взводе боевой актив из 7—8 комсомольцев, которые первыми по приказу командира бросятся в атаку. Во всей организации у нас было

66 комсомольцев, которые должны были первыми подниматься в атаку.

Этот опыт подготовки боевого актива был очень удачен. Активисты всегда и везде геройски выполняли приказы командира.

Боевой активист тов. Кашлев во время наступления всегда был впереди товарищей, первым кидался в атаку с возгласами: «За Родину!», «За Сталина!» Вслед за ним поднималась вся рота и грозной силой шла на врага. Однажды, идя по обыкновению впереди всех, тов. Кашлев с группой товарищей обнаружил нескольких японцев, расположившихся в лощине. Один из японцев схватил гранату и хотел было бросить ее, но, увидев, что наши бойцы в 3—4 метрах от него, испугался, выронил гранату из рук. Враг бросился бежать. Красноармейцы, увлекаемые Кашлевым, кинулись за ним и уничтожили врага.

Наши комсомольцы в халхин-гольских боях высоко держали непобедимое знамя партии Ленина — Сталина.

★

★

Вл. СТАВСКИЙ

ПУЛЕМЕТЧИК ИВАН РЫБАЛКА

Грохочет бой. Один за другим бьют артиллерийские залпы. В воздухе пронзительно воют снаряды и лопаются с отчетливым звенящим звуком.

Иван Иванович Рыбалка прохаживается невозмутимо вокруг треноги, на которой — обычный ручной пулемет, приспособленный для противовоздушной защиты.

Серые глаза Рыбалки внимательно исследуют небо, задерживаются на кучевых и перистых облаках. Эти подлые японцы все время хитрят! Только встало солнце, как появился «гнилокрылый» разведчик. Там, за рекой, он набрал высоту и спланировал прямо сюда. Дали ему перцу наши истребители — еле ушел, проклятый.

Рыбалка зорко следит за небом, и тут же — нет-нет, да и глянет хозяйским глазом на трех статных картинных коней. Это — трофеи, отбитые у японских офицеров. Товарищи посмеиваются:

— Ну, теперь мы—мото-пеше-конная разведывательная часть.

А кони! Хорошие кони! Вон светлогнедой клинушком поставил уши. Отличного сложения! Голова — точеная. Сильная грудь! Такого коня — да в родной колхоз, в Дибривку около Золотоноши над Днепром.

Что там сейчас делается? Должно быть — и косовица скоро закончится. Да какая там косовица — комбайнами убирают хлеб! А зерно, зерно — литое!

Порыв ветра из широкой степи доносит сильные волнующие запахи полыни и дикого лука.

— На этой бы земле да хозяйновать, хозяйновать! — И крепкие, черные от боевой работы руки Рыбалки сжимаются — словно на ручках плуга.

За бугром утробно грохают взрывы японских авиабомб. Черные валы дыма вздымаются на горизонте. Добродушное смуглое лицо Рыбалки и зеленоватые, совсем еще недавно ласковые глаза его горят огнем ненависти, священной ненависти к врагам.

— Чортово японьске стерво! У себе пакостыть, тай на чужу землю лизе! — шепчет Рыбалка, кусая губы, подобравшись всем молодым и сильным телом.

Он уже показал врагу и свой гнев патриота, и боевое умение воина Красной Армии — веселый и добрый парубок, комсомолец с Украины. Как будто вчера был его первый бой, а он — уже закаленный зрелый боец.

— Первый день плечи сами сдвигались! А как начнешь стрелять — только давай! — с усмешкой вспоминает Рыбалка.

Его подразделение выдержало, не дрогнув, атаку японских танков. Он бил по чудовищам бронебойными пулями. И когда танк проходил метрах в десяти, Рыбалка сильной рукой швырнул под гусеницы гранаты. Тотчас подбавили наши пушки, и танк был уничтожен.

Про весь этот бой Рыбалка рассказал очень скупо и кратко закончил:

— Билыш ничого такого не було!

В другом бою его пулемет отказал. Винтовки под рукой не оказалось. Рыбалка с другом своим набрал гранат и пошел вместе со всеми в атаку. Его гранаты летели далеко, падали метко и рвали врагов в куски.

Потом Рыбалка в один день три раза ходил в атаку, бесстрашно и деловито громя подлую свору.

Однажды темной ночью бойцы спали; Рыбалка старательно и любовно чистил винтовку. Он услышал крик полевого караула и скомандовал: «В ружье!»

Из кромешной тьмы донеслись неистовые вопли «банзай», какой-то женский истошный визг.

Шквал огня смял ночную атаку японцев.

И. Рыбалка у ручного пулемета и наблюдатель В. Синицкий

Вдруг у самых окопов подразделения кто-то заорал по-русски:

— Стой! Куда стреляешь!

На мгновенье прекратился наш огонь. И тут же японцы осатанело ринулись в атаку.

— Тож билогвардиець! — Во весь голос крикнул Рыбалка и, стиснув зубы, начал стрелять.

Из тьмы внезапно вырвалось пламя. Японец с факелом, вытаращив глаза и перекосив рот, подбегал к нашему броневику. Рыбалка выстрелил. Японец был убит. Факел, шипя, погас в траве.

Уже много-много дней в бою насчитывает Иван Рыбалка. Строже и мужественнее стало его лицо. В лазарет отправлены два друга, с которыми так хорошо было вспоминать про майские украинские зори, спеть вполголоса:

— Розпрягайте, хлопци, коней...

В глубоком взгляде Рыбалки — отвага и спокойствие бойца и неутолимая ненависть к врагу.

И сейчас, всматриваясь в небо, по синеве которого серыми гадами проходят японские самолеты, Рыбалка думает:

— Щоб вам скризь повылазыло, бисовы бандюги! Пидождить, буде вам жарко!

В памяти его нестерпимо резко встает: на зеленой траве лежат мертвые товарищи. Обмундирование их в засохшей крови жестко, словно лубок. У лейтенанта Щербака вместо лица кровавая страшная рана. Нос и губы срублены. Выколоты глаза. У водителя Онуфриева тело изрезано и испорото штыками, а на шее — толстый багровый рубец от петли.

Боевая машина товарищей застряла в трясине. Израненные бойцы отбивались из последних сил.

Японцы чудовищно, зверски замучили умирающих.

Грозно, словно клятву, произносит Рыбалка: «Треба уничтожить все это стерво!»

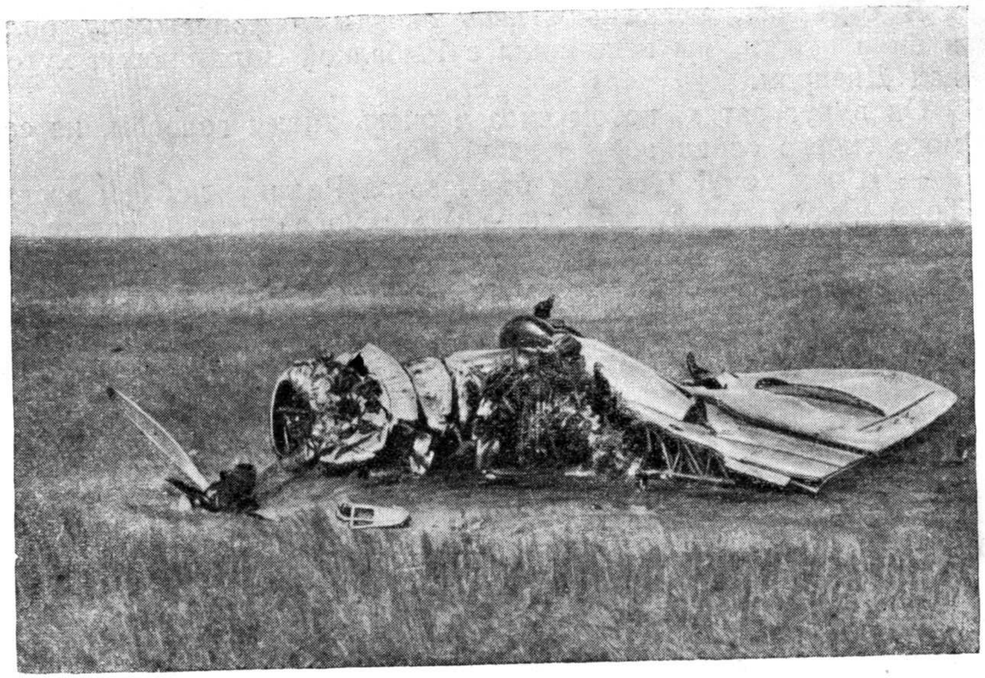
Слух его ловит низкий и музыкальный гул над облачками,— словно звучит гигантская и такая родная кобза.

— Наши! Вертаются! — радостно вскрикивает Рыбалка.

В бездонной синеве неба он видит празднично-белые легкие силуэты наших бомбардировщиков. Вот они уже над головой. Но почему же в мелодию мотора вдруг врывается резкий треск пулемета?

Рыбалка, волнуясь, всматривается. Стреляют пулеметы с наших воздушных кораблей. Вдруг злобно пронзительный вой мотора наполняет все небо. За треугольниками бомбардировщиков появляется белая полоса, идет вправо и вниз. Вот уже виден японский самолет.

— Добре тоби попало! — радуется Рыбалка.



Сбитый японский самолет

Японец, снижаясь, мчится прямо на него. Рыбалка, не отходя от треноги, громко предупреждает товарищей. Все быстро прячутся по окопам. Японец, пикируя, стреляет.

Рыбалка — один на всей залитой солнцем лощине. Он спокойно сжимает рукоять своего пулемета и дает очередь впереди вражеского самолета, преграждая ему путь.

Самолет врага проносится совсем низко и возвращается после глубокого виража. Рыбалка мужественно встречает его длинной очередью, также обрезая путь. Пули его бьют по крыльям, по фюзеляжу. Самолет козлом взлетает вверх и за бугром косо, крылом врезается в землю.

Из окопов несется восторженное «ура» товарищей.

Они выскакивают, мчатся к месту падения и гибели стервятника, подбитого нашими самолетами и добитого пулеметчиком.

Вечером, когда отпылал в степи золотой закат и Рыбалка мог уйти с своего поста до утра, товарищи расспрашивали, тормоша его. И он отвечал, коротко и несложно:

— Бачу летыть! Я дал очередь, другу! Вин на мене, а я ще! Боявся? Та ни трохы! Коли туточкы бояться? Треба же быты!

Простое и добродушное лицо его—лоснящееся от солнца—было невозмутимо.

В сумерках, когда зажглись звезды и попрежнему били и били пушки, мы вспомнили с Рыбалкой Золотоношу, хутор над Днепром.

Он вдруг затих, потом сказал очень тихим голосом, из самого своего сердца:

— Що я хочу? Ось, мы бъемось за Родину, побъем врага! Тоди я хочу вертатыся и побачыть самого любого товарища Сталина.

★

★

З. ХИРЕН

БОЙ ЗА СПАСЕНИЕ РАНЕНОГО

Снова и снова подносит майор Касперович бинокль к глазам, но на желтой песчаной дороге, изрытой разрывами бомб и снарядов, стоит лишь одинокий грузовик с пробитым баком. Тимохина — великолепного водителя этой машины — нет.

Лишь недавно Тимохин был здесь, на этом же бугорке, рядом с Касперовичем, и внимательно слушал боевой приказ. Ему предстояло вместе с двумя другими машинами пробраться к нашей пешей разведке и доставить ее сюда. Маленький Тимохин улыбнулся, когда майор в шутку спросил, не страшно ли ему мотаться на своем «газе», когда вокруг рвутся снаряды и пули летят.

— Ничего, не страшно,— ответил Тимохин, улыбнувшись.

А сейчас боевого разведчика, исправного шофера, примерного красноармейца нет в кругу друзей.

Два шофера, отправившиеся вместе с ним, вернулись, а он остался на дороге вместе со своей машиной, подбитой японцами.

И майор Касперович, подвинувшись поближе к командиру орудия Голавкину, смотрит влажными глазами на молодого артиллериста. Что скажет Голавкин?

Касперович зажигает спичку, чтобы закурить, но машинально снова берется за бинокль. Тревожные мысли о пропавшем красноармейце не оставляют его.

Японцы же словно вымерли — никаких признаков жизни...

— А не выкатить ли нам снова орудие? — обращается Касперович к артиллеристу, и лицо его озаряется надеждой.

И вот уже орудие снова на бугорке. Один за другим вспыхивают огоньки разрывов, а горячие гильзы жгут пальцы. Но только эхом отдаются раскаты канонады, с японской же стороны ни звука. Враг продолжает хитрить.

Касперович спускается вниз к своим разведчикам.

Дав задание командирам бронемашин, Касперович подзывает к себе смуглого Лызина — младшего политрука.

— Подъедете к грузовику, возьмете на буксир и подведете его сюда, ко мне. Живым или мертвым — нужно спасти Тимохина, чтоб не дать японцам издеваться над нашим бойцом. Мы же с лейтенантом Голавкиным поддержим вас артиллерийским огнем.

Как только бронемашины приблизились к высоте, японцы открыли по ним сильный огонь. Безмолвствовавший до этого бархан охватило пламенем. Майор Касперович, наблюдавший за боем, открыл огонь из пушки, которая стояла на бугре. Тотчас же в воздух полетело противотанковое орудие японцев. Это оно мешало младшему политруку Лызину подобраться к машине Тимохина. Но в это время с новой силой загремела канонада, и думать нельзя было открыть люк бронемашины. Сквозь дым и пламя Лызину лишь удалось заметить, что ни около машины, ни в машине Тимохина нет.

Всю ночь майор Касперович вел беспрерывную разведку боем. Ни одна японская огневая точка не должна была остаться незамеченной. На утро предстояло горячее сражение.

Ночная разведка продолжалась. То в одном, то в другом конце бархана вспыхивали японские разрывы. Выделенная майором партия разведчиков боем вызывала огонь врага. Касперович засекал вражеские вспышки и наносил на карту точное расположение японцев. Одновременно он проверял готовность части к завтрашнему бою.

Вот он остановился около военфельдшера Бурмистрова и беседует с ним о расположении санитарного пункта, о том, как завтра будет организована работа санитаров. Но в это время с южных высот разведчикам удалось обнаружить три вражеских станковых пулемета. И Касперович, вглядываясь в темноту, прислушиваясь к стрельбе, наносит огневые точки на карту.

Только что мимо него пронесли носилки. Касперович останавливает санитара, спрашивает, куда ранен боец, пристально вглядывается в лицо раненого.

Остановившись около группы красноармейцев, он слушает их разговор. Это пулеметчики. Часть только что пришла сюда, кухня еще не подоспела, и пулеметчики обеспокоены тем, что утром итти в бой, а в пулеметах нет воды. К тому же, по правде сказать, самим также хочется пить, а в баклажках сухо.

Майор вспоминает о небольшом запасе воды, имеющемся у него. Он принес воду пулеметчикам и наполнил водой их пулеметные коробки.

Наблюдая, как жадно пьют воду бойцы, майор невольно вспоминает о Тимохине. Жив ли он, кто утолит его жажду?!

Ночь близится к концу, майор проверяет собранные данные, он точно знает расположение огневых средств врага, словно сам присутствовал во время их установки.

К четырем часам утра Касперович уже снова на высоте. Как будто не было здесь ночью горячей перестрелки, спокойствие и тишина поражают. Но это тишина обманчивая...

Заалел рассвет, и наступление началось. Открывая путь своей пехоте, майор уже мчался на броневике. И вот в разгар сражения, сквозь мутно-желтое стекло триплекса майор увидел знакомую машину, а рядом с ней стоял Тимохин. Неужели это лишь счастливое видение? Но нет, глаза никогда еще не обманывали майора. И вот уже навстречу Касперовичу бежит знакомая фигурка. Да, это Тимохин, теперь уж никаких сомнений нет.

На высоте только что взвился красный флаг. Майор уже подошел к грузовику, и Тимохин очутился в объятиях своего любимого командира.

Перед Касперовичем стоял Тимохин — окровавленный, грязный, с запекшимися ранами, почти голый. Бойца и командира душили слезы радости.

— Я так и знал, я так и думал, — твердил Тимохин, — я был уверен, что обо мне не забудут, меня не оставят. Мой майор меня спасет.

Командир подносит ко рту больного флягу с водой, отдает ему плитку шоколада. Усадив Тимохина в кабину, сам быстро набрасывает серьгу на подбитый грузовик. А Тимохин не успокаивается. С волнением он начинает рассказывать...

...После того как машина была подбита, он решил не сдаваться, выхватил из кабины винтовку и примкнул к ней штык, но в это время его ранили в грудь и четверо японцев подползли к нему, желая взять живым. Ударом приклада он размозжил одному череп, с остальными пришлось еще повозиться. Только отбился он от них, как снова был ранен. Вражe-

ские пули угодили ему в бедро и голень. Ослабевший, истекающий кровью, он бросился бежать, но откуда-то вынырнул еще японец. Патронов у Тимохина уже не было, и он, собрав последние силы, обеими руками бросил винтовку в японца, и тот свалился.

День был жаркий, знойный. Пот, кровь, грязь — все перемешалось. Тимохин на ходу скинул сапоги и, добежав до куста, снял с себя все снаряжение, обмундирование и перевязал сквозные раны на груди и голени.

— Я верил, я надеялся, что меня выручат, — прервал свой рассказ раненый...

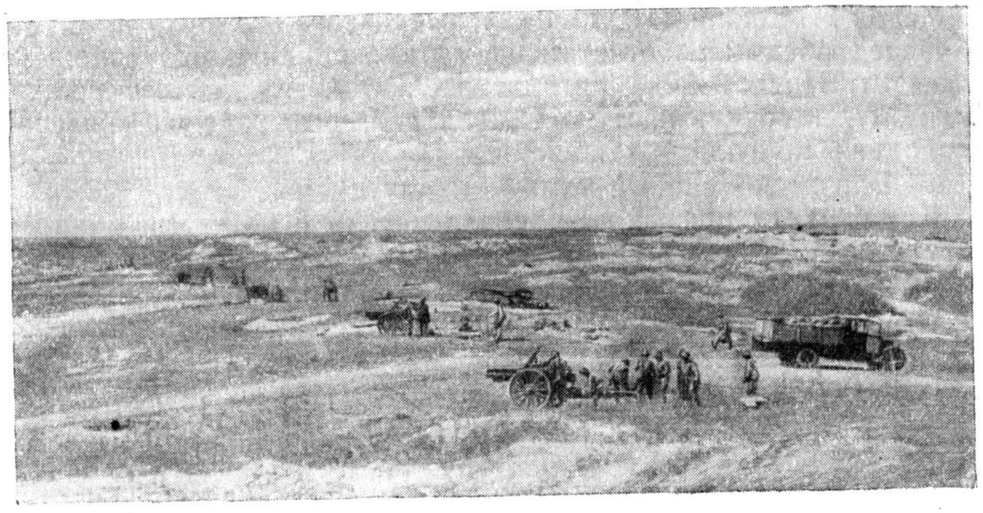
Ночью мимо него прошел наш танк. Тимохин кричал, махал каской, но его не заметили, и он до утра оставался в траве. Позже слышал, как японцы подошли к его машине и долго о чем-то разговаривали. Они достали оттуда консервы и галеты и стали есть.

А на рассвете, когда наши пошли в наступление, он встал и при прохождении пехоты пробрался к своей машине. Здесь-то его скорей всего найдут.

Рассказ окончен. И раненый боец снова протягивает руки к своему любимому командиру. Грузовик уже взят на буксир, теперь он мчится на медицинский пункт. Вот уже показались санитарные палатки. На руках майор Касперович несет раненого бойца к врачу. У Тимохина семь ран, Касперович настаивает, чтобы немедленно отправили на самолете в госпиталь. Тимохин с любовью смотрит на своего майора, глазами зовет его к себе и ослабевшей рукой пожимает ему руку.

Самолет уже в воздухе, а броневик Касперовича снова мчится в бой на врага.

★



★

Красноармеец С. БЕССОНОВ

НА ФРОНТЕ

Я — слесарь. Зовут меня Степан Васильевич Бессонов. Семь лет тому назад отпустили меня в долгосрочный отпуск. Работал на Урале.

После событий на Хасане начали наши ребята заниматься военной тренировкой. Я сдал на ГТО. Лучше всего у меня выходило бросание гранат. Рука, привычная к точной работе, бросала гранату за 50 метров и укладывала на 2—3 квадратных метра десяток гранат.

И вот я — военный человек, и мне выпала высокая честь в рядах Красной Армии защищать в Монгольской Народной Республике Советский Восток.

Поход по Монголии — вещь трудная. Солнце немилосердно, тени нет, и скоро мы узнали, сколько глотков в солдатской фляжке.

Вот линия фронта. Мы узнали, как жужжат пули и как шлепаются о землю мины.

Через десять дней обороны мы освоились с фронтовой обстановкой. У нас составился примерный распорядок окопного дня.

День начинался «с минного завтрака».

Наша артиллерия немедленно оплачивает «завтрак». У врагов пропадает активность.

Часов в одиннадцать дня перерыв на час-полтора.

Перед обедом работает наша артиллерия и портит японцам аппетит. После обеда артиллерийская дуэль, потом солнце уходит за сопку, наступает прохлада, быстро приближается холодная монгольская ночь.

— Близится «минный ужин», — шутим мы.

К минам мы привыкли: сделали ячейки и во время минного обстрела укрываемся в них.

Ночь холодная и беспокойная. С наступлением сумерек готовим гранаты, раскладываем их на бруствере: ночью враг активен.

Первую рану получил 18 августа. Пуля пробила мякоть ладони.

Мы знали, что на фронт приехал армейский комиссар 1 ранга товарищ Мехлис, и сразу поняли, что будет наступление.

Я в тыл не пошел.

И верно: 20 августа мы пошли в бой. Рана почти не мешала.

Нашего лейтенанта, тов. Максимова, контузило, и мне пришлось взять командование взводом на себя.

Сутки мы не спали. Сознание ответственности меня беспокоило. Мне все казалось, что я усну и уснут мои товарищи, и враг застанет нас врасплох. Особенно трудно было на третьи сутки. Чувствуешь, что заснешь в любой позе.

Наконец, я решил закурить папиросу, осторожно зажав ее в кулаке. Как только задремлешь, отпускаешь папиросу, огонь прикасается к ладони — и будит.

За это время мы три раза ходили в атаку.

В обороне, в огневом деле, японцы упорны.

Но вот мы перешли в генеральное наступление и крепко зажали японцев. Они бьются в наших клещах пятые сутки.

Время для отхода ими потеряно, надежды на подкрепление у их командования нет.

Японские солдаты не знают, что они окружены. Их обманывают приказами, говоря, что советско-монгольские войска пришли в соприкосновение с ними по всему фронту. Японский солдат еще не знает, что фронт у него круглый.

Сегодня 25 августа. На рассвете назначена атака сопки Песчаной.

Первое время, подымаясь в атаку, мы еще у своих окопов кричали «ура». А теперь скапливаемся у переднего края японской линии.

Ползем. В карманах гранаты, за ремнем гранаты, в плащ-палатке еще гранаты.

Прежде мы брали в атаку по четыре гранаты, а теперь берем двадцать пять.

Скопились.

Короткая команда:

— Гранатами — огонь!

Сразу же закричали бойцы:

— За Родину! За партию, за Сталина — вперед!

Японцы боятся наших штыковых атак.

Восемь раз ходил я в штыковую атаку, но ни одной не приняли японцы. Встретиться с врагом штык в штык так и не пришлось.

Думаем: «Может быть, сегодня!» Бегу вперед, следя за гранатами. Влево летит одна, за ней вторая... В воздухе они начинают шипеть. У меня в руке готовая граната. Сильно взмахиваю ею. Боек разбивает капсюль. Граната шипит. Тут нужно боевое спокойствие. Надо кинуть гранату так, чтобы ее не могли бросить обратно. Еще раз взмахиваю гранатой, бросок — и граната рвется в самом окопе.

В атаке думать секунду — смерть.

Падает к ногам японская шипящая граната. Успеваю схватить ее и бросить обратно. Сосед слева возвращает вторую.

Японцы бросают гранаты торопясь. Они взрываются через 6—7 секунд.

Хуже с теми, что кинуты из дальнего окопа. Такую гранату и в руки взять опасно.

Продвигаюсь. Вот она, дальняя. Откатываюсь в сторону. Взрыв. Бросаюсь вперед.

Вот он, японский окоп. Из него уже не вылетают гранаты. Прыгаю вниз.

В окопе чернеет лисья нора. В углу, во тьме что-то зашевелилось, высунулось лицо. Очень оно мне показалось несимпатичным! Бросаюсь со штыком.

В тот день мы дважды ходили в атаку, взяли первую линию окопов. А 26-го добрались до главной траншеи.

Почти вся Песчаная — наша.

26 августа в конце второй атаки меня ранило: просмотрел японскую гранату. Она была третьей, две я успел вернуть обратно. Мелкие осколки попали в лицо. Сперва я думал, что ослеп. Зажал глаза рукой. Товарищи забинтовали.

Под бинтом моргаю. Как будто есть глаза!

Освободил левый глаз — смотрит. Попробовал правый — больно.

До начала новой атаки еще два-три часа. Зарядил гранаты. Решил сходить в санитарный пункт на перевязку. Горько потом раскаялся: задержали.

Я говорю им, что остался один час до победы. Не отпустили.

Уход в госпитале хороший. Глаз мне сохранили.

★

★

Военврач 3 ранга В. САКАЛО

ТРИ ДНЯ

Два дня были пасмурными и дождливыми. Наша зенитная батарея отдыхала в это время. Но с утра 18 августа, лишь только засияло солнце, японская артиллерия открыла по нас интенсивный огонь. В течение 45 минут вокруг ложились снаряды, а сверху нас нащупывали вражеские самолеты. От разрывов тяжелых бомб бойцов засыпало землей в окопе.

Старший лейтенант Мазов начал под градом осколков откапывать своих товарищей и в эту минуту был ранен в ногу.

— Убедительно прошу вас, доктор, не везите меня в госпиталь. Буду лечиться на месте, — взмолился командир. — Хочу сбить еще несколько японских машин.

Но я не мог согласиться с его просьбой: рана была тяжелой. Мы отправили командира.

День прошел в жестоких боях, а ночью нам нужно было занять новые позиции за рекой Халхин-Гол. С трудом различали, как поблескивают ручейки на черной дороге. Среди ночи над нами, в невидимой заоблачной высоте, загудели моторы, и мы знали, что это наши соколы отправились на работу.

Мы смотрели в темное небо, и каждый говорил по-своему. Один говорит, что «яблоки» повезли японцам, другой находит, что это «груши», а третий находит, что скорее «свежие огурцы». Через несколько минут к нам донесся гул разрывов.

Наши самолеты сбрасывали свои смертоносные «груши» на позиции противника.

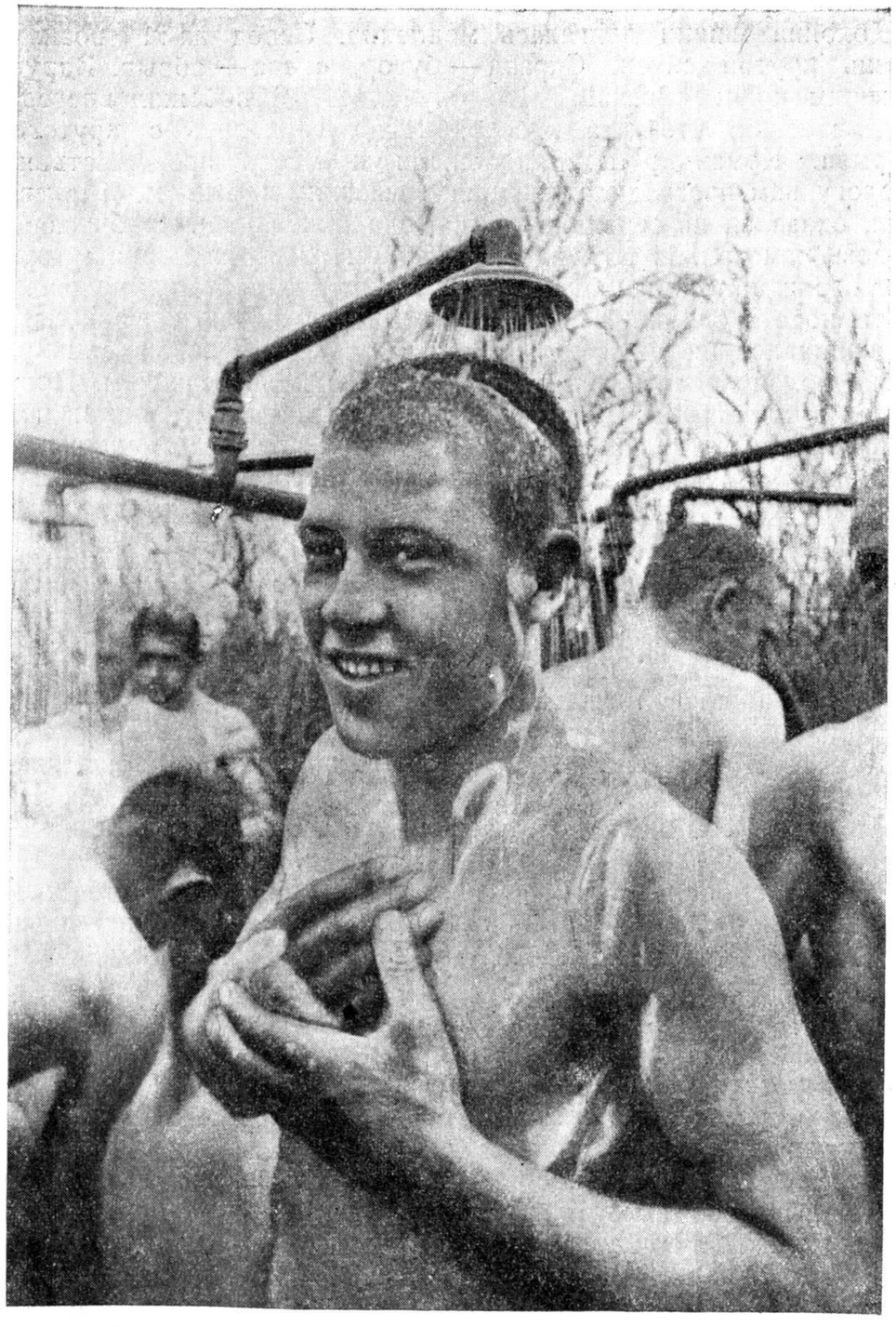
Колонна машин двигалась медленно. Перед нами возник очень крутой спуск. Справа — бугор, слева — обрыв. Вдруг слышим крик: «Врача!» Что случилось? Я побежал вперед. Мне сказали, что два красноармейца сорвались с крутого обрыва. Командир и я побежали к месту происшествия. Дорогу нам преградила речушка с высоким камышом. Я прыгнул, оказался на середине реки. Вода ниже колен. Пробираюсь сквозь камыши. И вот, наконец, вижу: разбитая машина торчит вверх колесами, рядом с ней лежит без сознания человек. В темноте я ощупал раненого с головы до пяток. Он очнулся, пожаловался на сильные боли в коленях. Я зажег спичку: ниже колен лоскутные обрывки кожи с кровотечением. Произвел туалет раны, наложил стерильную повязку, помог пострадавшему отделенному командиру добраться до машины.

Между тем колонна достигла понтонного моста через Халхин-Гол. Сверкает во мраке быстрая река. У моста дежурит наш караул, который регулирует движение. Я иду впереди и указываю первому водителю, куда вести машину. Понтонный мост был затоплен в реке, вздувшейся после двухдневных обильных дождей. Я погружаюсь в воду. Она чуть не сбивает меня с ног. Я цепляюсь левой рукой за кузов легковой машины, а правой указываю дорогу идущей следом санитарной.

К рассвету мы уже были на новой позиции. Это был знаменательный день генерального наступления на японцев. На чистом голубом небе появились непобедимые сталинские соколы. Они направились к сопке Ремизова.

В 9 часов осмелились показаться и японские бомбовозы в сопровождении 34 истребителей. Встреченные нашей авиацией и залпами зенитных батарей, они сбросили бомбы как попало, лишь бы поскорее удрать на посадку.

В 12 часов из-за японских барханов вновь появились 9 двухмоторных бомбовозов. Стали рваться бомбы. Послышался крик: «Давай сюда врача!» Засыпало землей одного младшего командира, сидевшего в окопе. Я прибежал. Окоп совсем завалило. Видно только человеческую голову. А японцы бьют сюда же из дальнобойной пушки. Снаряды рвутся близко, непрерывно свистят вокруг осколки. Я быстро откопал засыпанного землей товарища, потом взял его под руки и вытащил. Он начал дышать. Санитары ползком поднесли сюда носилки. Мы переправили контуженного в санитарную машину, дали ему кислород, а под кожу — лобелин, морфий и противостолбнячную сыворотку. Через двадцать минут контуженный стал говорить. Это был младший комвзвод боепитания соседней части тов. Пилипенко.



В походном душе 24-го полка

В 13 часов ко мне прибежал раненый.

— Товарищ доктор, окажите мне помощь скорее, и я пойду. Скорее, пожалуйста, а то мои товарищи заняли большую сопку. Уже красное знамя там ставят.

Как выяснилось, этот боец шесть раз ходил в атаку, и в последний раз осколками близко разорвавшегося снаряда ему повредило бок. Лицо бледное, но держится он мужественно. Все время поглядывает в ту сторону, где враг, где бой, где решается исход сражения. Гимнастерка на нем разорвана, рубашка вся в пыли, мокрая от пота. Бережно помогаю ему сбросить одежду. Смотрю, — три раны в боку. В двух из них глубоко сидят осколки. Боль, должно быть, адская. Но человек просит только поскорее помочь ему, чтобы тут же вернуться в бой.

— Как ваша фамилия? — спрашиваю.

— Махалошвили.

Красноармеец Махалошвили ни разу не застонал, когда я пинцетом вытаскивал один и затем другой осколок.

— Друг мой, — сказал я ему, наложив повязку, — прежде чем возвращаться в бой, давай еще немного потерпим. Осталась одна маленькая процедура: противостолбнячный укол.

— Что же, — отвечает, — такое уж ваше дело. Только, товарищ доктор, давайте скорее.

Вокруг гудели, шипели, рвались японские снаряды. Все работали, не обращая на них внимания.

Вот помощь оказана. Но теперь нельзя надеть нательной рубашки — не налезает. А гимнастерка у бойца рваная, грязная. Я снимаю с себя чистую гимнастерку и надеваю на раненого.

Говорю:

— Был ты, друг дорогой, бесстрашным пехотинцем, стал теперь интендантом. Иди и бей врага насмерть...

Бой все разгорался. Зеленая сопка, что вправо от нас, стала буро-пепельной от артиллерийского огня. Барханы влево от сопки Ремизова буквально горели. Заметно было, как вместе со столбами пыли взлетают кверху обломки вражеских укреплений, трупы.

Этот день никогда не забудешь. С гордостью вспомнишь, как наши отважные бойцы громили японцев на Халхин-Голе.

★

★

Младший командир А. МОРГУНОВ

ИЗ ДНЕВНИКА КОМАНДИРА ПРОТИВОТАНКОВОГО ОРУДИЯ

Шестнадцатое августа. «Скоро, что ли, мы поедем на линию фронта?» — нетерпеливо спрашивает каждый день тов. Никифоров.

Ребятки моего расчета крепкие: все, как один, горят желанием бить наглых провокаторов.

21 августа. Солнце уходит за горизонт. Все небо на западе багрово-красное. До заката гремели наши орудия — выбивали «храбрых» из их бетонных гнезд. А сколько сегодня там было самолетов! И как наши соколы бомбили врага!..

Только что отужинали. Спасибо старшине тов. Кирсанову. НЗ (неприкосновенный запас) еще не трогали, галет и консервов хватает, и даже с добавкой.

22 августа. Вчера не удалось дописать — пришел приказ о переброске нашего подразделения левее. Японцы пытаются ударить во фланг.

Ну что ж, недолгие сборы — орудие к передку, и готово.

— По местам! Заводи моторы! За мной, в походную колонну, марш! — командует тов. Ирбулатов, и вот с бархана на бархан медленно двинулись противотанковые пушки, освещаемые с высокого небосклона луной.

Женя Киндяк тихо запел. Никифоров своим тенорком подхватил.

— Не так громко, товарищи,— предупредил я.— Давайте вполголоса, если хорошее настроение.

А путь становился все труднее. Такие перекосы из-за этих проклятых барханов — того и гляди перевернешь пушку или ящик со снарядами. Я вылез из люка, стал показывать водителю, как ехать.

...Приехали на позицию. Бархан и кустарник. В кустах бронемашины. Комвзвод Ирбулатов ушел вперед, а бойцы с броневиков завязали с нами беседу. Ну, как полагается, сперва — кто, откуда. Один парень — сталинградский — рассказывает о ходе боев за последние двое суток.

Японцы в кольце. У них кончается запас пищи. Подкреплений не получают. Японские офицеры для бодрости, наверно, распустили слух, что, мол, окружены не японцы, а монголо-советские войска. А вот еще японо-белогвардейская брехня: японцы будто бы собираются накинуть мешок на солнце, чтобы оно грело только Японию.

Наш боец Тюрин по этому поводу сказал:

— Мы еще посмотрим, кому солнце светит последний раз.

23 августа. Вчера ночью мы заняли оборону. Спать не пришлось: маскировали орудие, вырыли щели и ровики. Работали крепко и не зря — нас едва ли кто увидит, а обстрел у нас замечательный, и снарядов хватит на всех, кто захочет поинтересоваться нами всерьез и поближе.

Между тем мой расчет готовится к боям. Наводчик тов. Рожков только и ждет, чтобы показался японский танк. Никифоров, заряжающий, еще раз договаривается с подносчиком «насчет проворности» и «чтобы успевал с консервами».

— Ты, брат, не гляди, что я из приписного состава!..

24 августа. Ночь прошла в беспокойстве. Ветер, а еще хуже того — комары. Ну, и комары! Нахально действуют: ни ветер, ничто им не мешает — лезут и в нос, и в уши, и чорт знает куда. И только под утро исчезают. Ну, спать все равно не пришлось. Надо следить за местностью.

...Безветренное, туманное утро. Солнце встает пока еще без японского мешка. По сведениям разведки, сегодня надо ждать контратаки японцев. Добро пожаловать. Угостим, чем богаты!..

Стоя на дне окопа, я в бинокль вижу всю местность, весь сектор обстрела. При мне пулемет и винтовка. Позади—орудие и расчет. В семь часов показались японцы с винтовками

и пулеметами. Перебежка в направлении нашего правого фланга. Бухает японская артиллерия, рвутся где-то рядом с нами снаряды, а открывать огонь нельзя, пока не разрешено.

— Бей, бей! Все равно ничего не видишь, — насмешливо кричит тов. Киндяк по адресу японцев. — А мы-то что молчим?

— Терпение, терпение, — отвечаю. А самого разбирает такая же досада: враги, как на ладони. Идут лавиной, пробегут несколько шагов, лягут и стреляют по бархану, за которым наша рота. А наши все ждут, не отвечают.

Японцы почти около нас, и в это время комбат тов. Ткаченко скомандовал: «Огонь!»

Расчет уже знает свое дело — заряжают осколочным. Наводчик повторяет:

— Угломер тридцать ноль ноль. Прицел семь. Готово!

— Огонь!

— Есть!..— и снаряд лег точно: пьяные японцы так и повалились.

Одновременно вступили три наши пушки и все пулеметы. Стрельба настолько верна, что мне и корректировать не надо, а потому я взялся за пулемет.

Вот идут три японца. Наводчик!.. Выстрел — и группы как не бывало. Сердце радуется — до чего хорошо работают все механизмы! Разгорается беспощадное чувство к врагам:

— За Родину! За Сталина! Поддай, Рожков!

— Есть...

Опять гремит выстрел, и японцы разлетаются в стороны.

Вдруг доносят, что осколочные снаряды все вышли.

— Давай бронебойные!..

Клубок дыма вперемешку с землей — и пулеметчики противника похоронены на месте.

Перебежка сразу замедлилась. Наша стрельба умолкает. Бой окончен. Между станинами — гора гильз. А Мартынов еще недоволен: все же мало стреляли!..

— Молодцы! Отлично стреляли,— хвалит нас старший лейтенант.

Солнце уже не светит офицерам, собиравшимся накинуть на него мешок!

26 августа. Интересный метод стрельбы у японских артиллеристов. Слышишь — летит снаряд. Прячешься в щель. Разрыв впереди. Ну, сейчас держись!.. Нет, второй снаряд рвется где-то сбоку. Так и сеют... Вот и сегодня: весь день их батарея палила — и ни одного попадания. И самолеты летали над нами, а почему-то не бомбили. А японец, очевидно, с похмелья — спит, спит, проснется, не продрав глаза, долбнет раз-два куда попало.

Наши не так бьют: заметили цель и давай в одно место класть, пока не выбьют все, живое и мертвое...

30 августа. Наша группа выполнила задание партии и правительства — японцы окружены и уничтожены.

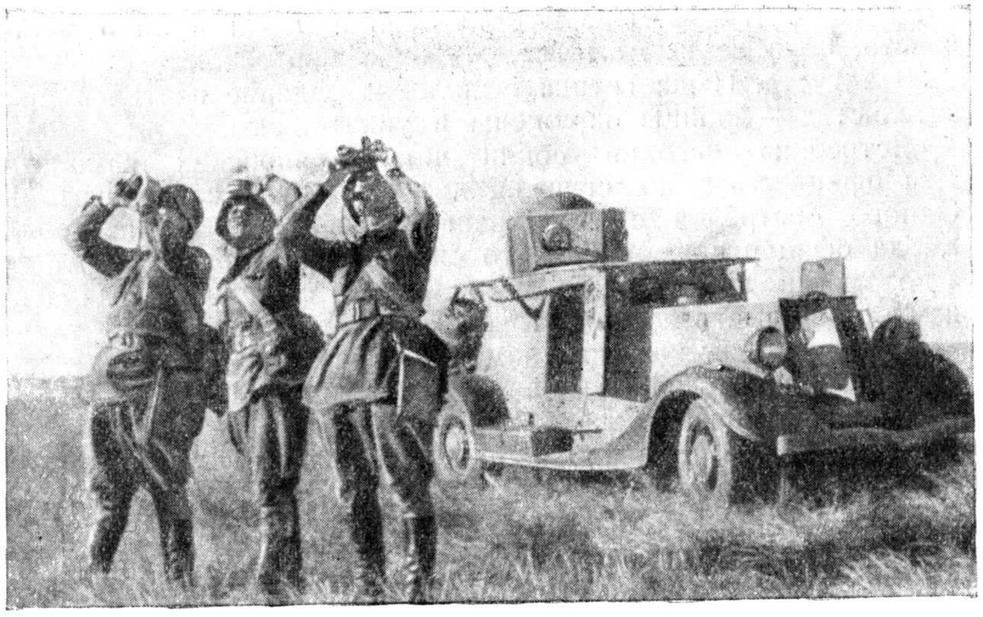
«Ястребки» сегодня сбили четыре японских самолета. Два офицера-летчика сгорели, два спрыгнули с парашютами. Одного обстрелял с лету наш истребитель, но не добил. Когда офицер приземлился, то сначала притворился мертвым, а потом вскочил, побежал было. Однако с броневика дали по нему один выстрел — и готово.

Пробовали японцы нас бомбить — не попали и в конце концов были отогнаны нашими «ястребками».

А больше ничего особенного.

1 сентября. Мы заняли оборону на правом фланге: закапываемся в землю, роем блиндажи. Запираем границу на крепкий, сталинский замок.

★



★

Красноармеец И. МОЛЧАНОВ

ЭКИПАЖ МИХАИЛА РЫБКИНА

Михаил Рыбкин приказал экипажу занять места, и машина пошла вперед. Загрохотали выстрелы. Потом показалась река, быстрая, голубая, извилистая. Саперы успели сделать через нее прочные мосты.

Переправлялись под огнем. Осторожно шли по незнакомой местности. От грохота снарядов и визга пуль звенело в ушах. Броня накалялась, давала себя чувствовать духота. Но хотя и пересыхало во рту, запас воды расходовали бережно.

Впереди тянулись барханы, в которых закопался коварный враг. Под неприятельскими выстрелами машины подошли к роте, передали бензин и боевые припасы.

Радостна была встреча с товарищами. Хотелось обо многом спросить, многое рассказать, но приходилось торопиться на поддержку второго батальона ремизовцев.

Экипаж Рыбкина выдвинулся вперед. Опытный водитель старался полностью использовать мощность машины и каждый квадрат твердого грунта, чтобы продвигаться возможно быстрее. Но песок становился глубже, и ехать было все труднее. Молодой командир решил поставить машину в укры-

тое место, проползти на бугор и разведать, что впереди. Из-за бугра, над которым струился нагретый воздух, показался японский танк. Одно желание охватило всех: не упустить, уничтожить врага.

А дальше все происходило не так, как представляли себе раньше, когда толковали о грядущих боях.

Правда, Рыбкин слегка волновался при первом выстреле. Но дымок, поднявшийся от вражеского танка, показал, что попадание прямое и верное. От второго снаряда танк вспыхнул. Выскочить успел только один солдат, но и он был уложен меткими пулями Степана Вечеры.

Первая победа воодушевила бойцов, хотя опасности подстерегали их на каждом шагу. Вот из блиндажа выскочила группа японцев с бутылками. Экипаж знал, что в этих бутылках заключена гибель для машины. Пулеметчик Вечера дал очередь. Два солдата упали, взмахнув руками. Трое, пытаясь спрятаться от меткого огня, залегли, но и они больше не встали. Лишь одному удалось подскочить к самой машине. Перед смертью он все же успел подсунуть под пулемет химическую шашку. Ядовитый газ хлынул в машину.

Рыбкин приказал надеть противогазы и вести наблюдение. Японские пулеметы мешали продвижению ремизовцев. Рыбкин до боли в глазах всматривался в даль, покрытую маревом, и посылал туда снаряды.

Снова двинулись вперед. Неожиданно раздался грохот, и машина наполнилась дымом. Ярко резнул солнечный свет, ворвавшийся в пробоину. Оглушенный взрывом Михаил Рыбкин встревоженно спросил у башенного стрелка Фисенко:

— Не убило?

С радостью услышал он знакомый голос:

— Нет!

— Не ранило?

— Нет!

Бегло осмотрели машину. Картина неутешительная. Японский снаряд, ударив в башню, разбил кожух маски, верхний кожух ствола и выбил пулемет с шаровой установкой.

— Будем отбиваться тем, что есть,— решил экипаж.

А японцы продолжали стрелять из крупнокалиберного пулемета.

— Сначала подавим огневые точки врага, а потом наденем гусеницы. Без них двигаться трудно,— сказал командир машины.

Весь экипаж пожелал пойти на это опасное и почетное задание.

— Всем нельзя,— сказал Рыбкин,— пойдут водитель Фисенко и Вечера. Я сяду за руль, и мы с вами, Фисенко, —

Участники боев на Халхин-Голе: Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск М. Терехин (справа) и генерал-майор танковых войск М. Потапов

обратился он к брату водителя, — будем вести огонь из пушки и лобового пулемета.

Пули засвистели как будто еще сильнее, когда два отважных бойца выскочили на горячий песок. Они быстро сняли гусеницу и приготовились ее надеть. Командир пытался сдвинуть машину с места. Он долго раскачивал ее, пока бойцам не удалось, наконец, надеть одну гусеницу.

Тревога охватывала командира, когда пронзительно взвизгивали вокруг вражеские пули. Бойцы, с которыми он был спаян огнем и кровью, все время подвергались смертельной опасности. Рыбкин неустанно оберегал их меткими выстрелами из пушки и пулемета. Жара в машине усилилась. Сохли и трескались губы. Рыбкин изнывал от жажды, но последние капли воды оставил для товарищей.

Снова стучат о броню японские пули. Снова острая тревога обжигает сердце командира. Но вот хлынул яркий свет, и в машину вскочили бойцы. Лица их раскраснелись не то от солнца и ветра, не то от возбуждения. Рыбкин обрадовался: ни одной царапины на людях, гусеницы на ходу!

Можно было уже возвращаться, но тут подошла другая машина, с трудом выбираясь из непроходимых песков. Рыбкин решил поддержать ее огнем, пока экипаж будет надевать гусеницы. Люди, не мешкая, принялись за работу, охраняемые огнем из машины Рыбкина. Чуть засвистят пули, пошлет Рыбкин снаряд,— и замолкнет вражеская огневая точка. Изрядно побитые японцы, наконец, нащупали машину Рыбкина. Осколком снаряда, взорвавшегося возле нее, пробило картер. Но все было уже сделано.

— Соседняя машина пошла, товарищи. Тронемся и мы,— сказал Рыбкин.

Водитель быстро и ловко развернулся...

Явившись к командиру Бубнову, Рыбкин доложил о результатах разведки. Он сообщил, что машины без гусениц пускать нельзя,— пески. Потом пошел к своему начальнику и доложил о пробоинах. Начальник объявил:

— Заводской ремонт!

Это означало, что в самый разгар сражений Рыбкин со своим экипажем выходит из строя.

— Ничего не выйдет. Не могу я так,— и тут же попросил разрешения снять маску с одной подбитой машины.

Когда разрешили, отлегло от сердца. Закрыл щитком пулеметные отверстия и снова поехал на разведку. Высмотрел все, что надо, вел меткий огонь, а главное — подобрался к подбитой машине и снял маску. Довольный, привез ее в мастерскую.

— Получайте, да чините поскорей. Ждать некогда.

Мастера сами знают, их торопить незачем. Быстро отремонтировали боевую машину Михаила Рыбкина, и он снова повел ее в бой.

Много еще славных дел совершил этот замечательный экипаж, пока наглый враг не был окончательно разгромлен и уничтожен.

За отвагу и мужество, за смелость и доблесть командир машины Михаил Рыбкин и красноармейцы Василий Фисенко и Михаил Фисенко награждены высшей наградой — орденом Ленина.

★

★

Полковой комиссар Г. СЛЕСАРЕВ

ПОЛИТОТДЕЛ В ДНИ ОБОРОНЫ

Во второй половине мая японцы стали все чаще нарушать границы Монгольской Народной Республики. К нам долетали отрывочные вести с далеких рубежей. Дивизия настороженно прислушивалась к сводкам. Политотдел готовил части к выступлению в район боевых действий.

Ждать выступления долго не пришлось. Первыми отправились на фронт полк майора Ремизова и артиллерийский дивизион капитана Рыбкина. Через двенадцать дней — 29 мая — я получил приказ выступить с артиллерийским полком товарища Полянского, догнать в Баин-Шин-Ту 24-й мотострелковый полк и возглавить колонну.

Предстоял трудный марш. Нужно было пройти 1 000 километров по песчаной бездорожной монгольской степи. До первого пункта двигались по целине. Путь пролагали по азимуту. За ночь прошли свыше 200 километров. Утром вышли на еле заметную дорогу и встретились с 24-м полком.

Был знойный день. Нестерпимо палило солнце. Колодцы в степи — редкость. Запасов воды нехватало. Нередко красноармейцы, сами страдая от жажды, выливали последнюю фляжку в кипящую воду радиаторов.

Работники политотдела были все время с бойцами. Они выполняли мои поручения. Всюду, где что-либо тормозило марш, появлялись политотдельцы. Они следили, чтобы не запаздывала пища, подтягивали колонну. Водители были в центре нашего внимания. Политработники помогали им, подбадривали, облегчали их нелегкий труд. И водители блестяще провели машины по маршруту — почти без единой аварии и поломки.

Я прибыл в полк Ремизова после майских боев. Первый контрудар наших войск охладил воинственный пыл японцев, и они пока воздерживались от наступления. Наши части заняли оборону. Командование поставило задачу: прочно удерживать занятые рубежи в обороне, не отступать ни на шаг, громить все попытки врага прорвать линию фронта. Это стало программой работы политотдела в дни обороны.

Полк Ремизова и дивизион Рыбкина участвовали в первых боях. Бойцы уже знали повадки врага. В этих частях было уже немало героев. Они могли многому научить необстрелянных бойцов.

Я пошел к Ремизову за советом. Так родилась идея созвать совещание красноармейцев, командиров и политработников, наиболее отличившихся в боях. В начале июня состоялось первое совещание. В нем участвовало 130 человек. Открыл совещание героический командир полка майор Ремизов. В течение пяти часов выступали участники боевых действий. Они рассказывали о том, как громили врага, как надо отвечать на коварные приемы японцев, как организовать железную оборону.

Совещание прошло с большим подъемом и принесло огромную пользу. В дальнейшем такие совещания получили название «боевых перекличек халхин-гольцев» и широко практиковались не только в нашей дивизии, но и в других соединениях фронта.

Первое совещание помогло политотделу составить примерные темы бесед в подразделениях. Вот эти темы:

О ночных действиях противника.

О провокациях японцев во время боя.

Враг боится русского штыка — бери японца на штык.

Наши герои.

Маскировка.

Упорство в обороне.

Военная присяга и закон о каре за измену Родине.

Беседы были насыщены яркими, героическими примерами из боевых действий полка Ремизова и артдивизиона Рыбкина.

Участники совещания стали активом политотдела. Мы посылали их проводить беседы в частях дивизии, которые недавно прибыли на фронт и еще не были в боях. Работников в полит-

Маршал Монгольской Народной Республики Чойбалсан на командном пункте

отделе было мало. Во всех частях мы физически не успевали бывать, и актив оказал нам неоценимую помощь.

Первые же крупные бои показали, что наши части многому научились у своих героических товарищей-ремизовцев. В Баин-цаганском сражении, когда японцы пытались окружить наши войска, полк Федюнинского в трехдневных жестоких боях проявил исключительное упорство и героизм. Это было боевое крещение полка.

На полк Федюнинского вместе с танковой бригадой Яковлева легла основная тяжесть разгрома японских провокаторов на Баин-Цагане. Перед контратакой все работники политотдела пошли в этот полк. Нас было всего четыре человека. Два инструктора работали в батальонах и фактически выполняли там обязанности комиссаров, которые по штату не предусмотрены. Секретаря парткомиссии товарища Горчакова я направил в тылы, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение полка питанием, водой и боеприпасами. Я помогал комиссару товарищу Щелчкову. Он работал заведующим организационно-партийной частью политотдела и недавно был назначен военкомом полка.

Хорошо, что весь политотдел был на решающем участке. Но ведь бои шли не только на участке Федюнинского. Сражались с врагами и Рыбкин, и ремизовцы, и другие части. Что

там делалось — мы не знали. Там никого из политотдельцев не было. Здесь сказалось отсутствие резерва политработников, а также и то, что наш политотдел не был полностью укомплектован. В эти дни политотдел был оголен и не выполнял своих обязанностей перед всеми частями дивизии.

После Баин-Цагана в обороне стояла уже вся дивизия. Трудности были большие. Пехоты было так мало, что не удалось даже создать сплошную линию обороны. Группы японцев просачивались через разрывы между нашими подразделениями в тыл, пытаясь создать видимость окружения. Ночные атаки не прекращались.

Задача выковать в этих условиях упорство в обороне была для нас еще более острой и насущной, чем в период первых боев. Что было главным в политической работе? Воспитать в каждом бойце полную уверенность в своих силах, сознание нерушимости воинского закона: что бы ни случилось, без приказа командира не отходить ни на шаг! Этот приказ тем легче выполняется, чем больше люди знают об обстановке и чем крепче связаны со своими соседями.

В середине июля из части Прокофьева донесли, что кавалерийский полк японцев окружает подразделение Свешникова. Мы сейчас же выехали туда. На самом деле никакого японского полка мы не обнаружили. Подобного рода донесения поступали и из других частей. Иногда в штаб присылали делегата связи или звонили по телефону и с тревогой спрашивали, не отходит ли «сосед справа» или «сосед слева». Людям что-то померещилось, вот они и шлют запросы.

Во всех этих случаях я лично, товарищ Горчаков и другие работники политотдела немедленно выезжали на место, разъясняли обстановку. Но задача политотдела заключается не только в том, чтобы регистрировать совершившиеся факты, а предупреждать самую возможность возникновения хотя бы подобия паники. Политотдел обязан знать, что делается во всех частях и подразделениях, связывать соседей, беспрерывно информировать комиссаров и политработников об обстановке. Мало, чтобы политсостав знал обстановку — о ней должны быть осведомлены все до единого бойцы. Чем объяснить, например, что полк Федюнинского был упорнее всех в обороне и бойцы его никогда не отходили без приказа командира? В значительной степени тем, что комиссар полка товарищ Щелчков, секретарь партбюро Пермяков, политрук Кабаньков и другие политработники не жалели ни сил, ни труда, по нескольку раз в сутки обходя подразделения и даже одиночных бойцов и разъясняя им обстановку в полку, у соседей, на фронте.

Это одна сторона политической работы в обороне. Другая сторона — это воспитание в бойцах самоотверженности, стойкости и мужества. Тут были богатейшие возможности для каждого вдумчивого политработника. В каждом подразделении, в каждом полку было множество примеров героизма и отваги. На них мы воспитывали людей. Рассказывая о героях Халхин-Гола, мы особенно подчеркивали храбрость людей, их упорство в обороне, умение отвечать на хитрость врага двойной хитростью, беспредельную преданность Родине. И в самом деле, например, рассказ о действиях бойцов старшего лейтенанта Шевелева был лучшей агитацией за стойкость в обороне.

В ночь на 24 июля на участке Шевелева японцы предприняли атаку. Перед атакой они послали на наши фланги двух лазутчиков, которые истошным голосом кричали «банзай», пытаясь посеять среди красноармейцев панику. Но это им не удалось.

— Будем биться до последнего патрона. Патронов нехватит — в штыки возьмем японцев, — предупредил своих бойцов старший лейтенант.

Но бойцы и без этого предупреждения были полны решимости отразить врага и спокойно ждали атаки. Когда японцы подползли на 40—50 метров, они были встречены шквалом ружейно-пулеметного огня и гранатами. Бой длился около трех часов, огонь наших хладнокровных стрелков все усиливался. Враг бежал, оставив на поле боя груды убитых и раненых. Из роты Шевелева был ранен лишь один человек — дозорный, предупредивший о подходе японцев.

Такие эпизоды мы делали достоянием всей дивизии. Однако в популяризации выдающихся фактов из боевой жизни дивизии мы встречали большие трудности. Долгое время политотдел был лишен такого могучего оружия пропаганды, как газета. Поэтому основной упор был на устную передачу героических примеров. И тут выяснилось, что не все работники политотдела умели ярко и красочно передать волнующие рассказы о беспримерной доблести верных сынов Родины — героев Халхин-Гола.

В этот период, больше чем когда-либо, от работников политотдела требовалась не общая, а конкретная агитация. Нужно было кропотливо и настойчиво учить людей. Нужно было учить бойцов во время ночных атак японцев подпускать врага близко и брать его на штык, готовить днем данные для ночной стрельбы из пулеметов. Нужно было научить людей глубоко влезать в землю, маскироваться, не обнаруживать свои огневые средства.

Эту работу развернули в подразделениях командиры, комиссары, политруки и работники политотдела (во время пребы-

Герой Советского Союза полковник И. Федюнинский

вания в частях). Политотдел должен был обобщать опыт частей, распространять новые формы работы, подсказанные самой жизнью.

Вначале нам очень редко удавалось собирать при политотделе комиссаров, партийных и комсомольских работников. В эти напряженные дни нельзя было ни на одну минуту отвлекать политработников от части. В конце июля обстановка дала возможность вызвать людей из полков, и мы этим воспользовались. Впервые, после долгого перерыва, в политотделе встретились комиссары всех частей. Первое слово по праву было предоставлено комиссару героического Ремизовского

полка Кабанову. Он раньше всех вступил в бой с японцами и сейчас подробно рассказал о своем опыте партийно-политической работы в обороне.

Потом мы отдельно собирали секретарей партийных и комсомольских организаций, начальников клубов.

Как ни ценны подобные совещания, нужно прямо сказать, что в условиях войны не они являются главными формами связи и руководства политотдела частями. Ничто не давало нам таких результатов, как личное посещение частей и подразделений работниками политотдела. Такую возможность мы получили после пополнения политотдела работниками, прибывшими с зимних квартир, и слушателями Военно-политической ордена Ленина академии имени Ленина.

Воспитание стойкого, хладнокровного бойца, уверенного в своих силах, требует ежедневного, упорного обучения личным показом, личным общением. Когда люди сидят в окопах, тщательно замаскировавшись, — митинга, особенно днем, не соберешь. Индивидуальная политическая работа — вот что решает успех в таких условиях.

Днем, когда ничто живое не поднимается над поверхностью земли, действовала печатная пропаганда. Газеты, боевые листки, памятки, листовки передавались из окопа в окоп. Беседы, а иногда даже митинги происходили ночью. Своеобразие и сила этих бесед были в том, что ночью, когда японцы проявляли особенную активность, красноармеец видел рядом с собой политработника, который не только разъяснял ему обстановку, но в случае нападения врага личным примером поднимал людей на контратаку, вел их за собой. Так действовали не только политруки. В эти боевые дни и ночи место комиссара, работника политотдела было на передовой линии, в окопах. Комиссар батальона товарищ Кабанъков потому и сумел так хорошо воспитать своих бойцов, что самоотверженно работал непосредственно с бойцами, шел к людям — в роту, во взвод, в отделение.

Но комиссар, работник политотдела или даже политрук физически не могли охватить своим влиянием всех бойцов, нередко разбросанных на значительном расстоянии. Нужно было опираться на актив в подразделениях, на людей, которые полюбили политическую работу, овладели ее искусством, сделали ее своим оружием в борьбе за создание несокрушимой обороны. Таких людей среди бойцов и командиров было сколько угодно. Многие из них в дни обороны обнаружили незаурядные способности организаторов, мастеров пропаганды — военно-производственной и политической. В большинстве своем это были самые храбрые, самые прославленные герои Халхин-Гола. Яркой фигурой среди таких активистов

Беспощадно уничтожим самурайских гадов до конца

Товарищи бойцы, командиры и политработники

В результате героических боев частей нашего корпуса 21 и 22 го августа японские части: 71 пп, 4 пп, 26 пп и 72 пп полностью окружены. Пути отступления отрезаны. Наши войска начали окончательное уничтожение японских захватчиков.

Нашими частями захвачено много пленных, 36 пушек, 20 пулеметов, 4 миномета, знамена частей, много снарядов и другого военного снаряжения и имущества.

Японцы несут огромные потери.

В лагере врагов, паника и разложение.

Наши листовки обладают большой взрывчатой силой. Советские листовки охотно читают японские солдаты, несмотря на беспощадные карательные меры со стороны японского офицерства.

Массовый характер принимает дезертирство манчжурских и японских солдат и переход их на сторону наших частей. Тысячи дезертиров бродят в японском тылу, японские солдаты все чаще сдаются в плен, утром 22 августа 280 солдат хинганских войск с возгласами — „Да здравствует СССР" перешли на сторону монголо-советских войск в том числе майор, капитан и два младших офицера. Переход солдат противника на нашу сторону продолжается.

Перешедшие солдаты и офицеры написали обращение боргутам и манчжурам с призывами переходить на сторону монголо-советских войск.

Наши части преисполнены решимостью уничтожить подлых гадов до конца. Они с чувством беспредельной любви к СТАЛИНУ, к Социалистической Родине меткими ворошиловскими залпами, гранатой и мощными штыковыми ударами уничтожают самурайскую нечисть. 22 августа наша артиллерия на правом фланге совместно с танками заставила совершенно замолчать артиллерию противника.

Наши части своим мужеством, героизмом и силой своего удара вписывают новую славную страницу в историю героических боевых действий Красной Армии.

Полностью уничтожим бешеных собак, не дадим ни одному самурайскому гаду уйти живым на свою территорию.

Разгромим и уничтожим самурайских псов до конца.

За полную победу, боевые товарищи!

С именем любимого СТАЛИНА,
ЗА РОДИНУ,
ВПЕРЕД!

Политический отдел корпуса.

Обращение политотдела корпуса к бойцам, командирам и политработникам

был доблестный командир пулеметного взвода из курсантов Григорий Доля, слава о котором гремела по всему фронту.

Еще когда автоколонна двигалась на фронт, Доля выделялся как многообещающий, спокойный и уверенный командир, умеющий подойти к людям, разъяснить просто и ясно обстановку. Во время налета японской авиации отдельные курсанты растерялись. Кто-то кричал водителю: «Останови машину! Куда везешь прямо под самолеты?»

Доля собрал взвод и умно высмеял паникеров.

— Подумайте сами, — говорил он, — машина идет со скоростью 30 километров в час, а самолет — 500 километров. Куда же может подвезти нас машина, и какое имеет значение, стоит она или двигается?!

Люди сразу устыдились своего поведения, успокоились и в дальнейшем организованно и дисциплинированно вели себя при воздушной тревоге.

В обороне, особенно ночью, Доля заботливо готовил каждого бойца на случай вражеской атаки. Еще днем он сам выбирал площадки для пулеметов, давал полосу обстрела, наводил пулеметы так, чтобы пули ложились в 30—40 метрах от окопов, поражая подползавших врагов.

В тревожные ночи Доля по нескольку раз обходил отделение, беседовал с бойцами, разъясняя им обстановку, рассказывая о коварных приемах японцев, напоминая о бдительности.

— Если не уснем, — говорил Доля, — никакая сила нас не возьмет, никакой враг не сломит.

При ночных атаках Доля подпускал японцев поближе и открывал по команде огонь из всех пулеметов. Сам отличный гранатометчик, он учил бойцов не тратить зря гранат, бросать их только с появлением цели.

Политработники заметили героя-пулеметчика, помогали ему. Однажды, находясь с Долей в окопе у пулемета, секретарь партбюро Пермяков посоветовал ему подать заявление о приеме в партию и выразил готовность дать рекомендацию.

7 августа на передовой линии парткомиссия принимала Долю в ряды партии. В своем заявлении отважный пулеметчик писал:

«Прошу парторганизацию принять меня кандидатом в члены ВКП(б). Учитывая настоящую боевую обстановку, в ответ на листовки проклятых провокаторов, где они пишут: «Мы бьем только коммунистов», я решил доказать им еще раз, что у нас каждый честный гражданин хочет и старается стать коммунистом и бить проклятых врагов счастливого советского народа в любом месте на их территории так, как я их бил с 3 июля по настоящий день и еще крепче буду бить. Наркомовскую норму — 20 человек за одного нашего убитого — я уже перевыполнил и еще буду перевыполнять. Прошу парторганизацию не отказать в моей просьбе. Все решения партии и правительства я обязуюсь проводить в жизнь так, как я провожу их в настоящем бою».

Доля был принят в кандидаты партии и тут же, на передовых позициях, получил партийный документ.

Такие люди, как Доля, — а их с каждым днем становилось все больше и больше, — были неотъемлемой частью нашего партийно-политического аппарата. Без этого актива мы бы не могли решить и наполовину те большие задачи, которые стояли перед нами в боевой обстановке.

Актив этот создавался не сразу. В мирных условиях далеко не все наши политработники, особенно политотдельцы, доходят до отделения, до бойца. Мы мало знали ротный актив, не задумывались над тем, как будем работать на фронте. Боевой опыт показывает, что политотдел может рассчитывать на силы десятков и сотен помощников в каждой части, в каждом подразделении. Надо только поискать таких людей и приблизить их к политотделу.

Так изо дня в день росли наши силы в обороне, накоплялся опыт партийно-политической работы. Несмотря на необычные условия, партийная работа проходила оживленно: мы научились непосредственно на передовых позициях принимать лучших людей в партию, оформлять тут же партийные и комсомольские документы и т. д.

В августе части фронта готовились к генеральному наступлению. Опыт, полученный политотделом в дни обороны, послужил основой огромной политической работы, развернутой в период подготовки к наступлению и во время самого наступления. О героизме бойцов, командиров, комиссаров и политработников, о боевых заслугах дивизии в целом свидетельствует высокая награда Правительства. 36-я мотострелковая дивизия награждена орденом Ленина. Все ее части также награждены орденами Союза ССР.

Для меня лично после академии имени Ленина бои у Халхин-Гола были второй академией, удвоившей мои знания, обогатившей мой опыт.

★

★

К. СИМОНОВ

ПОХОДНАЯ ХАЛХИН-ГОЛЬСКАЯ

Высоко над степью пылают знамена,
Монгольские ветры шумят,
Идут эскадроны, идут батальоны,
Походные кухни дымят.

На желтых барханах колышутся травы,
Где наши друзья полегли,
В жестоком бою защищая со славой
Границы советской земли.

Над прахом их головы мы обнажили,
Сверкнув остриями штыков.
За каждого друга мы тут положили
По двадцать заклятых врагов.

В степные просторы, в бескрайние дали
Японцы войною пришли;
На этой земле мы им места не дали,
Зато под землею — нашли.

Трубили их горны, и ржали их кони,
Как будто пришли на парад.
Живым ни один не ушел от погони,
Никто не вернулся назад.

Где были полки их, там пусто и голо,
Лишь кости белеют одни.
Запомнят они берега Халхин-Гола,
Позор свой запомнят они.

Летают орлы над широкою степью,
В равнинах шумят ковыли.
Стоим мы на сопках железною цепью
На страже священной земли.

★

★

Красноармеец Д. РУСАЕВ

РАССКАЗ О ПОЛИТРУКЕ

I

Политрук Злыгостев, приступивший к обязанностям политического руководителя снайперской команды, только что возвратился из поездки. Недавно он во главе батальона побывал у границы Монгольской Народной Республики. Батальон шел в район боевых действий. Едва он успел прибыть к границе, как его вернули обратно.

Политрук был обижен. Командир снайперов, старший лейтенант Богатый, утешал его:

— Ничего, Злыгостев, еще повоюем!

И вот пришло 15 июля 1939 года. Час настал. Некоторые матери нашей страны вскоре получили коротенькие письма, посланные им в этот день.

«Дорогая мама! Писем пока не пиши, я переезжаю. Сообщу новый адрес. Твой сын...»

II

Батальон Погодина, в котором находилась и рота Злыгостева, первым из нашего соединения вышел на передовую ли-

нию фронта. Люди бесшумно заняли окопы. Они смотрели, как расхаживают по своей стороне кичливые японцы. Затаив дыхание, крепко сжимая винтовки, следили наблюдатели за каждым движением врага.

Политрука Злыгостева, высокого, чуть сутуловатого человека, можно было видеть везде. Вот он расспрашивает бойцов, хватает ли им хлеба и сахара; вот он осматривает оружие, инструктирует агитаторов, проводит беседы с красноармейцами, разъясняет им обстановку.

За чуткость, отзывчивость, за твердое руководство бойцы полюбили своего политрука. Они с нетерпением ждали первого боя и спрашивали, скоро ли он будет. Политрук отвечал, что скоро.

16 августа командир батальона дал боевое задание взводу этой роты. Вместе со взводом пошел и политрук.

Перед выступлением Злыгостев обвел пристальным взглядом своих товарищей. Лейтенант Шевченко, отделенный командир Широков, бойцы: Истомин, высокий и худощавый Костин, всегда веселый пулеметчик Александров, Чистяков, Бояркин... Готовы ли они? Политрук внимательно смотрит. Ни тени беспокойства, бойцы улыбаются, шутят.

Тихо отдана команда, и взвод, вооруженный винтовками, ручными пулеметами и гранатами, двинулся в путь, навстречу своему боевому крещению.

Выполняя свою задачу, взвод чуть не попал в окружение. Японцы, значительно превосходящие силами, открыли жестокий огонь с близкого расстояния. Наши бойцы залегли, стали отвечать, отбивая атаки врага. Политрук бил из винтовки, а когда перестрелка достигла высшего напряжения, сам лег за пулемет.

Но силы были далеко не равны. Уже и во взводе появились потери: сражены лейтенант Шевченко и еще двое бойцов. Нужно было немедленно вывести из-под обстрела взвод, прикрыв его отход метким и интенсивным огнем. Как пулеметчик обеспечит отход взводу, как выполнит эту исключительно трудную задачу, требующую громадной выдержки, самоотверженности, большого огневого мастерства?

Взгляд политрука остановился на пулеметчике Александрове, который спокойно расстреливал по врагу диск за диском. Александров почувствовал на себе взгляд политрука и обернулся. Он понял мысль своего начальника и товарища. Все стали отступать, остался он один.

Александров — воспитанник ленинского комсомола, глубоко преданный своей Родине. В армии он стал умелым и стойким бойцом. Он верил политруку и любил его. Пулемет Александрова работал безотказно, и враги не посмели преследовать взвод. Вот уже бойцы вышли из-под обстрела, но тут они

Санитар выносит раненого с поля боя

заметили, что Александров прекратил огонь. У каждого острой болью сжалось сердце: наверное, погиб товарищ.

Когда возвратились в свое расположение, произвели перекличку. Оказалось, что, кроме Александрова и троих убитых, недостает еще бойца Яичникова. Неужели погибло пятеро?

Между тем Александров, умело маскируясь, сумел невредимым оторваться от противника. По пути он встретил отставшего бойца Яичникова, и они вместе вернулись к своим. Радостна была эта встреча. С любовью и гордостью смотрел политрук на своего лучшего воспитанника.

III

Два дня уже идет генеральное наступление. Смыкается железное кольцо наших войск вокруг японцев. Враг отчаянно защищается. Но порыв наших частей неудержим. Артиллерия и авиация буквально сметают с лица земли барханы вместе с засевшими в них японцами, танки беспощадно давят огневые точки врага. Черный дым тучами расползается над фронтом. Наша пехота предпринимает по нескольку атак в день, занимая бархан за барханом.

— За Родину! За Сталина!

Этот клич помогает крепче держать винтовку в руках. Услышав его, даже тяжело раненые снова берутся за оружие.

Политрук Злыгостев уже побывал в двух сражениях.

— Вперед, товарищи! Смерть врагам! — восклицает он, кидаясь в третью атаку.

Противник ведет яростный огонь. Политрук чувствует, как обожгло его руку.

— Вы ранены! — кричит ему боец.

Политрук взглянул, увидел, что сквозь рукав гимнастерки просачивается кровь. Стиснув зубы, двинулся дальше. Высота была занята, — и только тогда раненый политрук в сопровождении бойца Егорова, весельчака и ротного запевалы, отправился на пункт первой помощи.

— Товарищ Егоров! — сказал политрук, прощаясь, — скажите бойцам, что я вечером вернусь...

Егоров с удивлением посмотрел на него и сказал:

— Едва ли, товарищ политрук... Не пустят вас.

IV

В боях у Халхин-Гола нелегко было отправить раненых с передовых позиций. Они сами себе делали перевязки, скрытно от врачей, чтобы не попасть в госпиталь. Они доставляли вра-

чам много заботы. Того и гляди, что убегут обратно в свои подразделения.

Политрук Злыгостев вместе с младшим политруком Чижовым сбежали из самого госпиталя. Пересаживаясь с одной машины на другую, они добрались до своей части...

Тут уже вскоре отгромыхали пушки. Смолкла девятидневная канонада. Не слышно больше гула моторов в воздухе. Враг уничтожен. Спокойствие. И только часовые зорко вглядывались вдаль, настороженно ловили каждый шорох, чтобы предотвратить какую-нибудь новую подлость врага.

★

★

Герой Советского Союза капитан В. КОПЦОВ

ВОСЕМЬ ЧАСОВ В ОСАЖДЕННОМ ТАНКЕ

Это было в дни августовского наступления. Рано утром стало известно, что японцы усиленно накапливают войска. Мой батальон получил задание разгромить японские резервы. Утро было довольно оживленное. В воздухе несколько раз проносились самолеты, вокруг гремела артиллерия, японцы не переставали подбрасывать подкрепления. Я собрал своих бойцов и командиров, рассказал, как мы будем действовать. Вскоре двинулись в атаку.

Сначала противника не было видно. Но вот показались отдельные группы японской пехоты, грузовики с солдатами, команды «смертников» с длинными бамбуковыми шестами в руках. В каждой роте японской пехоты есть такая противотанковая команда. Мы прозвали этих солдат «смертниками». Я наблюдал за их движением. Они шли впереди своей пехоты. В руках у них были бутылки с горючим, мины и бамбуковые шесты. Как только появлялись наши танки, «смертники» ложились на землю и шестами старались подвинуть под гусеницы заранее раскиданные мины.

Мы быстро разгадали коварство врага. Каждая идущая впереди машина, обнаружив такого «смертника», открывала по

нему огонь. Механики-водители уничтожали их огнем, давили гусеницами.

Так мы действовали и на этот раз. Когда механик-водитель Калинин доложил, что впереди «смертники» с шестами, я приказал пойти на них зигзагом. Все три «смертника» оказались уничтоженными.

Перед нами развернулась панорама японских войск. Не прошло и нескольких минут, как все место их расположения было охвачено пламенем. Наши танки все время вели уничтожающий огонь по японцам. Мы видели, как горят машины, подвозящие вражескую пехоту, как в панике разбегаются солдаты. Противотанковые пушки японцев уничтожались еще до того, как их успевали отцепить от машин.

Мой танк шел впереди остальных. Я решил еще раз пройтись по остаткам японских войск. В этот момент услышал, что по нашей броне тарахтят пули. Башенный Мажников доложил:

— Нас обстреливают!

Вслед за ним сообщил водитель Калинин:

— Впереди колонна японцев!

Ни на минуту не прекращая огня, я сказал Мажникову:

— Пускай стреляют, не беспокойся!

Водителю Калинину приказал итти полным ходом на колонну противника. Прошли метров двести, снова слышится голос водителя:

— Танк не слушает поворотов. Подбита гусеница.

Тут же отдаю распоряжение:

— На месте не стоять, двигаться с подбитой гусеницей.

Обстреляв из лобового орудия подбегавших к танку японцев, я бросился к тыльному пулемету и дал большую очередь по вражеской огневой точке. Но тут начал бить крупнокалиберный японский пулемет, а мой почему-то отказал. Нас обстреливали со всех сторон. Положение осложнялось еще тем, что мы остались одни. Двигаться с подбитой гусеницей было трудно. Танк вертелся на одном месте.

Экипаж у меня был молодой, как говорят, еще необстрелянный. Я объяснил водителю и башенному, что спасение зависит от наших действий. Надо вести круговое наблюдение, немедленно докладывать, если хоть один японец приблизится к танку. Мажникову я поручил приготовить к действию все боеприпасы и гранаты.

— Будем биться до последнего дыхания. Умрем, но в плен не сдадимся.

Японцы продолжали скопляться на бархане, а мы понемногу двигались. Водитель наблюдал впереди, докладывая обо всем замеченном, а башенный заряжал орудие, одновременно ведя наблюдение в своем секторе.

Тут я заметил, что как только танк приостановится, японцы перестают в него стрелять. Как видно, они предполагали, что мы почти все погибли. Это я учел и приказал заглушить мотор, задраить люки, прекратить огонь и сидеть всем в машине, ограничиваясь лишь наблюдением. Решили не двигаться до наступления темноты. А там выйдем из машины, приведем ее в порядок.

В танке было невыносимо душно, темно. Спертый воздух, сильный запах пороховых газов. Валялись еще горячие гильзы, портфели от снарядов. Время от времени наши лица озарялись тусклым светом маленькой электрической лампочки. Ее зажигали, когда нужно было отыскать снаряд или приготовить патроны.

Вокруг то и дело шныряли японцы. Водитель Калинин, упершись лбом в люк, не переставал наблюдать за ними. Башенный Мажников тоже все время вел наблюдение, вращая руками приборы. Иногда кто-либо из нас произносил несколько слов, и снова наступала тишина. Глаза настолько утомились от беспрерывного напряжения, что временами мы просто слепли. Пока смотришь в прибор, видишь, а чуть отнял глаза от прибора — кажется, что ты ослеп. Приходила мысль открыть люк, чтобы лучше было ориентироваться. Но как только я брался за люк, Калинин и Мажников в один голос кричали:

— Не открывайте, вас убьют!

Они хватали меня за руки и за ноги, не давая подняться вверх. Их опасения имели некоторые основания. Каска, которую мы еще днем выставили на верхушку башни, была прострелена в нескольких местах.

Итак, мы находимся в осажденном танке. Японцы, как змеи, ползают вокруг нас. Их много, а нас только три человека. Вывести танк возможно лишь под покровом темноты. Таково мое твердое решение, и я сообщил о нем экипажу. Башенный Мажников попросил, чтобы его выпустили из машины. Он сказал, что проберется к своим и приведет помощь. Я не разрешил ему выходить. В броню продолжают бить вражеские пули.

Время идет. Во рту горько, хочется пить. Мысль работает напряженно. Состояние у всех тяжелое. Я разрешил курить, после того как были приняты необходимые меры против пожара. Спросил, сколько у нас воды, какой запас продуктов. Водитель Калинин доложил, что воды четверть бака, а продуктов хватит на трое суток. Башенный Мажников подсчитал остаток боеприпасов — осталась ровно половина. Папирос — пять пачек, спичек — три коробки.

Решили перейти на голодный паек. Воду пить — через час,

по три глотка. Курить — через час, по одной папиросе. Спросил, кто хочеть есть. Оба танкиста отказались от еды.

Когда ветер стал дуть в нашу сторону, японцы подожгли траву, и на нас двинулась огненная стена. Машину охватили длинные языки пламени. Казалось, еще минута, — и танк взорвется. Но все обошлось благополучно. Я сделал приятный вывод для себя: значит, наши танки могут преодолевать участки горящей травы.

Почему-то захотелось петь. Тихим голосом я запел ту песню, которую слышал в отцовском партизанском отряде. Танкисты спрашивают у меня:

— Что это вы запели, товарищ командир?

— Если придется умереть, то с песнями, — ответил я и продолжал петь.

Спросил, нравится ли моя песня. Песня понравилась.

— А умирать все-таки страшно, — вдруг произнес Калинин.

В ответ на это я рассказал бойцам всю свою жизнь. Мой отец ушел добровольцем в Красную гвардию. Вскоре и меня взял в отряд. Первое время я водил лошадей на водопой. Потом стал участвовать в схватках с врагом. Было мне тогда четырнадцать лет. Отца убили в бою. В конце 1921 года я поехал в город, где мы оставили мать, но не нашел ее там: мою мать повесили деникинцы. С тех пор я неразлучно связал свою жизнь с Красной Армией и в 1925 году вступил в партию. Кончил рассказывать, чувствую, что настроение моего экипажа поднялось. Башенный Мажников говорит:

— Мой отец тоже погиб в гражданскую войну.

Снова возникла в памяти знакомая отцовская песня...

— А как будем надевать блокирующие кольца ночью? — спросил водитель.

Я объяснил, что один будет сидеть за пулеметом и пушкой, другой выйдет из танка с ручным пулеметом и гранатой, третий станет надевать блокирующие кольца. Первый следит, чтобы японцы не подошли спереди и справа, второй следит, чтобы они не подкрались сзади и слева, а третий как можно скорее наденет кольца.

Солнце на закате. Приказываю приготовить все для восстановления и вывода машины. Бойцы спрашивают меня, как мы поступим, если нас окружат до наступления полной темноты.

— Будем драться до последнего патрона. Из танка не выйдем. Когда японцы начнут ломать люки, станем бить их из личного оружия. Если им удастся поджечь танк и положение станет безвыходным, подложим под себя ручную гранату и погибнем с честью, лишь бы не попасть в плен живыми.

— Умереть, так всем вместе, — согласился Мажников.

Мы заранее обдумывали десятки положений, в которых можем оказаться, и все наши решения сводились к одной мысли: в плен не сдаваться ни в коем случае. Вот зашел разговор о том, как быть, если не удастся восстановить танк и придется пробираться к своим войскам пешком. Тотчас же возник план. Впереди пойдет с пулеметом башенный, в середине — я, замыкающим будет водитель. Держаться на расстоянии не более пяти метров друг от друга. Головной наблюдает впереди себя, средний смотрит влево и вправо, а замыкающий — назад.

Когда ранят одного из нас, подается сигнал. Раненому оказываем немедленную помощь. Убитого тоже не оставлять на поле боя, а забрать с собой.

Солнце уже почти скрылось. Японцы снова начали подкрадываться к нашей машине. Не вытерпело мое сердце. Я шарахнул осколочным снарядом. Как горох, посыпались японцы от танка. Снова разгорелся бой. Но в это время я услышал голос башенного:

— Товарищ командир, танки идут!

Водитель крикнул:

— Смотрите, куда они идут. Наши ли это?

Убедившись, что танки наши, я велел приготовить все для буксировки. На горизонте, примерно в двух тысячах метров от нас, появились танки. Впереди один, за ним еще два. Я хотел посмотреть в оптический прибор, но он оказался выведенным из строя. Кинулся к триплексу. Башенный доложил, что триплекс побит и видимости никакой нет. Развернули башню и стали наблюдать через прицельный прибор. Танки подходили все ближе к нам.

— Ура, о нас не забыли! — в восторге закричал кто-то из нашего экипажа.

На пути к нам танки открыли огонь по японцам, и те в панике бежали.

Один танк на большой скорости подскочил к нашей машине. Механик-водитель Лазарев выпрыгнул из люка, набросил цепь на крюк и снова быстро вскочил на свое место.

Мы были спасены!

★

★

Пулеметчик Г. ДОЛЯ

КАК МЫ БИЛИ ЯПОНЦЕВ

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Третьего июля 1939 года на горе Баин-Цаган мы вступили в бой с японцами. Это был день нашего боевого крещения.

Трудно в жаркую пору двигаться с пулеметами. К тому же нам мешал сильный артиллерийский огонь противника. Меня и некоторых товарищей несколько раз засыпало землей. Но мы продолжали упорно итти вперед. Артиллерийский огонь все усиливался. Вскоре я научился определять по жужжанию и свисту снарядов их направление. Говорил товарищам: этот перелетит, этот не долетит, а теперь ложись, пока не поздно.

Взвод уже почти достиг передней линии. Японцы нас заметили и открыли сильный пулеметный и ружейный огонь. Тогда скрытыми подступами, используя самые мелкие складки местности, я выдвинул вперед на удобную позицию два пулемета. Мы начали стрелять. Но тут с одним пулеметом случилось несчастье. Наводчик Якушев докладывает, что пулемет заклинило. Какая досада! Я находился метрах в трех от этого

пулемета. Осторожно подполз, устранил задержку и тут же сам открыл ураганный огонь. Через короткое время мы заставили противника замолчать.

ВОДА

Следующий день был таким же жарким. Страшно хотелось пить. Но воды не было — ни для людей, ни для пулеметов. Где достать воду? Этот вопрос мучил нас всех. Люди только и думали, что о воде, а речка была занята противником. Пользуясь затишьем, я взялся достать воду и обещал политруку не возвращаться без нее.

Взял машину и трех бойцов. Едем к расположенной недалеко от нас монгольской части узнать, где есть худул (колодец). Монголы встречают нас, как родные братья, угощают чаем, но говорят, что «худул бахкуй» (нет колодца).

Что тут делать? Кое-как узнаю, что наш правый фланг подходит близко к речке. Подъезжаем туда. А по берегу противник ведет ураганный огонь, сверху бомбят его самолеты.

«Дорого,— думаю,— обойдется нам вода!» Но возвращаться без нее нельзя. Ведь я дал политруку обещание.

— Давай газу — и к реке! — сказал я водителю.

Машина быстро помчалась. Не успели мы спуститься с берега, как около нас разорвались три снаряда. Автомобиль сразу же окутало дымом. Один из бойцов — тов. Лобачев — был ранен осколком в ногу. Мы быстро погнали машину в кусты и перевязали раненого товарища...

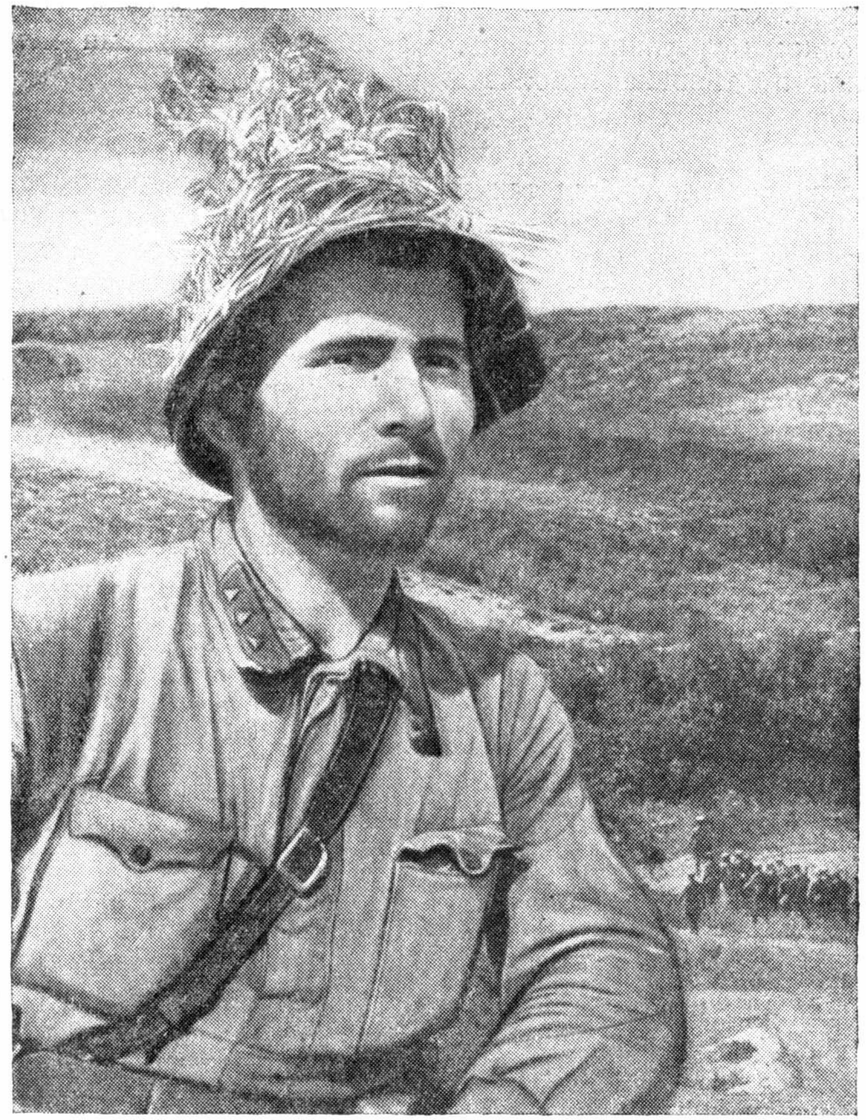
Трудно передать наслаждение, которое испытываешь, когда через пересохшее, запекшееся от жажды горло проходит первый глоток холодной, вкусной воды. Напившись всласть, мы стали набирать воду для бойцов. Наполнили котелки и фляги. Но всего этого мало. Еще мало было драгоценной воды, которая стоила нам крови. Что делать? Наконец, выход нашелся. Я приказал снять ремни и набрать воду в плащ-палатку. Так и сделали. Воды хватило и для бойцов и для пулеметов.

Нужно было видеть, с какой радостью встретили воду наши истомившиеся от жажды товарищи! Бойцы нас благодарили. Благодарил и полковник Федюнинский, ныне Герой Советского Союза. Даже «Максим», и тот, наполненный водой, выглядел прохладным, чистеньким и довольным.

НОЧНАЯ АТАКА

На поле было тихо, шла лишь незначительная перестрелка.

Вдруг послышалось воющее жужжание японских истребителей. Они летели прямо над нашими головами и обстреливали нас из пулеметов. Но мы так укрылись, что ни одна вражеская пуля не причинила нам вреда.



Отважный пулеметчик Г. Доля

Потом из щели вылез командир роты. Он приказал наступать на гору Баин-Цаган, на японцев, зарывшихся в пески.

Местность была ровная. Солнце стояло еще высоко, и огонь противника сильно мешал нашему продвижению. Больше километра пришлось проползти на коленях и на животе. Но вот солнце стало уходить за сопки. Скоро на западе осталась только широкая красная полоса. Потом она постепенно слилась с потемневшим небом. Наступила ночь — темная, безлунная монгольская ночь. Теперь японский огонь стал бесцельным. Мы продвинулись еще немного вперед и оказались на передней линии. Сделалось еще темнее. Только посылаемые пулеметами трассирующие пули — красные со стороны противника и светлые с нашей стороны — со свистом летели в черноте ночи. Противник, чуя свою гибель, ревел звериным воем. Несколько раз бросался он в контратаки, но все они оказались безрезультатны, хотя японцев было значительно больше, чем нас. Примерно около двух часов ночи мы подобрались к японцам на двадцать метров.

Я находился справа от командира батальона старшего лейтенанта Кожухова — бесстрашного командира, впоследствии героически погибшего. На долгие годы мы сохраним память об этом храбром человеке! Большой и сильный, он поднялся во весь свой рост и крикнул: «За Родину! За Сталина!»

У пулеметов остались одни лишь наводчики. Все остальные с криком «ура» бросились в атаку за своим командиром. Вокруг нас взрывались гранаты.

Наши пулеметы прекратили огонь. Мы пробежали двадцать метров в одно мгновение. Зазвенели японские каски от ударов нашего русского штыка.

Я был рядом с товарищем Кожуховым и держал наган в руках, стараясь не тратить ни одного патрона впустую. Но вот у меня кончились патроны. И тут, как назло, налетает офицер, размахивая длинным клинком. Защищаться мне нечем. Мгновенно в голову пришла мысль: ведь лопатой тоже можно бить врага. Быстро вытаскиваю лопату и подставляю под клинок. Не успел офицер нанести мне удар, как сбоку один из наших бойцов вонзил в него штык. Офицер с криком упал на землю. Я схватил его винтовку, и вместе с этим красноармейцем мы закололи еще двух японцев. Я до сих пор жалею, что в темноте и горячке боя так и не узнал фамилии товарища, спасшего мне жизнь.

Вокруг слышались стоны раненых японцев. Атака кончилась.

Небо на востоке побелело. Начинался новый день. Когда стало совсем светло, мы увидели результат своей ночной работы. Гора Баин-Цаган была завалена японскими трупами. Вдоль реки понуро стояли брошенные японцами машины. Так кончилось сражение, названное Баин-цаганским побоищем.

Этим утром мне поручили новое дело: назначили командиром пулеметной роты.

ВРАГИ ПЫТАЮТСЯ ЗАСТАТЬ НАС ВРАСПЛОХ

Враг укрепился на другой стороне реки.

Ночью тихо, без малейшего шума, мы подобрались к сопкам, где окопался противник. Утром под прикрытием артиллерийского огня пошли в наступление. Примерно к десяти утра наши пулеметы уже выдвинулись на огневые позиции. Шел сильный бой. Свистели пули, разрывались снаряды, в воздухе непрестанно гудели самолеты, обстреливавшие нас.

Понемногу небо заволокло тучами, и к вечеру пошел сильный дождь. Свои пулеметы я приготовил к ночной стрельбе. Быстро стемнело. Бойцы промокли до ниточки, но были начеку.

В течение всей ночи японцы, подбодренные спиртом, кричали на разные голоса, желая вызвать у нас панику. Один раз попытались пойти в атаку, но были отбиты. Больше никаких «неожиданностей» в эту ночь не было.

На следующую ночь, 9 июля, стояла полнейшая тишина. Вдруг с левого фланга, без всякого предварительного крика (как это обычно бывало раньше), застрочили пулеметы, раздались ружейные выстрелы. Стали рваться гранаты, освещая огнем наши окопы. Враг несомненно рассчитывал застать нас врасплох. Да не тут-то было. Мои бойцы всегда на своем месте. По команде «огонь» заработали наши пулеметы, вспорхнули гранаты, от которых разлетелись враги. На левом фланге, не считая меня, находилось всего пять человек: Тихомиров, Федоров, Карасев, Свинцов и Татаринов с двумя станковыми пулеметами. Я подбадривал своих бойцов:

— Не робей, ребята! Ведь у нас большевистская крепость!

Враги опять были отбиты.

После этого я пошел на правый фланг. Там все спокойно. Командир и комиссар батальона благодарили меня за действия нашей шестерки...

Видя, что ни атаки, ни хитрость, ни безумие солдат, одурманенных вином и религией, не могут сломить силу воинов страны социализма, японцы решили обрушить на нас танки.

Произошло это в ночь на 11 июля. Гул танков мы услышали издалека. Я подал команду:

— Приготовиться к противотанковой обороне!

Вскоре появились «жданые гости». Как пошли наши пулеметы строчить бронебойными пулями, только искры разлетались от танков да слышно было звяканье свинца. Так и пришлось непрошенным гостям убраться во-свояси.

С этих пор японцы, очевидно, поняли, с кем они имеют дело, и стали гораздо осторожнее в своих атаках. Наконец-то они заметили, что после атак у них мало кто возвращается живым.

ДВАДЦАТОЕ АВГУСТА

Все бойцы ждали с нетерпением, когда настанет час расплаты с врагом. И этот час настал. День 20 августа 1939 года навсегда останется в нашей памяти.

Наступление началось утром по всему фронту. Двинулись и мы. Нас сопровождали танки. Не отставала и противотанковая артиллерия.

От исходного положения до сопки было около пяти километров. Нелегко было пройти этот путь с пулеметами под

артиллерийским обстрелом противника. Но все время мы видели перед собой боевое красное знамя. Двигались за ним ползком и перебежками. Нам нужно было занять сопку, которую японцы основательно укрепили.

Вот танки прорвали проволочное заграждение и начали бить прямой наводкой по блиндажам противника. Мы побежали вперед. К вечеру наше подразделение заняло передний край японской обороны. Там мы хорошо окопались. Тут к нам пришел полковник Федюнинский. Он стал беседовать с бойцами. В это время у его ног разорвалась мина. Полковник был ранен.

Ярость на врагов вскипела в наших сердцах: «Подождите, расплатимся за кровь нашего боевого командира и друга сотнями ваших поганых тел!» Отделенному командиру Попову было приказано доставить полковника Федюнинского к санитарной машине. Вскоре тов. Попов возвратился и доложил, что приказание выполнено.

За ночь мы хорошо подготовились, чтобы прорвать фронт японцев и занять их оборону. Утром вместе с танками двинулись вперед и закидали окопы противника гранатами. Японцы в панике стали бросать оружие и удирать, а наши пулеметы этого только и ждали. Сопка была очищена. На ней японцы оставили двенадцать пушек, много снарядов, пулеметов, винтовок и гранат. Некоторое время спустя противник открыл минный огонь с соседней сопки, но мы успели хорошо окопаться...

Вечером, когда уже совсем стемнело, мне было приказано выдвинуть пулемет перед сопкой и приготовить его для ночной стрельбы. Приказано — сделано.

Мы уже достаточно хорошо познакомились с приемами врага и поэтому удесятерили свою бдительность. Выслали вперед дозоры и стали прислушиваться к ночной тишине. Вдруг дозорный бросает гранату, потом бежит к нам и сообщает, что подползают японцы. Тотчас же мы услышали крики: «Банзай!» Японцы атаковали установленный впереди пулемет и ранили пулеметчика штыком в бок. Раненый боец, истекая кровью, бился с врагами, забрасывал их гранатами и, отбившись, отошел к нам. Я и командир отделения Синцов в упор расстреливали атакующих. Одновременно следили, чтобы в обороне не образовалось слабое место.

Командир взвода Зейдлин не заметил, как в него полетела граната. Она разорвалась рядом и ранила командира в голову. Бойцы знали, что командир ранен, но продолжали отражать атаку.

Вскоре крики «банзай» перешли в стоны. Японцы кинулись в старые окопы, которые находились тут же, рядом с нами,

Штурм высоты Песчаной. Рукопашный бой в траншеях японцев. *С картины худ. М. Соловьева.*

После разгрома. Трупы японских солдат

и там спрятались. Наши гранаты не давали им покоя. Немало японцев нашло себе здесь могилу.

Один из раненых японцев среди темной ночи закричал страшным голосом. Я решил забрать живым вопившего врага. Командир Прокофьев предупредил меня, что он там, вероятно, не один и что надо быть осторожным. Тогда я взял с собой тт. Забазнова и Ефремова. Когда подошли к этому раненому, около него оказалось шестеро убитых. Пройдя еще два окопа, мы вдруг наткнулись на шестерых живых японцев, которые негромко закричали что-то вроде «халя-халя». Тов. Забазнов в упор убил из нагана одного из них и быстро побежал к пулемету. В это время я из винтовки застрелил еще двух. Но вот около самого моего носа сверкнул японский штык. Я быстро отбил винтовку, да так, что она вылетела из рук японца. Вижу — сзади меня еще один. Я отскочил в сторону и уложил его прикладом на вечный покой.

Стало рассветать. Мы увидели множество японских трупов. Нужно было обойти окопы и посмотреть, не остался ли еще кто. Я взял с собой десять стрелков. Как только мы подошли

к одному из окопов, смотрим — оттуда выбежали двенадцать японцев и пустились наутек, к своим. Видно, они надеялись спастись. Но кто их упустит! Наши пулеметчики уничтожили всех до одного.

После этого с двумя пулеметчиками мы забрали четыре японских пулемета, тридцать пять винтовок, ящик патронов и много других трофеев. Подсчитали вражеские трупы. Их было тридцать девять. Один японец ухитрился сбежать. Ну, что же, пусть расскажет своим, как трудно воевать с большевиками.

* * *

23 августа, в разгаре боев, меня приняли в кандидаты партии. Никогда не забуду этого дня! Теперь я — партийный большевик.

И вот я сижу за столом и пишу эти беглые записки и вспоминаю всю свою жизнь с самого детства, бедную крестьянскую семью, смерть отца, мучения матери, оставшейся с тремя ребятишками, мечты о школе и вместо школы — тяжелая и унизительная батрацкая работа у кулака. Потом работа на советской фабрике и, наконец, в 1935 году призыв в Красную Армию, с которой я навсегда связал свою судьбу.

Мне понравилась жизнь в Красной Армии, и я подал докладную о сверхсрочной службе. В 1938 году уже командовал пулеметным взводом полковой школы. Потом поступил на курсы младших лейтенантов. Учиться было трудно. Но я знал — учиться нужно отлично. И вот мне, имеющему звание старшины, удалось провести июльские и августовские бои у реки Халхин-Гол на посту командира роты.

Снова и снова вспоминаю свой короткий жизненный путь и вижу, как много дала мне моя партия, моя советская власть, моя Красная Армия, мой Сталин!

Я жив и здоров. Награжден орденом Красного Знамени. Не получил ни одного ранения, ни одной царапины, хотя моя рота ни разу не выходила из боя и не было в батальоне ни одного горячего дня без моего участия. И когда я беседую об этом с товарищами, говорю им в шутку:

— Да так, собственно, и должно быть. Нет в Японии такой пули, нет такого снаряда, которые могли бы убить Григория Долю, бывшего батрака, а теперь счастливого советского человека...

Говорю я это в шутку, а всерьез думаю: никогда не победить капиталистам людей, которые были батраками, подневольными рабочими и крестьянами и которые стали хозяевами жизни.

Нет и не может быть у капитализма таких пуль и снарядов!

★

Герой Советского Союза капитан М. ЛУКИН

РЕЙД ПО ТЫЛАМ ЯПОНЦЕВ

Утром 21 августа я получил приказ командующего северной группой фронта полковника Алексеенко: со сводным батальоном танков поступить в распоряжение майора Алексеева. Майор Алексеев командовал войсками направлявшимися в тыл японцев с целью их окружения.

Близ реки Халхин-Гол в квадрате, обнесенном небольшим рвом, виднелись развалины старого монгольского монастыря. Около этих развалин сейчас кипела жизнь. Беспрерывно, колонна за колонной, двигались наши части через понтонную переправу. Я перешел реку с двумя ротами. На том берегу мы попали в низменную, болотистую местность. Ныряя среди бугров, танки двигались по избитой дороге, как корабли по морю. От бортов наземных кораблей разлетался в стороны мелкий щебень.

Дорога, извиваясь змеей, поднималась на крутой бугор. Влево и вправо мы всюду видели наши части. День был жаркий. Солнце слепило глаза. Когда поднялись на гору, перед нами раскинулась ровная монгольская степь, постепенно возвышавшаяся к горизонту.

Вправо от нас, километрах в шести, поднимался огромный столб пыли, дыма и огня. Это наши части атаковали японский бастион на высоте Палец. На равнине ко мне присоединилась еще одна рота.

В девять часов утра мы достигли командного пункта майора Алексеева. Пункт находился в японских окопах, на небольшой высоте. Слева была видна японская кавалерия. Расположив танки в линию ротных колонн в котловине, я явился к майору Алексееву.

От него был получен приказ: двумя ротами поддержать наступление наших стрелково-пулеметных батальонов. Встретившись с командирами этих батальонов, я договорился о совместных действиях.

Пехотные части стали продвигаться вперед. Штыки на винтовках блестели от лучей солнца. Сзади колонн пулеметчики катили пулеметы. Немного обождав, я двинул вслед за пехотой свои танки.

В три часа, когда солнце стало особенно сильно припекать и всех томила жажда, мы встретились с противником. Стрелково-пулеметный батальон, заходивший справа, столкнулся с японцами, пытавшимися выйти из окружения. Японцы занимали господствующую высоту и окопались на ней. Враги открыли по нашей пехоте сильный огонь и заставили стрелково-пулеметный батальон залечь. Я скомандовал двум ротам: «Заводи, развернись!» Повел их в атаку. Противник не выдержал нашего натиска и был смят. Танки шли развернутым фронтом, маневрировали, и благодаря этому мы потерь не имели, несмотря на огонь нескольких батарей противника.

Стрелково-пулеметный батальон продвинулся вперед...

22 августа с рассветом мы двинулись к высоте Номун-Хан-Бурд-Обо, находящейся на самой границе. В 4—5 километрах от этой высоты в бой с японскими частями вступили две танковые роты, действуя совместно со стрелково-пулеметными батальонами. Они успешно повели наступление. Третья рота осталась в резерве; с этой ротой находился я. Мне надо было установить открытый фланг противника и своей ротой ударить по его тылам.

Выбрав самый большой бугорок, я стал наблюдать. Обнаружил, что левый фланг японцев не защищен. Подал команду и повел роту вперед. Вскоре мы увидели озеро Узур-Нур. Вокруг озера были видны заросли камыша и кусты лозы. Змейкой извивалась речка Хайластин-Гол, уходящая на юго-запад. Здесь я развернул танки в линию, вылез из машины и подождал, пока подойдут мои командиры. Мы стали исследовать местность и обнаружили связь, соединяющую фронт японцев с тылом. Она была порвана.

Километрах в полутора от нас шла на восток хорошо накатанная дорога, проходящая через Хайластин-Гол. По этой дороге японцы снабжали фронт всем необходимым. Она шла далеко вперед, поднимаясь в гору. Километрах в пяти-шести с горы двигалась колонна транспортных машин противника, направляясь к речке. Правее, в глубокой впадине на западном берегу реки, мы рассмотрели не больше как в полутора километрах замаскированную базу японцев. Были видны штабели боеприпасов, бочки с горючим, вещевые и продовольственные склады, накрытые большими брезентами, и до четырехсот машин, частично с грузом. Эта база была расположена по обе стороны дороги и представляла собою миниатюрный городок с ровными улицами. У самой речки стояли белые палатки, и в нескольких метрах от них — одна батарея 75-миллиметровых пушек. Батарея вела огонь по нашим наступающим частям.

Возвращаясь к своим танкам, мы были застигнуты японской бомбардировочной авиацией. Бомбы разрывались в нескольких метрах от нас. Жертв и повреждений у нас все же не было.

Я поставил такую задачу: сначала уничтожить батарею и палатки у речки, потом ударить по подходившей колонне и, наконец, разгромить базу.

Танки ринулись к реке и начали обстреливать батарею. Она замолчала. Прислуга ее стала разбегаться. Мы уничтожали японцев пулеметным огнем. Дали несколько снарядов по палаткам. Японцы, застигнутые врасплох, выбегали из палаток в нижнем белье и, как угорелые, бросались в речку. Подошла колонна японских транспортных машин. Мы открыли по ней ураганный огонь. Несколько машин загорелось. Японцы, увидев, что прибыли не во-время, стали поворачивать обратно и разъезжаться во все стороны. Но наш огонь настигал их.

Разбив и рассеяв колонну, повернули к базе. Там уже суетилась охрана, заметившая наше приближение. Мы ворвались в этот искусственный городок, раскинувшийся в степи. Здесь было много тракторов, легковых и грузовых машин, мотоциклов, продовольствия, боеприпасов. Открыли по складам огонь из пушек. Оглушительно взрывались бочки с бензином. Штабели боеприпасов взлетали вверх, подобно гигантскому фейерверку.

Японцы, выскакивавшие из окопов и машин, пытались забрасывать наши передние танки гранатами, но безуспешно. Экипажи других танков тут же расстреливали врага, выручая своих товарищей. Несколько раз прошли грозные машины, громя базу японцев. Потом двинулись обратно на исходные позиции.

Японские части, увидев у себя в тылу горящие склады, стали отходить. Часа через два наши танковые роты и стрелково-пулеметный батальон захватили эту базу противника.

★

★

Политрук Г. КАБАНЬКОВ

КАК МЫ ГОТОВИЛИСЬ К АТАКАМ

Наша боевая страница открылась в июле. Первая встреча с врагом была штыковая. С тех пор наш батальон много раз ходил в атаки и контратаки на японцев, и штыковой удар стал как бы нашей «профессией».

К первой атаке готовились на марше. Мы знали, что идем в бой и скоро встретимся с японцами, но нам еще мало были известны повадки врага, его тактика. Поэтому приходилось лишь рассказывать бойцам и командирам о подоплеке японской провокации, разъяснять задачу по защите наших границ от Байкала до Владивостока.

Наступил день боя. Упорной, сильной атакой наши части приостановили наступление японцев на горе Баин-Цаган. В течение двух следующих дней мы непрерывно атаковали врага, разгромили и отбросили его за реку Халхин-Гол.

В те дни у политработников еще не было опыта подготовки атак. Не всегда удавалось рассказать перед атакой всем бойцам умело, до мельчайших подробностей, какая предстоит задача. Часто просто-напросто не успевали этого сделать, так как надо было немедленно бросать роты в одну атаку за дру-

гой. В таких случаях решающую роль играл личный пример коммунистов и комсомольцев. И я должен сказать, что все без исключения коммунисты и комсомольцы вели себя в атаках бесстрашно, мужественно, геройски. Особенно отличился коммунист товарищ Кожухов. Например, он однажды ворвался в расположение японцев, увлекая за собой бойцов. Вдруг сбоку, из блиндажа, выскочил офицер и с ножом бросился на Кожухова. Словно ожидая этого нападения, Кожухов, схватив левой рукой нож, правой сдавил японцу горло и свалил его на землю. Подвиги коммунистов воодушевляли всех.

Во время штыковой атаки не должно быть ни одного отстающего! Это было самое главное и первое, чего мы добивались.

Мы сколотили в каждом взводе, в каждой роте группу бойцов из коммунистов, комсомольцев, храбрых беспартийных красноармейцев, отличившихся в бою. Это был наш боевой актив. Мы знали, что в самые напряженные минуты — перед атакой или во время ее — в каждом взводе есть группа людей, которые никогда не дрогнут перед любым натиском врага и смогут увлечь за собой вперед остальных. В этот актив входили красноармейцы: Третьяк, Крот, Бражник, Шкуренко, Берлюта, Сенин, Васильев и другие. Они не раз бывали в штыковых атаках и умело, храбро, самоотверженно бились с врагом.

Помощь боевого актива мы почувствовали с особой силой, когда к нам стало поступать новое пополнение.

Как мы готовили новых красноармейцев к атакам на врага?

С каждой группой новых бойцов беседовали прежде всего командир и политрук. А затем бойцы, закаленные в боях, делились своими впечатлениями, рассказывали новичкам о грозных атаках батальона.

Красноармейцы из нового пополнения направлялись к лучшим боевым командирам. В атаки они шли с боевым активом, с опытными бойцами. После первой атаки политработники и коммунисты беседовали с новичками, расспрашивали, как они себя чувствуют, давали нужные советы.

Мы сами видели, как кто вел себя в атаках. Многое нам подсказывал актив. Вот в батальон прибыл боец Тодуа. У нас появилось опасение, что в атаке он будет недостаточно упорен и решителен.

Я вызвал Тодуа к себе. Наш наблюдательный пункт был расположен на сопке, совсем недавно отбитой у японцев. Трупы их десятками валялись в каждой траншее.

— Видишь, — говорю бойцу, — как наши работают? Сосчитай-ка, сколько японцев здесь!

Боец насчитал 154 трупа. Среди них было только два наших бойца.

Красноармеец А. Микая, вернувшийся из разведки, рассказывает о боевом эпизоде

— Ну, как?

— Здорово накрошили, — ответил боец. — Ну, и вояки эти японцы!..

Рассказали мы ему также о положении на фронте, о том, что народы Советского Союза ждут от нас окончательного разгрома японцев. Слушал, слушал нас товарищ Тодуа и говорит:

— Японец не страшен.

Тодуа мы направили в отделение, где было много комсомольцев. Перед атакой я всегда бывал у него. Его ободряли старые бойцы-герои. И вскоре он сам стал настоящим героем...

Наши атаки были грозны, сокрушали врага.

Когда советские воины подымаются в атаку, из глубины сердца вырываются у них сокровенные слова: «За Родину!», «За Сталина!», «Ура!» Нашего красноармейского «ура» японцы боятся больше смерти. Под крики «ура», как под песни, под музыку, легко и радостно итти в бой. Это мы все видели, чувствовали и стремились, чтобы наше могучее «ура» всегда звучало в самых жестоких схватках с японцами.

Во время боев у реки Халхин-Гол была атака, которую мы особенно хорошо подготовили. Я имею в виду атаку сопки Безымянной во время августовского генерального наступления.

25 августа батальон получил боевой приказ. Я немедленно собрал политруков, коммунистов-одиночек, комсоргов и весь

боевой актив. Командир батальона товарищ Акилов разъяснил боевую задачу.

Всем политрукам и коммунистам-одиночкам было приказано рассказать бойцам, что японцы полностью окружены и что сопка является одним из последних очагов сопротивления врага, где расположен штаб крупной японской части.

Перед самой атакой политруки читали бойцам текст военной присяги. Это были непередаваемые, волнующие минуты. В отделении товарища Васильева все бойцы встали, сняли каски и повторяли присягу, а увидев меня, воскликнули:

— Клянемся, товарищ комиссар, победить врага!..

С нетерпением ожидал батальон начала атаки. Оставалось еще полтора часа. Бойцы и командиры не обедали. Надо было во что бы то ни стало накормить их. Нахожу старшину Дубинина.

— Надо накормить людей!

Вместе с группой бойцов старшина идет выполнять приказание. Противник обстреливал все дороги в нашем тылу. Но товарищ Дубинин во-время доставил обед и горячий чай.

Во время обеда я побеседовал с санитарами, рассказал им о предстоящей атаке, поставил перед ними задачу — немедленно, без задержек, вынести с поля боя каждого, кто будет ранен.

Ровно в два часа дня батальон ринулся в атаку на сопку.

Первыми на гребень сопки поднялись комсомольцы Шкуренко и Сапельник. Они водрузили красный флаг. Японцы открыли ураганный огонь по мужественным комсомольцам. Рядом с флагом смертью героя пал товарищ Шкуренко. Сапельник сжал руками древко и крикнул с высоты:

— Товарищи! Японцы хотят сшибить наше знамя! Вперед, товарищи!..

Батальон мгновенно перевалил через гребень сопки и со штыками бросился на японцев. К вечеру вся сопка была в наших руках...

Японцы ходят в атаку ночью. Поэтому мы учили бойцов тактике ночных контратак, разоблачали коварные приемы врага, прививали бойцам чувство неослабной бдительности. Красноармеец Третьяк, опытный боевик-активист, собрал около себя полтора десятка бойцов, стал учить их ночным действиям. С этими бойцами он во время атаки японцев зашел им во фланг и бросился на врага с громким красноармейским «ура». Вражеская атака была не только отбита, но и стоила японцам больших потерь. Бойцы убедились, что ночные атаки японцев вовсе не страшны, когда их умело и решительно отбивают.

Особое значение придавали мы службе наблюдения. В секреты и дозоры выделялись лучшие бойцы. Их всегда тщательно инструктировали, ибо для контратаки надо своевременно узнавать о приближении врага. И с этой задачей наши дозорные блестяще справлялись.

Приведу такой пример. В десятом часу ночи мы заняли высоту, расположенную рядом с высотой Ремизова. Люди устали, но спать нельзя. Враг совсем рядом, он с минуты на минуту может предпринять атаку. Вместе с командиром Акиловым мы обошли все роты, ознакомили бойцов и командиров с обстановкой. Политруки и коммунисты, в свою очередь, поговорили с товарищами, которых мы не успели посетить. Всю ночь коммунисты и комсомольцы бодрствовали. Глядя на них, не спали и остальные бойцы.

В четыре часа утра раздались крики «банзай». Японцы шли в атаку.

— Подпустить на 40 шагов! — отдал приказ командир батальона.

Приказ никем не был нарушен. А потом, по сигналу, заговорили сразу все пулеметы. В японцев полетели десятки гранат. Комсомолец Крот крикнул:

— За Родину, вперед!

Наша контратака была настолько стремительна, что японцы не успели добежать до своих блиндажей. Многие из них были уничтожены...

Так мы готовили атаки и контратаки на японцев.

★

★

Младший политрук А. КРАЙКИН

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Двадцать пятое августа. Сижу в окопе. Голову высунуть нельзя без риска лишиться ее. Снаряды ложатся рядами, словно семена в гряду. Пробовал высунуть каску, — через 3—4 минуты сюда летит снаряд. Не пуля, а снаряд! К снарядам привыкли, по свисту узнаем, где они должны разорваться. Нас здесь тридцать два человека. Мы прорвались далеко вперед и сдерживаем контратаки противника, не давая ему возможности вырваться из окружения. Вчера, вернее сегодня ночью, нас было немного больше. С нами вместе был и комиссар Куропаткин. Он пал смертью героя, отражая вражескую атаку.

Пока рвутся снаряды, японцы прекратили наступление, а мои боевые друзья очищают от песка винтовки, готовят гранаты и охотятся за снайперами и связистами, которые залегли впереди нас, метрах в шестидесяти. Я стараюсь собрать свои мысли и восстановить в памяти все события прошлой ночи.

— Усните, товарищ политрук. Мы посмотрим, откопаем, если завалит снарядом, — говорит красноармеец Безбородов, лихой, бесстрашный разведчик.

Его лицо покрылось слоем грязи от порохового дыма и песка, но голубые глаза блестят, как всегда, остро и выразительно.

— Устал?

— Нет. Умыться бы, товарищ политрук, все как рукой снимет.

Да! Умыться бы... Хотя бы глоток воды для раненых!

Безбородов поворачивает голову туда, где лежат тела павших товарищей.

— Жалко комиссара!.. Впереди шел. Воодушевлял всех... Пьяные сволочи!.. — и он грозит кулаком японцам, которые залегли в своих окопах.

— Трусы, подлые трусы! — еще раз потрясает кулаком Безбородов. — Мы отомстим этой пьяной своре за наших товарищей, за комиссара Куропаткина...

Наши взгляды падают на кучи японских трупов.

— Командир части приказал сосчитать, — говорю я.

— Трудное задание он дал, — отзывается с улыбкой Безбородов.

Я замечаю, что он тоже старается сосчитать всех убитых японцев. Как бы угадав мои мысли, он говорит:

— А мы ведь выполнили свое обещание, выполнили задачу народного комиссара: за драгоценную жизнь одного красноармейца — двадцать вражеских жизней.

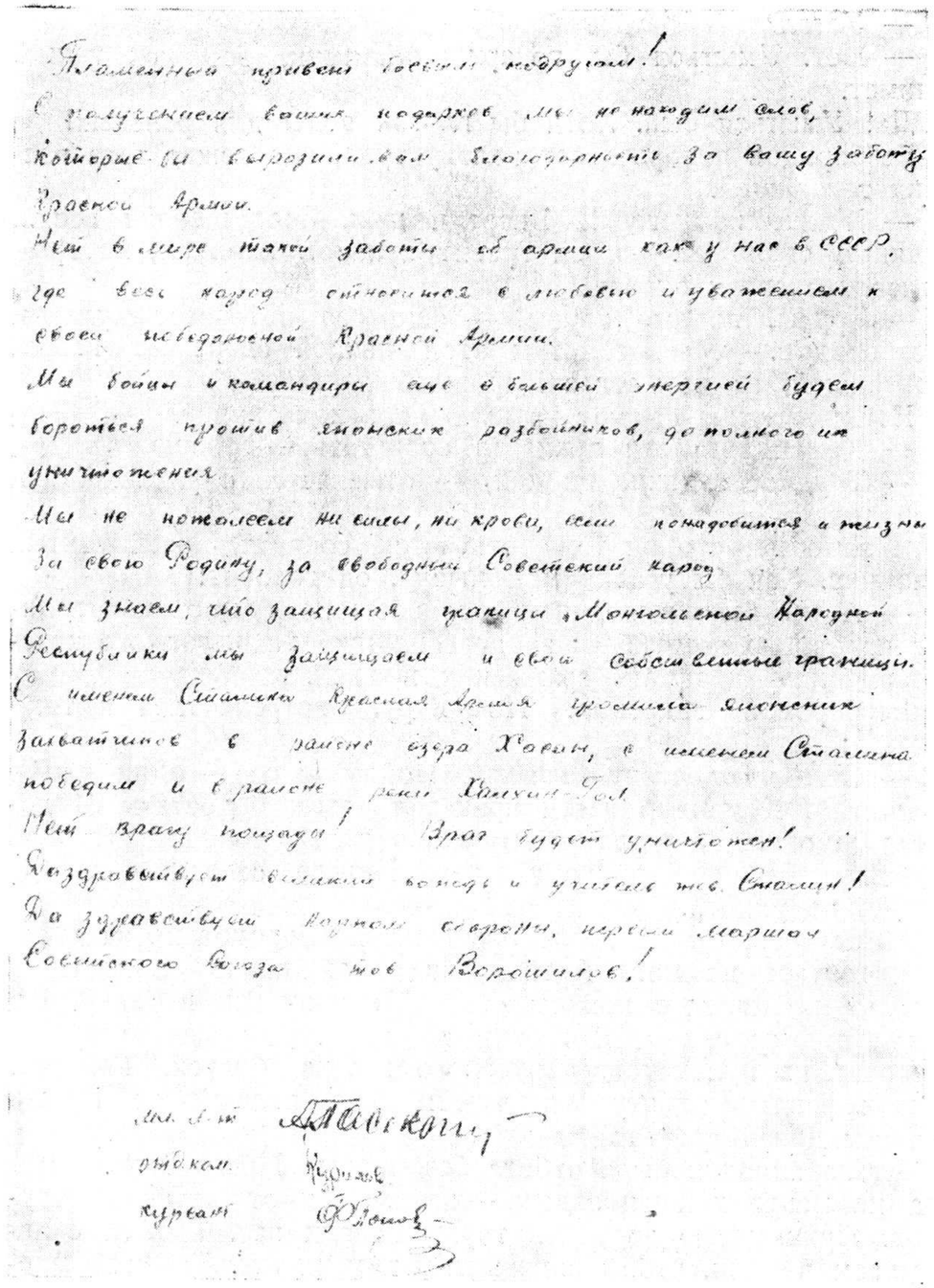
Безбородов задремал. Но вдруг встрепенулся и тихо сказал:

— Сегодня достану «языка». Пойду ночью — один или с Чадовым. Командир части приказал «языка» достать. Я достал одного, да по дороге его ухлопали. Я не связал его, а он побежал. Ну, кто-то его и того... Ничего, сегодня еще достану, не уйдет...

26 августа. Вчера, после беседы с Безбородовым, за дневник взяться не мог. Артиллерия неожиданно прекратила огонь, и японцы с криком «банзай!» кинулись в атаку. Но днем они трусливы. В штыки не идут. Бросают гранаты, строчат из пулеметов, а русского штыка боятся. Говорят, они оправдывают эту боязнь тем, что павший от штыка японец попадет будто бы в ад.

Атака японцев была отбита без потерь. После этого встала не менее важная задача — избавиться от японских трупов. Приказываю зарывать трупы позади нас. Трофеи складываем в окоп, чтобы сохранить от снарядов. Трофеев много. Здесь нами были уничтожены офицеры. Рядового нет ни одного. Исключительно офицеры. Чего только нет у них в походных сумках! Бумага, карты, приказы, баночки, склянки, духи, пудра, фотокарточки, документы, вино, спирт, опиум, сигаретки. Беру особенно важные бумаги, закладываю в сумку и отправляюсь с бойцом на командный пункт. Командир части Захаров перебирает эти документы:

— «Языка», «языка» теперь необходимо достать.



Письмо боевым подругам

— Достанем, — утвердительно отвечаю я. — Упустили одного, — ухлопали. Больше не упустим. Будет ли подкрепление, товарищ майор? Бойцы устали.

— Ничего, Крайкин, держитесь. Подкрепление будет. Главное, снаряды берегите...

По голосу майора чувствую, что подкрепления пока не будет.

Есть держаться!

Обратно идем, нагруженные гостинцами.

— Балейские рабочие и колхозники прислали, — сияюще заявил секретарь партбюро Мысляев. — Раздай бойцам, расскажи, что вся страна следит за нашими героями...

Это самое драгоценное для нас в суровые дни. Удесятерятся силы, будем сдерживать натиск хоть целого полка.

Ползем, подтаскивая за собой гостинцы, термос с водой, гранаты, хлеб. В рост итти нельзя: изо всех щелей и кустов свистят пули японских снайперов, залегших с ночи.

Нет предела радости бойцов. Они почти все балейцы. Не веря глазам, они щупают, осматривают узелки с гостинцами.

С балейцем коммунистом Бочкаревым делю гостинцы поровну на каждого бойца. Захватив на свой взвод подарки и буханку хлеба, Бочкарев направляется к бархану. Идем вместе, инструктирую его насчет раздачи гостинцев. Вдруг притихшая на время артиллерия снова заговорила. По свисту догадываюсь, что снаряд летит на нас.

— Ложись, Бочкарев!

Сам падаю в щель на полузарытого мертвого японца. Через секунду меня оглушил разрыв снаряда, а затем я почувствовал на себе тяжесть тела.

— Бочкарев! Бочкарев!

Поворачиваю голову. Острый запах крови. Бочкарев мертв. Осколок снаряда угодил ему в висок.

— Прощай, дорогой товарищ, — шепчу я, вынимая из его кармана документы, партийный билет.

Снарядом разметало гостинцы, воду, хлеб.

Этот день я не забуду никогда. Слезы заполняют глаза, я скрываю их от бойцов, но неумело.

— Ничего, товарищ политрук, отомстим сволочам.

— Конечно, отомстим, — отвечаю я.

Мой окопчик был завален. Снаряд угодил прямо в него. Винтовка, патроны, гранаты были зарыты. Это меня обеспокоило. А бойцы?

— Ласточкин, Зотов, Тимофеев! — кричу я. Где-то глухо отозвались. Влезаю в один окоп. Здесь был и Зотов, Брежнев, где они? Руками раскапываю песок, добрался до Зотова.

— Жив?

— Жив, товарищ политрук.

— Откапывай соседа...

Бегу к другому окопу. Снаряды рвутся. Из окопа торчит нога, рука. Вытаскиваю, хватаюсь руками за что попало. Делаю перекличку. За разрывами снарядов ее не слышно.

— Жив, жив, — слышатся глухие ответы.

Артиллерия притихла. Но по опыту знаю, что тишина зловеща. Бойцы откопались, отряхнулись. Послышались разговоры, смех. Собрали остатки гостинцев: конфеты, печенье, папиросы.

— Посмотрите, из Балея прилетела, — показывает Ласточкин конфетку. В его голосе слышу дрожащие нотки.

Нашли записку, прочитали:

«Товарищи... мы с вами, не пускайте японцев топтать нашу цветущую Родину».

Выстрел японского снайпера прервал чтение письма. Он был где-то рядом. Я всмотрелся в вечернюю мглу, обратил внимание на не зарытых еще мертвецов. Но ведь мертвецы не стреляют.

— А чем чорт не шутит! — воскликнул Безбородов. — Вы же сами нам рассказывали о коварности японцев, когда мертвецы вставали и вели огонь в спины наших бойцов...

Я схватился за голову. Верно! Как мог я упустить из виду такой важный момент? Но исправить ошибку было поздно. Из каждой щели, из каждого куста, даже откуда-то сверху засвистали пули. Завтра утром мы их выловим, а сейчас — не высовывать голов.

27 августа. Ночь прошла тревожно. Японцы, обнаглев, подползали к самым окопам и бросали в нас гранаты. Отвечать на их провокацию было трудно: только высунешься, как свист пули снайпера заставляет снова убрать голову в окоп. Наступать они не посмеют, а мелкие провокации не страшны. Кстати, это самый лучший момент взять «языка»...

— Где Безбородов?

— Ушел за «языком».

Зотов показывает рукой вперед. Мы наблюдаем... Вот он, наверное, ползет... Вглядываюсь в темноту. В ту же минуту раздался визгливый крик. Что-то случилось. Огонь японцев прекратился.

А случилось следующее. Безбородов, выполняя обещание, пополз в самую гущу противника за «языком». Давно он следил за офицером, подползавшим с саблей в руке к окопам. Безбородов подкрался к нему сбоку. Думая, что это свой, офицер был спокоен и полз вперед. Безбородов налетел на него неожиданно. Растерявшийся офицер выронил свой палаш, а маузер в следующий момент уже оказался в руке Безбородова. Другой рукой боец схватил офицера за шиворот и потащил к своему окопу. В это время и послышался визг. На помощь офицеру двинулось до десятка японцев, но наш огонь не дал возможности им даже подняться. Офицер благополучно был водворен в окоп.

Я крепко пожал руку Безбородову. Хотел выругать за самовольный поступок, но не сумел, да и Безбородов немного волновался.

— Ну, герой, веди его сам к командиру полка, да смотри, не упусти... Остерегайся снайперов...

Безбородов с торжеством повел «языка».

Больше в эту ночь провокаций японцев не было. Очевидно, напугала их смелость нашего бойца. Не переставали лишь щелкать выстрелы снайперов, но они стали теперь не опасны. А утром, с рассветом, мы начали «расчесывать» кусты.

О зверстве и коварстве японцев я слышал многое, но то, что мне пришлось в этот день увидеть самому, было верхом всякого зверства. С рассветом отделение Старостина пошло в разведку. Возвращаясь обратно, бойцы подобрали едва живого нашего товарища. Ночью, в период наступления, его окружила целая свора японских бандитов. Они сняли с него сапоги, потом вырезали полосы на спине и раздирали ее руками. Красноармеец был жив. Мы вылечим его, он расскажет о всех зверствах японских извергов, он будет живым свидетелем их низости, подлости и средневекового изуверства.

Когда была оказана помощь изувеченному бойцу и он был отправлен в госпиталь, мы пошли охотиться на снайперов. Предстояло перебрать все трупы, не осталось ли снайперов среди них. Задача была нелегкая. Да еще одновременно надо было собрать трофеи. Снаряды продолжали ложиться рядом с нами.

— Товарищ политрук, смотрите, живой! — воскликнул Тимофеев.

Действительно, японец, перевязав раненые ноги, лежал, устроив рядом с собой винтовку и запас патронов. Это он особенно беспокоил нас ночью. Связав, мы положили его в окоп. Он не сопротивлялся, в глазах его был ужас.

«Прощупывая» трупы, бойцы наткнулись на одеяло, которое подозрительно шевелилось. Отдернули край. Под одеялом лежал снайпер в полном снаряжении. От него несло спиртом.

— Этот долго не протухнет, — смеялись бойцы.

— Ну, поднимайся, пьяница, довольно...

Замаскировался хорошо. Ночью он стрелял по нашим бойцам.

Потом выловили еще нескольких снайперов. Некоторых пришлось приколоть или застрелить: сопротивлялись.

Достали воду. Взяли бензин из подбитого японцами тягача и промыли свое оружие. Запаслись гранатами. Артиллерия

стала не опасна. К разрывам снарядов привыкли, создали «аварийную» группу для откапывания. Организовали в окопах прием в ВКП(б) и комсомол.

С отдельными провокационными вылазками врага справлялись легко, подпуская японцев к самым окопам и уничтожая их штыком и гранатой.

31 августа. Вечером был получен приказ командования фронта:

«Товарищи бойцы, командиры, комиссары и политработники! Вашими боевыми подвигами гордится великий советский народ. Вы вписали новые славные страницы в историю героических побед РККА. История войн знает немного примеров такого блестящего выполнения плана окружения и уничтожения большой группы противника, какой осуществили вы...

Командование поздравляет всех бойцов, командиров и политработников с блестящей победой над врагом и объявляет благодарность всем участникам боевых действий в районе реки Халхин-Гол...»

Всем участникам боев... Значит и нам. Значит и нас не забыли в этом бархане — «в бархане смерти» или в «могиле японцев», как называли это место бойцы. О нас знают и помнят. Нам дают высокую оценку, объявляют благодарность!

Приказ зачитывался до дыр, он обходил всех бойцов, его передавали из окопа в окоп. Где-то послышался «Интернационал». Подхватили все. Даже артиллерия противника на время стихла, как бы прислушиваясь. Затем с новой силой в бархан посыпались снаряды.

★

★

Политрук В. КУЛАГИН

ПОЛИТРАБОТА НОЧЬЮ

Бои очень часто разгорались ночью. Изощряясь в своем коварстве, японцы старались различными провокациями обнаруживать наши огневые точки.

Надеясь поймать нас врасплох, они ночью подсылали диверсионные группы.

Все это требовало от меня умения вести политическую работу с бойцами не только днем, но и ночью.

С вечера я и мои заместители начинали ползком переходить из окопа в окоп, рассказывали каждому красноармейцу обстановку. Я постоянно делился с бойцами своими наблюдениями и стремился к тому, чтобы и они научились оценивать каждый случай коварства японцев.

Японцы, желая ночью обнаружить наши огневые точки, действовали так: они поднимали сильный шум, вели стрельбу трассирующими пулями, сидя у себя в окопах, кричали «банзай». Они рассчитывали на то, что наши бойцы, приняв все это за чистую монету, в свою очередь также откроют огонь.

Эту хитрость врага мы разгадали и ответили двойной хитростью. Я рассказал бойцам, как следует реагировать на шум, который японцы поднимают ночью. Мы решили на шум этот вовсе не откликаться. Тогда японцы стали все ближе и ближе подползать к нам. Дождавшись, пока они вплотную подойдут, мы брали их на штык. Здесь уже пощады врагу не было.

Вскоре мы убедились в новом коварстве врага, но, будучи всегда настороже, раскрыли и это коварство. Однажды ночью метрах в 300 от нас японцы открыли сильный ружейно-пулеметный огонь. Стрельба — отчаянная, но пули к нам не попадали. Среди ночи мы услышали возглас: «Батальон, приготовиться к атаке». Нетрудно было понять, что это была очередная японская провокация. В эту пору никакой атаки с нашей стороны не ожидалось, командир батальона находился рядом со мной, никто, кроме него, такой команды отдавать не мог. Стало ясно, что возглас этот исходит из уст какого-нибудь харбинского белогвардейца.

Собрались мы на правом фланге и спокойно ждем, что дальше будет. Японцы, видя, что долго никто не откликается на их призыв, стали возвращаться обратно. Они решили, вероятно, что в этом районе никого нет, потому что перебегали, во весь рост, совершенно не принимая никаких мер предосторожности. Мы, понятно, обстреляли их. Наутро смотрим, всюду валяются трупы японцев, вся дорога ими устлана, и белогвардеец тоже здесь растянулся.

Ясно, что при бешеной активности японцев в ночное время о сне и думать не приходилось. Ночью спать никому не разрешалось. Днем, когда позволяла обстановка, я разрешал некоторым бойцам вздремнуть. Двоим наиболее выдержанным товарищам я поручал неотлучно находиться среди отдыхающих и при малейшей перемене обстановки будить их.

Затем японцы в третий раз сменили свою «тактику»: до полночи шумят, а затем умолкают. Вскоре нам удалось разобраться в этом деле.

Однажды, перед самым рассветом, старший лейтенант Рафиков, старшина Мавельян, пулеметчик Тыщенко и я заметили, как через сопку поползла группа японцев. Спустились они вниз по направлению к нам.

Мы решили дать врагу возможность ползти. Подпустили японцев метров на сто к себе и только тогда начали по ним стрелять. До этого мы распределили между собой цели, залп получился меткий. Четырех сразу положили, а трое побежали в котлован. Мы спустились за ними. Двоих закололи, а одного, оказавшегося старшим унтер-офицером, взяли в плен. Унтер, правда, кусался, царапался, очень уж в плен не хотелось ему. Все-таки «уговорили».

У захваченного нами унтера и у всех убитых, кроме кинжалов и гранат, никакого оружия не оказалось. Это была диверсионная группа, получившая задание подкрасться к нам на рассвете и всех вырезать.

Прекращая в полночь шум, японцы рассчитывали этим усыпить нашу бдительность. Они, видимо, предполагали, что мы обрадуемся тишине и заснем. На рассвете же, когда сон особенно приятен, японцы стали подсылать свои банды.

На эту тему я также провел несколько бесед. Сон в ночное время рассматривался нами как самое позорное явление. Ночи у нас стали такие же горячие, как и дни.

Любая работа связана была с ночными условиями. Скажем, питание бойцов. Днем кухня к нам подъезжать не могла. Вся местность сильно обстреливалась. Мы не желали себя обнаруживать. Пища обычно доставлялась с наступлением темноты и на рассвете. Кухня подходила к штабу батальона, о чем нам сообщали оттуда по телефону.

Здесь для политрука возникала серьезная работа. Я заботился о том, чтобы все бойцы были сыты. Специально провел несколько бесед о доставке пищи в окопы. Из каждого отделения посылали к кухне одного человека. Он брал с собой котелки товарищей. Нужно было следить, чтобы около кухни не было скопления людей. Поэтому бойцы посылались туда поодиночке. Двигались ползком, по разным дорогам. Чтобы враг не мог нас застигнуть врасплох, поступали так: половина бойцов ест, остальные несут дежурство. Потом менялись.

Забота о своевременном питании бойцов занимала серьезное место в моей ночной работе.

Каждый день мы устраивали разбор ночных действий и поведения бойцов ночью. Разборы повысили нашу бдительность и укрепили дисциплину. В эти ночи японцы ни разу не застигли нас врасплох.

Как я уже рассказывал, мы приложили много сил к тому, чтобы противник нас не обнаружил. А как быть с курением? Ночь большая, спать нельзя, а покурить всем хочется. Ночью малейший огонек может демаскировать не только бойца, но и целую роту. Во время бесед я всех предупреждал об этом. Разрешено было курить под плащом-палаткой и в щелях. Некурящим поручил наблюдать за курящими. За все время не было ни одного нарушения.

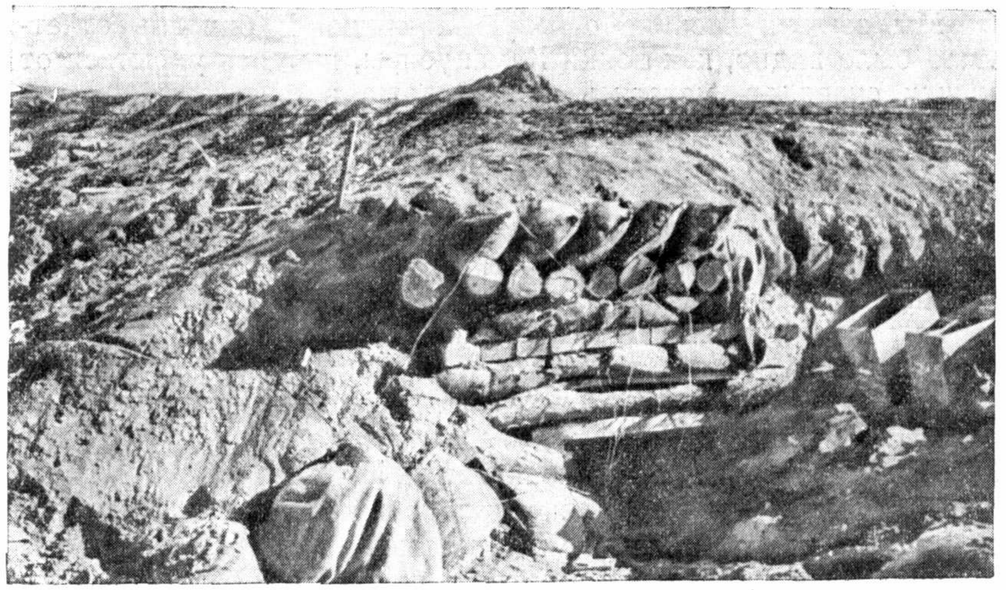
Наладили хорошую связь с соседями. Расставляли дозоры таким образом, чтобы было соприкосновение наших и их до-

зоров. Кроме того, мы поддерживали связь по телефону с батальоном, узнавая все время, что делается у соседа.

Все это позволяло нам быть готовыми к встрече и приему непрошенных «гостей». Изощряясь в своем ночном коварстве, японцы вконец измотались. Никакая хитрость не помогла им избежать полного уничтожения.

Политическая работа, которую мы развернули в эти горячие ночи, немало помогла нам в разгроме врага.

★



★

Красноармеец В. САВЕЛЬЕВ

НИ ОДИН ЯПОНЕЦ НЕ УШЕЛ ЖИВЫМ

Светало. Небо, затянутое с вечера тучами, очистилось и теперь было совершенно прозрачно.

Я лежал у колеса своего орудия. Почему-то вспомнилось детство. Вот так же, как и сейчас, лежал я на траве. То было в ночном. Но я не во-время размечтался...

Разрывая воздух, со свистом понесся в сторону противника один снаряд, за ним другой, третий. Зачастили с флангов пулеметы. Взметнулись комариные рои. Под прикрытием огня, то пригибаясь, то совсем распластываясь на вязком холодном песке, от бугорка к бугорку, от кустика к кустику, начала продвигаться вперед наша пехота, скапливаясь для решительной атаки. Японцы были зажаты в кольцо. Бой предстоял жестокий.

Японцы зарылись в свои блиндажи, словно клопы в щели. Яростно, злобно тявкали их пулеметы, но наши бойцы продолжали двигаться вперед. Ползли безмолвно, упорно, — еще не пришло время для сокрушительного «ура», — ползли, цепляясь за каждую складку местности, и накапливались, и накапливались...

Мы выдвинулись на огневую позицию. В бинокль отчетливо было видно, как вояки Камацубары, пытаясь укрыться от наших снарядов, метались из блиндажа в блиндаж.

— Товарищи, каждый снаряд в цель! — сказал нам командир взвода лейтенант Нестеренко, и мы действовали так, как учил нас лейтенант.

Через несколько минут только воронки на склоне сопки показывали, где располагались прежде японские блиндажи. Сопка дымилась, как пожарище. Все выше всходило солнце. Наша пехота штыками прощупывала, не осталось ли кого-нибудь в живых.

Лейтенант Нестеренко приказал продвигаться дальше.

Быстро прицепив пушку к передкам, по лощине отправились занимать новую огневую позицию. Но едва выскочили на гребень бархана — и сразу же дробно и часто зазвенел стальной щит нашего орудия: мы оказались перед самым носом японцев. Они находились метрах в шестидесяти, в окопах на гребне соседнего бархана.

Командир орудия Пузраков в тот же миг подал команду:

— Прямой наводкой — огонь!

Взметнулись столбы песка. Сразу замолчал вражеский пулемет, прекратилась и ружейная стрельба. Сбивая друг друга с ног, оставшиеся в живых японцы ныряли в котлован, лежавший у подножия нашего бархана.

Но что это? Замок нашей пушки вдруг остался открытым. У нас вышли снаряды. Ждать, когда подбросят снаряды, некогда было. Наш лейтенант Нестеренко, схватив в одну руку гранату, а в другой зажав наган, поднялся во весь рост и со словами: «За Сталина! За Родину!», прыгнул с гребня бархана вниз. Бойцы устремились за ним.

Японцы в панике побежали из котлована.

Мы продолжали преследовать их. Слева заговорил наш станковый пулемет, он тоже успел уже выдвинуться на гребень.

Внизу гремело красноармейское «ура».

* * *

В атаке лейтенанту Нестеренко осколком гранаты рассекло правую бровь. На перевязочном пункте ему завязали глаз, к вечеру лейтенант снова был вместе с нами.

Небо заволокло тучами. Сползало за горизонт мутное солнце. Сотни японцев видели его в последний раз, — кольцо вокруг них сжалось еще у́же.

Нестеренко был, как всегда, весел, он как-то приспособился стрелять с левого плеча.

Уже совсем стемнело. Мы — в составе расчета — расположились на гребне бархана, а справа и слева, в кустах, — пехота. Окопавшись, до рези в глазах всматривались в степную темноту. Резко похолодало. Порывами дул северный ветер.

Впереди послышалось какое-то бряцанье. Должно быть, японцы решили под покровом ночи выбраться из окружения. Луна, неожиданно мелькнувшая из-за туч, подтвердила наши предположения. Выпустили по врагу несколько очередей. Японцы отпрянули обратно.

Снова тишина.

Через некоторое время они решили прорваться атакой. За ночь они четыре раза поднимались в атаку, и все четыре раза потерпели полное поражение.

Только под утро, на рассвете, им удалось подойти к нам вплотную. Я заметил в кустах около опушки человек десять в японских мундирах. Не дожидаясь нападения, метнул в кусты гранату, вторую. Тогда японцы выскочили и, пронзительно визжа, бросились на нас. Завязалась отчаянная рукопашная схватка.

Схватка была короткой. Там, где не помогала граната, приходил на помощь трехгранный красноармейский штык.

Ни один японец не ушел от нас живым.

★

★

Л. СЛАВИН

СВЯЗИСТЫ

КОМАНДИР БРОНЕВЗВОДА СОКОЛОВ

Младший лейтенант Соколов получил приказ развезти пакеты по передовым частям.

Для того чтобы попасть туда с Хамар-Дабы, надо было переехать через реку Халхин-Гол. Днем туда не пускали в легковой машине, а только в броневике или в танке, так как переправы обстреливались японской артиллерией.

Соколов принял пакеты, вылез из землянки оперативного дежурного и побежал по тропкам и холмам Хамар-Дабы к своему броневику.

Любопытное место, эта Хамар-Даба! В ущельях, поражающих своей дикой красотой, расположился командный пункт фронта. Здесь есть все, что полагается иметь штабу: канцелярии, отделы, телефоны. Но в отличие от городских штабов все это разместилось не в обширных и светлых залах, а ушло в землю.

Соколов шел по широкой дороге, которую можно было назвать главной улицей Хамар-Дабы. Как всякая улица, она была обставлена по бокам жилищами, которые, однако, росли не вверх, а вниз. Вот столовая, крыша которой сливается с поверхностью земли. Вот медицинский пункт, глубокий, как погреб. Вот палатки переводчиков, врытые в подножие холма.

Сапоги Соколова звонко стучали по желтому грунту, утрамбованному непрерывной ездой до твердости цемента.

Он подошел к пункту сбора донесений. Здесь была стоянка связных броневиков и танков. Они стояли в своих норах, уткнув носы в землю и завесив задки зелеными ветками.

Соколова окружили водители боевых машин и башенные стрелки, все крепкие, как на подбор, ребята, в синих комбинезонах и кожаных шлемах.

— Ехать куда-нибудь, товарищ младший лейтенант?

— Я сам поеду, — сказал Соколов, — товарищ Иванов, выводите машину.

Иванов прыгнул в маленький броневик ФАИ-20, называемый бойцами «Файкой», и принялся выводить его на дорогу.

У ребят разочарованные лица. Каждому хочется поехать. Соколов улыбнулся и сказал:

— Кстати подучу по дороге Иванова ориентировке. Он ведь тут человек новый и еще плоховато разбирается в обстановке.

Младший лейтенант Соколов не такой парень, чтобы упустить случай попасть на передовые позиции. Авось при этом ему подвернется возможность ввязаться в бой на своем маленьком броневичке.

Соколов не жаловался на свой род оружия — службу связи. Работа, может быть, и невидная, но нужная и полезная. Недаром командование фронта недавно оценило работу связи на «отлично». А ведь условия монгольского театра особенно трудны. И несмотря на эти трудности, связистам удается держать телефонную связь до 150 километров, тогда как норма для полевых условий — 25 километров.

Куда только ни проникают наши отважные связисты! Их можно видеть всюду — на дорогах, по склонам сопок, у берегов реки, в тихом глубоком тылу и в огненной гуще боя.

Всюду, куда идет боец со штыком, за ним неотступно следует связист с проводом, натягивая нервную сеть фронта. И даже когда бегут в атаку, связист не отстает: он бежит рядом, разматывая свою неизменную катушку.

Быстрые, несловоохотливые, трудолюбивые, мчатся связисты на броневиках, пылят на мотоциклах, зажимая подмышкой доверенные им пакеты.

Нельзя сказать, чтобы доставка пакетов на фронт была та-

ким уже мирным занятием. Немало отваги, ловкости, а подчас и героизма нужно, чтобы, попадая то и дело под бомбежку и обстрелы, пробиваясь зачастую сквозь огневые завесы врага, во-время и в неприкосновенности доставить на передовые позиции порученные бумаги.

И все же чувство неудовлетворенности жило в боевой душе младшего лейтенанта Соколова. Он жаждал настоящего боя штыком и гранатой. Он мечтал об участии в крупной операции.

Радист за работой

Он хотел драться и побеждать. Это было сильное желание, и оно происходило от чувства негодования против захватчиков, от высокой сознательности советского бойца-патриота. Кроме того, бывший колхозник Соколов хотел применить на деле все боевые познания и опыт, приобретенные им за три с половиной года службы в Красной Армии.

Вот почему он поехал на этот раз сам, надеясь на счастливый боевой случай.

Целый день разъезжал Соколов по различным участкам фронта, развозя пакеты.

По дороге он обучал своего молодого водителя тонкому искусству ориентировки. Оно особенно трудно в условиях Монголии. Представьте себе гладкие ровные степные пространства, поразительно похожие одно на другое. Ни деревца, ни юрты, ни кустика. Кругом, насколько хватает глаз, однообразная равнина, покрытая побуревшей от солнца травой.

Еще труднее ночью, когда великая чернота разливается над монгольской степью. Фар зажигать нельзя; на небе, затянутом тучами, не видно звезд.

Требуются особая острота взгляда и повышенная наблюдательность, чтобы находить различия в этих похожих одно на другое местах.

Упорной работой Соколов развил в себе эти качества, столь необходимые в военном деле. Маленькая кочка, еле заметная под пышным травянистым покровом, легкая неровность почвы, старая покрышка, брошенная кем-то у дороги, белое пятно солончака и другие мелочи, ускользающие от менее внимательного взгляда, служили Соколову точными ориентирами.

— Примечай все это, Иванов, — поучал младший лейтенант своего водителя, — помни, что на всей земле не найдется и двух совершенно одинаковых мест...

Между тем день близился к концу. Край неба окрасился пламенем. Птицы садились в траву. По земле пробежал предвечерний холодок. Начинался длинный светлый монгольский вечер.

Почти все пакеты были развезены по частям. День прошел для Соколова спокойно. С чувством разочарования он приехал в одну из батарей части Федюнинского, чтобы сдать там последний пакет.

Командир батареи принял пакет, расписался, похвалил Соколова за расторопность. Все. Можно возвращаться домой, на Хамар-Дабу.

Однако Соколов медлит.

— Товарищ командир, — говорит он, и серые глаза его с надеждой устремлены на командира, — может быть, я могу вам здесь чем-нибудь пригодиться? Может быть, нужно разведку сделать? Я бы мог. Или подкрепить моим броневиком какую-нибудь операцию?

— Нет, товарищ Соколов, — сказал командир улыбаясь, — все в порядке. Поезжайте, милый, к себе.

Соколов откозырнул и побрел к своему броневику.

На полдороге он услышал шум. Оглянулся и увидел, что к командиру подбежали два бойца. Вид у них взволнованный. У одного свежая перевязка на руке. Одежда запачкана песком. Видно, ребята только что были в деле. Соколов приблизился.

Перебивая друг друга, бойцы рассказывают следующую историю.

Они сопровождали машину, груженную снарядами. Неожиданно на одной из извилин дороги на грузовик обрушился сильный огонь противника. Бойцы поставили машину под небольшой холмик, который служил для нее прикрытием. Тронуться невозможно было, — японцы тотчас открывали огонь. Тогда бойцы разделились: двое остались возле грузовика, а двое других пробрались сюда, чтобы доложить о случившемся.

— Не понять, откуда в этом месте взялись японцы, — заключил свой рассказ боец, снимая каску и отирая потный лоб, — давно их уже там не было.

— Очевидно, диверсионная группа, — сказал командир, — необходимо машину сейчас же выручить.

Тут выступил вперед Соколов.

— Разрешите мне, — сказал он.

Командир посмотрел на него. Он видел Соколова в первый раз. Но открытое решительное лицо младшего лейтенанта и, особенно, взгляд его серых глаз, смелый, прямой, дышащий умом и отвагой, сразу расположили командира в пользу Соколова.

— Хорошо, — сказал командир, — поезжайте туда и отбивайте машину со снарядами. Одновременно я посылаю подкрепление.

Лицо Соколова вспыхнуло радостью. Он вскочил в броневик и поехал. Кроме Соколова, здесь было еще трое — водитель, башенный стрелок и один из только что пришедших бойцов.

Скоро они увидели машину со снарядами. Соколов остановил броневик под укрытием холма, а сам с товарищами отправился к машине.

Японцы залегли в большом котловане, метрах в полутораста отсюда. Заметив движение около машины, они открыли пулеметный огонь.

Соколов и его товарищи лежали возле грузовика, укрывшись за неровностями почвы. Невозможно было поднять головы — пули хлестали низко над землей. Один из бойцов неосторожно высунулся и тотчас был сражен пулей. Гнев овладел Соколовым. Но он бессилен был что-либо предпринять: слишком неравны были силы. Надо было ждать подкрепления.

А оно все не шло.

Тогда Соколов решил лично отправиться за подкреплением.

Трудность этой задачи состояла в том, что надо было добраться до броневика, оставленного за укрытием. Хотя это было и недалеко, но весь этот короткий путь простреливался японцами.

Все же Соколов решил двинуться. Он вскочил и, пригнувшись, быстро побежал. Японцы застрочили из пулемета. Соколов мгновенно лег на землю и спрятался за кочкой. Огонь утих.

«Видят они меня или не видят?» — подумал Соколов. Он решил проверить это и осторожно выглянул. Тотчас пуля сбила с него фуражку.

Соколов рванулся и вихрем перебежал к следующей кочке.

Медленно, укрываясь тщательно от огня, припав к земле, не отрываясь от нее, а иногда вдруг вскакивая и мчась сломя голову, отважный связист добрался, наконец, до броневика.

Молниеносно он завел мотор. Тронул и, быстро переводя скорости, дал полный газ. И вот вскоре он снова в части.

Подкрепление уже собрано и готово двинуться в путь. Командование этой группой поручается Соколову.

С радостью он принимает это назначение. Впервые ему приходится командовать пехотным подразделением, хотя и небольшим, но брошенным на ответственное боевое задание.

Соколов принимает правильное решение зайти японцам во фланг.

Искусно пользуясь неровностями местности, Соколов скрытно подводит свою группу почти к самому котловану. Здесь он приказывает своим людям рассыпаться. Японцы заметили наших и всполошились. Они открыли ожесточенный огонь. Казалось, ничто живое не может пробиться сквозь этот огненный шквал.

Соколов приказывает бойцам итти вперед, вперебежку по одному. Связист Соколов ведет себя как опытный пехотный командир.

И вот уже наши подобрались к самому гребню котлована. С возгласами «Ура! За Родину! За Сталина!» Соколов ведет красноармейцев в атаку.

Грозным, все на своем пути сметающим ураганом скатываются бойцы в котлован. Короткая штыковая схватка. Молниеносный гранатный бой. Японцы уничтожены.

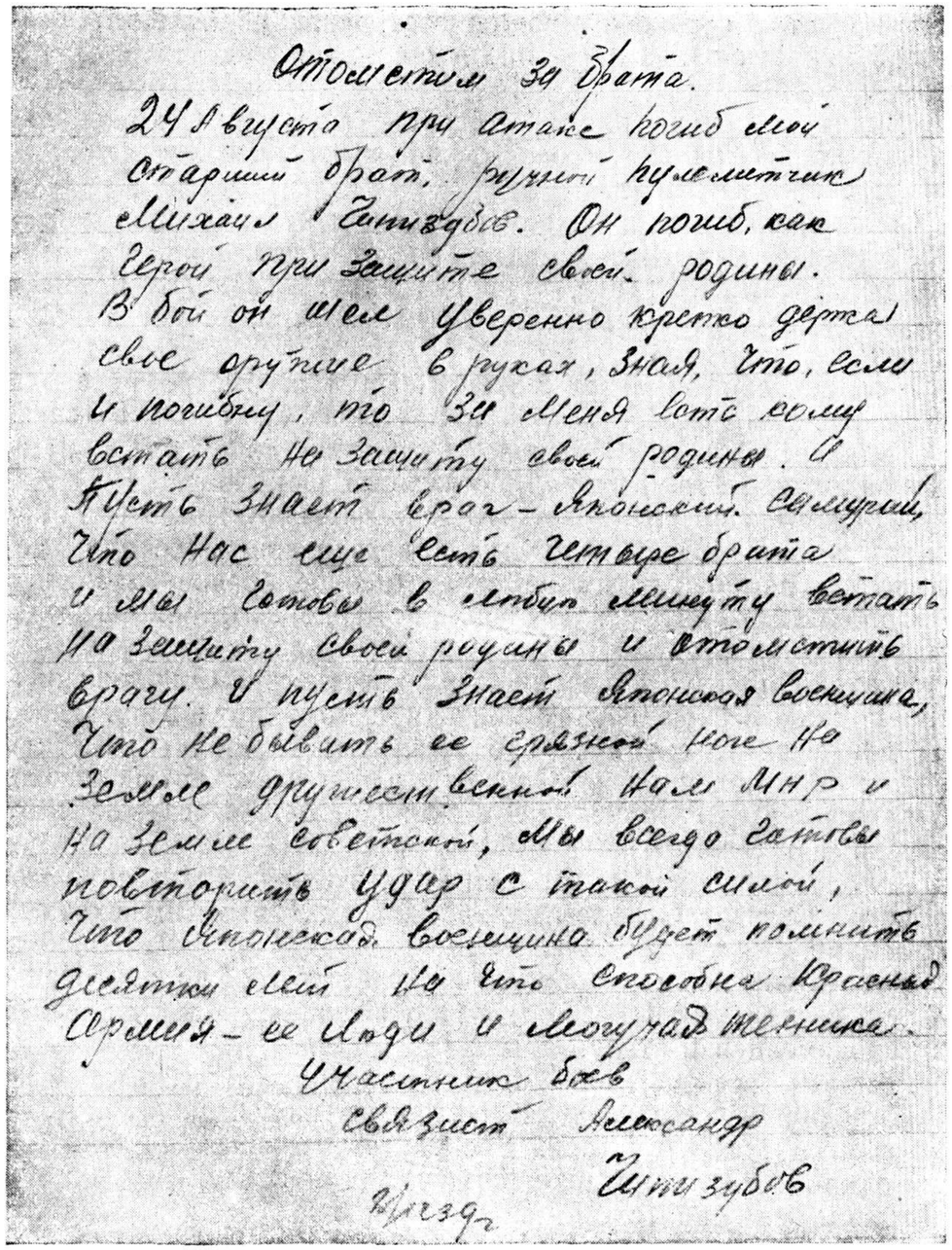
Соколов отводит машину со снарядами в часть.

Потом он садится в свой броневичок и возвращается к себе, на пункт сбора донесений. Там он сдает книгу с расписками и рапортует:

— Все пакеты сданы по назначению. Никаких особых происшествий не случилось...

ХОРОШО СЛЫШНО!

30 августа, когда брали сопку Ремизова, небольшая группа связистов во главе с майором Галошиным проводила на сопку линию.



Отомстим за брата.
24 Августа при атаке погиб мой старший брат, ручной пулеметчик Михаил Чипизубов. Он погиб, как герой при защите своей родины. В бой он шел уверенно крепко держа свое оружие в руках, зная, что, если и погибну, то за меня есть кому встать на защиту своей родины. И пусть знает враг — японский самурай, что нас еще есть четыре брата и мы готовы в любую минуту встать на защиту своей родины и отомстить врагу. И пусть знает японская военщина, что не бывать ее грязной ноге на земле дружественной нам МНР и на земле советской, мы всегда готовы повторить удар с такой силой, что японская военщина будет помнить десятки лет на что способна Красная Армия — ее люди и могучая техника.
Участник боев
связист Александр
Чипизубов

Письмо участника боев связиста тов. А. Чипизубова

Кругом песчаное безлюдье. Тихо. Жарит жгучее монгольское солнце. На раскаленном горизонте встают миражи — лиловые деревья и клубящиеся дымом озера.

Места эти только что отобраны у японцев. Еще утром здесь кипел бой, а сейчас здесь тихо, пустынно, и тоненький

провод метр за метром пробивается сквозь безлюдные барханы.

Фронт продвинулся вперед, а сзади — штаб Северной группы. Надо их связать проводом. С не видимых отсюда передовых позиций доносится артиллерийская канонада.

Рассыпавшись по буграм, связисты тянули провод, изредка шепча в трубки тихими голосами: «Меня хорошо слышно?»

Оглядывая горизонт, майор Галошин внезапно заметил в желтой песчаной дали какие-то движущиеся точки. Нет, это не мираж! Майор приложил к глазам бинокль.

То, что он увидел, заставило его мгновенно лечь в песок.

Не отрывая глаз от стекол, он лихорадочно быстро соображал:

— Их человек семьдесят... Три пулемета... Один миномет... Офицеры... прорвались из Ремизовской... Заходят с тыла к штабу Северной группы.

И пока диверсионная группа офицеров-головорезов медленно продвигалась, Галошин, приподнявшись на локте, созывал своих людей.

Со всех сторон сползались к нему связисты.

Были тут и Аксюрин, и Кузнецов, давно мечтавший сразиться с японцами, и младший командир Гринько, у которого карманы всегда набиты гранатами, и Салгуров, и другие.

Они расположились вокруг командира, молчаливые, решительные, в зеленых рубашках, перепачканных халхин-гольским песком и глиной Баин-Цагана.

Майор оглядел свое войско. Невелико оно, по совести сказать. Но зато ребята уж больно хороши!

Майор вскочил, и с внезапным и дружным криком «За Сталина!» двадцать пять связистов бросились на семьдесят вооруженных до зубов японцев.

Полетели гранаты. Затрещали с флангов этой небольшой группы отважных связистов ручные пулеметы. Палили винтовки, от непрерывной стрельбы накаляясь докрасна.

Внезапность нападения ошеломила японцев. Они дрогнули, остановились, легли. Их три пулемета открыли жестокий огонь.

Но вскоре японцы разобрались в обстановке и поняли, что наших втрое меньше, чем их.

И они принялись надвигаться на связистов широкой огненной дугой. Особенно старался их миномет. Навесным огнем, от которого не укрыться за кочкой, они непрерывно поливали связистов.

И вот уже убит Аксюрин. Пал храбрый Бояркин. Младший лейтенант Быдрин умолк, зажимая рану. И сам майор Галошин истекает кровью.

Но ни на шаг не отступают связисты.

Несколько раз вставали японцы и бросались на горсточку героев. Но всякий раз, встреченные убийственно метким огнем, откатывались назад.

Так весь день бились связисты, залегши в песках и не отходя ни на метр.

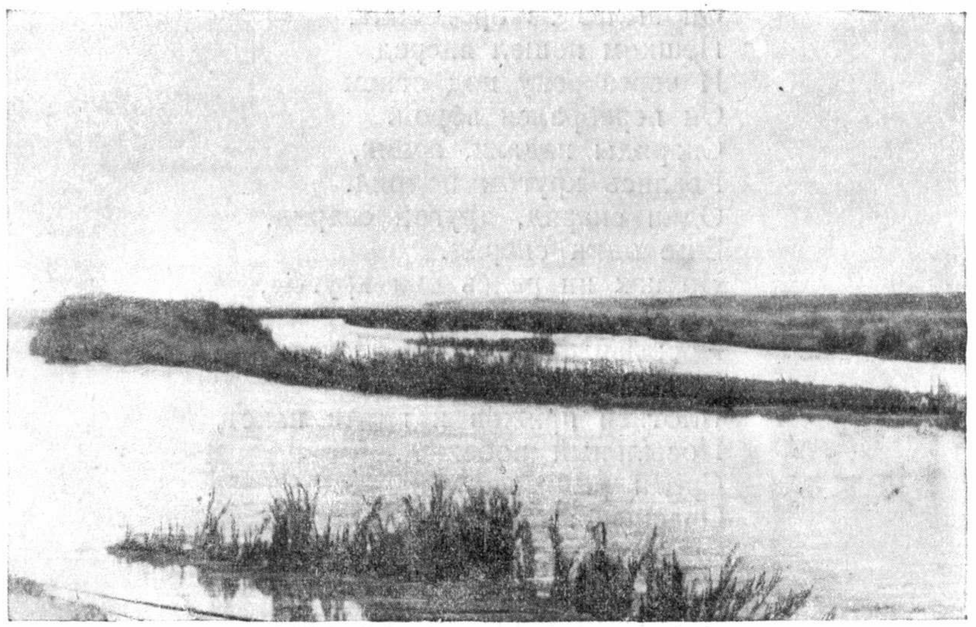
Под вечер из части полковника Алексеенко подоспела помощь. Офицерская банда была окружена и уничтожена. Разбойничий план налета с тыла на штаб не удался...

Связисты почистили винтовки, смыли с гимнастерок кровавые пятна и, взяв мотки с проводом, вернулись к своим основным занятиям. Опять они разматывают катушки, тянут проволоку и изредка шепчут в трубку:

— Меня хорошо слышно?

— Да, товарищи, хорошо! На всю Советскую страну!

★



★

К. СИМОНОВ

СРОЧНЫЙ ПАКЕТ

Посвящается младшему командиру Ф. Ситниченко

Был дан посыльному приказ:
Доставить в штаб пакет.
Снаряды рвутся, но ему
Другой дороги нет.
Пусть смерть грозит ему кругом
И нет вперед пути,
Посыльный все равно пакет
Обязан довезти.
Он на связном броневике
Доехал до реки.
Но на реке уже врагом
Разрушены мостки.
Пусть дальше на броневике
Пакет нельзя везти,
Посыльный должен все равно
До штаба с ним дойти.

Он вылез из броневика,
Пешком пошел вперед
И через реку под огнем
Он перебрался вброд.
Снаряды падали, гремя,
Рвались кругом подряд.
Один снаряд, другой снаряд,
Еще один снаряд.
Но как ни рвись они кругом,
Как пули ни свисти,
Посыльный все равно пакет
Обязан донести.
Плотней прижав к груди пакет,
Посыльный побежал,
Среди разрывов напрямик
Опасный путь лежал.
Снаряд ударил в двух шагах,
Посыльный лег в песок,
С трудом попробовал привстать,
Но встать уже не мог.
Осколок руку раздробил,
Ударил в бок — другой,
Нельзя ни встать, ни шевельнуть
Разбитою рукой.
Но если кровью весь покрыт
И нету сил итти,
Посыльный должен все равно
С пакетом доползти.
Сжимая зубы, он вставал,
Вновь падал и вставал.
Всю силу, волю он к себе
На помощь призывал.
Кровь залила ему глаза,
И звон стоял в ушах.
Еще хоть три, еще хоть два,
Еще хотя бы шаг.
Пускай уж еле дышит грудь,
Пусть нет уж сил ползти,
Ценою жизни свой пакет
Обязан он спасти.
Посыльный твердо знал приказ,
Пакет им был спасен,
Едва дыша и весь в крови,
Дополз до штаба он.
Смешались небо и земля,
Вертелось все вокруг,
Но он пакета до конца
Не выпустил из рук.
И только в руки свой пакет
Начальнику вручив,
Лицом на пыльную траву,
Упал он, еле жив.
Так, из последних сил, связист
Приказ доставил в полк.
Учись, товарищ, выполнять,
Как он, священный долг!

★

★

З. ХИРЕН

РЯДОВОЙ БОЕЦ

Товарищи уехали на фронт, а Фетисов все продолжал разъезжать по опустевшему городку на своей водовозке. С тех пор, как начались бои, потребность в воде резко уменьшилась. Часто к концу дня цистерна оставалась почти нетронутой.

Скучная жизнь настала для красноармейца Фетисова. Раньше, бывало, у кухни с радостью встречали его веселые повара, у казармы дневальные благодарили за то, что он вовремя наполнил бачок водой. Теперь поваров не стало. Они сели на облучок походной кухни и укатили вместе со всеми на фронт. Не видно также и приятелей — дневальных, которые тоже давно участвуют в боях.

— Один я остался здесь,— с грустью повторял каждый день Фетисов.

Вначале он надеялся, что вот-вот поставит свою водовозку в гараж, а сам получит пулемет, патроны, — и марш на фронт.

Время шло, и никто ему таких предложений не делал. Фетисов стал частенько наведываться к политруку Кузьменко:

— Как хотите, а свою водовозку я сдам и сам на фронт поеду. Некому сейчас пить из моей цистерны.

А ему твердили одно:

— Ты нужен здесь.

Приходила в голову мысль: убежать на фронт и там потихоньку устроиться в пулеметный расчет. Но на другой день Фетисов опять садился в кабину своей водовозки и снова разъезжал по городку, снабжая водой оставшиеся семьи командиров.

Однажды в городок приехал майор Беляков и сказал Фетисову:

— Собирайтесь на фронт!

Фетисов даже не поверил своему счастью. Потом спросил:

— Товарищ майор, разрешите поставить водовозку в гараж?

— Нет, — ответил майор, — поедете на водовозке. Вода крайне нужна бойцам на фронте.

Фетисов немного разочаровался. Он собирался воевать, а разве на водовозке будешь участвовать в боях. Осмотрел свою машину, хорошенько заправил ее, захватил ранец, винтовку и приготовился к отъезду.

Всю дорогу думал о том, где же начинается фронт. Стрельбы пока не было слышно. Боялся, как бы не проехать мимо своей части. Но вскоре почувствовал, что находится на фронте. Совсем близко гремела артиллерийская канонада. Невдалеке упал снаряд, и в воздух взлетели глыбы земли.

Фетисову показали расположение части, объяснили, где набирать воду. Боец стал осваиваться с новой обстановкой.

По дороге к реке рвались снаряды, над головой Фетисова происходил воздушный бой. В кабине машины дрожали стекла. Вот, наконец, и Халхин-Гол. Не успел Фетисов выйти из машины, как на него со всех сторон накинулись саперы:

— Уезжай поскорей отсюда, здесь бьет японская артиллерия.

Фетисов попробовал отшутиться: что, мол, это за война, если не будут стрелять. Он поудобнее поставил свою машину, а сам с ведром в руках направился к реке.

Саперы не унимались. Они настойчиво требовали, чтобы водовоз немедленно убрался отсюда.

— Не могу я, товарищи, уехать без воды. Там меня ждет целый батальон...

Наполнив цистерну, Фетисов завел машину и помчался к своему батальону. Бойцы в это время сидели в окопах. Пить хотелось всем. Вокруг воды нигде не было, баклажки давно уже опустели. И вот со стороны лощины подошла знакомая машина. Водовоз оставил ее внизу, а сам подполз

Красноармеец-повар тов. Сурнин доставляет бойцам пищу в термосе

к окопам, быстро отыскал командира. Обратно воротился уже не один, за ним бежали бойцы с баклажками, кружками и котелками. Фетисов раздавал воду, расспрашивая у всех, как идут дела, скоро ли атака, и нельзя ли в ней участвовать.

С этого первого дня Фетисов задумался, как бы ускорить доставку воды. Пока наполнишь фляги, уходит много времени.

И вот он стал усердно собирать в тылу старые кадки, бочонки, банки. Сам разогрел на костре воду и начисто вымыл всю эту посуду. Он собрал столько кадок, чтобы хватило всем подразделениям. Теперь, подъезжая к бойцам, наполнял очередную кадку и спешил ехать дальше.

Часть продвигалась вперед. Нередко Фетисов, рассчитывая утром встретить в определенном месте своих товарищей, находил здесь лишь пустую кадку. Это означало, что ночью был бой, и наши части, разгромив врага, пошли вперед. Фетисов захватывал с собой пустую кадку и догонял товарищей.

Так было и на этот раз. Подъехав к месту расположения батальона, Фетисов никого там не обнаружил. Отправился дальше. Долго искал и все-таки не нашел своих. На одном из барханов неожиданно попал под обстрел. Фетисову кое-как удалось выползти из кабины и спрятаться в овраге. Но недолго пролежал он там. Стрельба продолжалась, и Фетисова не переставала тревожить мысль о товарищах. Сидеть здесь дольше нельзя. Разобьют цистерну, и тогда весь батальон останется без воды.

Фетисов осторожно пополз к машине. Лежа, забрался он на правое крыло, нажал одной рукой на стартер, а другой держал педаль. Когда скорость была включена, вполз в кабину. Японцы продолжали стрелять. Теперь они стреляли не из пулемета, а из орудий, но Фетисов был уже далеко от бархана. Он уже близко подъехал к своим, но машина забуксовала. Одному вытащить ее невозможно. Фетисов налил ведро воды и направился к окопам. На пути его предупредил красноармеец:

— Только ползком, здесь стреляют!

Ползти с ведром воды было трудно, но он все же добрался к своему батальону. Его встретили с радостью. Когда он рассказал, что водовозка застряла в песках, товарищи кинулись на помощь.

Воды в цистерне оставалось еще много, и отважный водовоз направился в другое подразделение. Час был горячий. Всюду шла отчаянная стрельба. Подъезжает он к подразделению командира Голяка, а тот бежит навстречу и кричит:

— Уезжай отсюда поскорей! Видишь, бой идет!

Фетисов открыл дверцу кабины и спокойно ответил:

— Товарищ командир, по плану я должен вас сейчас снабдить водой. Разрешите приступить!

Как ни уговаривали Фетисова уехать, он все же выполнил свое дело, напоил всех, а потом уже отправился дальше.

Бой разгорался. Машину все время обстреливали. На позициях одного из подразделений к Фетисову обратился капитан. Он сообщил, что недалеко отсюда лежит тяжело раненый боец, которого необходимо вывезти из-под огня японцев и доставить на медицинский пункт. Фетисов помчался туда на своей водовозке. Спрятав машину в укрытии, он пополз за раненым. Стрельба не прекращалась. Фетисова легко ранило

в руку, но он продолжал свой путь. Раненый боец был спасен. Фетисов перенес его к машине и сделал перевязку.

Спасая товарища, он встретил по пути еще несколько раненых бойцов и вернулся к ним, чтобы и их вынести из-под вражеского огня. Потом повез всех раненых в лазарет.

У переправы встретилась санитарная карета, Фетисов передал раненых санитарам, а сам, набрав свежей воды, поехал обратно.

Возвращаться было еще трудней. Артиллерийский обстрел не прекращался. Водовозку пробило в нескольких местах, и только к ночи Фетисову удалось пробраться поближе к своим.

На рассвете все выяснилось. Наши части окружили японцев и уничтожили их. На том месте, где раньше стоял японский штаб, расположился теперь наш батальон. Фетисов заторопился к товарищам.

На протяжении всех боев этот отважный красноармеец ни разу не оставлял свой батальон без воды. В пылу горячего сражения появлялась его водовозка. После атаки он появлялся, чтобы утолить жажду товарищей. Его знали бойцы и командиры всех родов войск. Завидев колонну танков, возвращающихся из боя, он мчался к ней навстречу и, останавливаясь у каждого танка, предлагал свежей воды. Он поспевал к разведчику, идущему на рассвете из ночной разведки, и наполнял свежей водой его пустую баклажку.

А в те дни, когда перестрелка утихала, Фетисов подходил к командирам и предлагал устроить баню:

— Бойцам нужно помыться, — говорил он, — а воды у меня для этого хватит.

Много раз пробирался он под ураганным огнем врага к реке, чтобы достать воды для купания товарищей...

В один из горячих боевых дней Фетисов обратился к старшему лейтенанту Ткаченко с просьбой дать рекомендацию для вступления в партию. Об этом узнали другие командиры-коммунисты. Всем хотелось рекомендовать в партию отважного красноармейца. И Фетисов на поле боя был принят в кандидаты ВКП(б).

Такова боевая биография героя Халхин-Гола, красноармейца Михаила Фетисова.

★

★

Н. КРУЖКОВ

СЕКРЕТАРЬ ПАРТБЮРО

Батальон шел на фронт походным маршем. Была адская жара. Казалось, что ступаешь по раскаленным углям. Пыль столбом стояла на дороге. Беспощадное монгольское солнце обжигало лица. Вместе с батальоном, деля трудности и невзгоды марша, шел секретарь партбюро Андрей Ермаков. На привалах, когда все отдыхали, он, превозмогая усталость, обходил парторгов, собирал коммунистов, беседовал с ними. Секретарь требовал, чтобы коммунисты части были во всем впереди, являлись источником бодрости для всех.

Для Андрея Ермакова, уральского рабочего, это был первый опыт партийной работы в боевой обстановке. Все время тревожила мысль: как поведут себя бойцы на фронте? Как покажут себя коммунисты? Каков будет результат работы, проведенной во время похода.

Но вот и фронт! Кончилась равнина, появились первые холмы — Хамар-Даба. Из-за горы тянуло прохладой — за горой несла свои воды река Халхин-Гол. Уже слышна была артиллерийская канонада. Снаряды неприятеля ложились неподале-

ку, поднимая тучи земли и застилая сизым дымом долины и котлованы.

Батальон собрался на короткий митинг. Волнуясь, слушал секретарь горячие речи бойцов. Забыв про усталость, бойцы говорили о своей готовности немедленно итти в бой, о своей любви к Родине, о верности присяге. Секретарь всматривался в лица ораторов и слушателей. — Хороший народ, — думал он, — такие не подведут...

* * *

Батальон развернулся, отбил противника и снова занял рубеж, оставленный накануне частью, не выдержавшей натиска японцев. Первый бой, первое испытание! Секретарь вечерком, когда стало тихо, решил собрать партийцев, поговорить с ними о том, как вели себя бойцы в первом столкновении с врагом, расставить людей, дать партийные поручения. Собрание это было своеобразно. Парторги приходили по одному, по двое. Секретарь, побеседовав с одними, шел сам к другим, в блиндажи, в траншею, в укрытие. К вечеру со всеми переговорил — и «собрание» закончилось.

И когда секретарь лично видел или узнавал, что коммунист вел себя в бою храбро, стойко, показывая всем другим пример, увлекая за собой своих товарищей, он чувствовал, что здесь и его доля, плод его организаторской и воспитательной работы, внешне может быть и неприметной.

И он радовался успехам партийцев батальона, как своим личным, и переживал их неудачи, как свои личные, внимательно следя за ростом людей своего батальона, за тем, как крепнут их воля, их решительность, их боевая сноровка.

Коммунисты батальона были впереди. Они дрались с врагом, не щадя своих сил и своей жизни. Они шли в самые опасные места, сурово и твердо выполняя свой долг сынов великой партии Ленина — Сталина.

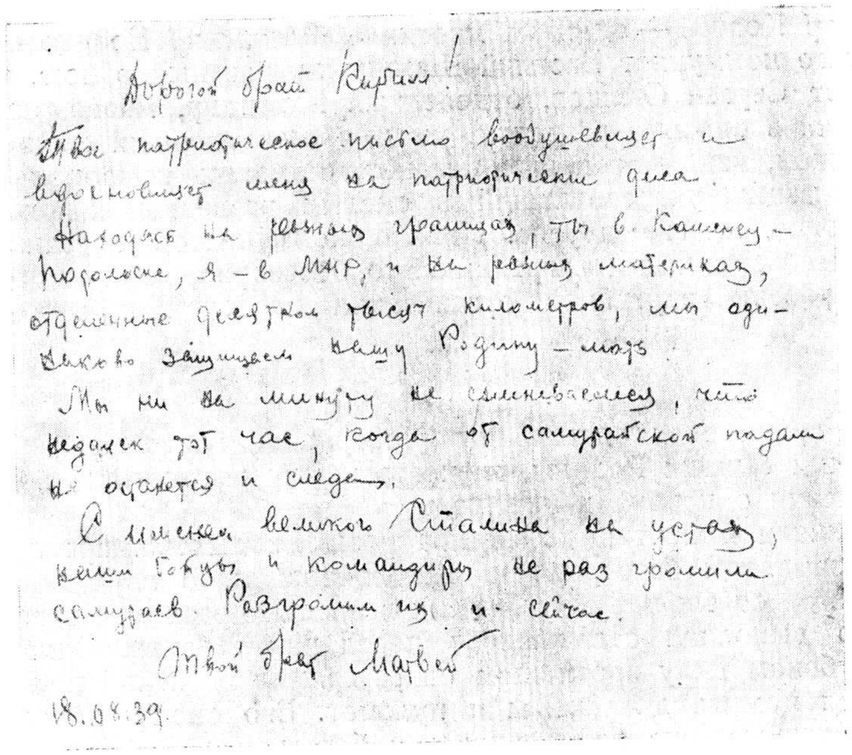
Был тревожный момент, когда перед одной решительной атакой на группу противника, засевшую в котловане, бойцы замялись. Надо было броситься вперед, но бойцы зарывались в землю. Тянулись минуты, полные напряжения, казавшиеся часами. И тогда поднялся рядовой боец коммунист Петр Коптев.

Он крикнул товарищам:

— За Родину! За нашего Сталина!

И под градом пуль сделал первый бросок. За ним устремились другие, поднялась вся рота, загремело «ура», и стремительным ударом враг был выброшен из котлована, расстрелян в упор, уничтожен.

Однажды та же рота отбивалась от наседавшего противника. Гранаты были на исходе, а враг вот-вот ринется



Дорогой брат Кирилл!

Твое патриотическое письмо воодушевляет и вдохновляет меня на патриотические дела.

Находясь на разных границах, ты в Каменец-Подольске, я — в МНР, и на разных материках, отделенные десятком тысяч километров, мы одинаково защищаем нашу Родину — мать.

Мы ни на минуту не сомневаемся, что недалек тот час, когда от самурайской падали не останется и следа.

С именем великого Сталина на устах, наши бойцы и командиры не раз громили самураев. Разгромим их и сейчас.

Твой брат Матвей

18.08.39.

Письмо к брату

в атаку. Командир лейтенант Болдырев окинул взглядом своих бойцов:

— Кто доставит гранаты?

Коптев сказал:

— Я!

— Действуйте, — приказал Болдырев.

Боец отполз. Пули вонзались в землю, взметывая струйки песка. Напряженно следил командир за движениями бойца. Вскоре Коптев был вне опасности. Через полчаса он появился снова, сгибаясь под тяжестью ноши. Оставалось доползти каких-нибудь 150 метров, но тут боец почувствовал, что силы оставляют его. Величайшим напряжением воли он заставил себя сделать эти 150 шагов. Противник вел жаркий винтовочный и пулеметный огонь. Но Коптев уже не реагировал на опасность, усталость заполняла все его тело. Наконец, он дополз, передал гранаты и потерял сознание.

Через несколько минут, едва придя в себя, Петр Коптев снова пополз за гранатами для левого фланга.

Японские атаки были встречены жестоким огнем «карманной артиллерии» и отбиты с большим уроном для врага.

Отважного бойца Коптева избрали вскоре членом партийного бюро. Это явилось оценкой со стороны коллектива действий Коптева, его храбрости и мужества.

Петр Коптев — один из многих в батальоне. Не отставали от него коммунист Василий Шамшурин, раненый в бою, коммунист Сергей Свищев, отделенный командир, много раз ходивший в опасные разведки, умело командовавший своим отделением, кандидат партии Иванов, секретарь комсомольской организации, участвовавший в смелых разведках и поисках, и многие, многие другие. Немало коммунистов награждено правительственными наградами. Это, бесспорно, является оценкой работы партийной организации в целом и ее секретаря Андрея Ермакова.

* * *

Во время боев одиннадцать товарищей, показавших себя верными сынами Родины, мужественными патриотами, подали заявления о приеме в партию.

Приняли в партию командира роты Болдырева, прославившегося своим бесстрашием, хладнокровием. В глухие ночи ходил он со своими смельчаками в опасные разведки и всегда точно выполнял ставившиеся перед ним задания. Однажды в глубоком тылу противника он разгромил японский штаб, захватил ценные документы и пулемет. Его смелость создала ему заслуженную популярность в батальоне.

Вступил в партию лихой командир взвода комсомолец Южаков, боевой разведчик, отличившийся при штурме высоты Песчаная, младший лейтенант Медников, прекрасно показавший себя и в разведке, и в наступлении, и в обороне.

Они вступили потому, что почувствовали всем сердцем, всей душой свою близость к партии, они видели, как дрались с врагом партийцы, они восприняли их боевой дух, они решили стать на место выбывших из строя большевиков, они поняли, что нет ничего на свете радостнее, чем быть в рядах борцов за коммунизм.

Одиннадцать вновь вступивших в партию верных сынов Родины и народа — в этом также заключена оценка работы партийной организации батальона.

* * *

Уральский рабочий Андрей Ермаков, 35-летний человек, с круглым пермским говорком, неторопливыми движениями — чужд всякой фразе. Он рассказывает о боях и схватках, об атаках и разведках так же спокойно, как о работе своей паровой машины на заводе. Собственно, если поверить ему, то решительно ничего выдающегося он не совершал. Ну, пришлось участвовать в наступлении в тяжелые июльские дни, затем отбивать атаки японцев, находясь в рядах спешившегося кавалерийского эскадрона, потом штурмовать сопку Песчаную. А так, в общем, ничего выдающегося!

Бессонные ночи, полные тревог и волнений, неустанная работа с людьми, партийные собрания под ураганным огнем, заседания бюро под свист пулеметных очередей, прием в партию перед атакой или после атаки — это, ведь, будни секретаря партийной организации боевой части.

* * *

Отгремели бои, замолкла канонада, не слышен больше свист пуль — тихо стало на позициях. Другие вопросы появились на повестке дня заседания партийного бюро: о приведении в порядок боевого оружия, о белье для красноармейцев, о подготовке к зиме.

Секретарь Андрей Ермаков работает сейчас не меньше, чем во время боев. День попрежнему кажется коротким, приходится частенько сидеть по ночам.

Сегодня тихо на позициях, а завтра, может быть, грянет бой. Надо быть готовым ко всему!

★

☆

Техник-интендант 1 ранга А. ТРОИЦКИЙ

КОМСОМОЛЕЦ ПАВЕЛ ЗАЗУЛЯ

Огромной радостью было для комсомольца Павла Зазули решение призывной комиссии о зачислении его в ряды Красной Армии. Незадолго перед этим он вышел из больницы. Ночью на колхозном поле вражеская рука направила трактор на палатки полевого стана. В трех местах был сломан позвоночник у Павла Зазули. Три месяца пролежал он в больнице. Позвоночник сросся, но последствия перелома все же давали себя чувствовать. Да, было о чем волноваться! «Как бы не забраковали», — думал Павел, идя на призывной пункт. Но все прошло хорошо. Он теперь боец Красной Армии. Казалось, он вырос на целую голову. Казалось, он самый счастливый человек. Любовно разгладив складки на темнозеленой гимнастерке, поправив ремень, посмотрев еще раз на новые сапоги, Павел остался доволен. Да и в самом деле! Какой костюм может быть лучше костюма воина Красной Армии? Нет, никакой! Недаром с такой завистью говорят японские солдаты: «В темнозеленых гимнастерках, в высоких сапогах, все красноармейцы похожи на офицеров».

...День за днем Павел Зазуля упорно осваивает технику. За работу в подразделении и уход за боевым оружием Павел получает два поощрения от командира и политрука. Но вот после одного длительного и довольно трудного полевого учения снова стал «пошаливать» сломанный позвоночник. Пришлось обратиться к врачам. Павел Зазуля был переведен на нестроевую работу и назначен библиотекарем. С сожалением оставлял он боевую технику, он привык уже к ней и полюбил ее.

Павел Зазуля с комсомольской страстью берется за новое для него дело. Организует читательские конференции. Результаты сказываются быстро. Почти каждый красноармеец, каждый командир выписывает газету. В день печати на читательской конференции части Павел Зазуля награжден ценным подарком.

...В одно майское утро Павел, придя с политзанятий в библиотеку, просматривал план дневной работы. Конечно, первым делом — уборка библиотеки. Затем... дочитать не удалось. Сигнал трубы — знакомый, волнующий — звал взять винтовку и стать в строй. В голове тревожно пронеслось: не опоздать!

...Машина подходила к месту боя. Впереди виднелись клубы дыма от горящих японских машин, разбитых мощными артиллерийскими залпами. Павел Зазуля окончил протирать винтовку. Скоро в бой, ничего, что от дорожной тряски болит сломанный позвоночник. Разве можно оставаться в тылу в такой момент! Конечно, нет! В бой! Комиссар разрешил участвовать в бою.

Засовывая гранату в карман, Павел спешит догнать свое подразделение. Река осталась позади, Павел идет по незнакомой местности, в ту сторону, где слышны выстрелы и пулеметный треск. Там наши — скорее догнать. Откуда-то слева застрочил пулемет. Роем жужжали пули, защокали по песку, совсем рядом. «Заметили, гады, нужно укрыться, но куда?» Впереди и позади была ровная лужайка, покрытая весенней травой, справа чернел крутой обрыв песчаного яра. Раздумывать некогда. Павел, пригнувшись, побежал к обрыву. А пули догоняют его, ложатся рядом. Еще несколько шагов, прыжок... и что-то тупым ударом бьет по больному позвоночнику. На миг кругом становится темно. Далеко, далеко уносятся пулеметная дробь и тонкий свист пуль.

...Он открыл глаза. Кругом тишина, вдалеке трещат винтовочные выстрелы. Уже вечер. Что случилось? Ах, да, прыжок в ров, удар в спину, ранен. Он пробует встать. Тупая боль в спине заставляет его прилечь снова. Крови нет, значит не ранен. Осторожно повернувшись, он осматривается кругом. Под спиной лежит большой камень. Ударился при

Комиссар 24-го стрелкового полка батальонный комиссар И. Щелчков проводит в перерыве между боями совещание комиссаров батальонов и политруков рот

прыжке. Он глядит вверх. Высоко над головой чернеет край обрыва.

Поднявшись с винтовкой в руках, он идет вперед на ружейные выстрелы, чтобы занять свое место в строю.

Спускается ночь. Роем жужжат комары, жаля лицо, руки, шею. Вглядываясь в каждый куст, Павел быстро перебегает вперед.

Справа вновь затрещали винтовочные выстрелы. Почти рядом видны силуэты людей. Павел крикнул: «Кто?» и в ответ услышал знакомое: «Цирик». Ползком Павел добрался до славных защитников Монгольской Народной Республики. Шла перестрелка с японцами. Взглянув вперед, он заметил за бугорком, где серели японские окопы, шлем с белой повязкой. Прицелившись, нажал на спусковой крючок. Грянул выстрел. Павел увидел, как дернулся шлем с белой повязкой и упал к земле. Это был первый враг, которого снял метким выстрелом Павел Зазуля.

Спокойно, одну за другой, посылал Павел пули в цель. Вскоре его слух уловил, что лежащий рядом цирик слишком торопливо заряжает винтовку и быстро, не целясь, производит выстрел. Павел подполз и тронул цирика за плечо: «Целиться нужно, нахор (товарищ), а то шуму много, а толку мало. Видишь ли в чем дело!» Не понимает цирик по-русски. Павел пополз, отыскал монгольского командира и попросил

объяснить цирику: «Экономить патроны нужно, каждую пулю в цель посылать, чтобы толк был».

К вечеру, когда японцы были разбиты, Павел Зазуля вернулся к своей машине, запыленный, усталый, но радостный. Увидев только что полученные газеты, он приступил к своим обязанностям библиотекаря. Поздно вечером, вычистив винтовку, умывшись и завернувшись в плащ-палатку, он крепко уснул. Ведь он не спал трое суток.

Утром с винтовкой, с пачками газет и писем, с чистыми конвертами, бумагой, карандашами для бойцов Павел Зазуля идет на передовую линию. Двадцать километров пешком, иногда пригнувшись, иногда перебежкой, идет библиотекарь Зазуля. Вечером в окопах бойцы и командиры получают свежие газеты, читают письма и сдают корреспонденции для отправки. На рассвете Павел возвращается и, уйдя в сторонку, перематывает портянки. Подходит машина, и Павел едет за новой почтой.

— Зазуля, позавтракай да усни немного, — говорит товарищ.

— Приеду не во-время, опять мало газет дадут, и бойцы их поздно получат. Вот быстро съезжу, а потом поем. Видишь ли в чем дело! (Это было его обычное присловье.)

Машина скрывается за сопкой.

Многие на фронте ждут его появления с радостью, ожидают, что он принесет новую газету, а может быть и письмо.

...Вот он, высокого роста, с карими глазами, стоит и рассказывает свою несложную биографию комсомольскому собранию, которое решит, дать ли ему рекомендацию для вступления в партию большевиков.

«Видишь ли в чем дело, отец и мать колхозники; работал продавцом в кооперации, счетоводом; призвали в армию; подал докладную об оставлении в кадрах Красной Армии».

Дальше биография всем знакома...

★

Старший политрук М. ГРЕБЕНИН

СРЕДИ РАНЕНЫХ

Монгольский городок Тамцак-Булак раскинулся в знойной степи. В ясный день еще издали видны его несколько сверкающих белизной невысоких зданий, окруженных сотнями юрт и палаток. На грунтовых дорогах, ведущих к городку, беспрерывно мелькают грузовые, легковые и санитарные машины. В небе гудят моторы. Громадные транспортные самолеты опускаются на аэродроме у окраины городка...

Здесь расположился госпиталь фронта. В перевязочной, операционной идет смелая и упорная борьба за жизнь раненых героев Халхин-Гола.

Сталинская забота о людях видна во всем. Из далекой Москвы самолеты привозят медикаменты, консервированную кровь, аппаратуру, продукты. Обратно они увозят тех раненых, которым необходимо серьезное лечение в Советском Союзе. В фронтовом госпитале работают лучшие хирурги страны, в том числе профессор Ахутин.

Изумительны выносливость и выдержка раненых. Они не жалуются на боль. В палатках редко можно услышать стоны.

Перед опасной операцией, ложась под нож хирурга, красноармеец Белинский говорит: «Комсомольцы не должны бояться смерти». Стиснув зубы от боли, не роняя стонов и жалоб, стойко держатся раненые во время перевязок. Единственное их желание — поскорее излечиться, поскорее вернуться в строй защитников Родины.

В своеобразных условиях госпиталя ни на минуту не прекращается политическая работа. Вот в одной из палаток проводится политинформация, в другой — возникла беседа о героических подвигах наших бойцов в боях с японцами, в третьей — раненые слушают рассказ о блестящей работе хирургов госпиталя.

Когда вновь прибывшие раненые узнают о достижениях советской хирургии, их уверенность в своем выздоровлении укрепляется. Они становятся бодрее, веселее. С захватывающим интересом слушают они историю красноармейца Куликова. Он был доставлен в госпиталь с признаками газовой гангрены левой ноги. Ампутация ноги казалась неизбежной. Скрепя сердце молодой боец согласился на операцию. В последнюю минуту хирург-большевик Теребин, чтобы спасти красноармейца от инвалидности, решается итти на большой врачебный риск. Усилия смелого врача увенчались успехом. Проснувшийся после операции Куликов не верит своим глазам: нога его цела... Другой случай. В госпиталь доставили летчика. Раны превратили его лицо в сплошную кровавую массу. Искусная операция, произведенная профессором Гориневской, вернула лицу летчика его черты...

Политический работник госпиталя — ближайший друг раненых. К политработникам обращаются с самыми разнообразными вопросами. Одни просят разыскать партийные или комсомольские билеты, взятые у них на медпунктах; другие ходатайствуют о возвращении на фронт; третьи хотят знать, как протекают боевые операции.

В госпитале пять политработников. У них тысячи забот. Необходимо следить за эвакуацией раненых, контролировать работу службы питания, заботиться о снабжении госпиталя, всюду бывать, все знать. Необходимо создать такие условия, чтобы раненые не чувствовали себя оторванными от жизни фронта и всей Советской страны.

Вновь прибывшие раненые, увидев политработника, забрасывают его вопросами о ходе боевых операций, просят принести газеты. Тут же завязывается беседа. Раненые по очереди рассказывают о боях, в которых они принимали участие. У каждого есть о чем вспомнить. Перед слушателями проходят десятки героических эпизодов. Люди слушают и говорят, позабыв про свои раны. Оживленный обмен впечатлениями между пехотинцами, артиллеристами, танкистами и

летчиками напоминает собой картину военного совещания. Только белые повязки выдают его участников.

Умело направляя беседу, политработник превращает ее в своеобразную политинформацию о положении на фронте.

Из числа раненых быстро выделялись способные беседчики и чтецы. Среди выздоравливающих и легко раненых мы постоянно имели актив агитаторов и пропагандистов. После их возвращения на фронт или эвакуации создавались новые кадры. В политической работе среди раненых принимали горячее участие врачи и медицинские сестры. Врачи Сидоров и Тарловский, сестры Конина и Горшунова, санитары Огнев, Комлев, Кочергин, Зуев и многие другие все свободное время уделяли товарищеским беседам в кругу раненых.

Помимо информации о положении на фронте, мы широко популяризировали среди раненых боевой опыт и героические подвиги воинов Красной Армии. Разъясняли подоплеку японской провокации на границах Монгольской Народной Республики. Конкретными примерами, описаниями боевых эпизодов и наших успехов на фронте укрепляли уверенность в скорой и окончательной победе над врагом. Путеводной нитью в нашей работе были священные слова военной присяги. Они поднимали в бойцах ярость и ненависть к врагу, воспитывали любовь к Родине, партии, Сталину.

Индивидуальными и групповыми беседами, читками газет и художественной литературы не исчерпывается политработа в госпитале. Иногда мы устраивали лекции и доклады о причинах японской агрессии, освободительной войне в Китае и на другие темы. Большой любовью пользовались у раненых «Боевые листки». Авторами заметок и статей были сами раненые. В простых и ярких строках они рассказывали, как надо беззаветно драться против врагов Родины, не щадя своей крови и самой жизни.

Особое внимание мы уделяли борьбе с ложными слухами. Бывало, что раненые бойцы делились своими впечатлениями, не зная и не понимая общей обстановки на фронте. Наблюдая только тот или иной участок фронта, где у нас были потери, они обобщали это и делали неверные выводы.

Наша победа на Баин-Цагане общеизвестна. Между тем отдельные раненые, не по злой воле, а по незнанию масштабов всей операции, преувеличивали наши потери. Естественно, что политработники вмешивались в такие беседы и разъясняли действительное положение дел.

Были и другие факты. Наша авиация беспощадно громила врага в воздухе. Каждый день происходили воздушные бои, и всегда победа оставалась за сталинскими соколами. Но не каждому удавалось наблюдать воздушные бои и их результаты. На правом фланге, например, идут самые жаркие воздушные схватки. Японские самолеты, пылая, как факелы, рушатся на землю. На левом же фланге в это время назойливо кружится японский разведчик. И вот с этого фланга приезжает в госпиталь раненый и рассказывает своим товарищам по палатке, что нашей авиации не видно.

Политработники госпиталя, опираясь на факты, разоблачали вздорность этих слухов, которые зачастую передавались со вторых и третьих уст.

В этой работе были большие трудности. Политотдел армейской группы находился от нас далеко, связь с ним была недостаточной, информацию о положении на фронте мы получали нерегулярно. Это сильно тормозило политическую работу среди раненых.

В госпитале мы не давали раненым скучать. Часто демонстрировались кинофильмы. Широко использовались музыкальные инструменты и патефоны. Между палатками то и дело возникали импровизированные концерты.

Политико-моральное состояние раненых было очень высоким. Это прежде всего выражалось в упорном стремлении во что бы то ни стало возвратиться на фронт. Многие раненые часто не желали сдавать оружие, заявляя, что через два-три дня они обязательно вернутся в свою часть. Нельзя без волнения читать письмо раненого командира бронемашины Федора Ефимина:

«28—29 мая я участвовал в боях с японо-манчжурскими захватчиками. Вражеская пуля попала мне в ногу. Меня отвезли в госпиталь. Там пролежал я день и не вытерпел. Мои товарищи сражаются с японскими налетчиками. Пойду и я бить гадов. Выписался я из госпиталя и снова сел в свою боевую машину.

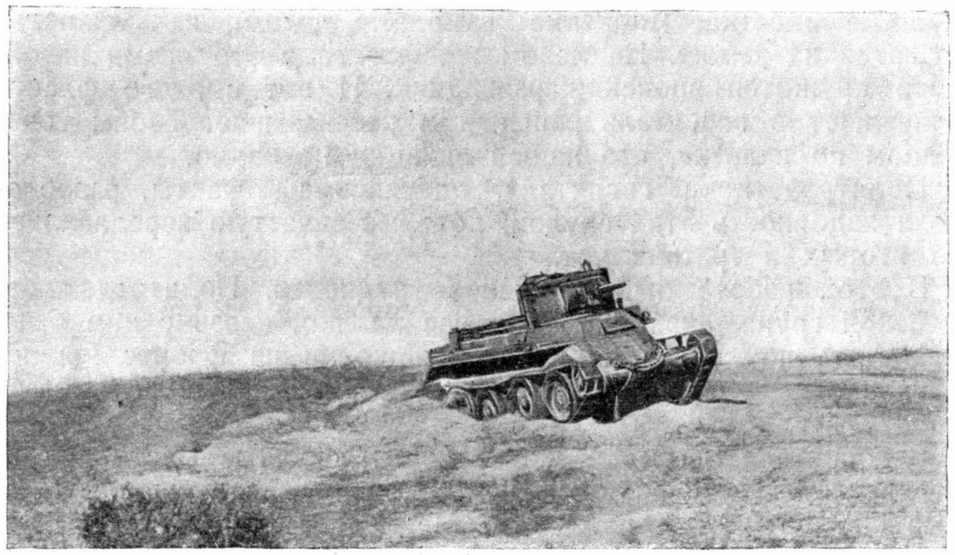
С 2 по 5 июля я снова участвовал в боях. В эти дни мы немало покосили японских гадов. Двумя снарядами я поднял в воздух противотанковую пушку врага. Вывез с поля боя двух раненых товарищей.

В этом бою меня ранило японским снарядом. Четыре осколка попали в грудь. Но и на этот раз я не хочу долго лежать в госпитале.

Хочу сесть на свою машину и громить врагов».

И Федор Ефимин в третий раз отправился на фронт. Таких случаев множество. Они свидетельствуют о высоком боевом духе раненых, о патриотических чувствах и настроениях, которыми жил фронтовой госпиталь в Тамцак-Булаке.

★



★

Красноармеец Н. ФОМИН

СМЕРТЬ, НО НЕ ПЛЕН!

Никто из нас не видел, как погиб экипаж танка, которым командовал кандидат ВКП(б) старший лейтенант А. В. Чернышев. Когда мы нашли подбитый танк, вокруг в песках валялись трупы японцев, и нам стала ясной картина, как умирали три танкиста.

Японцы со всех сторон окружили подбитую орудием машину. Они били прикладами, требовали, грозили, приказывали экипажу выйти, но в ответ раздавались выстрелы, и враги, как скошенные, падали на песок.

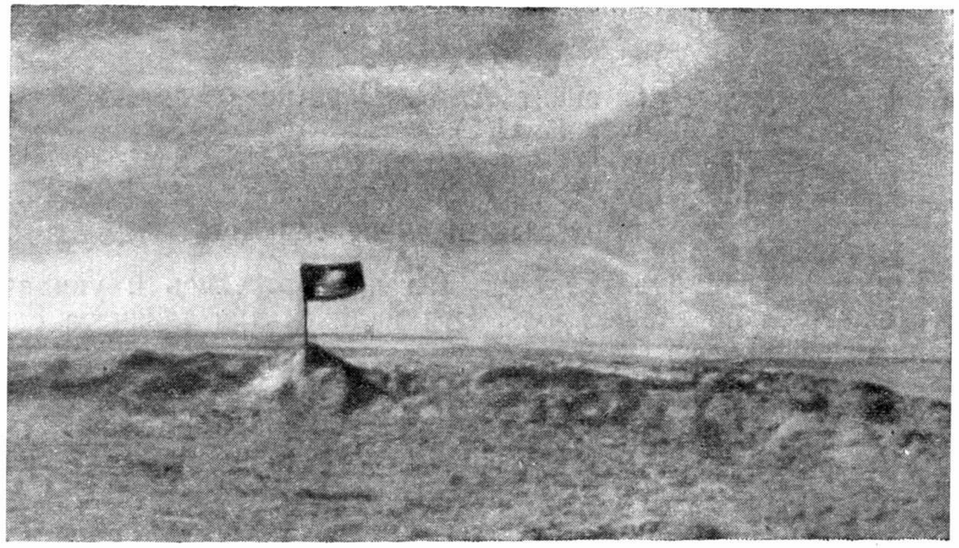
Но вот умолк пулемет. Три танкиста расстреляли почти все патроны. Тогда японские офицеры и солдаты, убедившись, что советские танкисты не сдадутся, пошли на последнюю подлость. Несколько солдат взобрались на башню и миной подорвали люк. Но экипаж оставался в машине. Раненые танкисты не сдавались. Истекая кровью, они лежали в машине и отстреливались из пистолетов. А когда отгремели выстрелы и японские хищники забрались внутрь, три танкиста лежали мертвыми.

Они лежали, прижавшись друг к другу, и такими застали мы их в изуродованном японцами танке. На стене танка сверху донизу были выведены три надписи:

«Ст. лейтенант А. В. Чернышев
кандидат ВКП(б)
Башенный стрелок Верягин В. Д.
Мех. вод. Сафронов А. Ф.
Комсомольцы в плен не сдаются».

Когда зажгли в танке свет, мы присмотрелись и увидели растекшуюся по стене кровь. Эти надписи три танкиста сделали своей кровью.

★



★

К. СИМОНОВ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Посвящается памяти тов. Пономарева

Мы думали, пуля его не берет,
Ни пуля, ни штык, ни граната,
Когда он, бывало, со словом «Вперед!»
Водил нас в атаку, ребята!

Но снайпер под самое сердце попал.
Упав, приподнялся он снова,
Вперед! — закричал нам. — Вперед... и упал,
Не кончив любимого слова.

И там, где от пули запекшийся след,
Прижатые к сердцу вплотную,
Нашли мы его комсомольский билет
И книжку его записную.

Ее прочитали мы всю, до конца,
Мы лучше от этого стали,
Великое честное сердце бойца
Сквозь слезы мы в ней прочитали.

Он матери адрес и адрес жены
В углу написал аккуратно.
Он верил в победу, но знал, что с войны
Не все возвратятся обратно.

И песня записана в книжке была,
Простые душевные строки,
О дружбе, о том, чтоб подруга ждала,
Не глядя на версты и сроки.

Последнюю запись мы стоя прочли,
Без шапок стояли в молчанье;
Лишь дети великой советской земли
Так пишут свои завещанья:

«Я умер за русский великий народ,
Давал я присягу отчизне,
Согласно присяге, со словом «Вперед!»
Я шел, не щадя своей жизни.

Я партии, Сталину это пишу,
Дела мои строго проверьте,
И если достоин, партийцем, прошу,
Считать меня в случае смерти!»

Прочли мы священные эти листки.
Читали их скорбно и жадно.
Товарищ! Порукою — наши штыки,
Что мы отомстим беспощадно!

Мы всякую жалость забудем в бою,
Мы змей этих в норах отыщем,
Заплатят они за могилу твою
Бескрайним японским кладбищем!

★

★

Старший политрук И. ПЕРЕВАЛОВ

ДЕЛЕГАТСКОЕ СОБРАНИЕ

Делегатское комсомольское собрание назначено на 19 августа. Время — 15 часов 30 минут. Место — лощина на правом берегу реки Халхин-Гол.

...Вооруженные винтовками, с гранатами за поясом пробираются люди через барханы и манханы. Чтобы остаться незамеченными для врага, идут в одиночку, нередко ползком.

Враг — рядом. Всего 600—800 метров отделяют наш батальон от японских позиций.

В лощине становится людно. Вот появились неутомимый разведчик Полиенко, замечательный снайпер Колесников, боевой заместитель политрука Промышленников. Собрались все сорок семь делегатов.

Крепкие рукопожатия, приветствия. На загорелых, чуть усталых, обветренных лицах — молодые улыбки. Как радостно встретиться на поле битвы с боевыми друзьями, поделиться мыслями и чувствами, еще и еще раз, здесь, под огнем, сказать товарищам о своей решимости, не жалея крови и жизни, служить Родине...

Собрание как собрание: президиум, повестка, докладчик. Тема доклада: авангардная роль комсомольцев в прошедших

боях и задачи в окончательном разгроме японских захватчиков.

Секретарь бюро комсомольской организации тов. Гудков начал было свой доклад, но его прервал комиссар части. Он внес внеочередное предложение:

— Ввиду возможности налета японской авиации всем участникам собрания вырыть окопы.

Предложение принимается единодушно. Закипает дружная работа. Потребовалось лишь 15—20 минут, чтобы каждый комсомолец сделал себе окоп и умело замаскировал его.

Теперь можно начинать. Взоры вновь устремились на докладчика. Простое и спокойное сообщение о боевых делах комсомольцев батальона звучало волнующей поэмой о доблести и героизме.

— Товарищи, — говорит комсомольцам тов. Гудков, — сегодня счастливый день для нас. За полтора месяца боев мы впервые получили возможность собраться, поговорить по душам. За это время наша организация значительно выросла — 23 человека приняли мы в свои ряды. Все это — красноармейцы, показавшие в боях преданность своему народу. За это же время мы потеряли шесть членов нашей организации. Они — наши боевые друзья — отдали жизнь за Родину, пали смертью храбрых на поле битвы. Почтим память наших дорогих незабвенных товарищей.

...Мы с гордостью можем сегодня сказать, что комсомольцы нашего батальона показали себя бесстрашными воинами. Примеров доблести и смелости — множество. Вот сидит тов. Полиенко. Шесть раз ходил он в атаки, всегда первым рвался в бой, увлекал за собой других бойцов. Всем нам он известен как самый отважный в части разведчик. Сорок пять дней назад тов. Полиенко был рядовым красноармейцем. Теперь он стал командиром взвода.

А кто из нас, товарищи, не знает неустрашимого и неуязвимого снайпера Колесникова, героя-пулеметчика Морозова и других? Своими боевыми делами эти люди заслужили славу и любовь всего полка.

Наша комсомольская организация накопила немалый опыт работы в боевых условиях. Самое главное: мы научились работать под огнем. Комсомольские собрания проводим в окопах. Когда нет возможности собраться — принимаем в комсомол путем опроса. Ни на один день не прекращаем политической работы. В окопах комсомольцы читают бойцам газеты. Хорошие результаты дают индивидуальные беседы с бойцами перед атакой. Немалое значение имеет и наша работа с японскими солдатами. В ночное время мы подползаем на 30—40 метров к их окопам и бросаем пачками листовки, напечатанные на японском языке.

Обмен комсомольских билетов на передовой линии. На снимке: помощник начальника политотдела по комсомолу старший политрук А. Фомичев и секретарь комсомольского бюро полка тов. Миньтюков вручают комсомольский билет В. Макарову

Сейчас наш батальон, как и другие части, готовится к решающему сражению. На что следует обратить внимание? Надо научиться еще искуснее маскироваться, всегда в бою помнить о товарищеской взаимопомощи, в совершенстве овладеть гранатой и лопатой. Все это поможет нам уничтожить врага малой кровью.

...Лаконично, точно боевые рапорты, звучали выступления комсомольцев. Младший командир Приходчий рассказывал, с каким нетерпением бойцы ждут наступления. Комсомольцы Шевченко, Лопухин, Дьяченко и другие говорили о комсомольской работе в бою и горячо выражали уверенность в скором окончательном разгроме врага.

Страстно говорил заместитель политрука Промышленников. Он одиннадцать раз ходил в разведку и, не раз рискуя жизнью, выполнял опасные боевые задания.

— Мы хорошо изучили подступы к противнику, его огневые точки. Итог наступления будет только один — наша полная победа.

Кто-то просил у президиума слова, когда в высоком небе раздался гул моторов. Над побережьем Халхин-Гола шли вражеские самолеты. Комсомольцы быстро замаскировались в окопах. Началась бомбежка. Рядом рвались артиллерийские снаряды.

Комсомольцы постановили: 1. Немедленно разойтись по подразделениям. 2. Решение составить президиуму.

Прошло несколько минут, и лощина опустела...

Решение президиума было кратким и ясным: образцово выполнить приказ командования по окружению и уничтожению японских бандитов.

Спустя несколько дней участники делегатского комсомольского собрания выполняли свое решение с оружием в руках на поле боя с достоинством и честью, как подобает воинам-комсомольцам.

Это были дни полного и окончательного уничтожения неприятеля.

★

★

Вл. СТАВСКИЙ

КОМАНДИР БАТАРЕИ

Оттуда, из глубины песчаных бугров, осатанело била японская артиллерия. Через наблюдательный пункт батареи, вынесенный к переднему краю, с воем, сотрясая воздух, проносились снаряды.

Командир батареи Леонид Воеводин, прильнув к окулярам стереотрубы, в своем окопе пристально и зорко всматривается вдаль.

Его тяжелая батарея уже приглушила две японских, а били с той стороны десятки орудий. Слух Воеводина — слух опытного боевого артиллериста — безошибочно определял и калибр проносившегося вражеского снаряда, и направление, откуда он был выпущен. Вон, в складках меж буграми, под самой линией иззубренного горизонта, сверкнула вспышка.

— По батарее. Гранатой!.. — певуче начал командовать Воеводин.

— По батарее. Гранатой! — звонко повторил в телефонную трубку дежурный.

Рядом с окопом оглушительно, в пламени и дыму, грохнул снаряд. Воеводин услышал и почувствовал звенящий удар в голову.

На какое-то мгновенье перед его глазами поплыло облако пыли, клубящийся едкий дым. Голова его стала тяжелой и горячей.

— Кажется, меня ранило! — медленно и тихо сказал подбежавшему политруку Воеводин.

— Где? Что ты?

Воеводин снял каску, лицо его облилось кровью. Рядом грохнул второй снаряд. Когда улеглись пыль и земля, товарищи перевязали Воеводина.

Отчаянно звенело в голове.

«Смогу ли я командовать?» — с тревогой подумал Воеводин.

Как всегда, в острые мгновенья мысль его работала очень свежо и ясно. В памяти сразу встало все пережитое за эти боевые дни.

Вот — батарее приказано передвинуться на фронт. Тотчас по прибытии она заняла огневые позиции. Воеводин организовал свой наблюдательный пункт рядом с пунктом командира стрелковой роты, на переднем крае. Командир этой роты товарищ Нефедов шумно обрадовался:

— Друг-артиллерист пришел!

И в душу Воеводина хлынуло тепло боевой красноармейской дружбы.

Вскоре вся местность в уме командира батареи Воеводина была исчерчена треугольниками, одну из сторон которых и составляла линия от батареи до цели, линия полета снаряда. В тетрадь командира-вычислителя ложились одна за другой записи цели и прицела.

И когда второго июля к нашему расположению двинулись японские танки, круглые желтоватые глаза Воеводина заблестели. Резче обозначились и морщины на высоком лбу, и крутой волевой подбородок. С своего пункта он хорошо видел движение танков, еще и еще проверил свои вычисления, и ровным, очень спокойным голосом, чуть нараспев, подал команду.

Невероятно долгими были эти секунды. Но как же радостно вздрогнули руки командира, когда он увидел: от взрыва снаряда японский танк остановился, он запылал, и черный дым столбом поднялся высоко к небу. Другие танки тоже остановились.

Прибежал командир роты Нефедов. Растроганно и весело обнял он Воеводина:

— Вот это командир! Расцеловать тебя надо!

Командир батареи младший лейтенант С. Быков

— Служу Советскому Союзу! — отозвался Воеводин, и счастливая улыбка осветила его суровое лицо.

За буграми на ровной степи показалась японская кавалерия. Воеводин отчетливо видел движение стройных, словно на смотру, колонн, знамена впереди каждой колонны.

Снова быстрые и точные расчеты. И вот, закрывая колонны, вздымаются сизые фонтаны взрывов. Зеленая долина мгновенно чернеет от скачущих вразброд всадников.

День за днем пролетают в памяти Воеводина. Батарея ведет огонь почти круглые сутки. Утром — рассеяна конная группа японцев, в полдень отброшена пехота — солдаты 23-й дивизии генерала Камацубары, щуплые, в гамашах, в новом обмундировании — второе пополнение.

Вечером японская батарея била по переправе через реку Халхин-Гол. В синих сумерках Воеводин очень ясно разглядел огонь и дым японских пушек — из глубокого оврага. Потом, вслед за взрывами наших снарядов, из оврага ударил страшный гром, вымахнуло огромное пламя, и все заволокла черная дымная туча.

Было однажды и так: японцы подвезли много новых батарей и вели огонь по всему фронту. Воеводин, точно рассчитав, стал бить каждым своим орудием по батарее врага.

К наблюдательному пункту Воеводина прорвалась японская пехота. Он видел совсем рядом, на буграх, японцев, слышал крики «банзай» и управлял огнем своей батареи, в то время как красноармейцы Терещенко и Ефимов стреляли по японцам с гребня высоты. Ночь Воеводин со своим взводом управления провел вблизи японцев. Это была ночь без сна, с оружием в руках.

Над головой простиралось звездное небо, светло струились разливы Млечного пути. Вспомнился слепой отчим, с которым Леониду приходилось иногда собирать милостыню. Вспомнились высокие красноствольные сосны около детского дома за Звенигородом, над Москвой-рекой. Жизнь в детском доме вначале была пыткой, мученьем. Потом стало хорошо. Учитель рисования и живописи открыл Леониду глаза, и он на всю жизнь был покорен красотой природы, мощью и свежестью утренних зорь, огненным цветеньем закатов.

Окончив военную артиллерийскую школу, Леонид женился. И сейчас далеко отсюда, от песчаных бугров за Халхин-Голом, живет его семья, жена — любимая, друг, и два маленьких сына — будущие инженеры, так уже и решено.

На небе неспешно перемещались звезды, опрокидывался ковш Большой Медведицы. Каждые десять минут подползали дозорные и шептали:

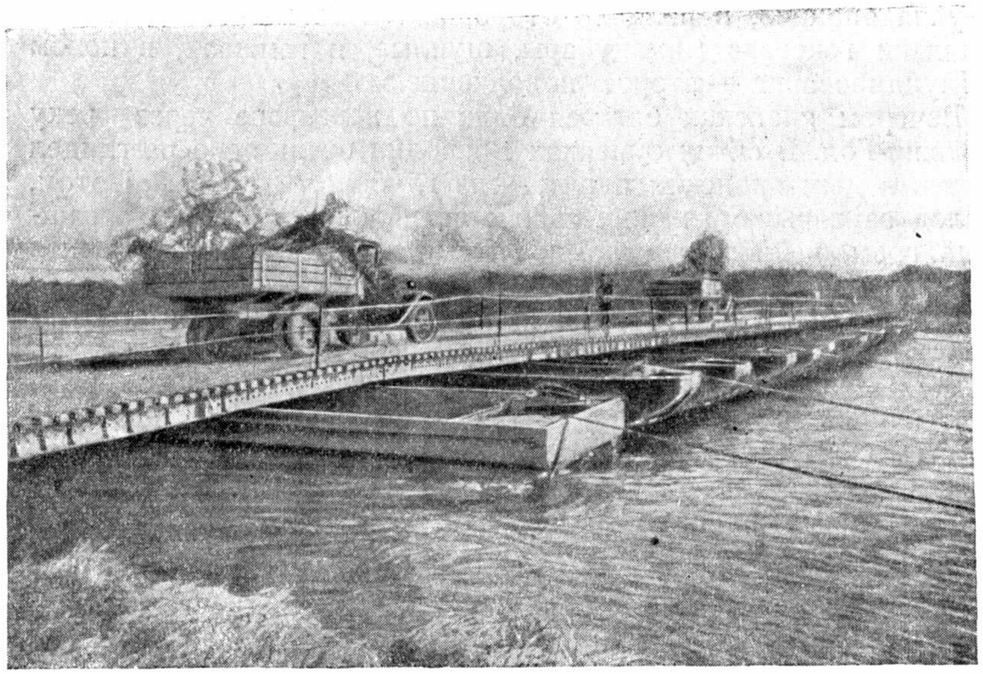
— Товарищ командир, лошади фыркают в кустах!

— Товарищ командир, кто-то ходит!

Они были такие же родные, как семья, как дети, — боевые товарищи. И сердце Воеводина сжималось сильно и сладко от чувства дружбы и любви к ним, ко всей Советской стране.

И сейчас, с белоснежной перевязкой, сковавшей голову тугим обручем, Леонид Воеводин, командир тяжелой батареи, оглядел лица товарищей, — встревоженные, любящие, и сказал непоколебимо твердо: — Я чувствую себя хорошо, я остаюсь здесь!

★



★

Красноармеец А. ВЕРБОЛОВ

ВОДИТЕЛЬ АВТОМАШИНЫ

Жизнь обошлась с ним круто. В раннем детстве Георгий Каляндра лишился отца. Двенадцатилетним хлопчиком начал он батрачить у кулака, трудился до седьмого пота. Он был «главой семьи», кормил и воспитывал младших сестер. Уже в те годы изнуренный кулацкой каторгой Каляндра научился смотреть жизни прямо в глаза.

Покинув деревню, Георгий пошел в город. Здесь его приняли на курсы шоферов. Учился он с большим рвением. Полюбил машину, изучил ее досконально, стал шофером. Призванием Каляндры было вождение автомобилей. Его грузовик ходил без поломок и аварий.

Осенью 1937 года Каляндру призвали в Красную Армию. Разумеется, он сел за руль строевой автомашины. В любой нашей воинской части трудно удивить кого-либо дисциплинированностью, четким знанием своих обязанностей, аккуратностью и чистотой. И все же машина Каляндры выделялась. Ее узнавали по внешнему виду среди сотен других. Георгий стал

передовиком боевой и политической подготовки. Им гордилось подразделение, гордилась вся часть. Его ставила в пример комсомольская организация.

Когда весть о вторжении японских войск на территорию Монгольской Народной Республики всколыхнула всю нашу великую страну, в части, где служил Георгий Каляндра, состоялся митинг. Выступали бойцы и командиры. Их речи дышали гневом и мужеством. Они клялись в верности своей Родине, великому делу Ленина — Сталина, давали обещание беззаветно драться с врагами до их полного уничтожения. Выступил на митинге и Каляндра. Он призвал своих товарищей бить противника, не щадя своей жизни.

И вот наша часть вступила в район боев у реки Халхин-Гол. 420-километровый марш совершили образцово. Начались боевые будни. Для Каляндры это были дни особо доблестной работы.

В июле наша часть вела ожесточенный бой за овладение барханом в четырех километрах северо-восточнее Номун-Хан-Бурд-Обо. Солнце палило невыносимо. Бойцы изнывали от зноя и жажды. Георгий Каляндра под непрерывным артиллерийским и пулеметным огнем противника в течение целого дня подвозил бойцам воду, пищу и боеприпасы. Спокойный, невозмутимый, весь увешанный флягами, Каляндра ходил с винтовкой за плечами от окопа к окопу и раздавал бойцам воду. Он шутил и смеялся.

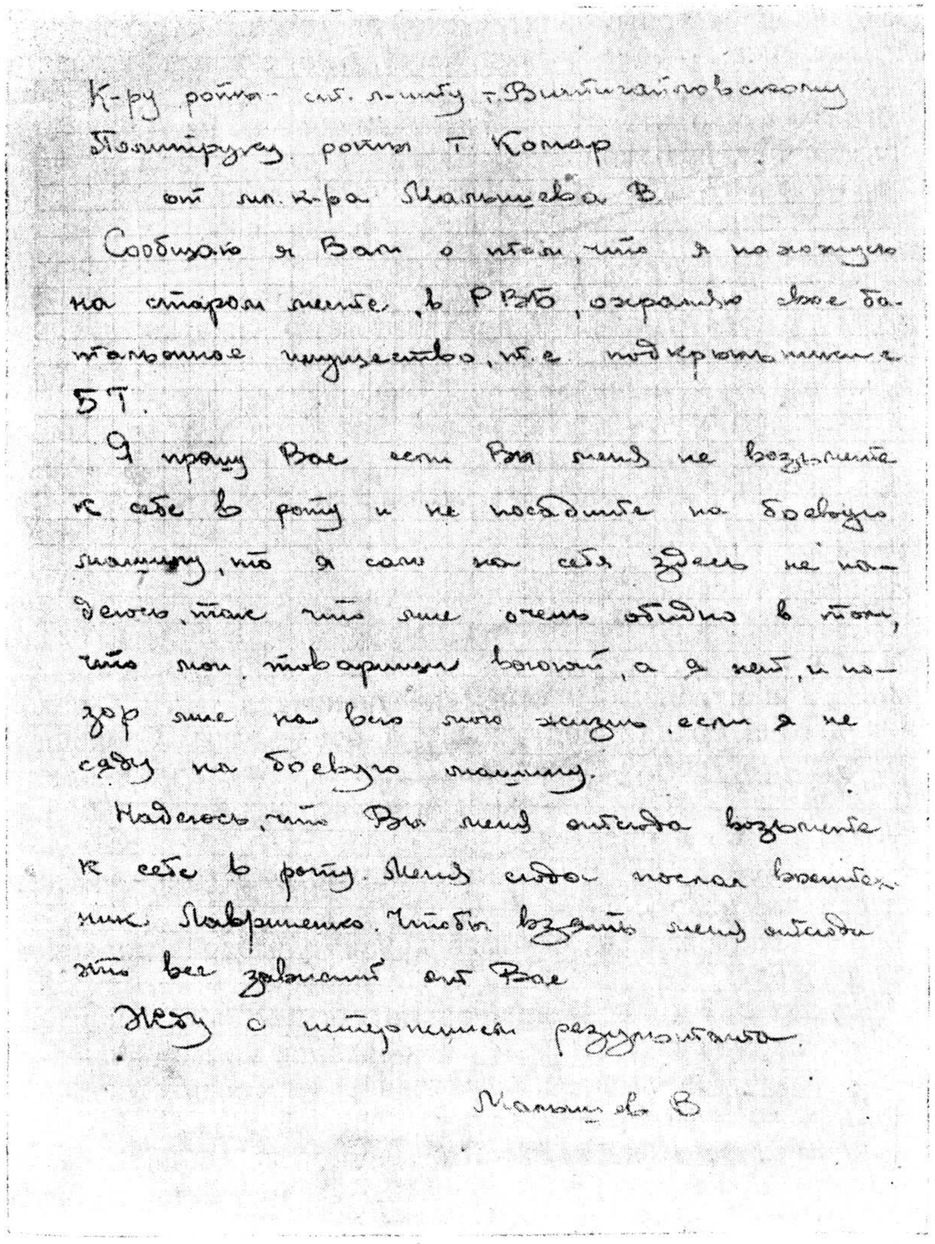
— Из окопов не выходить! — командовал он. — Ждите, пока сам вас напою.

Бойцы повиновались, с благодарной улыбкой дожидаясь своей очереди.

В боях 6 и 7 июля Каляндра по собственной инициативе оказывал первую помощь раненым бойцам и командирам. Сделав перевязку, он ласково усаживал раненых на свою полуторку и вихрем доставлял на медицинский пункт.

В одном из боев наш герой обеспечил бесперебойную работу станкового пулемета. Было это так. У пулемета выкипела вся вода, и он умолк в самый горячий момент боя. Каляндра быстро принял решение. Он побежал к своей машине, вылил чуть не всю воду из бака и передал ее пулеметчику. Через пять минут пулемет снова вступил в бой. А водитель вернулся к машине, запустил мотор и поехал искать воду. В четырех километрах от передовой линии он нашел источник, заправил полуторку и умчался.

В ночь с 7 на 8 июля, когда наша часть попала в окружение, Каляндра, не дожидаясь чьего-либо приказания, взялся доставить четырех раненых бойцов на медицинский пункт и с честью выполнил эту нелегкую задачу.



К-ру роты — ст. л-нту т. Винтигайловскому
Политруку роты т. Комар
от мл. к-ра Малышева В.

Сообщаю я Вам о том, что я нахожусь на старом месте, в РВБ, охраняю свое батальонное имущество, т.е. подкрыльники с БТ.

Я прошу Вас если Вы меня не возьмете к себе в роту и не посадите на боевую машину, то я сам на себя здесь не надеюсь, так что мне очень обидно в том, что мои товарищи воюют, а я нет, и позор мне на всю мою жизнь, если я не сяду на боевую машину.

Надеюсь, что Вы меня отсюда возьмете к себе в роту. Меня сюда послал воентехник Лавриненко. Чтобы взять меня отсюда это все зависит от Вас.

Жду с нетерпением результата.

Малышев В.

Рапорт младшего командира В. Малышева

В бою 11 июля на западном берегу реки Хайластин-Гол отважный водитель под сильным пулеметным огнем добрался на своей машине к подразделению тов. Красилова. Он обеспечил взводы боеприпасами и лично помогал пулеметчикам набивать диски патронами.

Однажды ночью, подвозя боеприпасы, Каляндра попал в расположение японцев. Не растерявшись, он молниеносно повернул машину и увел ее из-под носа противника. Когда японцы спохватились, открыли огонь, машина Каляндры уже была далеко.

Трудно перечислить все подвиги нашего водителя. 11 июля он вынес на своих плечах тяжело раненого командира отделения тов. Василенко. На другой день Каляндра принимал участие в бою не только как водитель, но и как стрелок. С винтовкой ходил он в атаку на японцев, засевших в котловине. К концу этого боя выяснилось, что у некоторых бойцов нехватает гранат. А часть готовилась к атаке. Неожиданно появился Каляндра, как раз во-время доставивший ящик с гранатами.

В этом же бою Георгий Каляндра спас жизнь командиру части. Увлекшись боем, командир, сам того не замечая, очутился в 50—70 метрах от противника. Каляндра открыл огонь по японцам и уступил свой окоп командиру. Лежа рядом с ним, герой-водитель укоризненно сказал своему начальнику:

— Товарищ командир, вам бы лучше сейчас находиться в укрытии, а не подставлять себя под пули...

Немного спустя Георгий Каляндра был тяжело ранен во время атаки. Весть о его ранении вскоре дошла до всех бойцов. Все желали навестить своего отважного товарища, и некоторым это удалось. Каляндра лежал, окруженный своими друзьями, и говорил улыбаясь:

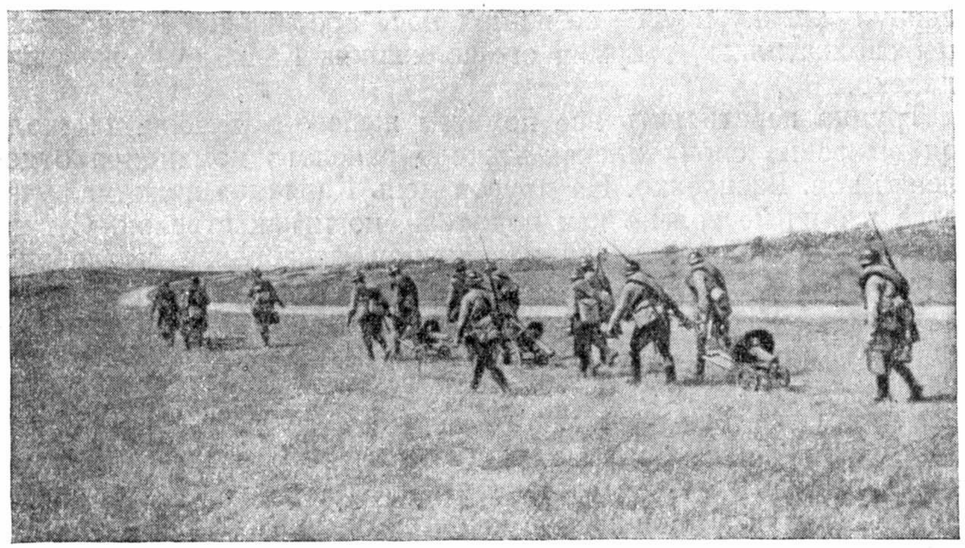
— Не беда, вылечусь. Скоро вернусь к вам.

Когда настала пора проститься, Каляндра с трудом приподнялся и сказал, обращаясь к бойцам:

— Бейте врага без пощады! Берегите своих славных командиров. Будьте, как и раньше, стойкими, храбрыми бойцами.

Таков герой Халхин-Гола водитель строевой машины Георгий Каляндра — доблестный сын советского народа, неустрашимый боец за Родину. За свои подвиги в боях с японцами он удостоен высокой правительственной награды — ордена Ленина.

★



★

Красноармеец К. КОЗЛОВ

КАК МЫ ЗАХВАТИЛИ ПЛЕННОГО

Поздним вечером я со свежими газетами прибыл к месту назначения. Здесь меня ожидало разочарование. Оказалось, что подразделение, в которое я направлялся, тесня противника, значительно продвинулось вперед. Догнать товарищей я мог только на походной кухне.

И вот темной туманной ночью наша машина продвигается к передовой линии. Шофер Окунев и младший командир Соколовский — в кабинке, я с поваром Лебедем — в кузове. Местность мало знакомая. Где-то неподалеку грохочет артиллерия.

Прибыли в одно подразделение — накормили бойцов, я роздал газеты. Направились дальше, проехали еще несколько километров. Все такое же однообразие — барханы. Вдруг мне показалось, что впереди что-то промелькнуло. Приблизились еще немного — никакого сомнения: нам наперерез что есть духу бежит человек с винтовкой и противогазом.

— Что-то не нравится он мне, — говорю Лебедю. — Не враг ли это?

— Откуда тут враги! — отвечает он. — Это, наверное, наши пехотинцы завтрака дожидаются.

Тем временем бежавший скрылся из виду. Завидев, что мы

приближаемся, он на всем лету прыгнул в одну из многочисленных воронок, которыми была изрыта местность.

Мы затормозили. Двое остались охранять машину, а я с Соколовским, приготовив пистолеты, пошли искать незнакомца. Но как найти? Темно, вокруг много ям. Все же мне удалось заприметить, куда он прыгнул. Прямо туда мы и направились. Подползаем к одной яме — нет никого; ко второй — то же самое. На третий раз нам повезло: глядим, на дне ямы лежит человек, лицом уткнулся в землю и не шелохнется. Рядом с левой стороны валяется винтовка. Присмотрелись, — а на плечах у него погоны.

Соколовский как крикнет во весь голос:

— Встать, руки вверх!

Тот сразу встал, но рук кверху не подымает: или не понял, или перепугался, что вероятнее всего...

Я, не раздумывая, прыгнул в яму, схватил его винтовку (как потом оказалось, она была заряжена шестью патронами) и наставил в упор пистолет. Тут помог Соколовский, и мы вдвоем вытащили японца из ямы.

Конечно, принялись разоружать его. Первым долгом сняли гранату, потом два подсумка, битком набитые патронами, отобрали штык, противогаз.

На машине мы доставили японца в ближайшее подразделение.

★

★

Старший политрук Л. НИКИТИН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПОЛИТРУКА УЛЬЯНОВ

В третью роту тов. Ульянов пришел перед вечером 22 августа и сразу вместе с политруком Якимко отправился в окопы. Политрук пошел на правый фланг, заместитель политрука — на левый. В 6 часов вечера намечалась атака на песчаные барханы, в которых засела небольшая группа японцев с пулеметами и минометами...

Бойцы и командный состав роты в этот день принимали боевое крещение. Под ружейным и пулеметным огнем противника рота залегла. Танки лавиной ринулись вперед, открыв ураганный огонь из пушек и пулеметов по японским окопам.

Вслед за танками пошла пехота.

Японцы не выдержали шквального огня наших танков. Они с криками бросились бежать на соседнюю сопку. Пулеметный расчет младшего командира Жигалова первым занял удобную позицию и начал поливать убегающих свинцом из станкового пулемета. Немногим японцам удалось уйти от меткого огня отважного пулеметчика.

Наступление длилось около часа. Правый фланг роты продвинулся на два с половиной километра, левый — на два. Рота залегла на песчаных барханах под пулеметным огнем японцев, которые заняли оборону в заранее подготовленных окопах. Хорошо окопавшись, бойцы и командиры отдыхали.

В это время на левом фланге и появился заместитель политрука Ульянов. Переползая из окопа в окоп, рассказал бойцам, кто действует справа и кто слева, говорил о том, как делать перебежки при наступлении, как маскироваться, использовать местность и окапываться, чтобы не подставлять себя под пули.

Из бесед с бойцами тов. Ульянов узнал, что красноармеец Павлов бросил две гранаты, но они не разорвались. Ульянов побеседовал с Павловым и выяснил, что тот сгоряча бросил гранату, не открыв предохранительной чеки. Заместитель политрука объяснил бойцу его ошибку.

Вечером командиру третьей роты было приказано закрыть разрыв, образовавшийся между двумя ротами. Нужно было рассредоточить бойцов так, чтобы в этот разрыв (до двух километров) не смогли ночью пройти японцы. Атака, назначенная на вечер, переносилась на утро 23 августа. Пехоту должны были поддержать танки.

Ночь была тревожной. Политрук Якимко и заместитель политрука Ульянов решили по очереди всю ночь проверять охранение, выставленное впереди пулеметчиков, которые заняли позиции на флангах роты. Надо было дать возможность отдохнуть бойцам и командирам, чтобы утром они со свежими силами устремились на врага. Всю ночь бодрствовали Якимко и Ульянов, охраняя сон своих товарищей.

На рассвете 23 августа подошли танки. Вся рота была собрана в котловане. Состоялся короткий митинг. Командир роты тов. Никулин приказал приготовиться к атаке. Политрук Якимко опять пошел на правый фланг, а тов. Ульянов — на левый. В центре наступающей роты остался секретарь комсомольского бюро тов. Натаров. Он сгруппировал вокруг себя комсомольцев, и, как только танки двинулись в атаку, рота пошла следом за ними.

Японцы открыли огонь из противотанковых пушек. Танки, остановившись в укрытии, начали стрельбу из пушек и пулеметов. Рота стала продвигаться вперед, поддержанная огнем танков. И когда до японских окопов осталось не больше 70 метров, тов. Натаров бросился вперед с возгласами: «За Родину!», «За Сталина!», увлекая за собой бойцов. Бойцы засыпали гранатами японские окопы, выбивали врага штыком. Вскоре окопы были очищены.

Предстояла новая атака. Рота получила задание: выйти на

правый фланг и при поддержке пушечной батареи и танков сбить противника с занимаемой им сопки.

На долю тт. Якимко и Ульянова выпала большая работа: надо было довести полученное задание до каждого бойца и командира, а потом проверить у бойцов состояние винтовок и гранат.

В назначенный срок рота была готова к бою. Батарея открыла убийственный огонь. Через тридцать минут выступили танки, вслед за ними поднялась пехота.

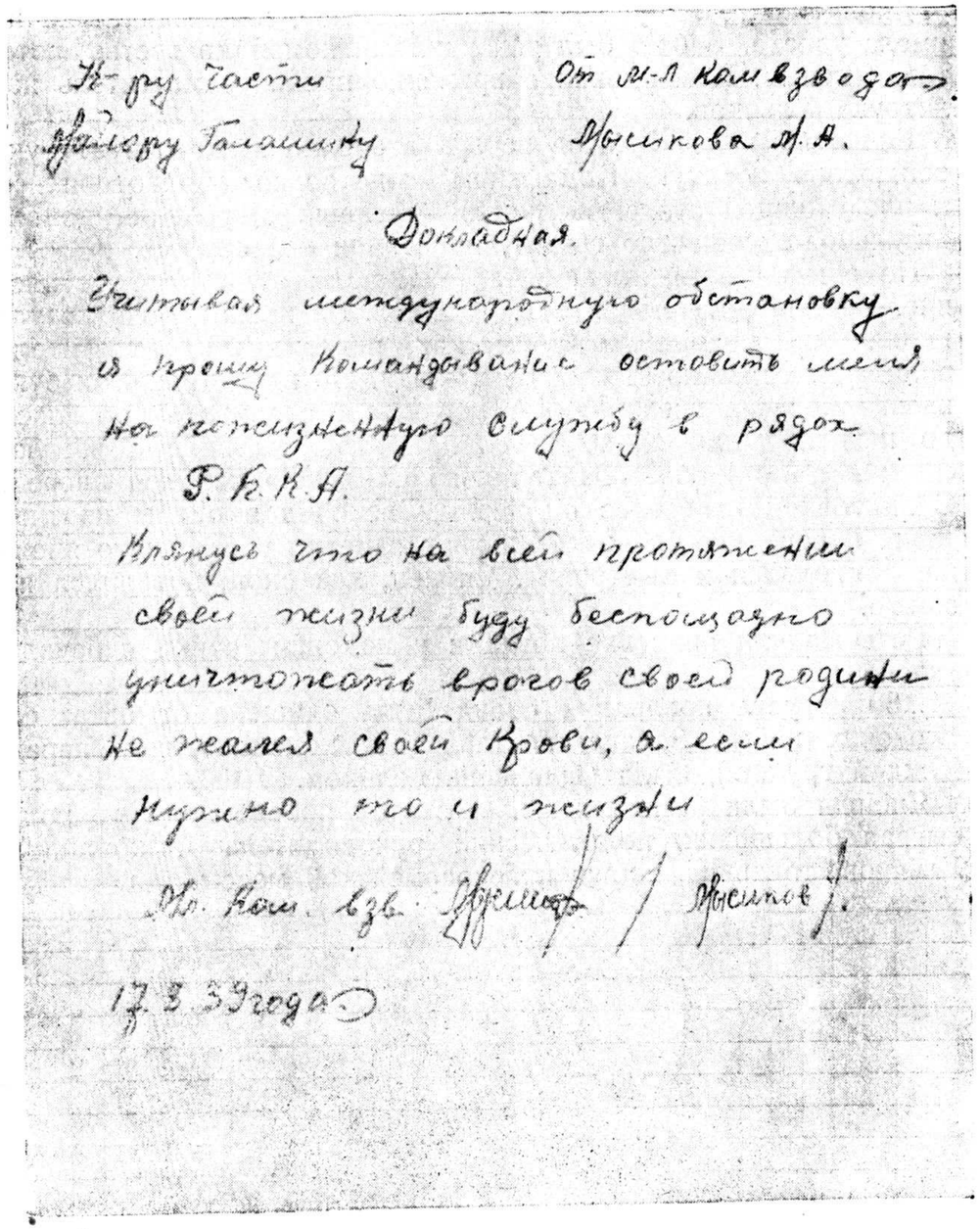
Тов. Ульянов шел впереди на левом фланге. Он умело маскировался, используя каждый бугорок. Шли под сильным пулеметным и минометным огнем противника. По мере того как наши бойцы приближались к подошве сопки, японцы выскакивали из первой линии окопов и перебегали по траншеям во вторую. В этот день было ранено несколько бойцов. Ранен был и отважный командир роты тов. Никулин.

Приблизившись метров на пятьдесят к окопам противника, тов. Ульянов выскочил вперед, за ним с криками «ура» ринулись бойцы. Первая линия японских окопов, забросанная гранатами, была занята.

Ночь провели в непосредственной близости к врагу. Зная, как устал политрук Якимко за двое суток боев, тов. Ульянов уговорил политрука пойти отдохнуть. Сам же он всю ночь ходил из окопа в окоп, беседуя с красноармейцами и командирами. Он рассказывал о коварных приемах врага, о зверствах японской военщины. Привел несколько потрясающих фактов из опыта предыдущих боев. Младший политрук Викторов отбивался до последнего патрона и, раненый, был захвачен в плен японцами. Ему выкололи глаза, вырезали сердце. С ним вместе было захвачено еще несколько раненых красноармейцев. Японцы отрезали им уши, вырезали языки и, наконец, отрубили головы.

Слушая заместителя политрука, бойцы проникались лютой ненавистью к подлому врагу, проникались сознанием, что ни один патриот нашей Родины не должен сдаваться в плен. Сдается только изменник, предатель отечества.

...Рано утром 24 августа политрук Якимко послал разведку, чтобы установить силы противника. Как оказалось, японцы отошли ночью в котлован. Политрук передал по телефону командиру батальона, что в котловане большое скопление японцев. Там стояли грузовые машины с боеприпасами и лесом. Командир батальона Мещеряков приказал: действуя совместно с соседней ротой, выбить японцев из котлована. Третья рота начала атаку. Станковые пулеметчики заняли удобные огневые позиции и своим огнем косили японцев, как траву. Когда котлован заняли, там оказалось семьдесят пять японских трупов. Рота захватила склад с боеприпасами.



Докладная младшего командира М. Мысикова

В этом бою был ранен политрук Якимко. Его отправили в госпиталь.

Атака совместно с танками была назначена на десять часов. К этому времени на ротный наблюдательный пункт приехал майор Иванов. Он рассказал, что соседний полк будет наступать на сопку Песчаная с юго-западной стороны, а наши две роты и приданная им саперная рота, действующая правее нас, наступают с северо-востока.

Японцы оказали упорное сопротивление, и первая атака не имела успеха. В бою был ранен новый командир третьей роты тов. Якушев. Командование временно принял заместитель политрука Ульянов.

Решено было в 5 часов вечера вторично атаковать эту укрепленную сопку. Командиры тщательно подготовились к предстоящей атаке. Получили боеприпасы, роздали дополнительное количество гранат, проверили все оружие.

По сигналу командира батальона, роты пошли в наступление. Третью роту повел тов. Ульянов. За период боев не раз видели красноармейцы роты, как неутомимый заместитель политрука отважно стремился в атаку. Но в этот день он буквально поразил всех своим героизмом. Когда рота добралась до первой линии японских окопов, тов. Ульянов с возгласами: «За Родину!», «За великого Сталина!» кинулся вперед. С винтовкой наперевес он первым вскочил в окопы противника. В середине траншеи Ульянов заметил убегающего японца, прицелился и выстрелил. Японец, как сноп, повалился на землю.

Роты заняли японские позиции у подошвы сопки и начали укрепляться.

...30 августа последняя сопка была очищена от остатков японских войск. Задача, поставленная командованием перед Южной группой, была выполнена целиком.

Японцы были разгромлены. И в этой победе немалую роль сыграл большевик, политический руководитель и командир Ульянов, товарищ и друг красноармейской массы.

★

★

Младший командир В. ХАНОВ

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ ПО ВРАГУ

Трудно забыть утро 28 мая 1939 года. Солнце протянуло свои лучи по широкой монгольской степи. Стояла тишина. Легкий ветер, набегая, слегка колыхал траву, растущую здесь и там среди песков. Таким покоем веяло от этой высокой травы, от песков и камыша на соседнем болотце, что казалось: здесь нет ни одного живого существа.

Неожиданно гул моторов взорвал воздух. Вдали показалось около тридцати японских самолетов. И тогда обнаружилось, что степь полна жизни. Бойцы быстро разместились у орудий и приготовились к встрече врага...

Первые залпы наших зениток заставили японских летчиков рассыпаться в стороны. Бомбы врага, которые предназначались для нас, упали вдалеке, не принеся нам никаких потерь. Самолеты были отогнаны.

— Наша задача, товарищи, — сказал командир батареи старший лейтенант Вахтин, — занять огневую позицию влево от переправы, окопаться там, замаскировать орудия и вести наблюдение за противником в воздухе и на земле. Наша разведка, — продолжал он, — ведет бой около границы, не давая японцам продвигаться вперед. Бой продолжается уже около сорока минут...

Мы тронулись к намеченному месту. Впереди, как полагается, взвод управления, потом орудия — одно вслед за другим. Машины быстро несутся к месту назначения, чтобы ни одной минуты не потерять без пользы. Расстояние было небольшое, но дорога неважная — обрывы да ямы. Минут через двадцать мы уже были на месте, орудия выискивали вероятную цель. Шедшая впереди машина взвода управления форсировала переправу и быстро помчалась к избранному наблюдательному пункту. Два дня назад этой переправы еще не было. Теперь благодаря самоотверженной работе наших сапер здесь уже проходит любая машина. Правда, переправа мозолила глаза японцам, они задались целью отрезать ее.

Я отдаю приказание:

— Вы, товарищ Воробьев, наблюдаете за противником впереди. Вероятно, он появится из ложбины. Вы, товарищ Ионкин, наблюдаете за левой стороной; правая менее опасна. Приступайте к своим обязанностям. Быстро замаскируйте орудия и выройте окопчики для людей.

Работа сразу закипела. Кто роет ровик у орудия, кто окопчики. Воробьев, Ионкин и я рубим хворост и втыкаем у орудий — делаем искусственные деревья.

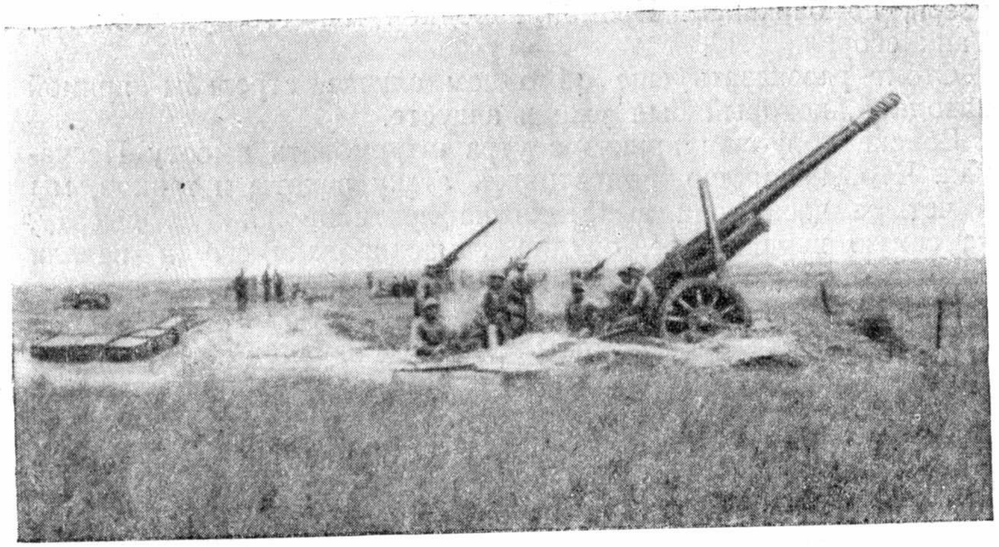
— Без корня, а растут, — шутили ребята.

— Надеюсь, что орудие не подкачает,—говорит Воробьев.— Мы его только сейчас проверили с командиром.

Не прошло десяти минут, как все было готово. Товарищи уже заняли места у орудия и вели наблюдение.

Противник ночью обошел нашу разведку слева и окопался в той самой ложбине, которую мы наметили как вероятную цель. Расположив по фронту пулеметы, разбросав по всей площади снайперов и много пехотинцев с винтовками, японцы подготовились к атаке. Расстояние до них было один-полтора километра. Их пулеметы были замаскированы, и мы не могли их сразу обнаружить. Но вот они начали обстреливать нас из пулеметов. Пули со свистом проносились над нами. Выглянув из ровика, я заметил, что японцы, перебегая цепью, идут в атаку на нас, на резервную роту тов. Семенова и к переправе. Я быстро доложил об этом рядом стоявшему старшему по батарее лейтенанту Лифшицу, а сам побежал к своему орудию. Тов. Воробьев уже заметил противника, — в канале ствола лежал снаряд. По команде Лифшица мы дали первый выстрел по наступающей группе; нашему примеру последовали остальные орудийные расчеты. Беспрерывно обстреливая огневые точки противника, мы заставили его не только залечь, но и отступить. Японские пулеметы замолчали.

Наше орудие шло на поддержку роты, атаковавшей противника. Заняв удобную позицию, мы посылали снаряд за снарядом во врага, находившегося от нас на дистанции 800 метров.



Батарея на огневых позициях

Фугасным огнем выбиваем его из щелей, а осколочными снарядами добиваем окончательно.

Вот один из эпизодов. Я веду наблюдение. Вижу: в небольшой ямке сидят три японца, показывается дуло винтовки. Очевидно, здесь же находится пулемет. По обе стороны ямки горит сухая трава, зажженная ими при отступлении. Я обращаюсь к лейтенанту:

— Разрешите дать огонь!

Он подал команду. Через головы впереди лежащих товарищей мы посылаем снаряд в цель. Он угодил в самую точку. Японцы были похоронены в яме вместе с пулеметом и винтовками...

Переносим огонь на машины, которые пробираются с подкреплением к группе японцев. Через несколько минут от метких выстрелов в упор машины загораются. Залпы шрапнелей косят заметавшуюся японскую пехоту, которая в панике старается укрыться за каким-нибудь возвышением. Не найдя никакого укрытия, японцы беспорядочно бегут назад.

Наступление японского батальона было сорвано.

Когда наступила ночь, бойцы стали обмениваться впечатлениями. Говорили, что завтра будут бить врага еще крепче.

Следующий день начался стрельбой по закрытой цели. Уничтожили несколько японских машин. К трем часам дня получаем приказ: разбить двигающуюся справа колонну пехоты и артиллерии противника. Мы двинулись на новую позицию. Японская колонна, повидимому, заметила нас и повернула обратно. Только один танк, отколовшийся от нее, бродил, как

зверь, по барханам. Прямой наводкой мы его уничтожили. Танк сгорел.

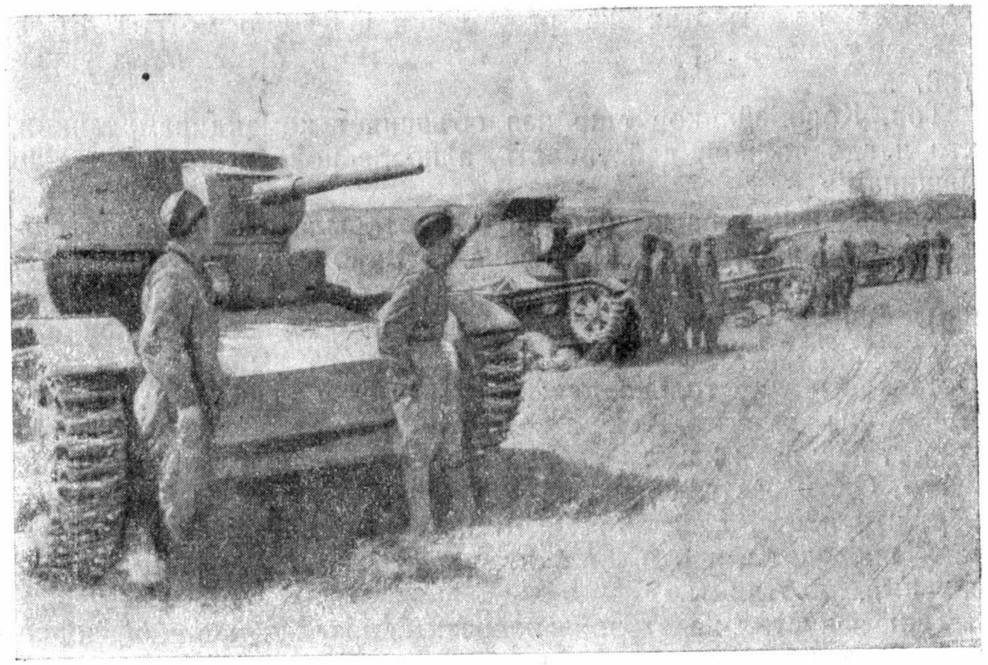
Стоит рассказать еще об одном случае стрельбы прямой наводкой, который был уже в августе.

Войска получили приказ с утра штурмовать высоту Песчаная. Чтобы хорошо подготовить атаку пехоты и танков, мы в четыре часа ночи выкатили на противоположную высоту, на самую вершину ее, орудие, замаскировали его и начали вплотную бить по окопам противника.

Это была самая близкая стрельба, какую я когда-либо наблюдал. Осколки некоторых наших снарядов чуть ли не прилетали обратно к орудию. Японцы не успели сделать ни одного выстрела и стали отступать.

В семь с половиной часов, когда артиллерийская подготовка была закончена, пехота и танки стали своим огнем выбивать остатки врагов... К вечеру на вершине сопки уже развевался красный флаг.

★



★

Старший механик-водитель С. БАКЛАНОВ

МОЯ ДЕСЯТАЯ АТАКА

Командир взвода младший лейтенант Коробейников, я и Михеев — вот весь наш боевой экипаж. Вместе провели мы августовские бои, вместе вышли и в эту, десятую по счету, атаку. Рано утром тов. Коробейников подходит к машине и говорит:

— К завтраку надо взять сопку.

Прибыли мы на место в составе трех танков: наш, Новоселова и Капранова. Седьмая и девятая роты уже ожидали нас. Младший лейтенант Коробейников ушел на командный пункт. Через некоторое время он возвращается, собирает нас и объясняет задачу. Она была коротка:

— Враг расположился на высотах. Мы с пехотой должны его уничтожить.

Подъезжаем к передней линии пехоты. В одном из барханов вышли из машины, добрались в окоп к товарищам-пехотинцам и оттуда рассмотрели расположение противника. Он на-

ходился на высотах на расстоянии 500—600 метров. Было решено начать орудийный и пулеметный огонь из-за укрытий.

Тов. Коробейников еще раз объясняет командирам танков, кто и где должен действовать, а после подает команду: «По машинам!»

Когда вышли на высоты, по нас открыла огонь замаскированная неприятельская пушка. Минометы и пулеметы не давали нашей пехоте подняться из окопов. Тогда мы принимаемся уничтожать огневые точки противника. Но при выходе на первую высоту танк Капранова вышел из строя. Оставались уже только два: Новоселова и наш. Одни огневые точки мы уничтожили, а остальные заставили замолчать. Вдруг, несмотря на стрельбу из пушки, ясно слышу мощное «ура». Оказывается, наша пехота пошла в атаку. О, как я был рад, что и эта, десятая моя атака была удачна! Снова повел танк вперед на противника и видел, как рядом идут наши славные пехотинцы.

Танк я пустил на второй скорости. Управляя машиной, зорко наблюдал через триплекс, чтобы во-время сообщать командиру танка об огневых позициях и живой силе врага. Командир любил меня за эту помощь в бою. Да и вообще у нас была дружба, сколоченность в работе. Мы могли друг друга заменить при случае.

Наша пушка ведет огонь по противнику, скопившемуся на подъеме, в середине горы. А метров за сто пятьдесят оттуда по нас строчит вражеский пулемет, о котором я докладывал Коробейникову. Но я вижу также, что командир занят уничтожением другого пулемета. Тогда я решил этот первый пулемет раздавить гусеницами. Так оно и вышло. Сколько ни бил враг по люку и в триплекс, ничто ему не помогло. Подрулил я к нему и сделал поворот на 180°, — раздавил, как муху.

Второй бархан также был взят. Били оттуда и минометы, но их уничтожали пушки нашего и новоселовского танка. Действовали мы дружно, спаянно, не забывая ни на минуту о взаимной выручке.

Танк Новоселова шел сзади нас, и я его не видел... Когда мы с пехотой штурмовали высоты, неожиданно возникло препятствие: длинный японский ров и за ним сплошные окопы. Тут можно было легко посадить машину. Я сумел избежать этой опасности, а новоселовский танк сел одной гусеницей. Японская пушка тотчас же открыла по танку Новоселова огонь. Новоселову угрожала опасность. Тов. Коробейников заметил это. Мы кинулись спасать товарищей.

Я увеличиваю газ, круто поворачиваю машину влево. Подъехал к носу танка и таким образом закрыл его от огня и дал

Бронемашина уходит в разведку

людям возможность работать. Коробейников и Михеев стреляли, а мы с Новоселовым начали надевать цепи, чтобы вытянуть застрявший танк на буксире. В это время японские снайперы и еще один пулемет ухитрились открыть по нас огонь. Но мы все же надели цепи без больших повреждений, только руки были немного поцарапаны.

Мигом закрыл люки, включил заднюю скорость, отпустил сцепление. Танк со стоном трясется на месте, а не берет. Пробую второй раз, смотрю в триплекс, — чуть стронул с места. Оставалось только увеличить обороты, как я почувствовал толчок, и вот мой мотор заглох. Проверил зажигание — вижу, все в порядке, приборы работают. Решил вновь заводить. Изрядно я помучился, пока, наконец, услышал вспышку и нормальные обороты. Я всегда берег свою машину. За четыре года службы и езды на танках не имел ни одной поломки, а тут такое дело! Танкисты знают, что в это время переживает весь экипаж, а механик-водитель в особенности.

И вот новоселовский танк медленно пополз вперед. Значит, спасены! Теперь надо только снять с машины цепи. Коробейников, нагнувшись, спрашивает, как дела. Я докладываю, что вытащил, и хочу снять цепи. Коробейников спрашивал меня, потому что не видел моей работы. Он вместе с башенным стрелком вел огонь из пушки и пулемета по последней сопке, где еще были японцы и откуда они стреляли по нашей пехоте.

Я открыл люк и сбросил цепь с одного крюка, а Новоселов — с другого. Машины стали свободны. Но за это время наш танк получил еще два удара. А в экипаже Новоселова во время сбрасывания цепи, когда люк механика был приоткрыт, вражеская пуля ранила башенного стрелка Захарочкина.

Танк Новоселова вынужден был уйти с поля боя в расположение части. Мы же с Коробейниковым решили зайти за укрытие и осмотреть машину. Так и сделали. При осмотре оказалось: гусеница пробита в двух местах, повреждено ведущее колесо колесного хода. Гусеница едва держалась на трех проушинах. В машине осталось только семь бронебойных снарядов и несколько дисков патронов.

Решили раньше всего дать машине остыть. Я повел ее, а Коробейников с башенным стрелком Михеевым пошли в окоп к раздавленному мною пулемету. Пока я еще раз осматривал танк, они этот пулемет вместе с лентами патронов принесли к машине, и мы увезли его как трофей. Тем временем наша пехота заняла последнюю сопку и начала окапываться.

Я уже был в танке, когда к нам подошел незнакомый заместитель политрука из пехоты и сказал:

— Товарищи танкисты, мы заметили пушку, которая стреляла по вас. Она отсюда метрах в ста двадцати, а то и меньше. Вон за этим барханом, — он показал в сторону противника. — Там рядом у них и склад боеприпасов.

Коробейников спрашивает:

— Как дело с танком? Можем мы еще повоевать?

Я отвечаю:

— Надо уничтожить эту пушку. Только хватит ли вам, товарищ младший лейтенант, такого маленького запаса снарядов?

Коробейников улыбнулся:

— Хватит, товарищ Бакланов!

Поговорили мы с заместителем политрука, как и откуда лучше подобраться к этой пушке. Он пошел возле танка и флажками показывал нам путь. Только начали подъезжать к одному из барханов, как он дал сигнал «стой», подполз к моему люку и говорит:

— Вот ее направление, за этим барханом!

— Обождите, — говорю, — сейчас посмотрим из-за укрытия, уточним, где она находится.

С разрешения командира я вылез из танка. Вместе с заместителем политрука мы ползком преодолели лощину и по скату бархана влезли наверх. Я рассмотрел в бинокль местность, увидел кусты. Вот где ты, гадина, сидишь, оказывается! Неподалеку слева действительно был склад.

Уточнив все это, я возвратился к танку и доложил о всем виденном мной командиру. Взяли курс по низменности между барханами. Слышу «стой». Не прошло и минуты, как Коробейников выпустил два снаряда, и башенный стрелок радостно крикнул:

— Готово!

Стало видно, как испуганно забегали японцы. Коробейников очередями из пулемета быстро «приземлил» их. Наш младший лейтенант — отличный стрелок.

Убедившись, что неприятельская пушка разбита, Коробейников дал еще три выстрела по складу, откуда стрелял пулемет. Я кричу ему, что с правой стороны склад загорелся.

Он отвечает смеясь:

— Вот и управились! И еще один снаряд есть. Это моя экономия.

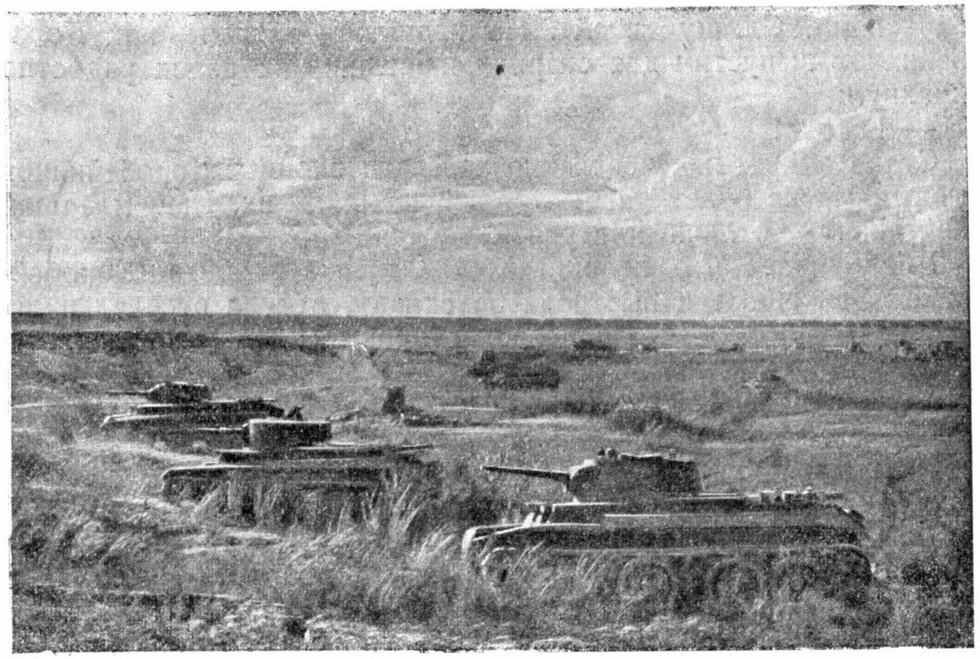
Потом мы увидели, как уже наши артиллеристы перенесли огонь туда же и смешали там у японцев все в кучу.

Нам пора было возвращаться в часть. В танке осталось совсем мало воды. Он перегревался, а до части было пять километров. Хотя и с трудом, но мы добрались. Встречали нас все. Первым я увидел батальонного комиссара Астапенко.

— Ну как, Бакланов? — спросил он, подходя к люку.

— Задача, товарищ комиссар, выполнена!

★



★

Командир танка И. КВАЧЕВ

ОТВАЖНАЯ ПЯТЕРКА

Впервые я встретился с японцами по пути на исходные позиции. К реву нашего мотора примешался какой-то далекий гул. Это летели японские самолеты. Водитель моего танка Филимонов прибавил газу, и мы отскочили от соседнего танка, втрое увеличив дистанцию. Что-то ухнуло за броней. В триплексе мелькнули комья земли, дым. Мы услышали, как в башню ударило осколком бомбы.

Японские бомбардировщики не причинили нам особого вреда. В том месте брони, где ударил осколок, образовалась вмятина, — и только.

Приближалось «настоящее дело». Мы расположились на исходной позиции, тщательно замаскировали танки. Лейтенант Титов собрал взвод и объяснил задачу. Моему экипажу предстояло действовать левее танка лейтенанта, правее — экипажу Дроздова.

— А вы, — обратился ко мне Титов, — мой заместитель.

На мальчишеском, безбровом лице моего башенного Чешева заиграл румянец. Его глаза сияли.

Экипаж занял свои места. Я был таким же кратким, как и наш лейтенант, хотя перед боем многое хотел сказать своим друзьям.

— Товарищи, помните присягу! — вскричал я. — Меня убьют — замещает Чешев... За Родину, за Сталина, вперед!

Танки рванулись вперед.

В развернутом строю мчались мы на японцев. Справа виднелся танк Титова.

Начался спуск с горы, и сразу же загрохотали противотанковые орудия японцев. За бронированными стенами башни бушевал грозный прибой разрывов. Снаряды рвались у гусениц— сзади, спереди, с боков и, казалось, под самым люком водителя.

Мы стремились вперед, только вперед, туда, где расположились сотни японских орудий и пулеметов, откуда враг пытался остановить лавину советских стальных коней.

Филимонов пригнулся, и никакие силы не могли бы оторвать его в этот миг от рычагов. Чешев расцветал. Я никогда не видел его таким воодушевленным. Он ждал моей команды.

Но еще рано было открывать огонь. Надо бить наверняка. Спокойствие, выдержка, Чешев! Вот сейчас, еще секунду... Теперь пора!

— Осколочный, заряжай!

И в тот же миг Чешев зарядил пушку. Раздался наш первый выстрел.

Японская пушка взлетела на воздух. Эта удача вдохновила нас.

По другой пушке я открыл огонь метрах в двухстах от нее. Мы сняли это орудие двумя снарядами, прежде чем домчались к его прислуге. Вражеские каски замелькали в триплексе. Японские артиллеристы не выдержали атаки. В панике заметались они по полю. Но от нас не уйдешь!

— Прибавить газу! — приказал я.

Мотор взревел, и наш танк еще стремительней понесся вперед. Мы врезались в гущу японской пехоты. В высокой траве суетились в панике солдаты с погонами и в зеленых касках.

— Осколочный!

Грохнул выстрел.

— Еще!

Грохнул второй.

Выпучив глаза от страха, японцы нелепо машут руками и, словно скошенные, валятся в траву. Мы расстреливаем, мы давим гусеницами вражеское отродье. Досталось в этом бою японской пехоте!

Башенный работает безустали. В его руках то и дело мелькает медь снарядных стаканов. Куда девалась девичья белизна его щек. Он почернел от газов и пота.

Становится все жарче и жарче.

— Впереди, справа кавалерия! — кричит Чешев.

— Диск, быстро!

Очередь за очередью — и кони, вздыбившись, сбрасывают всадников, топчут их копытами. Японские кавалеристы падают с коней, валятся вместе с ними. Кое-кто хитрит и падает нарочно. Но мы еще хитрее. Что не скосил наш пулемет, уничтожили гусеницы.

Правее и левее мчатся наши танки, сея смерть и опустошение в рядах врагов. Сзади — горы трупов.

То, что произошло позднее, трудно сразу пояснить. Следует учесть, что мы действовали на местности, знакомой нам лишь по карте. Машина неслась на предельной скорости. Мы видели перед собой — то здесь, то там — вражеские пушки, японских пехотинцев, кавалеристов, и нашей единственной целью было: уничтожать и уничтожать, без остатка!

В этом движении мы не заметили, как врезались в камыши и через секунду, на всем ходу, соскочили в реку. Танк описал параболу и сразу же по башню погрузился в воду. От удара открылся водительский люк и ткнулся в крутой берег.

— Скорее, закрой люк!

Это мое приказание было первым, после того как я опомнился от столь неожиданного оборота дела.

Филимонов схватил ключ от ленивца и стал ковырять им землю. Наконец, люк закрыли, мы облегченно вздохнули. Теперь наблюдать, осмотреться — где мы и кто впереди.

Танк все больше погружался в тину. Мотор захлебнулся. Мы слышали, как за бронею плещется вода.

Я посмотрел в телескопический прицел — и он был в воде. Взглянул в триплекс — все то же. Попробовал повернуть башню, не высунется ли телескопический прицел из воды.

В боях вырабатывается особое чутье. Его можно назвать боевым чутьем. По обстановке сражения, по ряду мелочей, которые исподволь запечатлеваются в памяти, сами собой возникают верные предположения и догадки. Так было и сейчас.

— Там кто-то есть! — тихо сказал Чешев.

— И мне так кажется, — ответил я.

Мы повернули башню. Уголок прицела высунулся из воды. Его было достаточно, чтобы увидеть двух японцев на лошадях и двуколку с боеприпасами. Судя по сердитому выражению лиц и жестикуляции, японцы о чем-то спорили. Должно быть, речь шла о том, как захватить наш танк.

Мы просто разрешили этот вопрос.

— Осколочный, заряжай!

Отважный участник боев у Халхин-Гола
капитан тов. Борисенко

Три выстрела последовали один за другим. Вражеские всадники упали в реку. Их кони тоже.

Не успел отгромыхать последний выстрел, как послышался шум приближающейся машины, а через секунду по броне у триплекса загрохотали пули. По нас стрелял японский снайпер.

В триплекс угодила вражеская пуля и просвистала над моим плечом. Башенный схватился за лицо и вскрикнул:

— Ранен!

Я встревоженно смотрел на него.

— Здорово? — спрашиваю.

Чешев отнял руки, широкая улыбка расплылась на его лице.

— С такими ранами век воевать можно.

Водитель Филимонов, не отрываясь, следил за берегом. Несколько раз по его команде открывал я огонь.

Мы решили не оставлять танка до последней возможности. Но вода все прибывала и прибывала.

Японский снайпер замолк, и я решил приоткрыть люк башни. Осмотрелся кругом. Нигде ни живой души. Только несколько японских трупов да кони в реке вверх ногами. Высунулся и Филимонов из своего люка.

— Как будто бы вижу танк, — сказал он погодя и указал рукой.

Действительно, я раньше не приметил одной нашей машины. Она завязла в тине невдалеке от нас. Стал вспоминать по обстановке, чей это мог быть танк, и решил: либо командира роты Рогова, либо политрука Муратова.

— Чешев, пробирайся к машине, узнай — чья, — приказал я.

— Есть, товарищ командир, — бодро ответил башенный и бухнулся в реку. Раздвигая камыши, с наганом в руке, по пояс в воде, помчался он к танку. Добрался и стукнул по броне. Послышался его голос:

— Есть кто живой?

Никто не откликнулся.

— Да что же вы молчите? — загорячился башенный. — Я тоже танкист, из части Яковлева! Я — Чешев!

Мгновенно открылись люки. Мы увидели башенного стрелка Архипова и водителя Аношина. То был экипаж политрука.

В нашем танке уже нельзя было оставаться. Я решил перебраться в соседний. Сняли пулемет, диск, захватили бинокль — и в камыши.

«Почему же Муратов не отозвался?» вспомнил вдруг я. «Не ранен ли?» Первым делом спросил Архипова:

— Где политрук?

Молчит.

— Где Муратов? — обращаюсь к Аношину.

— Политрук убит, — глухо ответил водитель и отвернулся.

Горька была эта весть. Но надо было действовать.

— Я принимаю команду как старший среди вас. Чешев, наблюдай из камышей.

Сажусь в башню и тут лишь замечаю, что башенный Архипов ранен. Политрук лежит поперек машины недвижимо.

— Будем ожидать своих здесь, товарищи. Должна наша пехота подойти. Отсюда не уйдем.

— Никогда! — звенит голос Аношина.

Нас спаяла боевая дружба. Каждый уже не раз глядел смерти в глаза и ни разу не дрогнул. И каждый думал в эти минуты об одном — о политруке, убитом японской пулей.

Он погиб у орудия. Пуля пробила триплекс и смертельно ранила политрука в грудь навылет. Осев на сиденье, Муратов закашлял кровью, потом выпрямился, взялся было за оружие и свалился...

Наступила ночь. Сырость проникала сквозь одежду. Мы притихли в машине, прижавшись друг к другу, — пятеро товарищей, шестой убитый политрук. Он лежал, как живой, как будто мыслил вместе с нами, как будто знал, что мы не бросим его врагам. Мы и мертвые в плен не сдаемся!

— Товарищи, — нарушил я печальную тишину, — мы в тылу у противника. Если не выберемся отсюда и будет грозить нам плен — последняя пуля...

Я показал на свой висок.

Мы недолго сидели в бездействии. Ночь была лунная. Наш танк заметили японские солдаты. По нас открыли огонь. Мы не отвечали. Вскоре кто-то с берега спрыгнул на башню, полазил по ней и соскочил назад.

Утром обнаружили, что ночные гости стащили пилу и лопату, которые были снаружи. Однако это пустяки. Мы увидели далеко от берега японскую пехоту, около батальона. Как только кто-либо из них приближался к реке, я открывал огонь.

Пробовали мы завести мотор — ничего не получалось. Аккумуляторы находились в воде. Нам оставалось только выжидать.

Японцы стали подбираться к нам сзади. Подошел сначала один офицер, посмотрел и побрел назад.

— Сейчас приведет целый взвод, — предупредил я товарищей.

Так оно и было. Трое отделились от взвода и полезли на танк, стали стучать прикладами винтовок. У одного я заметил гранату и тут же вспомнил, что в нашем танке открыто перископическое отверстие. «Вот чорт! Еще бросит гранату», подумал я. Приготовил шлем, чтобы в него поймать гранату и выбросить обратно. Но японцы что-то долго прогуливались сверху, медлили. Надел я шлем, вынул наган и вставил дуло в отверстие. Японцы шарахнулись в стороны, соскочили и побежали всем взводом.

Послал я вдогонку тройку снарядов и несколько пулеметных очередей.

Целый батальон пошел на нашу машину. Тут расстреляли мы все боеприпасы. Остался у меня лишь один снаряд.

Нас окружали, вражеское кольцо все сжималось. Водители порезали провода. Подожгли бензин. Все уже выскочили в воду. Остался один я у орудия. Выпустил свой последний осколочный по японской группе и выпрыгнул вслед за своими.

Мы побежали, прячась в камышах, вниз по течению реки, под ружейным и пулеметным огнем с обоих берегов.

Километра три отмахали и вышли в кусты на берег, сняли сапоги. Аношину разрезать их пришлось — так набухли. Здесь замаскировались и стали ждать.

Японцы продолжали вести огонь. Они простреливали все кусты. Пули так и жужжали над нами, нельзя было поднять головы.

День выдался знойный. Комары живьем сжирали. Не оставляли нас в покое и японцы. Мы слышали, как шарили они по кустам.

Решили мы не двигаться, ждать здесь ночи. Условились: если четверых нас убьют, пятый должен обязательно добраться к своим и рассказать, как все было.

До одури хотелось курить. О еде никто и не думал.

Пролежали так до заката. Когда совсем стемнело, подползли к одному кусту и стали всматриваться и прислушиваться. Вскоре услышали пьяные крики — значит, японцы недалеко. Проползли еще метров сотню и оказались у самой дороги. По ней ехало пятеро японских кавалеристов.

— Если заметят, — шепнул я товарищам,— стреляйте в упор.

Конные прошли. Показалась группа солдат человек в двенадцать. Последний наскочил на Архипова и уже намеревался запороть его штыком, но упал, сраженный выстрелом из нагана. Архипов упредил японского солдата.

Поднялся крик и вой. Мы отскочили в глубь кустов и пошли наугад, пока не наткнулись на танковый след. То был след, характерный только для наших машин.

Обрадовались мы и хотели было пойти по следу. Но, видно, японцы опомнились от страха, вызванного выстрелом Архипова, и повели вдоль кустов частую стрельбу. Тогда мы снова стали ползти.

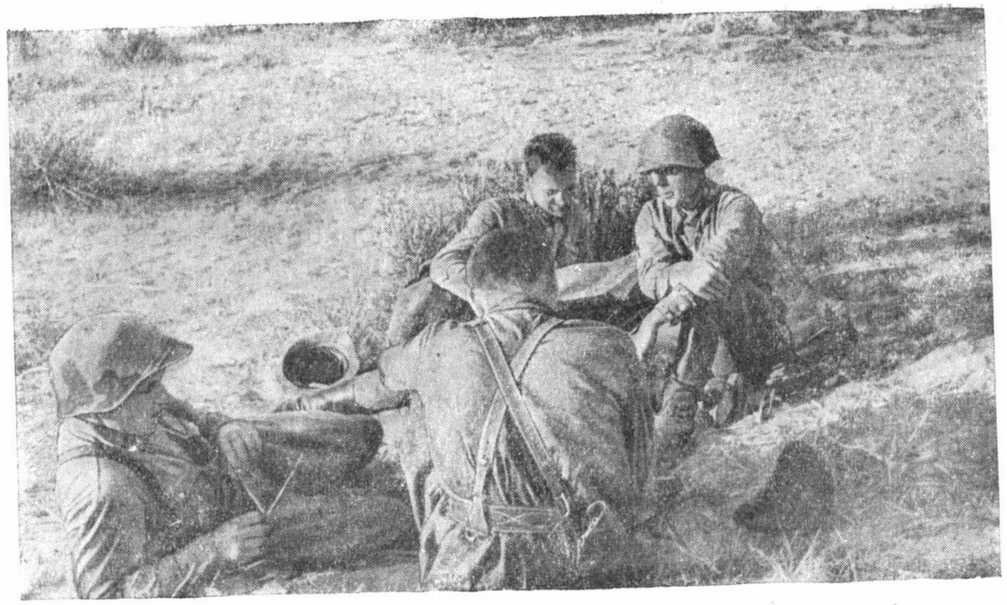
Ползли по следу всю ночь, пока не стала заниматься заря. Силы уже начали покидать нас, когда вдруг мы услышали русскую речь:

— Товарищ командир, — говорил кто-то...

— Это наши! — вскричал я, и мы побежали на голос.

Скоро мы увидели своего командира Яковлева. Он кинулся к нам, обнял каждого, крепко расцеловал, велел накормить, переодеть...

★



★

Младший политрук П. ТРОЯНОВСКИЙ

ВЕРА ВАДОВСКАЯ

Недалеко фронт. Все чаще и чаще встречаются автомашины, мотоциклы. В голубом небе гудят моторы боевых самолетов. От столбов вправо и влево убегают десятки дорог. Мелькают маленькие фанерные таблички:

«В госпиталь».

«В ДОП».

«К Галанину».

Через несколько минут где-то далеко раздается гулкий раскат грома. Вера вздрагивает.

— Что это?

Лейтенант, сопровождающий ее, улыбается:

— Дальнобойная бьет. Наша...

По обеим сторонам дороги чернели бугорки окопов, кое-где работали группы бойцов, дымили походные кухни. А впереди и сзади почти сплошной вереницей тянулись автомобили.

Для Веры все это было новым и незнакомым.

Иногда, глядя на винтовки и штыки бойцов, Вера спрашивала себя: «Куда я еду, такая?»

И краснела, нащупывая в ногах маленький чемоданчик с обыкновенными бритвами.

С того дня, как Вера получила приказание командира полка майора Ремизова явиться на фронт, она не переставала внутренне смущаться. И все оттого, что ей казалось смешным появление на фронте не с винтовкой, не с гранатой или пулеметом, а с бритвой, помазком и одеколоном.

«Засмеют, — думала она. — Скажут, вот глупая...»

И успокаивалась только тогда, когда перечитывала записку майора Ремизова.

«Ты, Вера, не стесняйся, — писал майор, — вот увидишь, как будешь нужна здесь, в окопах. Или ты думаешь, что мы здесь обрасти все хотим? Нет, частенько вспоминаем о тебе...»

Беспокоила Веру и другая мысль. А что, если она — комсомолка, — и вдруг окажется трусихой?

Машина спускалась под гору. С реки тянуло прохладой, пахло травами.

— Вот и Халхин-Гол, — сказал лейтенант.

Вера оживилась, встрепенулась. Знаменитая, прославленная теперь на весь мир река просвечивала узкой лентой воды среди зеленых и низких кустов. А дальше, за лугом, дымились барханы. Слышны были выстрелы, разрывы, треск. Вся дорога была изрыта большими и маленькими воронками. Это уж следы боев...

Не успела Вера рассмотреть все, как над головой у нее со свистом пронесся снаряд, а потом раздался грохот, и у одинокого деревца под горой земля поднялась столбом.

Девушка прижалась к борту машины.

— Неприятно? — спросил лейтенант.

Вера посмотрела на него. Он был спокоен и попрежнему улыбался.

— Японцы шалят. А там наши... Водитель, давай скорее.

Спокойствие лейтенанта постепенно передавалось Вере. Она перестала думать об опасности, села поглубже и с любопытством разглядывала незнакомый красивый берег реки.

— Пропуск! — окликнул кто-то.

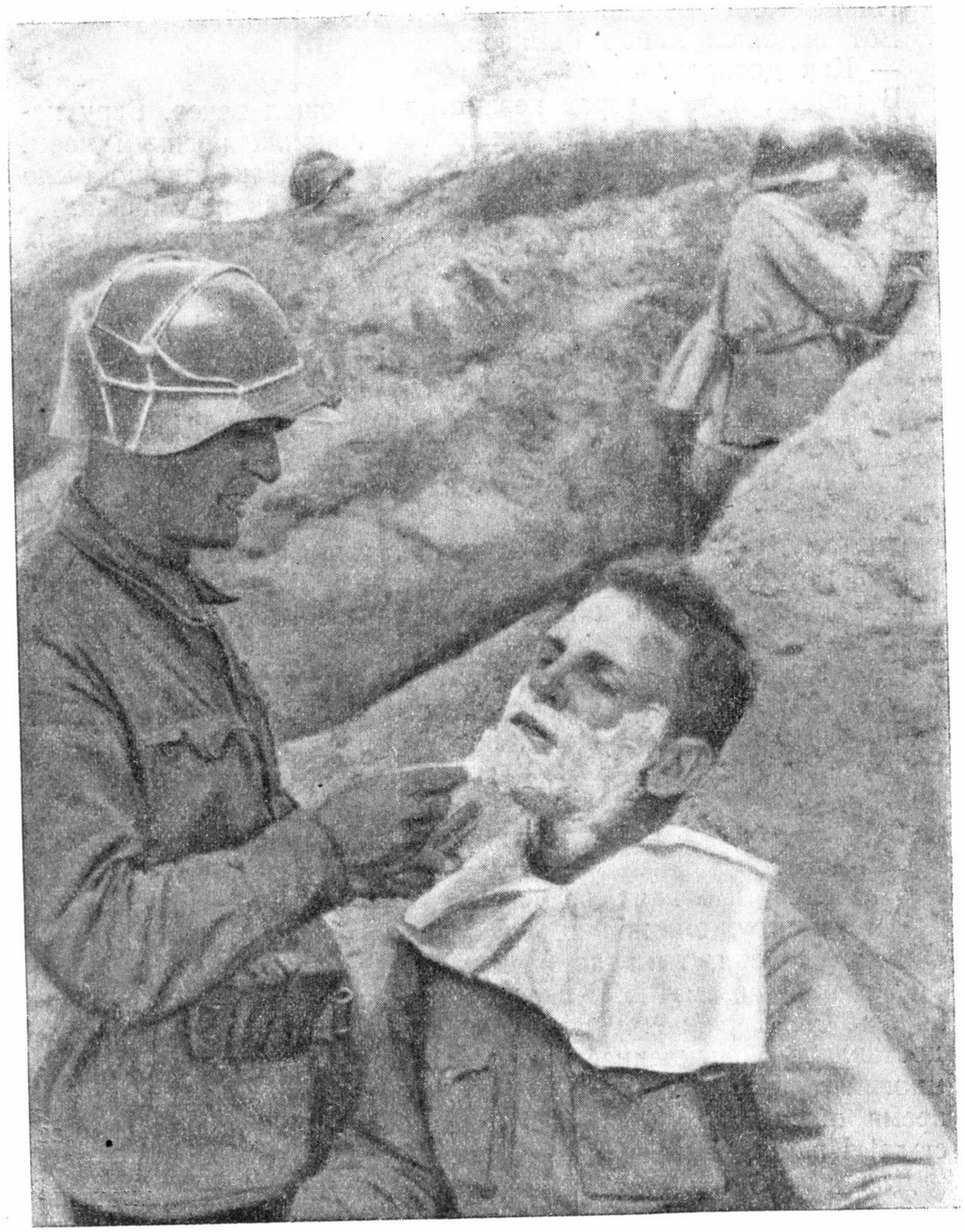
Вера поднялась. У машины стоял красноармеец. И никакого удивления, никакой усмешки не обнаружила девушка на лице у него.

Вскоре въехали в глубокую впадину, и к ней со всех сторон подходили бойцы и командиры.

— Вера приехала! Вера...

Вера и не думала, что ее приезд явится целым событием для части.

Подошли Ремизов, Федюнинский, Миштейн, Смирнов. Все жали руку, поздравляли.



Красноармеец-парикмахер тов. Гнесин на передовой линии фронта

Не прошло и часа, как на командном пункте уже работала парикмахерская. На стул, поставленный в глубокой траншее, садились бойцы и командиры. Вера с гордостью видела, что всем была радостна и приятна ее работа, что все испытывали потребность побриться и освежиться одеколоном.

Никогда еще она не работала с такой легкостью и любовью. Вот подошел майор Ремизов.

— Как доехала?

В работе, в разговорах незаметно подошел вечер. Веру накормили красноармейским ужином и попоили крепким чаем. Бойцы наперебой предлагали сахар, место. Так хорошо было среди них! Вера почувствовала, что она здесь не лишняя.

Поздно ночью она легла спать в окопе и быстро забылась, утомленная дорогой и работой.

* * *

Почти обо всем можно позабыть на фронте. Можно спать не раздеваясь, долго не снимать сапог, по полутора-двое суток не смыкать глаз. А побриться всегда хочется. Как только выдалась свободная минута, так щетина на бороде не дает покоя. А как побреешься — помолодеешь сразу, становится легче и веселей.

Поэтому, как только в батальонах узнали, что на командный пункт приехала Вера Вадовская — полковая парикмахерша, — все потянулись к ней: кто побриться, кто подстричься, а иные несли бритвы на правку.

Работала Вера с самого рассвета и до сумерек. А потом шла в землянку и при свете огарка писала письма матери. Хоть и далеко она от дома, но переписывалась аккуратно. Вспоминала старушку свою — седенькую, милую мать, подруг по Новгороду, передавала им сердечные приветы. И очень радовалась, когда мать, узнав, что она на фронте, написала в письме:

«Раз тебя призвали на фронт — работай по-военному. Не бойся там трудной жизни, наша семья извеки трудолюбивая. Да береги себя, ты ведь у меня единственная такая».

Дни шли незаметно. Клиентов все прибавлялось и прибавлялось. Но Вера не чувствовала усталости. Наоборот, работа доставляла ей искреннее удовольствие. Как ни говорите, а немногим парикмахерам в Советском Союзе выпадает счастье все время общаться с боевыми героями. Вот бы подруг сейчас сюда! Посмотрели бы, как она работает.

Для каждого у Веры находилась новая салфетка, чистенькая, отглаженная. Клиенты удивлялись этому, и только немногие знали, что Вера целыми ночами стирает, гладит, иногда даже крахмалит белье.

Частенько работала она под артиллерийским обстрелом и сокрушалась, когда комиссар или майор приказывали прятаться в щель.

Несколько раз дело доходило до смешного. Только Вера намылит щеки клиента, вдруг кричат:

— Воздух, по щелям!

Приходилось прерывать работу, а клиент с мылом прятался в щель.

Бывало, что работала и ночью, со свечами. Понимала, что многим днем нет времени бриться, есть другие дела.

А за наиболее знакомыми товарищами следила сама. Несколько раз ей приходилось напоминать Ремизову, что пора подстригаться или побриться.

— А разве пора, Вера? — обычно переспрашивал он и тут же добавлял: — А раз пора, значит давай, брей...

Если клиент давно не заходил в ее блиндаж, Вера беспокоилась:

— Что это Смирнова нет? Уж не случилось ли с ним что-нибудь?

Или прямо наказывала:

— Скажите капитану, что жду его. Пора бриться...

А однажды не работала целый день. Не могла. Руки не поднимались. Плакала даже, горько плакала, как маленькая. И все не верила, что майор Ремизов убит.

— Да как же, товарищи? Ведь я его вчера только побрила!

Но ей отвечали:

— Так, Вера, но он убит...

Как родного брата, было ей жалко командира.

Перед наступлением 20 августа Вере предложили уехать в тыл. Объяснили, что будет опасно. Но она ответила:

— Я вас, товарищи, не могу оставить. А опасность с вами мне не страшна...

И осталась. Все горячие схватки своими глазами видела. А после наступления, когда японцы были разбиты, поехала в Улан-Батор за новым зеркалом.

* * *

Как-то вечером Вера взяла газету. В ней был напечатан список награжденных героев Халхин-Гола. Думала найти знакомые фамилии. И вдруг сердце ее взволновалось, забилось.

— Не может быть! — воскликнула она.

В числе награжденных орденом Красной Звезды стояла фамилия: «Вадовская Вера Владимировна».

Родина по достоинству оценила ее труд — труд окопной парикмахерши, комсомолки.

★

★

Младший политрук А. ГОЛИКОВ

КАК МЫ ЗАХВАТИЛИ ДИВЕРСИОННУЮ ГРУППУ

После артиллерийской подготовки наша часть кинулась в атаку. Пулеметный расчет моего подразделения густо поливал японцев свинцовым дождем. Когда до противника оставалось уже около пятидесяти метров, японцы дрогнули и стали откатываться к своему укрепленному району. Наша артиллерия перенесла тогда огонь в глубь расположения японцев.

Вот уже наши без малейших потерь заняли передовой рубеж противника. На барханах, в лощинах, в окопах валялись трупы его солдат. На правом фланге в центре большой пади возвышался холм, густо поросший травой. Здесь я и залег с группой бойцов. Позади нас, метрах в пятидесяти, окопался пулеметный расчет Тюрина.

Японцы бешено отстреливались. Они находились близко, и поднять голову было рискованно. Мы лежали неподвижно, наблюдая из-за укрытия за действиями противника.

Вдруг я заметил, что справа от нас крадется пятерка японцев. То ползком, то короткими перебежками пробирались они вперед, стараясь зайти нам в тыл. Мне хорошо было видно,

как из пятерки выделился один солдат и стал быстро удаляться от остальных. За плечами у него висела связка гранат.

Я решил уничтожить всех этих диверсантов. Прежде всего надо было покончить с одиночкой. Взял у соседа ручной пулемет и очередью из трех патронов уложил врага. Четверо остальных укрылись в окопе.

Медлить было нельзя. Быстро подбегаю к секретарю партийного бюро части тов. Нелюбину, докладываю о происходящем. Тот одобряет мое решение: надо уничтожить всех!

Запасшись двумя гранатами, я начал скрытно пробираться в ту сторону, где залегли четыре японца. Вот они уже не далее тридцати метров от меня. Затаив дыхание, подползаю к бугорку. От него до окопчика десяток шагов. Кругом тишина, изредка нарушаемая ружейной и пулеметной стрельбой.

Я приподнялся, взмахнул рукой... Через одну-две секунды в окопе раздался взрыв гранаты. Визг и крики дали понять, что я попал в цель. Потом все затихло.

«Что за дьявол! — подумал я. — Неужели всех четверых сразу? Надо проверить...»

Подал сигнал. Ко мне подбежал командир отделения тов. Байбародов с красноармейцем. Приготовив вторую гранату и винтовки, пошли к окопу.

Картина, которую мы увидели, изумила нас. В длинном окопе лежали рядком четыре трупа, весьма подозрительно укрытые плащом и палатками. Видны были только одни лица.

Подхожу к первому. Отдернул угол плаща. Перевернул тело. Да, действительно мертвый. Второй, лежавший рядом, старался походить на труп, но ему это плохо удавалось. Предложил встать. Дрожа всем телом, издавая стоны и что-то бормоча, солдат приподнялся. Это был маньчжур. На руке у него виднелась большая рана. Знаками дали понять, что ничего с ним плохого не сделаем, и он заулыбался, закивал головой. С красноармейцем отправили его в тыл как пленного.

Третий японец был жив и невредим. Он ни за что не хотел вставать. Только тыкал себя в грудь, будто давал какую-то клятву. Я расстегнул ему гимнастерку. На шее, привязанные на веревочке, висели три мешочка — японские талисманы. Предложили еще раз встать, но японец глухо зарычал. Ярой злобой горели его глаза. Ну, что же, не хочешь — не надо. Он был уничтожен.

Подходим к последнему. Это был офицер. Сообразив, что притворство излишне, он приподнялся, выхватил клинок и ударил меня по голове. Байбародов пристрелил его. Я был в каске, удар не нанес мне никакого вреда. Обыскав офицера, мы нашли у него документы и фотографии.

Так была ликвидирована диверсионная группа японцев.

★

★

Полковой комиссар Р. БАБИЙЧУК

ПОЛИТОТДЕЛ ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ В БОЮ

На восточных границах Монгольской Народной Республики прогремели уже первые разрывы японских авиабомб, когда я был назначен на должность начальника политотдела 11-й танковой бригады. Незадолго до моего приезда бригада получила приказ о немедленном выступлении в район боевых действий. На рассвете танки двумя колоннами блестяще форсировали реку Керкулен. За танками прошли тылы соединения. По большой монгольской равнине двинулась бригада в поход.

Времени для того, чтобы я мог серьезно и всесторонне изучить аппарат политотдела, было слишком мало. Познакомиться с людьми пришлось на совещании, созванном перед самым выступлением. Знакомство это, само собою разумеется, носило очень беглый характер, и потому, когда дело дошло до расстановки политотдельских сил, я должен был очень внимательно прислушаться к высказываниям и пожеланиям каждого работника. Основная часть работников выехала с конкретными

заданиями в части. При мне в политотделе остались только три товарища: секретарь парткомиссии Живолуков, инструктор по информации Беляев и секретарь политотдела Зайцев.

Уже к исходу первого дня марша обнаружилась сильная растяжка тыловых колонн. Стало ясно, что непосредственно из политотдела мы не сумеем держать непрерывную связь с колоннами и осуществлять оперативное руководство над каждой из них в отдельности. Необходимо было назначить комиссара тылов. Комиссаром поехал тов. Живолуков. Формально это нововведение пошло как будто за счет ослабления политотдела (мы лишились одной «штатной» единицы). Но фактически с появлением комиссара тылов наша работа во много раз облегчилась. От следовавшего в хвосте колонн тов. Живолукова политотдел всегда имел самые точные данные о результатах марша и мог своевременно ликвидировать недочеты работы тыла.

Марш протекал в очень сложных условиях. Пески, бездорожье были большой помехой на нашем пути. Однако темпы продвижения бригады превышали 150 километров в сутки. К месту ночного отдыха части собирались обычно довольно поздно. Созывать в этот час комиссаров в политотдел для подведения итогов дня было бы по меньшей мере неблагоразумно. Мы изыскали другой способ: я сам стал объезжать их, на месте информировался, принимал соответствующие решения, подсказывал, что следует сделать немедленно, сейчас же, в каком направлении вести партийно-политическую работу завтра.

В первые дни после сосредоточения бригады в назначенном районе было относительное затишье. Но перед самым приходом наших линейных танковых частей стрелково-пулеметный батальон и саперная рота бригады успели уже получить боевое крещение. Два дня участвовали они в упорном бою с отборными японскими частями и, несмотря на свою малочисленность, нанесли врагу чувствительный удар.

Политотдел решил использовать затишье на фронте для ознакомления танкистов с боевой работой наших стрелков и сапер. С докладом о последних боях выступили сами участники этих боев — бойцы, командиры, политработники, предварительно проинструктированные политотделом. Инструктаж этих докладчиков не носил характера «накачки». Мы не навязывали им готовых формул, не старались пригладить и причесать их мысли, их переживания и впечатления. Мы добивались от них только одного — правдивости, всячески предостерегали их от каких бы то ни было преувеличений, от вредных попыток преуменьшать силы врага, лакировать боевую действительность. Это значительно повысило воспитательное значение бесед.

Нужно сказать, что многие бойцы и командиры имели неполное представление о противнике. Победа над врагом казалась им невероятно легкой. Беседы рассеяли эти ошибочные мнения, они помогли понять, что враг коварен и к боям с ним нужно готовиться серьезно. Вместе с тем беседчики правдиво рассказали о героизме, мужестве, отваге наших бойцов и напомнили танкистам священный закон:

«Никогда не оставлять подбитого танка, а вести бой до последнего патрона, до последнего человека.

Никогда не сдаваться в плен. Плен — измена Родине и несмываемый позор для части, для семьи».

Из уст людей, уже отличившихся в бою, эти слова, эти партийные лозунги прозвучали с невиданной силой. Подобные беседы широко практиковались нами и в дальнейшем — на протяжении всего времени боевых действий. Это были своего рода дрожжи, на которых рос каждый наш боец, каждый командир.

Большая рассредоточенность частей, в целях маскировки и предосторожности от поражения с воздуха, не всегда давала возможность проводить такие беседы обычным способом, — мы не могли собирать людей большими группами. Политотдел решил поэтому перенести центр всей агитационно-пропагандистской работы главным образом в экипаж. Агитаторы и беседчики пошли по «щелям», где танкисты вынуждены были проводить значительную часть свободного от боевой работы времени. Часто голос беседчика заглушался неожиданным грохотом от разрыва японской авиабомбы, но едва смолкал грохот, беседа возобновлялась. Наши славные агитаторы в любых условиях, в любой обстановке всегда умели донести до масс горячее слово большевистской правды. Недостатка в этих людях мы не испытывали никогда. Политотдел сумел привлечь к активной агитационно-пропагандистской деятельности всех членов и кандидатов партии, весь огромный актив комсомольской организации бригады.

Помимо пропаганды чисто фронтовой, весь этот огромный коллектив агитаторов и беседчиков очень много занимался разъяснением международного положения. Интерес бойцов и командиров к международным событиям нарастал с каждым днем. Чтобы удовлетворить этот интерес, политотделу пришлось систематически проводить в частях специальные инструктажи беседчиков и агитаторов.

Беспрерывная партийно-политическая работа укрепила дисциплину, еще больше спаяла красноармейцев и командиров в единый, железный коллектив, живущий одним стремлением — быстрее уничтожить японо-маньчжурских захватчиков. Патриотизм танкистов был настолько велик, что когда командир выделил 2-й батальон для выполнения боевой задачи, во

Герой Советского Союза танкист И. Просолов

всех остальных частях экипажи с обидой и ревностью задавали один и тот же вопрос:

— Почему нас не послали в бой, мы показали бы, как надо драться.

Это стремление особенно ярко проявилось в бою 3 июля, когда бригада впервые обрушила на врага всю свою грозную силу.

Ночь перед боем была относительно спокойной, но никто не захотел лечь спать. При слабом свете луны экипажи усердно занялись осмотром машин, каждого их агрегата, каж-

дого винтика. Лица танкистов были суровы и сосредоточены. В этой сосредоточенности угадывалась твердая решимость каждого драться с врагом до последней капли крови, делом доказать свою безграничную преданность Родине, партии, великому Сталину. И они доказали. Баин-цаганское побоище продемонстрировало все величие и могущество советской техники, всю силу советского патриотизма бойцов и командиров Красной Армии.

Характерный пример. Комсомолец-водитель тов. Просолов после гибели экипажа двое суток просидел в подбитом танке, ведя огонь по противнику, и держался до тех пор, пока не пришли на помощь товарищи. Когда у Просолова спросили, почему он не оставил танка, водитель даже обиделся:

— Танк оставлять нельзя, — ответил он строго.

Этот простой ответ был лучшим подтверждением того, что работа, проведенная нами в экипажах накануне боя, не пропала даром. Мы достигли того, чего добивались. Но вместе с тем этот первый бой обнаружил и ряд недочетов в деятельности политаппарата, множество больших и малых недоделок, упущений.

Самым серьезным недостатком было, безусловно, то, что политотдел на первых порах упустил из поля своего зрения санитарную службу. Здесь не было должной четкости. В частях, как выяснилось, никто не знал о месте расположения медицинской роты. Санитарные машины с ранеными долго метались по полю в поисках этой роты и порой, не отыскав ее, направлялись в глубинные госпитали за 100—150 километров. При таком положении, естественно, от частей на длительное время отрывались и врачи, и транспорт. Обстановка властно потребовала немедленной помощи политотдела. Мы перебросили в санитарную службу в качестве военкома секретаря бригадной партийной комиссии тов. Живолукова и установили неослабный контроль за деятельностью всего медицинского персонала. Это дало свои положительные результаты. Во всех последующих боях санитарная служба работала безупречно.

Вторым слабым местом, которое нам удалось нащупать в первом же бою, была информация из частей о боевых действиях, о героизме, политико-моральном состоянии и материальном обеспечении. Она, как правило, страдала неполнотой и часто запаздывала. Больше того, часто информация носила искаженный характер. Раненые, а также бойцы, отправленные в тыл для ремонта танков, рассказывали о бое, исходя из своих личных впечатлений и переживаний. Многие из этих рассказов, особенно те, которые исходили из третьих уст, неправильно освещали положение на фронте. «Слушки» ползли подчас незаметно и наносили серьезный вред.

Политотдел немедленно принял меры. Мы разослали своих работников в части для информации о действиях наших частей на фронте, во всех частях провели собрания, на которых подробно обсудили результаты первых боев. Весь политаппарат, партийные и комсомольские организации получили указания по этим вопросам. Упорная работа по налаживанию правдивой информации сказалась на деле. Вымышленным слухам никто верить не стал.

Все это толкнуло нас также на то, чтобы покончить с кустарщиной в постановке информации вообще.

Информации из частей у нас, надо прямо признаться, не было. Не зная своевременно, что делается в частях, политотдел не мог, конечно, быть подлинным большевистским штабом руководства всей партийно-политической работой. Надо было принимать срочные меры. И здесь особенно хорошо проявил себя наш инструктор по информации тов. Беляев. Он сам поехал за информацией по частям, участвовавшим в бою. Позднее такие объезды вошли в систему. И днем, и темной ночью, и в жару, и в дождь пробирался тов. Беляев из части в часть. Где брал информацию уже в написанном виде, уточняя и дополняя ее на месте, где записывал все сам от начала до конца под диктовку военкома. Своей скромной работе Беляев отдался весь и показал себя как подлинный герой, мужественный и настойчивый большевик. Постепенно удалось научить и военкомов быстро информировать политотдел о всех важнейших делах и событиях в частях.

После короткой передышки, 9 июля, части бригады вновь вступили в бой. Японцы имели превосходящие силы, они находились на господствующих высотах. Неприятель рассчитывал, что танки на этой местности, пересеченной песчаными высотами и котлованами, применить невозможно. Но вскоре они горько разочаровались.

В этот день части бригады выступили в бой также по тревоге. Военкомы частей кратко объяснили политрукам задачу. Политруки рассказали о ней танкистам. Во всех танковых батальонах работали инструкторы политотдела.

Я объезжал некоторые части, коротко беседовал с бойцами, командирами и политруками.

Танки быстро двинулись к фронту, переправились через мост и заняли исходное положение. Экипажи, замаскировав танки, еще раз проверяли работу моторов, тщательно осматривали оружие. Политработники, коммунисты, комсомольцы доводили обстановку до каждого экипажа. Боевой курс знал каждый экипаж. Последние приготовления. Команда: «Заводи! Вперед!» — и опять, гремя гусеницами, до сотни танков по всему фронту ринулось в бой. Закрывая люки, бойцы и командиры произносили лозунги: «За Родину!», «За Сталина!»,

Партийное собрание в танковой бригаде имени Яковлева. Прием участников боев в ряды ВКП(б).

С картины худ. М. Соловьева.

«Вперед!», «Да здравствует победа!» На многих лицах были улыбки.

Это хладнокровие танкистов перед атакой и в атаке оставалось неизменным в течение всех трех месяцев беспрерывных боев. Видя их хладнокровие и мужество, я каждый раз снова переживал глубокое чувство радости и гордости за великий советский народ, за великую партию Ленина—Сталина, за товарища Сталина, воспитавшего таких бесстрашных героев. Я вспоминал слова товарища Ворошилова, что «наш народ не только умеет, но и любит воевать!» И это было так! Танкист, любивший свой танк, в бою сливался с ним в единое целое, и там, где, по расчетам японцев, машины не могут пройти, танки шли и побеждали, сея страх и смерть среди врагов. Презрение к смерти, холодный и здравый рассудок в бою, рождавшие тысячи героев, свойственны только сынам великого советского народа. Стремление к победе в разгар ужасающего боя можно коротко охарактеризовать словами одного писателя — это стремление было «сильнее смерти».

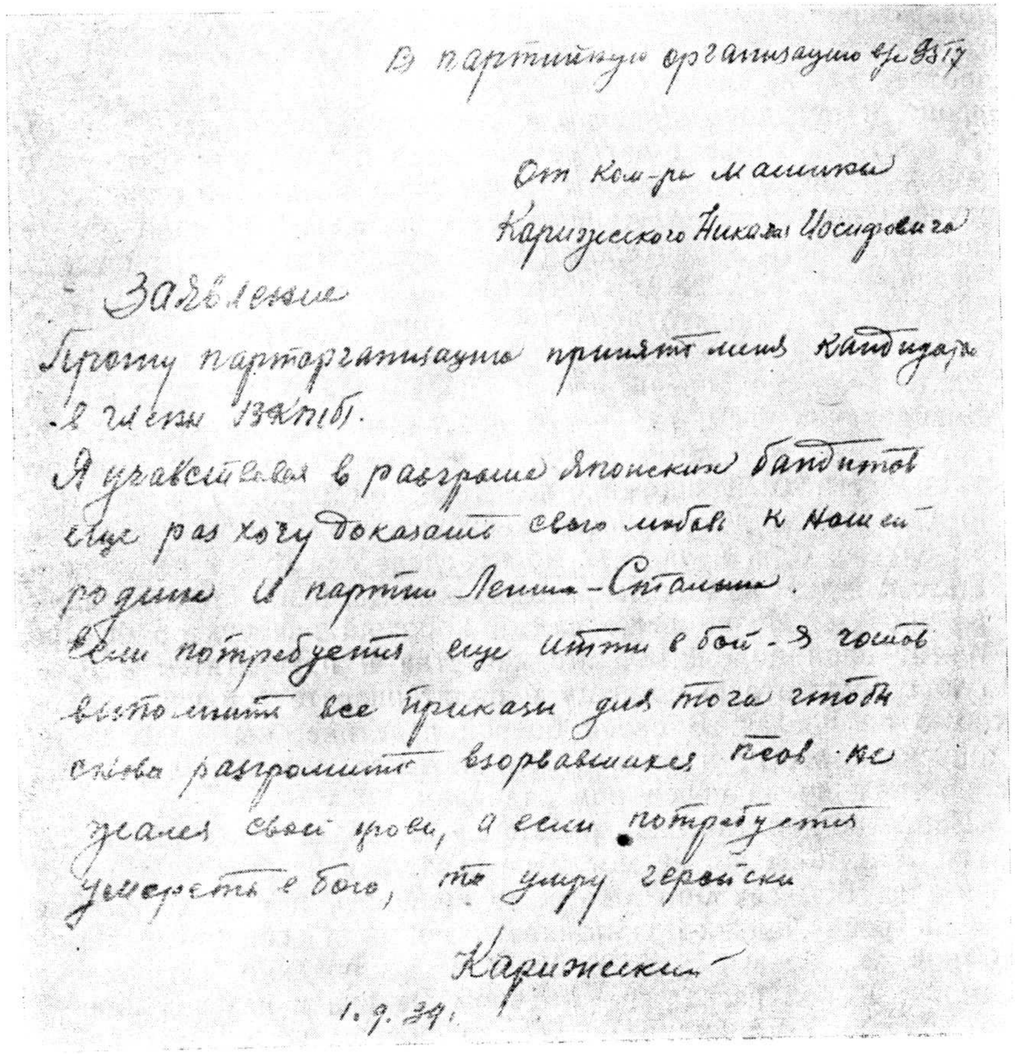
После боя, к ночи, танки, за исключением оставшихся в боевом охранении вблизи переднего края нашей пехоты, отходили к исходным позициям. Ночью, в темноте, производилась заправка машин горючим и боеприпасами. Командиры и политработники подводили итоги боя, экипажи рассказывали друг другу боевые эпизоды.

В такие почти обычные боевые дни политотдел в каждую часть посылал своих инструкторов, ставя перед ними задачу— оказать помощь военкомам в разъяснении боевой обстановки. Я также выезжал вместе с ними в батальоны и роты.

Особо следует остановиться на деятельности работников политотдела, находившихся в частях. Каждый из них служил для всех бойцов живым примером высокой воинской доблести, умел поднять дух красноармейцев не только проникновенным большевистским словом перед боем, но и большевистским делом, личным мужеством в самый момент боя. В бригаде навсегда запомнили светлый образ инструктора политотдела Горбунова. Когда потребовала обстановка, он смело пошел навстречу смертельной опасности и умер так, как могут умирать только герои. Так же решительно действовал в бою и помощник начальника политотдела тов. Козлов. После гибели военкома 1-го танкового батальона Козлов без колебаний стал на его место и отважно водил бойцов на штурмы вплоть до окончания боевых действий.

Опыт боев еще раз показал, насколько необходимо для работников политотдела сочетать в себе знание политики со знанием военного дела, с умением вникать во все детали боевой работы и жизни части.

Инструктор политотдела, направленный для работы в часть,



В партийную организацию в/ч 9317

От ком-ра машины
Карижского Николая Иосифовича

Заявление

Прошу парторганизацию принять меня кандидатом в члены ВКП(б).
Я участвовал в разгроме японских бандитов еще раз хочу доказать свою любовь к нашей родине и партии Ленина-Сталина.
Если потребуется еще итти в бой - я готов выполнить все приказы для того чтобы снова разгромить взорвавшихся псов не жалея своей крови, а если потребуется умереть в бою, то умру геройски

Карижский
1.9.39.

Заявление Н. Карижского в партийную организацию

обязан помогать военкому и партийному бюро буквально во всем. Но, пожалуй, самая большая ответственность ложится на него за организацию питания бойцов и командиров. Это важнейшее дело с самого начала боевых действий политический отдел бригады крепко взял в свои руки. Работу хозяйственного аппарата, и в особенности поваров, мы все время держали под неослабным наблюдением, всячески поощряли любую их хорошую инициативу, популяризировали опыт лучших.

О поварах-героях знали все, и они, эти малозаметные в мирной обстановке работники, стали знатными людьми в боях. О них писали в боевых листках и многотиражке, о них говорили на политинформациях. Подбодренные таким вниманием,

повара проникались чувством подлинно большевистской ответственности за всю свою деятельность. Под ураганным огнем противника, не щадя сил и даже жизни, пробирались они на фронт, к передовым частям, с горячим борщом, кашей, чаем. На протяжении всех четырех месяцев пребывания бригады в районе реки Халхин-Гол мы имели лишь несколько единичных случаев незначительных перебоев с питанием. И надо отдать справедливость, значительная часть заслуги в этом отношении бесспорно принадлежит инструкторам политотдела.

Инструктор политотдела — большая фигура в партийно-политическом аппарате соединения. Это — глаза и уши политотдела, непосредственный проводник всех требований командования. Там, где четко поставлена работа инструкторского аппарата, политотдел всегда будет настоящим штабом руководства всей партийно-политической работой в частях. Но четкость в деятельности инструкторов возможна лишь в том случае, если начальник политотдела сам будет поддерживать с каждым из них непрерывную связь, направлять их, контролировать. Иначе даже самый хороший инструктор быстро утратит свои положительные качества и превратится в простую сверхштатную единицу в политаппарате той части, в которую он послан. В своей боевой практике мы никогда не допускали этого, и политотдел, кажется, неплохо справился с поставленными перед ним задачами.

Партийно-политическая работа не замирала у нас ни на минуту. Это, конечно, не могло не сказаться на боевых успехах бригады. Во всех боях, которые пришлось нам выдержать в районе реки Халхин-Гол, танкисты покрыли себя неувядаемой славой. За боевые успехи бригада заслуженно награждена самой высокой наградой — орденом Ленина и названа именем ее любимого командира, с честью погибшего в боях Героя Советского Союза товарища Яковлева.

★

★

Батальонный комиссар А. ПОМОГАЙЛО

ПАРТКОМИССИЯ В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ

В кровопролитных боях у реки Халхин-Гол наши бойцы шли под знаменем партии Ленина — Сталина. Боевые опасности рождали стальную сплоченность красноармейцев, командиров и политработников. Никогда так не осознаешь мощь коллектива, как в минуты боя. Цели борьбы становятся особенно ясными в тот момент, когда, не щадя жизни, добиваешься победы над врагом. Именно по этой причине беспартийные красноармейцы и командиры стремились в партию и вступали в нее тут же, на фронте, в передовых частях, под огнем неприятеля.

В партию вступали бойцы и командиры, показавшие в боях за Родину свое бесстрашие и мужество, отвагу и геройство. Они писали заявления о приеме в окопах, перед атакой. Писали о том, что готовы отдать жизнь за великое дело партии Ленина — Сталина.

Красноармеец Ермилин так написал в своем заявлении:

«Вступая в бой с японцами, я обязуюсь великое звание члена ВКП(б), а также великое звание воина РККА честно оправдать... Если в боях с японцами придется отдать свою

жизнь за нашу счастливую Родину и любимого вождя товарища Сталина, то считайте меня членом великой партии Ленина — Сталина...»

Заместитель политрука Васильев из 11-й ордена Ленина танковой бригады имени товарища Яковлева заявлял:

«Прошу парторганизацию принять меня в кандидаты ВКП(б). Я два раза был в атаках комсомольцем, а в грядущих боях желаю быть кандидатом нашей партии...»

За период боевых действий с 15 мая по 15 сентября было подано 3 503 заявления о приеме в партию и 4 170 заявлений о приеме в комсомол. Эти цифры не требуют особых разъяснений. Мы знаем, что бой является серьезнейшим испытанием физической, моральной и политической устойчивости человека. И вот в эти дни, в дни самых жарких и ожесточенных схваток с врагом, когда люди смотрели смерти прямо в глаза, было подано больше всего заявлений о приеме в партию. Достаточно сказать, что с 20 августа по 1 сентября, в дни генерального августовского сражения, когда был окружен и разгромлен враг, было подано 1 122 заявления о приеме в партию.

Во время серьезнейших испытаний авторитет партии и ленинского комсомола поднялся в глазах сотен и тысяч бойцов на такую огромную высоту, что для них стало заветной мечтой — вступить в ряды партии Ленина — Сталина или в ряды комсомола именно в разгар боевых действий. Партийным организациям Красной Армии и партийным комиссиям выпала на долю почетная и трудная работа — прием в партию в боевой обстановке.

Можно себе представить трудности, которые ожидали ответственных секретарей партийных бюро, секретарей партийных комиссий. Прежде всего они встречались с техническими трудностями. Как и где заполнять анкеты? Считать ли действительными анкеты и рекомендации, написанные карандашом? Как созывать собрания и где именно их собирать? Ведь коммунисты разбросаны по фронту, и естественно, что в этой обстановке, в процессе боевых операций нельзя отзывать лучшую часть бойцов. Сами партийные комиссии тоже собирались в неполном составе, состав их менялся и уменьшался в разгаре боевых действий. Наконец, подающие заявления о приеме в партию не всегда могут найти рекомендацию, если они находятся меньше года в своей части. Они просят партком помочь им получить рекомендацию. Они доказали в боях свою преданность партии, и нельзя оставаться глухим к таким просьбам.

Мы всячески стремились облегчить прием в партию Ленина — Сталина товарищам, доказавшим свое право быть ее членами, не раз проявившим мужество, героизм в боях

Заседание бригадной партийной комиссии на передовых позициях. На снимке (слева направо): полковой комиссар В. Сычов, секретарь бригадной партийной комиссии батальонный комиссар Яцутин, старший политрук Н. Дорофеев, старший политрук Ф. Марков, батальонный комиссар П. Бубнов

с врагами, но в то же время мы хорошо понимали, что техническому оформлению приема и всему партийному хозяйству партия всегда придавала огромное значение.

Нужно было найти такие формы приема в партию, которые были бы гибкими, соответствовали бы боевой обстановке и вместе с тем внушали бы вступающему в партию сознание глубокой важности этого ответственнейшего решения. Нужно было обеспечить твердое проведение в жизнь нашего незыблемого партийного закона — индивидуального отбора в партию.

Армейский комиссар 1 ранга товарищ Мехлис, прибыв в район военных действий, дал указания, которые помогли партийным комиссиям справиться с труднейшим делом приема в партию в боевой обстановке. Активные участники боев коммунисты получили разрешение давать рекомендации и тем боевым товарищам, которых они знали меньше года, но которые проявили себя в боях людьми, преданными партии.

Прием в партию в первичных организациях производился таким образом: сначала дело о приеме разбирали на заседании партийного бюро части. Собрать членов партийного бюро можно было без особых трудностей. После того как партийное бюро принимало решение, дело о приеме передавалось

на решение первичной организации. Поскольку в боевой обстановке трудно созвать всех членов парторганизации, созывали делегатское собрание первичной парторганизации.

На несколько минут собираются коммунисты подразделения и выбирают делегатов. Эта работа обычно происходила ночью, в темноте, чтобы не привлекать внимания противника. К назначенному времени делегаты собирались в определенном месте и решали вопрос о приеме вновь вступающих и о переводе из кандидатов в члены партии. Вернувшись в свои подразделения, они сообщали коммунистам решение собрания.

В тех случаях, когда обстановка не позволяла созвать даже делегатское собрание, прием в партию осуществлялся путем опроса. Вот характерный пример такого приема в партию.

Первый стрелково-пулеметный батальон бронебригады длительное время бессменно находился на передовых позициях. Накопилось много заявлений о приеме в партию, а созвать собрание не представлялось возможным. Вместо раненого тов. Амелина ответственным секретарем партийного бюро был назначен старший политрук Суворов. Он обстоятельно переговорил с принимаемыми в партию, получил у каждого письменную автобиографию и заполненную анкету. С этими документами тов. Суворов пошел на командный пункт, где находились три коммуниста. Ознакомив этих товарищей с документами вновь вступающих в партию, он спросил, каково их мнение. Все единогласно решили, что людей надо принять в партию. Здесь же, на командном пункте, тов. Суворов написал протокол о приеме, отметив в протоколе, при какой обстановке производится прием в партию путем опроса. Протокол этот был подписан им самим и тремя коммунистами. Затем тов. Суворов обошел коммунистов по окопам, познакомил их с материалами о приеме. Если они не возражали, то тут же присоединяли свою подпись.

Перед нами выдержка этого документа о приеме в партию товарищей в напряженной боевой обстановке:

«Протокол № 16 собрания членов и кандидатов ВКП(б) парторганизации воинской части 9607 от 7 июля 1939 года.

Передовые позиции района боевых действий у реки Халхин-Гол.

Обстановка: Часть 25 дней находится на передовых позициях и героически держит линию обороны. С утра происходила в течение двух часов ураганная перестрелка между нашими частями и японцами. Наши отважные разведчики производили разведку боем сопки Песчаной. Днем сравнительное затишье. Партсобрание назначено на 19.00. В 17.00 получили приказ: нам и соседу справа организовать демонстра-

цию наступления, перетянуть на себя огонь противника, с тем чтобы нашим частям слева, в районе р. Хайластин-Гол, обеспечить наступление. Наша артиллерия всех родов открывает огонь по позициям противника. Сопки от поднятого песка как бы горят огромным пожаром. Происходит артподготовка. О созыве общего партсобрания не может быть и речи. С военкомом части тов. Марковым решаем: «Собрание провести обходом по окопам».

Дальше следует самый протокол о приеме в партию:

«Слушали: заявление кандидата ВКП(б) с апреля 1932 года тов. Ширяйкина Федора Прокопьевича.

Биография принимаемого в партию:

Тов. Ширяйкин по происхождению из крестьян, с пятнадцати лет занимается общеполезным трудом, восемнадцатилетним юношей поступает в военную школу, кончает ее в ноябре 1933 года и с тех пор состоит на командных должностях РККА. В боях тов. Ширяйкин показал себя храбрым, мужественным командиром и преданным сыном своей Родины. Ранен в боях и при первой возможности вернулся в строй.

Постановление собрания:

Товарища Ширяйкина, как показавшего себя в боях против японо-маньчжур подлинным коммунистом-большевиком, перевести из кандидатов в члены ВКП(б)».

Из одиннадцати товарищей, принятых в этот день путем опроса, бригадная парткомиссия только в одном случае воздержалась от приема, потому что рекомендовавшие в партию знали товарища лишь 10—15 дней.

Так производился прием в партию в передовых частях наземных войск в разгар военных операций.

Каждый принимаемый в партию желал поскорее получить партийный документ. Но сначала оформление партийных документов задерживалось на довольно продолжительное время. Не было чистых бланков для партийных билетов, трудно было наладить дело с фотографическими карточками.

Армейский комиссар 1 ранга товарищ Мехлис особо подчеркнул всю важность вручения партийных документов товарищам, принятым в партию, здесь же, на передовых позициях.

Из Москвы были доставлены чистые бланки для партийных билетов. Сразу «научились» и фотографировать. Фотографы обычно готовились к заседанию и ждали его результатов. Принятый в партию товарищ тут же фотографировался, и большой задержки с выдачей партийных билетов уже не было.

На первый взгляд легче всего было созывать партсобрание в авиачастях. Они располагаются в значительном отдалении от передовых позиций, и как будто нет особых препят-

ствий для созыва собрания первичной парторганизации. Но дело обстояло не так. Авиаполк, обычно разбросанный по посадочным площадкам аэродромного узла, занимал иногда пространство радиусом до пятидесяти километров. Поэтому созыв партийного собрания был затруднен. Главная трудность состояла в том, что летчики с рассвета до наступления темноты дежурили около самолетов и в самих самолетах. Почти каждый день, а иногда и несколько раз в день, они выполняли боевые операции, вели воздушные бои. Нужно, чтобы летчик хорошо отдохнул к следующему боевому дню, и поэтому мы избегали вызывать людей ночью на партийные собрания за десятки километров.

Вот почему в авиачастях прием в партию производился сначала в низовой парторганизации эскадрильи, которая всегда находится на одной посадочной площадке. Окончательное решение выносили на заседании партийного бюро авиаполка.

Знаменательным фактом в работе всех партийных комиссий было то, что они вели свою работу в боевых частях, заседали там, где находились люди, шли к людям, а не вызывали их к себе. Парткомиссия армейской группы тоже работала в частях и принимала в партию людей на их боевых участках: на огневых позициях у артиллеристов, на переправах у сапер и понтонеров, на аэродромах у летчиков.

Однажды тройка парткомиссии армейской группы — я, Горчаков и Петраков — выехала на аэродром для приема в партию летчиков. В шесть утра мы уже были на аэродроме. Нам сообщили, что люди находятся вместе со своими эскадрильями на разных посадочных площадках: на «Калуге», «Оке» и других. Начали мы с «Калуги». Приняли в партию семь человек, и тут нас прервала воздушная тревога. Летчики ушли в воздух, а мы укрылись в щелях. Японцы заметили взлет наших истребителей и поскорее сбросили с девяти самолетов бомбы на «Калугу». Они действовали очень поспешно, их бомбы не причинили никакого вреда. Завязался воздушный бой, который кончился для японцев неудачно. Потеряв в бою несколько самолетов, они пустились наутек.

Пока шел воздушный бой, мы передвинулись из «Калуги» на «Оку». Личный состав был на местах, летчики в самолетах. Мы обсудили вопрос о приеме двух летчиков-истребителей — тов. Силина и тов. Данилова, — проведя заседание около их самолетов. Оба принятые в партию летчика только что вернулись из победного воздушного боя. У каждого из них в прошлом по десятку боев и по нескольку сбитых вражеских самолетов.

Своеобразно выглядело это заседание: принимаемый в партию сидит в самолете, а члены парткомиссии стоят поближе к кабине летчика, которому, как он выразился, «подвезло»

в последнем бою: он умудрился выпалить из своей пушки так, что японский истребитель от прямого попадания раскололся надвое. Тут же, сидя в самолете, тов. Данилов рассказал свою биографию, ответил на вопросы членов парткомиссии и секретаря партийного бюро. Товарищи характеризовали его как прекрасного, стойкого бойца-общественника, отважного военного летчика.

Так принимали в партию лучших людей Красной Армии, людей, доказавших в бою свою самоотверженность, верность делу Ленина — Сталина. Достаточно сказать, что в 11-й ордена Ленина танковой бригаде имени тов. Яковлева, в замечательном партийном коллективе ее, выращены девять коммунистов, удостоенных звания Героя Советского Союза.

Еще пример заседания партийной комиссии. Оно происходило на огневой позиции, среди командиров и бойцов дивизиона 36-го артиллерийского полка.

Разбирается заявление о переводе из кандидатов в члены ВКП(б) тов. Рыбкина, теперь Героя Советского Союза. Суровый на вид, в полном снаряжении командира-артиллериста, в каске, сидит тов. Рыбкин перед членами парткомиссии. Это мужественный, отважный капитан, отличный стрелок прославленного дивизиона, многое видавший в боях. Казалось, ничем нельзя растрогать этого железного, всегда собранного человека. Но вот партийная комиссия объявляет о своем решении принять тов. Рыбкина в члены партии. Рыбкин слушает обращенные к нему теплые товарищеские слова об обязанностях коммуниста, об его дальнейшей партийной работе. Он с трудом удерживается от слез радости и, наконец, овладев собой, твердо и уверенно говорит:

— Великое звание коммуниста оправдаю с честью.

Он возвращается к своей части и подтверждает делом только что произнесенные слова...

В большой работе по приему в ряды ВКП(б), проведенной секретарями партийных бюро и парткомиссиями, не обошлось без недостатков и ошибок.

Парткомиссия одной из бронебригад приняла в ВКП(б) раненых товарищей заочно, т. е. после их отправки в госпиталь. Это излишняя поспешность. Люди, выздоровев, возвратятся в часть, и тогда не поздно будет принять их в ряды ВКП(б).

Техническому оформлению документов по приему в ВКП(б), как и вообще всему партийному хозяйству, необходимо в любых условиях уделять самое серьезное внимание. В первый период боев дела зачастую оформлялись очень плохо. Писали карандашом, небрежно, на клочках бумаги. Рекомендации нельзя было признать за серьезные партийные документы, в анке-

тах пропускали ряд вопросов. В разделе «Род занятий с начала трудовой деятельности» допускалась невероятная путаница. Больше того, в некоторых парторганизациях вовсе не заполняли анкет, принимали без них и даже с незаверенными рекомендациями. Парткомиссия, где секретарем тов. Пилипенко, не постаралась исправить эти ошибки и приняла людей в партию с неоформленными делами.

В последующие дни боев документы по приему в ВКП(б) оформлялись не хуже, чем в обычных условиях. Автоматическая ручка или непроливающаяся чернильница и обыкновенная ручка должны быть постоянными спутниками секретаря партбюро, так как ему часто приходится заполнять анкеты, писать протоколы и другие документы в окопе или в поле.

Прием в партию занимал большую часть времени в работе партийных комиссий. Но это была не единственная отрасль их деятельности. Партийные комиссии стали в боевой обстановке ближайшими помощниками военных комиссаров и политотделов. Секретари партийных комиссий наряду с выполнением своих прямых обязанностей работали по специальным поручениям комиссаров и политотделов.

Секретарю парткомиссии 11-й ордена Ленина танковой бригады имени Яковлева тов. Живолукову с 3 по 10 июля, во время жарких боев, было поручено организовать доставку боеприпасов, горючего, пищи, воды; он же возглавлял эвакуацию раненых, организацию медицинского пункта.

Тов. Живолуков, как и другие секретари парткомиссий, проводил непосредственно в частях большую политическую работу с бойцами, вел людей в бой, проявляя личное мужество и отвагу в борьбе с врагом.

Члены парткомиссии, находясь постоянно в частях, интересовались жизнью, бытом, работой коммунистов, заботились об еще большем повышении их авторитета. Например, многие партийные комиссии по своей инициативе ставили на обсуждение парторганизаций вопрос о снятии взысканий с тех коммунистов, которые хорошо проявили себя в бою.

Вот, в небольшой песчаной котловине собралось несколько коммунистов. Это партийная комиссия 9-й бронебригады; над котловиной воют снаряды, свистят пули. На повестке дня один вопрос: снятие взыскания с коммуниста Маркова.

— Вы все хорошо знаете товарища Маркова, — говорит секретарь парткомиссии Яцутин, — он беспрерывно участвует в атаках и показал себя мужественным, верным сыном партии.

Тов. Яцутина поддерживает член парткомиссии Сычов.

— Товарищ Марков служит образцом, как нужно действовать в бою. Когда выбыл из строя командир, он повел впе-

ред на врага горсточку храбрецов. 18 июля он три раза ходил в атаку, сближаясь с противником лицом к лицу. Он не щадит своей жизни, чтобы добиться победы над японцами...

Партийная комиссия единодушно постановила снять взыскание с тов. Маркова. Заседание окончилось. Члены партийной комиссии пошли по батальонам на передовую линию.

Нужно ли доказывать, как это решение подняло дух коммуниста, с которого сняли взыскание, и какое большое влияние оказало оно на всю партийную организацию.

В другом случае парткомиссия рассматривала дело командира роты, исключенного в свое время из партии за пьянку. Вот выдержка из протокола: «Тов. Михеев все время находился на фронте, много раз ходил в атаку, был ранен, но из строя не вышел, а остался в части, — всем этим он показал свою преданность партии и Родине».

Партийная организация и парткомиссия вынесли решение восстановить тов. Михеева в рядах ВКП(б).

Был и такой случай. Парткомиссия со всей строгостью подошла к делу ответственного секретаря партийного бюро Скоблика, который с самого начала боевых действий проявил полную растерянность, прекратил всякую партийную работу в части, без дела уходил в тыл. Когда его возвратили из тыла на передовые позиции, он, пробыв там всего три-четыре часа и не спросив ни у кого разрешения, снова ушел в тыл, а оттуда под предлогом болезни уехал в госпиталь. К тому же Скоблик умудрился потерять свой партийный билет на позиции. Партийная организация и парткомиссия исключили Скоблика из рядов ВКП(б), и это вызвало единодушное одобрение в части.

Подобные единичные факты, разумеется, нисколько не снижали в глазах бойцов огромного авторитета членов партии, не уменьшали притока новых членов в партию и комсомол.

Нельзя забыть тех случаев, когда бойцы и командиры шли в атаку, неся с собой заявление о приеме в партию или комсомол, которое они не успели сдать в партийную или комсомольскую организацию. Некоторые из них находили славную смерть в бою.

В кармане гимнастерки убитого красноармейца Бачурина нашли заявление, в котором он писал:

«Прошу комсомольскую организацию принять меня в ряды ленинского комсомола. Я буду верен ленинскому учению, буду бороться за победу коммунизма в нашей стране и не пожалею своей жизни для защиты нашей Родины».

Другой красноармеец тов. Измайлов написал перед атакой такую записку:

«Ст. Борзя, Борзинский район, село Алонда, получить отцу Измайлову от сына Григория Васильевича.

В случае я за Родину погибну, то считайте меня коммунистом и сообщите всем товарищам, что погиб за Родину».

Тов. Измайлов умер, как коммунист, умер в бою за Родину.

В сумке убитого японского офицера нашли блокнот героически погибшего в бою красноармейца Хохрякова. В этом блокноте накануне своей смерти тов. Хохряков сделал такую запись:

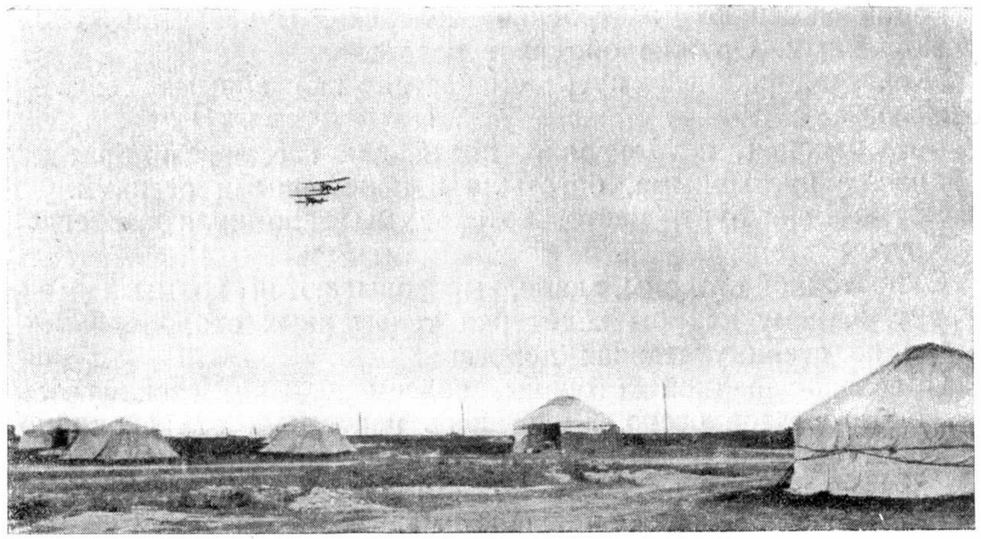
«Я буду бороться с врагом до конца, до полного его уничтожения, чтобы стереть его с лица земли. Я не пожалею своей жизни и крови, буду биться с врагом, так как знаю, что я дерусь за свою священную Родину, за великого отца — товарища Сталина.

Я, Хохряков, Иван Иванович, член ВЛКСМ, до конца предан Коммунистической партии Ленина — Сталина. Если меня убьют, то пусть меня считают коммунистом. Передайте моим родителям, чтобы они не плакали, а знали, за что я погиб».

Товарища Хохрякова и других павших в бою за партию и советскую Родину коммунисты считали такими же большевиками, как они сами, потому что знали, что только смерть помешала этим товарищам быть принятыми в ряды партии.

С чувством глубокого волнения, радости и гордости, с полным сознанием огромного смысла и значения приема в партию на передовых позициях шли в ряды великой партии Ленина—Сталина тысячи проверенных в бою красноармейцев и командиров.

★



★

Военврач 3 ранга В. КОМИССАРОВ

ЗАМЕТКИ ВРАЧА ПОЛЕВОГО ГОСПИТАЛЯ

I

Самый длинный холм в мире — холм, который длиннее любой горной цепи, — это насыпь Великого Сибирского пути.

Он бежит из Европы в Азию, пересекает широкие, хвойным лесом покрытые горы Урала, бежит через бесконечные, изорванные озерами просторы Барабинской степи, через тайгу, к Байкалу и за Байкал.

Низкие, лохматые облака наискось переходят железнодорожные пути.

День за днем бежит поезд, а над ним все те же облака, подбитые черным дымом паровоза.

Врач Леонид Павлович Москвитин влезет на верхние нары в теплушке, смотрит в окошко.

Тучи бегут.

Поспит врач, проснется, смотрит — тучи.

У патефона внизу сидит рентгенолог Иван Михайлович Шайдуров, разговаривает с Василием Андреевичем Каханским. Это все народ ближний, с Читы и Улан-Удэ.

В дороге выдали снаряжение и оружие.

Ремни изменяют настроение человека. Чувствуешь себя упакованным. Оружие ободряет человека.

Железнодорожный путь сменяется шоссейным, тайга — степью.

Вот, наконец, и Монголия, новая для нас, но по-братски родная, с пустынными, богатыми и просторными степями.

Вот и Баин-Бурт, место, которое мы запомнили навсегда.

Кругом степь.

С восточной стороны, вдали, вырисовываются холмы. Там — фронт. К нему как бы ведет ряд телефонных столбов, и мечется по степи укатанная дорога.

С северо-западной стороны, совсем близко, раскинулось широкое богатое озеро. Дичь здесь непуганая; она спокойно плавает, свободно размножается, улетает и снова прилетает. Неспокойны глаза охотников; глядя на такое богатство, они так и говорят: «Эх, ружьишко бы!»

Но не время, не место.

Юрты и пара домиков — вот все постройки Баин-Бурта.

Здесь начали развертываться наши палатки.

Первым нашим знакомым в Баин-Бурте был врач погран-отряда тов. Плотников.

Он рассказал нам о своей работе, о том, как начались военные действия, он познакомил нас с обстановкой.

Правда, еще в Тамцак-Булаке мы были точно информированы о провокационных действиях японцев. Но тем не менее интересно было слушать рассказ человека, который уже участвовал в первой боевой операции.

Тов. Плотников гостеприимно предоставил нам свой стационар и кухню. Они-то и стали первой базой для нашей работы.

Вечером, когда отряд собирался на ужин, нас окружили цирики (солдаты монгольской армии).

— Самбайно! (Здравствуйте!) — слышится вокруг.

— Самбайно! — отвечают наши товарищи, за дорогу изучившие несколько необходимых слов.

Цирики наперебой о чем-то говорят. Не помогают слова, в ход пускаются мимика, жесты, изредка проскальзывают «Япона», «Улан цирик СССР», «Япона пропал». Наконец, все понятно: цирики рады, они от души довольны, что Красная Армия приходит, чтобы помочь им отстаивать свою самостоятельность, свою свободную жизнь.

Ужином нас угощали хозяева.

Удивили нас огромные куски вареного мяса, поданного в мисках.

После узнали, что на каждого цирика в день полагается 900 граммов мяса. В монгольской армии кухня национальная: мяса много, зато мало хлеба. Мясо называется «мах».

За ужином шутили:

— Вот это мах! От этого маха потеешь больше, чем от работы.

В палатке играл патефон, за ужином шумели и хозяева и гости; все шутили, пели песни.

Наутро, в целях противовоздушной обороны, начали расстановку юрт. До того юрты стояли на метр одна от другой, и достаточно было одной-двух бомб, чтобы от нас ничего не осталось.

Цирики, под руководством тов. Плотникова, под звуки патефона с особым подъемом перетаскивали юрты.

В этот день в наш отряд пришел новый член коллектива — заместитель политрука тов. Морозов.

Активный, всегда улыбающийся, он сразу нашел свое место в отряде, и с его помощью военком тов. Воробьев повел политико-массовую работу.

Мы приехали в период затишья, раненые с фронта не поступали.

Используя затишье на фронте, мы занялись обычной учебой и организационным сколачиванием отряда. У нас не было еще боевого опыта, и нужно было продумать каждую деталь.

Требовалось проверить мобилизационную готовность автохирургического отряда. Для этого был необходим специальный тренировочный, учебный выезд, во время которого нужно было провести хронометраж работы отдельных звеньев отряда. Наконец, исполнилось и это наше желание. Командование фронта разрешило нам такое занятие. Мы его провели и получили большое удовлетворение.

Теперь мы были уверены, что сумеем правильно организовать хирургическую помощь раненым; мы знали свои ошибки и поняли, как от них избавиться.

Так мы готовили себя к основной, большой практической работе.

II

Вечер благоухал травою. Спокойна земля.

Но есть в этом спокойствии земли что-то тревожное, еле уловимое чувством.

23 июня мы получили приказ оказать хирургическую помощь пострадавшим в воздушном бою нашим славным летчикам. Их было двое: тт. Комаров Д. и Савкин В. Первый получил тяжелое ранение с раздроблением бедра, второй — менее тяжелое.

Так началась наша работа.

Требовалось в максимально сжатые сроки освоить весь принцип военно-полевой хирургии в войсковом районе.

В этот ответственный момент в отряд приехал профессор М. Н. Ахутин. Он быстро ознакомился с обстановкой, собрал всех врачей, отметил недостатки и принялся за работу.

Работал проф. Ахутин чрезвычайно много, и казалось, чем больше работы, тем меньше он утомляется. Жара была нестерпимая; в раскаленной степи работала горсть людей. Они старались скрыть друг от друга и свою усталость и то, что их измучил зной; работали все без отдыха, и это приносило настоящее удовлетворение.

Однажды раненому командиру необходимо было срочно перелить кровь. Кровь дал проф. Ахутин.

Работа в операционной не была единственной нашей задачей. Нужно было создать на фронте единую систему этапного лечения раненых.

Используя свой опыт, тов. Ахутин помог организовать при автохирургическом отряде этапный походный институт для усовершенствования врачей фронта. В то же время наш отряд усиливал передовые санитарные учреждения своими специалистами.

Делалось это так: наши врачи (Поляков, Рукавишников, Перевалов и др.) направлялись сроком до трех недель на фронт, а оттуда к нам приезжали врачи-фронтовики и совершенствовались в хирургии при нашем отряде. Тов. Нечипуренко считался лучшим фронтовым врачом части; он образцово поставил работу на полковом пункте медпомощи. Первая помощь раненым оказывалась у него превосходно, и наши бойцы отзывались о нем с благодарностью.

Командование направило его совершенствоваться в наш отряд, а на фронт на смену Нечипуренко, в часть Ремизова, был направлен тов. Нечиталюк.

10 июля тов. Нечиталюк выехал к фронту. То попутные, то встречные, мчались мимо бронемашины. Начался спуск к реке Халхин-Гол.

Шофер сказал доктору:

— Пора надевать на голову «котелки».

Тяжелый шлем сидит плотно. Непривычная к нему голова покачивается в такт толчкам машины. Снаряды рвутся неподалеку, и осколки свистят за окном машины.

На первых порах бывает — втянешь невольно голову в плечи и глядишь потом: не заметил ли шофер.

Так было и у Нечиталюка. Вдруг снаряд разорвался совсем близко. Машина рванулась в сторону, в ней что-то треснуло, и она остановилась. Кругом было темно от поднятой взрывом пыли. Врач и шофер оглядели друг друга. Оба целы, но машина выведена из строя.

У санитарного самолета

Попутная машина помогла тов. Нечиталюку добраться до пункта.

На пункте, где работал Нечипуренко, он учился организации работы. А коллектив пункта с помощью Нечиталюка, в свою очередь, совершенствовался в хирургии.

Такая связь фронтовых врачей с отрядом обеспечивала правильную организацию хирургической помощи раненым.

Поэтому очень редко (было лишь два случая за всю кампанию) раненые долго оставались под жгутом. Несмотря на дальность в 60—65 километров, нам удалось создать быструю эвакуацию тяжело раненых с линии фронта. Мы имели возможность производить полостные операции в первые 6—8 часов после ранения.

Вот почему мы имели хороший успех при сложных оперативных вмешательствах. Данные далеко еще не полны, но мы уже сейчас можем сказать, что процент смертности после наших операций при повреждении внутренних органов гораздо ниже, нежели в госпиталях во время прошлых войн. Даже больше того: он ниже процента смертности в институте им. Склифасовского, который работает в мирных условиях и в котором пострадавшие очень быстро доставляются на операционный стол.

III

Не менее сложна была задача — оградить личный состав и раненых от воздушного нападения. Правда, уже к этому времени мы имели в достаточном количестве щели, разбросанные всюду: у операционной, сортировочной, у палаток, у общежитий, у столовых. Мы обеспечили также сохранность санитарного транспорта врыванием в землю юрт, мы создали условия для спокойного пребывания послеоперационных раненых, но еще нехватало времени, а главное сил, чтобы создать спокойные условия для работы хирургов в операционной.

Мы утомлялись не только от самой работы. Днем мы изнемогали от жары, и к тому же нас изводили комары.

Комары нас буквально замучили, залезая в нос, уши, прокусывая маски, чулки и даже халаты. Приходилось иногда ставить специального человека отгонять этих, как мы их окрестили, «самураев».

К утру комары затихали.

Восток только что успел окаймиться розоватым оттенком, как вдруг воздух прорезал сигнал «воздушная опасность».

Вглядываюсь в синеву дали. Показались неясные очертания японских самолетов, слышен их приторный, звенящий, комариный от дали звук.

В операционной тихо, спокойно, все на своих местах; как

обычно, четко идет работа. У оперируемого вскрыта брюшная полость.

Хирурги производят свою ответственную работу. Отчетливо слышны щелчки кровоостанавливающих зажимов. Отрывистые слова хирурга Каханского «просушить»... «лигатуру»... «ножницы»... В операционной мы могли встретить, кроме тов. Каханского, врачей Москвитина, Каракова, Рукавишникова и весь обслуживающий персонал.

Как будто никто не нарушает спокойствия священного хирургического места — операционной.

Работа идет, но сколько требуется сил, самообладания, внешнего, да и внутреннего, я бы сказал, спокойствия, чтобы оперировать под бомбежкой!

Первое время нас бомбили не так сильно, но когда японским горе-бомбежникам обрубили крылья на фронте, когда им уже не давали высунуть носа из-за барханов, когда не одна сотня их самолетов была сожжена нашими доблестными соколами и зенитчиками, ненависть бессилия обуяла наглых захватчиков.

Они решили свою злобу излить на наши санитарные учреждения. Бомбежки участились. Одна из них, произведшая довольно сильное впечатление, была 22 августа.

Наше месторасположение враги безусловно знали, ибо их разведчики, не раз залетая в тыл, ясно могли видеть людей в белых халатах, переносящих раненых.

Пронзительный свист осколков, столбы темносерой пыли с дымом, образуя как бы дымовую завесу, с быстротой бури приближались к нам. Не менее молниеносно мы с тов. Ахутиным очутились в щели. Все ближе и ближе рвущиеся бомбы, отчетливее свист осколков.

Сидим молча, изредка взглядывая друг на друга.

Самолеты делают второй заход.

Ну, теперь-то уж наверняка каюк!

Делиться этими мыслями с соседом не хочу, да и зачем — ему и так не сладко.

Насколько возможно, стараюсь наблюдать из щели за «гостями». Но что за странность?

Японцы изменили маршрут и удирают. Почувствовали приближение наших истребителей.

Начали показываться головы из щелей.

Недалеко расстилается серая дымка от только что разорвавшихся бомб, в траве опять застрекотали кузнечики. Спокойно кругом, только издалека доносится гул удирающих бомбардировщиков.

От столовой движется толпа. По возбужденным лицам можно сразу догадаться, что разговор идет о бомбежке. Навстречу с запозданием идет медсестра Маруся.

— Ты чего же так поздно, Маруся? — слышится ехидный вопрос.

— А чего же мне торопиться? — спокойно отвечает она.— Я уже отбомбилась, а теперь можно и завтракать.

Толпа расхохоталась закатистым смехом.

По окончании таких бомбежек наш коллектив быстро включался снова в работу.

Обычно через 10—15 минут работа захлестывала, люди забывали о только что минувшей бомбежке. Воспоминания всплывали обычно после смены, в столовой, в юрте, палатке.

Термин «отбомбились», впрочем, привился довольно прочно.

IV

К нам поступали и легко- и тяжелораненые бойцы, командиры, политработники. Какая бы тяжесть ранения ни была у них, единственное, что, я бы сказал, угнетало наших героев, — это невольный, ранний выход из боя. И вопросы: «А скоро я смогу снова вернуться на фронт?» не единичны, это обычные для наших героев вопросы.

Не менее замечательны и подлинно героичны воспоминания о летчиках. Получив в воздушном бою тяжелое ранение в живот, тов. Турский собрал все силы, поставил перед собой задачу сохранить машину. Силы покидали тов. Турского, кровотечение в полость живота с каждой секундой ослабляло его. Но, напрягая последние силы, пилот сделал хорошую посадку недалеко от операционной. Санитары быстро изъяли его из кабины и сразу же доставили на операционный стол.

Летчик погиб, сохранив машину.

После этого у нас уже выработалась привычка: как только заметили одиночный самолет, — наблюдать, не выпустит ли он шасси, что означает намерение произвести посадку.

Как только шасси выпущено, шофер у руля, врач с сумкой мчатся на авто к месту посадки.

Как-то был прекрасный, приятный, мягкий, без обычного зноя день. Вдали послышался шум приближающихся наших истребителей. Большой тучей, с ястребиным победным спокойствием возвращались они после боя.

Скрылись вдали «ястребки». Но внимание приковывается к вновь возникшему шуму. Одиночный самолет быстро приближается к лагерю. Вот он ломает прямую линию полета, наклонив левое крыло, делает круг. Все насторожились. Спокойно дав взлет, проводит пилот машину по второму кругу. Выпускает шасси. Но что это значит? Вышло одно колесо.

Самолет идет на посадку. Молниеносно мелькает мысль: неизбежна авария. Дежурная санитарная машина понеслась к месту посадки. Свободные от работы люди, наблюдавшие

за посадкой, ринулись по направлению посадки, крича и махая руками в тщетной надежде, что эти сигналы увидит пилот.

Все в оцепенении остановились. Искусно бежит самолет на одном колесе, но вдруг — столб пыли. После выясняется: пилот тов. Егоров, получив ранение в ногу, решился на вынужденную посадку. Стал выпускать шасси — перебит трос, вышло одно колесо; пробовал ввести выведенное колесо на место — безрезультатно. Решил посадить самолет на одно колесо; начальный пробег удался, но подвела проклятая яма. Самолет скапотировал; тов. Егоров отделался ушибом глаза и лба.

Он быстро был доставлен в операционную, где ему оказали необходимую помощь.

Тесная дружба была у нас со сталинскими соколами.

Пролетая над нами бреющим полетом и приветствуя нас, они часто поднимали дух коллектива.

* * *

Работа автохирургического отряда позволила нам определить своих героев. Весь коллектив работал хорошо; в нем выдвинулись товарищи, награжденные Верховным Советом СССР высшей наградой — орденом Ленина, как тт. Ахутин, Каханский, Смоляницкий, — это организаторы высшего класса хирургической техники, люди, воспитавшие отличные кадры хирургов, направляющие всю свою деятельность, силу и энергию на спасение жизни бойцов и командиров. Добросовестно и самоотверженно работали врачи Рукавишников, Караков, Шайдуров, Москвитин, Барбаков, Нечиталюк, Перевалов, Гольдин, Тащиев и Лебедев. Особо выделялись комсомольцы санинструкторы тт. Кодяев, Гаврилов, Салупин, Харченко и др., операционные сестры Конькова и Копкина и многие другие.

При колоссальнейшей перегрузке они сами учились, совершенствовались и учили своих товарищей. Невольно вспоминаются отдельные моменты. Незначительный по своему составу отряд часто переживал большие трудности в работе, — достаточно сказать, что мы работали только с шестью санитарами.

В такие моменты нам помогали цирики-санитары погранотряда. Незнание русского языка не являлось препятствием в их работе; вместе с тов. Плотниковым и его женой они включились в самые трудные участки. Наши врачи так полюбили этих цириков-санитаров, что, подчеркивая к ним особое уважение, ввели в обычай называть друг друга цириками.

Помню, однажды мне встретились санитары Дешинима и Гиндердорча; у обоих утомленный вид, красные глаза, неуверенная, ослабленная походка.

Подзываю их к себе:

— Нахор, надо итти спать.

У Дешинима скользнула слабая улыбка:

— Сейчас нет времени отдыхать, — отвечал он.

В таких случаях они слушаются только своего начальника тов. Плотникова. Он один мог регулировать их отдых.

Ценную и большую работу провел наш рентгеновский кабинет под руководством Ивана Михайловича Шайдурова. Работая в полевых условиях, он приносил неоценимую пользу нам, хирургам.

В жаркую, знойную погоду в своей палатке, под тяжестью своего оцинкованного прорезиненного фартука, истекая по́том, он со своими помощниками тт. Паниным и Александровым всегда, днем и ночью, без устали работал. Если в жаркую погоду тяжело работать от быстрой утомляемости, то не легче, а более опасно было работать этому коллективу в дождливую погоду. Промокала палатка, струйки жидкости стекали к аппарату, ставя под большую угрозу жизнь людей, работающих под током большого напряжения. Надо было бояться короткого замыкания.

Удивительным, хорошим работником был фельдшер Петя Лебедев, маленький, коренастый, не знающий усталости человек. Он с первых дней, живя в нашем отряде и работая на бойне, понял, что товарищам-хирургам трудновато, и сам предложил свои услуги.

— Товарищ начальник, прошу вас, дайте мне такую работу, в которой бы я смог быть полезным. Ведь ночь-то у меня свободная.

И действительно, Петя ночи напролет работал в сортировочной и эвакопалатке, помогая врачам-хирургам.

* * *

Наша Красная Армия представляет собой единую семью — от красноармейца, танкиста, пилота, артиллериста, повара, парикмахера до врача и командира, политработника.

★

★

К. СИМОНОВ

РАССКАЗ ВРАЧА

Посвящается тов. Парамонову

Я помню крещенье свое боевое.
В отряде нас числилось двести штыков,
С японцами — было их больше чем вдвое —
Дрались мы в районе Дальних Песков.

Где должен быть врач в такие моменты?
Ясное дело где — впереди.
Взял я бинты и медикаменты,
Сказал санитару: за мною иди.

Пошли мы, а пули свищут и свищут,
О землю шлепают на пути,
Как будто меня с санитаром ищут,
Да только никак не могут найти.

Засели в окопчик, обосновались,
Прямо тебе приемный покой!
Снаряды кругом понемножку рвались,
И до японцев — подать рукой.

А наши как раз пошли в наступленье.
Поднимутся, лягут, опять встают.
Только возьмут одно укрепленье,
Японцы по ним из другого бьют.

Возьмут другое — под носом третье,
Опять стреляют — аж зло берет!
Если бы можно — не стал смотреть я,
Взял бы винтовку — и марш вперед!

Японцы стреляют снова и снова,
Многих поранило в этом огне.
Послал санитара, послал второго,
И больше послать уже некого мне.

Ну, что же, раз в людях нехватка такая,
Вылез я сам, взял с собою бинты,
Подполз к одному, узнал, окликаю:
По имени вслух называю — ты?

Я — говорит. А сам еле дышит.
Хочу его вынести из-под огня.
А он себе делает вид, что не слышит,
Уйти обратно просит меня.

Но я ему подставляю спину,
Велю, чтоб за шею крепче схватил.
Чуть-чуть проползу, половчей подвину.
Боюсь, чтобы руки не отпустил.

Донес я его, наложил повязку.
— Ну, — говорю, — мне пора назад.
На лоб поглубже надвинул каску,
И снова туда, где ребята лежат.

С иными, конечно, пришлось повозиться:
— Лезь, — говоришь ему. — Не хочу.
Он, видите ль, думает — не годится,
Неловко на спину лезть к врачу.

Кругом, понимаете, рвутся снаряды,
Мне некогда спорить с таким бойцом.
— Раз командир приказал — значит надо,
На спину лезь — и дело с концом!

Я только бойцов выносил сначала,
Оттуда несу, а назад — пустой,
Это сначала меня огорчало,
Но скоро я выход нашел простой:

Надо смекалку иметь боевую,
Даром в бою ни шагу не трать!
Если ползешь на передовую —
Надо патроны с собою брать.

Может оно и не по закону,
Но это неважно, в конце концов.
Ползу туда — подношу патроны,
Ползу оттуда — несу бойцов.

Возможно, все это врачам не пристало —
Но главное нам — получался бы толк!
Я вышел из боя счастливый, усталый,
Я выполнил с честью врачебный свой долг.

Бойцы не оставили камня на камне,
Японцев смели с боевого пути,
Одно только жаль: не пришлось на врага мне
С винтовкой в руках самолично пойти.

Еще попаду в переделку такую,
Так обязательно не утерплю:
Вместе с бойцами врага атакую,
Своею рукою его заколю!

★

★

Вл. СТАВСКИЙ

ВАСИЛИЙ СЫЧОВ

I

Вспомните про Сычова в разговоре с любым участником халхин-гольских боев, — и он тотчас отзовется сердечной улыбкой, радостным словом:

— Комиссар 9-й мото-мехбригады! Как же, знаю! Он был во всех боях с начала и до конца.

И сразу польются воспоминания...

Шла ли важная перегруппировка, или части на отдыхе приводили себя в порядок, или грохотал бой, — Сычов всегда был с бойцами, с народом. И неизменно рядом с ним было тепло товарищам, просторно их большим и важным мыслям. Каждый ощущал внутреннюю собранность, каждому хотелось стать лучше, сделать еще что-либо хорошее, нужное.

Сычову всего тридцать семь лет. Отец его работал кадровым горновым на Саткинском металлургическом заводе на Урале. И сам Сычов Василий Андреевич работал на этом заводе с 1914 года, в 1922 году пошел добровольцем в Красную Армию.

Еще до боевых действий о нем шла слава, как о выдающемся политическом работнике. Но развернулся и вырос Сычов здесь, в боях против японских захватчиков за Халхин-Голом.

9-я мото-мехбригада участвовала отдельными своими частями еще в майских боях. В этих боях участвовал и комиссар Сычов.

Автоброневой батальон прошел маршем больше полутысячи километров. Сразу же восемнадцать бронемашин были брошены в глубокую разведку с боем. Майор Алексеев и комиссар Сычов руководили этой разведкой.

Незнакомая местность. Трудное движение по сыпучим пескам. Экипажи продвигались вначале нерешительными бросками от рубежа к рубежу. Время летело. Комиссар Сычов решил итти в голове. Проскочив вперед, он открыл люк башни, вынул красный флаг и скомандовал: «За мной!» А через полчаса броневики уже заняли чрезвычайно важный рубеж.

На луговине, между буграми, валялись винтовки, одеяла, патроны. Накануне здесь был бой, и японцы бежали. Экипажи с любопытством разглядывали следы и остатки сражения.

Вдруг по луговине веером свистнули пулеметные очереди.

— По машинам!

Только Сычов заскочил в броневик, — по дверке простучала очередь из пулемета. Сычов внимательно посмотрел на глубокие вмятины с бронзовыми отметинами в броне. Он приказал командиру роты Дурнову наблюдать и, если будет нужно, вести огонь с места. А сам продвинулся по глубокой складке вправо, к реке Хайластин-Гол. Там он был тоже обстрелян.

Кто же стрелял? Где-то правее находилась монгольская кавалерийская дивизия. Может быть, ее люди по незнанию открыли огонь? После вчерашнего большого сражения могла быть сутолока, неразбериха. Надо все разведать, во всем разобраться.

Сычов под огнем пробрался к монгольским кавалеристам. И они не знали, кто же впереди, на холмах долины Хайластин-Гола, кто ведет оттуда огонь. Сычов проскочил на своем броневике вперед, открыл дверку машины, выставил красный флаг. Тотчас же по броне застучали проливным дождем японские пули. Да, это враги, огонь ведут японцы. Разведывательная задача выполнена.

Таким оказалось боевое крещение Сычова.

Потом было очень много боев, но вот это движение с открытой дверкой, с флагом в протянутой руке, это ожидание вражеского огня — врезались в память Сычова неизгладимо. За комиссаром наблюдали враги. За ним смотрели товарищи. Он был впереди, далеко от своих, под вражеским прицелом. Сердце обдавало холодом в первом бою, а он — Сычов —

двигался вперед, стремясь скорее и лучше выполнить боевую задачу, и восторженно ощущал, что выполняет священный долг перед Родиной. Это воодушевляло его, придавало новые силы, обостряло мысль, зрение, слух.

Стремительным ударом были тогда отброшены японцы. Броневики встали на границе. Наперебой делились впечатлениями экипажи. И каждый пристально и весело поглядывал на комиссара. А комиссар, как ни в чем не бывало, заботился о боевом охранении, о горячей пище для людей.

Он обошел все экипажи. Он видел, как пылали глаза у храбрецов, рвущихся в бой:

— Почему мы стоим? И вот это война?

— Хватить бы сейчас по японцам, пока они не удрали до Хайлара...

Он успокаивал горячие головы:

— Успеете, хватит и на вас войны!.. И на чужой земле нам делать нечего. Поняли? Мы защищаем свои границы, и все!

В голосе его звучала несокрушимая сила убеждения, и погорячившиеся бойцы отвечали с улыбкой:

— Да мы понимаем, товарищ комиссар.

А Сычов видел и тех, которые вначале двигались неуверенно и даже робко. Он садился в траву около их машин и с жаром, размахивая руками, говорил, какой сокрушительный удар был нанесен японцам, как умело и мужественно дрались все экипажи и что каждый из них в состоянии творить чудеса.

Комиссар видел, как расправлялись у товарищей плечи, смело и гордо поднимались головы, зажигались глаза. И самого комиссара охватывало глубокое и радостное удовлетворение: ведь он пробуждал и поднимал у товарищей веру в их собственные силы!

А это был залог дальнейших побед.

II

После майских боев потянулись напряженные дни ожидания, разведок, тяжелых оборонительных работ.

Времени нехватало. Комиссар вникал во все дела соединения. Подошли остальные части. В личном составе было немало новых людей, из последнего призыва. Комиссар беседовал с ними, стремясь понять и познать каждого, выявить в каждом его хорошее и вызвать это хорошее к активной жизни, к росту и совершенствованию.

Как будут вести себя эти командиры, политработники и бойцы в сражении? Что надо сделать, чтобы еще больше окреп боевой дух этих товарищей?..

Комиссар внимательно и любовно присматривался к людям в новой боевой обстановке. Военфельдшер разведывательного батальона Занин возбуждал в нем особый интерес. На зимних квартирах Занин был недисциплинирован, водилась за ним и выпивка. Перед самым маршем сюда, в район боевых действий, Занин истратил медицинский спирт на... выпивку. Был поставлен вопрос об отдаче его под суд. Но Сычов отложил дело Занина, и теперь он видел как будто другого человека. Занин клокотал энергией, все у него спорилось. В разведывательном батальоне он помогал и комиссару, и командиру. Впоследствии, когда в боях Занин показал себя бесстрашным героем, самоотверженно работал под огнем, комиссар Сычов не раз вспоминал: «Как хорошо, что не поторопились и сберегли человека. Вот каков он оказался!»

А Занин, видно, чувствуя и понимая отношение комиссара к нему, сам тянулся к Сычову. Он стремительно выполнил несколько поручений комиссара, да так, что его действия сделали бы честь любому опытному политработнику.

«Люди растут от ответственности и доверия», — раздумывал комиссар и радовался искренне и глубоко этой перемене в поведении Занина...

Быстро меняется обстановка на войне. Начинали скучать бойцы. Осточертели и эти песчаные бугры, сыпучие гребни, томительная жара, торжественные зори и степные закаты.

Днем над фронтом проносились с ревом самолеты японцев. Они исчезали в просторах неба над нашей территорией. Бойцы видели вдалеке, за рекою, воздушные бои, молниеносные падения пылающих, словно факелы, сбитых самолетов. В июне война шла в воздухе.

Утром 3 июля было тихо. В обед появился японский разведчик на левом фланге, над монгольской кавалерией. Он кружился, закладывая крутые виражи. Издалека звучали орудийные выстрелы.

Вскоре разведка донесла, что с северо-запада движется колонна японских танков, за нею бессчетные эшелоны бортовых машин с вражеской пехотой, а на флангах маячат полки конницы.

И простым глазом уже стало видно движение врага, бесспорное превосходство его сил. Над дорогами и над горизонтом встали рыжие, тревожные облака пыли.

Командир разведывательного батальона Кузнецов уже завязал бой. Комиссар Сычов видел, как у соседа справа выскочили по травянистой долине навстречу врагу легкие броневички.

Из штаба группы наших войск требовали ежеминутных донесений. Напоминали — под личную ответственность командира и комиссара, — что отступление исключено. Позиции надо

удержать любой ценой. Командир соединения майор Алексеев умчался в разведывательный батальон, на который с ходу повернули японские танки.

По всему фронту гремели пушки, воздух содрогался от воя снарядов. Ружейная и пулеметная пальба слилась в сухую и дробную трескотню. Японские разведывательные самолеты, ранее только кружившие, теперь уже пикировали, а затем резко взмывали вверх. Они бросали бомбы. Над землей возникали сизые дымы, и от разрывов сотрясалась земля.

Комиссар находился на командном пункте. Он сам принимал по телефону донесения из частей.

— Меня обходят справа и слева японцы! — докладывали с батареи.

— Рази картечью! — приказывал Сычов.

Вдруг прямо к нему подскочил комиссар разведывательного батальона политрук Зорин:

— Товарищ комиссар, стрелково-пулеметный батальон отходит! Все барахло свое на грузовики забрали!

Глаза комиссара Сычова побелели от ярости.

— Сами видели?

— Сам.

— Пойдем!

Сычов бросился со всех ног с бугра. Зорин еле поспевал за ним. В лицо Сычову бил жаркий воздух. Бешено колотилось сердце. «В прорыв, где стоял батальон, хлынет враг, — тогда все соединение будет смято»...

Комиссар, промчавшись по буграм, сбежал в узкую долину, на дорогу. Навстречу, со стороны переднего края, во всю ширину долины мчались грузовики. Еще мгновение, — и они раздавят комиссара.

Сычов выбежал на середину долины и встал, раскинув руки в сторону, заграждая путь.

— Стой!

Голос его прорезал шум движения.

— Стой!

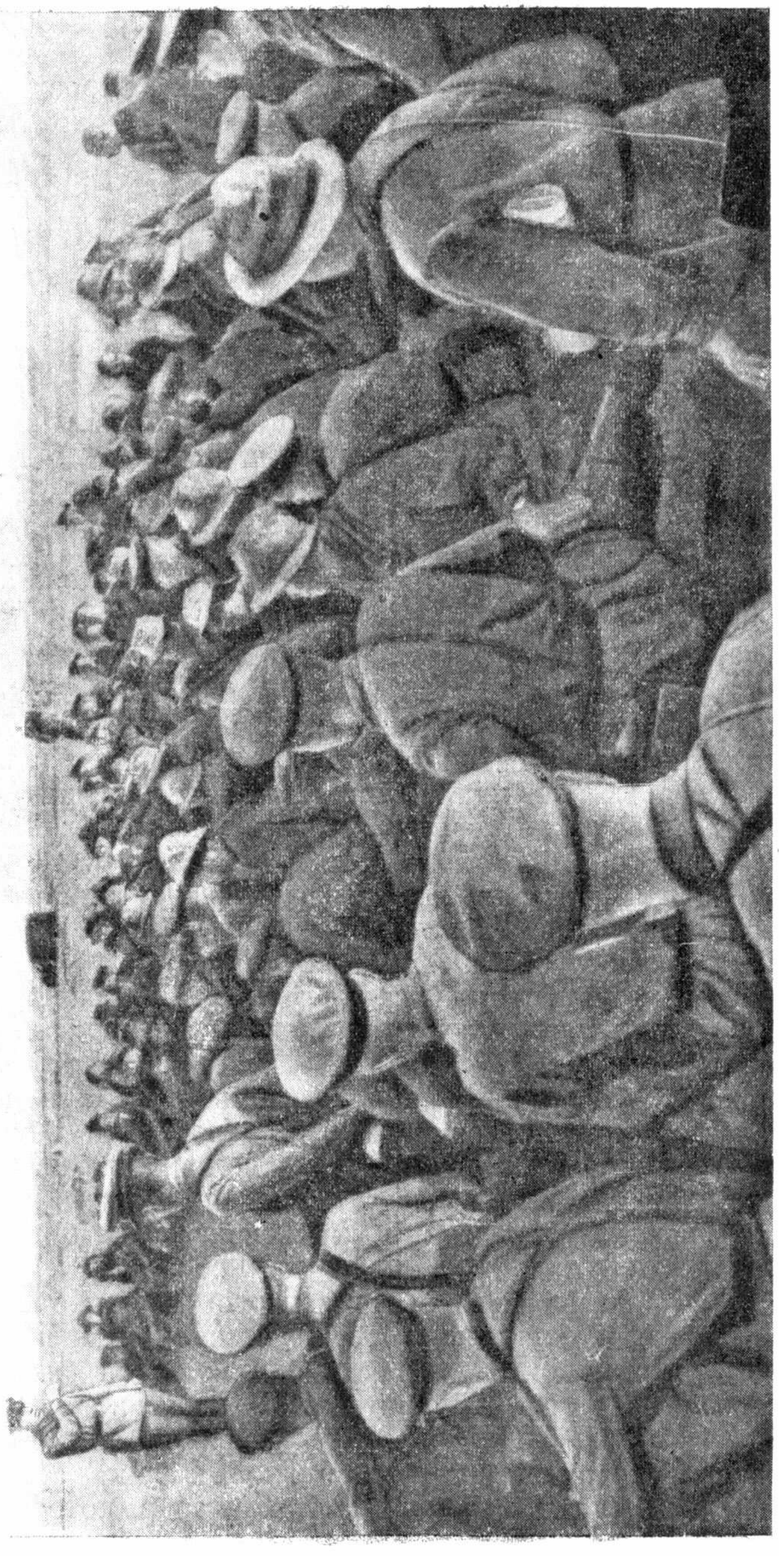
— Стой! — кричал и политрук Зорин, становясь рядом с Сычовым.

Пронзительно завизжали тормоза. Колеса, зашуршав по траве, остановились. В кузовах грузовиков попадали бойцы. Люди соскакивали и бежали к комиссару Сычову.

И уже гремел на всю долину яростный его голос:

— Товарищи красноармейцы! Позиции надо удержать! На огневые позиции марш!.. За Родину, за Сталина! Разобьем врага!..

Он быстро побежал по долине, не оглядываясь. Когда отбежал шагов сто, мимо, обгоняя его, помчались красноармейцы, командиры.



Митинг перед наступлением

Батальон занял свой участок обороны и огненным шквалом отразил атаку японской пехоты. Политрук Зорин спросил тогда комиссара Сычова:

— Товарищ комиссар, еще бы десяток метров сунулись грузовики, — и нас в живых не было бы!

Комиссар Сычов серьезно и тихо ответил:

— Я же знаю своих товарищей, я знаю людей. И они знают меня. Какой же это будет комиссар, если за ним люди не пойдут? А я знал, что пойдут!

III

9-я мото-мехбригада была на передовых позициях, не выходя из боев с начала и до конца боевых действий. Беспримерные подвиги совершали ее бойцы, командиры и политработники.

Орденом Красного Знамени награждена бригада за доблесть и мужество, проявленные личным составом при выполнении боевых заданий Правительства. И во все славные дела бригады немало вложил сердца, разума и воли комиссар Василий Андреевич Сычов.

Дни и ночи был он вместе с бойцами под огнем, воодушевляя примером, вдохновляя их пламенным словом большевика, верного сына партии Ленина — Сталина, сплачивая и согревая товарищей теплом сталинской заботы и внимания.

Он успевал побывать в каждом подразделении, особенно там, где была трудная боевая обстановка. Он видел и знал все. И действовал.

Вот он прикрыл своей шинелью раненого бойца, дожидающегося под дождем санитарной машины. Вот он приказал поставить часового у палатки командира разведчиков капитана Кузнецова. Тот прилег после трех бессонных боевых суток. Сычов приказал охранять его и не будить, пока не проснется сам.

В августовские дни, в дни разгрома врага, 9-я мото-мехбригада совершила беспримерный рейд по тылам японцев, осуществив смелый и остроумный план командования.

Разведчики бригады скрытно появились прямо в расположении японских тылов и прикрывающего их батальона пехоты. В любой миг противник мог обнаружить отважную группу, и тогда не было бы внезапного удара. Командир принял решение вступить в бой. Когда японская пехота, придя в себя, открыла огонь, к месту боя подошли главные силы бригады. Японцы были уничтожены. В наши руки попали склады — бесчисленные штабели снарядов, горы обмундирования и снаряжения, накаты цинковых бочек с горючим.

Японцам был нанесен один из тех ударов, которые и обеспечили разгром.

★

★

Зам. политрука А. КЛИНКОВ

БОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ

С 22 по 31 августа я участвовал в девяти атаках. Много врагов уничтожил наш танк за это время.

25 августа командование поставило перед нашей танковой частью задачу: провести второй пехотный батальон к высоте Песчаной. Мне предстояло уничтожить огневые точки противника на скате высоты.

Наступил момент атаки. Загудели моторы, замелькали гусеницы. Противник открыл по нас сильный огонь из пулеметов, минометов и противотанковых пушек.

Командир роты товарищ Вишев приказал:

— Вперед, ни шагу назад!

И мы двигались к сопке под ураганным огнем.

Но вот заметили, что наша пехота отстала и залегла. Товарищ Вишев скомандовал:

— Все кругом!

Мы отошли назад метров на четыреста, приблизились к тому месту, где залегла наша пехота. Она поднялась и пошла за нами на врага.

Подвели пехоту к высоте Песчаной и открыли огонь по блиндажам противника.

В этот момент я заметил неподалеку раненого красноармейца. Вражеский пулеметчик изо всех сил старался нащупать его.

— Загородить огонь противника! — приказал я механику-водителю.

Немедленно выполнил он мой приказ, и жизнь бойца была спасена. Санитары подползли к нему, перевязали рану, унесли с поля боя.

У левой стороны Песчаной я остановил танк и усилил стрельбу по вражеским блиндажам. Японцы не выдержали нашего огня. Они кинулись бежать, бросая винтовки и пулеметы.

— К нашему танку ползет враг! — крикнул механик-водитель.

Страшная ярость закипела во мне.

— Нет. Не подожжешь ты танк, господин японец! Расстреляю, — сказал я.

Пустил три коротких пулеметных очереди по японцу. Ранил его. А он все ползет к танку. Пустил еще две очереди и успокоил его навек.

После этого я вместе с другими экипажами вел огонь по бегущим из блиндажей японцам. Не удалось им спастись...

27 августа наша часть снова должна была подвести батальон пехоты к одной из высот. Танки ринулись в атаку. Пехота шла очень смело, хотя противник все время обстреливал и нас, и ее.

Когда приблизились к сопке, японцы совершенно загородили путь огнем. Командир роты принял решение: пойти в обход через песчаные барханы. Машина командира шла впереди моей. И вот его машина села в песок, забуксовала. Заметив это, я взял иной курс, но и моя машина села.

Японцы, заметив наше положение, усилили огонь. Пули стукались о броню.

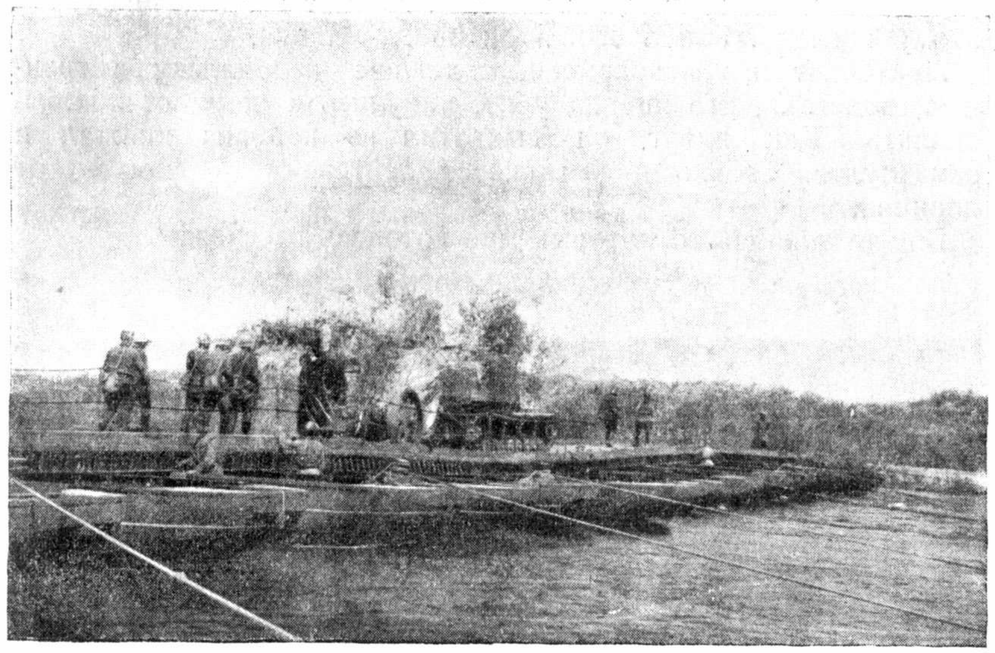
Что делать? Раздумывать долго не приходится. Вот-вот расстреляют. Я и механик-водитель Куликов вылезли из танка. Под градом пуль стали подкапывать песок. Вскочили в машину, дали заднюю скорость, танк задергался, пошел. А вслед за нами выбрался из песка и танк командира роты. Быстро подошли к сопке, открыли огонь по японцам...

Уже к концу боя я заметил, что на одном из наших застрявших танков стоит японец и бьет штыком в верхний смотровой люк. Я сразу же повернул пулемет и дал очередь по этому наглецу. Ранил его, и он сполз с танка.

Лейтенант и красноармеец, сидевшие неподалеку в траншее, полагали, что японец убит, кинулись к нему, стали обыскивать. Как вдруг он выхватил из кармана кинжал и замахнулся. Только чудом спасся лейтенант, отскочив от японца...

Вот те эпизоды, о которых мне хотелось рассказать.

★



★

Старшина П. НОВИКОВ

У ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕРЕПРАВЫ

На центральной переправе через Халхин-Гол круглые сутки не прекращалось движение. К песчаным манханам, вслед за броневиками и танками, ехали зенитки, машины с боеприпасами, двигались войска. Несколько раз в день появлялись над переправой японские разведчики, а за ними — стаи бомбардировщиков. Японцы изо всех сил старались уничтожить единственный понтонный мост. Вражеские бомбы ложились по обоим берегам реки, падали в воду и в кусты, а мост, как заколдованный, оставался невредим.

Как только в высоте появлялись наши «ястребки», японские бомбардировщики быстро удирали, и саперы снова приступали к работе по наводке моста.

У переправы бессменно, днем и ночью, дежурили командир Зарубин и комиссар Голубевский.

Старший лейтенант Зарубин руководил постройкой колейного моста. Прибывавшая вода и быстрое течение затрудняли

работу. Козлы то и дело уносило течением. Саперы, посменно раздеваясь, погружались в холодные, бурные потоки Халхин-Гола. Упорно сопротивлялась река, но все же постройка моста близилась к концу.

Артиллерия противника пристрелялась к единственной дороге, идущей по скату высоты. Эта дорога хорошо была видна японцам, и движение машин здесь затруднялось. Нужно было проложить новую на обратном скате высоты, в лощине, скрытой от наблюдения противника.

Разрывы снарядов мешали саперам. Поэтому работали с короткими перерывами. Спешили выполнить очередное задание к закату солнца и итти в оборону переправы, сменив лопату на винтовку.

Понтонный мост был в это время единственным средством переправы на восточный берег реки. Саперы гордились своим детищем, называли его «Наш мост».

Ночью тихое журчание воды у паромов, доносившееся с реки, ласкало слух бойцов. Но каждый понимал, что японцы под прикрытием темноты могут незаметно подползти к мосту. Вместе с бойцами в обороне переправы всегда были командир и комиссар.

...Однажды на рассвете саперы услышали отрывистое щелканье японского пулемета. Старший лейтенант Зарубин, быстро оценив обстановку, приказал командирам взводов: оттеснить противника от моста, окружить его и уничтожить.

Бойцы заняли окопы, открыли по огневым точкам японцев пулеметный и ружейный огонь. Враг отступил от реки, был окружен и уничтожен при помощи артиллерии и подоспевшей пехотной части.

12 августа группа японцев снова устремилась к центральной переправе. Старший лейтенант Зарубин повел навстречу роту.

Японцы засели в песчаном манхане и глубоко окопались.

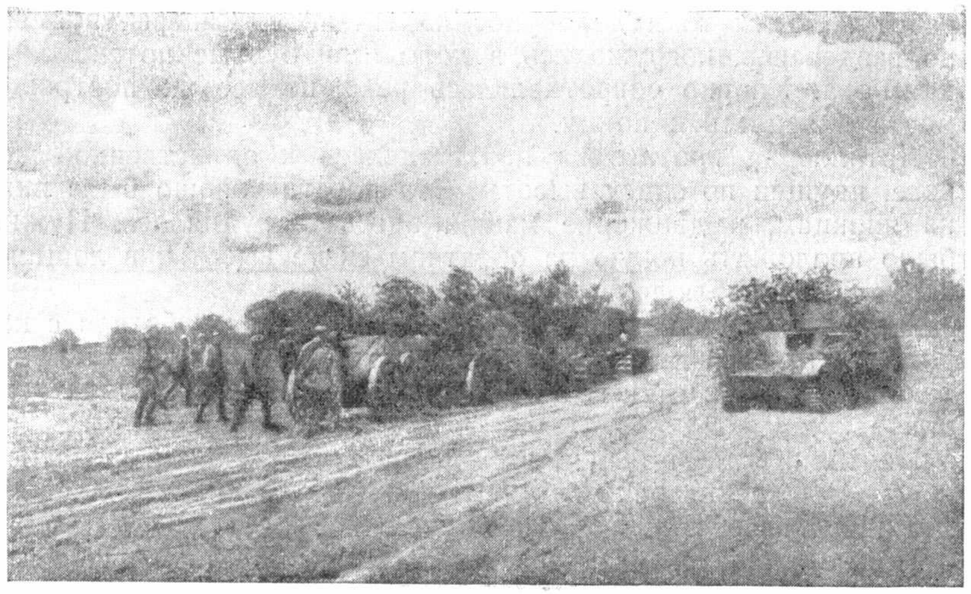
Пользуясь поддержкой артиллерии, наши бойцы начали смыкать кольцо вокруг окопавшегося японского отряда. Они получили гранаты, приготовились к атаке, стали ожидать команды.

Старший лейтенант Зарубин обошел бойцов. Говорил он скупо. Всех воодушевляли его спокойствие и простые, ласковые слова, проникнутые уверенностью в победе, его забота о бойцах в эти напряженные минуты перед атакой.

Закончилась артиллерийская подготовка, и вот, наконец, раздался голос любимого командира:

— За Родину! За Сталина! Вперед, товарищи!

Саперы с криками «ура» кинулись к окопам врага. Японцы пытались бежать, но всюду натыкались на штыки. Бой длился



Артиллерия переправилась через Халхин-Гол и направляется к исходной позиции

недолго. В стремительной атаке враги были уничтожены полностью. Никому из них не удалось скрыться.

Но в этом бою был тяжело ранен герой-командир, старший лейтенант Зарубин. Бойцы бросились ему на помощь.

— Нет, оставьте меня, товарищи, — слабеющим, но попрежнему ровным голосом сказал командир.— Берегите переправу...

И каждый сапер поклялся в этом бою — всегда быть таким, как герой-командир. Вскоре имя старшего лейтенанта Зарубина узнала вся страна: Правительство наградило его орденом Ленина.

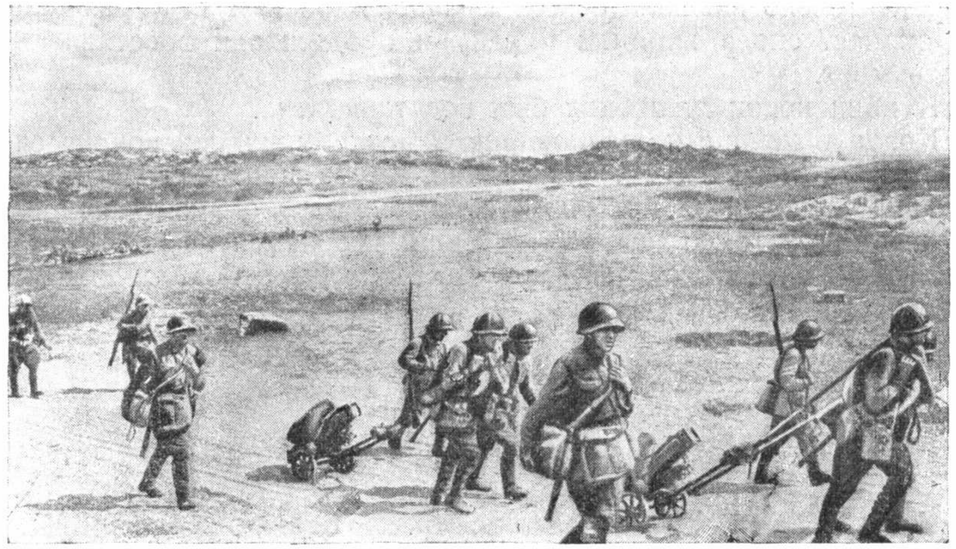
В первые дни генерального августовского сражения отчаявшиеся японцы круглые сутки обстреливали мост и дорогу к переправе. Саперы работали по ночам, устраняя повреждения, нанесенные снарядами. Беспрерывным обстрелом враги изрядно потрепали мост. Пробитые снарядами понтоны осели на дно.

23 августа целый день шел дождь. Дул пронизывающий северный ветер. Река поднялась и затопила и без того осевший главный мост. Это грозило срывом снабжения передовых позиций. Полуголые саперы, стоя по пояс в холодной воде, самоотверженно работали. Они старались поднять настил моста. Японцы заметили, что работы на переправе не прекращаются, и стали обстреливать ее беглым артиллерийским огнем. Снаряды рвались в трех-четырех метрах от моста.

Пронзительно визжали осколки. Саперы, на минуту укрывшись в окопах, снова входили в реку и продолжали восстанавливать мост.

К ночи поток движения был восстановлен...

Когда огненное кольцо наших войск сомкнулось вокруг захватчиков и враг был уничтожен, через центральную переправу, украшенные красными флагами, проехали захваченные у японцев автомашины. Бесконечной вереницей везли они через «Наш мост» трофеи побед. Радостно было бойцам-саперам наблюдать эту картину!



★

Связист А. ТЕРСКИХ

ПОД ОГНЕМ НЕПРИЯТЕЛЯ

Девятого июля, в тот день, когда наша часть должна была выступить на передовые позиции, меня вызвал к себе начальник штаба.

— Товарищ Терских, — спросил он меня, — куда вы хотите ехать: в Москву в музыкальную школу или на фронт?

Я очень люблю музыку и давно хлопотал о поступлении в военную музыкальную школу. Значит, хлопоты мои увенчались успехом. Радость охватила меня.

— Я очень рад, что принят в школу, товарищ начальник штаба, — сказал я, еле сдерживая волнение. — Но поеду я не в Москву, а на фронт. Когда разобьем японцев, буду учиться...

И вот мы на фронте, в боях.

22 июля лейтенант Сидоров приказал мне проложить линию связи от нашей центральной до наблюдательного пункта. Я выполнил это и засел дежурить с телефоном в замаскированный окоп.

На другой день, утром, противник обстрелял наше расположение артиллерийским огнем. Осколки снарядов порвали линию. Ползком добрался я до места обрыва, соединил концы и восстановил связь. Когда подполз обратно к своему окопу, связь снова была нарушена, теперь уже в нескольких местах. Опять пришлось с большими затруднениями чинить ее.

Через некоторое время начальник связи приказал мне исправить другую линию. Я покинул свой телефон и пошел выполнять приказание. Когда отошел от своей центральной метров на 50—60, появились вражеские самолеты. Они стали бомбить тот участок, где я находился. Укрыться было некуда. Я лег на землю. Бомбы рвались метрах в десяти—двенадцати от меня.

Как только самолеты исчезли, я побежал дальше по линии. Трудное досталось дело. Исправишь повреждение в одном месте, включишь свой аппарат и радуешься — все в порядке. Глядь, тут же оборвалась связь в другом месте. Исправишь там — прорыв в третьем месте. До самого вечера устранял я повреждения, причиненные вражескими снарядами.

25 июля я и еще два связиста получили приказание стать линейными на участки между центральной и наблюдательным пунктом дивизиона.

Пять дней наша линия работала бесперебойно. Но вот тяжелая артиллерия противника стала обстреливать дорогу, которая вела к переправе. Внимание противника привлекла монгольская часть, двигавшаяся по этой дороге. При первых же выстрелах врага монгольская часть рассредоточилась и от обстрела не пострадала, а нашу линию порвало осколками.

Под сильным огнем пришлось мне исправлять связь. Через 20 минут все было в порядке. Еще часа полтора били японцы по дороге, но уже без толку. Когда же стало заходить солнце, монгольская часть снова построилась и в полном порядке двинулась к переправе.

Никогда я не забуду этих страдных дней на полях сражений в Монголии.

★

★

Младший командир И. ЯКУШКИН

АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ПОДГОТОВКА

(Из дневника)

Третье июля 1939 года. Перед вечером нас обстреливала батарея японцев, но снаряды рвались в стороне. Наши в это время сбили японский самолет, и я видел, как из него вывалились два летчика. Уже стало темнеть. Наша батарея громила противника, и он отступал. В этот вечер японцы недосчитались человек двухсот...

4 июля. Нащупали колонну японских автомашин. С первых же наших выстрелов машины стали загораться. Вскоре от колонны осталось одно лишь воспоминание.

Тут пришлось спрятаться в окопы, так как на нас налетели японские самолеты. Они все пытались бомбардировать нашу батарею. Но ничего у них не получалось. Они попадали только в табуны верблюдов, которые без защиты ходили в степи.

5 июля. Выбили японцев с реки Халхин-Гол. Они в панике бежали, оставив груды убитых и раненых. От них разило вином, а во флягах был спирт.

У реки мы нашли труп своего товарища. Он был весь исколот и изрезан. Над ним издевались японцы, и его было трудно узнать. Мы молча постояли возле него. Он был очень хороший и смелый парень...

Потом весь день шел мелкий дождь. Мы с Бурмистровым побрились.

6 июля. На фронте — затишье. Днем нас стала обстреливать артиллерия врага, но успеха не имела. Вечером приехал полевой магазин. Купили консервов и курева.

8 июля. Затишье продолжается. Одна лишь бомбежка, как водится.

9 июля. Мы вели сильный артиллерийский огонь по японцам. Они отступали. Вдруг у нас отказало орудие. Исправив его, мы вновь принялись громить врагов.

12 июля. Был ожесточенный бой. Японцы засели в барханах, и нам никак не удавалось выбить их оттуда. Тогда мы пустили в ход огнеметы. От врагов остался один только пепел.

21 июля. Наша батарея в этот день крепко била японцев. Подняли на воздух один миномет, станковый пулемет, а потом принялись за пехоту. Командир батальона поблагодарил нас за хорошую стрельбу. Ох, и жарко было японцам!

Мы же чувствовали себя прекрасно. Вскоре уничтожили еще два вражеских пулемета и миномет. Наше орудие стреляло безотказно. Японцы скопили много танков и пехоты, хотели пойти в наступление. Не удалось. Советские артиллеристы смешали их с землей.

Наши летчики посадили пять японских самолетов и один сожгли. Японцы, как и всегда, не имели в воздушном бою успеха. Покружились над нами и улетели, не солоно хлебавши. А мы продолжали свое дело.

22 июля. Находились в обороне и вели артиллерийский огонь. Японские самолеты попрежнему кружились над нами, но все без толку.

Мы уничтожили несколько вражеских огневых точек. В одном месте было видно, как офицерье уселось кучей, повидимому, собралось выпить, но тут наш комбат скомандовал: «прицел», и они взлетели на воздух. Выпьют на том свете.

Советские летчики в этот день учили японцев уму-разуму. Те до того перепугались нашей тучи соколов, что подняли ужасную стрельбу из всех зениток, пулеметов и винтовок. А наши соколы парили над ними и делали свое дело. Японцы ни в один самолет не попали. Так уж у них получается.

Ночью японцы попытались пойти в наступление и взять нас в кольцо. Но мы умеем стрелять не только днем, но и ночью. Дали им жару.

Трофейное имущество

24 июля. Днем японцы повели ураганный огонь, разбили нашу переправу. Мое орудие попало под обстрел, и по нему били прямой наводкой. Ранило командира орудия Васильева. В машине пробило дверку, и в лобовом стекле застрял осколок.

Я увез орудие из-под огня. Наступила ночь. То и дело рвались вокруг японские снаряды, а я не мог отвечать, так как орудие отказало...

25 июля. Наши летчики заметили японский аэростат и сразу же уничтожили его. Он вспыхнул, как факел, и свалился на землю. Больше ничего выдающегося в этот день не случилось.

28 июля. Мы крепко в этот день побили врага. В воздух взлетали одни ошметья. Смешали с землей все: и людей, и коней, и машины.

Ночью уехали в тыл на отдых. Пробудем там до 3 августа.

3 августа. Утром уехал в Тамцак-Булак ремонтировать орудие. Увидел там знакомых.

8 августа. Прибыл в часть и сразу же — на фронт. По пути видел воздушный бой, в котором наши летчики сбили три японских самолета.

15 августа. Утром, как и всегда, перекличка орудий. Днем, когда у нас закончилось партийное собрание, приехал полевой магазин.

Трофейное имущество

18 августа. Был воздушный бой. Японские самолеты удрали, сбросив бомбы где попало.

19 августа. Японцы снова вывесили две колбасы. Хорошо, наши летчики постараются их поджарить.

20 августа. Пошли в решающее наступление. В первую очередь, японцев угостили завтраком наши летчики, а потом стали потчевать их мы. Наша батарея действовала с пехотным полком. В этот день мы подавили шесть огневых точек противника.

22 августа. Японцы окружены нашими войсками. Я выехал на открытую и прямой наводкой бил по орудиям противника. Наша пехота несколько раз ходила в атаку, но японцы сидят в своих бетонированных блиндажах и боятся вылезти. Русский штык для них страшнее всего на свете.

Противник уже заготовил, было, на зиму много шуб, валенок и другого теплого обмундирования, да зря старались японцы. Наши все забрали у них. Во многих барханах были склады. И они подожжены. Только дым идет. А наши войска шагают вдоль границы, устанавливают красные флаги... Остались считанные часы для гадов.

24 августа. С утра добивали гадов в блиндажах. Некоторых брали живыми, а многие на наших глазах стрелялись.

В одном бархане взяли шесть орудий, 12 пулеметов, 50 лошадей. Покончив с этим барханом, переехали на другой...

25 августа. Наша пехота под прикрытием артиллерии, под звуки боевого марша пошла в атаку.

Это была лихая штыковая атака, на которую способны только красноармейцы. Молодцы ребята, красные пехотинцы!

26 августа. С утра — снова в наступление. Японцы бегали, как шакалы, бросая все на свете. Одна машина хотела удрать с гадами. Но мы сбили шофера, а офицеров в кузове перекололи.

Ночью, как услышал звуки «Интернационала», забилось сердце. Наша славная пехота пошла в наступление и уничтожила все на своем пути штыком и гранатой. Жарко было японцам, выли они в степи, как волки.

Захватили мы тьму трофеев. Автомашин разных марок — не сочтешь! Наша часть одну восьмерку увела. На ней мне пришлось немного прокатиться... Американская машина с восьмицилиндровым мотором, быстрая, как ветер.

Сколько всякого барахла, просто ужас. Одних зимних одеял — тысячи. Видно, японцы рассчитывали долго коптить эту землю, да не пришлось, и не придется никогда. Одно могут найти здесь — могилу!

27 августа. Утро начинается обычно — артиллерийской подготовкой. Затем пехота идет в атаку. Когда бьют гадов гранатой, они, как мыши в мешке, мечутся. Не знают, куда деться. Везде их бьют. Но сдаваться пока не сдаются. Правда, бывают отдельные случаи, когда переходят к нам одиночки...

Дело идет к концу. Японская артиллерия почти совсем замолкла. Почти все орудия мы разбили и забрали.

29 августа. Ночью начали наступление. Подъезжали на 50 метров с орудиями и в упор расстреливали гадов. Занимали сопку за сопкой, только поспевай ставить красные флаги...

★

★

Герой Советского Союза старший лейтенант В. СКОБАРИХИН

ВОЗДУШНЫЕ БОИ

Днем 12 июля, когда солнце уже миновало зенит, нам сообщили, что над Халхин-Голом появились японские истребители. По сигналу «в воздух» наша часть быстро взлетела и, выстраиваясь в боевой порядок, набрала высоту.

Дойдя до линии фронта, мы полетели вдоль реки Халхин-Гол. Японских истребителей не было видно. Верные своей тактике японцы находились где-то над облаками, чтобы в удобный момент наброситься на нас. Ведущий покачал плоскостями. Внимание! Потом он стал развертывать часть на 180 градусов. Не успели еще замыкающие развернуться, как из облаков обрушился на передовую пятерку японский истребитель. Враги, наверно, рассчитывали, что его неожиданное появление вызовет замешательство среди нас и это облегчит атаку другим истребителям, спрятанным в разных ярусах облачности.

Вражеский план был сорван. Ведущая пятерка расчленилась, и японец проскочил вниз. За ним бросились летчики Акимов и Митягин. Они не позволили японцу выровняться и обстреляли его. Самолет вспыхнул, сделал по инерции задир вверх и, охваченный пламенем, полетел к земле.

В тот же миг, как мы и ожидали, из-за облаков начали пикировать другие японские истребители группами по 12—20 самолетов. Силы оказались неравными: японцев было вдвое больше.

Разгорелся ожесточенный бой. Куда ни глянешь — два-три наших отважных летчика дерутся с пятью японскими. Вот тут-то и помогала большевистская взаимная выручка. Как только японцу удавалось подобраться к хвосту нашего самолета, сейчас же кто-либо из наших бросался и отбивал товарища.

С исключительным мастерством дрался в этом бою Андрей Акимов. Но вот на него набросились сразу три вражеских истребителя. Акимов сбил одного лобовой атакой и стал делать боевой разворот, чтобы броситься на второго. В это время третий японский летчик успел дать длинную очередь по самолету Акимова. Перебито управление. Самолет больше не подчиняется воле человека. На высоте 4 000 метров Андрей выбросился из кабины. Рука потянулась к кольцу парашюта, но он отдернул ее: при плавном спуске с такой высоты непременно расстреляют. Акимов камнем летел вниз. Только на расстоянии 800 метров от земли он раскрыл парашют и благополучно спустился.

Бой продолжался. Два японца начали зажимать в «клещи» лейтенанта Гринева. Майор Куцевалов, сам только что выскочив из окружения, бросился на помощь Гриневу и спас его от верной гибели. С каждой минутой становилось труднее. Выходить из боя при таком соотношении сил опасно. Оставалось умело обороняться, изматывая противника. Наши летчики понимали это, и все дрались дружно, упорно.

Вдруг среди японцев началось замешательство. Одни начали резко пикировать вниз, другие стали уходить в стороны. Наших самолетов как будто стало больше. Ура, пришло подкрепление!

Теперь одна задача: отрезать противнику путь к отступлению, преследовать и уничтожать японцев. И эта задача была решена неплохо. 16 японских истребителей упали на землю обуглившимися и столько же вражеских летчиков поплатилось жизнью. Из наших не погиб ни один.

После этого боя японские летчики стали драться менее упорно и только над своей территорией или над линией фронта.

* * *

23 июля, утром, когда еще блестела росой высокая степная трава, меня вызвали к телефону. Командир части Герой Советского Союза Кравченко дал мне срочное боевое задание. Часть вылетала на штурм наземных войск противника и только что подошедших его машин с продовольствием и боеприпасами. Наша эскадрилья должна прикрывать штурмующих.

Герой Советского Союза В. Скобарихин

Через несколько минут мы уже были в воздухе. Поднялся в воздух и полк Забалуева. Шли ярусами: впереди и чуть ниже — забалуевцы, за ними несколько выше — две наши эскадрильи и, наконец, на значительной высоте — остальные, прикрывавшие штурмовиков.

Сигнал «скоро цель». Летчики приготовились. Эти минуты — самые ответственные. Надо построиться так, чтобы никто не мешал друг другу и можно было вести непрерывный огонь. Одна-две эскадрильи бросаются на цель, штурмуют и выходят из боя с разворотом. В этот момент цель поливают огнем следующие эскадрильи, и так далее.

Рот летчики Тихонов и Нога уже пикируют. За ними бросаются их подразделения. Огненные струи трассирующих пуль брызнули по окопам, блиндажам, по цепям солдат. Вплотную за первыми ринулись эскадрильи Сульдина, Трубаченко, Бойченко.

Море огня. Видно, как японские солдаты в панике разбегаются, отыскивая укрытия. Многие из них падают убитыми и ранеными. Несколько автомашин загорелось. Столбы дыма, пыли и щепок.

Японских истребителей не было, и наши штурмовики делали уже последний заход. Поэтому я решил тоже произвести со своей эскадрильей один налет. Пока мы штурмовали, остальные пошли к своему аэродрому. Выйдя из пикирова-

ния и набрав высоту, мы стали догонять свою часть. Наша эскадрилья как прикрывающая шла выше всех и сзади.

Вот уже почти достигнута граница, и тут как раз я заметил восемь японских бомбардировщиков. Заметили их и другие летчики. Трое — я, Голубь и Кобзев — кинулись наперерез врагу и успели заградить путь двум бомбардировщикам. Те поспешили сбросить бомбы на свою территорию, чтобы налегке уйти от нас. Но было уже поздно. После нашей атаки один вражеский самолет загорелся и стал падать. Летчик Голубь проводил его до самой земли. Мы с Кобзевым окружили другой бомбардировщик. Покачав плоскостями, я дал знак Кобзеву, чтобы он не стрелял. Надо заставить врага сесть на нашей территории. Кобзев понял меня. Мы стали наседать с двух сторон, и японский самолет вынужден был итти по направлению к границе. Не дойдя до нее километров десяти, он стал переходить в пикирование. Тогда Кобзев не выдержал и дал длинную очередь пулеметного огня. Из кабины бомбардировщика вырвалось пламя, он стал падать. Один японец выбросился с парашютом. В это время показались японские истребители. Сделав разворот, мы пошли в свое расположение. Японцы не осмелились преследовать нас.

* * *

Особенно активно и успешно действовала сталинская авиация в решающие дни окружения и полного уничтожения японских полчищ. С 20 по 30 августа были сбиты 204 японских самолета разных систем. В эти дни нам пришлось десятки раз штурмовать вражеские наземные войска, аэродромы и тылы.

Утро 20 августа выдалось туманное. Низко над землей простиралась густая белесая пелена. Взлетать было трудно, но ни один наш летчик не остался на земле.

Первой поднялась в воздух могучая бомбардировочная авиация. Ее прикрывал истребительный полк Забалуева. Наша часть подавляла японскую зенитную артиллерию.

К восходу солнца бомбардировщики были уже над расположением противника. Загрохотали вражеские зенитки, обнаруживая себя. Этого только и ждали эскадрильи, предназначенные для штурмовки зениток. Они кинулись в атаку, расчленившись на звенья.

Первым заходом были парализованы орудийные расчеты. Вот замолчала одна батарея, вторая, третья. Но, зная тактику врага, бомбардировщики не сразу вышли на центр цели. Многие зенитки еще не открывали огня, их надо было нащупать. Пушечники нащупывали их боем, бреющими полетами. Часть пушечников добивала обнаруженные батареи, другая дерзкими штурмами заставляла оставшихся в резерве японских зенитчиков открывать огонь.

Когда бомбардировщики развернулись по всей линии фронта, зенитных батарей уже осталось очень мало, да и те быстро умолкли под ураганным огнем наших пушечников. При уничтожении вражеских зениток проявил особый героизм и мастерство штурма командир эскадрильи тов. Трубаченко — ныне Герой Советского Союза. Его зоркий глаз нередко нащупывал вражеские батареи, когда они еще не начинали стрелять. В течение полутора минут он делал по два-три захода. Ни один снаряд и ни одна пуля не пролетали мимо цели.

Бомбардировщики приступили к своей боевой работе. Сверху их прикрывали бесстрашные истребители. Началась сокрушительная бомбежка. Тонны раскаленного металла посыпались на японские укрепления. На протяжении 25 километров линия фронта занялась огромным пожаром. В воздух летели изуродованные тела японцев, осколки пулеметов, бронемашин, окопных настилов.

Японские истребители в свою очередь попытались атаковать, но их встретили наши истребители. Завязался воздушный бой. Ни один японский летчик не смог прорваться. Командир Гринев и комиссар Ворожейкин за две минуты боя сбили по одному японскому истребителю. Оставшиеся в живых японцы обратились в бегство. К сожалению, преследовать их было нельзя, иначе бомбардировщики остались бы без прикрытия.

Так был открыт путь нашим наземным войскам через первую линию японских укреплений. Сделав свое дело, все летчики пошли на аэродромы, чтобы зарядить машины, подвесить новые бомбы и снова ринуться на штурм укреплений врага. Когда прилетели на свою территорию, то стрелки-радисты с бомбардировщиков приподнимались в кабинах и приветствовали летчиков-истребителей в знак благодарности за отличное прикрытие от вражеской истребительной авиации.

В этот день наши воздушные силы почти не знали земли. Выполнив одно задание, мы заправлялись бензином, боеприпасами и вновь поднимались в воздух. Каждое подразделение имело не менее пяти-шести вылетов. Подразделение мастера воздушных боев орденоносца Зайцева сделало семь вылетов, из них два на разведку боем. Отважные разведчики, встретившись с японскими истребителями, завязывали бой. Во время боя некоторые прорывались в глубокий тыл противника. Таким путем добывали сведения о том, как расположены японские войска, о резервах и подкреплениях.

Летчик-истребитель старший лейтенант П. Митягин

Боевое напряжение не прекращалось и ночью. За ночь надо было привести в боевую готовность всю материальную часть. И многие летчики, вздремнув час-два, помогали техникам и оружейникам готовить самолеты к новым боям. Чуть начинал брезжить рассвет, сталинские соколы были уже у своих боевых машин.

Полк тов. Кравченко — дважды Героя Советского Союза — с 20 по 26 августа дал японцам 11 воздушных боев и 13 раз штурмовал вражеские позиции. 51 японский самолет был уничтожен за эти боевые дни бесстрашными и неутомимыми летчиками 22-го полка.

Вечером 26 августа полк Кравченко с разрешения Военного Совета продемонстрировал над фронтом мощь советской авиации, ее готовность в любую минуту обрушиться на врага. Парадным строем мастерски прошли боевые летчики над вражеской территорией и над нашими славными наземными войсками.

Во время всего пути летчики Герасимов и Николаев украшали парад победителей фигурами высшего пилотажа: Герасимов — с правого фланга, Николаев — с левого. Мастера воздушных боев показали и своим наземным войскам и врагу, почему побеждают сталинские соколы. Герасимов и Николаев быстро, красиво бросали свои машины вверх, переводили в мертвые петли, клали на крыло, делали горизонтальные восходящие бочки, вертикальные, одинарные, пятерные, замедленные.

Зажатые в железное кольцо японские солдаты еще плотнее втискивались в землю. Наши войска ликовали.

— Ура сталинским соколам! Да здравствует великий Сталин!— неслось со всех сторон. В воздух летели фуражки, пилотки. Гремели рукоплескания. Каждый боец, командир, политработник знал, что летчики не пожалеют ни сил, ни самой жизни, чтобы облегчить пехоте, танкам победу. Это была яркая демонстрация красноармейского боевого содружества, удесятеряющего силы наших наземных и воздушных бойцов.

* * *

Рассказ о воздушных боях будет неполон, если не упомянуть хоть в нескольких словах о боевом мастерстве наших «людей воздуха», об их самообладании и выдержке, об их преданности Родине и партии, готовности и умении драться с врагом в любых условиях.

4 августа в районе горы Хамар-Даба появились бомбардировщики и истребители противника. Не прошло и пяти минут, как навстречу врагу вылетели наши самолеты. Завязался жестокий воздушный бой.

Подобно буревестникам, носились в воздухе советские истребители. Умело маневрируя и ведя меткий огонь, они уничтожали японские машины. Японцы, не выдержав решительного натиска, перешли в крутое пикирование, чтобы уйти во-свояси. Советские стальные птицы кинулись за ними, перехватили, погнали на нашу территорию.

Молодой летчик Машнин отбил одного японского хищника от остальных и гнался за ним. Но вот беда: у Машнина

Сбитый японский самолет

в результате боя оказались использованными все патроны. Неужели придется упустить врага? Нет! Японец перешел на бреющий полет. Высота 3—5 метров. Вихрем несутся оба самолета, и славный сталинский сокол Машнин с каждой секундой приближается к врагу.

«Надо ударить так, — думал Машнин, — чтобы врага сбить, а свою машину спасти». Он взял чуть повыше и ударил в хвост вражескому самолету. Раздался оглушительный треск. Винт самолета Машнина в пыль разнес стабилизатор японского истребителя. Машина японца врезалась в землю. Героический летчик Машнин выровнял свой самолет, сделал разворот и приземлился.

Подобный случай выпал однажды и на мою долю. Как-то в бою я заметил, что летчика Вуса взяли в «клещи» два японских истребителя. Положение у него неважное. Я немедленно решаю набрать высоту, чтобы зайти в хвост японскому стервятнику и расстрелять его. Но тот уже наседает на машину Вуса. Каждая секунда промедления грозит гибелью товарищу. Оставалось сразить врага лобовой атакой, пойти на таран.

Я дал газ, чуть зажмурил глаза и направил своего «ястребка» прямо в лоб вражескому истребителю. Еще мгновенье — и обе машины, не успев вспыхнуть, разлетелись бы в щепки, в пыль. Японский летчик не выдержал, он вскинул машину вверх, чтобы пропустить меня под собой. Но мой самолет уже ударил левой плоскостью по шасси японской машины, а винтом — по хвосту и фюзеляжу.

Самолет японца вспыхнул, а я на мгновение потерял сознание. Потом как будто обдало чем-то холодным. Почувствовал, что мой самолет падает, и сознание сразу вернулось. Отдал ручку от себя, машина стала выравниваться. Хотя и с большим креном, но она шла по горизонтали. Напрягая все силы и умение, я вел ее на аэродром и там благополучно приземлился.

Друзья встретили меня горячо. Осмотрели самолет. Винт оказался погнутым. В пробоине крыла торчал большой кусок шины с японского шасси.

Особенно радостно было то, что я спас жизнь своему боевому товарищу, который не раз выручал и меня и других.

Всем нам памятен героический подвиг летчика Кустова. Над самой рекой Халхин-Гол разгорелся воздушный бой. Нашими истребителями были окружены японские скоростные бомбардировщики. Вот уже загорелся один, другой бомбардировщик. Нескольким японским машинам все же удалось прорваться. Одну из них стал преследовать Кустов. После второй очереди он обнаружил, что патронов больше нет. Тогда Кустов пошел на таран. Он настиг бомбардировщика и ударил по его фюзеляжу винтом своей машины. Японский самолет вспыхнул и грохнулся на землю. Но не выдержал такого сильного удара и самолет Кустова. Бесстрашный советский летчик Виктор Кустов погиб вслед за своей жертвой. Память о нем будет вовеки хранить советский народ.

★

★

Вл. СТАВСКИЙ

ГЕРОЙ ИЗ ГЕРОЕВ

I

Он — командир летчиков-истребителей. Он требователен и строг, скор на крепкое и острое слово. А летчики зовут его между собой с теплом и любовью: «наш Пантелеич».

Невысокого роста, коренастый и крепкий, он полон неиссякаемой энергии. Американцы считают предельным сроком службы летчика-истребителя пять лет. А «наш Пантелеич» уже семь лет в истребительной авиации, и ему всего 27 лет от роду.

Этой ночью он прилег всего лишь на полчаса, когда на востоке позеленело рассветное небо. И вот он уже бросает на ходу: «Всем в воздух!» и быстро, упруго бежит к своему самолету, по пути надевая шлем. Ветер треплет прядь его темных мягких волос. Солнце бьет в лицо, бронзовое от степного монгольского загара. Он щурится. Остро и весело

поблескивают сероватые его глаза. И весь он — олицетворение юношеского, непобедимого задора и обаяния. Веселый товарищ, бесстрашный и беспощадный командир истребителей.

Ревет мотор. Послушная машина стремится в воздух. В бескрайних просторах неба командир резким качанием самолета с крыла на крыло собирает своих летчиков, неутомимо ищет врага, грозно бросается в бой. Вот уже все небо содрогается от звенящего рева моторов. Опытный глаз летчика сразу увидит, различит командирский истребитель — льющийся каскад сложнейших фигур, неотразимые атаки, внезапный, сжигающий огонь пулеметов. И кажется, что это не летчик на самолете, а одно целое — победная и страстная воля, запечатленная воля большевизма. И вспыхивают, дымясь, японские аэропланы, и падают на землю, пятная ее зеленый покров смрадными пожарищами.

Сюда, в степные просторы Монголии, Кравченко прибыл с группой опытных боевых летчиков, героев сталинской авиации.

До прибытия этой группы наших летчиков было меньше. Храбро бросались они одиночками и звеньями на врага, наносили ему урон и погибали сами. Прибывшая группа передала летчикам свой боевой опыт. И Кравченко, как и другие, много потрудился над тем, чтобы были усвоены и выполнялись священные законы советских, сталинских летчиков-истребителей:

— Лучше сбить два вражеских самолета и не потерять ни одного своего, чем разбить пять вражеских и потерять хотя бы один свой.

— Охраняй хвост машины товарища.

— Приходи ему на помощь в беде.

— Не отставай от своих.

— Рыскай и разыскивай в воздухе врага и громи его.

...За дальними синими сопками остывало июльское солнце. Мягко синели степные травы. Из глубины степи ветер доносил терпкие запахи полыни, чебреца и дикого лука. На площадках истребительного полка, которым командовал Кравченко, инженеры, механики и мотористы заканчивали подготовку боевых машин. Гудели моторы, пулеметы давали резкие шквалы очередей, — это была проверка.

Кравченко встал первым, умылся студеной водой. Его позвали к телефону в палатку командного пункта. Он прибежал туда, взял трубку телефона, и лицо его стало лукаво задорным, заблестели глаза.

— Есть! Есть бурей! — кинул он в трубку телефона и выскочил из палатки.

— Поднять все эскадрильи! Ведущим буду я.

Дважды Герой Советского Союза
генерал-лейтенант авиации Г. Кравченко

Белая ракета, шипя, взлетела над степью. На площадках тотчас же заревели моторы всех самолетов. Кравченко подбежал к своему истребителю, мгновенно нацепил парашют. Его боевая машина, стремительно пробежав по траве, взмыла в воздух. Он набрал высоту над аэродромом, резким покачиванием собрал все эскадрильи и лег на курс, прямо на фронт. И вскоре с аэродрома уже не стало видно самолетов. Из голубой лазури еле доносился, смолкая, победный звон моторов.

Кравченко вместе со своими летчиками летел на высоте четырех тысяч метров. Вот уже позади сверкнула серебряная

лента реки Халхин-Гол в зеленой оправе курчавых кустов. За рекой мертвыми желтыми полосами протянулись песчаные бугры, манханы, на которых лежит линия фронта. Вон там, где-то в зеленых ложбинах, притаились японские зенитки. Кравченко, качнув самолет, отвернул вправо. Ревел мотор, машина неслась с огромной быстротой,— Кравченко дорожил каждой секундой. Он не чувствовал скорости движения, весь поглощенный, взволнованный, вздрагивающий от боевого восторга и нетерпения. В небе не было самолетов врага. Зенитки остались далеко в стороне. В щелочках глаз командира вспыхнула усмешка: он вновь развернулся, солнце стояло позади его самолетов.

— Вот это мне и надо!

Впереди, внизу виднелась голубая вода озера Узур-Нур. Глаза Кравченко поймали там, за озером, блеск. Вот она цель! На ровной долине стояли вытянутые в линию японские самолеты. Поодаль светлели желто-зеленые полотнища палаток.

Командир Кравченко сильно и весело качнул с крыла на крыло свой истребитель и перевел его в стремительное, неотразимое пике. Навстречу летела громада земли, свистел воздух. Кровь отхлынула от сердца. Кравченко видел вражеские самолеты. Он думал: если бы хватило нескольких секунд, чтобы поставить командирам эскадрилий задачи, получилось бы намного лучше. Но, оглянувшись, он улыбнулся: вслед за ним пикировали все истребители, и они, конечно, уже видели врага.

Точно нацелившись на японский самолет, Кравченко на высоте 400 метров нажал общую гашетку своих пулеметов. Из стволов рванулись огненные мечи. Командир заметил, как вспыхнул весь корпус вражеского самолета.

Низко, метрах в трех от земли, он выровнял свой истребитель и снова бросил его в высоту. В какое-то неуловимое мгновение его глаза схватили эту картину, и в память она врезалась навек: ровная, словно парадная, линия японских самолетов... пламя охватило одну, другую, третью — до десятка вражеских машин... по земле бегут и падают японцы... над самой землей выходят из пике наши летчики.

Кравченко набрал высоту, сделал боевой разворот, качнул самолет, созывая своих, приказывая им лететь за собой.

Крутой круг над аэродромом. И снова командир кинул свой истребитель в пике. И снова ринулись за ним его летчики. И снова, обгоняя их стремление, били впереди огненные струи пулеметов. На земле бушевало пламя, ревели дымные пожарища. Сновали и падали, ползли и извивались японцы.

И в третью атаку повел свой полк Кравченко. И в четвертую атаку ринулся его полк.

Потом, собрав эскадрильи, командир направил их домой,

на родные площадки. Над японским аэродромом остались два самолета. Капитан Кузьменко долго носился над аэродромом. Набирая высоту и пикируя, проходя бреющим полетом, он все время каленым огнем пулеметов выжигал ненавистного врага из щелей, из палаток, из-под разбитых самолетов.

— Бью вас за товарищей, погибших в бою! Бью за Родину! — говорил сам с собой капитан и вновь выжигал врага. И так же, как Кузьменко, пикировал, взлетал в высоту и вновь пикировал летчик Костыгов, справляя свое боевое крещение.

Приземлились на своих площадках истребители. Выскочили из кабин летчики. Жестикулируя, рассказывали об атаках. Товарищи, оставшиеся на земле, восторгались, слушая рассказы боевых друзей, и вместе с ними ощущали всю доблесть атак.

Кравченко, примчавшись в палатку командного пункта, доложил по телефону командованию о своей боевой работе. И вдруг лицо его стало задумчивым. Он вышел из палатки и, щурясь на солнце, сказал:

— Сейчас, пожалуй, там морды бьют, на японском-то аэродроме. Кто прозевал, кто проспал, тому достается. А уцелевшие самолеты в порядок приводят. Эх, еще туда бы разок!

Над площадкой взлетела ракета, другая. И снова, заревев моторами, ушли истребители в небо за своим стремительным «ведущим».

Томительно текли мгновенья для тех, кто остался на земле. Нестерпимо сиял день, в струях марева плавали синие сопки. В палатках командного пункта застыли со своими трубками телефонисты.

— Летят!

Из голубого океана шел, нарастая, гул моторов. Вот стали видны самолеты, и уже снова летчики на земле. Смеясь и ликуя, рассказывали они, как опять неотвратимой бурей налетели на вражеский аэродром.

В юрте у Кравченко собрались боевые друзья. Позднее всех пришел Виктор Рахов. Он не участвовал во второй атаке. Догоняя полк, он увидел в стороне воздушный бой и заметил, как из боя вышел наш истребитель, а за ним, заходя в хвост, стремился японский самолет, испещренный широкими цветными полосами. Нашему угрожала гибель. Рахов дал газ «на полную железку» и с близкой дистанции ударил по врагу в крест. Он ясно видел, как мотнул головой японский летчик, в страхе делая поворот. Через мгновение Рахов, зайдя в хвост врагу, дал длинную очередь. Японский самолет задымился и наискось врезался в землю.

— Хорошо, хорошо, — сказал Кравченко и обнял своего любимца и друга Рахова.

Виктор Чистяков, мрачно кусавший губы, порывисто вскочил:

— Товарищ командир, разрешите слетать.

— Куда?

— Да на аэродром, надо же посмотреть, что мы там наделали...

Кравченко пытливо глянул на Чистякова, на суровое, словно вырубленное из темного камня лицо его, на густые брови, крылом сжатые над темными глазами.

— А как вы будете итти?

— На две, на три тысячи метров.

— И зайдете, как мы, чтобы за солнцем быть?

— Точно.

И нежность, и опасение, и тревога за товарища хлынули в сердце Кравченко, но подумал, что ведь и самому ему хочется еще раз побывать там. Сказал строго:

— Слетайте. Смотрите только аккуратнее.

— Есть! — Лицо Чистякова озарилось улыбкой. Он четко повернулся на месте и бросился со всех ног к своему самолету...

Летчики, весело переговариваясь, пили чай, закусывали. Быстро исчезали большие куски мяса, жареной птицы, хлеба. Кравченко подкладывал на тарелки еще и еще еды. Лукаво усмехаясь, поругивал друзей за то, что они будто бы мало едят, и сам старался за всех. Вбежал дежурный командир:

— Вас к телефону, быстро просят.

Перегоняя его, Кравченко пробежал в палатку и вот снова подал команду:

— Давай ракету! В воздух всем эскадрильям!

Опять в короткие, неуловимые мгновенья поднялся весь полк и ушел на фронт. Опять на площадках томительное ожидание. Оставшиеся собрались на командном пункте, жадно всматривались в напряженные лица телефонистов. По проводам неслись донесения. Телефонисты повторяли их вслух.

— Бой над Баин-Цаганом!

— Бой над Хамар-Дабой!

— Преимущество у японцев!

— Их пятеро на одного нашего!

Тревога охватила всех. Каждый хотел сейчас же взлететь и кинуться туда, на помощь друзьям.

— Почему же это так? Где же наша мощa? — возмущенно выкрикнул один летчик.

— Наших больше! — неистово завопил телефонист. И все зашумели.

— Японцы тикают!

— А вы волновались, я же знал! — победно оглядывая товарищей, гордо сказал тот самый летчик, который только что спрашивал: «Где наша мощa?»

Послышался гул самолета. Все выбежали. На площадку приземлился самолет. Вот он коснулся земли, неловко подскочил несколько раз и остановился. Товарищи помчались к нему на легковой автомашине. Летчик Чистяков махнул рукой из кабины:

— Скорее!

Подбежавшие товарищи увидели его бледное лицо и горящие глаза. Крылья самолета, фюзеляж, хвост — в пробоинах. Сам Чистяков ранен в ногу. Его осторожно вытащили, посадили на подножку автомобиля. Он жадно отпил из фляжки.

— Теперь легче стало, — сказал он, превозмогая боль.

Врач быстро распорол сапог, осторожно снял носок. Пуля попала в ступню, из раны показалась кость.

— Я пониже опустился, метров на восемьсот, — отрывисто рассказывал Чистяков, пока врач перевязывал ему рану. — Вот тут они на меня и насыпались сверху — восемь чертей. А все-таки я ушел. Да скажите же вы, что тут делается.

— Сейчас сообщили — наши бьют японцев над Хамар-Дабой и Баин-Цаганом. Японцы удирают.

Чистяков улыбнулся.

— А как же иначе! Эх, скорее бы поправиться!

Задумчивые вернулись к палатке товарищи, проводив в санитарную часть Чистякова. Скоро ли вернутся остальные?.. И когда загудели истребители, пошли на снижение, на площадках их уже ждали. Вернулись все до одного. Вокруг Кравченко собрались восхищенные друзья, засыпали его вопросами.

— Как же это так? Японцев было больше, чем наших? Мы тут прямо с ума посходили.

Кравченко усмехнулся:

— Напутали, наврали. Когда мы подоспели, наших было полно небо. Ну, я вижу — хорошо. Покачал — и опять туда.

— Куда?

— На японский аэродром!.. Я же знал, что туда начальство пожалует расследовать. Так и вышло. Застали там два самолета, разрисованные, в молниях. Наверно, большие начальники пожаловали. Одного сожгли, а другой, прямо жалко, — успел удрать.

Кравченко вдруг стал озабоченным, почти мрачным:

— Нам теперь надо смотреть! Наверняка японцы с ответным визитом пожалуют. После обеда обязательно будут у нас!..

И он оказался прав. Часа через два к площадкам полка подошло больше чем полсотни японских самолетов. Они пробрались обходом, с тыла, на огромной высоте. Служба ВНОС сообщила об их приближении, когда они были совсем близко. На крайней площадке японские истребители успели на взлете сбить и зажечь одного нашего. Кравченко взлетел, когда японцы уже пикировали на его площадку. Виктор Рахов поднялся вслед за командиром. На взлете у него сорвало шлем, унесло очки. Голубоглазый, с развевающейся гривой золотых волос, Рахов боевым разворотом набрал высоту, не упуская из виду Кравченко. Он решил пожертвовать собой, если командиру будет угрожать опасность.

Наши летчики, отойдя от своих площадок, пристроились к своему командиру, набрали высоту и ринулись на врага. Мгновение назад у врагов были все преимущества: и внезапность, и высота, и было их в два раза больше. Но все они бежали от грозной атаки.

Кравченко ошеломил японского истребителя ливнем атак, принудил ринуться в бегство и, зайдя в хвост, запалил его огнем своих пулеметов. И тут же ринулся на подмогу товарищам. Набирая высоту, он увидел, что наш истребитель уже бьет японца, и, как ни крутится тот,— наш летчик, угадывая махинации врага, неизменно держит его на прицеле и бьет, и бьет.

— Да это же Виктор, мастер ты мой дорогой!

Кравченко восхищается боевой работой своего задушевного друга Рахова. Этот не выпустит вражеский самолет, пусть же сам его и добьет. Ага! Японская машина уже грохнулась о землю, а летчик повис на парашюте.

В степи догорали пять японских самолетов, когда Кравченко вернулся в свою юрту...

II

Его никогда не увидишь унылым. Он жизнерадостен, кипуч. Но есть и еще черта в его характере: неудовлетворенность. Он жизнерадостен потому, что видит и чувствует мощь советского народа, счастлив его великими делами. И неудовлетворен в том смысле, что хочется сделать еще и еще больше, потому что всем своим существом он ощущает величие задач советского народа, строящего коммунизм.

Все это у командира, в душе его, просто и слитно, как стук сердца, как дыхание. Вот он возвращается на аэродром с боевой «прогулки». Около самолета, а потом в юрте, рассказывая о победе, говорит и о промахах. Иногда он остается на аэродроме, а летчики уходят на поиски врага. На командный пункт словно переносится все напряжение боя.

Герой Советского Союза В. Рахов

Командир требует от связистов непрерывных донесений, садится за телефонный аппарат сам. И когда из глубины неба слышен гул и уже снижаются на площадку истребители, он вскакивает за руль автомобиля. «Эмочка» его несется чуть не бреющим полетом. Для него это священно: встретить летчика, разыскать его, если он сел не на своей площадке.

Однажды в жарком бою Кравченко сбил два японских самолета. Потом ушел от целого звена противника на бреющем полете, змейкой, не давая стрелять по себе. Внизу были горы, монгольские сопки. Кравченко увидел, что бензина почти не осталось. Он выбрал лощинку, выровнял машину, в трехстах метрах от земли выпустил шасси и сел. Несколько часов он прождал около самолета, забросав его травой, чтобы не блестел на солнце. Хотелось пить. Он выкурил шесть папирос залпом. Помощь ниоткуда не приходила.

Напряженно продумывая линию полета, Кравченко пытался ориентироваться. Выбрав направление, решил итти пешком к своим. Быстро вышел из сопок. До самого неба во все стороны раскинулась степь, безлюдная, глухая...

Скоро его охватила нестерпимая жажда, стягивало горло. Среди буйных степных трав вдалеке блестело озеро. Он добежал до него, снял сапоги и зашел в воду, чтобы хоть немного освежить горевшие ноги. Зачерпнул ладонями воду и выплюнул ее: вода была горькая, соленая. Вышел на берег и стал обуваться. Но сапоги не лезли на распухшие ноги. Он бросил сапоги и пошел босиком.

Шел целый день и вечер. Ноги были потерты и изранены колючками. Вокруг все та же голая пустынная степь. Он невыразимо страдал от жажды и жары. Звенело в висках, перед глазами плыли зеленые, красные, оранжевые круги. Его мучили миражи. Вечером над горизонтом зловеще пылало оранжевое солнце, а на востоке всходила кровавая луна. В полночь он упал обессиленный и ненадолго уснул. А потом опять шел, весь второй день. Поднялся ветер, набежали тучи, начал брызгать дождик. Он расстелил реглан, на коже собралась вода, и он выпил ее.

Сильно хотелось есть, желудок сжимали судороги боли. Он рвал желтые цветы, жевал и выплевывал. Потом нашел побеги дикого лука и стал их есть. Лук был пронзительно горький, во рту от него горело. Разыскал солодковый корень: над землею ботва, желтенькие цветочки, а в земле корень в палец толщиною. Поел и стало немного легче.

Пронесло тучи, и снова нестерпимая жара. Опять хотелось пить. Он все шел и шел. К вечеру увидел впереди черное пятно. Подумал, что это лужа, добрался до нее и упал на землю. Лужа вся была усеяна мухами. Он руками разогнал их и выхлебал жадными губами воду. Ее было стакана четыре. Пил до тех пор, пока песок не попал в горло. Подождал, когда вновь соберется вода, и выпил ее всю до последней капли. И увидел, как на месте лужи сразу образовалась сухая корка.

Ночью Кравченко уснул среди кочек. Перед зарею сильно замерз и проснулся. Кутался в реглан, вновь засыпал и просыпался от озноба. Утром ноги отказались итти. Страшным усилием воли заставил себя подняться и опять пошел, сняв майку и обмотав ею свои избитые, израненные ноги. В стороне увидел пару дроф. Он экономил патроны своего пистолета, но тут решил их убить. Полз, а сторожкие степные птицы отходили. Он опять полз и опять отходили они. Выругавшись, пошел дальше. И вдруг увидел впереди грузовую машину. Он выстрелил в воздух, но машина, не останавливаясь, ушла. Вскоре он увидел другую машину. Снова выстрелил, и шофер остановился. Обросший, грязный, оборванный и босой, он еле дошел до автомобиля. Шофер взял свое оружие на изготовку.

— Свой, братишка, свой, — прокричал ему Кравченко, протягивая руку.

Шофер дал левую руку, а в правой держал винтовку. Потом

шофер дал попить воды из фляжки. В кузове машины нашлась корка хлеба, и Кравченко жадно съел ее. Подошла легковая машина, остановилась. Оттуда вышел капитан. С нескрываемым подозрением посмотрел он на Кравченко.

— Дайте мне воды и покушать.

— Нет.

— Да я ведь, я...— и Кравченко рассказал о себе.

Командир посадил его с собой в легковую машину, накормил и довез до штаба армейской группы. Кравченко просил доставить его прямо к командующему воздушными силами. Капитан, подозрительно глянув на него, сказал:

— А вот я вас к ответственному дежурному доставлю.

Кравченко вышел из автомобиля и, увидев командующего армейской группой, поспешил к нему. Капитан кинулся было наперерез, но командующий уже узнал героя-летчика.

Потом Кравченко рассказывали, что многие считали его погибшим, но друзья, знавшие его хорошо и видевшие в бою, не верили этому. Кравченко улыбался. Попрежнему светились его лукавые глаза, и ему было уже приятно вспоминать и рассказывать, как шел он по степи, прошел больше сотни километров и все-таки добрался до своих.

После этого Кравченко еще строже требовал, чтобы к приземлившимся летчикам немедленно мчались товарищи.

Был однажды ранен летчик Райков. Он посадил самолет, и его встретили отеческие объятия Кравченко. Командир сам оказал первую помощь Райкову и без пощады распушил замешкавшегося санитарного инструктора. Он сам отправил раненого в лазарет. И на прощанье Райков, преодолевая боль, улыбнулся своему командиру. Это была улыбка большой любви, доверия, боевой дружбы.

...Молодой летчик вернулся из первого боя с пробоинами в крыльях и в хвосте самолета. Взволнованный, он рассказывал:

— На нас насыпались сверху. Я и не заметил, как меня рубануло!

— Самое главное воротился целым. Молодец!— дружелюбно и мягко сказал Кравченко.— Давай-ка, посмотрим пробоины...

Они обошли самолет. Командир безошибочно определял по пробоинам, из какого положения стрелял враг.

— Смотрите, он в хвосте у вашей машины сидел, чуть снизу, пуля с маленьким углом выходила. А вы за хвостом не глядели и от своих оторвались. Так?

— Точно,— согласился летчик.

Кравченко без единого резкого слова, но с внутренним жаром говорил летчику, что сила наших истребителей в спаянности, в боевой дружбе:

— От своих не отходить, смотреть за хвостом машины, охранять товарища. Заметили, что враг угрожает нашему, обязательно летите на выручку.

— Точно,— весело отозвался летчик. И Кравченко серьезно и строго заключил:

— Машины у нас замечательные. Вы знаете, как я люблю нашу технику. Вот овладейте теперь этой техникой и будете непобедимы.

Командир знал, что слова его глубоко врезались в сознание молодого летчика. Он посмотрел вокруг с чувством удовлетворения и помчался к другому самолету, объятый той же заботой, тем же благородным и горячим влечением: поддержать товарища, ободрить его дружеской шуткой и обязательно научить, укрепить его веру в свои силы.

Возникло это неустанное стремление воспитывать людей еще в комсомольские годы, на Днепропетровщине, и стало одной из ярких сторон натуры Григория Кравченко.

III

С командного пункта сообщают:

— Тревога!

Кравченко приказывает:

— Давай ракету! Все в воздух!

И первым поднимает в воздух свой самолет. Истребители пристраиваются к нему — неустрашимому летчику и командиру, верному и нежному товарищу, сердечному человеку Григорию Пантелеевичу Кравченко.

Вот уже точки самолетов исчезли вдали. Голубеет безоблачное небо. Гул моторов звенит издалека. Это командир Кравченко со своими летчиками ищет и бьет врага.

★

★

Летчик-истребитель И. ОВЧИННИКОВ

В ВОЗДУХ, НА ВРАГА!

(Страницы из дневника)

Двадцать второе мая. Начинаю писать этот дневник под крылом своей машины. Сегодня такой день, который останется в памяти навсегда, на всю жизнь. Я только что вернулся из боя. Это был мой первый воздушный бой. Сколько впечатлений и захватывающих переживаний! Хотя бой продолжался всего лишь несколько минут, он запечатлелся в памяти на долгие годы.

Буду последовательно, подробно описывать все по порядку. Вылетали мы три раза. Взлетели по тревоге в шесть утра, потом в 8.30, но самолеты противника исчезали при нашем появлении, и мы разочарованно возвращались обратно.

Близился полдень. Я сидел у телефона и все время думал: неужели так весь день пройдет? И вдруг в телефонной трубке раздается голос:

— Самолеты противника!

В воздух, на врага! Мы летим. Смотрю на часы. Ровно двенадцать. И вот перед нами шесть японских истребителей. По всему заметно, они хотят почтительно ретироваться. Но мы не упустили их, заставили принять вызов. Еще минута, и завязался воздушный бой. Первый бой! Описать переживания невозможно. Разве было время проверять ощущения, когда вот-вот японец уже под хвостом у машины моего товарища. На миг оставляю свою «жертву» и бросаюсь на выручку «ястребку». Японец отлетает в сторону.

Стрельба, сверкание крыльев, рев моторов — все это сливается вместе... Японский истребитель, весь в дыму и огне, падает на землю. Кто его сбил, не известно никому из нас. Голубое небо уже очистилось, и японские машины где-то далеко-далеко. Возвращаемся на аэродром, садимся. Я осматриваю свой самолет и не могу сдержать радости. Ни единой пробоины, ни одной царапины!

Сколько разговоров! Все летчики возбуждены и выглядят так, будто мы вернулись с праздника. Это только начало. Каждую секунду может взвиться ракета и... в воздух!

26 мая. В середине дня полетели на территорию японцев узнать, что у них там делается. На обратном пути неожиданно встретили стаю противника. Завязался большой, ожесточенный бой. В этом бою случилось удивительное событие, какого никогда еще не было за всю историю авиации. Мы находились над японской территорией, когда тов. Забалуеву пришлось сделать вынужденную посадку. Он стоял в траве и глядел вслед удалявшимся самолетам. Что ожидало его на вражеской земле, понятно каждому. На этот случай любой из нас хранит один патрон. Мужество Забалуева хорошо известно любому нашему летчику. Он сделал бы все, что возможно, чтобы пробиться к своим. Но это было далеко от расположения наших войск. Что делать? Для рассуждений не могло быть времени. Два «ястребка» вернулись и пошли к тому месту, где приземлился Забалуев. Грицевец сел возле товарища, а истребитель Полоз все время прикрывал его сверху. Грицевец взял Забалуева в свою машину, взлетел и увез его буквально из-под носа японцев. У нас по этому поводу было большое ликование. В этот день мы сбили 27 японских самолетов.

27 июня. Утром поднялись по тревоге. Летели двумя звеньями. Не успели сделать круг, как над нами показались пять звеньев японских истребителей. Командир покачиванием крыльев дал сигнал начать атаку.

В первую минуту на каждого из нас пришлось по 4—5 японских самолетов. Но никто из боя не выходил. Наши соколики дрались так смело, что противник быстро «расстроился» и стал сдавать. Пулеметная очередь пробила бензобак моей

Герой Советского Союза Л. Орлов

машины. Мотор выведен из строя. Чувствую жгучий укус в правой ноге. Значит, ранен. Выброситься с парашютом? Но ведь они расстреляют меня. И я решил садиться. Мотор не тянет. За мной неотступно следует японский истребитель. Стервятник гонится за мной. Он уже совсем близко. Сверху его прикрывает другой японец. Они хотят убить советского пилота, опускающегося на разрушенной машине. Но это не так легко, как вам кажется, господа. В последнее мгновение я схитрил. Пикируя с двухсот метров, внезапно выровнял самолет. Японец от неожиданности проскочил мимо. В это мгновение я сел, не выпуская шасси. Тут же спрятался за стоявшую рядом грузовую автомашину. Осатаневший японец сделал пять заходов, с упоением расстреливая покинутый мною полуразрушенный самолет. Когда, наконец, он решил, что с советским летчиком все покончено и стал набирать высоту, я вышел из-за грузовика. Следовало обождать и не торопиться. Японец заметил меня, узнал и снова кинулся вниз. Засвистели пули. Я опять подбегаю к грузовику. Японец ни за что не оставил бы меня в покое, если бы в этот момент не появились наши истребители. Японец жестоко поплатился за свою дерзость.

Вскоре я дошел до перевязочного пункта. Сначала не замечал раны, а потом нога раздулась, и меня отправили в госпиталь. Не так больно, как обидно. Но я вернусь обязательно, во что бы то ни стало вернусь.

27 июля. Прошел ровно месяц, я снова среди своих боевых друзей. Сегодня вернулся в часть, представился командиру и скоро (жду не дождусь этой минуты) отправлюсь бить японских летающих гадин. Явился в часть вечером во время ужина. Друзья встретили меня горячо.

29 июля. Начал выполнять боевые задания. Ходили на штурм японских войск. Японцы искусно схоронились в песках. Но, как было условлено, цели нам указывала наша замечательная артиллерия. Мы направились туда, где рвались снаряды. Зашевелились пески, забегали, заметались японцы. В разные стороны кинулись автомашины, повозки... На обратном пути стреляли японские зенитки, но мы все до единого вернулись благополучно. Как выяснилось, штурмовка прошла в высшей степени удачно.

7 августа. Ходили на штурмовку японских войск в районе их скопления. Эскадрилья, которую вел я, должна была итти последней. Когда оказались на месте и наши части пошли на штурм, я заметил, что сверху на нас валятся японские самолеты. Видят это товарищи или нет? Раздумывать некогда. Решил отразить атаку. Мы сразу сбили ведущий японский самолет, а потом еще восемь японских машин.

Героизм и отвага товарищей приводят меня в восхищение. В таком дружном боевом коллективе каждый день чувствуешь, как растут в тебе силы и решимость.

12 августа. В воздухе 90 японских самолетов. Нас тоже немало. В разгаре боя один японский самолет пошел прямо на меня. В лоб! Я не сворачивал. Оставалось 30—40 метров, когда японец не выдержал и взмыл вверх. Мой левый ведомый тов. Стоянов дал по нему пулеметную очередь, и на этом японец кончился!

Сбили 11 японских машин. По оценке командования, бой прошел хорошо.

26 873/3а

В сражениях мелькают дни за днями. Каждый из нас уже сбивается со счета, вспоминая разведки, штурмовки и бои. Сотни разбитых, сожженных японских самолетов лежат в высокой степной траве. Но самое главное еще впереди. Скоро мы окончательно уничтожим японских гадин, очистим от этой летающей нечисти солнечное небо Монголии.

20 августа. Сегодня день всеобщего наступления. Наконец-то! Накануне был митинг. У всех летчиков твердая решимость — бить и до конца уничтожить врага. Летчики озлоблены против наглых японских захватчиков.

— Надо покончить с ними, — говорят товарищи,— быстро и без следа.

Вылетели на рассвете. Японские истребители даже не показались. Наши бомбардировщики беспрепятственно бомбили позиции противника.

Возвращаемся. Туман до земли. Ничего не видно. Густая дымчатая пелена. Сели вслепую. Все машины целы.

Вскоре получили новое задание. Приказано всей эскадрильей разведать силы противника в районе Узур-Нур. Полетели. Обнаружили в лощине танки и автомашины. Мгновенно опустились до двухсот метров, атаковали и зажгли несколько машин. Возвратившись, донесли командованию о резервах японцев.

21 августа. Поднялись по сигналу тревоги. Противник над нашей территорией. Нас трое против пяти японцев. Они — вверху, мы — внизу. Все же одного стервятника сбили. Произошло это таким образом. Японцы пикировали и попытались забраться нам в хвост. Мы в этот момент резко взметнули вверх и встретили врага в лоб. Очередь, другая, третья, и один японский самолет, загоревшись, факелом упал вниз.

22 августа. Летчику сверху великолепно видно, как наши войска последовательно окружают японцев железным кольцом. Скоро им конец, остались считанные дни. Сегодня эскадрилью повел комиссар. У меня открылась «старая» рана. Врач осмотрел меня и сказал, что, видимо, не все осколки были удалены. Нужно срочно заняться раной. В общем в ближайшие дни летать мне запрещено. Как это не во-время! Но я рад, что участвовал в начале генерального сражения. Знаю, своими глазами видел, что летающим гадам до конца осталось недолго.

На этом пока обрываю боевой дневник. Когда потребует Родина, рад услышать приказ: «В воздух, на врага!»

★

★

Б. ЛАПИН, Л. СЛАВИН, З. ХАЦРЕВИН

СЕРГЕЙ ГРИЦЕВЕЦ

Одна за другой садились «чайки». Грицевца еще не было. Вот подрулил Орлов. За ним Коробков, Жердев.

— Где Грицевец? — спросил начальник штаба.

— В небе. Скоро появится.

Действительно, он скоро появился. Смело и осторожно посадив машину, он выскочил на землю.

Навстречу нам, улыбаясь, шел молодой худощавый человек легкой походкой спортсмена.

Он приветливо махал рукой, в которой были полевые цветы. Можно подумать, что он возвращается с прогулки. Впрочем, все отлично знали, что после каждой «прогулки» Грицевца японцы не досчитываются нескольких самолетов.

Весь фронт гремел рассказами о замечательном подвиге Грицевца — о том, как он, снизившись на вражеской территории, спас своего друга и командира — Забалуева.

Почти каждый день над степью происходили воздушные бои, и почти каждый день умножались рассказы о новых подвигах Грицевца.

Мы спросили у одного его товарища: какие самые сильные стороны Грицевца раскрылись во время халхин-гольских боев.

Во-первых, — сказал наш собеседник, — молниеносная находчивость.

Во-вторых, — острая летная наблюдательность. Он как бы предугадывает замыслы противника.

В-третьих, — самоотверженная забота о «соседях». Грицевец приходит на помощь всегда точно, в самую критическую секунду.

В-четвертых, — виртуозность владения самолетом в боевом строю. А впрочем, рассказать об этом невозможно. Если бы вы видели его в деле...

...Мы сидели под крылом его прославленного самолета, и Грицевец рассказал нам историю одного из своих подвигов. При этом лицо его, сухое и сильное, словно обтесанное ветром больших высот и в то же время полное какой-то детской чистоты, с необыкновенной живостью меняло выражение.

— Был у нас воздушный бой с японцами. Не стану вам описывать его. Врага мы потрепали здорово и гнали его далеко. Вдруг замечаю я, что Забалуева нет. А бились мы рядом. Делаю круг, ищу его сначала вверху, потом внизу и вдруг вижу: Забалуев сидит на земле. А земля-то чужая, маньчжурская. От границы километров шестьдесят. На горизонте уже город виден — Ганьчжур. Крыши домов, столбы телеграфные, грузовые машины.

И уже я ничего не чувствую, ни о чем не думаю. Одна мысль у меня: забрать командира и улететь.

Начинаю спускаться. Все время, не отрываясь, смотрю на Забалуева. И вижу: он выскочил из самолета и бежит. Бежит и на ходу все с себя скидывает — парашют, ремень, ну словом, все тяжелое. Бежит с пистолетом в руке.

Мне плакать захотелось, честное слово! Ну куда, — думаю, — ты бежишь? Ну пробежишь сто, двести метров, а дальше? Ведь до границы шестьдесят километров. А там еще пройти через фронт.

Я так думаю: вероятно, он застрелился бы. Не такой человек Забалуев, чтобы даться живым в руки врага.

Рассказываю я это вам долго, а подумать — тысячная доля секунды.

В это время я вижу, что он мне машет рукой: дескать, улетай, не возись со мной! Он, конечно, не знал, что это я. Он думал, какой-то советский летчик просматривает местность и маленько заблудился. Каков Забалуев! Сам он в таком положении, а за другого испугался.

И вот интересно: казалось бы не до этого, а вдруг я вспомнил, как он накануне про своего сынка маленького рассказывал. Чорт его знает, какая-то отчаянная нежность у меня была к Забалуеву в этот момент. «Погибну, — думаю, — а выручу тебя!»

Захожу на посадку и, знаете, так спокойно, на горке, ну словно сажусь на свой аэродром. Рассчитываю при этом так, чтобы сесть возможно ближе к Забалуеву. Тут ведь каждая секунда дорога. Вы не забыли — мы на вражеской территории.

Приземляюсь. Беру Забалуева в створе — так, чтобы подрулить к нему напрямую, не теряя времени на повороты.

Самолет уже бежит по земле. Прыгает. Место кочковатое. Конечно, была опасность поломки. Ну что ж, остались бы двое, все же легче.

А он уж бежит ко мне, на перехват.

Самолет остановился. Момент решительный. Надо было действовать без промедлений, секунда решала все. Беру пистолет и вылезаю на правый борт. Сам озираюсь: не видать ли японцев? Все боюсь: сбегутся, проклятые, на шум мотора.

Забалуев уже возле самолета. Лезет в кабину. Говорить нет времени. Лихорадочно думаю: «Куда бы тебя, дорогой, поместить?» Самолет ведь одноместный.

В общем втискиваю его между левым бортом и бронеспинкой. Вдруг мотор зачихал. Забалуев в этой тесноте захватил газ и прижал его на себя. И винт заколебался, вот-вот остановится. А повернуться ни один из нас не может. Вот момент! Ведь если мотор заглохнет, завести его здесь невозможно!

Но тут я даю газ «на обратно», и самолет у меня как рванул — и побежал, побежал!

Новая беда. Не отрываемся. Уж кажется половину расстояния до Ганьчжура пробежали, а не отрываемся. Понимаете! Думаю: «Только бы ни одна кочка под колесо не попалась...»

Оторвались! Убираю шасси.

Теперь новое меня мучит: хватило бы горючего. Ведь груз-то двойной.

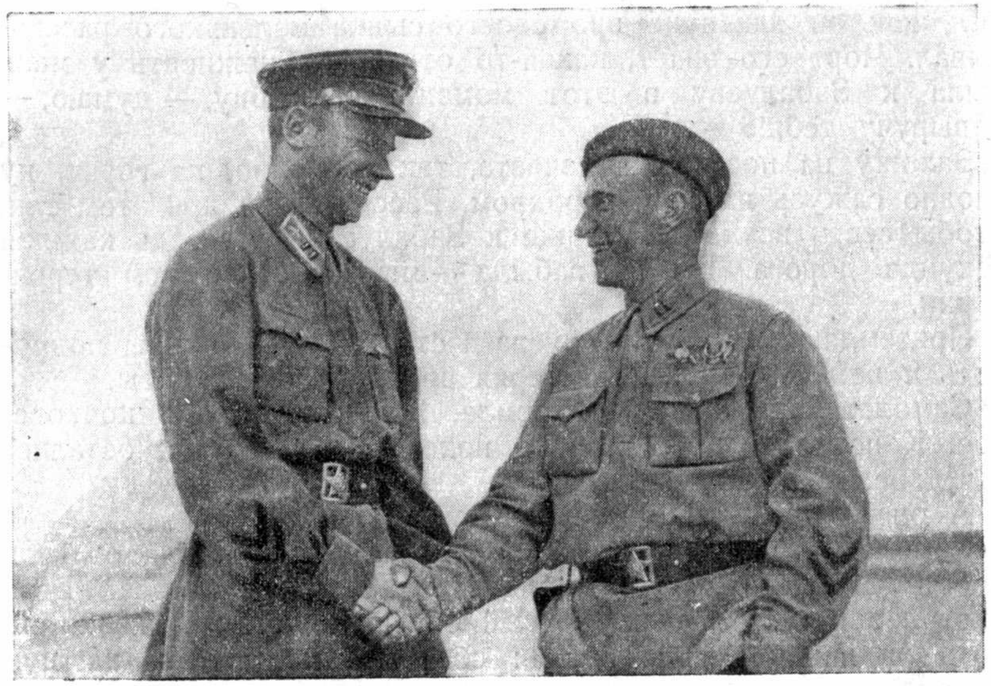
Высоты я не набираю, иду бреющим, низенько совсем, чтобы не заметили.

Таким манером скользим мы над зеленой маньчжурской травой. Как дошли до речки, легче стало. Тут и фронт показался. Взял машину «на набор». Взвились. Ну, чорт побери, как будто выкарабкались.

Нашел я свой аэродром, сел, выскочил.

— Ну, — кричу всем, — вытаскивайте дорогой багаж!

Никто не понял, думали, что японца привез, вот история!



С. Грицевец и В. Забалуев

А когда Забалуев вылез — такой восторг, честное слово! Ведь его в полку страшно любят. Человек он замечательный. И как командир и вообще. И семья у него замечательная. Он меня с ней после познакомил. Я его сынка увидел, про которого, помните, он мне накануне рассказывал.

— Смотри, — говорит мать, — вот дядя, который нашего папу привез. Что надо сказать?

— Спасибо, — говорит мальчик.

— Ну вот, кажется, все...

В один из горячих дней генерального наступления мы были свидетелями большого воздушного боя, происходившего над фронтом. В воздухе находилось более двухсот самолетов.

Было это утром, в ветреный августовский день.

Бой развертывался по вертикали, начиная от шести тысяч метров и до самой земли, где уже дымились обломки нескольких сбитых «японцев».

Подробности воздушного боя были с земли мало понятны. Некоторые самолеты опускались по кривой, уходя за облака, другие делали стремительный разворот, камнем обрушивались вниз, чтобы минуту спустя снова налететь на врага. Время от времени с неба доносился приглушенный расстоянием звук короткой пулеметной очереди. Встретившись и обстреляв друг друга, советские и японские летчики разворачивались — каждый стремился взлететь над другим и «прижать его»

к земле. Внезапно то там, то здесь вспыхивало пламя. На солнце блестела плоскость падающего самолета; через секунду из земли вырывался столб дыма — еще один японский самолет сбит.

В стереотрубу видны были отдельные детали боя. Особенно запомнился нам серебристый биплан какого-то советского летчика, делавший поистине чудеса. Как мы узнали впоследствии, это был самолет Грицевца.

Через два дня мы расспрашивали у Грицевца о подробностях этого боя.

— Про который бой вы спрашиваете? — сказал он припоминая, — про вчерашний? Ах, позавчера! Когда — утром или днем? Было такое дело. Поработали мы с товарищами. Как раз к другу моему привязался японец. Мучит его с хвоста. Я пошел на японца. Встретились мы с ним — лоб в лоб. Он на японский манер переворачивается вверх брюхом и строчит по мне из пулемета. Думал на этом выгадать, да прогадал. Я поднимаюсь выше и бью по нему сверху, в самую его середину. Японец выворачивается и пикирует. Я за ним. Он — в штопор, притворяется, что подбит и падает. Думаю — врешь, не вырвешься! И за ним. Смотрю, он в облачность ныряет. Я тоже. Вылезаю из облака и жму его с хвоста. Сильно жму. Вижу — он падает, на этот раз — по-настоящему. Грохается в землю и горит, как факел.

Этот день был поистине траурным для японской авиации. Советские летчики сбили сорок восемь японских машин. На всех участках фронта валялись разбитые и дымящиеся японские самолеты.

— Денек был интересный... — сказал Грицевец.

Он не докончил фразы.

Из палатки выбежал дежурный и, подняв ракетный пистолет, трижды выстрелил.

Отовсюду сбегались летчики.

— По самолетам!

Шлем на голову. Очки на глаза. Прыжок в кабину, бешеный рев винта — не прошло и двух минут, как Сергей Грицевец во главе своей эскадрильи взвился в воздух.

Через час самолеты вернулись.

— Как слетали? — спросил начальник штаба, раскрывая блокнот.

— Сбито пятнадцать. Наши вернулись все...

Грицевец сбросил парашют и пошел к палатке — легкий, улыбающийся, бодрый, словно действительно он вернулся с прогулки, а не из воздушного боя.

Один за другим к палатке штаба сходились летчики, шумно обмениваясь впечатлениями только что прошедшего боя.

Один из эпизодов воздушного боя. Наш летчик оберегает от японских истребителей своего товарища, спасающегося на парашюте.

С картины худ. П. Соколова-Скаля.

Крепкая, проверенная в опасностях боевая дружба связывала пилотов эскадрильи Грицевца. Этому сильно помогал сам командир. Веселый, непосредственный, прямодушный, он высоко ценил чувство товарищества. Он умел по-настоящему любить и уважать своих боевых друзей. Ему платили тем же.

Отличный «воздушный педагог», он всегда находил точные слова, передавая свой опыт другим.

— В воздухе надо вести себя так же, как на земле — только немного хладнокровней, — сказал Грицевец одному молодому летчику, которого он вводил в бой.

... На фронт пришла телеграмма о награждении халхингольских бойцов орденами Союза ССР.

В списке этом на первом месте стояло имя Сергея Грицевца. Правительство наградило его второй золотой звездой Героя Советского Союза.

— Спасибо, дорогие, спасибо всем, — говорил Грицевец в ответ на поздравления товарищей. — Где поставят мой бюст? Вот не задумывался. А ведь это, знаете, вопрос. Я думаю — в Одессе. Но родился я не там. Где я родился — никто не поставит бюста. Я из Западной Белоруссии, местечко Барановичи. Ведь это у поляков...

Грицевец тогда не знал, что не пройдет и месяца, как родина его будет освобождена и воссоединена с великим Советским Союзом.

Ребенком Грицевец был увезен из Барановичей в Златоуст, где его отец, старый рабочий, служил на железной дороге.

Воспитывался Сергей Грицевец на Урале, в старом заводском гнезде, среди кадровых рабочих, приятелей его отца.

Он с детства мечтал летать. Ловкий белокурый мальчишка вместе с товарищами мастерил деревянные приборы для полетов. Синяки от ушибов не охлаждали летного пыла маленького Грицевца. Это была настоящая страсть.

И действительно, мечта о «воздухе» проходит сквозь всю юность Грицевца. Людям прямой воли и сильных чувств свойственно такое безостановочное стремление к намеченной цели. Грицевец поступил слесарем на завод, стал комсомольцем, а потом и секретарем заводского комитета комсомола.

Работая на заводе, он ни на минуту не забывал об авиации. Он уехал в Оренбург и учился сначала в Оренбургской летной школе, потом в Киевской, потом в Гатчинской, откуда, между прочим, вышел и Валерий Чкалов.

После этого началась простая и вместе с тем удивительная жизнь летчика Грицевца.

Некоторое время Грицевец служил в истребительной авиации на Дальнем Востоке. Уже здесь обнаружились его высокие летные качества. Его яркий талант требовал «шлифовки». Грицевца перевели в одесскую школу высшего пилотажа.

С. Грицевец рассказывает генерал-полковнику артиллерии Воронову и генерал-полковнику танковых войск Павлову о воздушном бое

В труде и в исканиях он вырос в большого мастера летного дела, в виртуозного мастера истребительной авиации.

Вскоре ему случилось применить свое искусство на деле, выполняя специальное задание правительства. Он сделал это так блестяще, так отважно, что был награжден званием Героя Советского Союза.

Затем Грицевец был послан в Монголию.

... В последний раз мы встретились с Грицевцом в один из ясных сентябрьских дней после разгрома японцев. Перемирия еще не заключили. Однако уже два дня не было воздушных боев, и самолеты наши только патрулировали над линией фронта, охраняя границу.

Кое-где на холмах слышались выстрелы. Пехота «прочесывала» сопки.

Следы громадного разгрома виднелись повсюду. Остатки японских штабов, разбитые пушки, остов сгоревшего японского танка, сотни касок, гранат, сумок, бидоны с горючим, ящики сухого спирта валялись на земле. Трупы убитых врагов были присыпаны землей, но не везде. Мы поминутно натыкались в окопах на сраженных японских солдат и офицеров.

Впереди были низкие песчаные холмы и откос с редкими

кустами. Мы шли вдоль лощины, покрытой сочной травой. Позади, за желтой осыпью, виднелась река Халхин-Гол: зеленая осока, купающаяся в воде, луга, увалы.

На вершине холма мы повстречали легковую машину, осторожно двигавшуюся среди бесчисленных воронок, вырытых снарядами. Это была черная «эмка», небрежно прикрытая сверху веревочной сеткой, ради соблюдения необходимой на фронте маскировки.

Дверца машины раскрылась и из нее вылезли четверо летчиков. Один из них был Грицевец.

Летчики приехали сюда осматривать места недавних боев.

— Видите, — образовательная экскурсия, — сказал нам Грицевец, улыбаясь.— Пришли в первый раз поглядеть с земли на места, над которыми каждый день летали. Получили отпуск на полдня. Разыгрываем, так сказать, туристов...

На мгновение он стал серьезным.

— Здесь лежит не один десяток самолетов, сбитых нами. Немного же от них осталось! Груда лома, разбитая плоскость, осколки очков... А летели «уничтожать» советскую армию. Я бы в эти места, действительно, устраивал экскурсии. Всех бы врагов Советского Союза привести сюда поглядеть: смотрите и к нам не пробуйте соваться! Вот так, товарищи!..

Затем он простился с нами.

— Мы скоро, кажется, уедем отсюда. Говорят — достаточно поработали. Ну, до свиданья. Надо думать — увидимся с вами еще не один раз.

★

★

Лейтенант Г. ЛОГИНОВ

В ЗАСАДЕ

С наступлением рассвета мы были уже у своих машин. Наше звено получило срочное задание: уничтожить японский самолет, корректировавший стрельбу артиллерии.

Командир звена кратко объяснил нам задачу. Через минуту — мы в воздухе. Построившись правильным треугольником, взяли курс к месту нашей засады.

Чтобы противник не обнаружил нас с воздуха, летели бреющим. На пути, испуганные нашим шумом, подымались с земли и озер стаи птиц. Две дикие козы стремглав понеслись прочь. Видно было, как сверкают их тонкие желтые ноги.

— Эх, хорошо бы сейчас в утренней прохладе поохотиться!

Но вот командир подает сигнал; значит, место посадки близко. Готовимся к посадке, выпускаем шасси, плавно, всем звеном садимся на площадку. Быстро рассредоточились и замаскировали самолеты.

Площадка, на которой мы сели, находилась вблизи линии фронта, и нам хорошо была слышна орудийная стрельба. Мы зорко следили за воздухом, не появится ли самолет противника. Вдруг с командного пункта по телефону нам передали,

что замечены японские самолеты-корректировщики. Мы уже были готовы к вылету.

Ага! Вот они, появились. Два самолета! Они кружатся над линией фронта, показывая своей артиллерии, куда стрелять.

Мы снова в воздухе. Летим попрежнему очень низко. Достигли линии фронта и тут резко взмыли вверх. Японец ходил примерно на высоте 1 500 метров и нахально следил за нашей территорией. Он долго не замечал нас. Когда услышал шум наших моторов, резким движением сделал переворот и, пикируя, стал удирать. Но не удалось ему это. Мы крепко держали его на трех прицелах. Японский самолет так и не вышел из пикирования. На месте его падения появился большой клуб пыли.

Когда мы находились на обратном пути, то далеко в стороне, на территории противника, увидели второй японский самолет-корректировщик, удиравший во всю мочь.

★

★

М. РОЗЕНФЕЛЬД

РАЗВЕДЧИКИ

Три часа. Вставайте!

Когда кто-то зажег миниатюрную автомобильную лампочку, все летчики были уже одеты. Откидывая кисейный полог и нагибаясь, они один за другим выходили в степь из своей круглой, наполовину зарытой в землю юрты. Потянуло холодным утренним воздухом, запахом степных трав и дикого лука.

Вышедший из юрты последним погасил свет и плотно прикрыл кисейный полог — от комаров. В непроницаемой мгле степи шелестели быстро удаляющиеся шаги. Черное, беззвездное небо, тихий говор невидимых людей, отрывистый треск пробуемого пулемета. И вдруг в одно мгновение на востоке вспыхнуло красное зарево. Степь еще тонула в темноте, а на горизонте уже разливалось багровое пламя и, точно вырастая из земли, вырисовывались силуэты распластавших короткие крылья истребителей. Они стояли на фоне вспыхнувшего неба, как бы стремясь ринуться с места, и, как всадники, по краям стали летчики.

Заря чуть осветила замаскированную палатку командного пункта; сухая трава шуршала на полотнище, и в легком дуновении ветра донесся приглушенный голос дежурного телефониста: «Кавказ слушает... Слушает Кавказ». Так назывался засадный аэродром.

Снова отрывистый, сухой треск пулемета. Быстро подкатила к палатке грузовая машина с горячим чаем. Повар откинул болт, летчики с чашками стали вокруг и, пока рассветало, завтракали, прислушиваясь к голосу телефониста.

— Что-то сегодня будет? — ни к кому не обращаясь, произнес Гринев.—Скорей бы подраться. Холодно, чорт возьми!..

Незаметно взошло солнце, заискрилась степь. Командир молчаливо кивнул пилотам. Летчики разошлись по машинам.

Засадный аэродром расположен в нескольких километрах от фронта. Когда отсюда, с «Кавказа», вылетает истребитель, он через минуту видит блистающую на солнце реку Халхин-Гол, передовые позиции и дым рвущихся снарядов. Минутами исчисляется полет к территории противника, и поэтому летчики «Кавказа» всегда настороже. В любое мгновение могут появиться вражеские самолеты. Кто знает, может быть и сейчас, скрываясь за тучами, несутся длиннохвостые, гудящие, как комары, истребители и бомбардировщики врага. Наблюдатель беспрестанно смотрит в бинокль, и все пилоты, механики, оружейники, даже доктор тоже не отрывают глаз от неба.

— Японец!

Неизвестно, кто первый заметил его. Высоко в небе чуть слышно гудит мотор. Посреди сияющей до боли в глазах голубизны мелькает и пропадает белесая точка.

— Японец. Разведчик. Пять тысяч метров,— разносится вокруг.

Уже взревели моторы двух «ястребков», волны пробежали по траве, и в воздух унеслись Гринев со своим комиссаром. Японский разведчик испуганно скрывается. Наверное, он ничего не успел заметить — так молниеносно взвились в высоту два «ястребка».

Проходит десять минут, и в воздухе снова рев моторов. Самолеты низко проносятся над палаткой и делают посадку. Со шлемами в руках от машин возвращаются Гринев и Ворожейкин.

— Удрал,— делая безразличный вид, заявляет Гринев.— Ну, он не уйдет от нас.

Последнюю фразу командир произносит с твердой уверенностью. Совсем недавно он нагнал и сбил одного японского разведчика — «короля», «аса», который считался неуязвимым и день за днем нагло появлялся над нашими аэродромами.

— Итак, день начался,— говорит комиссар Ворожейкин, оглядывая аэродром.

* * *

Далеко по степи, выстроившись в одну линию, стоят «ястребки». У последнего самолета едва виднеется лежащий

под крылом пилот. Это летчик-истребитель Павел Кулаков. Ему немногим больше двадцати лет. Исключительной храбрости разведчик. Под яростным огнем зениток он хладнокровно обозревает расположение противника и, возвращаясь, с математической точностью излагает свои безошибочные наблюдения. Не раз, летя с разведки, он встречал вражеские истребители, вступал в бой и, как ни в чем не бывало, невредимым садился на свой аэродром. Он молчалив, сдержан, обладает прекрасной памятью, но не помнит, в скольких боях участвовал за последние дни. В руках у него книга. Он удобно лежит на боку под крылом своего самолета. Раздается сигнал — летчик заложит страницу, и через три минуты его руки, которые держали том романа, прильнут к пулемету и пушке.

Невдалеке от Кулакова, тоже под крылом истребителя, — Николай Молтенинов. Он лежит на траве, с любопытством подбрасывая на ладони камешек. Позавчера в бою его настигла японская зенитка. Загорелся мотор. Пламя охватило машину. Рассчитав секунды, Молтенинов перетянул горящий самолет через реку и, очутившись над своей территорией, выпрыгнул с парашютом. Сегодня у новой машины он ждет боя. Рядом с ним стоит истребитель Фунтова. Недавно во время разведки они вдвоем обнаружили в неожиданном месте вражеский аэродром. Не успели японцы опомниться от внезапного появления советских разведчиков, как те вернулись обратно, но уже не одни, и сожгли все самолеты, находившиеся на этом аэродроме.

Вот разведчик-истребитель Василий Терентьев. Когда его спрашивают о боях, он подзывает своего техника и просит просмотреть запись. Аккуратный техник Бабец ведет дневник, состоящий из одних цифр.

— Да, забыл,— спохватывается Терентьев,— записан тот, что я сбил вчера?

— Конечно, нет,— с досадой отрезает техник,— вы всегда забываете.

Всего полтора месяца назад Терентьев впервые участвовал в воздушном бою. При первом же вылете на него сверху и снизу напали четыре японских истребителя.

Избрав «жертву», Терентьев сбил одного, и когда японец, задымив, косо скользнул вниз, точно град забарабанил по машине Терентьева. Ринувшись в штопор, летчик искусно сделал вид, что падает, и японские истребители отстали. У самой земли выровняв самолет, Терентьев благополучно вернулся на аэродром. Техник Бабец, направившись к машине с карандашом и тетрадкой, сосчитал восемнадцать пробоин.

Один раз Терентьев летал по заданию в указанный командованием район и обнаружил танки. Но это были странные

В перерыве между воздушными боями

машины, не похожие на обычные танки. Для проверки Терентьев полетел второй раз. Находясь под огнем зениток, он спустился ниже и рассмотрел, что это макеты танков. Здесь была устроена ловушка. Японцы, спрятав зенитки, ждали, что разведчик приведет сюда бомбардировщиков, и тогда будет чем поживиться. Осколок снаряда попал в бензобак, но Терентьев сумел дотянуть машину до своего аэродрома.

* * *

Полдень. Жара. Командир Гринев, присев на корточки у палатки командного пункта, недоуменно говорит своему комиссару Ворожейкину:

— Не правда ли, странный день? Тихо...

Зато вчера было горячо. Вчера Гринев получил экстренное приказание: вылететь к району озера Узур-Нур и во что бы то ни стало разведать место концентрации войск противника. Полет был чрезвычайно опасен. В районе этого озера японцы установили много зениток. С большой высоты ничего не увидишь, а низко, пожалуй, не спустишься.

— Действуйте каким угодно методом,— было приказано по телефону,— но разведайте и уточните.

Через минуту к Узур-Нуру вылетели: командир, комиссар, летчики Шинкаренко. Молтенинов, Кулаков, Терентьев и Комоса.

Пролетели к Узур-Нуру за облаками и, неожиданно вынырнув из-за солнца, прошли над противником бреющим полетом. Ураганом пронеслись разведчики над головами растерявшихся японцев. Ни одна зенитка не успела прицелиться и выстрелить, а Гринев с отрядом уже успел увидеть не менее двухсот автомашин. Терентьев заметил легковой штабной автомобиль и погнался за удирающими штабистами, а водители и «пассажиры» двухсот машин в ужасе разбежались во все стороны. Огонь, столбы взметенного песка, дым, разрывы снарядов — все осталось позади. Разведчики улетели, и вскоре Комоса привел сюда полк истребителей.

На обратном пути Гринев и Ворожейкин обнаружили штабной «Дуглас» противника. Командир с комиссаром подожгли огромный самолет и улетели тогда, когда в траве дымился только один хвост...

— Странный сегодня день,— повторяет Гринев,— очень странный. Представляю себе, как скучает Комоса.

* * *

Анатолий Комоса — гордость «Кавказа». Это едва ли не самый молодой летчик-истребитель. За один месяц он занял видное место среди первых храбрецов «Кавказа». В первом бою Комоса участвовал, когда в воздухе сражались сто двадцать японских самолетов и девяносто шесть наших истребителей. Он опустился на аэродром, расстреляв все патроны. В этом бою был сбит тридцать один японский самолет. С тех пор Комоса дерется, как орел, поражая храбростью даже своих бесстрашных друзей.

Вчера Комоса пережил захватывающее приключение. Он летел на разведку. Было облачно и пасмурно. Пробив облака, Комоса «высунулся» и увидел, что вокруг кишмя кишат японские истребители. Нырнув вниз, Комоса заметил эскадрилью своих «ястребков» и быстро пристроился к ней, но в этот момент налетели японские стервятники. Комоса ринулся на одного из них, дал две очереди из пулемета и с изумлением увидел, что японец выбрасывается с парашютом. В чем дело? Самолет японца как будто невредим. Но вдруг падающий самолет вспыхнул. Теперь стало ясно: летчик заметил дым в кабине. Итак, один готов. Однако в бою торжествовать некогда. В следующую секунду Комоса заметил, что к одному из товарищей подбирается японский истребитель. Комоса бросился на выручку. Японец попытался скрыться в облаках, но потерял направление и пошел в глубь нашей территории. «Закружился,— решил Комоса,— теперь он мой».

Комоса гнал противника тридцать километров, намереваясь посадить его у Хамар-Дабы, на виду у штаба. Но у самой

Хамар-Дабы японец с неожиданной ловкостью вывернулся и полетел назад, к синеющим маньчжурским сопкам. Уйдет? Этого не мог допустить Комоса. Короткая, но меткая очередь из пулемета. Японский летчик выбрасывается с парашютом. Самолет извивающимся факелом упал вниз и врезался в землю. Быстро приземлившись, японский летчик отстегнул пояс, сбросил парашют и побежал. Нужно взять его в плен. Но как быть? Садиться? Японец успеет убежать. С секунду подумав, Комоса сделал несколько выстрелов зажигательными пулями и поджег траву впереди японца. Теперь его надо взять. Набрав высоту, Комоса увидел невдалеке трех кавалеристов-цириков и грузовую автомашину. Выключив мотор, Комоса пролетел близко от цириков, качнул крыльями и крикнул:

— Давай сюда!

Цирики понеслись вскачь, а Комоса снова полетел к своему пленнику. Каково же было его изумление, когда возле спаленной травы он увидел японца, лежавшего с раскинутыми руками. «Неужели я его подстрелил?» Комоса, недоумевая, низко пролетел над распростершимся японцем. И вдруг «труп» ожил, вскочил и выстрелил в самолет из маузера. Напрасная попытка! Прискакали цирики, подъехала машина, и японский летчик был взят в плен.

* * *

Сегодня Комоса скучает. Но долго ли он будет лежать под крылом? Вот телефонист зовет Гринева и передает трубку. Отрывистое «есть», и Гринев, откинув полотнище палатки, велит дежурному позвать Комосу и Фунтова. Короткий разговор, рев моторов и буря под колесами «ястребков». Комоса и Фунтов улетают. Ровно через полчаса они возвращаются обратно, мельком осматривают свои машины — пробоин нет. Направляются к командиру. Они летали в указанный район. Странное, загадочное дело. Среди холмов стоял самолет. Как только летчики снизились, отовсюду раздались выстрелы зениток. Ловушка. Комоса, стреляя из пулемета, низко прошел над мнимым самолетом и точно выяснил, где вокруг ловушки хоронятся замаскированные зенитки.

— Отлично,— бросает Гринев, выслушав донесение, и спешит к телефону.

Две минуты разговора, и ракета взлетает в воздух. За ней в солнечное небо уносятся «ястребки» разведчиков. Аэродром пустеет. В наступившей тишине отчетливо слышится голос телефониста: «Кавказ слушает... слушает Кавказ...»

«Ястребки» возвращаются и опять улетают. До захода солнца в воздухе стоит рев моторов.

★

★

Лейтенант И. ГЕЙБО

СКВОЗЬ ВРАЖЕСКИЕ ЦЕПИ

Стоял жаркий безоблачный августовский день.

Укрываясь от палящего солнца, мы расположились под крыльями грозных скоростных машин. Сегодня еще не было ни одного боевого вылета. Наши истребители находились в безукоризненном состоянии, в полной готовности, но техники и механики еще и еще раз осматривали их.

...В 16 часов на командном пункте подразделения дежурный поспешно поднял белый флаг. Это означало: подвесить «гостинцы» (бомбы). Через десять минут летный состав получил задание. Оно было короткое и ясное: пройти на восточный берег реки Халхин-Гол и разбомбить неприятеля. Командир подразделения, капитан Григорий Васильевич Бойченко — любимец летчиков-истребителей,— коротко и четко объяснил, как будет проведена операция.

Военный комиссар Фома Иванович Тихомиров сказал:

— Наш священный долг — выполнить боевое задание так, чтобы командование сказало: «Отлично, товарищи!».

«По самолетам!» Взвилась красная ракета, за ней вторая, и мгновенно гул моторов нарушил покой монгольской степи. Через две минуты все самолеты подразделения были в воздухе. Так же быстро поднялись и другие подразделения. Пристраиваясь к нам, они занимали положенные места в общем строю.

Более ста боевых экипажей поднялось в воздух.

Вдали блеснула извилистая река Халхин-Гол, а за ней уже виднелись серые пятна песчаных барханов, изрытых окопами и траншеями. Там было логовище японских захватчиков..

Мы заходили со стороны солнца. Вражеская зенитная артиллерия открыла ураганный заградительный огонь, пытаясь не пропустить наши самолеты к цели. Но, пробившись сквозь сплошные разрывы, эскадрилья за эскадрильей стремительным и неудержимым пике обрушивались на скопления вражеской пехоты, поливая ее пулеметным огнем, забрасывая бомбами. Позиция японцев стала напоминать растревоженное осиное гнездо. Враги, объятые паникой, начали разбегаться. Да некуда было укрыться от нашего огня. Запылали костры от подожженных машин.

Под командой наших славных дважды орденоносных — командира Зайцева и комиссара Миронова мы пошли во вторую атаку, чтобы нанести еще один сокрушающий удар по врагу.

В этот момент прикрывающая группа наших истребителей завязала воздушный бой с японскими истребителями, пришедшими с опозданием на выручку своей пехоте. С левой стороны шло звено Ивана Карцева. С ним были летчики-комсомольцы Николай Кишкин и Евгений Петров.

Во время выхода из второй атаки на звено напало девять японских истребителей. Не в духе Карцева было отступать. На высоте 800 метров завязался неравный бой. Положение было чрезвычайно тяжелое.

Карцев находился в полном окружении вражеских самолетов, к тому же на территории противника. — «Победить или умереть!» — решил отважный командир. Карцев развернул машину и стремительно повел ее на одного из стервятников. Дал очередь, но японец ушел от атаки. В этот миг второй японский самолет, приблизившись, открыл огонь. Карцев еще раз мгновенно развертывает свой «ястребок». Сблизившись до 100 метров с противником, он нажимает гашетки всех пулеметов, и огненная струя режет японца по мотору и кабине. Самолет противника метнулся кверху и, потеряв скорость, свалился на крыло. Ага! Один есть!

В этот миг другой вражеский летчик, подкравшись, дал очередь. Пули стали пронизывать кабину, разрушая приборную

доску. Обожгло правую ногу. Значит, ранение. Из пробитого бака фонтаном брызнуло масло, заливая лицо. Сбросив очки, Карцев увидел рядом двух круживших японцев. Один из них пытался повторить атаку с хвоста. Карцев стал маневрировать, стараясь оттянуть бой на свою территорию. Масло хлестало из бака, мотору грозила опасность. Вот еще раз бросился сверху японец, и пули просвистели где-то около мотора.

Иван Карцев ринулся на выходящего из атаки японца, дав длинную очередь. Это была последняя очередь. Запахло гарью, и длинный язык пламени вырвался к стойке крыльев, лизнул по фюзеляжу. Сжалось от досады сердце пилота. Но дальше драться нельзя. Надо покидать машину.

Не прошло и полсекунды, как летчик очутился один в воздушном пространстве на высоте 800 метров. Вдруг тревожная мысль резнула мозг: «Со мной ли парашют?» Рука машинально потянулась к вытяжному кольцу.

Рывок за кольцо. С выхлопом вырвался белоснежный купол шелкового полотнища. Высота 200, 150 метров. Тишина — земля близко. Сверху кружится враг. Карцев раскачивался, подобно часовому маятнику, под огромным белым куполом. Приземляться было опасно. За пять-шесть секунд следовало определить: чья тут территория и кто будет встречать на земле — свои или чужие. Надо было еще достать револьвер...

Вскочив на ноги и поспешно освобождаясь от строп, Карцев стал осматриваться. Ага! Вон там река! Значит, там наши, туда и надо бежать. В этот момент на расстоянии 100 метров показалась группа японцев. С криком «банзай!» бежали они, держа винтовки наперевес. В ту же секунду с нашей стороны застрочил пулемет.

Японцы залегли, открыв ружейный огонь. Наш пулемет не унимался. Разом застрочили пулеметы с обеих сторон. Вдали ухнула пушка, пронесся снаряд. Дрогнула земля от взрыва. Карцев бежал к своим. После первых же шагов кольнуло острой болью правую ногу. «Все равно, добегу!.. Еще сто метров», — и он, как сноп, свалился на дно песчаного окопа. Свои!..

Тотчас же к летчику подполз боец, поспешно снял с него сапог, отрезал штанину и перевязал сочившуюся кровью рану. Через минуту они уже ползли вместе, прижимаясь к земле.

С утроенной силой строчили пулеметы. Разразилась артиллерийская канонада. Переползли небольшую песчаную складку.

— Здесь безопасно, двигайся один, а я вернусь, — сказал боец.

— Куда? — удивился Карцев.

— Заберу парашют. Не пропадать же ему, еще пригодится.

Через час, умывшись и отдохнув, Иван Васильевич Карцев

сидел, окруженный плотным кольцом бойцов и командиров. Рядом лежал его парашют. Бойцы наперебой рассказывали летчику, как сегодня били японцев на земле. Подъехала санитарная машина. Вскоре Карцев был уже на западном берегу реки Халхин-Гол...

Никакие уговоры, советы и даже угрозы врачей, посылавших Карцева в Сочи, не могли подействовать.

— Хочу вместе со своими боевыми товарищами бить врага! — упорствовал летчик.

Он вернулся в свою эскадрилью такой же веселый и жизнерадостный, как и раньше, и получил боевую машину.

Старший лейтенант И. АРХИПОВ

МОЯ ПЕРВАЯ БОМБАРДИРОВКА

День был без единого облачка на небе. Для авиации, особенно для высотной, прекрасный день.

Еще с самого утра (а здесь мы вставали, как правило, в три часа ночи) мы ознакомились с обстановкой на фронте и с предстоящей задачей. Противник засел в укрепленном районе, где трехэтажные окопы были зацементированы до 10 метров в земле. Нашим наземным войскам трудно было штурмовать такие позиции. Нам выпала честь помочь пехоте в этом деле.

В небе загорелась, ярко освещая все вокруг, зеленая точка, будто электрическая лампочка в зеленом абажуре. То была сигнальная ракета с командного пункта: «По самолетам!» Завертелись винты самолетов.

Вскоре я взлетел, по счету пятым, и занял свое место в строю. Мы шли во второй девятке в кильватере курсом 91°. Набирая высоту, я видел, как пробегали внизу зеленые ковры

монгольских степей. Кое-где мелькали юрты. От гула наших моторов, точно цыплята от ястреба, рассыпались овцы.

Вот и Тамцак-Булак, одно из селений Монголии. Отсюда мы должны взять курс на цель. В боевое время разговаривать некогда. Нужно точно выполнять приказ, выдержав время выхода на цель. От этого зависит очень многое. Если запоздать, скажем, на десять минут, наземные части могут уже занять район цели. Тогда наши бомбы не окажут помощи и даже могут причинить большой вред.

Не доходя до реки Халхин-Гол (линия фронта была восточнее реки на 25—30 километров), я заметил, что ведущая девятка делает левый разворот. За нею развернулись и мы. Думаю, зачем бы это? Неужели изменена цель? Однако, когда мы сделали полный вираж, я понял, что нужно было оттянуть время. Мы пришли немного раньше намеченного в приказе времени, а это столь же опасно, как и притти с запозданием.

Но вот мы снова легли на курс. Прибор показывал 5 600 метров высоты. Я включил кислород. В это время раздался голос штурмана:

— Пролетаем над фронтом!

Штурман смотрел на меня в стекло, соединяющее наши кабины. Я кивнул головой, показывая, что понял его.

Стал еще тщательнее наблюдать за строем, за воздухом. Быстро взглянул на приборы: альтиметр показал 7 700 метров. Вскоре заметил внизу, намного ниже нас, около двадцати истребителей противника. Они носились из стороны в сторону, как угорелые, кувыркались вверх колесами. Но подняться выше, видимо, не могли. Сообщил об этом штурману.

Вдруг впереди нас появились один за другим клубки дыма, похожие на раскрывшиеся парашюты, только не белого, а черного цвета. Сзади — то справа, то слева — стали возникать клубки синего дыма. Я понял, что это разрывы снарядов зенитной артиллерии. Огонь зениток охватывал нас кольцом. В это время я увидел, что у ведущего открылись люки. Крикнул штурману, чтобы он тоже приготовился бросать бомбы. Еще несколько секунд, — и почти одновременно со всех самолетов посыпались черные бомбы, напоминавшие стаю грачей. Бомбы разного калибра — и малые, и большие — полетели на врага.

Штурман дал еще на прощанье пару очередей из пулемета по истребителям противника, носившимся внизу. Попасть на громадном расстоянии было трудно. Но он действовал правильно, опробовав на всякий случай пулеметы на высоте. Потом штурман крикнул:

— Разрывы впереди нас, отворачивай левее!..

Я точно выполнял все его указания. Во время одного из отворотов самолет неожиданно пошел книзу и перестал быть послушным в управлении. Видимо, недалеко от нас был разрыв. Уж не прямое ли попадание? Осмотрел одну плоскость, потом другую, ожидая огня. Но, к счастью, все оказалось в порядке. Машина быстро выровнялась и пошла, повинуясь во всем воле летчика.

В эти минуты все подразделение выходило из зоны зенитного огня, отворачивая, как и мы, то вправо, то влево.

Потом наша девятка сомкнулась в строй, что является самой надежной защитой от истребителей противника. Враг не решился нас преследовать.

— Жаль, все-таки! Хорошо было бы опробовать пулеметы по настоящей цели, — смеясь сказал штурман Лоскутов.

В этот день командование фронта поздравило нас с отличным выполнением первого боевого задания.

★

Вл. СТАВСКИЙ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В. КАЛАЧЕВ

Между невысокими округлыми сопками лежит ровная долина. На склоне сопки неясно виднеются врытые в землю палатки командного пункта истребительного полка. Здесь тихо, летчики спят. В долине у грозных самолетов всю ночь кипит работа. Техники, механики, мотористы внимательно осматривают самолеты, приводят их в боевую готовность.

На востоке ширится зеленая, светлая полоса. Звезды сияют ярко и чуть тревожно. В долине ревут моторы. Это проверка. Оружейники заряжают и пробуют пулеметы. Вот прозвучала короткая очередь. Голубые мечи огня рванулись из стволов пулеметов, и в предрассветных сумерках блеснули снопы светящихся зеленоватых пуль.

Комиссар полка Калачев осторожно приподнимается с постели, быстро и бесшумно одевается, остерегаясь потревожить сон летчиков. До подъема еще около часа — это самый сладкий и крепкий сон.

— Гони, гони, гони! — шепчет во сне Виктор Рахов, самый молодой летчик в этой палатке, любимый, сердечный друг Калачева.

И комиссар, нежно улыбаясь, выходит из палатки. Уже алеет зорька. Синеют степные травы. Комиссар сбегает по склонам к самолетам, разговаривает с инженерами и техниками. Он пристально всматривается в обожженные солнцем лица.

Все они горят на работе. Ни одного вялого жеста, ни одного хмурого взгляда. И Калачев улыбается, охваченный светлым чувством уважения и симпатии к этим людям. Он обходит все самолеты. Над сопками нестерпимо ярко вспыхивает солнце, и сопка, и степные просторы, и долины словно загораются ликующим светом.

Над командным пунктом с шипеньем взлетает белая ракета, через мгновение взлетает другая — красная. От палаток бегут к самолетам летчики. С непостижимой быстротой мчатся и действуют стартеры. Вот уже ревут моторы. Летчики, застегнув парашюты и нахлобучив шлемы, проворно залезают в кабины самолетов.

Первым срывается с места самолет командира Кравченко. За ним по густой высокой траве стремительно пробегают и взмывают в голубую лазурь остальные истребители. Набирая высоту, они описывают широкий круг над долиной. Одна за другой из-за сопок подходят эскадрильи. Командир Кравченко покачивает свой самолет с крыла на крыло, и эскадрильи послушно пристраиваются к нему.

Полк ложится на курс, прямо на фронт, навстречу японцам. Комиссар Калачев смотрит вслед. В светлых и строгих глазах его отражается небо. Тело его подалось вперед, словно он сам летит за истребителями. Самолеты уменьшаются, тают в глубине неба. Калачев в волнении сжимает руки, лицо его морщится от боли. Он забылся, и рана в плече от разрывной вражеской пули, рваная глубокая рана, сразу напомнила о себе. Превозмогая боль, Калачев спешит к командному пункту. Начальник штаба докладывает, что разведка обнаружила за озером японский аэродром и самолеты на нем. Вся часть вылетела громить японцев на их же аэродроме.

Комиссар очень ясно представляет себе: товарищи уже пронеслись над серебряной лентой реки, сейчас обходят стороной зенитки противника, а вон впереди голубая чаша озера.

Калачев заходит в палатку. Край ее приподнят. Веет легкая утренняя прохлада. Дежурные телефонисты сидят, не отнимая трубок от уха. Оттуда, с линии фронта, слышатся непрерывные сообщения. Телефонисты повторяют вслух:

— Шум моторов на северо-востоке...

Герой Советского Союза В. Калачев

— Показались истребители...

— Завязался бой...

— Наших меньше...

В сердце Калачева пахнуло острым холодом. Вокруг него собираются встревоженные товарищи. Кто-то яростно шепчет:

— Товарищ комиссар, почему же наших меньше, а где же вся наша моща?

— Наша моща сейчас подходит, — спокойно говорит комиссар Калачев. И все становятся спокойнее.

Светлые глаза комиссара невозмутимы и добры. Он старательно приглаживает длинные русые пряди волос, непослушно спадающие на высокий лоб, как будто это больше всего на свете занимает его сейчас. А в глубине души кипит, перекипает волнение и тревога за товарищей. За всех друзей, которые там, в бою. Как же долго тянутся, как томительны минуты ожидания. Воображение уносит комиссара туда, в небо, где идет бой.

Все волнуются и томятся так же, как комиссар Калачев. Он заставляет себя думать о другом. Он подзывает к себе секретаря парторганизации и расспрашивает его — добился ли он своевременной доставки к самолетам газет и журналов; всем ли товарищам известно теперь, что можно давать рекомендацию боевым летчикам для вступления в партию и в тех случаях, когда рекомендующий знает рекомендуемого меньше года, но узнал его в боях.

Комиссар Калачев вспоминает про любимого своего друга Виктора Рахова. Встретились они только здесь, в районе боевых действий. Узнал он его в боях и в ночных беседах. Ну как же не дать рекомендацию боевому другу, с которым не раз смотрели смерти в глаза и отбивали у смерти один другого тоже не раз!

Из бескрайнего синего неба доносится победный шум моторов. Калачев сбегает в долину к месту посадки. Один за другим приземляются истребители. Подскакивая на траве, они бегут все медленнее. Летчики дают газ и выруливают машины по своим местам. Калачев уже проверил и пересчитал всех — все вернулись, все хорошо. Он добегает до машины Кравченко. Тот, не снимая шлема, перегибается через борт кабины. Зеленоватые веселые глаза его хитро поблескивают. Комиссар не спрашивает. Это уже обычай. Летчик, вернувшийся из боя, немедленно рассказывает товарищам обо всем.

* * *

У палатки командного пункта полка жаркие разговоры. Летчики рассказывают о подробностях боя. Дежурные телефонисты принимают донесения с площадок эскадрилий, доносят, что не вернулось трое, но они, очевидно, сели в степи...

Два молодых летчика вернулись с десятками пробоин на самолетах. Комиссар Калачев мчится на «эмке» в эскадрилью.

Он с привычной быстротой поворачивается, оглядывая небо в поисках самолетов — своих и чужих.

«Кто же там не вернулся? Не может быть, чтобы сбили»,— думает комиссар и вновь еще пристальнее вглядывается в небо.

Он сворачивает на площадку эскадрильи, подъезжает прямо к самолетам, у которых уже хлопочут техники, мотористы,

оружейники. Они показывают ему пробоины в крыльях и фюзеляже. Светлые глаза комиссара строги и серьезны.

Палатка молодых летчиков стоит поодаль на берегу степного соленого озерка, у густой гривы камыша. Комиссар откидывает полог из марли и входит в палатку. Летчики в одних трусах отдыхают на койках. Тут очень душно.

— Что закупорились? — спрашивает комиссар.

— А комары-то! — с притворным ужасом восклицает молодой, совсем еще юный летчик-истребитель.

У него светлые рыжеватые волосы, белая кожа чуть тронута загаром — новичок. Это он вернулся сегодня избитый.

— Вы на восьмерке летали? — спрашивает комиссар.

— Да.

Деликатно и в то же время строго комиссар говорит, какие ошибки допустил в воздушном бою этот летчик. По направлению и характеру пробоин комиссару ясно, как подходили, даже с какой дистанции стреляли враги.

Летчики с недоумением глядят на комиссара.

— Вы видели наш бой, с земли наблюдали? — спрашивает один.

— Это за сотню-то километров? Глаза мои так далеко не берут! — усмехается комиссар и добавляет. — Сам испытал, меня вот так же раз обвели вокруг пальца!

В расстегнутом вороте его гимнастерки виднеется белая повязка. Молодые летчики глядят на комиссара, на перевязанное плечо. Они ближе подсаживаются к комиссару. Не спеша он рассказывает им о своих боях.

Он говорит о священных для нашего летчика-истребителя законах: в небе не ждать, а искать и уничтожать врага, не отрываться от своих, охранять хвост товарища и в беде бросаться на выручку к товарищу.

Комиссару приходится рассказывать о летчиках — товарищах, о себе. Он рассказывает, что в их жизни было время, когда не было боевого опыта, нехватало порой нужной организованности, и враг пользовался этим.

Искусству боя, умению побеждать врага малой кровью учились у летчиков с боевым опытом, у героев. В бою они были впереди. Они учили каждого. В воздушных схватках многих они спасали от вражеских пуль, от смерти.

Между опытнейшими летчиками Советской страны и молодыми родилась, окрепла, стала нерушимой боевая дружба. Комиссар Калачев многому научился у героев, особенно у Григория Кравченко, командира полка.

Первый бой вспоминается комиссару, как что-то необъятное и маловразумительное. Но уже во втором бою комиссар Калачев, увидев, что японский самолет заходит в хвост товарища, кинулся на врага. Поймав в прицел противника, он нажал

гашетку общего спуска, увидел огонь своих пулеметов и рухнувшего вниз врага.

На земле у комиссара были важные дела, он сознавал свою ответственность и работал охотно и легко, а в душе жило, пламенело неистребимое желание снова вздыматься вверх, в воздух, искать и разить врага...

Вот и сейчас, беседуя с молодыми летчиками, делясь боевым опытом, разбирая их ошибки, комиссар Калачев вновь переживает все это остро и сильно, а в словах его звучит огромная сила убеждения, страсть большевистского сердца.

Комиссар удовлетворен, он знает, что его слова не пропали даром.

Вечерами, когда уже кончилось летное время, когда на степи падают синие сумерки, возле комиссара Калачева всегда людно и шумно.

Приезжают политработники, секретари партбюро. Приезжают и приходят товарищи — летчики, техники, оружейники, мотористы.

Каждый знает, что комиссар решит любой вопрос. Каждый знает, что у комиссара Калачева он найдет и привет и тепло большевистской дружбы.

Он умеет и любит слушать товарищей. Это очень важно: выслушать отзывчиво и заботливо товарища, у которого накипело, которому надо высказаться, разрядиться.

Бывают тяжелые минуты: весть о потере, весть о несчастье дома. И с этим летчики идут к комиссару. А у него в Ленинграде старая мать, любимая трепетно и нежно. Ему уже двадцать девять лет, он холост. Он любит в короткие, мимолетные мгновения досуга послушать песню.

Однажды, — еще не зажила у Калачева рана,— врагу удалось близко подойти к аэродрому. Коварно пробравшись с тыла, японские самолеты напали на наши площадки. Когда ударили тревогу, комиссар Калачев кинулся к боевой машине. Механик умоляюще показал на плечо. Комиссар остановил его строгим жестом руки. Он осторожно забрался в кабину самолета и ринулся в бой. Это был страшный бой для врага. Не помогли ему ни коварство, ни внезапность нападения, ни преимущество в высоте.

Летчики вспоминали:

— Мы видели комиссара в бою. Как он дерется, как дерется! На наших глазах сбил вражеский самолет, зажег и проводил до самой земли, пока дым столбом не ударил.

Комиссар Калачев провел свыше двадцати воздушных боев, он сбил восемь вражеских самолетов. У него бессчетное количество боевых друзей и слава Героя Советского Союза.

★

★

Старший лейтенант А. МОРКОВКИН

НЕМЕРКНУЩЕЕ ПЛАМЯ

Михаила Ююкина я запомнил навсегда. Этот удивительный человек был прекрасным летчиком и отличным комиссаром. Приехал он к нам в часть прямо со скамьи Военно-политической академии. Там заканчивал он свое военное и политическое образование, но пожелал участвовать в битвах, которые вела его страна с наглыми захватчиками.

Замечательный практик военного дела, он, бывший парнишка из деревни Милушкинской, сочетал свой военный опыт с непоколебимой и глубокой идейностью. Таким узнали Михаила Ююкина и мы, его товарищи по бомбардировочной эскадрилье далекой пограничной части. С первого же дня мы определили, что наш молодой комиссар — образованный, знающий, культурный человек, и, несмотря на это, несмотря на общее к нему глубокое уважение, в частных беседах то один, то другой из нас любовно называл его просто «наш Миша».

Был этот голубоглазый, приветливый, веселый товарищ действительно «наш», — и прошлое его было схоже с нашим,

и товарищеская простота и забота в обращении, и то, что жизнь нашей эскадрильи была и его личной, самой кровной его жизнью. И все-таки я, как и все товарищи нашей части, прекрасно понимал, что самое главное в нашем комиссаре — это глубочайшая преданность тому делу, за которое он так героически боролся, преданность великому делу коммунизма. Приведу хотя бы те строчки из его дневника, которые набросал он накануне отъезда сюда, к нам. Ознакомиться с ними удалось мне случайно...

«Только в борьбе, в действии проверяет себя коммунист до конца. Вот почему я радуюсь, что и меня ждет такая же проверка. Сейчас ночь. По радио с Красной площади передали бой кремлевских часов, а перед этим было слышно, как шумела великая площадь. Буду я слышать эти родные звуки и там, в далеких степях...

Это живет, это трудится родная моя столица... Рыцарские клятвы, конечно, ни к чему, но в одиночестве сейчас размечтался — и захотелось кому-то на прощанье сказать только одно: товарищ Ююкин перед лицом родной страны выполнит свой долг.

Выполнит так, как подобает его выполнить комиссару, коммунисту, сталинскому летчику...»

И Михаил Ююкин сдержал свое слово.

* * *

В полуденный зной, когда над серебристыми монгольскими степями так и дрожит раскаленный воздух, по приказу нашего командира тов. Бурмистрова мы дружно поднялись в воздух. Впереди шел самолет командира, немного позади наш бомбардировщик под управлением комиссара Михаила Анисимовича Ююкина.

Михаил Анисимович шел в ведущем звене первой девятки колонны. Он вел машину без качки, без выскакиваний, без отставаний, плавно и легко, «точно в молоке», по распространенному у нас выражению.

В бомбардировщике вместе с ведущим машину комиссаром находилась его команда: я — штурман старший лейтенант Морковкин и радист тов. Разбойников...

Должен сказать, что небольшую команду нашего самолета связывали не только служебные отношения, но и крепкая, товарищеская дружба. Ведь еще вчера вечером, когда над степью зажглись первые звезды и особенно стал заметен запах монгольской полыни, комиссар вполголоса расспрашивал своих боевых товарищей о семьях, о том, ладится ли переписка, советовал записывать для себя незабываемые события боевых дней.

— Я, товарищ комиссар, здесь прямо поэтом сделался: третье стихотворение настрочил. Прямо не знаю, что со мной творится. До Пушкина, конечно, далеко, но рифмы кое-где попадаются, — с улыбкой отрапортовал один из младших командиров.

И мы хорошо потолковали о стихах, о рифмах и, наконец, о том, как поднимает дух человека настоящая поэзия...

А теперь мы летели над вражеской территорией, спаянные воедино железной летной дисциплиной.

Далеко, далеко под нами, на расстоянии пяти тысяч метров, голубой ленточкой мелькнула река Халхин-Гол. Мы были почти у цели полета. Знали, что уже совсем близко, там, внизу, расположены крупные соединения замаскировавшихся японских войск. На них-то и должны были обрушиться наши смертоносные бомбы.

Перед этим решительным мгновением еще и еще раз проверял я все приборы штурманской кабины, готовность к бою пулеметов. Знакомую, ласковую, бодрящую улыбку товарища комиссара увидел я через связное окошко, и, как всегда, наполнила она меня непоколебимой уверенностью в полнейшем успехе...

На земле забесновались японские зенитки. Чугунночерные, рваные клочья разрывов замелькали вокруг самолетов. Но спокойно делали свое дело советские люди.

Вот на голову противника опустошил люк со смертоносным грузом наш командир тов. Бурмистров. Вторая очередь за машиной Михаила Анисимовича Ююкина, за нашей машиной. Точно, по расчету открывается и наш люк.

Дело с честью сделано. Наш бомбардировщик отходит, чтобы уступить место следующей за ним машине.

И в этот момент происходит роковая и непредвиденная случайность, одна из тех, которых не избежать в любом сражении: ослепительный огонь вспыхивает у левого мотора нашего самолета. Машина резко накренилась на правый бок. Это попал снаряд японской зенитки.

Я прямо прилип к связному окну, наблюдая за комиссаром Ююкиным, и сразу же понял, какие страшные усилия употребляет он, чтобы выровнять машину... Но это было невозможно: из крена она перешла в отвесное пикирование... И в то время, когда я видел, что гибель неизбежна, тов. Ююкин быстро оглянулся на меня и крикнул:

— Прыгай!

И здесь, и в эту страшную минуту, у нашего комиссара была прежде всего забота о своих младших товарищах!..

На высоте 4 500 метров я выпрыгнул из объятого пламенем самолета. Парашют раскрылся во-время, и я благополучно приземлился. А почти вслед за мной на землю сверкающей раке-

той падала насмерть раненая стальная птица — наш родной самолет.

С отчаяньем глядя на это падение, я все время помнил, что там уже объятый пламенем до последней секунды борется и думает свои последние думы наш комиссар большевик Михаил Ююкин. Я был уверен, что, даже теряя сознание в удушье и пламени, наш комиссар все еще надеется «дотянуть» машину туда, в расположение своих частей.

Но это было недостижимо, и комиссар решил иначе. Он направил свою гибнущую, превратившуюся в стремительный факел машину в самый центр вражеских огневых точек. Умереть, но не сдаться. И мало того — самой гибелью своей крепко ударить по врагу. Какую же надо иметь силу воли, какую уверенность в конечной победе, чтобы в предсмертные мгновения оказаться достойным такого подвига!

Так, до последней секунды не выпуская из полусожженных рук рычаги управления, выполнил товарищ Ююкин ту свою клятву, которую когда-то дал он перед лицом любимой, родной страны.

Неугасимый огонь героизма жил в нем, и был он сильнее пламени, бушевавшего вокруг комиссара в подбитом самолете. Этот же огонь с неудержимой силой вспыхнул в сердцах всех наших летчиков, когда, с трудом пробравшись с вражеской территории, я подробно рассказал о гибели «нашего Миши», родного и любимого нашего комиссара.

— Делами, а не словами отомстим за Михаила Ююкина, — сурово сказал командир Бурмистров. — Готовы, товарищи?..

— Готовы! — дружно прогремели в ответ взволнованные голоса.

И люди доказали эту готовность, разгромив обнаглевшего врага. В этих подвигах снова ожил тот никогда не меркнущий огонь героизма, который бессмертен в образе нашего родного комиссара Михаила Ююкина. Непобедимым пламенем горел он в каждом из бойцов великой могучей армии Страны Советов.

★

★

Стрелок-радист В. ШИШЛИН

СРАЖЕНИЕ В ВОЗДУХЕ

Однажды, после нескольких вылетов, нам было приказано во что бы то ни стало задержать наступление японских войск.

Погода в тот день была явно нелетной. Наша девятка поднялась в воздух первой, вслед за ней — другая.

Шел проливной дождь. Облака всюду закрывали землю, мешая штурманам вести наблюдение. Мы еще не достигли озера Буир-Нур, как заметили несколько своих истребителей, поднявшихся в воздух для охраны бомбардировщиков.

Вот самолеты уже вышли в расположение противника и начали ожесточенную бомбежку, прежде чем японцы успели рассредоточиться. Земля под нами окуталась густым черным дымом, стали заметны языки пламени. В этот момент по нас открыла огонь вражеская зенитная артиллерия. Сбросив в цель запас бомб, мы стали разворачиваться. Налетели японские истребители. Их было много — штук до пятидесяти. Они стали заходить под наши самолеты.

Задняя девятка отстала, истребителей у нас было гораздо меньше, чем у японцев, — создалось довольно трудное положение. За моим самолетом охотились сразу три стервятника: один — с хвоста, второй подбирался снизу под фюзеляж, третий навис сверху. Враги не успели открыть огонь, как я ударил из пулемета по японцу, собравшемуся атаковать наш второй ведомый самолет. Японец быстро развернулся и направился ко мне. Тогда ему изрядно всыпал тот стрелок, от которого я только что отогнал опасность. Тут же я направил свой пулемет в японца, начавшего стрелять по хвосту. Этот стервятник сразу с пикированием ушел вниз, но на его место поспешил второй.

Потом наш ведущий бомбардировщик окатил огнем того японца, который носился под крыльями у меня, а я угостил несколькими очередями истребитель, болтавшийся все время над нами сверху. Было хорошо заметно, что пули ложатся ему на фюзеляж и щелкают по кабине. Тут и мой самолет с хвоста снова стал беспокоить японец. Я разозлился, поднялся во весь рост в кабине, прицелился и, уловив удобный момент, шарахнул очередью, после которой надоедливый истребитель сразу задымился. Из его левой плоскости вырвался клуб дыма. Подбитый самолет повалился на правую плоскость и стал отвесно падать. Дольше проследить за ним не пришлось, так как бой был жаркий, повсюду шныряли истребители, прорываясь под самолет флагмана. Штурман нашего бомбардировщика метким огнем расстраивал эти попытки противника. Одному японцу пришлось поплатиться головой, прежде чем он успел дать хотя бы одну очередь. Я же все время бил по задним истребителям, наседавшим на моих товарищей, а они отгоняли врагов из-под моего самолета.

Вдруг мы увидели, что враги заметались, почуяв недоброе, и начали удирать. В следующие секунды все стало ясно: это появились наши «ястребки». Они стремительно ринулись на японских «асов». Завязался бой истребителей. Я наблюдал из кабины, как наши «ястребки» делали заходы, как японские самолеты падали, охваченные пламенем. Мы шли своим курсом домой, как вдруг снова из-под облаков выскочили японцы. Звено наших истребителей встретило их — одно единственное звено. Наших было в три раза меньше, но отпор был настолько неожиданным, что враг стал улепетывать, ища спасения в облаках.

Мы прилетели на площадку. Когда сели, наш экипаж стал осматривать самолет. Конечно, были в нашей машине пробоины и повреждения, но все же мало. Летчик Славгородский замечательно выводил самолет из всех трудных положений. Он предоставлял мне и штурману полную возможность стрелять по японским самолетам. Настроение экипажа было отличное. Хотелось снова лететь и еще раз бомбить врага.

★

★

Старший лейтенант А. ЦЕСАРЕНКО

НА НОЧНОМ БОМБАРДИРОВЩИКЕ

— Готовьтесь к боевому вылету!

Семь лет я в авиации и впервые получил приказ вылететь с бомбами на врага. На аэродроме ревели моторы, стрекотали пулеметы, в воздух летели трассирующие пули. Экипажи самолетов подвешивали бомбы. Лица у всех возбужденные и вместе с тем сосредоточенные. Все мы в первый раз в жизни летим сражаться с врагом.

Тяжелые бомбардировщики стояли в полной боевой готовности. Мы с нетерпением считали минуты, когда, наконец, опустятся вечерние сумерки.

Как и все мои друзья, я был полон радости и лишь сожалел о том, что мне придется лететь на устаревшем корабле, который в армии давно уже используется для перевозки грузов. Но мысль о том, что нам выпала честь итти в бой, затмевала все остальное.

Корабль легко и плавно оторвался от земли. Набрав высоту, мы легли на курс и в непроницаемой темноте полетели

к фронту. Две тысячи килограммов бомб несет корабль, и все это обрушится на голову японских захватчиков.

Ночь выдалась тихая, спокойная. Мерно рокотали и гудели моторы. Вдруг на половине маршрута погода резко ухудшилась. По приказу, в случае неблагоприятной метеорологической обстановки, мы должны были вернуться обратно или итти бомбить запасную цель. Погода становилась все хуже и хуже. Продолжать полет невозможно, но возвращаться обратно, не сбросив ни одной бомбы на врага, нам казалось немыслимым. Значит надо итти на запасную цель.

Изменив курс на 45 градусов, мы через час полета заметили длинную вереницу огней. Сверкая фарами, ехали по степи колонны японских автомобилей. С высоты казалось, что это большой город. Передав управление второму летчику лейтенанту Пымбалову, я высунулся за борт, чтобы точней определить цель.

Горящие фары машин плывут под крыльями самолета. Штурман Лалетин бросил первую бомбу, и в тот же миг ослепительный луч прожектора ударил мне в глаза. Резкий свет прожектора ярко осветил кабину. Второй пилот был также ослеплен. Мы потеряли управление, и самолет снизился до 800 метров. Штурман Лалетин бросил две бомбы в прожектор, а мы тем временем выровняли самолет и, сделав круг над колоннами машин, начали бомбардировку. Корабль содрогался от разрывов бомб. В ночной степи заметались огни.

Легли на обратный курс.

Радуясь и торжествуя, что задание — первое боевое задание! — выполнено, мы не замечали, как быстро портится и без того мерзкая погода. Низкая облачность прижимала тяжелый корабль к земле, и на половине пути пришлось перевести корабль на слепой полет. После четырех часов полета в ночных облаках благополучно сели на свой аэродром.

Четырнадцать боевых вылетов совершил наш экипаж, но никогда не забудется ночь 18 августа, накануне генерального сражения. К этому времени оправдавшие свое назначение ночные бомбардировщики, к которым еще недавно относились со снисходительной усмешкой, завоевали всеобщее признание и любовь. По ночам наземные войска прислушивались к гулу летящих бомбардировщиков и говорили:

— Это наши повезли японцам ужин.

Ночью 18 августа с полным грузом бомб мы отправились бомбить японцев. Командир эскадрильи тов. Егоров строго предупредил:

— В случае если облачность будет ниже 500 метров, возвращайтесь на аэродром.

Полетели. Высота 1 400 метров. По мере приближения к цели густая облачность заставила нас снизиться до 300 мет-

Дважды Герой Советского Союза Я. Смушкевич
и Герой Советского Союза И. Лакеев

ров. Что делать? Возвращаться обратно на аэродром? Штурманом в этом рейсе летел лейтенант К. Васин, прекрасный знаток своего дела. Вторым пилотом летел лейтенант Процин. Не сговариваясь, мы решили найти противника и бомбить.

За облаками мы пролетели к озеру Буир-Нур. Снизившись до 400 метров, взяли курс на выложенную нашими войсками светящуюся стрелу, от которой в шести километрах находилась цель. Вот и стрела, где-то совсем близко противник, но погода как-будто сговорилась с японцами.

— Ничего не видно,— заявил штурман,— бомбить невозможно.

Разворачиваемся, летим обратно и с трудом находим чуть заметные во мгле огни стрелы.

Неужели придется возвращаться на аэродром? Нет, во что бы то ни стало мы выполним боевое задание. Вперед, на врага!

Беру курс. Через несколько минут очутившись над целью, мы пробили облака, снизились до ста метров и стали бомбить.

В густых тяжелых облаках вспыхнули отсветы бомб. Корабль содрогался от разрывов. Справа, возле самого корабля, засверкали большие, точно пчелы, трассирующие пули, освещая кабину. Прекрасно, значит мы находимся точно над целью.

— Все бомбы сброшены,— сообщил штурман Васин. Вдруг вражеский снаряд попал в центроплан. Как позднее мы выяснили, в корабле оказалось больше ста пробоин от осколков. Один пролетел в миллиметре от уха борттехника, и четыре пробоины оказалось в моем сидении. На обратном пути нас еще долго догоняли трассирующие пули. Пришлось «вилять» из стороны в сторону, чтобы избежать попадания.

Но опаснее вражеских пуль оказалась погода. Вскоре после бомбардировки мы попали в грозовое облако, и корабль так бросало, что, казалось, с секунды на секунду он разлетится пополам. С трудом мы вдвоем управляли машиной, из всех сил удерживая равновесие.

После четырех часов слепого полета мы вышли из грозового облака.

Так ночами, в густой мгле, тяжелые бомбардировщики громили японцев.

★

★

Старший лейтенант В. КОЗЛОВ

КАК МЫ ЗАЖГЛИ ЯПОНСКИЙ АЭРОСТАТ

Двадцать четвертого июля, утром, в глубине оборонительного района японцев, под прикрытием густой пелены тумана, повис над землей большой аэростат.

С этой «колбасы», как мы назвали аэростат, японцы просматривали расположение наших войск и корректировали артиллерийский огонь.

Японские истребители и зенитки усиленно охраняли аэростат.

И вот мне поручили сжечь «колбасу».

Вечером я слетал в разведку, высмотрел удобную посадочную площадку. Место для засады оказалось хорошим. Провели туда телефонную связь.

На рассвете 25 июля я и летчики-истребители Хохлов и Викторов незамеченными приземлились и хорошо замаскировались.

Вскоре меня вызвали к телефону и приказали действовать тотчас же после появления аэростата.

Японская «колбаса» снова взвилась. Мы уже готовы были подняться в воздух, но в это время появились бомбардировщики и истребители японцев. Вылет задержался.

Когда японцы улетели и где-то вдали завязался воздушный бой, звено поднялось в воздух.

Шли на бреющем полете. Еще на земле мы договорились, что я и Викторов стреляем по «колбасе», а Хохлов — по корзинке.

Японские зенитчики буквально засыпали нас снарядами; появились вражеские истребители. Вихрем неслись мы на аэростат. Но мы ошиблись в дистанции, рано открыли огонь. «Колбаса» оставалась в воздухе невредимой, мы же стали набирать высоту, чтобы сделать второй заход. Скорость самолетов снижалась, и нас могла расстрелять зенитная артиллерия либо могли окружить японские истребители. Я решил отвалить в сторону и сесть снова в засаду.

Вскоре разгорелся большой воздушный бой.

Мне позвонил командующий:

— Вылетайте. Японские истребители заняты, а от зениток сумеете уйти.

На этот раз мы пошли не с южной стороны, а с северной и не «линией», а сходящимся веером.

«Змейкой», на огромной скорости, мы прошли над японским укрепленным районом. Дым от разрывов зенитных снарядов и огонь зенитных пулеметов окружили нас со всех сторон. На этот раз мы вплотную подлетели к «колбасе» и открыли дружный огонь. Не было никаких сомнений, что все пули ложились в цель. Я видел, как закачалась корзинка, но аэростат все-таки не горел. Я недоумевал. Решил сделать новый разворот, снова обстрелять неуязвимую «колбасу» и, если она не загорится и на этот раз, пойти на таран.

Снаряды зенитных орудий рвались все ближе и ближе к нашим «ястребкам», непрерывный огонь вели и зенитные пулеметы.

Делая разворот, я вдруг увидел под «колбасой» густой слой дыма, а затем огромное пламя охватило весь аэростат.

Я понял, что «колбаса» была начинена гелием и поэтому так долго не загоралась.

На бреющем полете мы прорвались сквозь снаряды зениток, вылетели на свою территорию, замедлили ход.

Красноармейцы горячо аплодировали нам и издевались над японцами:

— «Колбасу» выпустили, ну и получайте ее обратно, поджаренную!

★

★

Политрук М. ЗАСЛАВСКИЙ

КЛУБ НА ФРОНТЕ

Обычно слово «клуб» вызывает представление о большом здании с комнатами для кружковых занятий, зрительным залом. Клуб открывает свои двери только по вечерам. Сюда приходят отдохнуть, развлечься.

Ну, а клуб на фронте? Что он должен делать? Каковы его обязанности в обстановке боев, когда люди поглощены одной заботой — победить врага? И найдется ли на фронте место клубным работникам?

Такие мысли тревожили нас, когда мы вместе со своим полком очутились в районе боев, у реки Халхин-Гол. Опыта у нас не было, помощи ждать неоткуда. А время не ждет. Надо начинать.

И мы начали. Не прошло и недели, как все убедились, что клуб, если им по-настоящему руководить, является одним из наиболее сильных средств массово-политической работы в части.

Три месяца действовал полковой клуб на фронте. Это был период славных боев нашей героической Красной Армии с

японцами. Чувство гордости охватывает нас от сознания того, что в этих знаменитых боях не последнее место принадлежит и нам, клубным работникам.

Формы клубной работы в условиях фронта указывала сама жизнь.

Мы пропагандировали военную присягу, используя факты из боевой жизни красноармейцев, чтобы сделать нашу пропаганду конкретной и яркой.

Основной формой работы мы избрали беседы с небольшой аудиторией или с отдельными красноармейцами. Такие беседы пользовались неизменным успехом. Побывав на огневых позициях и передовых пунктах, я узнавал у бойцов, что их интересует. В последующих беседах я учитывал запросы моих слушателей.

В часть поступало множество подарков от жен начсостава, пионеров, рабочих, колхозников. Письма, которые приходили вместе с подарками, помогали нам развернуть большую агитационную работу. Эти письма красноречиво говорили о том, что с нами весь многомиллионный советский народ. Установилась переписка пламенных патриотов. Каждое письмо воодушевляло бойцов и командиров на новые подвиги, питало их неугасимую любовь к своей отчизне.

Своевременная доставка писем и газет имеет исключительное значение. Поэтому мы взяли на себя доставку корреспонденции не только в полк, но и непосредственно на огневые позиции и передовые наблюдательные пункты. Обычно машина с газетами и письмами останавливалась где-нибудь в укрытии, а мы шли к бойцам, раздавали им корреспонденцию, собирали у них письма для отправки домой и ехали на следующую позицию.

Значительную работу проделала наша полковая библиотека. Мы укомплектовали передвижные библиотечки всех подразделений. Библиотекарь-книгоноша регулярно пополнял передвижки, учитывая при этом запросы читателей. Конечно, нам не удалось полностью удовлетворить все возраставший спрос, например, на военно-историческую литературу. Книги о героическом прошлом русского народа, о гражданской войне брались нарасхват.

В каждом подразделении было по нескольку чтецов художественной литературы. Мы их инструктировали и снабжали литературой. С большим интересом слушали бойцы чтение книг: «Комиссар Иван Пожарский», «Суворов», «Багратион», «Гарибальди» и другие. Заимствуя опыт политрука товарища Гаркуши, мы неоднократно устраивали также чтение «Краткого курса истории ВКП(б)».

Клубные работники инструктировали редакторов боевых листков. Клуб помогал и в художественном оформлении бое-

В часы досуга

вых листков. Оформление было подчинено основному вопросу, которому посвящался листок. Командование, скажем, ставило задачу — улучшить маскировку боевого порядка. Ночью мы пишем на бланках боевых листков: «Бить врага, оставаясь невидимым для него», помещаем рисунки хорошо замаскированной огневой позиции, наблюдательного пункта и т. д.

Особенно интересен наш опыт наглядной агитации. В нашем полку, помимо обычных и широко известных форм наглядной агитации, применялись и новые. Таково, например, издание истории боевых действий полка. История эта состоит из трех частей. В первой рассказывается о великом патриотическом подъеме, который охватил воинов Красной Армии, когда был получен приказ о выступлении для отпора провокаторам войны. В этом разделе собраны рапорты бойцов и командиров с просьбой послать их на передовые позиции, письма от родных, с предприятий и колхозов, в которых советский народ выражает свой гнев по адресу наглого и неумного соседа, свою готовность встать на защиту социалистической отчизны. Все документы собраны в подлинниках и читаются с огромным интересом.

Вторая часть посвящена теме «Наши герои». Каждому товарищу, героически проявившему себя в боях, отведен художественно оформленный лист. Помимо фотографии героя, здесь дается описание его подвига.

Выступление балалаечного ансамбля Центрального дома Красной Армии среди бойцов

Третья часть истории полка представляет собой альбом, в котором собраны боевые листки всех подразделений. В листках отражена вся боевая жизнь части. Так как листки выходили ежедневно в каждом подразделении, то этот альбом дает яркую и исчерпывающую картину событий на боевом участке нашего полка.

Историю боевых действий части завершает большой фотоальбом, в котором, помимо ряда портретов, помещены снимки боевых эпизодов, показаны разрушенные японские укрепления, захваченные трофеи и т. д.

Наглядная агитация была также представлена широко известными щитами-«складушками», лозунгами, плакатами. На щитах монтировались вырезки и фотографии, иллюстрирующие различные международные и внутренние события. Для установки такого щита-«складушки» достаточно одной минуты. Когда нужно соблюдать требование маскировки, его может читать отдельный боец в своем окопе. В случае необходимости все средства наглядной агитации собирались и прикреплялись к бортам грузовой машины. На это требовалось не больше трех-четырех минут.

Из технических средств пропаганды прежде всего надо отметить радио. На марше и в бою мы регулярно принимали радиосводку ТАСС и к утру, размножив ее, доставляли в под-

разделения. Отдельные бойцы, оторванные от подразделения, обслуживались радиосводками ТАСС к 13 часам. Таким образом, еще до получения газеты, личный состав полка уже знал о том, что происходит в Советском Союзе и за границей.

Большим успехом у красноармейцев пользовалась световая газета. Выпуск ее весьма прост. На куске киноленты, с которой удалена эмульсия, тушью, при помощи чертежного пера, пишутся лозунги, текстовые материалы, рисуются карикатуры. Иногда нам удавалось раскрашивать кадры световой газеты, что делало ее еще более интересной. Проектировали мы ее обычным киноаппаратом на экран.

Хорошо работали наши коллективы художественной самодеятельности. Они дали 14 концертов в подразделениях, обслуживали различные собрания. Если во время концерта подразделение вступало в бой, то клубный актив принимал в нем участие по своей военной специальности.

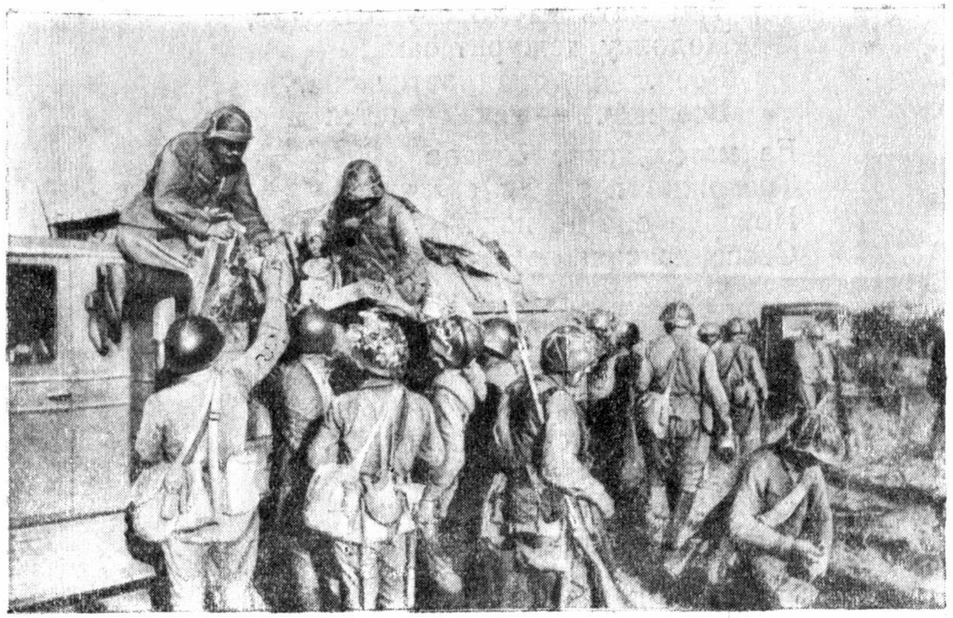
Особенную любовь заслужили стихи и песни, написанные самими бойцами. Герой-красноармеец Гусев, исполнявший стихи и песни собственного сочинения, стал популярнейшим человеком в полку.

Программа самодеятельных концертов в боевой обстановке строилась главным образом на индивидуальном, а не коллективном исполнении. Если позволяла обстановка, то крышки от снарядных ящиков с успехом заменяли сцену, на которой исполнялись даже ритмические танцы.

Всю свою работу полковой клуб проводил по плану, составлявшемуся на основании плана партийно-политической работы комиссара и парторганизации. Планы составлялись на пять дней, а иногда и на один день, в зависимости от боевой задачи части.

Опыт боев убедил нас в том, что клуб может и должен сохранить много форм работы мирного времени. Естественно, при их использовании надо проявлять большую гибкость. Такой клуб действительно будет боевым клубом, первым другом красноармейцев.

★



★

К. СИМОНОВ

ПИСЬМА С РОДИНЫ

Нам кажутся ночи короче,
Быстрей коротаются дни,
Когда издалека с отчизны
В окоп к нам приходят они.

Мы слышим, как ветры там веют,
Как пахнут родные поля,
Когда, разрывая конверты,
Мы смотрим на их штемпеля.

Сквозь длинные версты Сибири
Тащил их почтовый вагон,
Их вез грузовик через степи —
Последний ночной перегон.

Здесь днем еще сухо и жарко,
Высоко парят ястреба,
А дома дрова уж готовят
И в поле убрали хлеба.

Там птицы на юг потянули,
В лесу облетели дубы,
Там яблоки мочат в кадушках,
И на зиму сушат грибы.

Там мать на дорогу выходит,
Подолгу дежурит сама;
Все ловит она почтальона,
Все ждет — не дождется письма.

Ее материнское сердце
Тревожно в груди застучит,
Но вида она не покажет,
Степенно при всех промолчит.

Не пишет — так значит напишет,
Знать, почта не скоро идет.
Она еще ночь поскучает,
Она еще день подождет.

А вечером к свету присядет,
Тетрадку у внука возьмет,
«Любезному нашему сыну» —
Письмо по-старинке начнет.

Напишет, что осенью нынче
Стоит золотая пора,
Пять свадеб с весны окрутили,
Шестую сыграли вчера.

Напишет, что все пособляют,
Что в доме она не одна,
Что сына живым и здоровым
В надежде увидеть она.

Конверт ей заклеют на почте,
Отправят письмо на восток,
Как часть материнского сердца,
Получишь ты этот листок.

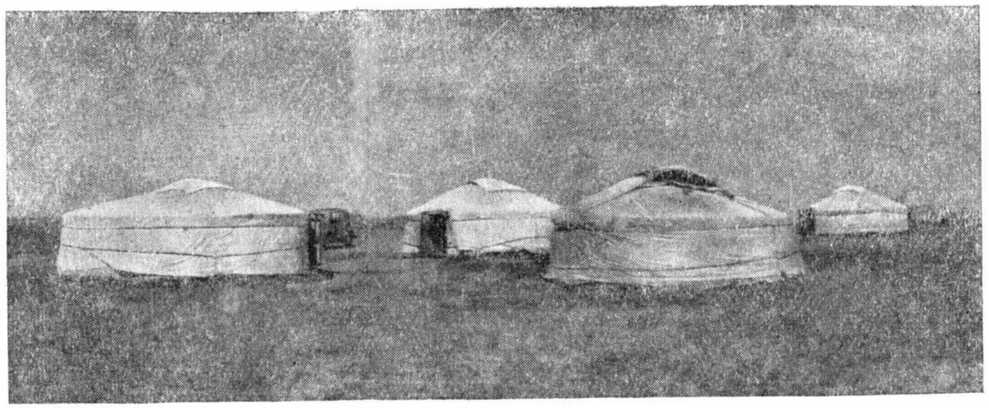
Как будто она издалека
С тобою сама говорит,
Устанешь — погладит рукою,
Начнешь тосковать — подбодрит.

И кажется, письма читая
За дальней монгольской рекой,
Что Родина с матерью вместе
Нас гладит своею рукой.

Великая Родина наша
Нас всех с полуслова поймет,
Своей материнскою лаской
До самого сердца проймет.

И если ты ранен, все раны
Сумеет она залечить.
Как много, товарищи, значит
Из дома письмо получить!

★



★

Бригадный комиссар Д. ОРТЕНБЕРГ

«ГЕРОИЧЕСКАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ»

В огне и дыму боев с японцами родилась фронтовая газета «Героическая Красноармейская». Так назвали ее бойцы Халхин-Гола.

...У центральной переправы расположилась саперная рота 11-й танковой бригады, первая принявшая бой с японцами. Беседовавший с саперами начальник политотдела сообщил, что скоро начнет выходить фронтовая красноармейская газета. Названия ее еще не было. Саперы сами предложили назвать красноармейскую газету «Героической», как символ героической борьбы, которую вели и ведут наши войска с врагами. Сапер горячо поддержали находившиеся рядом красноармейцы 24-го стрелкового полка, артиллеристы и танкисты. Так возникла «Героическая Красноармейская».

* * *

Воспитание героизма, мужества и самоотверженности было центральной задачей газеты. Доблести и отваге наших бойцов газета посвящала много заметок, передовые статьи, специальные полосы.

Но самой удачной формой следует признать очерки, которые почти ежедневно печатались в газете под постоянной рубрикой «Герои Халхин-Гола». Это были литературные портреты, отображавшие жизнь, дела и подвиги людей фронта. Авторами этих портретов являлись преимущественно писа-

Прибыл свежий номер газеты «Героическая Красноармейская»

тели, работавшие в редакции. Особенное впечатление производили на бойцов теплые, задушевные очерки писателя Вл. Ставского. Он все время находился непосредственно с героями своих очерков, жил с ними в окопах, вместе с ними отважно сражался против японцев и поэтому знал не только боевые дела людей, но и сокровенные думы их, душу. Вот почему очерков Ставского все ждали, читали эти очерки с трепетным волнением.

В дни боев с врагами каждая заметка о геройстве нашего человека, даже одно только перечисление фамилий отличившихся людей, имеет неоценимое значение. Это поощряет бойцов, воодушевляет их на новые подвиги. А очерки о героях Халхин-Гола являлись своего рода доской почета. Не раз бывало красноармейцы обращались в редакцию с просьбой «опубликовать нашего пулеметчика в герои Халхин-Гола».

В этих очерках писали не только о всем известных, самых выдающихся участниках боев, о таких, как комбриг Яковлев, командиры полков Кравченко и Ремизов, комиссар Калачев. Газета находила и популяризировала имена рядовых, малоизвестных людей, мужественно и отважно сражавшихся с врагами: пулеметчика Рыбалки, истребителя Акимова, комсомольца Зазули, парикмахера Веры Вадовской и многих других. Газета этим самым показывала, что их подвиги под силу каждому бойцу, и звала людей на эти подвиги.

Вначале нас смущал размер очерков. Они занимали обычно три колонки. Мы боялись, что в условиях окопной жизни и непрерывных боев людям будет трудно и даже невозможно прочитать большой очерк. Но когда я пошел за советом к красноармейцам, то увидел, что в узеньком окопе, где сквозь густые ветки кустарника еле пробивается луч света, бойцы прочитывают эти очерки от первой до последней строки. Все сомнения сразу исчезли. Сотни бойцов, которых я лично опрашивал, в один голос заявляли, что именно размер очерков не должен нас смущать. А красноармеец Червяков образно выразил свою мысль:

— Все заметки мы читаем с интересом, а тут, — показывает пальцем на очерк, — мы отдыхаем...

Освещение героики боев всегда было и должно быть главным в газете. Однако здесь необходимо избежать двух ошибок. В первых номерах «Героической Красноармейской» была как-то напечатана заметка под заголовком: «Японцы удирали, как испуганные зайцы». Тов. Мехлис, внимательно следивший за работой газеты, указал нам на неправильный тон этой статейки. Верно, что по стойкости и героизму воинов с Красной Армией не может сравниться ни одна армия в мире. Но нельзя было закрывать глаза и на то, что неграмотный, забитый и обманутый японский солдат, терроризированный офицерами, проявлял большое упорство, особенно в обороне: даже раненые отстреливались, а в плен не сдавались. Вот почему нельзя было печатать этой заметки под таким крикливым заголовком. Она неправильно ориентирует, размагничивает бойцов.

С другой стороны, рассказывая об успехах и победах красноармейцев, подразделений, нельзя допускать никаких преувеличений. Нужно тщательно проверять материал. У нас достаточное количество действительно чудесных подвигов, героических эпизодов, чтобы не сочинять и не преувеличивать.

* * *

Воспитание героизма неотделимо от борьбы за железную воинскую дисциплину, за выполнение воинской присяги.

Некоторые газеты, освещая эпизоды героизма, совершенно умалчивают об отрицательных явлениях фронтовой жизни. Хорошо известно, что наши бойцы — это храбрые воины, беззаветно преданные Родине и партии Ленина—Сталина. Но бы-

вают факты трусости, дезертирства. Как бы единичны они ни были, газета не должна о них умалчивать.

В одной из наших частей произошел случай самострела. Командование, политорганы, партийные и комсомольские организации развернули большую работу вокруг этого факта. О трусе говорят на собраниях и митингах. Его клеймит позором вся красноармейская общественность. Его судит ревтрибунал. И если в такое время газета набирает в рот воды и молчит, то она попадает в смешное положение. Такая газета была бы просто оторвана от жизни.

Без шумихи и трескотни, но с большевистской страстностью и беспощадностью «Героическая Красноармейская» выступала против нарушителей воинской присяги, изменников Родине. Стоит только перечислить заголовки некоторых статей, чтобы стало ясным, как остро ставила газета все эти вопросы. Вот они:

«Вечный позор трусам!»

«Всеобщее презрение постигнет нарушителя присяги».

«Щербаков нарушил приказ командира».

«Кудревский подводит всю батарею».

«Позор разгильдяю Пользкову!»

«Свято выполняй приказ командира!»

Приведу одну из этих статеек, напечатанную 22 июля 1939 года. По своей остроте она является типичной для нашей газеты.

ВСЕОБЩЕЕ ПРЕЗРЕНИЕ ПОСТИГНЕТ НАРУШИТЕЛЯ ПРИСЯГИ

С оружием в руках защищают бойцы Красной Армии Монгольскую Народную Республику от разбойничьего нападения наглой японской военщины. Свято выполняя военную присягу, бойцы, командиры и политработники у реки Халхин-Гол защищают свою Родину мужественно и умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни.

Боец тов. Левкович четыре раза бесстрашно ходил в атаку, воодушевляя всех лозунгами: «За Родину!», «За великого Сталина!»

Тов. Лузин на открытой местности, под огнем противника, один вытащил пулемет, занял новую огневую позицию и повел сокрушительный огонь по японцам.

Геройски громили врага артиллеристы Ларькин и Рябов.

И рядом с этими скромными, отважными людьми, для которых свобода и независимость Родины дороже жизни, среди бойцов очутился подлец и трус Карпов. В тот момент, когда все бойцы, не щадя своей жизни, дрались

с японцами с невиданным мужеством, изменник Карпов, прострелив себе левую руку, прикинулся раненым и оставил поле боя.

Этот человек с заячьей душой, чего он достиг? Он искалечил себе руку. Он бросил, предал товарищей, изменил Родине и своей присяге. Отец и мать, советский народ, провожая в Красную армию, давали ему нерушимый наказ: до последней капли крови защищать свою Родину, умереть, но не сдаваться. Что скажет теперь этот подлый трус своим родителям, своим землякам? Они откажутся от него, как от чужого, враждебного им человека.

Он заслужил всеобщую ненависть и презрение трудящихся, суровую кару советского закона. Высшая мера наказания — расстрел, — вот чего справедливо требует советский закон для изменников Родине.

Острым гневом, ненавистью к трусу закипели сердца бойцов и командиров подразделения, когда они узнали о предательском поступке Карпова.

Бойцы и командиры подразделения в резолюции митинга потребовали:

— Предателям, изменникам нет пощады! Их надо уничтожать, расстреливать!

Пройдет немного времени. О подвигах героев Халхин-Гола, разгромивших японских захватчиков, советский и монгольский народы сложат прекрасные песни и сказания. Их имена будут произноситься с глубокой любовью и благодарностью. А имя труса и предателя Карпова все советские люди будут называть с проклятием и ненавистью, заклеймят его вечным позором.

Газета выступала также с критикой недостатков в бытовом обслуживании бойцов, в организации санитарной помощи, в доставке газет и т. п.

Все эти материалы оказывали большое воздействие. Нигде в мирных условиях мне не приходилось встречать такое острое реагирование на критику. В фронтовой обстановке, где люди, не щадя ни крови, ни жизни, сражаются за Родину, каждый, кого «пропечатали» в газете, вдесятеро сильнее чувствует и воспринимает критику.

На каждую статью мы получали отклики. Красноармеец Сапаров из 5-й бригады прислал в редакцию письмо о том, что он заснул на посту. Об этом факте, быть может, никогда не узнали бы ни в части, ни в редакции. Но Сапаров под впечатлением опубликованных в газете острых статей решил сам открыто раскритиковать свою ошибку и клялся больше ее не повторять.

* * *

Оперативность в работе фронтовой газеты — важнейшее условие ее боеспособности и жизненности.

Открывая газету, наш боец прежде всего искал фронтовую сводку. Наши сводки немного отличались от обычных официальных сводок. Вот две типичные сводки. Одна — в дни обороны:

СВОДКА ИЗ РАЙОНА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
за 5 августа

«В ночь с 4 на 5 августа японцы пытались атаковать участок тов. Ермакова, но были отогнаны, понеся большие потери.

Утром в районе горы Хамар-Дабы произошел воздушный бой. Наши героические летчики сбили 9 самолетов. Особо отличился в этом бою летчик Машнин, протаранивший японский истребитель. Тов. Машнин винтом своего самолета отрубил у японского истребителя хвост, уничтожив вражеский самолет».

Другая — в дни генерального наступления:

СВОДКА ИЗ РАЙОНА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
за 26 августа

«26 августа монголо-советские войска продолжали операции по уничтожению японцев в районе реки Хайластин-Гол.

На центральном участке фронта героические бойцы тт. Зайюльева и Мухомедзярова сегодня днем после упорного штурма взяли высоту Песчаную. Высота была японцами сильно укреплена, имела бетонированные блиндажи и окопы.

Наши бойцы захватили много трофеев, в том числе документы и имущество трех японских штабов.

Бойцы тов. Лесового, продвигаясь вперед, наткнулись на сопротивление двух японских рот и уничтожили их.

Японцы на отдельных участках пытались вырваться из окружения. Около двух японских рот пытались перейти в контратаку, но были отброшены ружейно-пулеметным огнем бойцов тов. Зайюльева. Бойцы тов. Федюнинского полностью уничтожили эскадрон японской кавалерии, пытавшийся также вырваться из нашего железного кольца.

26 августа был для нашей сталинской авиации в борьбе с японскими захватчиками одним из самых блестящих дней. В этот день летало 790 наших истребителей, произошло 7 воздушных боев.

Наши героические истребители, не имея никаких потерь, сбили 41 японский истребитель и 7 японских бомбардировщиков. Во всех боях японцы первыми выходили из боя. Поле боя всегда оставалось за нами.

81 наш бомбардировщик бомбил скопление вражеских войск.

Часть бомбардировщиков противника, встреченная нашими истребителями, удрала, сбросив бомбы на своей территории».

В этих сводках, как мы видим, кроме итогов дня, отмечались успехи отдельных частей и даже бойцов и этим поощрялись передовые части и люди. Сводки составлялись на основе итогов дня, подведенных в штабе армейской группы, и по материалам работников редакции, обычно к вечеру прибывавших с передовых позиций.

Не было ни одного более или менее крупного сражения на земле и в воздухе, ни одного значительного успеха наших войск, которые бы газета в тот же или следующий день не осветила, посвящая им часто целые полосы и специальные передовые.

Газета следила за борьбой каждой дивизии, бригады и полка и стремилась поддержать малейший успех. 601-й полк был одним из отстающих на фронте. Но вот прошло немного времени, и после большой политической работы, проведенной в полку, он стал неузнаваем. 23 и 24 июля полк отразил бешеные ночные атаки японцев, нанеся врагу большие потери. На второй день победы «Героическая Красноармейская» посвящает первым успехам 601-го полка целую полосу под общим заголовком — «Привет доблестным пехотинцам». Дает передовую статью.

Так же поступала газета и по отношению к другим частям и даже подразделениям.

Чутко прислушиваясь ко всем сторонам жизни и боевых действий частей, к настроению бойцов, газета быстро, на-ходу учила, помогала исправлять недостатки.

Вначале, например, многие наши части, особенно прибывшие недавно, не могли сразу разгадать коварную тактику японцев, неоднократно пытавшихся ночью совершать налеты. Газета дает одну заметку за другой, а затем и целые полосы с такими «шапками»: «Ночью бери врага на штык», «Днем готовься к боевым действиям ночью». Выявилось дальше, что плохо обстоит дело с взаимодействием танков и пехоты. Газета дает одну полосу за другой под «шапкой»: «Крепче боевую смычку пехоты и танкистов». Плохо люди владеют гранатой—

Газету из части не выносить и бережно хранить

30 августа среда № 8. 1939 г.

ГЕРОИЧЕСКАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ

СОПКА РЕМИЗОВА ВЗЯТА. ВРАГ ДОБИТ!

МОНГОЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ ОЧИЩЕНА ОТ ЯПОНЦЕВ МОГУЧИМ УДАРОМ НАШИХ ВОЙСК

Да здравствуют доблестные герои Халхин-Гола!

Халхин-гольский разгром

ПРИКАЗ командования наших войск

Прочти и сохрани

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

№ 59 | III | 28 августа 1939 года, понедельник | III | Выходит через день

ВПЕРЕД ЗА СТАЛИНА! ЗА РОДИНУ, ВПЕРЕД!

ДРУЖНО И СМЕЛО С ГРАНАТОЙ И МОЩНЫМ ШТЫКОВЫМ УДАРОМ ДОВЕРШИМ УНИЧТОЖЕНИЕ САМУРАЕВ

УДАР ПО ЯПОНСКИМ АВАНТЮРИСТАМ

ГРОЗНЫЙ И СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР

Верный сын ленинско-сталинского комсомола

Пулеметчики помог

Прочти и сожги

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОРОШИЛОВЕЦ

Красноармейская газета

№ 49 | 25 августа 1939 года | Пятница

Огнем в упор, штыком и гранатой уничтожим японских захватчиков

ЯПОНСКАЯ ГАДИНА БУДЕТ УНИЧТОЖЕНА

Бесощадно уничтожают самураев

Деликов в бою действует отлично

ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА, ВПЕРЕД!

Калатушин проявляет инициативу в бою

Метко расстреливали убегающих самураев

С винтовкой наперевес

Заботится о бойцах

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

За родину

Газету из части не выносить

№ 56 | 23 августа 1939 года.

Добьем остатки самурайских гадов!

УСПЕШНО АТАКОВАЛИ ВРАГА

ДО КОНЦА УНИЧТОЖИТЬ САМУРАЕВ

Товарищ Шпицер умело уничтожает японцев

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АТАКА

Красноармейская газета | Выходит через день

Прочти и сожги

№ 17 | 26 августа 1939 год

Сводка из района боевых действий за 22 и 23 августа

ПОДЛЫЙ ВРАГ ЗАЖАТ В ЖЕЛЕЗНОЕ КОЛЬЦО НЕ ВЫПУСТИМ ИЗ КОЛЬЦА НИ ОДНОГО ЯПОНСКОГО ГАДА

СМЕЛЫМ НАТИСКОМ УНИЧТОЖАЛИ ЯПОНЦЕВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Газету из части не выносить и бережно хранить

Сталинский сокол

№ 41 | 24 августа 1939 года | Четверг | Красноармейская газета

РОДИНА, ВЕЛИКИЙ СТАЛИН ЗОВУТ НАС В ПОСЛЕДНИЙ, РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ

Раздавим японскую гадину, чтобы духа ее не было на монгольской земле

Уничтожить самурайскую банду

СКРОМНОСТЬ

СТАЛИНСКИЕ СОКОЛЫ

БОЕВЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ

Боевая товарищеская выручка

БОЕВОЕ ЗВЕНО

Зак. 873/3а

Красноармейские газеты, выходившие в районе боевых действий

газета дает три колонки рассказов участников боев «Как метать гранату».

Особой оперативности достигла газета в августовские дни.

* * *

Дни подготовки к августовскому наступлению и самого наступления были наиболее напряженными, интересными и кипучими в жизни редакции.

8 августа, в первый же день своего приезда на Хамар-Дабу, тов. Мехлис вызвал меня и редактора «Сталинского сокола» тов. Телешевского. Мы получили ясный и подробный план работы газет. Газеты должны были донести до сознания каждого бойца мысль о том, что в Монголии мы защищаем безопасность наших границ от Байкала до Владивостока. Товарищ Мехлис дал указание широко освещать в газетах следующие вопросы:

— Военная присяга, закон о каре за измену Родине.

— Взаимная выручка в бою.

— Воспитание любви и доверия к командиру и комиссару.

— Вступление в ряды партии и комсомола, выдача партийных и комсомольских документов непосредственно на фронте.

— Письма из дому и письма красноармейцев на заводы, в колхозы и семьям (но обязательно с разрешения авторов, о чем указывать в газете).

— Забота о людях, о стрижке, бритье, о белье, портянках, бане, о кино, плясках, песнях. Критика тех, кто не заботится о культурно-бытовом обслуживании красноармейцев.

— Положение в армии и в тылу японцев, в частности, разложение среди баргутов.

— Издевательства и зверства японцев над пленными и ранеными красноармейцами.

— Наша работа среди войск противника.

— Уход в госпиталях за ранеными. Не оставлять на поле боя ни одного раненого и убитого.

Освещая все эти вопросы, газеты должны были поднять у наших бойцов новую волну ярости и гнева против японцев, стремление ринуться быстрее в бой, чтобы уничтожить врага. Материалы, посвященные этим темам, должны были воспитывать стойкость и упорство, самоотверженность в боях и атаках, вселять уверенность в победе над врагом, — словом, подготовлять войска к генеральному наступлению.

На второй день, затем и в следующие дни в «Героической Красноармейской» появились статьи, заметки, передовые, насыщенные богатым фактическим материалом, под заголовками: «Забота о бойце», «Границы нашей родины неприкосновенны», «Паника в Маньчжурии», «Что происходит в лагере японских

захватчиков», «Баргуты разбегаются», «Наши сердца горят ненавистью к врагу», «Зверства японцев», «Участники боя получают партийные документы», «Парикмахер пришел» и т. д.

Накануне наступления, с 17 августа, газета стала печатать письма бойцов, призывавшие скорее разделаться с врагами. «...Со времени этой атаки, — пишет в газете М. Баршанский,— мы находимся в обороне. Нам надоело сидеть в окопах. Пора кончать с японскими гадами».

За четыре дня до наступления тов. Мехлис снова нас вызвал и дал указания о выпуске специального номера, посвященного наступлению.

— В этой газете, — говорил тов. Мехлис, — нужно побольше места дать письмам красноармейцев, посвятить этому первую и вторую полосы.

Тов. Мехлис рекомендовал даже в подзаголовках крупными шрифтами указывать, чьи письма и обращения печатаются.

Специальная газета делалась в строжайшей тайне. Она печаталась без указания даты. Днем 19 августа газета была отпечатана и доставлена в политотдел армейской группы. Ночью была разослана политотделам соединений. Утром, на заре, после прочтения боевого приказа, за несколько часов до наступления была роздана бойцам.

Настало 20 августа. С вечера все работники редакции, за исключением секретаря, отбыли в части. Вместе с бойцами они ночевали на исходных позициях, вместе с полками пошли в наступление. Каждый получил богатейшие впечатления, набрал полные, как мы шутили, «карманы» материалов. В 8 часов вечера в землянке на Хамар-Дабе вместе с тт. Мехлисом и Гороховым был спланирован следующий, завтрашний номер «Героической Красноармейской», посвященный итогам первого дня победоносного наступления наших войск. Определили, как разместить материалы, тут же составили «шапки» и заголовки.

К этому времени к Хамар-Дабе сошлись все писатели и журналисты с передовых позиций. Все мы быстро выехали в редакцию. Газету сделали за ночь. В ней, действительно как в зеркале, были отражены победы первого дня наступления.

Все дни наступления газета шла в ногу с событиями. Ежедневно печатались подробнейшие сводки боевых действий всех родов войск. Каждому знаменательному бою, в частности штурму сопок — Палец, Зеленая, Песчаная, Ремизова, газета посвящала целые полосы рассказов участников боев, а также очерков писателей. Газета не только рассказывала об успехах за день, но в каждой заметке, статье и полосе ставила задачи, которые вытекали из обстановки и решения

командования. Стоит только почитать «шапки» хотя бы первых полос «Героической Красноармейской» за эти дни, чтобы в этом убедиться.

21 августа газета дала «шапку»:

«Наши войска героически громят японцев по всему фронту. Удвоим удар! Добьем врага».

22 августа:

«Наши доблестные войска продвинулись вперед и окружили японцев.
Уничтожим ненавистного врага!»

23 августа:

«Враг зажат в железные клещи.
Раздавим японскую свору захватчиков».

24 августа:

«Наши войска беспощадно громят и уничтожают окруженного врага.
Истребить до конца ненавистных захватчиков».

25 августа:

«Вчера отважные бойцы Лесового и Иванова штурмом заняли японские укрепления и уничтожили батальон вражеской пехоты».

26 августа:

«Японцы зажаты в стальные тиски.
Завершим разгром врага».

27 августа:

«Еще один могучий удар по врагу.
Наши славные летчики сбили 48 японских самолетов. Бойцы тт. Мухомедзярова и Зайюльева взяли сопку Песчаную. Бойцы тов. Федюнинского уничтожили эскадрон вражеской конницы».

28 августа:

«Враг разгромлен! Советско-монгольские войска добивают жалкие остатки японских захватчиков».

29 августа:

«На границах Монгольской Народной Республики реет победоносное красное знамя».

30 августа:

«Сопка Ремизова взята! Враг добит!
Монгольская земля очищена от японцев могучим ударом наших войск.
Да здравствуют доблестные герои Халхин-Гола!»

31 августа:

«Будь на-чеку! Зорко следи за всеми махинациями коварного врага.
Зорко запрем границы МНР на крепкий замок, создадим неприступную оборону».

В сентябре, до прекращения военных действий, газета вела упорную борьбу за укрепление обороны восточной границы Монгольской Народной Республики.

* * *

В заключение хочу остановиться на нескольких выводах.

Первое. Газета сумела с честью выполнить свои задачи прежде всего потому, что она была тесно связана с Военным Советом, политотделом и штабом армейской группы. Редакция всегда знала не только, что делается на фронте, но и главные мероприятия командования. Это позволяло, например, своевременно посылать людей туда, где должны были разыграться основные события. Раньше чем вынести в виде поощрения на первую полосу фамилию командира или комиссара части и соединения, обязательно узнавали мнение Военного Совета. Нередко и командование само подсказывало газете, какую часть нужно поощрять.

Тов. Мехлис неоднократно указывал на важность этой связи. Командование и политотдел, говорил он, обязаны постоянно, ежедневно ориентировать газету в важнейших событиях, иначе газета оторвется от жизни и не будет помогать руководству в решении боевых задач.

Второе. Отделов мы не создавали. Всеми «отделами» заведывали я и секретарь редакции. Все остальные работники находились непосредственно на передовых позициях и вели работу с военкорами, собирали материал.

Планировали мы газету на 3—5 дней, а в дни генерального штурма только на один день. Все с утра получали задания и выезжали в части. Вместе с секретарем до 11 часов дня обрабатывали и прочитывали материалы для текущего номера, составляли «шапки», макет верстки, а затем я уезжал на фронт. В редакции оставался секретарь, а иногда еще один литературный работник. В 11—12 часов ночи я возвращался и принимался за читку полос. Это распределение времени обеспечивало бесперебойный выход газеты.

Третье. Нужны ли каждый день передовые статьи? Мы считали, что достаточно в нашей газете давать их лишь один раз в два-три дня. В остальные дни вместо передовых печатались статьи бойцов и командиров на самые актуальные темы.

Четвертое. Каким материалом должна заполняться газета? Преимущественно материалом красноармейцев, командиров, политработников — участников боев, а затем очерками писателей. Этот принцип мы твердо выдерживали. Газета строилась на этих двух категориях авторов. Военкоровский материал собирали непосредственно на передовых позициях наши литературные сотрудники. Это была их главная задача, и они выполняли ее честно, самоотверженно.

* * *

С огромной радостью и воодушевлением встретил весь коллектив редакции «Героической Красноармейской» Указ Верховного Совета СССР, где было сказано: «За выдающиеся заслуги в деле политического воспитания частей Красной Армии и укрепления дисциплины в боевой обстановке наградить газету «Героическая Красноармейская» орденом «Красная звезда». Двадцать два работника редакции и типографии были награждены орденами и медалями СССР.

Это была высшая оценка работы газеты и ее людей.

★

★

Б. ЛАПИН и З. ХАЦРЕВИН

ПИСАТЕЛИ И ЖУРНАЛИСТЫ НА ФРОНТЕ

В степи стояли редакционные юрты. Рядом, в большой палатке, помещалась типография. То там, то здесь светлели края «щелей» — узких, неглубоких ям, служивших убежищем во время воздушной бомбежки.

Все это вместе было редакцией «Героической Красноармейской». В обиходе ее называли — «Городок Героической».

Население городка состояло из 30 человек — работники редакции и типографии, машинистка, несколько московских писателей и журналистов.

Городок «Героической» находился возле самой дороги. Обитатели его ежедневно бывали на фронте. Мимо редакционных палаток непрерывным потоком шли грузовики, танки и бронемашины. Вокруг дымилась мокрая комариная степь.

В распоряжении редакции были три легковые машины. Обычно сотрудники газеты ехали на них только до командного пункта. Тут, в штабе, они «брали обстановку» и справ-

лялись о происшествиях минувшей ночи. Дальше пересаживались в броневики или в танки: дорогу постоянно простреливала артиллерия японцев. Из подразделения в подразделение ходили пешком.

Популярность «Героической Красноармейской» на фронте была очень велика. В окопах ее ожидали с нетерпением. В редакции ежедневно появлялись «ходоки» с фронта за газетой. Приезжали мотоциклисты, «эмки». Часто на редакционном лугу опускались самолеты У-2. Нагрузившись газетами, они поднимались в воздух. Спрос был большой, и иногда газет нехватало. Бойцы нашли выход из положения. Экземпляры газеты прочитывались в одном окопе и передавались в другие. Высовываться из окопов нельзя. Газету сворачивали. В нее клали камень и бросали в следующий окоп, по назначению. Здесь жадно ее ловили, и начиналось чтение. Эта «воздушная связь» пользовалась большим успехом.

Таким вот образом увеличивалось число читателей газеты.

...Мало-помалу в редакции установился своеобразный, «стабилизированный» быт.

Утро. Летучка в редакторской палатке. Редактор распределяет задания на день. «На правом фланге ожидается активность японцев, — говорит он. — На левом началось выравнивание с нашей стороны. Небо ясное: значит, обязательно будут воздушные бои». Сквозь раскрытый полог палатки виднеется огромный степной горизонт со вспыхивающими на нем дымками: где-то началась бомбежка.

Сейчас сотрудники газеты разъедутся. Маршрут обычный — степная дорога, холмы, понтонные переправы, правый берег реки и передовые позиции.

Работа во фронтовой газете была для писателей и журналистов незабываемой школой. Они близко узнали людей Красной Армии. В штабе они видели, как строится план победы, а на поле боя были свидетелями того, как он осуществляется. Каждый день они знакомились с новыми людьми. В записных книжках появлялись новые фамилии. Прибавлялось количество людей, за работой которых следишь, за которых волнуешься.

«Слышали, у Федюнинского была вылазка...», «утром три раза бомбили Зайюльева»,— говорили они, встречаясь.

Часто материал для номера собирали во время боя. Нужно было узнать, что произошло полчаса назад, как началась и как развивается операция. Пробираясь по узким ходам сообщения, военные корреспонденты записывали в свои блокноты боевую хронику дня. Они наблюдали из окопа за атакой. Им случалось брать интервью, сидя в «щелях», во время налетов неприятельской авиации. Дальние и ближние разрывы не мешали сосредоточенной деловой беседе. Приятно было видеть, как занятые горячим делом пулеметчики или артиллеристы

дружески восклицали: «Здорово, Героическая!», «Спасибо, что навестили!» Они знали, что каждое такое посещение найдет свое отражение на страницах газеты.

Некоторые сотрудники «Героической Красноармейской» вместе с корреспондентской работой вели и политическую работу на передовых позициях. Встречаясь с бойцами по газетным делам, они попутно проводили короткие беседы о важнейших вопросах, интересующих каждого бойца, — о сегодняшнем международном положении, о приеме в партию на позициях, даже о советской художественной литературе. Нередко можно было видеть редактора «Героической» или писателя В. Ставского, окруженных бойцами, с которыми они вели импровизированные беседы.

С газетой были связаны сотни военкоров.

Журналисты научились разбираться в оперативных задачах, изучили особенности военных действий. Почти ежедневно одна полоса газеты была посвящена разбору боевого опыта и актуальным вопросам фронтового дня. Основным достоинством газеты была прочная постоянная связь с командирами, политработниками и бойцами. Она чутко подхватывала задачи, поставленные перед частями командованием.

Каждый номер давал темы для обсуждения: «ночная разведка», «задушевные беседы политрука», «танковая атака», «любовь к командиру и комиссару», «коварство врага», «как готовиться к ночному бою», «налет с тыла».

С особым интересом красноармеец и командир читали в газете боевые сводки. Они составлялись исключительно тщательно. Нередко редакция печатала «экстренные выпуски», суммировавшие сведения, полученные от командования, и подробные рассказы собственных корреспондентов.

Отличной оперативности удалось достигнуть редакции во время десятидневного генерального наступления, которое привело к полному разгрому японцев.

Это было после трех месяцев позиционных боев. В беседах с сотрудниками газеты красноармейцы и командиры все чаще задавали один и тот же вопрос: «Когда же нам будет отдан приказ: «Вперед!»

За несколько дней до наступления газета начала помещать заметки о настроениях бойцов и командиров, жаждавших сигнала к атаке. Высказывания бойцов всех родов оружия, печатавшиеся в эти дни «Героической», были полны силы и боевого нетерпения.

За два дня до общего наступления в «Героической» была помещена полоса о штыке. Важно было передать опыт боев свежим частям, готовившимся вступить в бой. Вечером четыре человека — два литературных сотрудника и два писателя — выезжают на фронт. Они проводят ночь в окопах стрелковой

Писатель В. Ставский с захваченным японским почтовым голубем

части, у мастеров ближнего боя. Трудно забыть эту ночь, ветреную, тревожную, предбоевую. Под растянутой на кольях плащ-палаткой шел тихий дружеский разговор про громкие дела бойцов и командиров.

Назавтра в «Героической» появилась полоса под общим заголовком:

«Враг боится штыковой атаки. Крепче удар русским штыком!»

Наступление было назначено на следующий день. Ночью, накануне, объявили приказ командования. В эти часы бойцам роздали специальный номер газеты, где говорилось о боевом

большевистском духе наших частей, о целях наступления, обеспечивающего победу, о силе штыковой атаки, о нетерпеливом желании покончить с назойливым врагом. Хорошо подобранные «шапки», боевая передовица, энергичные и короткие заголовки, ряд статей, очерков, зарисовок — все это было составлено так, чтобы рассказать воину-патриоту о непосредственных задачах наступающего утра.

Газета была подготовлена на сутки раньше, по указанию товарища Мехлиса. Она была отпечатана в полевой типографии без указания даты.

«В атаку! За Родину, за Сталина!.. Со штыками наперевес на врага!.. Пришла расплата!..

Любимая Родина зовет нас к победе!», — говорили заголовки.

Можно сказать без преувеличения, что номер «Героической», посвященный генеральному наступлению, вошел в общий инвентарь военного снаряжения, необходимого для боя.

Вечером 19-го редакция выехала на фронт. По дороге в глаза бросался изменившийся вид степи. Еще вчера вдоль пути стояли табуны бронемашин, танки, пехотные части, грузовики. Сегодня дорога была пустынна. Следы гусениц и колес виднелись на придорожной глине. В траве лежали пустые консервные банки и раздавленные жестяные ведра. На подходах к реке, под холмами, тщательно укрытые от взоров неприятеля, стояли машины с понтонами.

Части передвинулись к передовым линиям. От живописных берегов реки, поросших высокой травой и камышом, пехота переходила к подножию сопок, занятых противником. В темноте слышны были шаги, раздавалась команда: «По отделениям! Дистанция 50 метров!» Изредка колонны освещались короткими вспышками орудийных выстрелов. В окопах, в полной темноте, политруки обходили красноармейцев, раздавая сегодняшний номер «Героической Красноармейской». Его читали в блиндажах при свече.

Настроение бойцов было суровое и торжественное. У входа в землянку младший командир начищал до блеска сапоги. Увидев корреспондента, он сказал, подмигивая: «Готовимся к празднику, ребята!»

Утром началось наступление.

В этот день повсюду, где кипел бой, находились литературные работники, писатели или военкоры «Героической Красноармейской». В комплекте газеты эти десять дней наступления и победы занимают особое место. Одновременно со сводками и короткими инструктивными «шапками» газета печатала писательские отчеты о вчерашних боях.

В первый день наступления весь состав редакции, включая ответственного редактора, находился на передовых позициях. Очередной номер был выпущен секретарем — единственным сотрудником, оставленным на месте. На командном пункте дежурил один из сотрудников. Он переправлял в редакцию со связным мотоциклистом получаемые с места боев корреспонденции.

Работникам газеты часто приходилось бывать под огнем. Случалось, что по суткам не было известий от некоторых сотрудников. Вместе с героем Федюнинским был тяжело ранен литературный сотрудник газеты Чернышенко. Легковая машина, в которой ехал редактор газеты вместе с писателями Л. Славиным и М. Розенфельдом, была разбита осколками воздушной бомбы.

«Городок Героической» также неоднократно подвергался налетам вражеской авиации. Обычно здесь все обходилось благополучно. Только один раз были легко ранены два красноармейца из случайно проезжавшей мимо редакции автоколонны.

Еще несколько дней — и наши войска героически громят врага по всему фронту. Тема очередного номера — «Удвоим удар! Добьем врага!» Об этом говорит передовая. Об этом говорят отчеты писателей. Об этом же говорят статьи о вчерашней атаке, написанные красноармейцами, которые сегодня снова участвуют в бою.

В самые жаркие дни наступления не прекращался поток писем-корреспонденций: «Многоуважаемая редакция, любимая наша Героическая газета! Сегодня снова три раза наше подразделение участвовало в штыковом бою...», «Товарищ редактор! Письмо федюнинцев мы обсуждали вчера перед атакой и хотели написать вам тогда же, но от взрыва вражеского снаряда я был засыпан землей...» Материал в письмах был неисчерпаемый. В иные дни в редакцию поступало до 70 корреспонденций.

В каждом номере газеты мы встречаем наряду с именами писателей имена военкоров: их очерки, письма, стихотворения и статьи. Дневники летчика Овчинникова, очерки замполитрука Иноземцева, техника-интенданта Троицкого, связиста Петухова и многих других освещали то, что не удавалось подметить профессиональным журналистам.

Своеобразное место занимают на страницах «Героической» литературные портреты. Чаще всего их писал В. Ставский. Они были популярны на всей линии фронта. Много и хорошо писал в газете Л. Славин. И. Экслер давал зарисовки и статьи о врагах. М. Розенфельд писал о летчиках. Это была наша первоначальная литературная группа.

В дни заключительных боев в газете появились поэт К. Симонов, песни которого на темы дня сейчас же стали распространяться в частях, и Н. Кружков, писавший острые сатирические фельетоны. Вслед за ними приехал журналист З. Хирен, участник хасанской кампании. Они остались на фронте и по окончании боевых действий, когда части начали готовиться к трудной степной зиме.

Каждый из нас, сотрудников «Героической Красноармейской», кроме корреспондентской работы, занимался обычным, повседневным газетным трудом: «правил» материал, писал заметки, составлял беседы и интервью. В редакции и в типографии люди работали с пылом и натиском.

В коллективе «Героической» не было вялых работников. Неутомимые фотокорреспонденты М. Бернштейн и В. Темин поспевали всегда во-время, проникая всюду, где «горячо». Секретарь редакции Певзнер, литработники Борисов, Ломазов, Путыгин, младший политрук Трояновский — все это были настоящие большевики-журналисты, люди, преданные своему делу.

Для журналистов и литераторов работа в «Героической Красноармейской» явилась практическим семинаром четкости, оперативности и боевого советского патриотизма. Мы увидели Красную Армию в бою!

★

★

Старший политрук Б. БАТАВИН

ДИВИЗИОННАЯ ГАЗЕТА

Наш воинский поезд идет на восток, мимо родного Предуралья. Итак, редакция в пути. Автобусы на платформе. Редакционные работники в купе вагона. Решили выпускать походную газету. Для начала газета будет уменьшенного формата и на одной стороне листа. Всех волнует вопрос, можно ли будет на ходу набирать: ведь типография в автобусе, а автобус на платформе. Сотрясение при движении изрядное. Но наши наборщики Баталов и Овсянников обещают справиться с этой сложной работой.

Еще сложнее с версткой. Но здесь нас должны выручить остановки эшелона. На остановках также будем связываться с редколлегиями боевых листков и военкоровским активом.

Основные темы статей и заметок: бдительность в пути, соблюдение военной тайны, сохранение военного имущества, всемерное укрепление воинской дисциплины, питание красноармейцев.

Первый номер газеты был встречен красноармейцами очень тепло. Это нас еще больше воодушевило. Следующие номера

уже выходили на двух полосах. Наборщики прекрасно справились с работой.

Печатали также на ходу. Машину вертели вручную. Характерный штрих — красноармейцы сами вызывались «крутить газету». «Только бы, — говорят, — скорее выходила».

Газету распространяли в трех эшелонах.

Большинство остановок были весьма краткими. «Пункт сбора материалов», — как его назвал секретарь редакции Пепеляев, — установили у вагона-кухни. Бойцы и командиры, получая завтрак, обед или ужин, тут же имели возможность передать представителю редакции заметку. Активно помогали нам боевые листки.

На одном из разъездов узнал о сообщении ТАСС, посвященном событиям в Монгольской Народной Республике. Естественно, что у нас прежде всего возникло желание поскорее достать текст этого сообщения и напечатать в своей газете. Но где его достать? Мы — на колесах. Газет нет, и вот принимаем решение: в Иркутске связаться по телефону с редакцией местной газеты, чтобы получить эту информацию. Вот и Иркутск. Из местного отделения НКВД связываюсь по телефону с редакцией. Записывая, поглядываю в окно на хвост эшелона. Договорились, что если эшелон уйдет, я его догоню. Через станцию у нас предполагалась большая остановка.

Разговор по телефону продолжался.

— Как название реки? Давайте по буквам!!

— Халхин-Гол? Есть! Диктуйте дальше...

Эшелон тем временем ушел. Сообщение ТАСС у меня в кармане. Через два часа догнал свою неустанно двигающуюся редакцию. Сообщение, так волновавшее всех, уже набирается, и вскоре на маленьком разъезде у берега Байкала митинг. Суровы лица бойцов и командиров. Радостью сверкают глаза, когда говорят о подвигах бесстрашных советских летчиков.

— Да здравствует Сталин!

— Да здравствует Ворошилов!

Гремит грозное красноармейское «ура».

Вот митинг закончен. Поет труба горниста.

— По вагонам!

— В путь! Вперед!

И поезд, словно угадав наши мысли, идет быстрее, мча эшелон дальше на восток, через бесчисленные байкальские туннели.

На утро редакцию засыпали резолюциями. Бойцы, командиры и политработники клянутся с честью выполнить воинскую присягу, говорят о своей готовности защищать безопасность Родины. Этому посвящаем передовую статью. В пути таким же способом достаем новые сообщения ТАСС.

Эшелон уже идет по дороге имени Молотова. Значит, никаких сомнений нет в том, что мы едем в Монгольскую Народную Республику. Вот тихая станция, Петровский завод... Вот полустанки с воинскими эшелонами. Вот и конечный пункт. Пройден одиннадцатидневный путь. В дороге выпущено четыре номера газеты. Самое интересное — впереди.

Закончена разгрузка несложного редакционного имущества. Наши автобусы: наборный и машинный, послушно скатываются с платформы по бревенчатым настилам.

Вещи погружены в автобусы, туда же переселяемся и все мы — редакционные работники, наборщики, печатники.

Через несколько километров, проехав поселок Барнаул и Чиндант 2-й, останавливаемся лагерем на берегу быстрой и мутной речки Борзя.

Уже натягиваются палатки. Из автобуса выкатываем движок. Старый, много раз чиненный движок. Пробуем ход печатной машины: она работает безотказно. Приготовленные заранее статьи уже набираются.

Впереди новый путь по незнакомой монгольской степи.

Жара, безводье, отсутствие населенных пунктов, незнакомая страна! Всего на марше мы выпустили шесть номеров. Наборщики и печатники работали с подлинным героизмом. Во время остановок они не отдыхали. В степи мы почти совсем не получали газет. Информация ТАСС отсутствовала. На помощь нам пришли военкоры-связисты. Они организовали приемку сводок информации. Так появились в газете долгожданные телеграммы о событиях на Родине и за советским рубежом.

В газете регулярно давались короткие статьи под рубрикой: «Советы бойцу», «Личная гигиена, правила питья воды на походе», «Поход в жару», «Как отдыхать на привалах».

Не доезжая города Баин-Тумэн, мы встретились с ранеными бойцами нашего 603-го полка, уже участвовавшего в боях с японцами. Правдивые патриотические рассказы раненых мы поместили в газете. Отважные воины Красной Армии рвались скорее обратно на фронт.

...Тамцак-Булак. На краю селения у изгиба степных дорог — следы недавней бомбежки. Наши редакционные машины глубоко зарываем в землю. Сверху покрываем веревочной сеткой с вплетенной травой.

До сих пор газету экспедировала сама редакция. Бывая в частях, мы привозили газеты. Раздавали газеты встречающимся эшелонам, автоколоннам. Нам приходилось туговато, поскольку мы не имели других средств передвижения, кроме своих тяжелых специальных машин. С прибытием в Тамцак-Булак экспедирование проходило через политотдел.

Первыми поехали на передовую линию работники редакции тт. Пепеляев и Хазов.

Давно уже редакция ставила вопрос о переименовании газеты. Название «За боевые темпы» недостаточно полно выражало настроение бойцов. Газете дали заголовок «За Родину!» Заголовочного деревянного шрифта у нас не оказалось. Как же сделать новый заголовок?

— На линолеуме! — подал кто-то мысль. Но кто сможет вырезать заголовок?

— Попробую, — вызвался печатник Любимов.

Где достать линолеум? Все надо было делать быстро. Нашли выход: вырезали кусок линолеума, покрывавшего пол наборного отделения.

Выпуск первого номера «За Родину» был ознаменован первым знакомством с японскими самолетами.

Послышались глухие взрывы. Подкравшиеся с большой высоты японские летчики пытались неожиданно бомбить Тамцак-Булак. Но вражеские стервятники потерпели поражение. Их бомбы рвались в степи, в стороне от селения. Японцам пришлось спасаться от наших зениток и истребителей. Мы наблюдали воздушный бой.

Первый номер «За Родину» выпустили со свежим материалом, привезенным с фронта Пепеляевым и Хазовым.

Сообщение этих товарищей заслушали на собрании сотрудников и бойцов, работавших в типографии.

Пепеляев и Хазов рассказали о замечательном подвиге бесстрашного командира отделения Павла Пономарева, ныне Героя Советского Союза. 18 июля поместили письмо командира взвода Антипина: «Как командир отделения Пономарев бил японцев».

Но вот поступил приказ командования частям: двинуться ближе к передовым линиям. Вместе с бойцами пошла и наша редакционная колонна.

Дождь испортил дорогу. 20 июля, к рассвету, мы были у склонов горы Хамар-Даба, во втором эшелоне штаба дивизии. Передовые линии были от нас в шести километрах по прямой.

Утро. Моросит дождь. Замаскированные сетками и травой наши автобусы готовы к работе. Саперы уже копают для машин новые земляные убежища. Наборщики, не теряя времени, набирают материал в очередной номер. Наш движок, прикрытый от дождя навесом из брезента, в полной исправности. Рядом редакционное совещание. Сидеть негде: кругом мокро. Плащи-палатки накинуты на плечи. Стоя под дождем, обсуждаем основные темы ближайших номеров.

Вместе с инструктором-литератором Кайгородовым пошли в этот день собирать материал об артиллеристах. Батарея толь-

ко что отстрелялась. Беседуем со старшиной Усатовым и наводчиком Беляевым. Они рассказали нам о связистах Дремине и Кудряшеве. Связисты трижды под яростным огнем японцев хладнокровно и четко восстанавливали порванную осколками связь.

Находим Дремина.

Но вот команда: «Воздух!» В небе — японский разведчик-корректировщик. Летит довольно низко. «Ну, сейчас японская артиллерия бить будет», — говорит Усатов. Ближе и ближе рвутся японские снаряды. На батарее после каждого разрыва кричат:

— 50 метров!

— 30 метров!

— 15 метров!

Но наши артиллеристы не из робких. Они спокойны под огнем противника. Больше того, разрывы японских снарядов сопровождаются язвительными остротами по адресу врага. После одного из разрывов кто-то из артиллеристов кричит:

— Неточно бьют! Глаза косят у японцев! Это у них от расширения зрачков на чужую собственность!

Бойцы смеются. Кайгородов тоже не выдержал, высунувшись из щели с записной книжкой в руках, кричит: «Кто сказал насчет зрачков?» Оказывается — сказал командир огневого взвода тов. Карусев...

Наши читатели требовали от газеты сводки боевых действий. В «Героической Красноармейской» такая сводка печаталась.

Мы поехали специально в редакцию «Героической Красноармейской», чтобы выяснить, нельзя ли сводки нам получать одновременно с ними. И каково было наше удивление, когда мы узнали, что эти сводки не приходят готовыми в редакцию. Их составляет сама редакция. А для этого они ездят ежедневно в штаб армейской группы и на передовые позиции.

Вернувшись домой, сразу принялись по этому принципу за составление сводки. Это был первый и, надо сказать, нелегкий опыт.

Вечером на командном пункте мы читали записи дежурных, донесения, приказы. До командного пункта добираемся частью пешком, частью с походной кухней, обратно с грузовиком, везущим легко раненых. Беседуем с красноармейцами. У них одно желание: скорее обратно на фронт. Да, это действительно советские богатыри! Подходим к «дому». Заметить этот «дом», тем более ночью, нельзя: все тщательно замаскировано. Только ухо улавливает отчетливый стук нашего движка. Это печатается первая полоса «За Родину!» Скорее сводку в набор! Итак, завтра бойцы прочтут первую сводку «С полей боевых действий нашей части».

Уже начинает светать. Кончился один из многих фронтовых дней. Усталость напоминает о себе. Поспать не мешает. Где? Лучшее место около печатной машины в автобусе. Рокот моторчика и лязг машины усыпляют. Печатник Федотов поглядывает изредка, чтобы ненароком рычаг «американки» не задел голову журналиста, уснувшего вблизи машины.

...30 июля осталось в памяти навсегда. Накануне батальон 603-го полка крепкой контратакой сильно потеснил японцев. Сейчас нужно было обобщить опыт бойцов: как действовали лопатой, штыком, прикладом. Утром Пепеляев — наш секретарь редакции уехал в 603-й полк. Задание было: побеседовать с бойцами о проведенных боевых действиях и, кроме того, узнать точнее, где сейчас находится, куда отправлен раненый Пономарев. По обыкновению тепло простились.

Через несколько часов секретарь политотдела сообщил тяжелую весть: разрывом японской мины сильно ранены комиссар 603-го полка Пильник и Пепеляев.

— Где они сейчас?

— Увезли в санбат.

Немедленно едем с Кайгородовым туда.

Пепеляеву недавно сделали операцию. Он лежал на носилках. Голова, руки, ноги перевязаны. Сквозь повязки раны кровоточат. Садимся рядом на землю.

— Здравствуйте, боевые товарищи! — первые слова раненого секретаря редакции.

И второе:

— Товарищ редактор, в газете мы опечатку допустили: командир 603-го полка Зайюльев, а не Заюльев!

Пепеляев — боевой секретарь редакции и сейчас был верен себе. Он весь в этой фразе. Страстный большевик, не жалеющий своих сил, здоровья, жизни за родное дело Ленина — Сталина.

Доктор Кравец рассказал нам, как мужественно держался наш секретарь во время операции. Ни одного стона, ни одной жалобы.

Много замечательных военкоров выросло у нас в эти боевые дни. Все они, так же как и весь наш редакционный коллектив, стремились сделать газету интересной, боевой, злободневной. Комсорг из 603-го полка тов. Яговцев ежедневно информировал о ходе боевых действий на участке его подразделения.

Разведчик-редактор боевого листка Стерлядев рассказывал в заметках о каждой удачной разведке.

Старшие политруки тт. Пильник, Пысенко, политрук Севостьянов не только сами писали в газету, но и повседневно привлекали бойцов и командиров к участию в дивизионной газе-

те. Лейтенант Крапивин давал интересные литературные заметки, живым языком описывая боевые эпизоды.

Пулеметчик Федотов писал интересные заметки о том, как занимали новые рубежи, как маскировались, что делает неприятель. Федотов писал почти в каждом номере. Десятки бойцов, командиров, политработников, геройски сражавшихся в боях, стали нашими активными военкорами, с ними мы поддерживали повседневную связь. Приезжая в часть, отыскивали их, и, как правило, у них для газеты уже готов был материал.

Проходила половина августа. Редакция получила приказ переехать в первый эшелон штаба дивизии. Утром 18 августа редакция «За Родину!» двинулась в путь. Но события нас обогнали. Не успели мы проехать и полпути, как нас встретил новый приказ — срочно напечатать листовки командования и политотдела и памятку бойцу. Раздумывать было некогда. Немедленно, тут же, в степи, неподалеку от второго эшелона, развернули типографию. Значение порученной работы понятно. В листовках было обращение командования дивизии и политотдела о долгожданном наступлении! Памятка бойцу также говорила о наступлении.

«Клянемся Родине, товарищу Сталину беспощадно расправиться с ненавистными японцами!» С таким лозунгом вышла газета в первый день генерального наступления. В номере были заметки красноармейцев, пехотинцев, артиллеристов, разведчиков, связистов. Все они говорили об одном: о желании с честью оправдать доверие Родины. Казалось, все роды войск пожимали друг другу руки, идя в стремительное генеральное наступление.

Нам дали задание в дни наступления выпускать газету ежедневно, пусть даже за счет объема.

Провели совещание. Оно было коротким. Как говорится, «слышимость была плохая»: через наши головы летели снаряды, на небе стремительной стальной тучей неслись наши красавцы-самолеты.

Решение наше было такое: выпускаем газету ежедневно, размер ее не уменьшать.

Наборщики, печатники и работники редакции забыли о сне. Весь коллектив, без исключения, в том числе и новые сотрудники редакции — младший политрук Ерохин и красноармеец Гущин, был полон напряженного желания: всем своим существом, способностями, энергией помочь фронтовикам на передовых позициях — добиться быстрейшего уничтожения врага.

23 августа газета выходит с аншлагом: «Враг в кольце! Беспощадно истребим японских провокаторов!»

Перед нашей дивизией стояла конкретная задача — захватить Песчаную и Зеленую сопки.

24 августа газета дает аншлаг: «За полную победу, боевые товарищи! Штыком и гранатой очистим Песчаную и Зеленую сопки от японских псов!»

Вскоре героические бойцы, возглавляемые большевистскими командирами, комиссарами, политработниками, с честью выполнили свою боевую задачу.

Вместе прошли мы большой интересный боевой путь. И теперь, работая над номером, посвященным полному разгрому японских захватчиков, каждый хотел внести свое слово, свою мысль. Каждый хотел, чтобы этот номер был лучше предыдущих.

★

*

Политрук А. КРЫЛОВ

БОЕВЫЕ ЛИСТКИ

Эта газета нигде не печаталась. Все написанное в ней умещалось на небольшом листе бумаги. Но сила большевистского слова везде одинакова. К газете тянулись десятки глаз. Прочитанная одним бойцом, она тотчас же переходила в руки другого. В читателях не было недостатка. Полковая газета «Залп» тиражом в один экземпляр быстро обходила всю часть.

Так было на фронте.

* * *

Газета «Залп» начала свое существование задолго до боевых действий. Она родилась далеко от реки Халхин-Гол. Вместе с полком газета двигалась к району боев.

Большой переход полка к линии фронта был чрезвычайно труден. В нестерпимую жару, несмотря на отсутствие водных источников, полк проходил пешком по 50 километров в сутки. Все эти дни газета не разлучалась с красноармейцами. Она выходила регулярно. На ее страницах бойцы видели отражение своей выносливости и мужества.

Но вот и фронт. Выходить типографским способом газета уже не могла. А большевистское печатное слово было необходимо бойцам, как пища. Всякая газета, попавшая красноармейцам, зачитывалась до дыр.

Что же делать? О том, чтобы прекратить существование «Залпа», никто и не помышлял. Наоборот! Все мы чувствовали, что газета на фронте должна выходить чаще, чем это было раньше.

Выход один — писать газету от руки.

На первых порах мы встретили много трудностей. Как писать, как оформить газету, а главное, как довести единственный ее экземпляр под обстрелом противника до тысячи читателей? Ответы на эти вопросы нужно было немедленно дать делом.

Время не терпит. Мы решили писать газету на обыкновенном развернутом листе бумаги. Из фанеры сделали обложку на манер книжной. Это для того, чтобы газета не мялась и не пачкалась. Клуб части выделил квалифицированного чтеца. Этот товарищ бережно брал нашу незатейливую газету. С ней он полз и в траншеи и в одиночные окопы. В перерывах между артиллерийскими залпами он раскрывал обложку и ровным голосом, от первой до последней строки, читал бойцам газету.

И дело пошло!

Первые номера носили еще отпечаток спешки. В них были лишь заметки членов редколлегии. Зато потом число наших военкоров исчислялось десятками. Писем в газету было столько, что мы не смогли их целиком использовать. А ведь за все время боев «Залп» выходил точно два раза в пятидневку.

Благотворно влияла полковая газета и на «Боевые листки». Мы старались опираться на них, расширяя круг своих военкоров. «Залп» добивался, чтобы «Боевые листки» выходили ежедневно. В период боев так оно и было. За сорок дней — с 19 июля по 29 августа — в 1-й батарее выпустили сорок восемь номеров «Боевого листка». Меньше чем за месяц эти маленькие газеты подразделений использовали более 1 200 военкоровских писем.

В боях у Халхин-Гола с необыкновенной яркостью проявилась организующая роль и действенность большевистской печати.

Однажды в батарее от одного из редких попаданий неприятельской артиллерии загорелись ящики с зарядами. Еще мгновение — и орудийный склад взлетит на воздух. Нащупав нашу батарею, японцы уже не прекращали обстрела. Воды для тушения пожара нет. Старший по батарее тов. Корзунин не растерялся. Не теряя ни секунды, он приказал бой-

цам забрасывать горящие ящики землей. Под ураганным огнем противника пламя пожара было сбито.

Газета широко рассказала своим читателям о смелом решении тов. Корзунина и отваге бойцов.

И когда спустя несколько дней в пятой батарее загорелись ящики с зарядами, наводчик Шиляев, не ожидая чьих-либо распоряжений, помня лишь опыт первой батареи, стал забрасывать землей вспышки огня. Взрыв и на этот раз был предотвращен.

Примеров такого прекрасного использования боевого опыта, рассказанного газетой, можно привести немало.

В однов из номеров «Залпа» бойцы прочли о том, как младший лейтенант тов. Ермаков под обстрелом противника отрыл из разрушенного бомбой окопа двух бойцов — Шалаева и Кощева.

Отвага лейтенанта произвела большое впечатление на красноармейцев. Они долго обсуждали заметку.

И вот через некоторое время я узнал о таком случае. В окопе завалило политрука Шумакова. Вблизи никого не было. Вместе с политруком находился лишь командир отделения Бурко. Но и он оказался засыпанным. Однако ему удалось самостоятельно высвободить голову и руки. Находясь по плечи в земле, не обращая внимания на рвущиеся кругом снаряды, он дотянулся руками до политрука. Окровавленными пальцами тов. Бурко разгребал комья щебня и глины, откапывая своего товарища. И лишь когда политрук получил возможность дышать и на помощь приползли другие бойцы, командир отделения стал откапывать себя. Об этом наша газета подробно написала.

* * *

Каждым номером наша скромная газета вдохновляла бойцов, воспитывала в них бесстрашие, героизм, вселяла любовь к Родине и ненависть к врагам.

Отрадно думать, что в боевой биографии полка известную роль сыграла и наша газета, что враг почувствовал силу и нашего «Залпа».

★

★

Полковой комиссар И. СОРКИН

ИДЕЙНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ЯПОНЦЕВ

Ради новой авантюры на границах Монгольской Народной Республики японская военщина пригнала в район реки Халхин-Гол самые лучшие части квантунской армии, специально готовившиеся к выступлению против Советского Союза. Так, например, 23-я пехотная дивизия считалась в Японии «непобедимой, храброй, могущественной дивизией императорской армии». «Дивизия должна уничтожить войска Внешней Монголии в районе Номанхана», — писал в приказе от 21 мая командующий 23-й пехотной дивизией генерал Камацубара. Вот какие надежды возлагались на «непобедимую»!

Японская военщина выставила на фронт отборные кадры. 7-я и 23-я пехотные дивизии были укомплектованы главным образом сынками богатых крестьян, торговцев, мелких и средних помещиков. Показательно, что при общем невысоком культурном уровне японской армии большинство солдат, попавших к нам в плен, имело образование в объеме 7—8 лет обучения.

Наряду с чисто японскими войсками в районе реки Халхин-Гол действовали части маньчжурской и хинганской армий. Квантунское командование приняло все меры, чтобы сделать эти части своим послушным орудием. Они были насыщены специально подобранными японскими офицерскими кадрами.

Что же составляло основу политико-морального состояния японских войск? Хваленый патриотизм японского солдата порожден полной его политической безграмотностью, религиозными предрассудками, националистической пропагандой Жестоким режимом и неограниченным произволом офицерства бесчеловечно подавляются малейшие проявления свободной мысли в солдатской массе. Политическая обработка японского солдата зиждется на сплошном злостном обмане. При разговорах с пленными казалось, что это существа с другой планеты, настолько смутно они представляли даже те политические события, участниками которых являлись. Например, пленный солдат Ясудо Есио на вопрос о причинах войны между Японией и Китаем отвечал: «Офицеры рассказывают, что война идет потому, что китайцы поднимают волнения, грабят японцев. Япония наводит в Китае порядок. Сам же я по этому вопросу сказать ничего не могу, так как ничего не знаю».

Почти все пленные утверждали, что о СССР ничего не слыхали. Они лишь знают о существовании России, которая в 1904—1905 гг. потерпела поражение от Японии. Летчик-истребитель старший унтер-офицер Исибэ заявил: «Когда говорят о Красной Армии, всегда приводят в пример русско-японскую войну. О современной Красной Армии нам ничего не рассказывали, от нас это скрывают».

Никакого представления не имели японо-маньчжурские солдаты о действительных причинах конфликта на границах Монгольской Народной Республики. Все пленные в один голос утверждали, что советско-монгольские войска перешли границу для захвата Маньчжурии. Именно так объясняли им события офицеры.

Совершенно ясно, что слово большевистской правды, занесенное в среду обманутых солдат, как лучом света, должно было озарить их сознание. Идейная война, которую мы повели против японских захватчиков и провокаторов, была для императорских генералов не менее страшна, чем лихие атаки нашей пехоты или грозные налеты авиации.

Политико-моральному состоянию японо-маньчжурских войск, основанному на обмане, водке и страхе, был нанесен весьма ощутительный удар.

Нет сомнения, политработа среди войск противника сыграла большую роль в разгроме вражеских войск в районе реки Халхин-Гол.

* * *

Начав идейную войну против японских захватчиков, мы поставили себе целью добиться разложения действовавших на фронте японо-маньчжурских войск, подорвать боеспособность солдат и ослабить тыл противника.

Каково же было содержание нашей политработы среди войск врага?

Из допросов пленных солдат нам было известно следующее.

Японская военщина скрывает от солдат действительные причины конфликта на границах Монгольской Народной Республики.

Офицеры лгут солдатам о победах японских войск и умалчивают о поражениях.

От солдат утаивают правду о том, что творится на их родине.

Эти сведения в основном определили содержание нашей пропаганды.

В лозунгах, листовках и газетах, предназначенных к распространению среди японо-маньчжурских войск, мы разоблачали империалистический характер войны, затеянной японскими захватчиками против монгольского народа. Почти все листовки были написаны самими же пленными и отпечатаны за их подписями, часто с портретами авторов. Стоит ли говорить, что это весьма повышало действенность нашей пропаганды?

Вот одна из таких листовок:

«Японские солдаты! Офицеры вас хитро обманывают. Они скрывают от вас правду относительно МНР. Японские генералы, которые являются капиталистами и помещиками, начали войну ради порабощения МНР. Свободный монгольский народ не желает войны. Голодный и изнуренный японский народ тоже не хочет воевать.

Вы не знаете безвыходного положения своих семей, так как офицеры рвут письма, идущие вам из дома. Жизнь японских солдат — рабство. Офицеры пьянствуют, бьют нас и посылают убивать наших братьев. Долго ли так будет?..

Я сдался в плен и живу теперь радостно и бодро. Советую и вам перейти на сторону свободного монгольского народа.

Солдат 1-го разряда 26-го пехотного полка Ямодзаки».

Пленные подробно осведомляли нас о жизни и быте японо-маньчжурских войск. Многие солдаты рассказывали о тяжелом материальном положении своих семей, о нечеловеческой эксплоатации, которой подвергаются рабочие и крестьяне в Японии. Все пленные говорили об издевательствах офице-

ров, о пьянстве и разврате, царящих в офицерской среде, о жестоких избиениях солдат. Пленный солдат 1-го разряда Уеда Маса заявил: «Бить солдата в Японии — обычное дело. К этому каждый привык и не находит в этом ничего особенного». Более всего издевались японские офицеры над солдатами хинганской армии. «Японские офицеры, работающие в нашем 5-м кавполку, сильно бьют хинганских солдат,— сообщил один пленный.— Солдат Карта был избит офицером Якки за опоздание в строй, а Иванда — за плохое усвоение материальной части».

На материале этих показаний была написана следующая листовка:

«Рабочие и крестьяне японской армии! К вам обращается солдат 64-го п. п. 23-й дивизии Сибато Суэа. Я перешел на сторону советско-монгольских войск, спас себя от смерти и получил хорошую жизнь.

Японские капиталисты и генералы загубили свыше одного миллиона солдат — трудящихся Японии — в грабительской войне с Китаем. Япония стала страной вдов и сирот, но этого мало генералам, помещикам и капиталистам. Они затеяли новую войну против свободного народа Внешней Монголии...

Нам, трудящимся, война приносит неисчислимые бедствия. Наших братьев и сестер на фабриках и заводах заставляют работать по 18 часов в сутки. Офицеры бьют нас за малейшие провинности и без всяких провинностей. Вот меня командир взвода поручик Кована избил ни за что.

Переходите на сторону советско-монгольских войск. Нас здесь много, и всем хорошо».

Другая листовка гласила:

«Японские солдаты! Ваши офицеры пьянствуют и развратничают. Вас посылают на убой ради наживы богачей, а в это время на родине в Японии ваши семьи терпят нужду, голодают. Ваши раненые товарищи умирают в госпиталях от плохого ухода... Ваших жен и сестер покупают для поругания развратники-офицеры... Кончайте войну против братьев-монголов! Возвращайтесь организованно, с оружием в руках на родину! Спасайте жизнь и свои семьи!»

В июле, в разгар воздушных боев, мы выпустили ряд листовок специально к японским летчикам.

Лозунги, листовки и газеты мы выпускали на трех языках: японском, китайском и монгольском. Естественно, наша пропаганда среди маньчжурских и хинганских частей имела свои особенности. Антагонизм между японским офицерством и национальным командным составом, издевательства японцев над маньчжурскими и монгольскими солдатами, ненависть к поработителям-японцам — все это создавало благоприятную почву для нашей работы.

В японском тылу росло и ширилось партизанское движение. Наша пропаганда способствовала его развитию. За подписью группы хинганских солдат и офицеров, ушедших с фронта и действовавших в японском тылу, была выпущена листовка-обращение, призывающая к выступлениям против японских завоевателей.

«Японские офицеры,— говорилось в листовке,— относятся к баргутам, монголам и китайцам, как к свиньям. Над нами издеваются, нас презирают и заставляют воевать против наших монгольских братьев. Во главе отрядов ставят японских офицеров, ибо лучшие наши командиры, в том числе майор Рашитилик и капитан Ванджил, перешли на сторону советско-монгольских войск. Во главе хинганских кавалерийских отрядов поставлен японский генерал Номура — известный пьяница, казнокрад, развратник и предатель. В результате предательства наши кавалерийские отряды были разбиты, уничтожены огнем артиллерии и самолетами. Остатки кавалерийских отрядов побросали имущество, разбежались.

Лучшие цирики организовались в отряды, захватывают японские обозы, где много награбленного имущества и вина. Бросайте фронт, с оружием в руках переходите в наши отряды! Отомстим японцам за издевательства над нами и над мирным населением Маньчжурии и Внутренней Монголии!»

Наряду с листовками мы выпускали газеты «Голос японского солдата», «Монгольский арат», «Китайский народ непобедим». В газетах помещался подробный материал о международной политической жизни, о положении в Японии, о героической борьбе китайского народа, о восстаниях японо-маньчжурских войск на китайском фронте. Большое место уделялось также заметкам, письмам и обращениям пленных солдат и офицеров, призывавших своих товарищей прекратить войну, перейти на советско-монгольскую сторону.

Приведу вкратце содержание одного из номеров газеты «Голос японского солдата», издававшейся на японском языке.

В передовой статье шла речь о восстаниях в баргутских частях против японцев, о дезертирстве и партизанском движении. С содержанием передовой перекликались заметки о росте дезертирства в японской армии, о тяжелом положении родных и обращение «Уничтожим виновников войны». Все эти материалы были написаны самими же пленными. В газете напечатано несколько фотографий, иллюстрирующих жизнь пленных у нас: перевязка пленного, пленный за обедом и другие. К заметке пленного летчика Факуда дан снимок, изображающий его у самолета.

Наши войска готовились к решительному удару против японских провокаторов войны. Разрабатывался план окруже-

Печатание листовок на китайском и японском языках

ния и окончательного уничтожения противника. Необходимо было еще более усилить пропаганду среди вражеских частей.

Успешные действия частей 1-й армейской группы вселили в ряды врагов страх перед мощью советского оружия. Все чаще и чаще в показаниях пленных солдат стали звучать нотки, по которым легко можно было догадаться, что в рядах японо-маньчжурских войск растет неверие в свои силы. Враги успели уже на собственной спине испытать и разящие удары красноармейского штыка, и губительную силу советских снарядов, и испепеляющий огонь нашей авиации. Пленный солдат Аройнитаро заявил: «Ваша артиллерия очень искусная. Она лучше японской». Другой солдат, Кивано Хисаи, на вопрос, какого оружия больше всего боятся японцы, ответил, что японские солдаты боятся артиллерии и авиации, а особенно штыковой атаки. Дословно он сказал: «Атака русских страшная». Пленный ефрейтор Томота признался: «При штыковой красноармейской атаке у японских солдат понижается настроение». Солдат Арито Исаво сообщил, что японские солдаты больше всего напуганы советскими танками и бронемашинами.

Противник переживал явный упадок. Перед нами стояла задача усилить эти настроения в рядах врага, тем более, что вскоре предстояло решающее сражение.

Этой цели служила листовка о Баин-цаганском побоище.

«Японские солдаты! Офицеры скрывают от вас полный разгром и уничтожение 71-го и 72-го полков 23-й пехотной дивизии. Генерал Камацубара предательски завел оба полка на западный берег Халхин-Гола. Оба полка были разгромлены советско-монгольской артиллерией. Красные танкисты ворвались в расположение полков на Баин-Цагане и в упор расстреливали и давили солдат, засевших в окопах. На Баин-

Цагане валяются брошенные тысячи японских винтовок, пулеметов, снарядов, машин. Офицеры так струсили, что без штанов бросились в реку Халха, оставив солдат на произвол судьбы.

Более позорного разгрома японских частей, чем на Баин-Цагане, мы не видели. Генерал Камацубара обещал в приказе о наступлении, что его штаб будет в Баин-Цагане. Но он не захотел разделить участь солдат 71-го и 72-го пехотных полков, а предпочел пьянствовать и развратничать в Джин-Джин-Сумэ.

Баин-цаганский разгром двух японских полков свидетельствует о бездарности японских генералов и предательстве японских офицеров. Пора нам, японским солдатам, перестать быть пушечным мясом и игрушкой в руках офицеров. Поднимайтесь, солдаты! Организуйте солдатские советы, прекращайте войну и возвращайтесь на родину!

Группа японских солдат — участников
Баин-цаганского боя».

Особенно интенсивная политработа развернулась в период 19—30 августа, когда части 1-й армейской группы осуществляли план командования по окружению и уничтожению японо-маньчжурских войск. Мы использовали все возможные средства пропаганды, вплоть до радио. Листовки выпускались ежедневно. Они всякий раз отражали конкретную обстановку на фронте.

Отдельно были выпущены листовки к японским, маньчжурским и хинганским солдатам. В листовке, обращенной к маньчжурским солдатам, говорилось о росте повстанческого движения в Маньчжоу-Го, о панике среди чиновников, о недовольстве народа в Японии. «Уничтожайте палачей баргутского и китайского народов,— звала листовка.— Переходите с оружием в руках на сторону советско-монгольских войск. Вам обеспечена жизнь и хорошее содержание».

24—25 августа, когда наши части успешно завершили окружение японо-маньчжурских войск, мы выпустили ряд листовок, в которых рассказали солдатам, что они окружены и обречены на гибель, если не сдадутся в плен.

«Не сегодня, так завтра вы будете уничтожены советско-монгольской авиацией и артиллерией, — говорилось в одной из листовок. — Вас не спасут и укрепления. Славные советско-монгольские пехотинцы приколют вас штыком. Сдавайтесь, пока не поздно. У нас к пленным относятся, как к братьям. Переходите к нам. Только таким путем вы сумеете спасти себе жизнь». Получив сведения, что японские офицеры убе-

ждают солдат не сдаваться, так как скоро придет помощь, мы тут же разоблачили очередную офицерскую ложь.

Десять дней, в которые решалась участь японо-маньчжурских войск, были днями напряженнейшей политработы. В этот период было выпущено и распространено около полутора миллионов экземпляров листовок и газет. Наряду с испытанным боевым оружием победу нашим войскам обеспечило правдивое большевистское слово.

* * *

Наша пропаганда в стане противника очень скоро стала давать положительные результаты. От пленных мы узнавали об исключительном интересе, который проявляют солдаты к нашим листовкам и газетам.

Солдаты охотно подбирали наши листовки, читали их, прятали. Они делали это, несмотря на строжайшее запрещение. Офицеры, по словам пленных, постоянно следили сами и через своих агентов, чтобы солдаты не читали листовок. Некоторые солдаты, боясь хранить листовки при себе, переписывали их содержание в записные книжки. Такие записи были обнаружены у многих убитых. У раненых и убитых мы находили также наши листовки и газеты, глубоко запрятанные вместе с деньгами и документами.

В последние дни окружения произошел случай, ярко иллюстрирующий громадный интерес японских солдат к нашей пропаганде. Наши бойцы, находясь на близком расстоянии от японских окопов, бросили им несколько банок из-под консервов, в которых были листовки. Когда банки долетели до окопов, листовки рассыпались. Группа солдат бросилась их подбирать. В это время в тылу противника застрочил пулемет. Солдаты, подбиравшие листовки, были расстреляны своими офицерами.

Характерно, что в минуты работы нашей широковещательной станции, передававшей тексты листовок на японском языке, солдаты прекращали стрельбу. Пленные рассказывали, что офицеры бегали по окопам, уговаривая солдат не верить нашим радиопередачам. Однако солдаты уже понимали, что правда — в наших листовках и радиопередачах. В этом легко было убедиться при разговоре с пленными.

Вот показания ефрейтора Кимури из 7-й пехотной дивизии.

Вопрос: — Читали ли вы наши листовки?

Ответ: — Листовки читал и даже имел их во всех карманах.

Вопрос: — Как влияли наши листовки на солдат?

Ответ: — Они влияют на настроение солдат, так как задевают больные вопросы и заставляют думать о том, чего

не знал, и о том, что забыл. Когда мы прочитали первые листовки, стали обсуждать вопрос о том, чтобы перейти к вам. Однако переходить страшно.

Вопрос: — Что больше всего запомнилось вам в листовках?

Ответ: — Запомнил ту правду, что беднякам и рабочим в Японии жить плохо. Их эксплоатируют капиталисты и помещики. Это все верно.

Некоторые пленные дословно повторяли тексты наших листовок. Например, солдат Кава Обиро заявил: «Листовки ваши видел, одну читал, в ней было написано: «Японские солдаты, вы защищаете интересы помещиков и капиталистов. Прекращайте войну, повертывайте оружие против тех, кто ее затеял». Солдат Харабота из 71-го пехотного полка сдался в плен с нашей листовкой в руках.

В дни окружения на разных участках фронта наблюдались такие картины: группы японских солдат, выбросив белый флаг, двигались по направлению к нашим частям, и всякий раз из тыла противника звучали выстрелы: офицеры расстреливали перебежчиков в спину.

Но, преодолевая все препятствия и опасности, солдаты бросали фронт, шли к нам. Пленный ефрейтор Накамура из 13-го артиллерийского полка заявил, что, прочтя листовку, в которой было написано: «Зачем вы воюете и отдаете свою жизнь за богачей, этих жадных эксплоататоров?», он сказал себе: «Лучше сдаться в плен, чем возвратиться на родину, где тебя снова ждет беспросветное существование». Он убедился, что к пленным в Красной Армии относятся очень хорошо. «Меня,— говорит он,— быстро обмыли, накормили и напоили».

Еще большее влияние оказывала наша пропаганда на части маньчжурской и хинганской армий.

Среди хинганских и маньчжурских солдат наблюдалось большое недовольство хозяйничаньем японской военщины во Внутренней Монголии и Маньчжурии. Носителями этих настроений были не только солдаты, но и офицеры. Под влиянием нашей пропаганды резко усилился процесс нарастания антияпонских настроений и начался упадок политико-морального состояния.

Это нашло свое выражение в массовом дезертирстве. Уже в конце июля опросом пленных было установлено, что больше 50 процентов личного состава 4, 5 и 12-го кавполков хинганской армии дезертировало. 5-й кавполк к концу июля был отведен в тыл, так как полностью деморализовался.

Пленный Циден Ойроп из 5-го кавполка показал, что в середине июля, когда солдаты впервые получили наши листовки на монгольском языке, из 1-го эскадрона сразу же убежало 20 солдат, 20—30 человек убежали из других эска-

дронов. Другой пленный, Дэфин, рассказал, что хинганские солдаты бегут в тыл, захватывая с собой оружие. За несколько дней до того, как Дэфин попал в плен, из 4-го и 5-го кавполков бежало около 500 солдат. Они направились в районы Солунь и Халун-Аршан. По дороге хинганские солдаты встретились с японскими частями. Произошло вооруженное столкновение.

Дезертиры в тылу объединились в большие группы, общей численностью до тысячи человек.

Несколько листовок было предназначено специально для распространения среди местного населения. Росло партизанское движение в тылу японо-маньчжурских войск. К партизанским отрядам, состоявшим из местных жителей, присоединялись вооруженные отряды дезертиров. В конце августа массовое дезертирство охватило не только части, действовавшие на фронте, но и войска, расквартированные в глубоком тылу.

Командир 3-го полка хинганской армии, донося о причинах партизанского движения, писал: «Партизанское движение в районе Линси является результатом разложения хинганских и маньчжурских войск».

Японские документы к 1 сентября устанавливали, что в бригаде генерал-лейтенанта Ли Му ежедневно дезертирует по 40—50 человек из каждого батальона. По тем же документам стало известно, что баргутские кавалерийские части хинганской армии в большинстве своем разбиты, а остатки их разбежались.

Примеров, характеризующих успех нашей пропаганды в войсках противника, можно привести множество. Достаточно сказать, что командование квантунской армии было весьма напугано влиянием наших листовок и газет.

* * *

В первый период военных действий, вплоть до середины июля, политработа среди войск противника была развернута недостаточно. Действовавший на фронте корпус был организован по штатам мирного времени и не имел базы для ведения идейной войны. Не было полиграфических средств, отсутствовали переводчики.

Армейский комиссар 1 ранга товарищ Мехлис поставил задачу — как можно шире развернуть пропаганду в японо-маньчжурских войсках. В одной из своих телеграмм он указывает: «Вы имеете возможность разлагать противника и его тыл... Как огня, японцы боятся правдивого слова. Вы обязаны это средство крепко использовать. Прекратите крохоборчество в этом деле и разверните идеологическую борьбу широким фронтом».

10 июля политотдел корпуса создал особую бригаду в составе трех человек, которым была поручена организация идеологической борьбы против японских захватчиков.

Как строила свою работу бригада? Один из товарищей опрашивал пленных и суммировал их показания. Затем мы составляли листовки, коллективно обсуждая их содержание.

Раньше все листовки писались только работниками редакции и не всегда отвечали оперативной обстановке. Товарищ Мехлис, приехав в район боевых действий, помог нам составлять листовки. Несколько листовок он написал лично. С этих пор наряду с работниками редакции листовки стали составлять также руководители фронта. Это особенно помогло нам в дни августовского наступления, когда обстановка менялась каждый день. Наша пропаганда стала более действенной.

Постоянно следя за нашей работой, товарищ Мехлис указывал нам темы для листовок, определял формы и методы пропаганды во вражеском лагере и способы распространения отпечатанного материала в войсках противника.

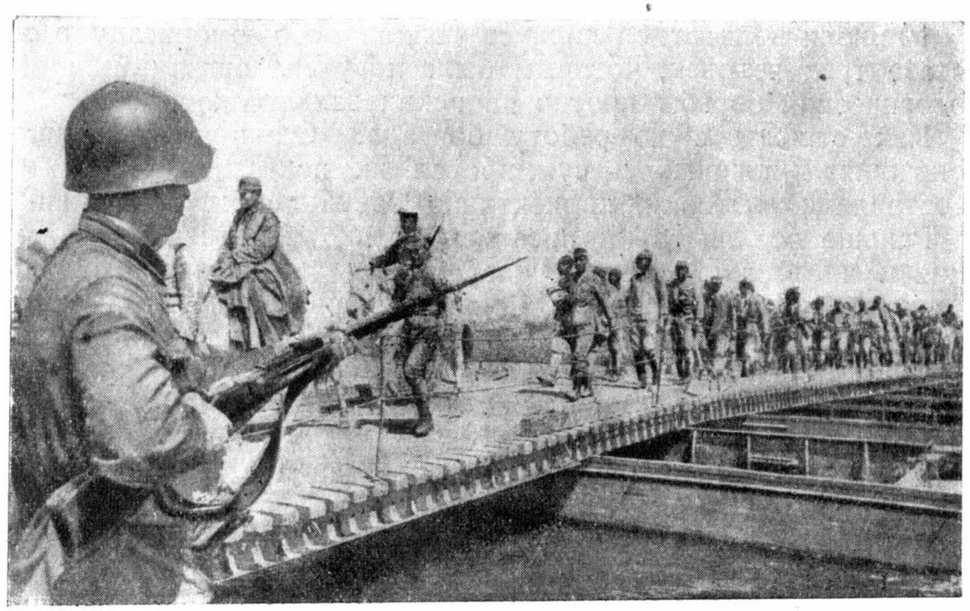
В первый период у нас отсутствовала даже элементарная техническая база. Листовки печатались в Улан-Баторе или Чите. Проходило слишком много времени, пока мы получали отпечатанные, готовые для распространения листовки. Вполне естественно, что их актуальность терялась, многие просто устаревали.

22 июля была создана редакция газеты «Голос японского солдата» (на японском языке). Редактором был назначен я, моим заместителем — батальонный комиссар Бурцев. Кроме того, в состав редакции вошли преподаватель академии тов. Леванов и тов. Усов. Постепенно подобрали кадры переводчиков, создали технический аппарат. ,

Редакции «Голоса» была поручена вся работа по редактированию, изданию и распространению листовок и газет среди войск противника.

По указанию товарища Мехлиса при политотделе 1-й армейской группы создается отделение по работе среди войск противника. Одновременно организуются две редакции: на японском и китайском языках. Из Забайкальского военного округа на фронт переправляется полиграфическая база: шрифт, печатная машина «американка». При редакциях работают переводчики, фотограф.

Таким образом, к моменту решающих действий на фронте работа среди войск противника приняла твердые организационные формы. Прежде нам приходилось работать несколько дней и даже недель, чтобы выпустить одну листовку. Теперь это занимало лишь несколько часов, как это было,



Пленные японцы

например, 26 августа, когда задание о выпуске листовки, полученное в 2 часа ночи, мы выполнили к 6 часам утра.

Надо сказать, что работа среди войск противника была для нас делом новым, и нам приходилось учиться на ходу. Никто из нас не имел опыта. В этом и заключалась первая трудность.

Нашу работу тормозило малое знакомство с бытом, экономикой, политическим строем и положением дел в Японии, Маньчжурии и Китае. А между тем для успеха агитации и пропаганды требовались глубокие и конкретные знания в этой области. Так же плохо знали мы ту массу, для которой предназначались наши листовки и газеты. Например, первый номер газеты «Монгольский арат» совершенно не отвечал уровню его читателей. В нем были помещены две статьи об империалистической политике Японии, изобиловавшие такими терминами, как милитаризм, концерны, синдикаты и т. д. Составители номера не учли, что баргутские солдаты в своем большинстве совершенно неграмотны и что их культурно-политический уровень чрезвычайно низок.

Конечно, предварительное всестороннее изучение вероятного противника избавило бы нас от подобных ошибок.

Для нашей пропагандистской работы необходимы были газеты и журналы, издающиеся в Японии и Китае. Но мы располагали только двумя газетами: «Ници-Ници» и «Маньчжурия Дейли Ньюс», да и те приходили к нам крайне нерегулярно.

Нам кажется, что дальневосточные армии и Забайкальский военный округ должны и в мирное время иметь в своем распоряжении достаточное количество японских и китайских газет. Только в этом случае работники, которым будет поручена пропаганда в войсках противника, получат возможность заблаговременно изучить вопросы, с которыми нам приходилось знакомиться уже в самом ходе борьбы.

Вторая трудность заключалась в отсутствии хорошо подготовленных переводчиков. Прекрасным материалом для пропаганды могли бы послужить дневники и письма японских солдат, которых в нашем распоряжении было множество. Однако они были написаны скорописью, а наши переводчики способны были переводить лишь с печатного текста. Необходимо учесть это обстоятельство и заранее готовить кадры опытных переводчиков.

Отдаленность полиграфической базы представляла для нас третью трудность. Только получив на фронт шрифты и печатную машину, мы сумели обеспечить бесперебойность выпуска листовок и газет. Опыт показывает, что каждая дальневосточная армия должна иметь специальную стационарную типографию, предназначенную для целей пропаганды среди войск противника. Эта типография должна находиться в тылу. В ней печатаются газеты и большие листовки. Фронт же снабжается портативными полиграфическими средствами для печатания лозунгов, небольших листовок и т. п. Только при такой постановке дела может быть обеспечена оперативность в пропагандистской работе.

Вот примерно те выводы, которые можно сейчас сделать.

Очень важным является вопрос о путях и способах распространения лозунгов, листовок и газет в стане противника. Для того чтобы литература попадала по своему назначению: японская—к японским солдатам, китайская—к маньчжурским и т. д., нам необходимо было в точности знать расположение вражеских частей. Эти сведения мы получали в штабе. В наших редакциях велась оперативная карта, на которой отмечались малейшие передвижки неприятельских войск и подходы подкреплений. Узнав, например, что с 20 июля на пополнение 23-й японской пехотной дивизии приходят солдаты охранных отрядов, мы выпустили для них специальную листовку, в которой рассказали об огромных потерях этой дивизии. Листовки призывали охранников вернуться домой. Эта листовка была распространена на фронте и в тылу японо-маньчжурских войск.

Лучшим средством распространения листовок и газет, конечно, была авиация. В наше распоряжение были выделены три бомбардировщика. Литература сбрасывалась при помощи агитбомб. Это самый удобный способ. Деревянная бомба, от-

деляясь от самолета при помощи обычных приспособлений для бомбометания, раскрывается на заданной высоте. Литература дождем сыплется на заранее намеченную площадь.

Часть литературы сбрасывалась во время ночных полетов. Это был необходимый прием, так как мы знали, что офицеры жестоко преследуют солдат, подбирающих листовки. В ночной же темноте или на рассвете солдат имел больше шансов незаметно припрятать листовку, чтобы потом при удобном случае прочитать ее.

Значительная часть листовок была сброшена разведывательной авиацией ручным способом.

Часто мы прибегали к распространению агитационной литературы при помощи общевойсковой разведки. Особенно охотно брались за это дело цирики. Отправляясь в разведку, они захватывали с собой пачку-другую листовок и оставляли их на территории противника.

Иногда мы бросали листовки в расположение противника с переднего края обороны. Для этого мы пользовались попутным ветром или начиняли листовками консервные банки и перебрасывали их в окопы противника. Наконец, для переброски агитационной литературы в лагерь врага употреблялись шары-пилоты.

В общей сложности за все время работы было отпечатано и распространено 99 текстов листовок, 30 текстов лозунгов, 6 номеров газет.

Так выглядит агитационный залп, выпущенный нами по врагу в районе реки Халхин-Гол.

Полковой комиссар М. БУРЦЕВ

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ЯПОНСКОГО СОЛДАТА

В дни боев у реки Халхин-Гол политотдел Первой армейской группы тщательно изучал морально-политический облик японского солдата. Четырехмесячный боевой опыт дал обильный материал, характеризующий японскую армию.

Как ни суровы японские законы по отношению к солдату, сдавшемуся в плен, все же мы имели десятки пленных солдат и офицеров. В солдатских памятках мы встречали заповеди, которые у нас, советских людей, могут вызвать лишь смех. Вот первые две заповеди: «Пока ты жив, ты должен быть потрясен великим императорским милосердием. После смерти ты должен стать ангелом-хранителем японской империи, тогда ты будешь окружен почетом в храме».

Мы убедились, что император не очень-то балует солдат своим милосердием, да и солдаты мало проявляют инициативы, чтобы стать «ангелами-хранителями».

Японский солдат Нисино-Исаму, попавший к нам в плен, на вопрос, за что он воевал, ответил:

— Не знаю, за что. Мне лишь известно, что был приказ императора; этот приказ каждый солдат должен выполнять беспрекословно...

Потом солдата спросили, почему же он не выполнил приказа и с фронта бежал. Солдат ответил:

— Когда ваши части начали наступать, стало страшно, и я вместе с товарищами бросился удирать...

Японский ефрейтор Хара-Томото, также попавший к нам в плен, во время допроса попросил дать ему нож, чтобы он сделал себе харакири. Когда ответили, что нож можно дать, ефрейтор весь затрясся и в испуге стал умолять, чтобы ножа не давали. Он сказал, что умирать вовсе не хочет.

— Я просто наболтал вам, во всем виновата моя дурная голова.

Конечно, никто и не думал давать ему нож. Но факт этот красноречиво подтверждает уязвимость так называемого «самурайского духа», которым так кичится японская военщина.

Это же подтверждается многократными отказами японских солдат принять штыковую атаку наших бойцов. Были, правда, случаи, когда отдельные группы японцев принимали штыковые атаки, но при первом же соприкосновении с этими «смельчаками» наши бойцы убеждались, что враг принял атаку спьяна.

Об упадке духа, о страхе перед смертью очень правдоподобно рассказал нам сын полицейского, пленный солдат Вада-Тосиаки:

— Настроение, когда нас окружили, было плохое. Перед нами стояла смерть, а умирать никому не хотелось... Мне удалось вырваться, и я бежал по направлению к Намалгану, думая, что там есть кто-либо из наших. По дороге был взят в плен...

А ведь в состав 23-й и 7-й императорских дивизий входили самые отборные части.

Когда сына торговца, пленного солдата старшего разряда, Ямамото-Набору спросили, хочет ли он вернуться в Японию, он ответил:

— Желаю поехать в любое государство, только не в Японию...

Однако наряду с такими фактами нам известно немало случаев слепого упорства, звериного сопротивления японских солдат в бою. В дни нашего генерального наступления японцы были окружены советско-монгольскими войсками. Дальнейшее сопротивление врага являлось бессмыслицей. Это было ясно не только нам, но, безусловно, и самим японцам. Сохранить себе жизнь окруженные могли лишь сдачей в плен. Все

же они так не поступали и при вооруженном сопротивлении почти все были уничтожены.

Был случай, когда японский солдат, оказавшийся один в траншее и окруженный группой наших бойцов, ни за что не пожелал сдаваться в плен. Он был убит при сопротивлении.

В приказах и инструкциях японцы пишут: «На случай безвыходной обстановки обязательно оставить для себя одну пулю, чтобы покончить жизнь самоубийством, но ни в коем случае не сдаваться в плен» (из инструкции японским частям, отправляющимся в наступление, подписанной 28 мая подполковником Адзума).

Чтобы такие инструкции выполнялись, в японской армии культивируются различные церемонии по отношению к убитым. Труп солдата сжигается на фронте, при этом происходит панихида. Урны с прахом отправляют на родину. Упорно распространяется легенда, что после смерти солдат превращается в ангела-хранителя.

Но, конечно, подобные церемонии и легенды о загробной жизни мало помогут, если их не подкрепить какими-то более реальными средствами. И таких средств в японской армии немало.

Солдат первого года службы Ватараби-Есио удивился, когда мы у него спросили, бьют ли солдат в японской армии. Конечно, бьют, а как же, мол, иначе?

— В японской армии, — рассказывает он, — существуют телесные наказания. В этом нет ничего особенного, без наказания никак не получится солдата. Только некоторые начальники бьют часто и без причины, например, офицер Фуджи-Баяси...

Солдата Куроги-Томосиге даже на фронте били три раза.

— Для того чтобы побить солдата, причин у офицера всегда найдется много, — говорит Куроги-Томосиге. — Первый случай был такой: у меня болел желудок, настроение было плохое, а офицер приказал быть бодрее. Я, конечно, не мог этого сделать, и меня избили. Во второй раз я сказал, что советская артиллерия бьет хорошо. Видимо, офицер принял это за личное оскорбление и опять-таки избил меня. В третий раз меня избили за то, что я не выполнил задания, когда ходил в разведку...

Телесные наказания—вот довольно веское средство для воспитания упорства у солдат.

Но одной лишь палкой цели не достигнешь. Тогда прибегают к запугиванию. Из уст пленных нам часто приходилось слышать одну и ту же легенду, усердно вдалбливаемую офицерами на протяжении всей службы. Офицеры не переставали твердить: если японский солдат сдастся в плен, его в Советском Союзе немедленно расстреляют.

После того как ефрейтор Онура-Кинио рассказал нам об этом, мы спросили его:

— Вас же ведь не расстреливают?

— Я не понимаю, почему меня не расстреливают, — ответил ефрейтор. — Наоборот, меня хорошо кормят и хорошо со мной обращаются. Как видно, офицеры нас обманывали.

Другой, еще более веской причиной упорства японских солдат в бою является суровый закон, карающий всякого, кто сдался в плен, причем наказание распространяется не только на пленного, но и на его родственников.

— За то, что я оказался в плену, — заявил один солдат, — у меня отберут все имущество и лишат семьи.

С пленными, возвратившимися в Японию, власти расправляются, как с преступниками, независимо от обстоятельств пленения.

При передаче попавших к нам в плен солдат и офицеров, среди которых были раненые, мы наблюдали такую картину: японцы грубо стаскивали пленных с машин и немедленно надевали им на головы «колпаки позора». Следует отметить, что японское командование, как видно, не предполагало, что пленных будет огромное количество, и не заготовило нужного числа колпаков. Пришлось колпаки заменить... мешками.

Вернувшись в Японию, пленные прежде всего предстанут перед судом. Осуждают всех без исключения. По выходе из тюрьмы пленному создают такую обстановку, что все от него отворачиваются. Бывают случаи, когда отцы и матери вынуждены отказываться от своих сыновей, жены — от мужей, вернувшихся из плена.

Пленному японскому майору Харада задали вопрос, что ожидает его в Японии после возвращения из плена. Он ответил:

— Трудно сказать, что будет. Известно лишь одно, что надо мной состоится суд. Даже если я не буду приговорен к смерти, все равно мне создадут такую обстановку, что ничего не останется сделать, как покончить жизнь самоубийством...

Обманутый офицерами японский солдат верит, что в плену его обязательно расстреляют. Если же каким-либо чудом удастся вернуться из плена на родину, его ожидает не лучшая участь. Вот из чего складывается у многих солдат решение: упорно сопротивляться, не сдаваться в плен живым.

Все же японскую военщину не вполне устраивает такой морально-политический облик солдата. Появляется множество других форм и методов политической обработки солдата. К этому делу привлекают все население страны, всеми средствами стараются воспитать в солдате «патриотизм». Цена этому «патриотизму» очень низкая. Стоит лишь послушать

японских солдат, пришедших в армию из обнищавших деревень, чтобы понять это.

Пленный солдат Фукуна-Тетудзи на вопрос, хорошо ли служить в японской армии, ответил:

— Хорошо ли, плохо ли — служить надо, такой закон исстари ведется. Для меня лично жизнь одинакова и в армии и дома — везде плохо.

Наши бойцы, захватывая вражеские штабы, неизменно находили среди прочего штабного скарба кипы писем, запечатанных в конверты. Когда мы распечатали их, то оказалось, что текст писем всюду одинаковый. Это были так называемые «письма утешения». Они пишутся от имени высокопоставленных местных гражданских властей. Вот одно из этих писем:

«Знаменитые, прославленные герои! Оставшиеся дома ваши отцы, матери, жены, дети вполне обеспечены всем для спокойного существования. Если на войне вы получите раны или заболеете, — вас утешат».

Эти письма получает офицер и раздает их, предварительно поставив на каждом фамилию солдата. Письма от родственников проходят строгую цензуру и редко попадают в солдатские руки. Лишь те письма, в которых говорится о полном благополучии, вручаются солдату, да и то в раскрытом виде.

Японская военщина уделяет солдатской почте серьезнейшее внимание. Фельдфебели, унтер-офицеры и ефрейторы имеют специальные поручения насильно заставлять солдат писать письма домой. Они постоянно твердят солдатам, что домой надо писать часто, потому что там беспокоятся. Распространяют для этой цели на фронте специальные конверты и почтовые открытки, на которых изображена военная идиллия: то солдат-горнист с необыкновенным румянцем на лице играет сбор, то роскошный обед с вином на фронте, то группа солдат в отличной одежде под развернутым флагом удивительно ровными рядами идет в атаку.

Остается позаботиться о содержании письма, но это дело находится в верных руках фельдфебеля или взводного. Содержание писем всегда одинаковое: «Живу хорошо». «Кормят хорошо». «Воюю хорошо». «Я не один, меня окружают офицеры, фельдфебель, ефрейтор — все они хорошие».

После того как письмо написано, оно идет на проверку к фельдфебелю или старшему унтер-офицеру. Если солдат хоть капельку отклонился от существующего стандарта, письмо немедленно уничтожается. Те письма, которые фельдфебель признает вполне пригодными, прочитываются перед отправкой вслух всему отделению для развития «патриотических» чувств.

Солдат настойчиво заставляют писать ложь, для того чтобы обманывать население, рисуя полное благополучие в армии.

Мы видели письма солдатам с родины. Они написаны также на красивых бумажках. Художник, как видно, по заказу военного ведомства изобразил идиллию хорошей жизни мирного населения. Обманывая солдат, их отцов и матерей, японская военщина старается воспитать упорство среди своих рабов-воинов.

Не стесняются также вовлекать в это дело и детей. Солдаты получают сфабрикованные в больших тиражах письма школьников, в которых дети, якобы, просят господ солдат бороться во имя императора и обещают в будущем притти к ним на смену.

Для укрепления связи армии с мирным населением выпускаются талисманы «омомори», которые хранятся у каждого солдата на груди, под нательной рубашкой.

Солдат получает талисман от своих родных перед уходом в армию. Любопытен рассказ о талисмане пленного солдата Окамото-Кадзуо:

— Мне подарила талисман сестра. Она в Осако — проституткой. Она продает себя и на эти деньги купила мне святой талисман. Талисман должен сохранить мне жизнь на войне, облегчить мне боли от ран, сберечь от плена. Но в щеке у меня еще не зажила рана от пули, и я нахожусь в плену. Талисман мне мало помог...

Мы попытались узнать у пленного, чем же все-таки дорог каждому солдату талисман.

— Это подарок от родного человека. Местные управители говорят, что, надевая сыну или брату талисман, надо при этом сказать: «Японский солдат должен умереть со словом «банзай» на устах».

Японская военщина серьезно озабочена состоянием духа своего солдата. С первого дня прихода в армию к новобранцу прикрепляют солдата второго года службы. Старослужащему вменяется в обязанность доносить начальству о каждом предосудительном слове, произнесенном молодым солдатом. Новобранца не выпускают из казармы, да и старослужащие редко бывают в городе, за исключением тех дней, когда официально разрешается сходить в публичный дом.

В мирной обстановке в каждой части имеется солдатская чайная. Здесь, помимо вина и водки, солдат может получить последний номер журнала «Кингу», который освещает различные подвиги японцев, начиная со времен богини Аматэрасу. Среди солдат усиленно распространяют книги о русско-японской войне, о войне в Китае. Для воспитания «патриотических» чувств используются и наглядные пособия. Генеральный штаб японской армии издает большим тиражом литографии с изображением «побед» отдельных японских частей, участвовавших в войне Японии против Китая.

Из книги, и картины, развешанные в солдатских чайных, призваны воспитывать у солдат упорство, готовность к самопожертвованию.

За последние годы в японской армии распространяется ряд песен, воспевающих отдельных солдат, проявивших в бою упорство и храбрость. Есть песня о трех солдатах Сакуэ, Китагава и Эда, которые, взрывая серьезные укрепления противника, погибли, как герои. Офицеры заставляют петь эту песню на всех маршах. В песне есть такие слова: «Будем побеждать так, как побеждали три героя».

От пленных нам удалось узнать, что в частях регулярно проводятся беседы с солдатами на политические темы. Занятия эти чаще всего происходят во взводах. Руководят ими командиры рот, а в отдельных случаях командиры взводов. Тематика бесед тоже направлена на воспитание упорства у солдат и разжигание вражды к другим государствам. Вот ряд тем, которые назвали нам пленные: политика великих держав, почему Японии необходимы колонии, бойкот японских товаров в Китае великими державами, задачи японского народа, жизнь и деятельность императора во славу японского народа.

Особое внимание обращено на беседы о Красной Армии. Почти все пленные говорили, что до боев у реки Халхин-Гол им мало рассказывали о боевой технике Красной Армии.

Однако солдаты, которые участвовали в боях у Халхин-Гола и практически убедились в том, что такое советская боевая техника, откровенно говорят, что они испытывали при встречах с нашими танками, авиацией, артиллерией и пехотой большой страх.

В период самых боев офицеры проводят с солдатами беседы об отдельных отличившихся на фронте солдатах. Они призывают солдат следовать их примеру, обещая им за это ордена. Однако никто из пленных не мог назвать из своей роты или батальона хоть одного солдата, который получил бы орден. По японским обычаям, награжденный орденом получает единовременное денежное вознаграждение в сумме нескольких сот иен. Пока еще император не настолько милосерд, чтобы разбрасывать среди солдат такие огромные суммы. Ордена получают преимущественно высокие военные чины, а для солдат орден является той «синей птицей», которую он ловит до тех пор, пока пуля или осколок снаряда не уложит его в могилу.

Для повседневного подъема солдатского духа на снабжении японской армии имеется достаточное количество водки и вина. Все пленные в один голос подтверждали, что перед атакой их поят вином и водкой.

Таковы средства, которыми пользуется японская военщина для одурачивания своих солдат и воспитания в них упорства и звериного сопротивления в бою.

* * *

Пленные японские солдаты приходили голодные и грязные. В испуге они озирались вокруг, вздрагивали, когда им задавали вопросы, в трепете отвешивали всем низкие, подобострастные поклоны. Огромного труда стоило нам убедить их, что мы не пытаем и не расстреливаем пленных.

Не сразу удавалось найти дорогу к их чувствам и сознанию. Надо было тщательно изучать, знать их взгляды и убеждения по важнейшим жизненным вопросам, чтобы втянуть в беседу. Но когда эта струна была нащупана, она звучала, не переставая. Пленные, перебивая друг друга, изливали свою душу. В их описаниях вставал перед нами весь ужас жизни японского солдата. Мы узнали об армии противника больше, чем можно было вычитать в десятках томов.

...Пленный молодой солдат Ясуда, которому едва минуло 23 года, родился в деревне Сигу на острове Хоккайдо. Отец арендует землю у помещика Осидо. За это отдает помещику ежегодно половину урожая.

По окончании беседы пленный Акияма, отозвав в сторону переводчика, промолвил:

— Когда я поеду в свою деревню, я попрошу у вас, если можно, несколько листовок. Я хочу, чтобы наши крестьяне тоже отняли землю у помещиков...

Узнав, что листовок ему нельзя будет взять с собой, Акияма заявил:

— В таком случае, все, что я слышал и видел здесь, расскажу отцу и матери, а также людям нашей деревни.

На другой день Акияма снова попросил переводчика отойти в сторону и, волнуясь, сказал ему, что на допросе он скрыл правду: он вовсе не солдат, как показал, а ефрейтор. Он умолял исправить это в протоколе допроса. Когда Акияма обещали выполнить его просьбу, он отвесил несколько глубоких благодарственных поклонов, как это делается в Японии.

...В конце сентября их привели из тыла снова к границе. Предстояла передача пленных. Их трудно было узнать. Лица их округлились. Одеты они были в новенькое трофейное обмундирование. Они уже не кланялись так часто до самой земли.

В ожидании передачи они смотрели наши кинокартины, слушали доклады, читали маленькие брошюры, специально напечатанные для них на японском языке.

Перед отправкой на родину многие из них попросили карандаши и бумагу, чтобы оставить нам свой привет.

Вот что они написали.

Ямамото-Тарияки: «Господа красноармейцы очень добродушны», Ясими: «Не понимаю, ради чего была война», Оно-Юфу: «Когда я возвращусь в Японию, то расскажу всем о сердечном отношении ко мне солдат и офицеров Красной Армии», Конда-Абуро: «Россия в войне сильнее, чем Япония», Натаери: «Пища в Красной Армии очень хорошая», Сакурай-Коноичиро: «Русские солдаты изо всех сил ухаживали за нами — больными», Камада: «Мы ежедневно ели вкусный суп и мясо».

...Они перешагнули границу, миновали проволочные заграждения и пошли в Маньчжурию. Многие из них украдкой оборачивались, бросая последний взгляд на землю, где они были в плену, где они впервые в жизни чувствовали себя свободными. Глубокая печаль лежала на их лицах.

То, что японские офицеры годами вдалбливали в головы солдатам, развеялось. Общаясь в течение нескольких месяцев с пленными, мы убедились, что упорство и «патриотизм» японского солдата не долговечны. Как только солдат узнает подлинную большевистскую правду, приходит конец тому мировоззрению, которое так усердно навязывают ему в армии офицеры и начальники. Такова судьба идеологической обработки солдат любой капиталистической армии.

★

★

Военинженер 3 ранга Вл. БРАТКИН

«СЛУШАЙТЕ, ЯПОНСКИЕ СОЛДАТЫ!»

(Звуковещательная станция на фронте)

В ночь с 19 на 20 августа, как только стало темно, у восточных скатов горы Хамар-Даба появились четыре огромные автомашины «ЗИС-6». Никто из встречавшихся по степной дороге не подозревал, что везут к берегам Халхин-Гола эти странные по виду, громоздкие машины.

Когда берега стремительной реки потонули во тьме, машины остановились перед прибрежными холмами, и неожиданно в умолкнувшей степи раздались загадочные звуки. Сначала тихо, а потом все ясней стал разноситься стук топоров, ударяемых о колья. Было слышно, как отряды сапер натягивают на колья проволоку. Казалось, что подъезжают и отъезжают грузовые машины и возле грузовиков на землю валятся новые груды кольев.

Отголоски напряженного труда сапер разносились на расстояние пяти километров. Японцы из своих окопов совершенно отчетливо слышали, как в расположении советско-монгольских войск у восточных скатов горы Хамар-Даба производятся крупные инженерные оборонительные работы. Между тем там не было ни одного бойца с топором. У холмов, скрытые ночной темнотой, стояли только четыре автомашины. Это был звуковещательный отряд Политического управления Красной Армии, посланный на передовые позиции по приказу армейского комиссара 1 ранга товарища Мехлиса...

В середине июля мы выехали из столицы. Проделав долгий путь из Москвы в Монгольскую Народную Республику, отряд прибыл на фронт в распоряжение начальника политотдела армейской группы. Наш небольшой отряд состоял из четырех автомашин, в которых находилась мощная звукоизлучающая (громкоговорящая) установка. Отряд отправился на фронт для агитации и пропаганды среди войск противника, а также для воспроизведения различных звуковых эффектов. Наша станция могла имитировать звуки военно-инженерных работ, шум от переправы и передвижения войск, грохот едущих танков и броневиков, гул летящих самолетов. Отряд состоял из небольшой группы инженеров, командиров, политработников и красноармейцев.

В ночь накануне генерального наступления отряд расположился у передовых позиций и по заданию командования произвел имитацию инженерных работ на второстепенном участке, чтобы ввести противника в заблуждение. «Забивание кольев» продолжалось 30 минут. В самый разгар этого «забивания» к начальнику отряда явился посыльный с новым приказом. Быстро и бесшумно сматываются кабели, соединяющие машины во время работы. Наши перегруженные ЗИС выбираются из высокой влажной травы на чуть заметную в стороне широкую дорогу.

Перевалив через гору Хамар-Даба, отряд прибыл в новый район. Окружающая местность изрыта воронками от снарядов и окопами. В окопах лежат красноармейцы, но они не спят. Всматриваясь в темноту монгольской ночи, они с удивлением разглядывают силуэты наших огромных машин.

— Зачем они приехали? — с любопытством перешептываются бойцы. — Что они будут делать?

Проходит несколько минут. Где-то далеко-далеко послышались слабые звуки идущих танков. Сначала донеслись выхлопы моторов. Вот они усилились; заскрипели и залязгали гусеницы. И вдруг воздух огласился гулом движущейся колонны. Танки совсем близко. Шум нарастает, все сотрясается вокруг, словно идут безостановочно, неустанно мощные колонны.

Где же эти невидимые танки? Попрежнему темна теплая монгольская ночь. Возле окопов пустынно, и хотя воздух сотрясается от грохота танковых колонн, вокруг никого нет. Только у холма, в степной траве темнеют силуэты четырех автомашин. Наконец, находящиеся возле станции красноармейцы начинают понимать, в чем дело.

— Вот это здорово! — восхищенно смеются они. — Совсем, как настоящие танки! Интересно, как сейчас шевелятся японцы и что они думают?

Обхожу машины станции. Люди работают в невообразимой жаре. В боевых условиях приходится строго драпировать машину, чтобы наружу не проскользнул ни один луч света радиоламп. Лампы раскалены. Через 25 — 30 минут работы температура внутри машины поднимается до 60—70 градусов. Купаясь в собственном поту и в обжигающем воздухе, наполненном бензиновым перегаром, неутомимо и упорно работают наши люди.

Проходит сорок минут. Звуки движущихся танков удаляются, и противник слышит, как танковые колонны «сосредоточиваются» у переправы.

Наша работа закончена. Задание выполнено. Уже розовеет восток. До восхода солнца нужно перебраться на новое место, иначе на рассвете противник увидит огромные станции— машины и расстреляет их.

Светает. По росистой траве мы едем к Хамар-Дабе. Открывает огонь артиллерия. За рекой заговорили пушки и пулеметы. Ровно в шесть утра отряд расположился, где было указано. Уже начала ухать тяжелая артиллерия. Над степью и рекой со свистом проносились снаряды. В 8 часов 20 минут в голубом безоблачном небе появились стаи советских самолетов. В блеске солнца над Хамар-Дабой пролетели к окопам противника бесчисленные эскадрильи бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей. Загрохотал гром бомбежки, и на горизонте поднялись густые столбы дыма. В эти секунды над холмами и рекой, над бескрайней степью раздался авиационный марш «Все выше и выше». Далеко за Халхин-Гол понеслись его звуки. Спасаясь от метких бомб советских самолетов, японцы сквозь рев моторов и разрывы снарядов, сквозь треск пулеметов слышали звуки победного авиамарша. Казалось, вокруг играют тысячи оркестров. Это голос нашей станции раздавался по всему фронту.

Позиции противника застлал густой дым от разрывов. Наша артиллерия еще интенсивнее стала бить по огневым точкам японцев. По всему фронту с винтовками наперевес двинулись бойцы в наступление. И в этот миг войска услыхали торжественный пролетарский гимн. Воодушевляя отважных красноармейцев, разносились в воздухе огненные слова гимна:

...Это есть наш последний
И решительный бой...

Войска стремительно двигались, и с вершины горы долго раздавались звуки «Интернационала».

На протяжении всего дня, с рассвета до заката солнца, над широкими просторами долины гремели звуки красноармейских маршей, песен, частушек. Эти песни, звучавшие, как гром, вдохновляли сталинских сынов на новые подвиги. С изумлением и страхом прислушивались к чудесной музыке сжимаемые в железное кольцо японцы.

На следующий день отряд получил задание от политотдела армейской группы передать обращение к японским солдатам. В этот день мы должны были работать в непосредственной близости от противника и впервые выехали за реку Халхин-Гол.

С раннего утра готовилась станция к выезду на передовые позиции. Сегодня не простительны никакие задержки и перебои в работе. Сегодня мы работаем на нашего «основного потребителя». Агитатор-переводчик, он же диктор, тов. Селянинов еще на рассвете приготовил все свои принадлежности. В назначенный час машины двинулись к реке.

Вечерело. Оранжево-красный шар солнца скрывался за горизонтом. В темноте мы спустились к центральной переправе. У реки нас встретили бойцы инженерного подразделения. Полушопотом они рассказали нам, как нужно переправляться в темноте через затопленный в целях маскировки понтонный мост. Вот и Халхин-Гол. В шуме всплесков и бурных водоворотов несутся воды этой быстрой реки. Заревели включенные на первую скорость наши ЗИС. Погрузившись по дифер в воду, они переползают по невидимому, скрытому под рекой узкому мосту. Берег. Подъем. Песчаные барханы. Не более чем в полутора километрах от нас находится противник. На песчаный гребень сопки взбирается излучающая машина, силовая располагается в углублении небольшого котлована, а в десяти метрах от нее становится аппаратная. Все машины соединяются кабелями. Диктор с микрофоном находится в «студии», т. е. в окопе.

Наступила пора дать звук. И вот, заглушая уханье пушек, трескотню пулеметов и винтовок, над барханами раздался «Интернационал». Стрельба затихла. Взвились и, рассыпаясь, полетели в темноту разноцветные ракеты. Дважды глухо треснули разрывы тяжелых снарядов, и наступила тишина. Торжественно отзвучал гимн, и тогда прогремел на всю округу голос:

— «Нихонно хейси! (Японские солдаты!) — Слушайте, японские солдаты!»

На пять, а то и на восемь километров разносился голос нашего диктора Селянинова, читавшего обращение к японским солдатам.

— Нихонно хейси! Слушайте, японские солдаты, — неслись над ночными барханами слова правды:

«Солдаты!

Генерал Камацубара и его офицеры ведут вас на явную смерть. В районе Номон-Хан убито до 6 000 японских солдат и ранено до 15 000. Вы сами видите, сколько людей осталось в каждой роте. Прибывшее пополнение из охранных отрядов плохо обучено и не хочет воевать. Вы были свидетелями их панического бегства при первой встрече с красноармейцами.

Генералы завели вас в тупик, ставят под убийственный огонь могущественной советско-монгольской артиллерии и авиации.

Спасайте свою жизнь! Уходите с земли Монгольской Народной Республики! Прекращайте войну.

Группа красноармейцев, друзей японского народа».

Из лагеря противника несколько минут доносится оружейная и пулеметная стрельба. Повидимому, офицеры решили заглушить опасную для них речь пулеметами, но это им никак не удается. Стрельба стихает, и мы во второй раз начинаем читать обращение. В воздух взвивается множество ослепительных ракет. Японские офицеры ищут загадочную станцию. Им кажется, что она близко, в нескольких шагах. В третий раз читаем обращение и потом сразу начинаем концерт из боевых красноармейских песен.

Величественно звучит над барханами Халхин-Гола «Песня о Сталине», вслед за ней гремит «Песня о луганском слесаре», «Песня о Щорсе». Репертуар Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски Союза ССР исполнялся под аккомпанемент пушек и пулеметов.

День за днем, вечерами и в ночной темноте, наша станция оглашала просторы Халхин-Гола звуками победной музыки, а в короткий миг тишины к японским окопам неслись призывные слова обращений.

Ночью 23 августа мы получили для передачи обращение, написанное товарищем Мехлисом. Все в отряде тщательно проверено — все в исправности.

За скатом высоты слышатся залпы пушек и трескотня пулеметов. Сегодня четвертые сутки производится окружение противника, глубоко зарывшегося в пески барханов.

С наступлением темноты отправляемся через переправу к сопке Ремизова, сильнейшей крепости японской обороны. С трудом пробираются машины по пескам, лавируя между воронками от снарядов. Справа и слева ухают пушки, стрекочут пулеметы. Красные и зеленые ракеты взвиваются над головами, небо бороздят разноцветные трассирующие пули.

Отряд останавливается в указанном месте, и мы приступаем к передаче обращения. Звучит «Интернационал». Потом окрестности оглашаются призывом:

— Нихонно хейси!!

«Японские солдаты!

Почему вы терпите авантюры своих генералов и офицеров? Вас посылают, как пушечное мясо, против могучей техники советско-монгольских войск!

Вы сами чувствуете на себе силу огня многочисленной и меткой артиллерии. На Баин-Цагане ваши собратья уничтожены и буквально раздавлены танковой атакой. Зачем напрасно гибнете? Сдавайтесь в плен, вам обеспечена хорошая жизнь».

Вслед за этим коротким и ярким призывным обращением под непрерывную стрельбу начался концерт. Японцы, освещая местность ракетами, беспрерывно ищут наше расположение. Но вот им уже не до этого. «Политчас» для них окончился, а наши войска с криками «ура» двинулись в атаку.

Заговорили стоявшие вблизи батареи. Рядом с нашей станцией падают и разрываются четыре японских снаряда. Отряд спокойно, без излишней суетни сматывает микрофонную линию и кабели. Наш «японский» диктор выбирается из своей окопной студии, и мы трогаемся в путь.

Идущая впереди машина застревает в песке. Снаряды рвутся совсем рядом. Осколки с визгом пролетают около машины. Командир станции тов. Власов, убедившись, что машина не в состоянии выбраться из песка, отдает приказание отбуксировать ее. Объединенными усилиями команды вытаскиваем застрявшую машину на буксире и выезжаем на твердую дорогу. В эту ночь, попав под обстрел противника, мы получили боевое крещение.

Так в боевые дни сражений у Халхин-Гола работал отряд. За время с 20 по 30 августа на фронте было передано одиннадцать обращений к японским солдатам, прочитанных на различных участках фронта шестьдесят раз. Некоторые передавались от двух до двадцати раз. Например, когда японские войска были уже почти окружены, около двадцати раз передавалось следующее обращение:

«Японские солдаты!

Вы прекрасно знаете, что находитесь в окружении уже несколько дней. Вы не имеете воды и пищи. У вас израсходованы боеприпасы. Вас оставил генерал Камацубара на верную смерть. Дальнейшее сопротивление немыслимо. Сдавайтесь в плен. Поднимите высоко над окопом белый флаг. По этому сигналу мы прекратим огонь. Выходите из окопов без оружия, с поднятыми вверх руками и с белыми флагами. Переходите к нам. Монголо-советское командование гарантирует вам сохранение жизни.

Командование монголо-советских войск».

...На сторону монголо-советских войск большими отрядами переходили и сдавались маньчжуры. Немедленно мы передали обращение маньчжур.

Вскоре мы получили радостное задание передать нашим войскам поздравление командования и политотдела фронта по случаю блестящей победы. На передовые позиции приехал начальник политотдела тов. Горохов. Он указал нам удобное место для работы. В воздухе раздается гимн, и над окопами звучат слова поздравления:

«Дорогие товарищи красноармейцы, командиры, политработники — герои Халхин-Гола!

Политотдел поздравляет вас с блестящей победой над ненавистным врагом. Вашими героическими действиями противник разбит и полностью уничтожен. Намеченный план по разгрому и уничтожению врага вы осуществили доблестно и отважно.

Да здравствует наш великий советский народ!

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия!

Да здравствуют герои Халхин-Гола!

За Родину! За Сталина!

Будем готовы ответить тройным халхин-гольским ударом на всякую новую провокацию врага».

* * *

Звуковещательный отряд Политуправления Красной Армии пробыл на передовых позициях до конца героических боев. Японские офицеры беспощадно расстреливали своих солдат за найденные у них наши листовки. Но что они могли поделать со звуками, которые неудержимо проносились над окопами! С помощью нашей станции по эфиру летели к японским солдатам зажигательные слова правды.

После уничтожения советско-монгольскими войсками японских полчищ, с 1 сентября до 1 октября мы обслуживали наши части концертами и передавали последние известия.

Однажды у микрофона нашей станции выступил депутат Верховного Совета СССР, писатель-орденоносец Вл. Ставский. Он присутствовал во время работы советско-японской комиссии по переговорам и в волнующем красочном рассказе передал свои интереснейшие впечатления.

Тысячи бойцов слушали наши передачи. В полученных откликах нас много раз благодарили за работу, и эту признательность бойцов, командиров и политработников мы восприняли, как высокую награду.

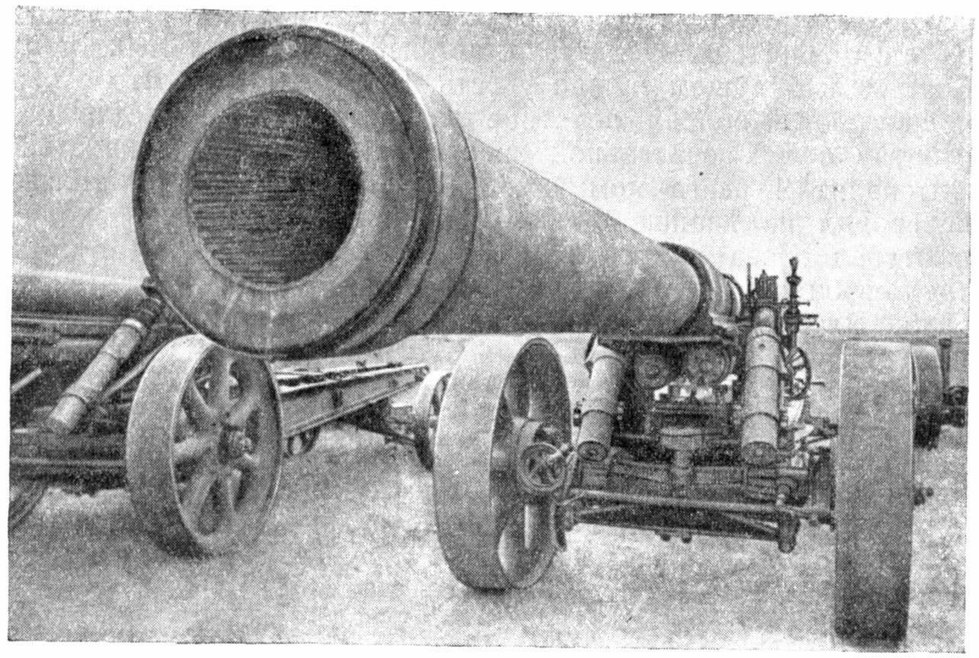
Действуя в боевых фронтовых условиях, мы приобрели большой опыт и определили ряд недостатков нашей станции.

Слишком громоздки машины. Установку можно разместить на двух машинах. Нехватало деталей и необходимых ламп. Все это в будущем нужно учесть. Надо отметить, что отряд полностью выполнил почетное задание. Личный состав его работал с исключительной энергией и самоотверженностью. Интендант 2 ранга коммунист Г. И. Селянинов не только переводил на японский язык обращения, но и превосходно выступал перед микрофоном в качестве диктора. Четко и трудолюбиво, с увлечением работали младший лейтенант Н. З. Власов, младший командир А. Ф. Морозов, красноармеец Н. В. Золотарев, красноармеец-оператор Яковлев, Базаренко и храбрый водитель А. А. Махота.

Никогда не забудутся дни и ночи у Халхин-Гола — те дни, когда героическая Красная Армия громила японских захватчиков. Перед глазами встают картины потрясающих боев. В ушах раздается гром орудийной пальбы, и ясно слышится сквозь стрельбу призывный голос:

«Нихонно хейси! Слушайте, японские солдаты!»

★



★

Красноармеец В. ПЕТРОВ

ЧТО Я УВИДЕЛ НА ТРОФЕЙНОМ ПОЛЕ

Двенадцатого сентября я получил однодневный отпуск из своей части и отправился в прифронтовый город Тамцык-Булак. Мне хотелось осмотреть собранные там японские трофеи.

В Тамцак-Булак я приехал утром. Настроение в городке было замечательное. Победа, только что одержанная над японцами, чувствовалась повсюду. В одиночку или группами все совершали «экскурсии» на трофейное поле, находившееся в трех километрах от городка.

Вместе с несколькими товарищами я отправился туда пешком. И зрелище, которое я увидел на трофейном поле, было поистине необыкновенное!

Здесь были целые улицы орудий, пулеметов, целые горы патронов, сложенных штабелями, ящики со снарядами, зенитки, крупнокалиберные пулеметы и гранатометы и несметное число всякого другого военного имущества.

На зеленом лугу близ дороги, на пространстве четырех квадратных километров, лежало японское снаряжение, отобранное нами. Я никогда не забуду того чувства гордости, которое охватило меня, рядового бойца Красной Армии, когда я проходил мимо трофеев — этих вещественных доказательств японского военного разгрома. Здесь, на поле, наглядно видны размеры нашей победы.

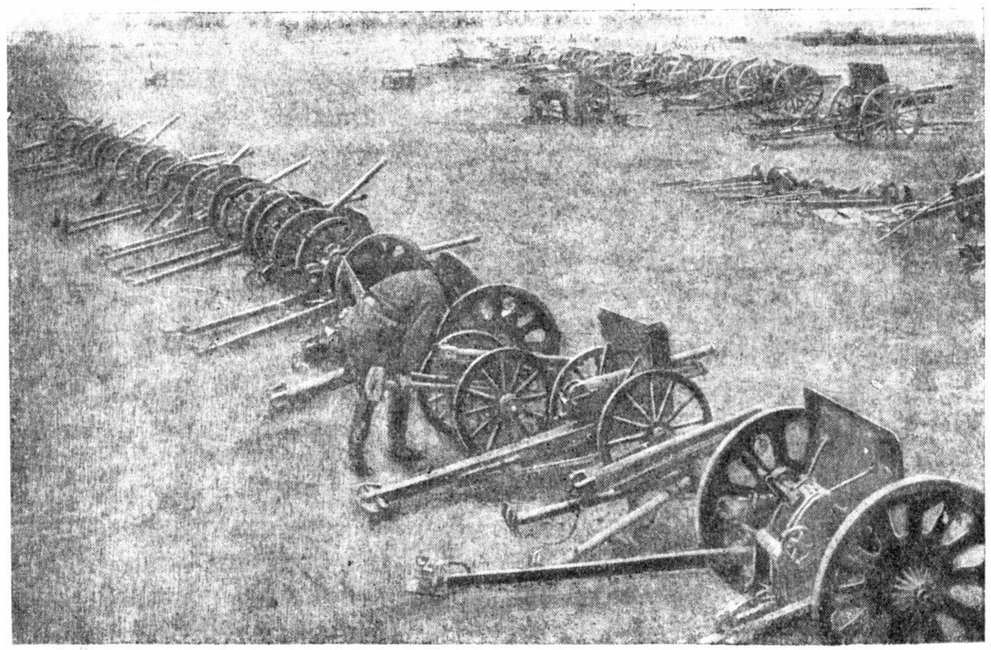
Комиссия, принимавшая трофеи, работала круглые сутки, ночью и днем встречая непрерывно поступавшие обозы. Сто, двести машин ежедневно!

В палатку начальника складов входят водители грузовиков, докладывая о прибытии новых колонн. На машинах бесконечные ряды разных ящиков, собранные в кипы одеяла, груды обуви и белья, множество ротных и полковых знамен.

Японская армия готовилась, как видно, провести всю зиму на монгольской земле. Японцы собрали в интендантских складах запасы суконной одежды, тулупы, отороченные волчьим мехом, жаровни с углями. Теперь все это находится здесь, у нас, на трофейном поле.

Глубокая непроходимая пропасть между офицерами и солдатами, существующая во вражеской армии, видна наглядно в каждом лежащем здесь предмете.

Вот офицерское имущество: обеденные приборы, удобные



Трофейное оружие

33 Зак. 873/3а

Один из трофейных танков

термосы, теплые набрюшники, карманные кухни, духи и пудреницы, каски с двойной броней.

А вот солдатский скарб: заржавленные металлические «палочки для еды», грязные обмотки, котелки с остатками тухлой рыбы и недоваренного риса.

Целые две «улицы» состоят из такого рода трофеев.

Но стоит свернуть в «переулок» направо, и мы попадаем в другой отдел. Здесь на траве сложены полковые радиостанции, телефонные коммутаторы, тюки проволоки, взрывные дымовые шашки.

Еще дальше стоят японские грузовики-трехосники и разбитые нашим огнем танкетки и броневики. Трофейных легковых машин здесь немного — большинство из них уже ходит по нашим степным дорогам.

А вот, немного поодаль, выделяясь на солнце своими мощными очертаниями, стоят гигантские порт-артурские пушки. Японцы везли их на фронт на платформах в разобранном виде через всю Маньчжурию. Но не прошло и двух недель, как они в наших руках!

Среди трофеев стоят большие ящики с дневниками и записными книжками японских офицеров и солдат. Записи оборваны на середине. Переводчик объясняет содержание некоторых записок:

«Мы не знали, что так будет. Красная Армия оказалась сильной, очень сильной»...

Трофейное холодное оружие

Всевозможный хлам устилает землю — лубочные картинки, открытки с изображениями японских офицеров.

Здесь же лежат новенькие географические атласы, только что изданные в Токио. На одном из листов атласа изображена Монгольская Народная Республика и пограничные местности Маньчжурии. Возле монгольских городов поставлены японские названия. Берега реки Халхин-Гол и даже оба берега озера Буир-Нур окрашены в тот же цвет, что и Япония. Как видно, аппетиты у японских генералов были не маленькие. Ну что ж! Если эти аппетиты у них и теперь не пропали, — милости просим — у нас и для новых трофеев места хватит!

До позднего вечера мы осматривали трофейное поле. И казалось — нет ему конца.

★

Красноармеец В. ИВАНОВ

КАК ЯПОНЦЫ ТРУПЫ УБИРАЛИ

После перемирия японцы попросили, чтобы им разрешили убрать трупы их солдат и офицеров. Командование советско-монгольских войск разрешило им выкопать и увезти мертвецов, которые остались в районе нашей обороны.

Японский генерал, говорят, долго раскланивался и благодарил наших командиров: «Вы, дескать, любезные, навстречу «самурайскому духу» идете».

Мы между собой толковали:

— Пожалуйста, всегда рады таким манером навстречу вашему «духу» итти: поколотим, а убирайте сами.

С 23 сентября, по приказу Военного Совета, мы открыли в проволоке ворота. В эти ворота и въехали японские команды на грузовиках, с топорами, с носилками. В каждой команде — офицер. У офицеров — шашки, у солдат — штыки, как было уговорено.

У нас — от самой проволоки стоят сигнальные, показывают флажками дорогу, где ехать. Тут и там мелькают белые флажки, на прутиках. В этих местах закопаны японцы. Вокруг — наше охранение. Я стоял в охранении на Ремизовской

высоте. Все мы были одеты, как полагается, чисто, аккуратно. Между прочим, стояли без оружия.

Начали японцы выкапывать трупы. В первый день они каждого мертвеца старательно отроют, положат на носилки, постоят, честь отдадут. Потом оттащут на грузовик.

Мы смотрим. Офицеры на солдат покрикивают, ругают их. Солдаты тянутся перед ними, на нас поглядывают, сторонятся, боятся.

На другой день — то же самое. Вдруг видим, японский майор построил трех солдат да как начал их по зубам чистить. Майор морды им набил и отошел.

Навалили японцы полные грузовики трупов, увезли. На третий день с девяти часов опять приехали за своей добычей. Вижу: вчерашние, битые. Смотрят на меня, улыбаются. Взялись за лопаты. И вот выкопал один солдат труп офицера. Золотые зубы оскалены, на воротнике мундира — петлички, две звездочки. Солдат оглянулся — нет ли кого вблизи,— размахнулся да как трахнет лопатой мертвого офицера по зубам. Зубы полетели. А потом быстро, быстро забросал мертвеца песком.

Я к нему подошел:

— Нет, — говорю, — забирай всех. Раз договор — оставлять нечего. Нам они не нужны.

Японцы не очень-то старались откапывать трупы. Они просили тысяч пять трупов, берут уже седьмую, а мы могли бы отдать им в три раза больше.

Сначала они козыряли своим мертвецам, укладывали их на носилки, потом перекладывали. А теперь хватают крючьями за руки, за ноги, за голову, — за что попало. Волокут по земле и валят. Хотели они каждый труп в отдельном гробу везти, а потом рассудили, что много гробов придется доставать, и решили валить просто-напросто в грузовик, в общую кучу. Так и делали...

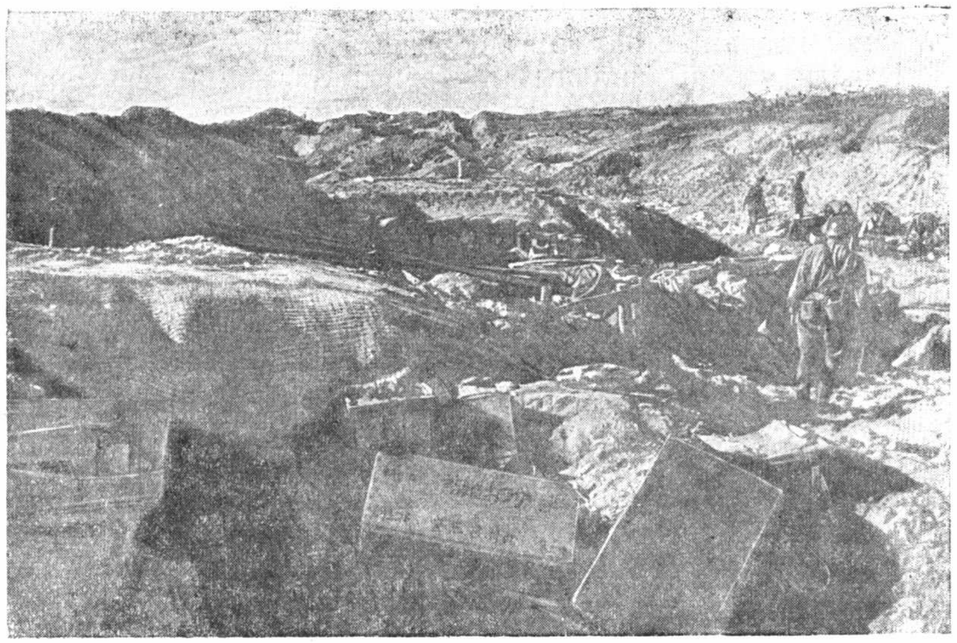
Посмотрел я на всю эту картину и понял, что не очень-то чтят японские солдаты «самурайский дух» своих офицеров. А офицеры — те еще чище. Ходят, ухмыляются. Увидел один офицер, сколько трупов навалено, покачал головой и говорит нашему переводчику:

— Много вам работы здесь было...

Над японскими позициями с утра до ночи стлался черный дым. Это они свои трупы сжигали. А пепел — в урны и отсылали домой, родственникам, на погребение. Только наверно пришлось им от каждого трупа по три-четыре урны пеплом заполнять — ведь всех-то не вырыли.

Неделю так они копали. Надоело им, видать, хуже горькой редьки.

★



★

ДНЕВНИК ЯПОНСКОГО УНТЕР-ОФИЦЕРА ОТАНИ

(Командир противотанковой батареи)

1.7. Погода хорошая. Выступление в девять было отменено и назначено на четыре часа. Весь личный состав был поднят, и начались приготовления к выступлению. В назначенное время батарея разместилась на четырех грузовых машинах и выступила из Джин-Джин-Суме.

В Джин-Джин-Суме всего лишь двадцать домов, имеется монастырь. Батарея двигается по новой дороге, так как старая — очень топкая. Машины несколько раз застревали в грязи, и мы испытывали величайшие трудности.

На расстоянии 2—3 ри от границы батарея была сильно обстреляна слева.

Нынешние бои совсем не похожи на бои с партизанами.

Противник крепко удерживает свои позиции в трех ри перед нами.

2.7. С утра хорошая погода. В шесть часов после полудня — ливень. Выступили в 5.30. Продвинувшись вперед на расстояние около двух километров, мы услышали страшную

канонаду и пулеметную стрельбу на передовой линии. Очень жаль наши резервные части!

Сегодня на завтрак и на обед были сухари, но во рту пересохло, а воды нет. В этом пункте мы простояли до двадцати трех часов.

В двадцать три часа выступили в направлении реки Халха.

3.7. Мы двигаемся под дождем, осторожно, почти полностью замаскировав свет. В 4.30 мы направились к пункту переправы и с этого времени перешли под командование начальника разведотряда. Около переправы мы были обстреляны самолетами противника.

Пуля попала в бензиновый бак нашей машины, и машина загорелась. В это же время снизился наш самолет, чтобы сбросить пакет с донесением; но за эти дни многие из нас так напуганы, что приняли его за самолет противника. Самолет был обстрелян и сбит. После этого мы все страшно нервничали. Вскоре на левом берегу Халхи появились танки противника. Удобный момент для обстрела уже был нами упущен, и это опять вызвало досаду.

Эта переправа через Халху была действительно большим событием. После переправы мы сели в машины и отправились разыскивать танки противника, двигаясь все вперед и вперед. С 9.30 начался бой.

В этом бою погибло много моих товарищей, которые на всю жизнь останутся в памяти. Их гибель является большой утратой для нашего государства. Первый бой окончен.

Очень хотелось есть, и несколько человек, стоя на машинах, быстро достали остатки своего обеда. Вдруг прибыло донесение о приближении спереди около двадцати танков противника, но отделения все же выехали выполнять задание. Не успели проехать 300 метров, как столкнулись с танками противника, обстрелявшими нас слева.

Мы тотчас же сняли орудия с автомашин, откатили их на 100 метров и начали обстрел танков противника. На миг танк противника замолк, но сейчас же мы были осыпаны градом пуль из пулеметов. Я был, как во сне. Когда немного очнулся, то оказалось, что около нашего орудия лежало много окровавленных тел. Среди них — Хакуяма и Аихара. Этот ужас я никогда не забуду. Мы сейчас же переместились к высоте № 3.

Хакуяме пуля попала в грудь, а Аихару пуля попала в правое ухо и пробила ему голову.

От сегодняшнего боя осталось глубокое впечатление. Осколком снаряда был убит также командир взвода автомобильного отряда. В каждой части много убитых и раненых. Кажется, что и его превосходительство командир дивизии тоже ранен. Бой достиг своего кульминационного пункта.

Когда стемнело, наша батарея, прикрывая штаб дивизии, отступила к пункту переправы. На передовой линии осталось много разного военного имущества, и штаб дивизии нас торопил. Наши автомашины двинулись за имуществом, но мы здорово помучились, так как не могли найти дорогу. По пути мы встретили артиллерийскую часть, переправившуюся через Халху, и связались с ней. Эта часть нам сообщила, что мост уже тоже захвачен противником.

Тихо и осторожно движется машина командира дивизии. Луна освещает равнину — светло, как днем. Ночь тиха и напряженна, так же как и мы. Халха освещена луной, и в реке отражаются огни осветительных бомб, бросаемых противником. Картина ужасная! Надо быть начеку!

4.7. Погода хорошая. С утра не прекращается артиллерийский обстрел из тяжелых орудий. Один раз мы были обстреляны самолетами противника. Автомашины, находившиеся сзади нас, загорелись.

На ужин мы сварили последние запасы пищи. Со вчерашнего дня мы не кушали риса, но вечером тоже не ели, так как во рту все пересохло.

В 7.30 мы расположились в 400 метрах за штабом дивизии, около позиции зенитной артиллерии, однако, опасаясь бомбардировок в этом пункте, мы передвинулись еще на 300 метров. Идет дождь. Холодно, а у нас шинелей и другой теплой одежды нет.

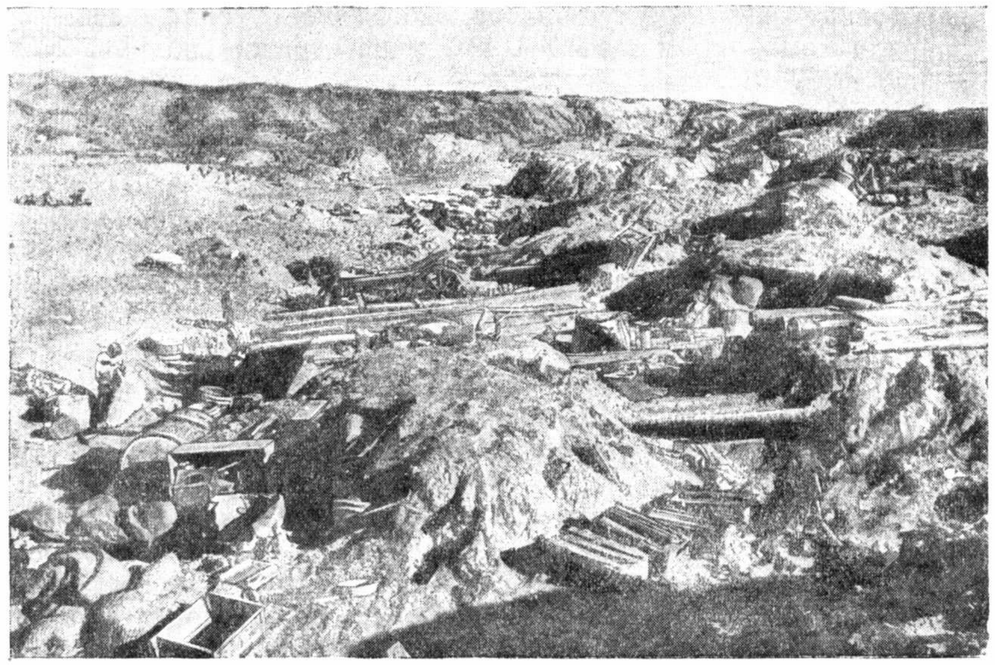
Гул артиллерии противника не прекращается. Мы мокнем под дождем, потеряв связь с нашими частями. Не знаем направления, куда нам двигаться.

6.7. Погода переменная. Батарея Хаяси, не успев сжечь свои трупы, снова отступила. Наше отделение осталось для прикрытия штаба дивизии и присмотра за трупами. Редеют наши ряды.

Сегодня два-три раза прилетали самолеты противника. Их обстреляла наша зенитная артиллерия, но не сбила ни одного самолета. Когда стемнело, мы снова приступили к сбору трупов...

(Далее запись обрывается.)

★



★

ИЗ ДНЕВНИКА ФЕЛЬДФЕБЕЛЯ КАНЭМАРУ

(64-й пехотный полк 23-й японской дивизии)

20.8. Рано утром бомбардировщики противника начали бомбить наши позиции. Затем последовала танковая атака, все спрятались в блиндажи. Получив подкрепление, наша рота перешла в контрнаступление, но из этого ничего не вышло, мы были отогнаны.

21.8. Множество самолетов советско-монгольской авиации ежедневно бомбит наши позиции. Артиллерия также беспокоит нас все время. После бомбежки и артиллерийского огня бросается в атаку пехота противника. Ночью авиация противника бомбила наши тылы и подходившее подкрепление. В этот же день был убит фельдфебель Нагатани. Число убитых все больше и больше увеличивается.

22.8. Бомбардировщики противника в шесть часов утра начали бомбежку. Артиллерия открыла ураганный огонь по нашим позициям. С девяти часов самолеты противника повторили бомбардировку наших позиций. В 9.30 пехота противника начала атаку, пулеметы противника открыли сильный огонь. Мы были в большой опасности и страшно напугались,

настроение заметно ухудшилось. Когда всех убили, меня назначили командиром роты, — это меня страшно волновало, и я всю ночь не спал.

23.8. С 8.30 усилился артиллерийский огонь тяжелых орудий. Наша авиация и артиллерия нас не поддерживали.

Авиация советско-монгольских войск свободно действовала в воздухе, не встречая никакого сопротивления. Артиллерийская стрельба была очень жестокая. В двенадцать часов пехота противника бросилась в атаку, во время которой осколком снаряда был убит солдат 1-го разряда Мурада. Ночью бомбежка продолжалась.

24.8. С трех часов утра началась бомбежка авиации. Несмотря на сильную бомбежку и на сильный огонь артиллерии, остатки нашей роты настолько были измучены и устали, что начали дремать.

25.8. Было убито шесть наших солдат, а остальные разбежались. Было очень трудно собрать эти остатки. День был относительно спокойный.

26.8. Тридцать танков советско-монгольских войск и один батальон пехоты оказались на нашем правом фланге и начали окружение. Наша рота, получив некоторое подкрепление из вблизи находившихся частей, начала контрнаступление, но, не выдержав атаки пехоты противника, была отброшена. В это время двадцать три танка приблизились почти на 50 метров; наши части, видя это, заволновались. В тылу на расстоянии 700 метров также появились танки и пехота противника. Фельдфебель Кимура в этом бою был убит. Через некоторое время был убит солдат первого года службы Такахаси; раненых было четыре человека. Часть Суми, не имея никакой поддержки со стороны нашей авиации и артиллерии, была на грани уничтожения. Императорские войска стали пушечным мясом, мы не могли устоять перед огромной техникой и силой советско-монгольских войск. Полк Ямагата был окружен, его оперативная тактика оказалась ошибочной. Связь с тылами была прервана. Ночью стало немного тише.

27.8. Стало рассветать. С утра настроение немножко улучшилось. Наша артиллерия начала стрелять, но вскоре пехота противника повела ожесточенную атаку. Сегодня бой был ужасный. Не вижу выхода...

(На этом записи обрываются.)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 7

Герой Советского Союза генерал армии Г. ЖУКОВ.
Что произошло у реки Халхин-Гол 9

Дивизионный комиссар П. ГОРОХОВ.
Политотдел армейской группы в августовском наступлении 26

Лейтенант К. КРАПИВИН.
Героические дни 48

Батальонный комиссар И. АСТАПЕНКО.
Баин-цаганское побоище 60

Капитан Б. СИДОРОВ.
Халхин-гольский разгром 66

Красноармеец П. БЫКОВ.
В траншеях врага 77

Герой Советского Союза майор Н. ЗАЙЮЛЬЕВ.
Взятие высот Зеленая и Песчаная 81

Вл. СТАВСКИЙ.
Штурм сопки Ремизова 90

Н. КРУЖКОВ.
Майор Ремизов 102

Старший политрук П. КРАВЧЕНКО.
Партийная работа среди летчиков 109

Младший политрук А. КРАЙКИН.
Политрук в бою 117

Красноармеец М. ПЕВЗНЕР.
В секрете 121

Майор А. КУЗНЕЦОВ и полковой комиссар В. СЫЧОВ.
В тылу у врага 125

Красноармеец П. ЕРОШКИН.
Боевое крещение 132

Стр.

Политрук Ф. МЫСЛЯЕВ.
Военная присяга 135
К. СИМОНОВ.
Баин-Цаган 141
Красноармеец Н. ДАМАСКИН.
Записки артиллериста 144
Красноармеец Е. ГЕХМАН.
Заметки парторга 150
Батальонный комиссар Ш. ГИЗАТУЛИН.
Прием в партию на фронте 158
Политрук М. ГУДКОВ.
Комсомольцы в бою 164
Вл. СТАВСКИЙ.
Пулеметчик Иван Рыбалка 171
З. ХИРЕН.
Бой за спасение раненого 177
Красноармеец С. БЕССОНОВ.
На фронте 181
Военврач 3 ранга В. САКАЛО.
Три дня 184
Младший командир А. МОРГУНОВ.
Из дневника командира противотанкового орудия . . . 188
Красноармеец И. МОЛЧАНОВ.
Экипаж Михаила Рыбкина 192
Полковой комиссар Г. СЛЕСАРЕВ
Политотдел в дни обороны 196
К. СИМОНОВ.
Походная халхин-гольская 206
Красноармеец Д. РУСАЕВ.
Рассказ о политруке 208
Герой Советского Союза капитан В. КОПЦОВ.
Восемь часов в осажденном танке 213
Пулеметчик Г. ДОЛЯ.
Как мы били японцев 218
Герой Советского Союза капитан М. ЛУКИН.
Рейд по тылам японцев 226
Политрук Г. КАБАНЬКОВ.
Как мы готовились к атакам 229
Младший политрук А. КРАЙКИН.
Странички из дневника 234
Политрук В. КУЛАГИН.
Политработа ночью 241

Стр.

Красноармеец В. САВЕЛЬЕВ.
Ни один японец не ушел живым 245
Л. СЛАВИН.
Связисты 248
К. СИМОНОВ.
Срочный пакет 257
З. ХИРЕН.
Рядовой боец 260
Н. КРУЖКОВ.
Секретарь партбюро 265
Техник-интендант 1 ранга А. ТРОИЦКИЙ.
Комсомолец Павел Зазуля 270
Старший политрук М. ГРЕБЕНИН.
Среди раненых 274
Красноармеец Н. ФОМИН.
Смерть, но не плен! 278
К. СИМОНОВ.
Записная книжка 280
Старший политрук И. ПЕРЕВАЛОВ.
Делегатское собрание 282
Вл. СТАВСКИЙ.
Командир батареи 286
Красноармеец А. ВЕРБОЛОВ.
Водитель автомашины 290
Красноармеец К. КОЗЛОВ.
Как мы захватили пленного 294
Старший политрук Л. НИКИТИН.
Заместитель политрука Ульянов 296
Младший командир В. ХАНОВ.
Прямой наводкой по врагу 301
Старший механик-водитель С. БАКЛАНОВ.
Моя десятая атака 305
Командир танка И. КВАЧЕВ.
Отважная пятерка 310
Младший политрук П. ТРОЯНОВСКИЙ.
Вера Вадовская 317
Младший политрук А. ГОЛИКОВ.
Как мы захватили диверсионную группу 322
Полковой комиссар Р. БАБИЙЧУК.
Политотдел танковой бригады в бою 324
Батальонный комиссар А. ПОМОГАЙЛО.
Парткомиссия в боевой обстановке 333

Стр.

Военврач 3 ранга В. КОМИССАРОВ.
Заметки врача полевого госпиталя 343

К. СИМОНОВ.
Рассказ врача 353

Вл. СТАВСКИЙ.
Василий Сычов 356

Зам. политрука А. КЛИНКОВ.
Боевые эпизоды 363

Старшина П. НОВИКОВ.
У центральной переправы 366

Связист А. ТЕРСКИХ.
Под огнем неприятеля 370

Младший командир И. ЯКУШИН.
Артиллерийская подготовка 372

Герой Советского Союза старший лейтенант В. СКОБАРИХИН.
Воздушные бои 377

Вл. СТАВСКИЙ.
Герой из героев 386

Летчик-истребитель И. ОВЧИННИКОВ.
В воздух, на врага! 398

Б. ЛАПИН, Л. СЛАВИН и З. ХАЦРЕВИН.
Сергей Грицевец 403

Лейтенант Г. ЛОГИНОВ.
В засаде 411

М. РОЗЕНФЕЛЬД.
Разведчики 413

Лейтенант И. ГЕЙБО.
Сквозь вражеские цепи 419

Старший лейтенант И. АРХИПОВ.
Моя первая бомбардировка 423

Вл. СТАВСКИЙ.
Герой Советского Союза В. Калачев 426

Старший лейтенант А. МОРКОВКИН.
Немеркнущее пламя 432

Стрелок-радист В. ШИШЛИН.
Сражение в воздухе 436

Старший лейтенант А. ЦЕСАРЕНКО.
На ночном бомбардировщике 438

Старший лейтенант В. КОЗЛОВ.
Как мы зажгли японский аэростат 442

Политрук М. ЗАСЛАВСКИЙ.
Клуб на фронте 444